Юрий Нестеренко

ВСЕ ЭТО НЕ ФАНТАСТИКА

В сборник вошли все нефантастические рассказы и повести, написанные с начала 1990-х по 2021.

© Юрий Нестеренко, 2021

Say "Cheese"!

Лору разбудило солнце.

Еще, наверное, минуту она лежала, ощущая на лице его теплое нежное прикосновение, не открывая глаз и блаженно улыбаясь. Если солнце светит в окна спальни, значит, уже не меньше двух пополудни... Затем все же разомкнула веки и тут же снова зажмурилась, встретившись взглядом с дневным светилом: выходит, утром, повалившись на кровать, она даже не задернула шторы... Лора сладко потянулась, затем уютным кошачьим движением повернулась набок и посмотрела на часы, стоявшие на прикроватном столике. 2:47. Чудесно, просто чудесно!

Рядом с часами молча лежал мобильный телефон.

Лора неприязненно взяла телефон в руку, ткнула кнопку, пробуждая к жизни экранчик. Теоретически существовала вероятность, что она спала так крепко, что не услышала звонка. Хотя, конечно, *он* бы так просто не угомонился. Звонил бы и звонил, после первых гудков уже забыв о первоначальной цели и наливаясь желанием устроить разнос, выяснить, где она шляется и почему так долго не берет трубку...

Пропущенных звонков не было. Ни от него, ни от кого-либо еще. Какое это все-таки блаженство, когда тебе никто не звонит... Впрочем, если не звонит он, рано или поздно позвонят другие. И даже, пожалуй, странно, что этого все еще не произошло. Почти три часа. Нет, ошибки быть не может. Даже если что-то задержало его в пути, он бы непременно дал о себе знать. В чем-в чем, а в этом он всегда был пунктуален. Так что, по всей вероятности...

Лора упруго спрыгнула с кровати. Остатков сна не было уже ни в одном глазу; она чувствовала себя великолепно – так, как и должен себя чувствовать молодой, здоровый, отлично выспавшийся человек теплым и солнечным утром. Ну то есть, конечно, с астрономической точки зрения уже давно день, но какое ей дело до астрономии? Для нее сейчас утро. Утро чудесного дня... и чудесной новой жизни.

Пошлый штамп, да. Но о штампах пусть болит голова у Маргарет, ее редактора.

Лора поспешно умылась, чуть ли не вприпрыжку подошла к холодильнику, открыла дверцу, налила себе полный стакан апельсинового сока. В хирургически-белых недрах агрегата еще покоились на тарелке среди крошек остатки пирога. Лора с усмешкой покосилась на них; плотно есть ей сейчас не хотелось, тем более – это. Она ограничилась тем, что поджарила себе тост и с удовольствием запила горячий хрустящий хлебец холодным соком. Затем, весело напевая, переоделась в купальник и, дополнив наряд одними лишь коротенькими шортиками (не столько ради приличия, сколько ради кармашка с ключами), выскочила на заднее крыльцо – то, что выходило прямо на пляж. Спустилась вниз, с удовольствием шлепая босыми подошвами по гладким, нагретым солнцем деревянным ступенькам, и побежала к океану.

Мобильник так и остался лежать на столике. Пусть хоть обзвонится.

Несмотря на отличную погоду, пляж был пуст – как, впрочем, и всегда. Одним из главных достоинств своего дома Лора считала его уединенное расположение на пустынном побережье, где не бывает толп отдыхающих. Изредка, впрочем, любители дикого отдыха все же добирались сюда на своих внедорожниках, но такое обычно бывало по выходным; в будние же дни, как сейчас, из всех двуногих на берегу можно было встретить разве что чаек и альбатросов. К югу, правда, жил старый мистер Стивенс, но до его дома было почти полмили; на севере стояло еще одно бунгало, но оно уже два года пустовало. А дальше песчаная полоска пляжа сходила на нет и начинались скалы, отвесно уходящие прямо в море.

За все, конечно, приходится платить, и за жизнь на отшибе тоже. Даже поездка за продуктами в ближайший городок Еллоурок отнимает сорок минут, а уж когда дела требуют выбраться в большой город... С другой стороны, Лора хорошо помнила жизнь в этом самом большом городе, где из-за пробок нередко теряешь еще больше времени, а бегать можно в

лучшем случае по асфальтовой дорожке, зажатой между шоссе и гранитным парапетом, дыша выхлопными газами и пОтом других любителей легкой атлетики...

Она легко пересекла полосу рыхлого сухого песка и побежала вдоль линии прибоя. Здесь песок под ногами был плотным и твердым, одно удовольствие для бегуна. Лора бежала быстро, но без напряжения; ее дыхание оставалось ровным и размеренным, морской ветерок приятно овевал кожу. Впереди поперек пляжа рядами белела на песке большая стая чаек; они казались общиной, проводящей собрание. Лора не хотела им мешать, но обогнуть такую крупную стаю, не потревожив, не было никакой возможности. При приближении человека они все разом поднялись в воздух и, описав полукруг над морем, снова зашли на посадку у Лоры за спиной.

Справа проплыло необитаемое бунгало; Лора в который раз подумала, что этот заброшенный дом на пустынном берегу так и просится в декорации для триллера. У нее уже были кое-какие наметки сюжета, но в последнее время как-то не доходили руки как следует все обдумать ("гм, корявый оборот, думают-то не руками. Маргарет на меня нет...") Да и, по правде говоря, не было желания. Над по-настоящему мрачными сюжетами хорошо работается, когда в твоей реальной жизни все благополучно. А когда... Ну ничего, вот, наверное, теперь...

Пустой дом остался позади; до скал было уже рукой подать. Лора перешла на шаг и сразу ощутила волну жара, приливающего к коже изнутри. Она сделала еще несколько глубоких вздохов, немного постояла, глядя на искрящуюся солнечным золотом морскую синеву, а затем сбросила шорты на песок и побежала в воду.

Высоко вскидывая ноги и поднимая тучи брызг, она забежала почти по пояс, затем нырнула, проплыла несколько ярдов под водой, и снова выскочила на поверхность, гребя энергичными саженками прочь от берега. Вода была довольно-таки прохладной, но после ее забега под жарким солнцем это было как раз то, что надо. Лора знала, что еще несколько гребков – и ощущение холода уйдет, сменившись чувством бодрящей свежести. Так оно, разумеется, и вышло. Она постепенно снизила темп, а затем и вовсе лениво перевернулась на спину и замерла, покачиваясь на едва заметных волнах и глядя в зенит. Холодно уже совершенно не было; Лора наслаждалась ощущением единства с морской стихией. Затем так и поплыла на спине обратно к берегу, ритмично взмахивая обеими руками, пока при очередном гребке пальцы не коснулись песчаного дна. Тогда Лора вытянула руки вдоль тела и, слегка шевеля ногами, позволила легким волнам вынести себя на берег. Немного полежала прямо в полосе прибоя, чувствуя, как морская пена прокатывается по ногам и на обратном пути вытягивает мокрый песок из-под пяток. Затем, вновь чувствуя необходимость согреться, вскочила, отбежала прочь от воды и блаженно растянулась на горячем песке, погрузив в него длинные пальцы. Лежала, отдыхая, обсыхая и согреваясь, смотрела в безупречно-ясную небесную синеву, чуть прищурясь, чтобы не слепило солнце, и думала: как хорошо. Как же мне хорошо...

Наконец поднялась, отряхнулась от песка, отыскала брошенные шорты и, теперь уже без всякой спешки, побрела по пляжу обратно в сторону дома. Ее дома. Ее и только ее.

У крыльца ее уже ждали.

Человек, выбравшийся из машины при ее приближении, словно сошел со страниц ее собственного романа. Основательно за пятьдесят, в костюме, несмотря на жаркий день (впрочем, явно не новом, и галстук повязан небрежно), редкие седеющие волосы, обычно прикрытые шляпой (но сейчас, как заметила Лора, он оставил шляпу на сиденье машины), устало-понимающее выражение лица с набрякшими векам, вялыми щеками и брюзгливо опущенными уголками губ. Но черные глаза казались намного моложе этого лица и "умели в нужный момент взглянуть на собеседника так, что тот чувствовал себя простреленным навылет" – да, именно так она в свое время и написала... На миг ей стало даже жутко, настолько точно этот человек соответствовал жившему в ее воображении образу.

– Миссис Лора Клифф? – вопросительная интонация была явной условностью, он,

разумеется, знал, куда и к кому едет. – Лейтенант Меррит, – он продемонстрировал ей значок. – Мы с вами однажды встречались, вы, возможно, помните?

Да, теперь Лора вспомнила. Никакой мистики, конечно, не было – перед ней был не материализовавшейся герой ее книг, а как раз наоборот – его живой прототип. Некогда Лора, вместе с еще несколькими набиравшими популярность писателями детективного жанра, побывала на встрече с сотрудниками полицейского департамента, где стражи порядка рассказывали детективщикам о своей работе – кому-то там в их отделе по связям с общественностью пришло в голову, что такое мероприятие будет полезным. Был там и Меррит, и Лора не то чтобы сознательно запомнила его, чтобы вывести в книге впоследствии, но образ отложился в памяти и, очевидно, всплыл сам собой, когда ей потребовалось описать немолодого мудрого полицейского, выводящего преступников на чистую воду без всяких погонь и стрельбы, исключительно благодаря своей проницательности, опыту и знанию человеческой натуры.

– Да, лейтенант, – кивнула она. – Простите, не узнала вас сразу. У меня вообще плохая память на лица. Не то, что у вас, конечно? Запоминаете с одного раза и на всю жизнь? – она продолжала улыбаться, демонстрируя, что появление полицейского на пороге ее дома ее ничуть не беспокоит. О чем беспокоиться законопослушной гражданке? Возможно, он хочет пригласить ее на еще какое-нибудь PR-мероприятие. Или даже, слегка смущаясь, попросить автограф для какой-нибудь своей племянницы, которая "ваша горячая поклонница".

– Я знаю вас не только по той встрече. Имя Лоры Клифф достаточно известно, – он словно бы подтверждал ее невысказанные предположения. – Я даже читал пару ваших книг, – здесь должен был последовать комплимент или, на худой конец, какое-нибудь критическое замечание профессионала, однако вместо этого Меррит произнес: – Но я, к сожалению, прибыл не для разговоров о литературе. У меня для вас плохие новости, миссис Клифф. Сегодня утром машина вашего мужа на пустынном участке горной дороги пробила ограждение и рухнула с обрыва. К сожалению, он не выжил, – тон этих фраз был подобающим, но, произнося их, Меррит как бы невзначай взглянул ей в глаза – тем самым стреляющим взглядом. – Примите мои соболезнования, – добавил он все с той же вежливо-скорбной интонацией, положенной в таких случаях.

– Вот как, – пробормотала Лора и замолчала. Так растеряна, что не знает, что сказать...

– Машину внизу заметили только через несколько часов, – продолжал лейтенант. – Еще какое-то время ушло, чтобы до нее добраться... Но, в любом случае, его бы не спасли, даже подоспей помощь мгновенно. При таком-то падении... У меня еще нет окончательного заключения судмедэксперта, но, судя по всему, он умер сразу.

– Ради бога, лейтенант, избавьте меня от медицинских подробностей!

– Я только хотел сказать, что он не мучился.

– Да. Спасибо.

– Не за что тут благодарить, миссис Клифф...

– Ну... спасибо за участие, я имела в виду. Вы даже приехали лично в такую даль, не поручили кому-то из подчиненных просто известить меня по телефону... хотя, я ведь не взяла с собой мобильник... мне уже звонили, да?

– Вы правы, мэм, – медленно произнес Меррит. – Обычно лейтенант полиции не ездит лично, чтобы известить родственников жертвы дорожной аварии. Но дело в том, что у меня есть сомнения, действительно ли это была авария.

– Что вы имеете в виду? – Лора вскинула на него удивленный взгляд.

– Пока точно не знаю. Как я сказал, эксперты еще не закончили свою работу. Не только патологоанатом – обломки машины сейчас тоже тщательно обследуют, и тот участок дороги, где... Впрочем, – оборвал он себя, – вы ведь хорошо разбираетесь в специфике нашей работы. А, стало быть, понимаете, что сомневаться во всем – это тоже ее часть... Видите ли, этот горный

серпантин действительно опасен, и подобные несчастья там периодически случаются. Но мистер Клифф был опытным водителем. И, насколько я понимаю, ездил по этой дороге сотни раз. Погода сегодня с утра была хорошей. Ни дождя, ни тумана. Так что же произошло? Возможно, техническая неисправность. Скажем, утечка тормозной жидкости... – он словно бы неторопливо рассуждал сам с собой, но его взгляд вновь стрельнул в лицо Лоре. – Но тут есть еще одна странность. Перед сбитым ограждением нет тормозного следа, это мы уже проверили. И удар был нанесен в таком месте и под таким углом, что едва ли можно говорить о попытках маневра. Иными словами, мистер Клифф мчался на полной скорости прямо в пропасть, не пытаясь ни свернуть, ни затормозить.

– Вы что же, хотите сказать, что Том покончил самоубийством?!

– Это одна из версий, – невозмутимо подтвердил Меррит. – А как по-вашему, у него были для этого основания?

– Это что, уже допрос?

– Пока только неформальный интерес, миссис Клифф. Я, конечно, понимаю, что, если версия самоубийства подтвердится, вы не получите страховку...

– Том не страховал свою жизнь, – покачала головой Лора. – Мне кажется, он собирался жить вечно.

– Вы не очень-то ладили в последнее время, не так ли?

– С чего вы взяли?

– Ну взять хотя бы вашу последнюю реплику. Как-то не ждешь подобной иронии от женщины, только что узнавшей о смерти любимого.

– Просто нам доводилось... спорить на эту тему. Я ему говорила, что это безответственно... Послушайте, лейтенант, я, быть может, и в самом деле реагирую неадекватно. Вы должны понимать, ЧТО на меня сейчас свалилось. Мне нужно какое-то время, чтобы прийти в себя...

– Конечно, конечно. Прошу простить мою полицейскую бесцеремонность. Но... могу я попросить вас никуда не уезжать в ближайшее время? Ваши показания могут понадобиться.

– Да какие теперь разъезды! Похороны и все такое.

– Вот и хорошо. Ох, простите, опять я ляпнул что-то не то. До свидания, миссис Клифф.

Лора посмотрела, как отъехала его машина. Затем вошла в дом.

"Спорили", да. Если это так называется... "Надеешься, что я сдохну раньше тебя, да, дорогая?" И эта его жуткая улыбка – которую можно было бы счесть веселой и даже добродушной, если бы не глаза. Даже не злые... пустые. Скучающие. Глаза человека, столкнувшегося с досадной помехой – не стоящей, впрочем, особого внимания и подлежащей простому и быстрому устранению.

Такие глаза были у него перед тем, как он ударил ее в первый раз.

Меррит вновь заявился на следующий день.

– Вы могли бы позвонить, – сказала Лора, открыв дверь, но не спеша впустить его в дом.

– Вы знаете, не люблю общаться по телефону, – признался лейтенант. – Понятно, что в наше время и с моей профессией без этого никуда, но разве это разговор – когда не видишь лица собеседника?

– Угу. Вы следите, куда смещаются его глаза при ответах – влево или вправо, и определяете, врет он или говорит правду.

– Вас не проведешь, миссис Клифф, – он, кажется, собирался рассмеяться, но поспешно вновь напустил на себя приличествующий случаю вид. – Так или иначе, заехал сообщить вам, что экспертиза закончена. Тело находится в окружном морге, и его можно забрать для похорон.

– Я распоряжусь об этом. Уже подобрала похоронное бюро.

– Вас интересуют выводы экспертов?

– Они установили причину аварии?

– Скорее, наоборот – установили, что не может ею быть... Может, мы все же не будем беседовать через порог?

– Хорошо. Проходите в гостиную. Вот сюда. Предложила бы вам выпить, но вы на службе...

– Да еще и за рулем, – кивнул Меррит и поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. – Так вот. В момент, когда машина вылетела с трассы, ваш муж был жив и здоров. Так что версии вроде, к примеру, внезапного сердечного приступа исключаются. Или, тем более, попутчика, который убил водителя и направил машину в пропасть, а сам выпрыгнул на ходу... Алкоголя, наркотиков и прочей дряни в крови не обнаружено. Перед смертью он был в сознании – это медики определяют уверенно, позвольте мне не останавливаться на подробностях...

– Да знаю я эти подробности, – дернула углом рта Лора. – Если перед смертью человек наделал в штаны, значит, сознавал, что происходит. Используется не только в криминалистике, но и, скажем, при расследовании авиакатастроф...

– Гхм... ну, в общем, да. Теперь что касается автомобиля. После такого падения, конечно, трудно утверждать с уверенностью, но, похоже, вплоть до первого удара, об ограждение, машина была полностью исправна. И уж во всяком случае не найдено признаков саботажа...

– Саботажа?

– Ну да. Подпиленные тяги, просверленные шланги и все такое прочее.

– Лейтенант! – Лора вложила в это слово все свое возмущение. – Вы что, подозреваете в подобном *меня*?

– Ну, почему обязательно вас – хотя, с теоретической точки зрения, квалификации у вас бы хватило, в одной из ваших книг подобное описано вполне грамотно... Но если у мистера Клиффа были враги, машину могли испортить и где-нибудь в другом месте, где он, к примеру, надолго останавливался... Так были?

– Какой смысл в этом вопросе, если машину никто не портил?

– Ну, знаете ли, на всякий случай...

– Не было у него никаких врагов. Если не считать критиков и более успешных художников. Но это он их ненавидел, а не они его.

– Что возвращает нас к версии самоубийства. Ваш муж был художником, и, как вы сами признаете, не слишком успешным...

– Нет.

– Что – нет?

– Он не был художником. Он был графоманом от живописи. Обе его выставки, организованные, между прочим, на мои деньги, с треском провалились, и неудивительно.

– Не ожидал, что вы скажете это так прямо.

– А к чему лукавить, тем более теперь?

– То есть вы открыто говорили ему, как относитесь к его работам?

– Ну... во всяком случае, восторгов не выражала, – пробормотала Лора. – Но если вы клоните к тому, что нечуткая жена довела мужа до самоубийства своей критикой, то... это просто смешно. Надо было знать Тома. Он был совершенно убежден в своей гениальности, и разубедить его не могли даже куда более компетентные в этой теме люди, чем я.

– Все же непохоже, чтобы у вас был идеальный брак, – покачал головой Меррит.

– Допустим, не был. И что? Вы уже убедились, что я не ломала ему тормоза и не стреляла из снайперской винтовки по шинам...

– Кстати, в доме есть оружие?

– Нет. Я хотела купить – все-таки живем вдали от всех, мало ли что – но он был против.

– Почему?

Лора пожала плечами. "Потому что бог создал людей сильными и слабыми, а полковник

Кольт уравнял их между собой. А Том очень не хотел этого уравнивания..."

– Считал это слишком опасным, – сказала она вслух. – Какое это имеет отношение к делу?

– Вы часто ссорились в последнее время?

– Нет, – ответила Лора, и это была правда. Ссора – это когда два человека кричат друг на друга. Может быть, даже кидаются друг в друга тарелками. А она в последнее время боялась его раздражать. Действительно боялась.

– Хорошо. Вы можете описать, как прошел ваш последний день?

– Мне кажется, лейтенант, для продолжения этого разговора мне надо пригласить своего адвоката.

– Миссис Клифф, ну зачем так официально? К чему и мне, и вам эти лишние хлопоты? Я понимаю, когда на соблюдении формальностей настаивает преступник. Но мы-то с вами просто хотим установить истину, не так ли? Может быть, ваш брак и дал трещину, и вы не очень скорбите по поводу смерти мужа... но неужели вам неинтересно, что именно там произошло, хотя бы как знаменитому автору детективов?

Лора пожала плечами:

– Да в общем, день был как день. Я работала над корректурой своей последней книги, он... должно быть, рисовал свой очередной шедевр. Можете полюбоваться, до сих пор стоит в его мастерской...

– Спасибо, взгляну попозже. Хотя я не специалист по современному искусству...

– Ну, мнение специалистов вы уже знаете... Потом поужинали. Потом он смотрел спорт по телевизору, а я прогулялась по пляжу, затем немного почитала. Потом легли спать.

– Во сколько?

– Не помню точно. Что-то около полуночи.

– Вместе?

– Что вы имеете в виду?

– Вы занимались сексом?

– Ну, знаете!

– Вы же понимаете, я спрашиваю не из обывательского любопытства. Судебный медик утверждает, что не слишком задолго до гибели у вашего мужа был секс, и, судя по характерным следам, достаточно бурный. Если это было не с вами...

– Хорошо, хорошо. Со мной. И что? Мы, вообще-то, были мужем и женой.

– Но вы сами признали, что ваш брак переживал не лучшие времена. И вдруг такая страсть...

– Возможно, это была попытка поправить положение.

– И от кого исходила инициатива подобного... примирения?

– Сама не понимаю, почему я отвечаю вам на такие вопросы. Ну, допустим, от меня. Довольны?

– Миссис Клифф, я еще раз прошу у вас прощения за бесцеремонность. И благодарю за честные ответы. Но вы ведь сами не раз описывали в своих книгах, как самые мелкие подробности в рассказе свидетеля могут оказаться ключом к разгадке... Вы можете сказать, во сколько вы заснули?

– Я не смотрела на часы.

– А когда встали?

– Я или он?

– И вы, и он.

– Я поставила себе будильник на семь утра. Том собирался с утра в город, а я еще должна была приготовить ему завтрак.

– Должны? Это было вашей обязанностью?

– Ну... когда Том никуда не спешил, он мог и сам сделать себе пару бутербродов. Но если он торопился...

– Кстати, когда он сообщил вам о своей поездке?

– Накануне.

– В какое точно время?

– Не помню. Возможно, за ужином. Какое это имеет значение?

– А он сказал, зачем именно едет?

– По делам. Я старалась не лезть в его дела без необходимости.

– И у вас даже нет предположений?

Лора пожала плечами.

– Но вас не удивило это его намерение?

– В последнее время он часто ездил в город.

– Как по-вашему, не мог ли он завести какие-нибудь, ну, подозрительные знакомства? Может, были странные звонки, когда звонивший давал отбой, если трубку брали вы?

– В нашем доме нет стационарного телефона. У каждого свой мобильник.

– В самом деле, отстаю от современных реалий... – покачал головой Меррит. – Ну а, может быть, он бывал озабочен или испуган, но не говорил, в чем дело?

– Не думаю, что он кого-то боялся. И уж тогда бы он точно купил оружие, верно?

– Да, в самом деле. Я и забыл, что говорю с автором детективов, – улыбнулся Меррит. – Ну а если бы, допустим, мистер Клифф ввязался в какую-нибудь авантюру и влез в крупные долги... что бы, по-вашему, он сделал?

– Попросил бы денег у меня. Вряд ли стал бы сигать с обрыва.

– И вы бы дали?

– А куда бы я делась, – хмыкнула Лора. – В любом случае, вы можете проверить состояние его счетов. Были ли крупные списания в последнее время.

– Мы это уже сделали. Нет, не было. А вы, миссис Клифф – вы позволите сделать вам комплимент? – жаль, что вы только пишете о сыщиках, а не работаете у нас.

– Это гораздо лучше оплачивается.

– Да, да. Так вот, к теме денег. Позвольте сказать мне это прямо – ваш муж фактически жил за ваш счет, не так ли? Популярная писательница и художник, не продавший ни одной картины...

– Некоторое количество он продал. Большинство, правда – в начале своей карьеры... хотя вряд ли это можно назвать картинами... Знаете, как мы познакомились? Он рисовал шаржи на набережной. Предложил нарисовать и мой. Не то чтобы мне нужен был шарж, но у меня в тот день было хорошее настроение и не хотелось обижать такого симпатичного парня, к тому же смотревшего на меня чуть ли не с мольбой.

– И вам понравился шарж?

– Нет. Я, впрочем, все равно собиралась заплатить, раз уж он старался. Но он, должно быть, понял по моему лицу, что я не удовлетворена. И сказал, что не возьмет с меня денег. Что он сам видит, что получилось не очень, но хочет загладить свою вину и приглашает меня поужинать...

– И вы согласились. Чтобы не обижать симпатичного парня.

– И чтобы не портить чудесный майский день... Хотите сказать, это было глупо?

– Вам виднее. Но позже он, как я понимаю, от ваших денег уже не отказывался.

– Поначалу он еще пытался вносить вклад в семейный бюджет. Тем более, год спустя я потеряла работу. От нечего делать начала писать детективную историю... и это меня так увлекло, что я забросила попытки найти новое место. Роман был готов за три месяца, и первый же агент, к которому я обратилась, ухватился за него. Книга продалась на удивление хорошо, издатель подписал со мной договор на следующую и выплатил аванс... Вот тут Том и решил,

что хватит ему зарабатывать гроши дурацкими шаржами, и пора посвятить себя чистому искусству...

– Вы его не отговаривали?

– Я не обольщалась относительно его перспектив. Но я с самого начала знала, что вышла не за Рафаэля. А моих гонораров и впрямь с лихвой хватало на нас обоих.

– Но постепенно симпатичный парень становился все менее симпатичным.

– Вряд ли бывает совместная жизнь без разочарований, – пожала плечами Лора.

– Ладно. Вернемся к утру вчерашнего дня. Во сколько он уехал?

– Что-то около девяти.

– Да, это согласуется с предполагаемым временем аварии... Значит, приготовленный вами завтрак состоял не из обычных бутербродов? Раз его пришлось готовить так долго.

– Я сделала пирог.

– В продолжение линии ночного примирения, я правильно понимаю?

– В общем, да.

– Какой именно пирог?

– Сырный.

– Кстати, у вас случайно не осталось кусочка? Вряд ли мистер Клифф съел целый пирог за один присест.

– Мы ели его вместе. А позже я доела то, что осталось.

– Тогда, может быть, поделитесь рецептом?

– Вы увлекаетесь кулинарией?

– Я – нет, но моя жена – да.

– Тогда этот рецепт ей наверняка известен. Это не какой-то старинный бабушкин секрет, я взяла его из интернета.

– И все-таки?

– Записывайте: фунт сыра, полфунта шоколада, три яйца, унция стрихнина...

– Что? – поперхнулся Меррит.

– Ну, вы ведь пытаетесь выяснить именно это? Не подсыпала ли я в пирог какую-нибудь отраву? Хотя экспертиза и не показала ничего подобного. Не говоря о том, что я тоже его ела. И кстати, миссис Меррит не возражает, что вы не носите кольцо?

– Подловили, – добродушно усмехнулся лейтенант. – Я действительно старый холостяк. А насчет экспертизы... тут, знаете ли, не все так однозначно. Бывают всякие аллергии и прочие индивидуальные непереносимости... вы могли даже не знать об этом! Какая-нибудь экзотическая пищевая добавка...

– Во-первых, анафилактический шок развивается быстрее, во-вторых, дает картину, вполне обнаружимую при аутопсии. И никаких экзотических добавок не было, я готовила этот пирог уже не раз. Хотя последний тезис, конечно, не могу подтвердить доказательствами. Но я и не обязана, не так ли? Доказательства должны искать вы.

– Да, да, – поднял руки Меррит. – Вот что значит иметь дело с профессионалом. Но еще раз повторяю, миссис Клифф – я не пытаюсь вас в чем-то обвинить! Просто пытаюсь выяснить, что же произошло там, на дороге. И почему оно произошло. Итак, мы с вами установили, что несмотря на серьезные трудности, которые переживал ваш брак, буквально накануне трагедии вами была предпринята – и вашим мужем не отвергнута – попытка нового сближения. Каких-то неразрешимых финансовых проблем у него тоже не было. Равно как и проблем со здоровьем. В своих творческих возможностях он, несмотря на все негативные отзывы, не сомневался... Как по-вашему, могли быть у него еще какие-то причины желать свести счеты с жизнью?

– Едва ли, – покачала головой Лора. – Не думаю, что это могло быть самоубийство. Не такой он был человек. К тому же самоубийцы оставляют записки. Не всегда, правда. Но уж если бы Том кого-то винил в своей смерти – он бы постарался сделать все, чтобы об этом узнал весь

мир.

– Вы правы, миссис Клифф. Вряд ли это могло быть самоубийство. Не только из-за записки. Видите ли, он был пристегнут. Согласитесь, для человека, желающего покончить с собой, тем более таким способом, подобная забота о своей безопасности выглядит странно.

– То есть вы с самого начала знали, что это не суицид, и морочили мне голову? – возмутилась Лора.

– Ну, вдруг бы вы сообщили мне что-то, чего я не знаю... Но вынужден в очередной раз извиниться за свои маленькие полицейские хитрости. В очередной раз вы правы, а я нет. Может, у вас есть хоть какая-то гипотеза, что именно там случилось?

– Не знаю, – покачала головой Лора. – Ну, разве что... звонок на мобильный телефон, который отвлек его от управления? Хотя, конечно же, вы уже проверили протоколы его сотового оператора.

– Да. Вчера он не получал и не делал никаких звонков.

– Тогда у меня нет версий. Ну, не летающую же тарелку он там увидел.

– Кстати, о звонках, миссис Клифф. Мы посмотрели протоколы и за предыдущие дни... он довольно часто звонил на ваш номер. Очевидно, как раз в те дни, когда бывал в отъезде. Но вчера вы не получили от него звонка. Вас это не насторожило?

– Ну, днем я прилегла вздремнуть...

– Но, когда мы встретились вчера, вы уже не спали. И, тем не менее, вас не волновало, что от мужа, с которым вы только накануне решили улучшить отношения, нет вестей. Вы не пытались позвонить ему, раз уж он не звонил вам...

– Не звонит – значит, не хочет или некогда. Зачем я буду навязываться? Он же не на войну поехал. Мне и в голову не могло прийти, что...

– Да, конечно. Хотя я как-то привык, что женщины при первой же неопределенности начинают подозревать плохое... но, естественно, женщины женщинам рознь. Ну ладно, а теперь мне все же хотелось бы взглянуть на последнюю картину, над которой работал ваш муж.

– Идемте.

Войдя в мастерскую, Меррит огляделся по сторонам, затем некоторое время стоял перед мольбертом, изучая мешанину оранжево-сиреневых пятен.

– Как это называлось? – спросил он наконец.

– Не знаю, – пожала плечами Лора.

– М-да... не думаю, что во всем этом есть какой-то глубокий смысл. В особенности проливающий свет на случившееся. Ну что ж, миссис Клифф, еще раз извините за беспокойство...

Похороны Томаса Клиффа прошли скромно. У покойного оказалось не слишком много желающих проводить его в последний путь. Прилетел его кузен из Айдахо, приехала старая тетка, при жизни, кажется, и не вспоминавшая о существовании племянника. Пришло еще несколько человек, большинство из которых Лора видела впервые – кажется, это были какие-то приятели, которых Том никогда не приглашал домой. У одного из них был вид законченного алкоголика, и, похоже, перед церемонией он тоже успел приложиться к бутылке. Со стороны своих родных и друзей Лора не приглашала никого.

Она стоически выдержала весь этот бессмысленный фарс, стоя в черном платье рядом с закрытым гробом и односложно отвечая на шаблонные слова соболезнований. Лора никогда не была высокого мнения о своих актерских талантах, но, кажется, ей удалось соблюсти все приличия и сохранить подобающую постную мину до конца ритуала. Впрочем... пока гроб оставался на поверхности, в глубине ее души еще жил иррациональный страх, что все еще не кончилось. И лишь когда по лакированной крышке застучали комья земли, а в особенности когда на месте свежевырытой ямы вырос маленький холмик, она окончательно поверила, что

свободна.

В юности она не могла понять, как могут умные и успешные женщины – не какие-нибудь убогие домохозяйки – терпеть мужей-тиранов. Не могла, пока сама не оказалась в такой ситуации. Конечно, если бы она знала заранее, чем окажется этот "симпатичный парень"... Но сущность Тома раскрывалась постепенно, и, когда у нее не осталось уже никаких иллюзий, было слишком поздно.

Когда он ударил ее в первый раз, она в запальчивости крикнула: "Если ты еще когда-нибудь посмеешь сделать это...!"

"То что? – осведомился он, глядя на нее все с той же улыбкой. – Пойдешь в полицию? И что ты им продемонстрируешь? Я ведь не такой дурак, чтобы оставлять следы. Есть много способов сделать сучке больно и без этого. Меня научил один мой друг, он служил в армейском спецназе..."

(Теперь, глядя на пришедших на похороны приятелей Тома, Лора с содроганием пыталась определить, есть ли среди них тот самый спецназовец. Вроде ни один из них не выглядел тупой гориллой... как, впрочем, и сам Том, не так ли? Культурная семья – художник и писательница, прямо-таки идеальный союз людей искусства...)

"Или, может быть, ты хочешь развестись? – продолжал Том. – Окей, думаю, мне будет не очень сложно отсудить у тебя этот дом, который тебе так нравится. И не только его..."

О да. Обычно считается, что в имущественном плане развод крайне выгоден женщине и невыгоден мужчине. Но в их семье все было наоборот. Единственным источником доходов – и весьма приличных доходов – были гонорары за ее книги. Но формально это было совместно нажитое в браке имущество, и хороший адвокат, конечно, не оставил бы Тома внакладе. Она потеряла бы гораздо больше, чем те деньги, которые приходилось тратить на прихоти Томаса сейчас...

Все кончено, напомнила себе Лора, подходя к машине. Теперь – все – наконец – кончено. Никого из пришедших на похороны уже не было рядом, и, берясь за ручку дверцы, она наконец позволила себе торжествующе улыбнуться.

Да, Томми, ты все-таки сдох первым. И ты успел понять это. Успел, пока летел с обрыва и гадил под себя...

– Миссис Клифф?

Она резко обернулась. Прямо у нее за спиной стоял Меррит, словно соткавшийся из воздуха пустой кладбищенской аллеи.

– Если вы пришли на похороны, то опоздали, – неприязненно произнесла она.

– Нет, я пришел вовремя и наблюдал всю церемонию, – возразил полицейский. – Просто я стоял так, что вы меня не видели. Кладбища, знаете ли, довольно удобны в этом отношении – все эти высокие надгробья... Зато я хорошо видел вас. И выражение вашего лица, – он достал из кармана и продемонстрировал ей бинокль. – Итак, вас можно поздравить?

– Что вы несете?

– Бросьте, миссис Клифф. То, что вы ни капли не скорбите по мужу, я понял сразу же, когда сообщил вам о его гибели. Впрочем, вы ведь и не особо старались это скрывать? Вы хорошая писательница, но неважная актриса. И, будучи при этом еще и умной женщиной, понимаете это – а потому не стали и пытаться разыгрывать безутешное горе...

– И что дальше?

– Дальше вы вообще вели себя по-умному. Не хватались за версии, которые я вам подбрасывал, понимая, что они проверяемы. Вообще старались рассказывать мне как можно больше правды. Как там поучала Джесика своего компаньона в вашем романе? "Врать надо как можно ближе к правде. Во-первых, так получается достовернее, во-вторых, меньше риск запутаться..."

– Лейтенант, я не намерена выслушивать ваши оскорбления! – она вновь взялась за

ручку.

– Помилуйте, я только сказал, что вы умны, и процитировал вашу книгу...

Лора распахнула дверцу.

– Когда вы узнали, что у вашего мужа есть любовница?

Она вновь обернулась к нему.

– Нам не так уж трудно было ее найти, вы ж понимаете, – неторопливо продолжал Меррит. – Простая проверка номеров из памяти его мобильного телефона. Ни за что не поверю, что вы не догадались сделать то же самое. Или что вообще ничего не заподозрили, особенно когда эти его поездки в город стали такими частыми... Женщина ведь вообще всегда замечает такие вещи, кроме случаев, когда она или редкостно глупа, или предпочитает обманывать себя – а про вас такого не скажешь...

– Ну хорошо, – вздохнула Лора. – Раз уж вам так непременно нужно влезть в мою личную жизнь – да, я знала. Только номер в мобильном тут ничего не давал. Я знала, что они знакомы – он представил мне ее как не то агента, не то куратора, вроде как она должна была организовать ему новую выставку... кажется, они и впрямь познакомились на этой почве... Я даже удивляюсь, что она так быстро призналась вам, а не стала держаться официальной версии...

– Большинство людей, узнав, что речь идет о подозрении в убийстве, предпочитают на всякий случай не врать полиции.

– Каком еще убийстве?!

– Так как именно вы узнали? – Меррит проигнорировал ее возмущенное восклицание.

– Небольшая провокация, вполне в вашем духе, – усмехнулась Лора. – Как и большинство неверных супругов, Томас был ревнив. Людям вообще свойственно судить о других по собственным недостаткам... Он не раз устраивал мне сцены, хотя я никогда не давала ему повода. И я знала, что он периодически сует нос в мою электронную почту. Я не ставила пароль – это вызвало бы новый скандал, как так, мне есть, что скрывать от него... Но я этим воспользовалась. Зарегистрировала новый ящик на одном из бесплатных сервисов на имя некоего maestro1975 и послала с него себе письмо через веб-интерфейс. Из письма следовало, что кто-то из художественной тусовки, узнавший о похождениях Тома, желает открыть мне глаза. Вскоре на адрес моего "маэстро" пришло гневное письмо от Тома, предлагавшего "разобраться по-мужски". Так подозрение превратилось в уверенность. Я ему ничего не сказала, он мне тоже. Наверное, счел, что я не поверила анонимному доносу.

– И то, что произошло у вас с мужем в последний день, вовсе не было возвращением прежней страсти.

– Ну да, я симулировала. И что? Это не преступление. Признаться, хотела, чтобы он выложился со мной, и у него не осталось сил на ту... Сама не понимаю, зачем я вам все это рассказываю!

– Затем, что не это было вашим главным мотивом, мэм. Я не буду задавать глупый вопрос, почему вы не развелись с мужем, который, судя по всему, и раньше с вами скверно обращался – не удивлюсь, если доходило даже до рукоприкладства... Финансовые и имущественные последствия развода были для вас очевидны, и вы предпочитали терпеть. Но теперь возникла реальная угроза, что на развод подаст он. Для него это было больше, чем просто интрижка, не так ли? Вы бы, конечно, не умерли в нищете – но сама мысль, что они будут обустраивать гнездышко на ваши деньги, возможно – в вашем доме...

– Знаете, вы сказали – жаль, что я не работаю в полиции. Возвращаю вам комплимент: жаль, что вы не пишете романы. А теперь, если вы закончили ваши экскурсы в психологию, я все-таки поеду. И для следующей беседы со мной вам придется выполнить все официальное формальности. Хотя ума не приложу, на каком основании...

– Вы ведь по образованию биохимик, не так ли? И даже работали по специальности.

– И что? Я уже говорила вам – мою вакансию сократили. И я даже не очень расстроилась – к тому времени я уже поняла, что наука – это не мое.

– Смотрите, как интересно: муж и жена проводят день под одной крышей, но практически не общаются друг с другом. Жена даже не интересуется, чем именно занят муж, и лишь предполагает, что – своей картиной. К тому же она знает, что на следующей день он поедет к любовнице, чтобы провести с той весь день... Знаете, миссис Клифф, кое в чем вы все же сказали мне неправду. Вы узнали об этой поездке не за ужином, а раньше. Иначе вы бы просто не успели съездить в Еллоурок за продуктами. Вам ведь нужны были ингредиенты для пирога. Об этой поездке вы тоже не упомянули...

– Господи, ну какая разница! В чем еще вы намерены меня обвинить – в том, что я утаила от вас факт мытья посуды?

– Я побывал в Еллоуроке и нашел магазинчик, где вы обычно закупаетесь. Сами понимаете – в таком маленьком местечке это нетрудно. Как я и предполагал, он закрывается рано, и были вы там в середине дня. Хозяйка хорошо вас знает и помнит, что именно вы купили...

– В таком случае, вы не хуже меня знаете, что это были ингредиенты для пирога.

– О да. Голландский сыр, молочный шоколад, мука, яйца... хотя нет, яиц не было – очевидно, достаточный запас имелся у вас дома...

– Ну и?

– Почему именно голландский сыр, миссис Клифф?

– А почему нет?

– Раньше вы покупали другие сорта.

– Всякая хозяйка время от времени экспериментирует с кулинарными рецептами, – пожала плечами Лора. – Я по-прежнему не понимаю, что вам от меня надо.

– А я думаю, что понимаете. И именно поэтому продолжаете разговор, несмотря на постоянные обещания его закончить. Дело в том, что сыр, а в особенности – голландский сыр, содержит рекордное по сравнению с другими пищевыми продуктами количество триптофана. Каковой, в свою очередь, является прекурсором серотонина, а опосредовано через него – мелатонина. Это нейротрансмиттеры расслабляющего действия, а мелатонин к тому же еще и регулятор циркадного ритма. Причем эффект триптофана особенно усиливается в сочетании с кальцием, белками и углеводами. Узнаете рецепт своего пирога? Итак, что же произошло? Женщина, знающая, что наутро ее мужу предстоит поездка по небезопасной горной дороге, устраивает ему бурную ночь, не давая как следует выспаться. Попутно еще и вызывая немалый расход калорий, который откликнется утренним аппетитом. А потом скармливает ему обильный завтрак, содержащий ударную дозу веществ, вызывающих *сонливость*. В нашей прошлой беседе вы договорились даже до летающих тарелок, но упорно избегали самого простого и очевидного объяснения того, что произошло на дороге. Мистер Клифф просто-напросто заснул за рулем. При ударе об ограждение он, конечно, проснулся, но было поздно... Это случилось около десяти утра, то есть примерно через час после того, как он закончил свой последний завтрак. Как раз столько времени нужно, чтобы триптофан оказал свое действие, – Меррит замолчал и уставился на Лору все тем же пронзающим насквозь взглядом.

– Вы закончили? – невозмутимо осведомилась женщина. – Было интересно. А теперь я, с вашего позволения, все-таки поеду.

Она села в машину, захлопнула дверь и вставила ключ в зажигание. Меррит остался стоять напротив дверцы. Зафырчал мотор. Лора положила правую руку на руль и опустила левое стекло.

– Знаете, почему вы мне это рассказали – здесь, сейчас, в неофициальной обстановке? – она повернулась к окну, глядя на полицейского. – Потому что вам жаль впустую проделанной работы. Вы не хуже меня знаете, что никогда не сможете предъявить мне обвинение.

Заниматься сексом с собственным мужем – не преступление. Подать ему на завтрак пирог, приготовленный из высококачественных, полезных – или, как минимум, не вредных – для здоровья продуктов – тем более. А все прочее – ваши недоказуемые домыслы. Счастливо оставаться, лейтенант, – она подняла стекло и тронула машину с места.

Дела наследства потребовали от Лоры визита в город. Как она и предполагала, Томас не оставил завещания, да и завещать ему было особенно нечего; не считая небольших сумм на банковских счетах, некогда от нее же и полученных, Лора стала счастливой обладательницей лишь нескольких десятков полотен с никому не нужной мазней, которые собиралась выбросить на помойку. Но, как это обычно бывает, известие о смерти художника подняло цену его работ; нет, нельзя сказать, что его вчерашние хулители теперь дружно рвали на себе волосы, но все-таки откуда-то выискался сумасшедший коллекционер, выразивший желание скупить все творческое наследие мистера Клиффа. Предложенная им цена была, опять-таки, отнюдь не запредельной, но как раз примерно соответствовала выплате по стандартному договору страхования жизни.

И вот теперь, поставив все подписи, Лора вышла из нотариальной конторы. Стоял чудесный летний день, солнечный и в то же время не жаркий; даже здесь, среди бетона и асфальта большого города, чувствовалось освежающее дыхание океана. Лоре захотелось пройтись. Оставив припаркованную у тротуара машину, она зашагала по бульвару в сторону моря.

Десять минут спустя она вышла на набережную. А ведь это, кажется, то самое место, где она некогда познакомилась с Томом... Или нет? Эти улицы, выходящие к океану, так похожи... Так или иначе, сейчас здесь никто не рисовал шаржи. Вместо этого уличный фотограф – маленький, чернявый, с мексиканскими усиками – заманивал желающих (в основном, конечно, туристов) сняться на фоне панорамы залива. Образцы снимков были приколоты к раскладному стенду рядом.

А почему бы и нет, подумала Лора. Ее несчастья начались с карикатуры. Отметим же начало счастливой жизни качественной фотографией!

– Встаньте сюда, мисс. Подбородок чуть-чуть повыше... Нет, не беспокойтесь за свою прическу – ветер очень живописно треплет ваши волосы! Теперь скажите "Сы-ыр"... Ох, мисс! Я просто хотел, чтобы вы улыбнулись! Я не думал, что вы будете так хохотать!

2010

Абстиненция

Больше всего на свете Питер Джордж Вейнард любил читать.

Собственно, в его жизни было два устойчивых больших чувства: любовь к книгам и нелюбовь к людям. Первое было сильнее, зато второе проявилось раньше. Еще до того, как маленький Питер научился не просто складывать буквы в слова, но и погружаться целиком в описываемый этими словами мир, он уже смущал своих родителей, наотрез отказываясь ехать в одном лифте с соседями по дому. Разумеется, в условиях большого города подобное недоверие ребенка к чужим можно только приветствовать; однако Питером двигала вовсе не осторожность, а именно неприязнь к этим большим, скучным и, как тогда уже начал подозревать мальчик, чрезвычайно глупым существам. Он не ждал от них ничего хорошего; даже если они угощали его конфетой (разумеется, с согласия миссис Вейнард), то лишь затем, чтобы услышать в ответ его "спасибо", точно он был дрессированной собачкой (они обожали собачек и прочих безответных тварей; вообще удивительно, до чего сходно люди относятся к детям и домашним животным – в любом парке каждый вечер можно услышать "Иди к мамочке!", адресованное какой-нибудь болонке). То, что они сами были глупыми, составляло еще полбеды: хуже, что они и его, Питера, считали глупым и вели себя с ним соответствующе, задавали глупые вопросы и учили его глупым правилам, лишенным всякой целесообразности. Питер не знал еще слова "целесообразность", но прекрасно понимал, что нет никакого смысла разговаривать, если тебе нечего сказать; отвечать на вопрос, заданный без всякого интереса; здороваться с теми, до кого тебе нет никакого дела и кому нет дела до тебя. От них, этих скучных существ с их бесконечными разговорами, в которых они обсуждали друг с другом очередной телесериал или перемывали косточки себе подобным, исходили все запреты и ограничения: из-за них нельзя было бегать по квартире, громко кричать, ложиться спать и вставать тогда, когда хочется, а не когда они велят; из-за них надо драть волосы расческой и вообще "выглядеть прилично", чтобы им было приятно на тебя посмотреть, в то время как их совершенно не заботит, приятно ли тебе смотреть на них. Они ерошили Питеру волосы и целовали его, а бедный мальчик лишь украдкой морщился, не решаясь сказать, как ему противно.

Таково было отношение юного Вейнарда к взрослым; однако когда он пошел в школу, то понял, что дети гораздо хуже. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: ведь это были их дети. Визгливые, глупые, жестокие. Питер рано понял, в чем состоит основное отличие ребенка от взрослого: если взрослый хоть как-то прячет темные стороны своей натуры под пленкой пусть лицемерных, но все же общепринятых правил, то жестокость детей не сдерживается и не ограничивается ничем. Питер учился лучше всех в классе и к тому же не отличался физической силой: нетрудно догадаться, что он стал желанной мишенью детской стаи. Мысль о том, что эти скудоумные троечники, эти ничтожества, считающие, что часами гонять мяч – это интереснее, чем читать, дразнят его, Питера, была настолько нестерпимой, что он мгновенно выходил из себя, к великой радости малолетних садистов. Впрочем, сам Вейнард тоже не был паинькой: он не только с интересом отрывал насекомым лапки и крылышки, наблюдая за их агонией, но и регулярно принимал участие в травле своих одноклассников, как только стая избирала себе новую жертву. Его оружием были не кулаки, а интеллект: чрезвычайно обидные насмешки, дразнилки в стихах, карикатуры, которые он рисовал с большим умением. Не раз Питер с удовольствием наблюдал, как очередной его враг ревет в голос, размазывая сопли и слезы по красному лицу; однако нередко объектами его издевательств становились и те, кто никогда не причинял ему зла. Но даже и тогда Питер не чувствовал себя частью стаи – она была лишь его орудием, позволяющим оттачивать остроумие. Постепенно он все более противопоставлял себя стае, толпе, коллективу, обществу; он старался все более дистанцироваться от них, минимизировать, по мере возможности, свое общение с Чужими. Задолго до того, как он

впервые прочел Сартра, Вейнард пришел к тому же выводу, что и теоретик экзистенциализма: ад – это Другие.

И совсем иной мир открывался ему в книгах. Нельзя сказать, чтобы мир этот был добрым и прекрасным (в общепринятом значении последнего термина) – нет, там тоже были жестокость и насилие, глупость и борьба – Питер любил остросюжетные книги. Но там, во-первых, не было этой унылой тоскливой скуки, пронизывавшей все существование молодого Вейнарда; и если положительные герои и выглядели несколько бесцветно, то уж злодеи наделены были изобретательным умом и особым мрачным очарованием, ничуть не походя на этого жирного ублюдка Тома Виллиса или тупую скотину Боба Хэнка. Во-вторых, этот мир был абсолютно безопасен для читателя; герои могли сколько угодно преследовать и убивать друг друга, в то время как Питер Вейнард наблюдал за ними, с комфортом лежа на диване с пакетом хрустящего картофеля. Конечно, нельзя сказать, что Питер замкнулся на одних только книгах – как и все дети цивилизованного мира, он воздавал должное и телевизору, и электронным играм. Однако все это было не то, дешевка, жвачка для людей без воображения: тем, кто не может представить себе таинственных джунглей, затянутых гнилым предутренним туманом, в глубине которого таится Нечто, приходится демонстрировать все это на экране. Однако даже самые дорогие декорации, самый старательно изготовленный в голливудской студии монстр не могут вызвать той сладкой дрожи, того леденящего холода в животе, какие возникают от слов "нечто, таящееся в глубине тумана", прочитанных поздним вечером в полутемной комнате. Реальность, как ее ни приукрашивай, всегда гораздо тусклее и скучнее воображения; Питер рано усвоил эту истину.

В этот мир книг, мир, принадлежавший только ему, он уходил каждый вечер; но было еще утро, отвратительное, тошнотворное утро с его необходимостью вставать, и был день, который приходилось проводить в школе. Так как учеба давалась Питеру легко, учиться ему было скучно, и скука эта все более развивала его природную лень. На фоне этой скуки даже общение с одноклассниками казалось порой не столь неприятным. Со временем Вейнард понял, что они вовсе не ненавидят его – они попросту не имеют понятия о чувстве собственного достоинства и не считают свои дразнилки и приставания серьезной обидой. Их зависть, их жестокость были мелочны, как они сами. С удивлением Питер убедился, что некоторые из них считают его своим другом. К этому времени он уже научился скрывать свои чувства ради собственных интересов и поддерживал их в этом заблуждении, в душе презирая и ненавидя их. Вскоре у него появился еще один повод для презрения. Приятели, обучившие Питера неприличным ругательствам и непристойным песенкам, объяснили юному Вейнарду – до той поры совершенно не интересовавшемуся этим вопросом – кое-какие тонкости, связанные с появлением детей и предшествующим тому действиям. Это вызвало любопытство Питера, как и всякая новая информация, и он вновь обратился к книгам. Достав через тех же приятелей пособие по гигиене половой жизни, мальчик внимательно изучил его. Это событие имело два последствия. Во-первых, любопытство его было удовлетворено, и он утратил всякий интерес к предмету. Второе последствие было более важным. Если раньше Питер полагал, что отвратительная процедура, в которой главную роль играют выделительные органы, проводится в сугубо утилитарных целях воспроизводства вида и, соответственно, не чаще, чем рождаются дети, то теперь он узнал, что среднестатистический человек занимается этим всю жизнь чуть ли не каждый день. Ужасу и возмущению Вейнарда не было предела; его мнение о людях, и без того не слишком высокое, упало стремительней, чем ненадежные акции в день биржевого краха, остановившись где-то в глубокой бездне отрицательных величин. Впоследствии, впрочем, природа сделала робкую попытку взять свое: в старших классах Питер стал рассеянно поглядывать на девочек и даже сходил в кино с двумя из них, показавшимися ему наиболее умными. Этим, однако, все и ограничилось: Вейнард окончательно убедился, что все это – пустая потеря времени, не приносящая никакого удовольствия, и ни одна женщина не стоит не только хорошей книги, но даже дешевой брошюрки. Из книг он к тому же знал, что женщины

прямо или косвенно повинны если и не во всех бедах, то, во всяком случае, в большей их части: слишком много зла совершается из-за них. Размышляя на эту тему, Питер все больше убеждался в своей правоте и глупости обычных людей, придя, в конце концов, от рассеянного интереса к искреннему непониманию, как это к женщинам можно испытывать что-либо, кроме отвращения. Натыкаясь в книгах на любовные сцены, он досадливо морщился и мысленно ругал автора за уступки вкусам толпы.

Поступление в университет вначале как будто изменило жизнь Питера к лучшему: окружающие больше не вызывали у него неприятных воспоминаний о детстве, да и новые знания казались увлекательными. Вскоре, однако, он почувствовал, что коллектив – везде коллектив, и студенты с их спортом, девочками и шумными вечеринками, с их вульгарностью, жвачками и запахом пива немногим достойнее его прежних школьных товарищей. Доказательство же теорем и взятие сложных интегралов оказалось занятием куда менее интересным, чем следование хитросплетениям лихо закрученного сюжета. Не следует думать, будто Питер читал одни боевики: перипетии психологической дамы занимали его никак не меньше, чем детективная или фантастическая интрига. Что касается триллеров, то он предпочитал лучшие образцы, избегая третьесортных дешевок; но иногда приходилось довольствоваться и дешевками. Дело в том, что финансовые возможности Вейнарда не позволяли покупать книги с той скоростью, с какой он их прочитывал или, точнее сказать, проглатывал; пользоваться же библиотеками он не любил – трудно сказать, почему, скорее всего из-за неприязни ко всему общественному. Поэтому Питер часто одалживал книги у нескольких студентов, которые, как и он, любили почитать, хотя и не в такой степени, как Вейнард. Это продолжалось довольно долго, и со временем Питер стал воспринимать это как своеобразный налог, взимаемый им с нелюбимого человечества. "Хоть какая-то польза от них", – думал он, открывая в блаженном предвкушении очередную книгу и, по старой детской привычке, обнюхивая первые страницы. Время от времени, впрочем, у этого снабжавшего Вейнарда конвейера случались перебои, и тогда Питер чувствовал себя отвратительно. Ему ничего не хотелось делать, он не знал, куда себя деть, и взрывался от любой мелочи. В такие минуты Вейнард называл себя – сначала в шутку, а потом со все большей серьезностью – книжным наркоманом, страдающим от абстиненции.

Окончив университет одним из лучших на курсе, Питер мог бы сделать блестящую карьеру и, действительно, получил несколько заманчивых предложений. Однако все они были связаны с напряженной работой, а Вейнарда это никак не устраивало. Последние годы он учился с отвращением – лишь чувство собственного превосходства над окружающими не давало ему скатиться – и мысль о каких-то дальнейших усилиях казалась ему ужасной. В конце концов Питер устроился в какую-то находящуюся на последнем издыхании контору, где получал мизерное жалование за почти полное безделье. Это никоим образом не травмировало его гордость: он знал, что способен на большее, если захочет – однако он не хотел. Пусть эти серые посредственности выбиваются из сил в погоне за своими фетишами – женщинами, престижем, славой, властью... Ему, Вейнарду, не нужна такая чепуха. Единственное, что его беспокоило – возможность окончательного закрытия конторы. Он не имел ничего против жизни на пособие, если бы это не означало переезд в другую, более дешевую квартиру, то есть перемены и хлопоты, которые он ненавидел. Существовал и более грозный источник опасности: поскольку старых знакомых Вейнард растерял, а новых не завел, утоление его вечной страсти оказалось под угрозой. Пока его снабжал последний из университетских товарищей, Эндрю Смит, который учился хуже отличника Питера, но благодаря своему упорству уже занимал неплохую должность в одной из солидных корпораций; коллеги не без зависти говорили, что этот парень далеко пойдет. Бизнес, однако, не помешал ему обзавестись женой, страстной любительницей Воннегута и Стивена Кинга; собственно, благодаря ей Смит и оставался для Вейнарда золотой жилой, ибо сам Эндрю к тому времени читал уже только спортивные колонки в газетах и

деловые бумаги. Впрочем, и у молодой миссис Смит существовали занятия помимо чтения, поэтому новые книги отнюдь не всегда освобождались так быстро, как хотелось бы Питеру.

Как-то раз, в очередной раз обнаружив, что ему совершенно нечего читать, Вейнард позвонил Смиту и узнал, что у того только что появился последний бестселлер Дина Кунца, дорогое издание в твердой обложке.

– Джейн сейчас читает, – объяснил Смит.

– Ну, ясно. Как прочитает, позвони мне. А то я уже начинаю с вожделением поглядывать на Хемингуэя – ты знаешь, я его терпеть не могу.

– О'кей, позвоню, – рассмеялся Эндрю.

Через четыре дня Вейнард не выдержал.

– Алло, Эндрю. Кунц еще не освободился?

– Пока нет. Я же обещал тебе позвонить.

– Кто знает, вдруг ты забыл. У меня же абстиненция. Твоя жена знает, что это такое?

– Надеюсь, что нет. Но я расскажу ей о твоих страданиях.

– Ладно, пока.

Прошло еще три дня, и Вейнард позвонил снова. Кунц был все еще занят.

– Но прошла уже неделя! – возмущенно воскликнул Питер.

– Послушай, надеюсь, ты не против того, чтобы владелец книги читал ее столько, сколько ему нужно? – в голосе Смита впервые отчетливо звучало раздражение.

– Я не против. Но за неделю ведь можно прочитать три таких книги.

– За неделю, между прочим, можно заработать не только на книгу, но и на целый книжный шкаф! Извини, Питер. Я не хотел тебя обидеть.

– А твоя жена сейчас дома?

– Нет, у них вечеринка выпускников. Будет только к утру.

– Что ж, ладно, – сказал Вейнард со странной интонацией и повесил трубку. Смит отошел от телефона, все еще борясь с раздражением. "Этот парень как будто уверен, что все ему всё должны", – подумал он, доставая из кейса папку с последними отчетами.

Прошло, вероятно, чуть больше часа, когда Смита оторвал от работы требовательный звонок в дверь. На пороге стоял Вейнард с сумкой на плече.

– Видишь ли, Эндрю, я подумал, что твоя жена, наверное, читает Кунца не каждый день, а значит, ты можешь на пару дней дать его мне.

– Питер, это, наконец, смешно! Ты бы еще среди ночи заявился ко мне со своим Кунцем!

– То-то и оно, что он не мой. Так где он у тебя?

– Слушай, ты рехнулся! Мы что, заключили контракт? Я что, обязался снабжать тебя книгами и платить неустойку за задержку? А может... – неожиданная идея посетила Смита, – может, ты пьян?

– Я, как тебе известно, не пью и не курю. И плевать хотел на секс, престиж и прочие идеалы вашего расчудесного общества. А поскольку я не гоняюсь за всей этой чушью, у меня было немало времени для размышлений. И, в частности, я пришел к выводу, что человека, который причинил тебе крупное зло, иногда можно простить: ведь у него были на то веские причины. Но тот, кто отказывает тебе в малости, в пустяке, который ему ничего не стоит, прощения не заслуживает. Таких людей надо уничтожать, – с этими словами Вейнард извлек из сумки пистолет 38 калибра и с улыбкой наставил его на обалдевшего Смита.

– Сюрприз! Это не шутка. Он заряжен. Где Кунц?

– Т-там, – Смит указал рукой на дверь в соседнюю комнату.

– Иди вперед. И без глупостей.

Смит еще раз перевел взгляд с пистолета на лицо Вейнарда и стал покорно отступать к двери.

– Не дергайся. Я заберу книгу и уйду. И никакой полиции. Они все равно тебе не

поверят. Они думают, что абстиненция бывает только от героина.

Подойдя к двери, Смит еще раз взглянул на Вейнарда и вдруг прыгнул вперед, пытаясь захлопнуть дверь перед носом противника. В то же мгновение громыхнул выстрел. Смит упал лицом вниз на середину комнаты. Вейнард не спеша подошел к его голове.

– Я же предупреждал – без глупостей, – сказал он и выстрелил снова, на этот раз точно в затылок. "Контрольный выстрел" – так это называлось в боевиках. Однако где же то, зачем он пришел? Вейнард не спеша огляделся. Что, если Смит соврал, и книги здесь нет? Нет, вот она! Кунц лежал на журнальном столике. Вейнард положил в сумку пистолет и взял книгу в руки, любуясь игрой света на глянцевой обложке. Так, теперь уходить. Кажется, несколько капель крови попали на брюки, но на улице уже темно, никто не заметит. Конечно, его будут допрашивать, как знакомого жертвы... но никто не сможет повесить на него убийство: с точки зрения заурядных людей, у него не было никакого мотива. Пистолет надо спрятать вне дома, брюки выстирать... Вейнард еще раз осмотрелся, проверяя, не оставил ли он каких-нибудь следов. Все нормально. Он уже повернулся, чтобы уходить, но желание хотя бы открыть свой трофей прямо сейчас было слишком сильным. Он перевернул титульный лист и прочитал первые строки. Некоторое время он читал стоя, затем присел на краешек кресла...

Когда полчаса спустя прибыла полиция, вызванная слышавшим выстрелы соседом, она обнаружила странную картину. Дверь квартиры была не заперта. В комнате справа от прихожей на полу лежало тело хозяина с пятном крови на спине и развороченной выстрелом головой; вокруг виднелись серые брызги мозга. В кресле рядом с трупом, удобно устроившись, сидел человек и читал книгу. На лице его блуждала счастливая улыбка.

Боль и наслаждение

"Протяжный скрип двери вывел Лолу из забытья. Девушка испуганно открыла глаза и инстинктивно рванулась, разглядев вошедшего. Но путы держали крепко. Лола могла лишь беспомощно наблюдать, как приближается ее мучитель.

– Боишься, – констатировал он, останавливаясь в паре футов от распятой жертвы. – Это правильно. Ты должна меня бояться. Но сейчас можешь немного расслабиться. Я не трону тебя, во всяком случае, пока. Я зашел просто поговорить.

– По... поговорить? – прошептала девушка. Она уже убедилась, что находится в лапах маньяка, взывать к которому бесполезно, но тут у нее вновь зажглась надежда. – Пожалуйста, мистер, отпустите меня! Клянусь, я не стану заявлять в полицию. Я никому не...

– Если ты, сука, еще раз откроешь рот без позволения, я его тебе зашью, – ответил похититель спокойным тоном учителя, объясняющего многократно пройденный с предыдущими классами материал. – Так вот. Я хочу рассказать тебе о сущности садизма. Видишь ли, я пересмотрел немало фильмов и перечитал немало книг на эту тему – в том числе и серьезных, а не только дешевых триллеров – и нигде автор даже не приблизился к пониманию явления. В этой области царят крайне примитивные стереотипы, и меня это, по правде говоря, немного раздражает. Я даже хотел написать статью в какой-нибудь психологический журнал, но, боюсь, меня не напечатают. Они ведь публикуют только своих, с докторскими степенями. Может быть, со временем я наведаюсь к кому-нибудь из этих докторов и прочитаю ему лекцию. А чтобы он лучше усвоил, проведу с ним несколько практических семинаров. Вот как сейчас с тобой. Но это потом. Пока что у меня есть ты. Тем более что тебе тоже будет полезно избавиться от некоторых иллюзий.

Итак, наиболее распространенная теория увязывает садизм с некоторой травмой или ущербностью. Человек подвергся в детстве сексуальному насилию, или его порола мать, или дразнили одноклассники, или над ним посмеялась девочка, в которую он был влюблен в старших классах, или он сумел-таки ее уломать, но облажался в постели – и вот теперь он хочет доказать, какой он крутой, своей покойной матери, или мстит всем женщинам, или человечеству в целом. Не буду утверждать, что таких случаев не бывает. Но, видишь ли, они не имеют отношения к настоящему садизму. По сути, в действиях таких людей садизма не больше, чем у боксера на ринге или у полицейского, стреляющего в вооруженного преступника. Это так называемая инструментальная агрессия. Насилие здесь лишь инструмент, а не цель. Если бы такой человек мог добиться своей цели – своей истинной цели, то есть любви, признания, уважения и т.п. – не прибегая к насилию, он бы с радостью без него обошелся. Месть – сугубо рутинная, рациональная процедура, столь же рациональная, как торговая сделка. Простая плата по счетам. Пусть в сознании такого псевдо-садиста все смешалось, и он мстит и доказывает вовсе не тем, кто реально когда-то нанес ему обиду – неважно: ведь с его точки зрения, даже если он не осознает этого, он мстит именно тем.

Итак, это не настоящий садизм. Настоящий садист не мстит и не наказывает. То есть он может это делать, но, опять-таки, в сугубо инструментальных целях, а не удовольствия ради. Все эти садомазохистские сцены в духе "я была плохой девочкой, накажи меня" – сущая чепуха. Нет никакого садизма в том, чтобы наказывать виновного, это, опять-таки, рутинная процедура, не более возбуждающая, чем выгул собаки или уборка квартиры. Настоящему садисту, для которого насилие и страдания жертвы самоценны, не только не нужен формальный повод, но, напротив, такой повод будет только мешать. Жертва должна быть невинной. Чем невиннее, чем лучше. Если угодно, она должна даже вызывать сочувствие. Да, представь себе, в глубине души я сочувствую тебе, и не будь этого, я не смог бы в полной мере насладиться твоими страданиями. Ведь не сочувствовать жертве – значит, считать ее заслуживающей такой участи, то есть виновной, а этот аспект мы уже разобрали. Самое изысканное удовольствие в том, чтобы

вообще наблюдать мучения со стороны. Мучающий сам так или иначе, пусть даже подсознательно, оправдывает собственные действия, а значит, не может считать жертву абсолютно невинной; но наблюдатель избавлен от этого противоречия. Увы, привлекать напарника мне было бы слишком опасно. Ну да ничего, может быть, я теряю самое тонкое наслаждение, но мне хватает и того, которое я получаю.

Тебе, может быть, интересно, какой все-таки в этом смысл. А никакого, в том-то все и дело. Истинный садизм есть наслаждение страданиями жертвы в чистом виде, без всякого рационального или даже иррационального обоснования. Я не пытаюсь что-то доказать, отплатить или самоутвердиться. И дело вовсе не в том, что я не могу иным способом добиться женщины. Могу, просто это не доставит мне удовольствия. Да и вообще, сексуальные мотивы тут далеко не главные. Просто, когда человек садист, это затрагивает все стороны его натуры, в том числе и сексуальную – но не наоборот, и сводить садизм к сексу совершенно не верно. Как видишь, пока что мы с тобой обходились вообще без этого... но, разумеется, я не дам тебе никаких гарантий на будущее. Теперь у тебя нет вообще никаких гарантий. Если ты будешь вести себя плохо, ты будешь наказана, поскольку я не заинтересован, чтобы мне чинили помехи, но если ты будешь вести себя хорошо, ты все равно не сможешь заслужить никаких поблажек. В любую минуту я могу сделать с тобой все, что захочу, и сделаю, как только захочу. Ты должна всегда помнить об этом, – он отошел куда-то в сторону, но Лола, привязанная собственными волосами, не могла повернуть голову. Она лишь слышала, как он звякает какими-то инструментами, и эти звуки наполняли ее ужасом. – Вот, например, сейчас у меня возникло такое желание, – заключил он и вновь появился в поле зрения девушки. Увидев, что он держит в руке, она закричала..."

Кевин Стюарт нажал Ctrl-S, записывая текст, и откинулся на спинку кресла. Можно сделать перерыв перед описанием следующей сцены. Ему бы, конечно, хотелось продолжить эту, но издатель советовал избегать слишком натуралистичных эпизодов, и был, черт побери, прав. Скандальная популярность хороша для начинающих, а признанному мэтру негоже балансировать на грани садомазохистской порнографии. В былые времена сходило и не такое, но в нынешнюю политкорректную эпоху лучше играть по правилам. Стало быть, героиню в конце концов спасут, а маньяка застрелят. Он, кстати, ее так и не изнасилует. Жертва должна оставаться невинной, чем невинней, тем лучше. И спасет ее не бойфренд, как обычно бывает в подобных сюжетах, а женщина-полицейский. Сделаем приятное феминисткам. Хотя, конечно, истинная причина в другом. У Лолы нет бойфренда, потому что жертва должна быть невинна...

Стюарт подозревал, что истинная причина, побуждающая его из книги в книгу выводить образы маньяков и садистов и их беспомощных жертв, является истинной не только для него. Что как минимум половина его читателей – а если говорить о мужчинах, то и больше – чувствуют то же, что и он, и с наибольшим удовольствием прочитали бы именно те страницы, которые он, как правило, вынужден вымарывать еще в голове, даже не перенося на экран компьютера. И сексуальные мотивы тут не главные, как совершенно справедливо отмечал его герой. Садизм, на самом деле, не столь уж иррационален. Он идет из первобытных лесов, где дикие предки современного человека вели беспощадную борьбу за выживание. Со стихией, с хищниками, с себе подобными. Пассивная оборона была проигрышной стратегией. Выживал тот, кто умел нанести упреждающий удар, сломать, подчинить. Унизить, чтобы подчинение было вернее, чтобы вчерашний соперник в критический момент не посмел нанести удар в спину. Феминистки в ту эпоху, если и находились, не оставляли потомства. Самцы-победители предпочитали покорных самок – укрощение строптивых отнимает силы и время, которые можно потратить на борьбу с более серьезными врагами. И уже в те времена моральное подавление было важнее физического. Самый сильный вожак не устоял бы, если бы на него набросилось все стадо...

Стюарт чувствовал в себе кровь этих древних предков, пусть и процеженную через фильтры цивилизации. Любовь к физическому насилию осталась осадком на этих фильтрах; он признавал таковое разве что как средство унизить, а не само по себе. Этим он отличался от злодеев из своих романов, которые нередко находили удовольствие в причинении физической боли как таковой. Никогда не следует давать персонажам слишком много своих черт, особенно если эти персонажи отрицательные...

В то же время, вкладывая в уста персонажа слова о том, что детские травмы здесь ни при чем, Стюарт знал, о чем пишет. В его жизни не было детских травм, равно как и прочих событий, только что перечисленных им в очередной главе. Он был садистом, сколько себя помнил, и не сомневался, что это – врожденное. Осознание этого не внушало ему ни стыда, ни гордости; он не считал себя избранным, имеющим право властвовать над другими, он просто принимал себя, как есть. Он не собирался уподобляться своим героям и нарушать закон, а что до фантазий, роящихся в темных закоулках его мозга, то это его личное дело. Если эти фантазии и вырывались наружу, то исключительно в виде триллеров, на протяжении последних лет неизменно попадавших в верхнюю десятку бестселлеров. Его, разумеется, не раз обвиняли в пропаганде насилия, на что он с неизменной улыбкой отвечал, что в конце каждой его книги порок наказан, а добродетель торжествует – и это была правда, хотя самому ему хотелось других финалов. Некоторые из них даже существовали – в единственном экземпляре на его компьютере. Он скрывал их настолько тщательно, что даже не делал резервных копий. Пропадут – ну что ж, напишет еще что-нибудь.

Теперь, однако, предстояло писать о действиях Коры, той самой женщины-полицейской. Это было не так приятно, как описывать страдания Лолы. Но по опыту он знал, что главное – одолеть несколько первых абзацев, а дальше новая сюжетная линия увлечет его, пусть даже в ней и не будет никаких униженных жертв. В конце концов, он не маньяк, его интересуют не только садистские мотивы...

Он уже занес руки над клавиатурой, как вдруг тишину нарушил мелодичный звук звонка. Стюарт покосился в угол монитора. 10:36 вечера, кого еще несет в такое время? Он и днем-то никого не принимал вот так, с бухты-барахты, без предварительного согласования по телефону...

Стюарт вывел на монитор изображение с видеокамеры охранной системы. У двери стоял мужчина в черном плаще с капюшоном, высокий, худощавый, должно быть, лет сорока, как и сам Стюарт, хотя точно сказать было трудно – лоб и глаза оставались в тени капюшона. Плащ мокро блестел, значит, нудный октябрьский дождь, начавшийся утром, все еще идет (за шторами и двойными рамами Стюарт мог определить это только по картинке с камеры).

Кто бы это мог быть? Стюарт жил уединенно и соседей не жаловал. Из журналистской братии вряд ли кто-то окажется так глуп, чтобы заявляться столь бесцеремонно чуть ли не посреди ночи. Для студента, пишущего работу по его книгам (несколько раз Стюарту доводилось принимать и таких посетителей) парень, пожалуй, староват. "Кто бы он ни был, пусть убирается", – решил автор бестселлеров и попытался вновь сосредоточиться на работе. Значит, Кора сидит за столом и раскладывает пасьянс из газетных вырезок о преступлениях Калифорнийского маньяка...

Но тут неизвестный снова поднял руку и позвонил, на сей раз более протяжно. Стюарт с неудовольствием заметил, что сердце его заколотилось куда быстрее. Может быть, потому, что он как раз писал о маньяке, но в голову полезли разные нехорошие мысли. Сейчас фактически ночь, и он один в загородном доме, стоящем на отшибе. Дом, конечно, оборудован охранной системой, но она служит скорее против воришек, чем против кого-то более серьезного. На окнах первого этажа, выходящих на задний двор, нет решеток, высадить их ничего не стоит... И случись что – никто не хватится его еще очень долго. Разве что издатель, когда не получит рукопись в срок; остальные из периодически досаждающих ему людей будут, конечно, ворчать,

регулярно натыкаясь на автоответчик, но не отважатся беспокоить его лично. У Стюарта никогда не было ни жены, ни любовницы; секс он называл суррогатом мастурбации для людей без воображения. На свое воображение он не жаловался – как-никак, оно принесло ему шесть миллионов долларов. Наверное, нашлось бы немало мазохисток, которые согласились бы воплотить на практике даже самые жестокие из его тайных фантазий – пару раз он даже получал практически открытые предложения от поклонниц, разглядевших его истинную суть за образами книжных маньяков – но добровольное согласие "жертвы" свело бы на нет все удовольствие...

А может быть, у этого типа просто сломалась машина, и он ищет телефон? Эта мысль, однако, не успокаивала. Именно так начинался его роман "Полуночный гость", разве что в доме там был не преуспевающий писатель, а молодая художница... В мистические совпадения Стюарт не верил, но что, если какой-то псих, начитавшись его книг, решил реализовать его собственный сюжет? Кстати, те, кто яростно критиковал его романы за "культ насилия", как раз любили упирать на то, что такое возможно...

Пришелец позвонил снова. Уходить он явно не собирался. Стюарт вспомнил, что в спальне в тумбочке лежит пистолет, но, кажется, коробка с патронами к нему где-то на чердаке...

Он вздохнул и решительно снял трубку переговорного устройства. Сейчас он велит этому типу убираться, и, если тот не послушает, немедленно звонит в полицию.

– Кто вы такой и что вам нужно на ночь глядя? – рявкнул писатель самым недружелюбным тоном.

– ФБР, мистер Стюарт. Агент Брэдли. Прошу прощения, сэр, что потревожил вас в такое время, но дело не терпит отлагательств. Вы позволите мне войти? – говоря все это, гость поднес к объективу камеры свой значок. Похоже, совершенно настоящий. Стюарт знал, как выглядит значок федерального агента; в своих книгах он всегда уделял внимание точности деталей, придающей повествованию достоверность.

– Что случилось? – осведомился он, сбавляя тон.

– Мы разыскиваем серийного убийцу, сэр.

– Надеюсь, вы не думаете, что он скрывается у меня в доме?

– О, разумеется, нет, но вы можете располагать важной информацией по этому делу. Вы знали жертв, и, возможно, убийца также входит в число ваших знакомых. Не исключено, что вы тоже в опасности, поэтому я не стал дожидаться утра.

Жертв? Он сказал жертв, не жертву? Убито сразу несколько знакомых?

– Сэр, будет лучше, если мы продолжим этот разговор в доме, – продолжал настаивать Брэдли.

– Да-да, конечно. Сейчас я спущусь.

Стюарт вышел из кабинета и направился к лестнице, подавив желание завернуть в спальню. Все равно пистолет не заряжен, да и не стоит впадать в паранойю. Если опасность и есть, лучше довериться профессионалу.

Отключив сигнализацию, Стюарт отпер дверь. Брэдли шагнул внутрь и остановился, словно боясь перепачкать пол. Его ботинки и впрямь оставляли грязные лужи, с плаща текло.

– Его последней жертвой стал Питер Бертел, – сообщил агент.

– Но я не знаю никакого... Хотя погодите. В школе я учился с одним Питером Бертелом. Но вы же не хотите сказать...

– Перед этим он убил Энтони Хиллза. До того – Лео Джелена и Алекса Лобстермэна. Все это ваши одноклассники, не так ли?

Стюарт почувствовал, как его живот наполняется колючими ледяными кристалликами. Это были не просто его одноклассники. Это была его компания, они были приятелями на протяжении всей учебы. И он, Стюарт, был заводилой. Тот нечастый случай, когда главным в

подростковой компании становится самый умный, а не самый сильный или богатый – впрочем, совсем уж хлюпиком Кевин не был и постоять за себя мог. Но против того же Лобстермэна в честной драке бы не выстоял – однако Лобстремэн ходил у него в шестерках... После школы они разъехались, кто-то поступил в университет, кто-то устроился работать в автомастерской, кто-то подался в армию – словом, дружба сама собой сошла на нет, и Стюарт не вспоминал этих имен, наверное, лет двадцать. Да и не жалел об этом. Пожалуй, Бертел был единственным, равным ему по интеллекту. Остальные годились разве что для дурацких мальчишеских шалостей да для защиты при конфликтах с другими компаниями...

Теперь никого из них нет. И неизвестный псих подбирается к последнему из компании.

– Вы уверены, что дело именно в этом? – Стюарту очень хотелось найти другое объяснение. – Может, их связывало что-то еще... Совместный бизнес или... (Да какой, к черту, совместный бизнес мог быть у тех же Бертела и Джелена?)

– Нет, сэр. Мы проверили. Они жили в разных концах страны и давно не поддерживали связей между собой. Никаких общих дел, никаких общих знакомых. Кроме друг друга и вас, разумеется.

– Погодите, вы что же, хотите сказать, что подозреваете меня?

– Нет, мистер Стюарт. Конечно, сперва у нас мелькнуло такое подозрение, но у вас железное алиби. Когда убили Хиллза, вы были на презентации вашей книги, раздавали автографы чуть ли не тысяче свидетелей. В день смерти Джелена вы присутствовали на заседании Пенклуба, в тысяче миль к востоку от места преступления...

– Тогда, я полагаю, у вас уже должны быть зацепки? С вашими возможностями не так сложно взять список нашего класса и проверить, у кого нет алиби ни по одному случаю.

– Совершенно верно, мы так и делаем. Хотя проследить путь каждого из ваших одноклассников не так-то просто. Мы живем в свободной стране, не забывайте. К тому же, преступник мог учиться и в другом классе вашей школы. Однако еще до окончания этой проверки нам удалось задержать подозреваемого.

– Удалось? – Стюарт почувствовал безмерное облегчение.

– Да, сегодня вечером. Его взяли, когда он что-то вынюхивал возле вашего дома. Но мы не знаем, кто он. Точнее, у него документы на имя другого человека, не из вашей школы, но это еще ничего не значит. Поэтому я прошу вас проехать со мной, тут недалеко. Возможно, вам удастся его опознать.

– Хмм... Я не уверен... Видите ли, прошло двадцать пять лет, да и у меня не очень хорошая память на лица...

– Я понимаю. Но дело в том, что формально нам нечего ему предъявить. Он не занимался ничем противозаконным, у него не было при себе оружия, и мы обязаны его отпустить, иначе его адвокат съест нас на завтрак. Другое дело, если вы его опознаете... или вам хотя бы покажется, что вы его узнали...

– Ясно, – кивнул Стюарт. – Подождите, я только оденусь.

Три минуты спустя, не забыв поставить дом на сигнализацию, он уже шагал, кутаясь в кожаное пальто, следом за Брэдли по мокрым плиткам садовой дорожки. Автомобиль агента (в темноте Стюарт не разобрал марку) мигнул подфарниками, узнавая хозяина. Брэдли обошел его кругом, забрался на водительское сиденье и открыл дверцу пассажиру. Писатель утонул в удобном мягком кресле. В салоне было темно, лишь янтарно светилась приборная панель.

– Пристегивайтесь, – сказал Брэдли, щелкая своим ремнем. Стюарт потянулся рукой вправо, нащупывая замок, но пальцы скользнули лишь по мягкой обивке. Он недоуменно двинул рукой вниз, вверх, назад, пытаясь понять, где здесь этот чертов ремень, затем, убедившись, что наощупь это не определить, повернул голову вправо.

В тот же момент в шею ему вонзилась игла.

Боль. Боль жгла запястья, раздирала руки, выламывала плечи. Боль не давала соскользнуть обратно в спасительный сумрак небытия. Стон вырвался изо рта, вернув к жизни язык. Красные пятна напомнили о существовании глаз. Стюарт разлепил дрожащие веки, несколько секунд тупо пялился на бетонную, в серых подтеках, стену, затем начал осторожно поворачивать голову.

Это был какой-то подвал. Тусклый свет одинокой лампочки без абажура, у стены – железный шкаф, рядом верстак, на нем – ящик с какими-то инструментами. У другой стены почему-то жаровня, на каких обычно готовят барбекю. Сейчас там рдели угли.

Все это открылось Стюарту с несколько необычного ракурса, поскольку он висел под потолком, не доставая ногами до пола. Но не слишком высоко – подвал вообще был низкий. Попробовав все-таки дотянуться ногами до пола, он понял, что они связаны, а руки... Боже милосердный! Он был подвешен за скованные за спиной запястья, и руки, конечно, уже вывернуло из суставов. Это была самая натуральная дыба, как во времена инквизиции.

Стюарту было не только больно, но и холодно, несмотря на близость тлеющей жаровни, и внезапно он понял, почему. Он висел совершенно голый.

Он снова застонал, сдерживая рвущийся крик. Кричать в голос было страшно, он боялся, что это привлечет того, кто сделал с ним все это.

Но тот и так не заставил себя ждать, появившись откуда-то из-за спины. На нем был все тот же плащ, однако уже высохший – значит, прошло не так уж мало времени.

– Это все ерунда, – проинформировал тот, кто называл себя Брэдли. – Ты еще не отошел от действия наркотика. Вот когда оно закончится полностью, ты узнаешь, что такое настоящая боль. Хотя это тоже будет лишь первой сценой нашего представления.

– Кто ты? – прохрипел Стюарт.

Человек в плаще откинул капюшон и застыл с довольной улыбкой на лице.

– Ну? Ты не узнаешь меня, Стюарт? У тебя и впрямь плохая память на лица. Или, может быть, тебя смущает выражение? Если бы я размазывал по лицу слезы и сопли, ты бы узнал меня сразу?

– Джон Кандлевски...

– Ну наконец-то. Ты, кажется, не рад меня видеть? Что так? Ты даже не хочешь крикнуть: "Ну че, пацаны, сегодня опять доводим Джонни Глисту"? Ах да, кричать-то некому. Все твои пацаны мертвы. И прежде, чем умереть, они долго просили меня, чтобы я их убил. Долго, очень долго. И ты тоже будешь. По крайней мере, до тех пор, пока я не отрежу тебе язык. Твой длинный язык, с которого слетали такие замечательные дразнилки.

Кандлевски... Излюбленная жертва их компании. Да и не только их, хотя именно они всегда выступали заводилами... Длинный, нескладный парень в очках, совсем не умевший драться, но легко приходивший в ярость. Идеальная мишень для издевательств. А он был не дурак, Кандлевски. Уж по крайней мере учился лучше них всех, даже Стюарта с Бертелом, не говоря уж о прочих оболтусах. Хрестоматийный образ отличника-очкарика. Хотя, кажется, в старших классах он уже не носил очков. После восьмого класса он ушел. Перевелся в другую школу. С тех пор о нем не вспоминали. Им уже не нужна была любимая игрушка, их тогда больше занимали девочки...

– Тебе это так не пройдет, – скрипнул зубами Стюарт. – Твой визит ко мне записан...

– Ты имеешь в виду эту запись? – Кандлевски вытащил из кармана плаща кассету, затем бросил ее на жаровню. – Я ценю твою заботу о моей безопасности, но я прекрасно знаю эту охранную систему. И я видел, как ты отключал сигнализацию. Прозрачные двери – не самая умная идея... Впрочем, даже если бы я вдруг и не видел, ты бы сам мне все рассказал. Можешь не сомневаться, рассказал бы. Бертел тоже поначалу хорохорился...

– Все равно. Тебя вычислят. Мы ведь уже обсуждали, как тебя вычислить...

– Ты не учитываешь только одного. Никто не ищет серийного убийцу. ФБР не

занимается этим делом. Никому не приходит в голову связать вместе несколько исчезновений совершенно разных людей, пропавших без вести в разных штатах. Даже не убитых, заметь, просто пропавших без вести. Что в огромном числе случаев означает, что человек просто решил начать новую жизнь на новом месте. Тел не нашли, и не найдут.

– Но уж исчезновением ФБРовца точно занимаются! Это ведь подлинное удостоверение. Ты убил федерального агента, чтобы завладеть им!

Кандлевски весело рассмеялся.

– ФБРовец не умирал и не исчезал, Стюарт. Я действительно Джон Брэдли, агент Федерального бюро расследований. Фамилию я сменил в юности, еще перед поступлением в академию. В настоящее время я в краткосрочном отпуске. Через пару дней, когда мы тут закончим ("господи Иисусе сладчайший, он собирается пытать меня два дня!!!"), я вернусь к своим обязанностям. Как это было уже не раз на протяжении последних восьми лет. А ты думал, я разделался с вами всеми за месяц? Нет, Стюарт, восемь лет! Никому не придет в голову объединить эти случаи.

– Неужели ты пошел в ФБР... только чтобы отомстить нам?

– Да, пошел я туда именно за этим. Но в процессе эта работа увлекла меня и сама по себе. Вот почему вы прожили столько лишних лет – у меня хватало и других дел. Ну и, разумеется, я должен был все подготовить так, чтобы исключить малейшую вероятность прокола. Мне нравится моя работа. Я помогаю этой стране очиститься от ублюдков. В том числе и от таких ублюдков, как вы.

– Послушай, Джон... (о боже, как больно, господи дорогой Иисус, сделай так, чтобы он меня послушал!) Мы ведь, на самом деле, не хотели тебе зла. Мы, ну, просто развлекались. Дурацкие шутки, конечно. Ты не представляешь, как я сожалею...

– Восемь лет, Стюарт. Столько я провел в вашей гребаной школе. Восемь лет страха и ненависти. И теперь ты хочешь сказать "извини, Джонни, мы пошутили?" Нет, Стюарт. К сожалению, у меня нет возможности растянуть твои мучения на восемь лет. Я думал над этим, но это слишком затратно и рискованно. Зато в моей власти сделать так, что твои последние дни покажутся тебе годами.

– Джон, черт побери! Мы же были детьми! Просто глупыми детьми!

– Не пудри мне мозги, Стюарт. Я тоже был ребенком. И я знаю, что на самом деле с возрастом человек не меняется. Меняется внешняя шелуха, но не суть. Я прочел все твои книги. И я знаю, что тебе всегда нравилось мучить других. И нравится до сих пор. Но, как говорят в разных глупых фильмах, в эту игру можно играть вдвоем, – отвернувшись от своего пленника, Джон некоторое время рылся в ящике с инструментами, пока не выбрал нужный. Увидев, что он держит в руке, Стюарт закричал...

2002

Примечание автора. Когда я писал этот рассказ, то, несмотря на использование некоторых реальных прототипов, развязку полагал исключительно плодом собственного воображения. Однако вот какая заметка попалась мне в интернете несколько лет спустя:

"В нашем тихом городке на западе США пару лет назад была шумная история: одноклассники собирались на реюнион (юбилей выпуска). Во время пьянки в баре и лёгкой потасовки один застрелил другого на глазах у всего класса. За что?

Нарисовалась хитрая история. В школе убитый был "булли", т.е любил наезжать на одноклассников по поводу и без повода, пользуясь физическими преимуществами: рост, сила, вес. А тот, кто стрелял, был самым хилым очкариком в классе. После школы вместо Гарварда или Йелля ботаник выбрал полицейскую академию. За 9 лет поднялся до начальника полицейского участка.

Придя на встречу класса, бывший "ботаник" целенаправленно подпоил бывшего обидчика, затем обозвал нехорошим словом – тот полез в драку, размахивая подвернувшимся ножиком. Тут полицейский его и уложил. А что? Имел право. Полицейским разрешено скрытно носить оружие во внерабочее время. Судья убийцу оправдал, как необходимую самооборону. Репортёры попервоначалу раскопали дело, по шагам проследив как всё происходило в баре, и как складывались взаимоотношения в классе. Однако мэр и самый главный полицейский в городе на пресс-конференции заявили что была просто драка, полицейский действовал на разумных пределах. Тем всё и кончилось."

Ветреный день на Западе

Прямая серая лента шоссе перематывалась под колесами "форда" со скоростью 75 миль в час. Горячий южный ветер гнал через дорогу клубы пыли и похожие на скелеты мячей шары перекати-поля; еще утром Питу пришлось поднять левое стекло, и с тех пор ветер только усиливался. Над желто-рыжей пустыней висело сплошное марево. "Если так будет продолжаться и дальше, придется сбросить скорость, – подумал Пит Палмер. – Видимость и так уже ни к черту." Было три часа пополудни. Стало быть, он находился в пути уже 74 часа, и за это время выходил из машины лишь для того, чтобы справить нужду. Ел и спал он прямо в автомобиле.

"Привет, друзья, с вами, как всегда, ваш старина Дэн Дэниэлс, – доносилось из динамика. Это была какая-то местная станция. – Ну и погодка, а? Давненько не припомню такого пекла и духоты. Увы, синоптики наотрез отказываются нас порадовать и говорят, что такая погода простоит еще как минимум пару дней. Бездушный народ эти синоптики. Придется нам спасаться своими силами. В такую погоду хорошо лежать в прохладной ванне и потягивать мартини со льдом. К сожалению, моя студия ванной не оборудована. Скажу вам по секрету, я сижу тут практически в одних трусах. Зато, наверное, я похож на героев песни, которую вы сейчас услышите – это конечно же хит месяца "Мне нравятся горячие парни"!"

"Придурок", – пробормотал Палмер и выключил радио. Шум мотора сливался с шорохом песчинок о стекло.

Фигурку на обочине он заметил не сразу. Не столько даже из-за пыльного марева, сколько потому, что не ожидал увидеть здесь ничего подобного. Последний населенный пункт он миновал два часа назад – если, конечно, можно назвать населенным пунктом бензоколонку с плакатом "Эй, приятель, это твой последний шанс заправиться!" Судя по атласу дорог, следующее жилье было не ближе. Разве что поблизости имеется какое-нибудь ранчо, не обозначенное на карте? Так или иначе, человек был тут и, разумеется, тянул руку с оттопыренным большим пальцем, выражая живейшее желание отсюда уехать.

Еще минуту назад Пит вовсе не помышлял ни о каких попутчиках. Конечно, этому типу, торчащему посреди пустыни в жару, да еще во время пыльной бури, не позавидуешь, но это, в конце концов, его проблемы. Тем не менее, Палмер сбросил скорость, желая рассмотреть автостопщика прежде, чем проскочит мимо.

Это оказалась девушка. Ветер трепал ее выпущенную из джинсов футболку и недлинные светлые волосы. У ног стоял небольшой рюкзачок. На футболке красовался вопрос "ТЫ УВЕРЕН?" Кажется, она не была красавицей. В противном случае Пит бы точно проехал мимо.

"Форд" двигался еще какое-то время, пока нога водителя колебалась между педалями акселератора и тормоза – и, наконец, сделала выбор в пользу последнего. "Да, – сказал Палмер. – Я уверен."

Девушка, еще не веря своей удаче, поспешно подбежала к машине. Она не стала ни о чем спрашивать, а просто открыла дверь и забралась на сиденье справа от Пита.

– Спасибо, – сказала она.

– Куда едем? – осведомился Пит, поворачиваясь и разглядывая ее более внимательно.

– Прямо!

– Значит, нам по пути, – кивнул Палмер, вновь нажимая на газ.

Девушка молчала, и Пит подумал, что это его не устраивает. Молчать он мог и в одиночестве, чем, собственно, он и занимался на протяжении последних 74 часов.

– Странно, что в наше время кто-то еще не боится вот так садиться к незнакомцу, – сказал он. Он слегка лукавил, ибо внешность его попутчицы действительно не делала ее особо желанной жертвой для насильника. Она была невысокого роста – что само по себе могло бы заинтересовать падких на хрупкость и беззащитность маньяков, однако ее комплекция была не

хрупкой, а, напротив, чересчур плотной, с излишком жира на талии – хотя толстой ее назвать все же было нельзя. Этакая кубышка, и к тому же с не очень хорошо развитой для кубышки грудью. Круглое лицо тоже было довольно невзрачным и притом веснушчатым. Однако кто знает, что может взбрести в голову какому-нибудь психопату...

– Вы не похожи на маньяка, мистер, – сказала девушка.

– Можно подумать, ты их видела, – усмехнулся Палмер.

– Только в кино, – призналась она. – Хотя мой дорогой папочка бывает покруче любого маньяка, когда напьется – а трезвым его в последний раз видели за три недели до Рождества. Хорошо, объяснение номер два – я верю в судьбу.

– В нашем чокнутом мире эта вера, наверное, не хуже, чем любая другая, – пожал плечами Палмер. – Можно всю жизнь не садиться в чужие машины, а потом поскользнуться в собственной ванне и убиться насмерть, так ведь?

– Точно.

– Но я все равно не отпустил бы свою дочь путешествовать автостопом. Даже на другой конец города. Сейчас – ни за что. Мой бог, я никогда не был святым. Я потерял девственность в 17 лет, и та девчонка была не старше. Но мы хотя бы вполне искренне считали, что поженимся. Во времена моей юности, если мужчина улыбался чужому ребенку и заговаривал с ним, все вокруг умилялись – посмотрите, как он любит детей! И в абсолютном большинстве случаев так оно и было. А сейчас в такой ситуации ребенка немедленно тащат прочь, так как думают, что этот парень – гребаный педофил. И, черт меня побери, похоже, что теперь уже в большинстве случаев они опять правы!

– А вы любите детей? – спросила девушка.

– Нет, – коротко ответил Пит.

– А как же ваша дочь?

– У меня нет дочери.

Она снова замолчала.

– Как ты здесь оказалась? – спросил Палмер. – Посреди пустыни?

– Парень, который вез меня до этого, высадил меня здесь.

– Он что, приставал к тебе?

– Да нет. Но вообще это был мерзкий тип. Сама не знаю, зачем я к нему села – наверное, слишком уж достало ждать машину на жаре. От него воняло потом, и он курил дешевые сигары. Сначала-то мы ни о чем не говорили – он слушал кантри.

– У него были толстые волосатые пальцы и ковбойская шляпа. А ездит он на потрепанного вида голубом пикапе, – дополнил Пит.

– Вы его видели? – удивилась девушка.

– Просто если ты видел одного такого парня, считай, что видел их всех.

– Ну, в общем, так и было, только пикап был не голубой, а серый. Ну вот, он слушал кантри, и порой даже пытался подпевать. А потом музыка кончилась, и стали передавать новости. Сообщили про дело Дороти Спринглз. Ну которая засадила за изнасилование собственного мужа.

– Я знаю.

– Сегодня суд отклонил апелляцию его адвокатов. Вот тут этого парня и прорвало. Он разразился речью, в которой самыми приличными словами было "недотраханные феминистские суки". А закончил тем, что величайшей глупостью в истории американского народа было предоставление избирательных прав бабам и нигерам. Он, похоже, даже полагал, что это произошло одновременно. Ну и... я ему возразила. По правде, я сделала это гораздо вежливей, чем он того заслуживал, – девушка метнула испуганный взгляд на Палмера, запоздало подумав, что тот может оказаться единомышленником водителя пикапа. Но Палмер никак не выразил своего отношения. – Ну и он остановил машину и сказал, чтоб я выматывалась. Что я вонючая

феминистка и все такое. Я хотела было объяснить ему, кто из нас двоих вонючий, но, по правде, побоялась. Он был сильнее меня раза в три, а вокруг на сотню миль ни души.

– И сколько ж ты здесь простояла?

– Да, наверное, больше часа. Еще немного, и я бы превратилась в сушеную мумию, набитую песком.

– Поэтому со мной ты решила, от греха, помалкивать.

– Точно.

– Все проблемы между людьми возникают от двух причин, – изрек Палмер. – Во-первых, из-за того, что они не говорят друг другу правду. А во-вторых, из-за того, что они ее говорят.

Девушка посмотрела на него с уважением.

– Вы не писатель?

– Нет, я не писатель. И не маньяк. И я не вышвыриваю девушек на дорогу посреди пустыни – во всяком случае, доселе за мной такого не замечали.

– Рада это слышать.

– Кстати, я так и не спросил, как тебя зовут.

– Бетти.

– Дурацкое имя, – вырвалось у Палмера.

– Что? – кажется, она больше удивилась, чем обиделась.

– Извини. Не обращай внимания. Просто у меня свои напряги в последнее время. ("В последние 74 часа", – добавил он мысленно. – Или в последние 50 лет – это как посмотреть".)

– Если хотите, можете звать меня Лиз.

– Честно говоря, "Лиз" нравится мне ничуть не больше, чем "Бетти", – признался он. – Но ты не бери в голову. Это только мои проблемы. Ты не сердишься?

– Все в порядке, мистер.

– Не называй меня "мистер". Зови меня Пит.

– Хорошо... Пит.

– Тебе кажется, что я выдрючиваюсь? – тут же спросил он, уловив неуверенность в ее голосе. – Пытаюсь казаться своим парнем, словно я все еще молодой? Тебе кажется неестественным называть Питом такого старого пердуна?

– Вы вовсе не похожи на старого... эээ...

– Не ври мне, Бетти. Я прекрасно знаю, как смотрят на пятидесятилетних, когда тебе семнадцать.

– Вообще-то мне уже восемнадцать.

– Это принципиально? – усмехнулся Пит.

– Да, – ответила Бетти, думая о своем. – Мне исполнилось 18 на прошлой неделе, и я решила, что с меня хватит. Хватит вечно пьяного папаши, хватит матери, давно превратившейся с таким мужем в бессловесную скотину, хватит братца, все время норовящего ущипнуть меня за задницу и подсмотреть, как я переодеваюсь – короче, хватит всего славного городка Бриксвилл, чтоб ему сгореть в аду. Я разбила свою копилку, собрала рюкзак и вышла на дорогу. К вечеру я была уже в двух сотнях миль от дома, и надеюсь больше не приближаться к нему на меньшее расстояние.

– И куда ты направляешься?

– Не знаю. Может, в Сакраменто, а может, и во Фриско. А может, устроюсь официанткой в какое-нибудь придорожное кафе по эту сторону Скалистых Гор. Главное – подальше от Бриксвилла, а там посмотрим.

– Ты что-нибудь умеешь? Ну, кроме работы по дому.

– Не очень много, – призналась она. – Но я быстро схватываю.

– Хотя бы школу ты окончила?

– Да... и даже с не самыми плохими оценками. Хотя надеюсь, что, когда Бриксвилл будет

гореть в аду, школа займется первой.

– Понимаю, – кивнул Палмер. Ему вдруг показалось, что девушка смотрит на него с надеждой, и он поспешил развеять таковую:

– Я спрашиваю просто так. Не думай, что я хочу предложить тебе работу. Если на то пошло, я и сам сейчас без работы.

– А тачка у вас шикарная, – недоверчиво произнесла Бетти.

– Я безработный всего лишь 74 часа. Теперь уже 74 с половиной.

– Не повезло вам, должно быть, – сочувственно сказала она.

– Мне не повезло, когда я родился.

– Думаю, все же не все так плохо, – осторожно сказала она после паузы.

– В твоем возрасте я тоже так думал. Когда тебе 18, кажется, что 18 будет всегда. Но ты и охнуть не успеешь, как тебе будет 36, а потом 54. Впрочем, умирать начинаешь гораздо раньше. Ты знаешь, что уже после 25 человек теряет 100 тысяч нервных клеток мозга в день? После 40 этот процесс резко ускоряется, а после 50 мозг начинает ощутимо усыхать. Наука, мать ее, против нее не попрешь... Мы слишком долго пытаемся себя обманывать. В 40 лет мы еще пытаемся уверить себя, что продолжаем двигаться вверх, хотя на самом деле давно уже катимся под уклон. А в 50 наконец замечаешь, что не просто катишься, а мчишься вниз так, что ветер в ушах. Держитесь за поручни, леди и джентльмены, следующая остановка – Артрит! Склероз! Рак! Инфаркт! Инсульт! Болезнь Паркинсона! Болезнь Альцгеймера! Ты понимаешь это, Бетти?

– Думаю, что понимаю, – ответила девушка без особой уверенности, – но...

– Ни хрена ты не понимаешь. И вот когда осознаешь, что впереди у тебя – только это, а потом – мрак и пустота, начинаешь оглядываться на свое прошлое, ища хоть какое-то оправдание. Но его нет, Бетти. Ты никогда не задумывалась, что жизнь обычного человека абсолютно ужасна?

– Пожалуй, в Бриксвилле это и впрямь так.

– Да причем тут твой гребаный Бриксвилл... Можно подумать, что в Нью-Йорке, Париже или Венеции дела обстоят по-другому! Человек каждый день ходит на работу, занимаясь там какой-нибудь ерундой вроде рекламы жевательных резинок или продажи кошачьих консервов. Он может делать вид, что это его интересует, или честно признаваться себе, что ненавидит это идиотское занятие – суть от этого не меняется: всю жизнь, начиная, собственно, уже со школы, он старательно работает белкой в колесе, чтобы обеспечить себя деньгами. На что он тратит эти деньги? На жратву, которую через несколько часов спускает в унитаз, на шмотки, основное предназначение которых в том, чтобы показать, сколько денег на них потрачено, на поездки в отпуск, где он будет жариться на пляже, как свинья в духовке, или бегать, как баран в стаде, за экскурсоводом, щелкая достопримечательности, которые до него уже 300 миллионов раз сфотографированы другими такими же баранами. Работа и прочая рутина оставляют человеку лишь несколько часов в день, и как он ими распоряжается? Убивает их на просмотр тупых телешоу или партию в покер. Потом, если есть настроение, трахает жену, если нет – сразу ложится спать. Утром, невыспавшийся и злой, вновь едет на работу. И так изо дня в день. Нередко, впрочем, полагая, что все это – прелюдия к некому светлому и прекрасному будущему. До тех пор, пока не становится очевидным, что единственное будущее, которое ему еще осталось – это деревянный ящик с гниющим мясом, который зароют в землю или запихнут в печку подальше от глаз и носов тех, которым это еще предстоит. И от него не останется ничего, совсем ничего. В его честь не назовут даже кошачьих консервов, которые он продавал всю жизнь.

– Остаются дети, – возразила Бетти.

– Ага, а у тех – свои дети, а у тех – свои... Неужели ты не видишь, что это все – одно большое надувательство! Миллион нулей, выстроенных в ряд, все равно даст ноль!

– Может быть, будь у вас дети, вы бы не смотрели на вещи так мрачно.

– Я не говорил, что у меня их нет. Я говорил, что у меня нет дочери.

– Значит, у вас есть сын?

– Да. Ему двадцать лет, и недавно он получил работу в супермаркете.

– У него какие-то проблемы?

– По-моему, он счастлив.

– Выходит, с ним все в порядке?

– В полном, если не считать того, что он даун.

– О... простите.

– Это все парень по имени Ген Хромосом, – сказал Палмер. – Ты читала Каттнера?

– Кого?

– Каттнера... или Гарднера, я их вечно путаю. Один пишет детективы, другой фантастику. Вот у того, который фантастику, есть серия про Хогбенов. Смешные такие рассказы. Хогбены – мутанты, практически всемогущие, но живут, как типичная деревенщина. Когда их младшему дед рассказывает о природе мутаций, тот говорит: "Я понял только, что все это устроил его приятель по имени Ген Хромосом". По большому счету, намного ли больше мы сами в этом всем понимаем? Ни у меня, ни у жены в роду такого не было. Если она, конечно, не врет, как обычно.

– Похоже, вы не очень-то с ней ладите?

– Вот уже 74 часа я не могу понять, почему терпел эту суку предыдущие 20 лет.

– Ее зовут Бетти?

– Что? Мой бог, нет. Ее зовут Маргарет, и мне, черт побери, нравится это имя, несмотря на то, что я ненавижу эту тупую жирную визгливую истеричную суку. Я и женился на ней не в последнюю очередь из-за того, что мне нравилось ее имя. Очень романтично, да, Бетти? Ее имя нравилось мне больше, чем ее сиськи. Хотя, по правде сказать, сиськи у нее тогда тоже были ничего. Тогда она еще не была жирной. Она перестала следить за собой после рождения Макса. Как тебе эта идея – назвать дауна Максом? Она бы еще Сильвестром его назвала!

Бетти промолчала.

– И все эти двадцать лет, – продолжил Пит, – она пилила меня, утверждая, что это я виноват. В том, что Макс такой. Потому что я, дескать, трахнул ее пьяный. Да она тогда вылакала больше моего! Ей же, мать ее, хотелось романтики! Ужин при свечах и с шампанским. Она в одиночку выхлестала полторы бутылки, а я пил совсем чуть-чуть, я вообще не люблю шампанское. Под конец она хохотала без перерыва и пыталась под столом влезть своей ступней мне в ширинку. Мы тогда еще не были женаты. Но ни одному из нас не пришло в голову предохраняться. Как же, это не романтично! Как будто в трахе вообще есть хоть что-то романтичное... Тебе приходилось трахаться, Бетти? Черт с тобой, можешь не отвечать. Мы скоро поженились, еще не зная, что она беременна. И уже через пару месяцев я убедился, что характер у нее не сахар. Но тут как раз пришли результаты анализов, я думал, все с этим связано, и после родов она успокоится... А потом родился Макс, и все окончательно пошло наперекосяк. Она сдала его в интернат, а потом опять-таки регулярно обвиняла в этом меня. К слову, я ни разу не видел Макса с тех пор. Она таскалась к нему, а я никогда. Он мне омерзителен. Но сдала его она сама. Когда она слишком доставала меня своим нытьем, я предлагал ей забрать его обратно домой. Она говорила, что так и сделает, и уходила реветь в свою комнату. Разумеется, этим все и заканчивалось. В последние годы она пристрастилась к бутылке. Один раз даже лежала в больнице с каким-то алкогольным психозом. Но, к сожалению, ее выписали, и она вернулась домой.

Палмер замолчал.

– Послушайте, мистер... – робко начала Бетти.

– Пит!

– Хорошо, послушай, Пит... а что случилось 74 часа назад? Ты случайно... не убил ее?

– Хороший вопрос! – хохотнул Палмер. – Нет, думаю, что нет. Хотя стоило бы, клянусь богом.

– Что значит – думаешь?

– Ну, если только она не скопытилась от инфаркта, когда узнала, что больше не увидит не только меня, но и моих денег.

– Ну, я, конечно, не юрист, но, наверное, тебе все-таки придется платить ей алименты.

– Какие, на хрен, алименты, Бетти? Ты что, забыла, что я теперь безработный? Ты хочешь знать, что произошло 74 часа назад? Скоро уже будет 75... Хорошо, я расскажу. Этой суке, которую я даже не хочу называть ее красивым именем, повезло, что это произошло не дома. Может быть, я бы и впрямь убил ее. Но это случилось на работе. Я тридцать лет не менял места работы, Бетти. Оно менялось само – поначалу это была мелкая фирма, торговавшая краской, потом ее прикупила компания, имевшая сеть бытовых магазинов и мастерских, потом компанию приобрел концерн, а сейчас все это входит в гигантскую корпорацию, которая производит и торгует тысячью вещей – от машин для строительных работ до туалетной бумаги. И двадцать шесть лет из этих тридцати я провел под началом одного человека – Уильяма Т. Джилса. Сначала я был его рядовым сотрудником. Потом он заметил, что на мне можно пахать, как на рабочей лошади, и сделал меня своим заместителем. Я был молодой и глупый, я был ужасно горд – как же, расту, опережая других сотрудников, которые старше и имеют больший стаж! Я из кожи вон лез, чтобы оправдать доверие мистера Джилса. Между прочим, я всегда звал его "мистер Джилс", а он меня – "Пит", хотя он был на год моложе меня – правда, уже в 25 он имел заметную лысину и очки, так что выглядел старше. Ну и этот сукин сын, конечно, вовсю пользовался моим рвением. Воображаю, как он посмеивался про себя. Я делал за него всю работу, ему доставались все розы от начальства, а на меня сыпались все шишки за недоработки. Потом он ушел на повышение – ты думаешь, я занял его место? Как бы не так, он уже оценил, насколько я ему полезен. Он перетащил меня за собой, и я снова стал его заместителем, уже на новом уровне. И так оно и продолжалось все эти годы. Этот ублюдок пользовался мной, а я вечно ходил на вторых ролях. Один раз я для пробы назвал его "Вилли", и он ничего не сказал, но так на меня посмотрел, что я тут же вернулся к "мистеру Джилсу". Мне потом целую неделю было стыдно и противно, когда я вспоминал об этом. В последнее время он был генеральным менеджером регионального отделения корпорации, а я, стало быть, его заместителем. И вот три дня назад случилось два события. Во-первых, мне исполнилось пятьдесят. А во-вторых, Джилс в очередной раз пошел на повышение – уже на самый верх, в головной офис на Восточном побережье. Слухи об этом ходили и раньше, но он любил в таких делах напускать тумана до последнего. И я нутром чуял, что на сей раз он меня за собой не потянет – да и меня давно уже тянуло блевать от его рожи. Стало быть, у меня маячила перспектива выйти наконец из его тени и стать генеральным менеджером. Так вот вызывает меня этот мерзавец к себе... ты, наверное, думаешь, что он оставил меня с носом, и должность менеджера получил кто-то другой? Нет, Бетти, она досталась мне. Вершина моей тридцатилетней карьеры. "Поздравляю с юбилеем, Пит, – сказал он. – И у меня есть для тебя подарок – вот этот кабинет отныне твой." И ты думаешь, я радовался? Гребаное дерьмо, ни хрена я не радовался! Потому что вдруг понял, что это конец. Это последнее повышение в моей жизни. Из этого кабинета я уйду только на пенсию. Тридцать лет я крутился, как белка в колесе, и ради чего? Все та же затрахавшая суета, дурацкая и бессмысленная возня. Всем тем, чем я занимался и раньше, я буду заниматься и впредь, пока меня не погонят пинком под зад, чтобы освободить дорогу более молодому. Ну, прибавится жалованье, зато прибавится и головная боль – я ведь не привык работать так, как Джилс, и не смогу валить все на заместителей. И вот пока я стоял, думал об этом и слушал тот самый свист в ушах, с которым поезд приближается к станциям Рак или Альцгеймер – как думаешь, что подумал Джилс, глядя на мою кислую рожу? Этот траханый сукин сын возомнил, что мне грустно от перспективы расставания с ним! "Что

поделать, Пит, – сказал он утешающе, – мне тоже жаль с тобой расставаться, но на новом месте мне нужен кто-нибудь помоложе." И тут я сделал то, о чем мечтал уже много лет. Я двинул ему в морду со всей силы, на какую был способен. Думаю, что выбил ему как минимум пять зубов, а может, и больше. Не удивлюсь, если сломал ему челюсть. Меня словно какая-то пелена окутала, я не помнил себя от ярости. От удара он шмякнулся в свое кресло и откатился назад, ударившись о стену. Он сидел и смотрел на меня выпученными глазами, очки свалились, по подбородку текла кровь, а я выдавал ему тираду минуты на четыре. Если бы не это кресло на колесиках, я бы, наверное, продолжал его избивать. Но так он оказался уже далеко от меня, и к тому же между нами был стол, так что я ограничился словами. Я даже не помню, как именно его крыл, но, кажется, так я не ругался ни разу в жизни. Потом я вышел на улицу, сел в машину и поехал на запад. Перед выездом из города, правда, я останавливался дважды – один раз у банка, чтобы снять деньги со счета, а другой раз у почты, чтобы написать и отправить Маргарет письмо, в котором изложил ей все, что о ней думаю. Затем я отправил еще несколько таких писем – тем, чьи адреса смог вспомнить.

– И с тех пор ты так и едешь в одном направлении?

– Именно. Как видишь, тебе хватило 18 лет, чтобы понять, что с тебя хватит, а мне понадобились все 50.

– По-моему, есть разница. Что ты будешь делать, когда доедешь до побережья?

– Понятия не имею, Бетти, и какая на хрен разница!

– Но надеюсь... Пит, ты ведь не собираешься покончить самоубийством?

– Ну нет. Это всегда успеется. Я послал их всех в задницу не для того, чтобы сразу же загнуться. Я теперь свободен и намерен этим пользоваться. Знаешь, позавчера я подтерся стобаксовой купюрой. Но это было глупо – туалетная бумага намного удобнее. Вещи надо использовать по предназначению. Если бы человек был предназначен для смерти, к старости он бы обрастал гробом, как краб – панцирем. Как тебе эта мысль, Бетти?

– В природе нет гробов. Природа предназначает мертвые тела в пищу другим животным.

– Ну и черт с ней, с этой природой и ее манией убийства. Ты никогда не задумывалась над тем, что мы живем лишь пока убиваем? Даже самый последний вегетарианец вынужден убивать растения. Очень справедливо устроен этот мир, да?

– Пит, ты и в самом деле не знаешь, что собираешься делать дальше?

– Я уже сказал, что не собираюсь раньше времени заморочивать себе голову. С меня уже довольно планирования долгосрочных стратегий. Я не намерен больше играть по их правилам. Во всяком случае, деньги у меня есть. Хочешь, я дам тебе тысячу долларов?

– Нет.

– Мой бог, я не считаю тебя шлюхой! Я был бы последним ублюдком, если бы предложил такое! Я хочу дать тебе эти деньги просто так, понимаешь?

– Пит, мне бы, конечно, не помешали деньги, но я не могу принять от тебя такой подарок, тем более когда ты в таком состоянии.

– В каком еще состоянии? Я в порядке, насколько это вообще возможно!

– Ты НЕ в порядке, Пит. И ты сам это понимаешь. Ты уже три дня основательно не в порядке...

– Слушай, девочка, я начинаю жалеть, что рассказал тебе все это. Просто мне показалось, что ты меня поймешь, потому что тебя тоже достала твоя жизнь. Но если я ошибся, если ты такая же, как они все, давай вообще забудем о нашем разговоре.

– Конечно, для тебя я только маленькая девочка, но все-таки послушай меня. Я решила покончить с прежней жизнью, чтобы начать новую, а ты просто пустил на слом все, что у тебя было, и сейчас пытаешься спрятаться от проблемы.

– Нет никакой проблемы, и хватит об этом!

– Есть проблема. Пит, тебе нужна помощь. Ты оставил себя без работы. Ты бросил дом.

Ты разругался со всеми, кого знал...

– Бетти, заткнись, или я тебя высажу, как тот парень!

– Пит, я говорю все это не для того, чтобы сделать тебе больно. Я хочу тебе помочь, пока ты еще что-нибудь не натворил. Правда, Пит, мне было бы проще заткнуться, но тогда будет еще хуже. Все еще можно поправить, ну, почти все. Тебе нужно поговорить с врачом...

– ЗАТКНИСЬ, СУКА! ЗАТКНИСЬ, ТВОЮ МАТЬ!

Он был так зол, что едва не швырнул машину на обочину. Затем ярость отхлынула, и Палмер снова взял себя в руки.

– Бетти, извини. Ты кое в чем права, у меня действительно нервы на взводе. Знаешь, прожив двадцать лет с истеричкой... Не сердись, ладно?

Бетти хранила оскорбленное молчание.

– Ну как знаешь. Только я и правда не хотел тебя обидеть.

Повисло молчание. Ровно гудел мотор.

– Давай, что ли, музыку послушаем, – сказал Пит и включил радио.

"...terday, – запел знакомый голос. – All my troubles seemed so far away..."

– Старый добрый рок-н-ролл, – сказал Пит. – Да, Джонни, ты прав – вчера мои трудности казались такими далекими. И позавчера тоже. Мне давно следовало послать их всех к черту. Нет, Джонни, мир испортился не сегодня. Мир всегда был чокнутым, просто теперь это стало заметнее.

"Why she had to go I don't know – she wouldn't say", – пело радио.

– Тоже мне проблемы, – усмехнулся Палмер. – Когда уходит девка – это пустяки. Проблемы – это кое-что посерьезнее. Ты ведь в конце концов убедился в этом, а, Джонни?

"...love was such an easy game to play..." – стояло на своем радио.

– Далась тебе эта love, – поморщился Пит. – Если бы ты спел "life", это было бы куда интереснее. Поначалу кажется, что жизнь – это легкая игра, достаточно лишь соблюдать правила. А потом понимаешь, что тебя заманили в ловушку, и выигрыш в этой игре не предусмотрен. Если тот парень с пистолетом подошел к тебе раньше, чем ты это понял – тебе повезло, Джонни. Тот парень, как видно, тоже решил, что он больше не играет по правилам. Знаешь, Бетти, я хорошо понимаю тех типов, что забираются на крышу с винтовкой и начинают отстреливать прохожих, пока их самих не прикончит полиция. Я не хочу сказать, что я их оправдываю, или сам собираюсь поступить так же – мой бог, нет! Но как я их понимаю...

Радио заиграло "Nowhere man".

He's a real nowhere man
Sitting in his nowhere land
Making all his nowhere plans for nobody
Doesn't have a point of view
Knows not where he's going to
Isn't he a bit like you and me

– Да, – кивнул Пит, – очень даже похоже на тебя и меня. Особенно на меня. Ты права, Бетти, я действительно не знаю, что делать дальше. Мне казалось, что достаточно лишь вырваться на свободу, а теперь я не могу придумать, что с ней делать. Знаешь, я когда-то читал, что если кузнечика накрыть банкой и достаточно долго так держать, а потом банку убрать, он все равно будет прыгать только на высоту банки. Кажется, это тот самый случай.

Под колесом хрустнул шар перекати-поля.

– Ты еще молода, Бетти, – продолжал Палмер. – Ты еще способна прыгать выше банки. Хотя какая, к черту, разница? Все равно все кончится прибытием на одну из тех станций, о которых я говорил. Наверное, глупо бунтовать, зная, что не победишь. Но еще глупее

подчиняться, зная, что не получишь награды.

I don't mind, I think they're crazy
Running everywhere at such a speed
Till they find there's no need

– Я тоже думаю, что они все свихнулись, – согласился Пит, – однако в том, чтобы ехать на большой скорости без всякой необходимости, есть своя прелесть. Как ты считаешь, Бетти?

Девушка молчала.

– Бетти, скажи словечко для разнообразия. Нельзя же столько дуться.

"Keeping an eye on the world going by the window, taking my time", – заливалось радио. Палмер повернул голову и увидел, что его попутчица задремала. Должно быть, дорога и музыка усыпили ее.

Please don't wake me,
No, don't shake me,

– попросило радио.

– Ладно, не буду, – ответил Пит. – Спи, Бетти. В молодости это просто. Я сам в твоем возрасте отрубался, едва коснувшись подушки.

Он замолчал и сосредоточился на дороге. Смотреть там, впрочем, было особенно не на что. Видимость была совсем паршивой. По асфальту тянулись языки песка, словно пустыня пыталась уползти на север, спасаясь от жары.

Затем впереди показалось какое-то светлое пятно. Автомобиль. Более того – полицейский автомобиль; Палмер различил характерное сочетание цветов и синие мигалки на крыше. Машина стояла у обочины на встречной полосе. Пит рефлекторно сбросил скорость. Впрочем, если коп захочет придраться, времени для наблюдений у него уже было достаточно.

Похоже, так оно и было – полицейский вылез из машины и сделал знак остановиться. Палмер чертыхнулся и затормозил, не доезжая десятка ярдов. Пусть прогуляется.

Полицейский направился к "форду", одной рукой придерживая шляпу и прикрываясь от ветра. Это был совсем молодой парень – наверное, только что из академии.

– Добрый день, сэр! – крикнул он еще на ходу. – Могу я попросить вас о помощи? Дело в том, что моя машина...

Говоря это, он подошел вплотную и наклонился к окну водителя, в котором Палмер предусмотрительно приоткрыл стекло. И тут с копом произошло нечто странное. Он совершенно не походил на Джилса – тот был лысый, упитанный, круглолицый, в очках, и, разумеется, почти на тридцать лет старше. А у копа было худое костистое лицо и выбивавшиеся из-под шляпы каштановые волосы; на подбородке Пит заметил небольшой порез – должно быть, парень считал, что настоящий мужчина должен пользоваться опасной бритвой. Но тем не менее то, как полицейский мгновенно вытаращил глаза, живо напомнило Палмеру Джилса в тот момент, когда кулак сокрушил тому челюсть. В довершение сходства коп отпрянул от машины, словно и впрямь отброшенный ударом; однако на этом подобие закончилось. В следующий миг полицейский уже стоял на полусогнутых ногах, отклячив зад и вытянув вперед прямые руки, сжимавшие револьвер. Ствол чуть подрагивал – должно быть, парень впервые в жизни по-настоящему целился в человека – но все же черный глазок смотрел прямо в переносицу Палмера.

– Выходи из машины! – выкрикнул коп неожиданно высоким голосом. Ветер сорвал его шляпу и покатил через дорогу, но он, похоже, даже не заметил этого.

– Что? – тупо переспросил Пит.

– Выходи из машины, медленно, и чтоб я видел твои руки! Одно неверное движение, и я разнесу тебе башку!

– Как скажете, офицер, – пожал плечами Палмер, нажимая кнопку дверного замка, – но в чем, собственно, дело?

– Ах ты сукин сын! – задохнулся от возмущения коп. – По-твоему, задушить девчонку – это ничего особенного, да?

"Наверное, я похож на фоторобот какого-то убийцы, – подумал Палмер. – Сейчас все прояснится." Однако вдруг разлившееся в животе чувство тревоги заставило его повернуть голову направо.

Бетти не спала. Ее глаза были открыты... что там открыты – выпучены и пусты. Лицо побагровело. Изо рта вывалился язык. На подбородке сохла слюна. Но ужаснее всего были темные пятна на шее. Следы пальцев. Его пальцев.

– Нет, – сказал Палмер, – мой бог, нет.

В кабинете Джилса было похоже. Он помнил удар, и помнил, как уходил. Но те четыре минуты, когда он стоял и поносил Джилса последними словами, попросту выпали из памяти. Однако, когда он покинул кабинет, Джилс был жив.

– Бетти, я не хотел...

Он выбрался из машины задом, не сводя глаз с трупа. Он едва чувствовал собственное тело, все происходящее казалось кошмарным сном. Сильная рука полицейского схватила его запястье, замыкая прохладное кольцо наручника.

– У вас есть право хранить молчание. Если вы не воспользуетесь этим правом, все сказанное вами может быть использовано против вас в суде. У вас есть право на адвоката...

– БЕТТИ!!!

But you can't hear me,
You can't hear me,

– пело радио.

Над пустыней дул горячий ветер.

В рассказе использованы песни Beatles "Yesterday", "Nowhere man", "I'm only sleeping", "And your bird can sing"

Друг

Писатели не так уж редко предваряют свои повествования рассказом о реальном событии, вдохновившем их фантазию. Настала пора и мне поддержать эту традицию - хотя, на самом деле, то, что стало отправной точкой для этого рассказа, нельзя даже назвать событием, историей или происшествием. Так - мимолетная мысль, мелькнувшая при взгляде на чужое лицо, и не более чем. Тем не менее, это запало в мою память и остается в ней и почти два десятилетия спустя. Итак, дело было в конце 2000-х, еще до моей эмиграции - место действия, таким образом, очевидно, но все же не стану упоминать никакие топонимы во избежание ненужных здесь политических ассоциаций. Я и тогда работал в основном дома, а по вечерам, если погода была хорошей, отправлялся гулять по окрестностям, стараясь по возможности разнообразить свои маршруты. В тот летний вечер я прогуливался вдоль набережной главной городской реки; погода была теплой и солнечной, но мое настроение, как и обычно во время таких прогулок - меланхолическим (позже на том же самом месте родилось стихотворение Verzweiflung). Я остановился возле моста и некоторое время стоял, глядя на серую воду, а потом повернулся, чтобы идти дальше, и увидел девушку, шедшую мимо. У нее были длинные темные волосы, а лицо... Она была красивой - не "ослепительной", не "сногсшибательной", ничего общего с гламурными накрашенными куклами, которых я ненавижу всю свою жизнь (и считаю безобразными, даже если они одарены правильными чертами от природы). Нет - ее красота была естественной, по-моему, там вообще не было косметики, а если и была, то в глаза не бросалась. Но меня впечатлило не это - а выражение этого лица. Оно было очень грустным. Она не плакала, но - как, по крайней мере, мне показалось - это было лицо глубоко отчаявшегося человека. Мне захотелось подойти к ней и сказать: "Девушка, извините, что лезу не в свое дело, но у вас очень грустный вид. Может быть, я могу вам чем-то помочь?"

Конечно же, я этого не сделал. С вероятностью более 90% я бы нарвался на ответ типа "отвали, козел!" - возможно, более вежливо сформулированный, но суть от этого не меняется. В том маловероятном случае, если бы она все же захотела обсуждать со встреченным на улице незнакомцем свои проблемы - скорее всего они оказались бы сексуального характера, от "поссорилась со своим парнем" до "забеременела". Что автоматически уничтожило бы всякий интерес и сочувствие с моей стороны. Но даже если ее проблемы касались чего-то, что не подорвало бы мое к ней уважение - чем бы я мог ей помочь, не имея ни денег, ни связей, ни практически полезных умений типа "набить морду обидчику"? Абсолютно ничем. Разве что выслушать, сочувственно кивая. Да и то - в эпоху интернета всегда можно найти, перед кем выговориться. Анонимных чатов сколько угодно.

Так что я не двинулся с места, и она прошла мимо, даже не взглянув в мою сторону. Несколько секунд у меня еще было искушение ее догнать, но я сказал себе, что это уже совсем глупо. Тогда она уж точно решит, что я к ней пристаю. А может, на самом деле она и не была такой грустной, как мне показалось - в конце концов, я наблюдал за ней считанные секунды. Может, просто задумалась о каких-то бытовых хлопотах - не радостных, но и отнюдь не трагических... И нет, она не поднялась на мост и не бросилась с него в реку. Просто ушла дальше по набережной. Как я уже сказал, тут нет никакой истории.

Разумеется, я поступил - а точнее, не поступил - правильно. И все же, раз я помню этот эпизод до сих пор, у меня возникло искушение пофантазировать, что могло бы быть, если бы я все же решился к ней подойти - помимо тех наиболее вероятных вариантов, что перечислены выше. Так родился этот рассказ. Несмотря на то, что его сюжет вымышлен, лирический герой в нем максимально тождественен автору - включая реальные факты из моей биографии.

- Девушка, извините, что лезу не в свое дело, но у вас очень грустный вид. Может быть, я могу вам чем-то помочь?

Большие карие глаза взглянули на меня выжидательно и, как мне показалось, с надеждой. Во всяком случае, я не увидел в них брезгливой готовности немедленно отшить приставалу. Хотя - что я знаю о женских глазах? До этой минуты я никогда в жизни не заговаривал с незнакомой девушкой на улице... Так что я поспешно, пока меня не перебили, продолжал:

- Понимаю - звучит как неуклюжая попытка уличного знакомства, но дайте мне одну минуту, - я поднял указательный палец, - на объяснение, и если оно вас не устроит, я уйду. Видите ли, у меня самого не раз бывали суицидальные мысли. Но я, как видите, живой. Вот я и подумал, что, если вдруг вы думаете о... чем-то подобном, то мы могли бы просто поговорить. Знаете, как в поезде, когда люди рассказывают о себе попутчику, потому что знают, что больше никогда в жизни его не увидят. Правда, далеко не все готовы выслушивать подобные откровения, многих они, наоборот, раздражают. Но вот как раз я готов. Просто посидим где-нибудь... - я сообразил, что она может воспринять это, как приглашение в ресторан, каковые расходы вовсе не входили в мои планы, и поспешно добавил, - на лавочке, в людном месте, не думайте, я вас никуда не заманиваю... вы мне расскажете, о чем захотите, быть может, вам станет легче. А потом я просто уйду, не спрашивая ни вашего имени, ни каких-либо координат для связи... если, конечно, сами не захотите их сказать.

Был ли мой порыв чистым альтруизмом? Не совсем. Писатели - на самом деле хищники, которые всех людей рассматривают как свою законную добычу на предмет выудить интересную историю, или хоть какой-нибудь фактик или эпизод, пригодный для дальнейшего использования. Когда б вы знали, из какого сора, да. Но в то же время, будь на месте симпатичной девушки усталая обрюзглая тетка за сорок, никакого желания выслушивать ее истории у меня бы не возникло. Как, на самом деле, я никогда не принимал участия и в поездных разговорах, сразу же забираясь на специально купленную верхнюю полку, чтобы исключить всякую коммуникацию с соседями. А этой девушке мне искренне хотелось помочь. Не для того, разумеется, чтобы потом затащить ее в постель - уж у кого-кого, а у меня такой мотив точно отсутствует! А просто, если видишь, что что-то красивое сломано - хочется это починить, ведь так?

Хотя на свете множество людей, у которых красивое, наоборот, вызывает жгучее желание сломать это и изгадить...

Лицо незнакомки, еще недавно казавшееся застывшей маской отчаяния, внезапно озарилось широкой, почти счастливой улыбкой.

- Ты все-таки пришел, - сказала она. Голос у нее тоже был приятный - не слишком высокий и не низкий, как раз такой, как мне нравится. - Я так надеялась тебя сегодня встретить.

Признаюсь, меня несколько покоробил этот мгновенный переход на "ты". Я был уже давно не тинейджером, а мужчиной за 30, пусть и вполне молодо выглядящим, и к тому времени я уже принял решение быть на "вы" со всеми, кроме близких родственников - не только для того, чтобы держать дистанцию, но и потому, что это, опять-таки, красиво. Но в этой счастливой улыбке не было ничего от вульгарности современных девиц, ненавистной мне точно так же, как и гламур. Это выглядело, как искренняя радость от встречи с близким человеком. С давно потерянным и вновь обретенным братом, возможно.

Я даже несколько обалдел от такой реакции. Это было слишком романтично, чтобы быть правдой. Уж не принимает ли она меня за кого-то другого? Может, у нее как раз возле этого моста назначено свидание с кем-то, кого она раньше не видела? Хотя слова, с которыми я к ней обратился, в такой сценарий не вписывались. А может быть - да, у меня мелькнула и такая мысль - передо мной ловкая мошенница, надеющаяся втереться в доверие и развести меня на деньги? Правда, мой потрепанный джинсовый костюм совсем не свидетельствовал о богатстве,

но мало ли...

- Я только хочу, чтобы вы... - я сделал над собой усилие, - ты понимала, что я искренне хочу тебе помочь и поддержать, но я не обещаю никаких чудес. Я не бизнесмен, не адвокат и даже не профессиональный психолог.

- Мне не нужны ни бизнесмены, ни психологи, - пренебрежительно ответила она, смешно наморщив нос. - Мне нужен друг.

- Друг, - повторил я. - Это хорошее слово. Но очень ответственное.

- Именно так, - серьезно кивнула она. - Я не люблю тех, кто им бросается. Друг - это не просто приятель. Это тот, ради кого можно без сожалений пожертвовать... многим.

Если бы она сказала "всем", меня бы это, пожалуй, напугало. А так - она фактически процитировала мое собственное определение дружбы.

- Так где твоя лавочка? - осведомилась она уже другим, веселым тоном, явно отдавая инициативу мне. Но я решил, что ей будет спокойнее, если она сама выберет маршрут.

- Есть у тебя какое-нибудь любимое место? - спросил я.

- Ну, тут, на набережной, только выхлопными газами дышать, но можно дойти до одного маленького парка - ничего особенного, пруд и скамейки вокруг, но скамейка с восточной стороны стоит на высоком месте над прудом, и оттуда красивый вид на него весь, особенно когда в воде отражается закатное небо. Я там часто бываю по вечерам. Но туда идти километра три.

- Ничего, - заверил ее я, - я люблю гулять. Часто брожу, вообще не задумываясь, куда иду.

- Вот-вот, - кивнула она, - я сегодня тоже шла, куда глаза глядят... не знаю, куда бы зашла, если бы не встретила тебя.

Я подумал, что, возможно, мои опасения насчет суицидальных мыслей были не напрасными. Но она уже снова улыбнулась:

- Идем... Виталий.

И вновь меня обожгло неприятное чувство, что меня принимают за другого. Вот сейчас недоразумение разрешится, она скажет "извините, обозналась" и уйдет. Одна. А я, с моим "богатым" опытом общения с девушками, не сумею ее остановить. А возможно, и не захочу. Кто такой этот Виталий?

- Я - Юрий, - представился я.

- Да, - кивнула она, но не назвала в ответ собственного имени (которое я обещал не спрашивать). - Да, конечно. Просто ты напомнил мне Виталия. Он был моим другом в детстве. Лучшим... а по сути, единственным. Представь, даже когда нам было по восемь лет, он настаивал, чтобы его называли полным именем - Виталий. На "Витю" не соглашался, чтобы не путали с Виктором. Серьезный такой был мальчик, хотя и выдумщик.

- Да, и впрямь как я в детстве, - согласился я. - Я, правда, на полном имени не настаивал, хотя на тетрадках всегда писал его, в отличие от большинства одноклассников. Но тоже был серьезный и выдумщик. Во дворе меня "Профессором" звали, и я гулял с ребятами на 3-4 года старше. Не шпана какая-нибудь, обычные ребята. И им было со мной реально интересно - я рассказывал им истории, которые сочинял на ходу. Пара подружек-сверстниц у меня тоже была. А когда мне было 10, мы переехали с окраины сюда в центр, и на новом месте я уже никаких знакомств не завел и ни с кем не общался.

- У меня тоже отняли Виталия примерно в этом возрасте, - сказала девушка.

Я подумал, что "отняли" - довольно резкая формулировка, когда речь идет просто о переезде, но, действительно - а как должен воспринимать ребенок вынужденную разлуку с другом? Тем более что, в отличие от меня, не очень-то дорожившего своей дворовой компанией, у нее этот друг был лучшим и единственным...

- Да, - сказал я вслух, - взрослые никогда не спрашивают мнения детей, просто ставят их

перед фактом. Хотя я-то на переезд был согласен, из однокомнатной в двухкомнатную, как-никак... Было бы, конечно, очень романтично, если бы мы и впрямь оказались друзьями детства, случайно встретившимися через много лет и сперва не узнавшими друга. Прям готовый сюжет для рассказа. Но, сама понимаешь, это невозможно уже чисто по возрасту. Мне, вообще-то, уже 34, так что, когда тебе было 8...

- Тебе было уже 21, - тут же подсчитала она. - Столько, сколько мне сейчас. Конечно, я понимаю, что ты - не он. Но это неважно. Я не сказала, что мне нужен Виталий, которого я все равно помню только маленьким мальчиком. Я сказала, что мне нужен друг.

Мы уже оставили позади набережную и шагали по узким улочкам и переулкам, изобилующих магазинчиками и кафешками.

- О, - воскликнула девушка, указывая на стеклянную дверь под вывеской кофейни, - тут я бывала. Тут делают хороший капучино. Зайдем?

Мне эта идея совсем не понравилась, ибо, как я уже сказал, подобные расходы не входили в мои планы, даже при оплате "каждый за себя". Я вообще никогда не ем ни в каких подобных заведениях именно потому, что дорого. Причем дорого там абсолютно все - не только какие-нибудь блюда, которые сложно приготовить самому, но даже простая чашка чая с булочкой, которые дома мне почти ничего не стоят что по деньгам, что по времени. Так что тратиться даже на символический заказ я не собирался, а напрашиваться на то, чтобы девушка меня угостила, считал непорядочным. Спаситель и друг, ага - "выслушаю вашу исповедь за еду"...

- Я не пью кофе, - сказал я, что тоже было чистой правдой.

- Ну разумеется, - хохотнула она, словно услышала что-то смешное. - Это и не обязательно. Просто посидишь там со мной.

Я пропустил ее в двери и вошел следом. Мы сели за свободный столик. Подошел официант, моя спутница заказала свой капучино. Со мной официант не заговорил, лишь покосился вопросительно, но я так же молча покачал головой. Его это, похоже, ничуть не удивило - не то чтобы мой джинсовый костюм делал меня похожим на бомжа, но все же обычно в это заведение заходили люди более пижонистые. Да и вообще опытные официанты чаще всего с первого взгляда различают, кто клиент, а кто просто так зашел.

Я думал, что тут девушка и начнет рассказывать о себе, но она молчала и лишь поглядывала на меня с хитрым заговорщицким видом. Я не понимал значения этих взглядов и лишь столь же безмолвно улыбался в ответ. Смотреть на ее милое лицо, избавившееся от печати безнадежной грусти, было приятно, и я даже подумал, что выражение "тепло на душе" - не такая уж и метафора.

Девушка допила свой капучино с круассаном, расплатилась, и мы продолжили путь. Несколько минут спустя мы вышли на узкую пустую улочку, почти всю ширину которой занимали трамвайные рельсы, но не было ни трамваев, ни машин, ни других пешеходов. Мы пошли прямо по рельсам; это не было опасно - появись все-таки трамвай, мы бы увидели и услышали его издали - но в этом было что-то романтичное. Я подумал, что еще романтичнее картину сделали бы осенние листья, но был только июнь.

- Нас убьют за то, что мы гуляли по трамвайным рельсам, - сказала вдруг девушка. - Песня Янки Дягилевой. Слышал?

- Не то чтобы я фанат ее творчества, но вот эту песню слышал, - кивнул я. - Странно - думал, твое поколение уже не помнит это имя.

- Что значит "поколение"? - вдруг рассердилась она. - Нет никаких поколений! Каждый человек сам по себе. Вот ты намного старше меня, а с тобой мне куда комфортнее, чем с этими придурками - моими сверстниками. Вообще терпеть не могу, когда меня записывают в какую-то общность. Поколение там, национальность, место жительства... Судить о личности человека по году рождения так же глупо, как по цвету глаз или размеру обуви.

- Или записывать в одну категорию асфальт и слона лишь на том основании, что они оба серые, - кивнул я. - Я вообще-то тоже не люблю эти искусственные деления. Поколения бывают у техники. Вышел новый процессор - сменилось поколение компьютеров. А у людей их устройство уже сто тысяч лет не меняется.

- Но люди при этом разные, - сказала она. - И это вовсе не поколением определяется.

Мы еще поговорили о музыке, коей я вообще-то невеликий знаток, но общие вкусы нашлись - Шевчук, Башлачев, "Крематорий", "Fleur"; она даже спела мне прямо на ходу пару песен "Ночных снайперов", о которых я никогда прежде не слышал - и таким образом мы дошли, наконец, до парка с прудом. Пруд, опоясанный асфальтовой дорожкой, находился в глубине котловины: вдоль этой дорожки тоже стояли скамейки, но там фланировали мамаши с детьми, и туда мы спускаться не стали. Окружавшие пруд склоны были пологими с запада, но более крутыми и высокими с востока; мне пришло в голову вычитанное где-то слово "взлобок". И вот на этом взлобке и стояла та скамейка, откуда открывался красивый вид на пруд и где, в то же время, не докучали другие гуляющие. Позади проходило шоссе, но не настолько близко, чтобы шум или запах машин мешали наслаждаться покоем. Вокруг зеленела трава, кое-где сбрызнутая желтыми искорками цветов - не моих любимых одуванчиков, те уже отцвели, а каких-то других, более мелких.

- Ну а теперь, - сказал я, когда мы уселись, подставив лица клонящемуся к закату солнцу, - может, ты все-таки расскажешь, что у тебя стряслось?

И она рассказала. К счастью, никаких по-настоящему жутких и непоправимых трагедий, типа смертельной болезни или убийства, там не было - как не было и никакой сексуальной грязи и мерзости, чего я опасался даже больше. Ни "нищастных любовей", ни изнасилований. А просто - не прошла в художественное училище (жалко, невольно подумал я не только из-за сочувствия к ней - это училище недалеко от моего дома, и я мог бы встречаться с ней после занятий), вдрызг поругалась, на этой и не только на этой почве, со своей "психованной матерью" (это цитата), вот и ушла из дома, где оставаться было невыносимо, но откуда и идти было некуда. Ни друзей, ни подруг у нее не было - не с кем даже поговорить, не говоря уже о том, чтобы напроситься пожить хотя бы несколько дней. Не требовалось уточнять, почему у красивой и умной девушки нет друзей, во всяком случае, мужского пола - ясно было, чего хотели от нее те, кто выражал готовность "скрасить ее одиночество". И позже она сама это подтвердила, сказав "вот где бы я еще встретила такого парня, как ты - который не пытается залезть в трусы ни на первой, ни на десятой встрече?" То, что она разделяла мои антисексуальные взгляды, меня чрезвычайно обрадовало, но пока что надо было решать ее проблему. Денег, чтобы снимать жилье по безумным столичным ценам, у нее, очевидно, не было, да и вообще на человека, ушедшего из дома по-настоящему, она не походила. Из всех вещей у нее при себе была только прямоугольная матерчатая сумка на плече - большая, но плоская, внутри явно не было даже смены белья.

- Что у тебя там? - спросил я.

- Мои рисунки, - ответила она и достала альбом.

Я принялся его рассматривать, пока солнце еще не зашло. Нарисовано было здорово, но сюжеты были, прямо скажем, жутковатые. Например - отрубленные человеческие головы с птичьими крыльями вместо ушей, летающие по кроваво-красному небу. Или повар, пропускающий через мясорубку собственную руку - его мясистое лицо при этом остается совершенно спокойным, а на конце каждой... не знаю даже, как назвать - струйки, что ли? - фарша - по крохотному ногтю. Или старик, сидящий за столиком в ресторане - вместо обеих рук у него торчащие из обшлагов пиджака собачьи головы, которые едят еду с его тарелки, а он смотрит на них с печальным видом, поскольку ему, очевидно, ничего не достанется. (Тут, конечно, в моем рациональном мозгу возник вопрос - если собаки являются частью его организма, так ли важно, что он ничего не ест собственным ртом? Но, очевидно, даже если он и

получает необходимые калории, то точно не удовольствие от еды.) Или еще рисунок в темно-синих тонах - обнаженная девушка бежит по ночной улице, преследуемая стаей злобных псов. Кожу девушки покрывали параллельные темные полосы, как у зебры.

- Она не такая, как все, - сказала художница; предыдущие рисунки она не комментировала. - Поэтому ее травят.

Не сказать, что лица двух девушек - нарисованной и живой - были очень похожи, но не требовалось особой проницательности, чтобы понять, кого имела в виду автор.

- Они идиоты, - сказал я. - Те, кто не приняли тебя в художку. Ты отлично рисуешь. Да тебе особо и не нужен их диплом, так же как писателю не нужен диплом литературного института. Таланту нельзя научить, он либо есть, либо его нет. У тебя он есть.

- Знаешь, я загадала, - сказала она, - если бы я не встретила тебя, я бы выбросила этот альбом в реку.

А может, и не только альбом, мрачно подумал я.

- Все равно никому не нужен, - продолжала она.

- Нужен! - твердо возразил я. - В первую очередь твое творчество нужно тебе, и это самое главное. Ну а теперь уже и мне тоже. Сюжеты у тебя, конечно, мрачные, но я люблю ужастики.

Я перелистнул страницу. Следующий рисунок изображал толпу голых людей, бесполых и безволосых, которые, стоя на коленях и упираясь лбами в землю, поклонялись распятой на возвышающемся над ними равноконечном кресте огромной собаке. На носу у собаки были очки в роговой оправе, а на голове - докторская шапочка. Крест венчала табличка с четырьмя буквами, но это были не христианские INRI, а MSCS. "Microsoft Corporation Suxx" - тут же расшифровалось в моем мозгу давнего компьютерщика, но вряд ли художница имела в виду это.

- Что это значит? - я указал пальцем.

- Mens sana in corpore sano. Это Бог медицины. Если прочитать "God" наоборот, получится "Dog".

Она не стала переводить для меня ни латынь, ни английский, не сомневаясь, что я пойму, и мне это польстило.

- Ты, как видно, не любишь собак, - заметил я. - Они тебя кусали? Меня вот в детстве однажды покусали, но я не приобрел на этой почве никаких комплексов.

- Нет, - возразила девушка. - Глупо любить или не любить всех собак. Они такие же разные, как и люди. На самом деле, они лучше людей. Если пес злобный - это видно сразу. Он не будет вилять хвостом и притворяться твоим другом только для того, чтобы укусить тебя как раз в тот момент, когда ты поверишь и протянешь руку.

Последний рисунок в альбоме изображал мужчину и девушку, сидящих на скамейке. Черты лица девушки на сей раз были хорошо узнаваемы. А вот у мужчины лица не было вовсе - только пустой овал.

- Кто это? - спросил я, уже зная ответ.

- Ты. Я же не знала, как ты выглядишь. Теперь знаю и дорисую.

- Только, пожалуйста, без собачьих голов и всего такого, - усмехнулся я.

- Нет, конечно. Это же не они все. Это Мы.

Солнце садилось. Закат был золотисто-рыжим, но в воде пруда приобрел более густой и темный оттенок - красивый, но мрачный, прямо как рисунки моей новой знакомой, чьего имени я до сих пор не знал. Что мне, однако, с ней делать прямо сейчас? Пригласить ее домой я не мог, ибо сам жил с родителями. Причем они не стали бы возражать, будь она моей давней подругой. Но - "привет, я тут встретил девушку на улице три часа назад, она у нас поживет немного - кстати, напомни, как тебя зовут?" Нет, это, безусловно, была плохая идея. И была бы таковой, даже будь я единственным обитателем квартиры. Хотя мне очень хотелось ей довериться, здравый смысл никто не отменял. Особенно учитывая мой предыдущий опыт, когда подруга, которую я знал несколько лет и которая, как она утверждала, разделяла все мои взгляды, в итоге

оказалась насквозь лживой лицемерной дрянью, предавшей абсолютно все декларируемые идеалы и увенчавшей все это еще и финансовой нечистоплотностью после расставания. Я не могу рисковать, пока мы не узнаем друг друга лучше. Да и для нее самой было бы неоправданным риском принимать такое приглашение от едва знакомого мужчины.

- Думаю, теперь тебе все же стоит вернуться домой, - осторожно сказал я. - Если мать снова будет на тебя орать, просто поставь ее на место. Любой домашний тиран сдувается, когда встречает твердое сопротивление. Ты совершеннолетняя. Она не имеет над тобой никакой власти.

- Ее поставишь, - вздохнула девушка. - Она же ненормальная.

- Ну, что значит ненормальная...

- То и значит. У нее диагноз - шизофрения.

Вот так я и узнал, что "психованная" - вовсе не эмоциональный эпитет. И что проблема куда серьезнее, чем я ожидал.

- От нас поэтому отец ушел, - продолжала девушка. - Когда я еще совсем маленькая была. А может, еще до моего рождения, я его совсем не помню... Она ему соврала про свой диагноз. Ну, то есть не прямо соврала, а просто не сказала, когда он за ней ухаживал. Пока она таблетки принимает, она вроде как нормальная... ну, почти. Но это только до следующего обострения. А если таблетки не пить, то тем более. От нее не только муж сбежал - от нее все шарахаются. У меня поэтому в детстве и подружек не было.

Потому-то и Виталия "отняли", понял я. Это был не переезд. Ему просто запретили общаться с дочкой "этой психической".

- Как же ее не лишили родительских прав? - удивился я.

- Хорошо, что не лишили! - возразила девушка. - Уж лучше такая мать, чем детдом. Там бы я точно повесилась. А она, когда на таблетках сидит, я ж говорю - почти нормальная. Ну, истерики закатывает периодически, но их ведь не только шизофреники закатывают...

- А она не опасна?

- Физически - нет. Орет только. Ну или наоборот - на колени бухается и рыдает, это еще хуже. Вот ты говоришь - давать отпор, ставить на место... если на тебя орут - можно наорать в ответ, если бьют - ударить, хотя этого, как я сказала, она не делает... а что делать, когда собственная мать перед тобой в слезах на коленях ползает, за ноги тебя хватает и умоляет что-то сделать? Тоже на колени бухнуться? Что угодно сделаешь, чтобы только это прекратить...

- А во время обострений? Тоже не опасна?

- Тогда ей просто мерещится всякое. Сидит, бубнит, с "гостями" своими беседует. Но ничего страшного сделать не пытается - в окно там выйти, хотя у нас первый этаж и решетки, или пожар устроить, хотя у нас все электрическое, никакого открытого огня, и везде датчики и предохранители, чтобы само отключалось при перегреве... В общем, жить с этим можно, если приспособиться. Тем более, еще я на контроле. С детства приучена за ней приглядывать и обострения ее скрывать, чтоб в детдом не забрали.

- А отец что? Совсем не помогает?

- Так он погиб давно. Он летчик был, разбился в большой авиакатастрофе под Арзамасом.

- И больше никаких родственников нет? Бабушек-дедушек там?

- С ее стороны точно нет, она сама детдомовская. С отцовской, может, кто и остался, но я их не знаю, и им на меня плевать.

- Ясно... Ну, теперь-то тебе детдом точно не грозит. Не думала квартиру разменять?

- А как? Она - единственный собственник. Когда приватизировали, я еще маленькая была, так что все права у нее. Пока я была несовершеннолетней, она хоть по закону обязана была меня содержать. А сейчас имеет полное право выставить из дома в любой момент. Или хуже того - квартиру продать, меня не спрашивая, и оставить нас обеих бомжами. Формально-то

она дееспособной считается. Уже даже грозилась мне этим, если слушаться ее не буду. А ты говоришь - власти у нее нет. По закону, может, и нет...

- И с деньгами у тебя, конечно...

- Какие деньги? Живем на пенсию по инвалидности. Я пыталась продавать свои работы в интернете, но это дохлый номер. Говорю же - никому не нужно... А в кассирши какие-нибудь идти - я на такой работе точно с ума сойду. Да и платят там копейки, на свое жилье все равно не хватит. Разве что в пригороде снимать и по два часа на дорогу в один конец тратить...

- Да, - согласился я, - для творческой личности это не вариант.

- Или в официантки - перед быдлом всяким лебезить в надежде на чаевые, а они чтоб меня за задницу хватали?

- Ни в коем случае!

- Вот то-то и оно.

- Значит, - подвел итог я, - придется тебе все-таки вернуться к матери и как-то с ней уживаться. По крайней мере, пока не найдешь приличную подработку в интернете.

Я ожидал возмущенных возражений, но девушка лишь печально вздохнула:

- Придется. Ладно, надо идти уже. Я ей хоть и наговорила, что насовсем ухожу, а все равно она орать будет, если слишком поздно вернусь, - она поднялась со скамейки.

Я тоже поднялся:

- Давай я провожу тебя до самого дома и поговорю с ней, чтоб она не ругалась.

- Ой, нет! - испуганно воскликнула она. - Этого никак нельзя!

Ну ясно, подумал я. "Ах ты шлюха, не успела из дома выйти, как уже хахаля себе завела!" Вовсе не безопасность дочери беспокоит эту психованную грымзу, а контроль над ней. Я поймал себя на мысли, что уже желаю смерти этой совершенно незнакомой мне женщине, чтобы моя подруга, наконец, унаследовала квартиру и решила все свои проблемы. Хотя - если старуха (хотя - почему старуха? может, ей еще пятидесяти нет!) умрет, то исчезнет и единственный стабильный источник семейного дохода в виде ее пенсии по инвалидности. В моей голове тут же начал выстраиваться сюжет: убить, закатать тело в пластик и спрятать где-нибудь на антресолях, чтобы продолжать получать пенсию... ну, автор я ужастиков или не автор? Хорошо, что девушка не слышит мои мысли...

- Тогда докуда тебя проводить?

Она назвала улицу, остававшуюся оживленной и в позднее время и, соответственно, вполне безопасную для возвращавшейся домой девушки. Туда можно было доехать на метро, но мы пошли пешком, продолжая беседовать - теперь уже я рассказывал о себе. Шли мы неторопливо, оттягивая момент расставания, но в конце концов неминуемо вышли к этой залитой огнями витрин и фонарей улице. Беседовать там было не очень удобно из-за шума движения, так что мы остановились на углу. Я спросил, не придется ли ей потом петлять по каким-нибудь темным переулкам, но она заверила меня, что отсюда ей идти совсем недалеко и безопасно.

- Приходи завтра в шесть на нашу скамейку, - сказала она. - Придешь?

Значит, это уже "наша скамейка". Интересно, что мы будем делать, если ее займет кто-то другой?

- Конечно, - ответил я вслух. - Могу и пораньше.

- Раньше, боюсь, у меня не получится выбраться. Но в шесть - точно, - она чуть помолчала и добавила: - Как же здорово, что мы все-таки встретились!

- Погоди! - окликнул я ее, видя, что она собирается уходить. - Я хоть и обещал не спрашивать твоего имени, но, раз уж мы продолжаем общаться - думаю, все же должен его знать, - я широко улыбнулся.

- Конечно, - ответила она, но продолжения не последовало.

- Что "конечно"?

- Ты его знаешь.

- Откуда? Ты мне не говорила.

- Знаешь, - лукаво повторила она и посмотрела на меня таким же заговорщицким взглядом, как и в кофейне. - Как меня зовут?

Ну, подумал я, если после всех серьезных разговоров ей охота развлечься игрой в угадайку, то почему нет. Гадать по принципу максимальной вероятности я не стал. Во-первых, я понятия не имел, какое женское имя было самым популярным в год ее рождения, а во-вторых, от меня явно ждали не решения задачи по матстатистике. Возможно, она просто хотела таким образом узнать, какое мое любимое женское имя - но для вариантов "Джессика", "Дженнифер" или "Эвелина" тут была явно не та долгота. Что же выбрать более подходящее для страны моего рождения? В первом классе у меня была подружка по имени Вика. В отличие от гораздо более длительных отношений с двумя подружками во дворе, эта дружба увяла всего-то месяца за три: другие мальчишки объяснили мне, что дружить с девчонками - это отстой, а ее, наверное, аналогично обработали представительницы женской половины класса, а может, она и с самого начала не очень-то дорожила этими отношениями. После второго или третьего класса она и вовсе перевелась в другую школу, так что о ней я не помню ровным счетом ничего, кроме ее имени и написанного ею коротенького стишка про олимпийского мишку (был как раз 1980 год), в двух строках которого я, тогда восьмилетний, уже совершенно профессионально нашел две смысловых ошибки (нет, это не было причиной нашего разрыва - это было уже после). Но вот имя "Вика" - что в краткой, что в полной форме - я с тех пор нахожу красивым (в отличие, кстати, от имен гораздо более верных дворовых подружек, в чем последние, конечно, ничуть не виноваты). Так что я сказал:

- Вика!

Девушка радостно захлопала в ладоши:

- Ну вот! А говорил - не знаешь!

- Что - правда? - изумился я. Неужели угадал? Имя, конечно, не самое редкое, но и не самое распространенное. С другой стороны, выигрывают же люди в лотерею даже при куда меньших шансах... Но, конечно, мой рациональный ум тут же подсказал мне не романтическое, а реалистическое объяснение: вероятно, она все еще не до конца мне доверяет (что разумно при столь кратком знакомстве) и перестраховалась на случай, если она захочет свернуть отношения, а я, типа, не успокоюсь и стану искать ее через интернет. И успехов найти "художницу Викторию", которая на самом деле вовсе не Виктория... А может быть и так, что ей самой не нравится ее настоящее имя, вот она и предоставила мне возможность подобрать ей более красивое. Что ж - не имею ничего против. Как говорится - бьют не по паспорту, и дружат тоже. Для меня она отныне Вика, и неважно, что написано в ее документах.

- Только, пожалуйста, не зови меня "Викуся", - серьезно добавила она. - Звучит, как "выкуси".

- Нет, конечно, - заверил ее я. - Сам терпеть не могу сюсюканья.

На следующий день я сидел на скамейке над прудом уже в половине шестого. Вика появилась где-то без четверти.

- Ты пришел! - счастливо воскликнула она.

- Конечно.

- Знаешь, я только теперь окончательно поверила, что мне это не приснилось.

- Как прошло с матерью? - спросил я.

- А... - Вика досадливо махнула рукой. - Теперь это все неважно. Важно, что у нас есть Мы.

Так началась наша дружба. Хочу подчеркнуть - именно дружба, и не что иное, хотя и очень близкая. Это прекрасно - дружить с девушкой без всяких сексуальных мотивов с обеих сторон, явных или скрытых. И да - при этом важно, чтобы этих мотивов у нее не было не только

по отношению к тебе, но и по отношению к кому-либо еще. Это не вопрос ревности - это вопрос чистоты. Но с этим у нас было все в порядке. Даже о поцелуях она отзывалась буквально моими словами - "не понимаю, что за удовольствие в том, чтобы мазать друг друга слюнями!"

Мы встречались почти каждый день, когда была хорошая погода. Иногда болтали, сидя на "нашей" скамейке, иногда бродили по городу. В кино или на иные развлекательные мероприятия мы не ходили - нам вполне хватало общества друг друга. Это вообще довольно нелепая манера - приглашать кого-то в кино или на концерт. Если ты хочешь посмотреть фильм - иди и смотри фильм, зачем тебе спутник? А если ты хочешь пообщаться с человеком, то зачем тебе фильм? Одно отвлекает от другого. Впрочем, где люди, а где логика?

Порою она приходила на наши встречи совсем не радостная - мать снова доставала ее - но, завидев меня, тут же расцветала в улыбке. У нас ни разу не было не то что ссоры, но даже небольшого разногласия. Мы дружно ненавидели власть (хотя обычно все же старались находить более приятные темы, чем политика), смеялись над религией, презирали гламур и т.д. и т.п. Ну то есть нельзя, конечно, сказать, что мы совпадали всегда и во всем, но все расхождения были такими же непринципиальными, как то, что я, в отличие от нее, не люблю кофе (в кофейни она меня, кстати, больше не затаскивала - наверное, еще и потому, что для нее это тоже было дорого). Даже сюжеты ее рисунков стали куда менее мрачными. Нет, она не переключилась на эльфов на единорогах, никакой слащавой пошлятины, но всякие монстры теперь корчились по краям, бессильные прорваться в центр, где обитали красивые и сильные герои - не преследуемые жертвы, а победители. Эти герои не обязательно были парень и девушка, не обязательно двое, не обязательно вообще люди - но я не сомневался, что ее вдохновляло. Наш портрет на скамейке она, кстати, дорисовала, как и обещала, а потом еще нарисовала отдельный мой портрет крупным планом, с лицом на всю страницу. При этом в моих нарисованных глазах отражалось ее лицо. Мне очень понравилось. Я, в свою очередь, читал ей свои стихи. Ей тоже нравилось; она говорила, что и Виталий сочинял стихи, но у него выходило совсем не так хорошо (ну, прямо скажем, то, что я писал в десятилетнем возрасте, тоже было далеко от совершенства).

При всем при этом, однако, мы по-прежнему не знали ни адресов, ни телефонов, ни е-мэйлов друг друга. Нам это как-то не требовалось. Мы просто завершали каждый наш вечер традиционным "завтра на нашей скамейке во столько-то" или куда более редким "завтра у меня не получится, так что послезавтра". Если в планы вмешивалась погода, то у нас был уговор: короткий летний ливень - не проблема, приходим после него, а если дождь нудный и затяжной, переносим все на следующий день. Несколько раз, правда, бывало, что Вика не приходила и в хорошую погоду. Когда это случилось впервые, я просидел в парке до заката и здорово переволновался, подозревая, что ее психованная мать устроила что-то похуже простой истерики, или что случилась еще какая-нибудь беда. Но на следующий день Вика появилась целая и невредимая и очень извинялась за свое отсутствие. Она объяснила, что накануне ей нездоровилось, пришлось даже пить лекарства, но теперь уже все в порядке. Я подумал, что речь о типичном женском недомогании и ей неудобно обсуждать со мной подробности, так что лишь попросил ее в следующий раз уведомить меня е-мэйлом, если планы на вечер сорвутся. Надо сказать, я терпеть не могу пользоваться телефоном, а вот е-мэйл считаю самым подходящим средством связи, и еще во время второй нашей встречи я сообщил Вике свою фамилию, чтобы она могла найти информацию обо мне в интернете, включая мой сайт и электронную почту - но она, похоже, так этого и не сделала. Когда она не пришла в следующий раз - это было не через месяц, а через три недели - то на следующий день в ответ на мой мягкий упрек ответила, что писала, но, как видно, письмо не дошло. Я сделал вид, что поверил, но на самом деле сильно в этом сомневался. Спам-фильтры и в самом деле не так уж редко рубят нужные письма, но почему Вика упорно избегала давать мне свой е-мэйл? Я не настаивал, но и она не предлагала, хотя это, казалось бы, было естественным. Я решил, что Вика просто не

хочет оставлять никаких следов нашего знакомства, которые могли бы обнаружить посторонние. Наверное, ее мамаша сует нос в ее почту, а Вика не решается защититься паролем, чтобы не показывать, что ей "есть что скрывать" (смартфонов в ту пору еще не было, и, скорее всего, в семье, живущей на пособие по инвалидности, был лишь один старенький компьютер на двоих). Можно, конечно, тереть все письма после прочтения и отправки, но что, если мать влезет в ее ящик еще до того, как дочь успеет проверить почту? Само собой, любое письмо от меня было бы совершенно невинным, как и все наши отношения - но поди докажи это психически больной истеричке... Так что, когда Вика не пришла снова, я уже не беспокоился и не обижался, а просто сидел на нашей скамейке "за нас обоих", думая о завтрашней встрече - которая вновь состоялась, как ни в чем не бывало.

Со временем, однако, я стал замечать и некоторые другие нестыковки в словах моей подруги. Например, в день нашего знакомства она сказала, что ее не приняли в художественное училище. Позже выяснилось, что она проучилась там два года и сама забрала документы, разругавшись с преподавателями, поставившими незаслуженно низкие, по ее мнению, оценки ее курсовым работам. "Почему же ты сказала, что тебя не приняли? - Ты не понял, я сказала, что они не приняли мое искусство! Чего бы я вдруг только в 21 поступать стала?" Ну да, логично. Видимо, я просто не так расслышал. Хотя в этом случае становилось более понятным возмущение ее матери тем, что дочь, проучившись половину срока, бросила вуз, можно сказать, на ровном месте, от обиды на препода, не поставившего ей "отлично". Это уже не то же самое, что гнобить дочку из-за заваленного вступительного экзамена, когда та как раз нуждается в утешении - но эту мысль я, понятно, оставил при себе. Тем более что я сам максималист и перфекционист, не раз в своей жизни "хлопавший дверью".

Потом, ее отец. Я всегда интересовался темой авиации, но не помнил ни о какой крупной авиакатастрофе под Арзамасом, произошедшей за последние 20 лет. Проверил по интернету и убедился, что ее действительно не было. Разбивались только небольшие воздушные суда, да и те за много лет до рождения Вики. Правда, в 1988 - как раз подходящее время - в Арзамасе случилась крупная железнодорожная катастрофа, когда на сортировочной станции рванул товарняк со взрывчаткой. Погибли в основном жители близлежащих домов. Мог ли среди них каким-то образом оказаться столичный летчик? Ну, чисто теоретически, наверное, мог, мало ли - гостил у друзей... но ведь Вика сказала - авиакатастрофа! Или она просто неверно поняла рассказ собственной матери? Раз "летчик погиб в большой катастрофе", то непременно разбился на самолете? Даже и взрослый легко сделает такую ошибку, а тем более ребенок. Я не придал этому значения, но позже Вика вдруг упомянула, что ее отец был пожарным и погиб на пожаре. "Ты же говорила - он был летчик?" - удивился я. "Ну да, летчик. Они тушили с самолета лесной пожар, потеряли ориентацию в дыму и разбились." Вроде логично, но такая катастрофа - при всем уважении к летчикам, выполняющим этот едва ли не самый опасный вид авиационных работ - никак не тянет на крупную, а главное - что ее не было! Ни в каких списках авиационных происшествий она не значится! Ну что ж, подумал я, Вика - далеко не первый и не последний ребенок, которому мать-одиночка рассказывает сказки про героически погибшего отца романтической профессии. Который на самом деле был банальным пьяницей или случайным знакомым и, возможно, даже вполне еще живой, просто уклоняется от алиментов...

В общем, это были совершенно несущественные мелочи. Кто-то что-то недослышал и недопонял, и вообще, какое это все имеет значение? В чем я был совершенно уверен, так это в том, что Вика никогда мне не врет - даже в таких вот непринципиальных для меня мелочах. Что-то забыть или перепутать, конечно, может - точно так же, как и я сам, но никогда не говорит неправды сознательно. Как и я, она искренне презирала ложь - понимая, конечно, уместность таковой по отношению к врагам, но ни в коем случае не к друзьям. Друг, который врет - это не друг, и друг, которому нужно врать - тоже. Это был один из множества пунктов, в которых мы полностью сходились.

Но вот однажды... это была уже третья неделя сентября, и мы не виделись два дня из-за дождей, а на третий, хотя погода и прояснилась, Вика вновь не появилась, и это снова заставило меня волноваться. Три дня - казалось бы, пустяк, но никогда еще с начала нашей дружбы у нас не возникало столь длительных перерывов, а главное я по-прежнему не имел никакой возможности связаться с ней и узнать, все ли у нее в порядке. На четвертый день она все-таки пришла в парк, опоздав почти на полчаса - но, когда она подошла к скамейке, ее лицо не расплылось в улыбке, как обычно. После обмена приветствиями она чуть помолчала, а затем огорошила меня известием:

- Тебя хотят убить.

- Кто?! - обалдел я.

- Моя мать. Я не хотела, чтобы она узнала про тебя, но она догадалась. Видела рисунки в моем альбоме. Теперь она знает, как ты выглядишь.

- Ты же говорила - она не опасна?

- Для меня нет. А для тебя еще как опасна.

Я не слишком верил в реальность такой угрозы. Даже если какая-то сумасшедшая и в самом деле возжаждала моей смерти, ревнуя ко мне собственную дочь, то что она может мне сделать? Она даже не знает, где я живу. Бегать по улицам с моим портретом, размахивая кухонным ножом? А вот для самой Вики такая ситуация действительно опасна ("не доставайся же ты никому", да), и то, что она эту угрозу недооценивает, лишь увеличивает риск.

- Если это серьезно, то надо заявить в милицию, - сказал я (тогда это еще была милиция).

- Там ничего не будут делать, - покачала головой Вика. - Скажут, что это все галлюцинации психически больной женщины.

- Тогда пусть ее, наконец, запрут в психушку!

- Нет оснований. Она принимает таблетки и считается неопасной для себя и окружающих.

- Угу. "Когда вас убьют, тогда и приходите", знакомая песня... Хотя мне-то она ничего сделать не может. Как я понимаю, в спецназе она не служила, снайперскую винтовку в шкафу не хранит, и знакомых киллеров у нее тоже нет...

- У нее есть Сергей Семенович.

- Кто такой Сергей Семенович? - меня удивило, что явного врага Вика называет по имени-отчеству. - Ее любовник?

- Нет. Он доктор. Психиатр.

- Ну так пусть ее и лечит! - но тут до меня дошло, что фраза "тебя хотят убить" звучала во множественном числе. - Погоди, ты что, хочешь сказать, что он ее сообщник?!

- Да. Они вдвоем хотят тебя убить.

Я уставился на нее.

- Вика, но это же полный бред! Я еще могу понять, как моей смерти может желать шизофреничка, - "тем паче что это взаимно", добавил я про себя, - но психиатру-то с какой стати?! Он-то нормальный!

- Так он знает про тебя только с ее слов! Он думает, что ты - галлюцинация!

- И как же можно убить галлюцинацию? - хохотнул я. Драма на глазах превращалась в комедию абсурда - хотя я и понимал, что моей подруге, вынужденной расхлебывать весь этот бред, не до смеха.

- Таблетками, - серьезно ответила она.

И тут я сообразил, что на самом деле план ее матери, при всей нелепости исходной посылки, не так уж и смешон. Говорят, сумасшедшие бывают чертовски убедительны... хотя, возможно, это всего лишь одна из популярных баек на тему психиатрии. Но пациентке с многолетним стажем действительно должно быть нетрудно убедить своего лечащего врача, что ей требуется повышение дозы. Даже изображать симптомы не надо - просто прекратить

принимать таблетки, а говорить, что принимаешь, но не помогают. И то, что не смертельно для нее, с ее выработавшейся за много лет толерантностью к препаратам, при попадании в организм нормального человека...

- То есть она хочет отравить меня ударной дозой нейролептиков, которые получит по рецепту, который ей выпишет врач, уверенный, что они нужны ей для борьбы с галлюцинациями? Могло бы сработать, если бы я собирался к ней на чай. А так - как она до меня доберется?

- Через меня, - мрачно ответила Вика.

Только тут до меня дошло, почему моя подруга не только не сообщала мне своих координат, но и упорно не хотела знать мои собственные. Она беспокоилась не о своей, а о моей безопасности! О том, чтобы ее безумная мать, некогда распугавшая всех подружек и друзей ее детства, не добралась до ее взрослого друга, которого уже не получится просто отпугнуть. О том, чтобы она, Вика, не могла выдать мой адрес даже под давлением - ни почтовый, ни электронный. Электронный был бы особенно удобен, чтобы заманить меня в ловушку, написав от ее имени... Возможно, сперва шизофреничка и в самом деле рассчитывала через Вику пригласить меня на чай с тортиком - хочу, мол, познакомиться с твоим замечательным другом. Но, коль скоро девушка раскусила ее замысел (видимо, подслушала ее разговор с психиатром), может перейти и к менее изящному плану Б...

- Ладно, - сказал я. - Ты ж понимаешь, все это имеет очень простое решение. Завтра с утра... а нет, завтра суббота, он, наверное, не принимает... значит, в понедельник мы едем к этому Сергею Семеновичу. Он увидит, что я никакая не галлюцинация, поймет, что твоя мать социально опасна, и наконец отправит ее туда, где ей самое место. Но возвращаться к ней тебе нельзя. Уж не знаю, будет она ползать перед тобой на коленях или набросится с молотком, но проверять не хочу. Поживешь у меня, пока ее не заберут в клинику. Родители против не будут, - я пока что ничего не говорил им про Вику, не желая ассоциаций с той самой историей про лицемерную мразь (самой Вике я, кстати, эту историю уже рассказал) и естественных для всяких родителей опасений, что их сын, хотя бы ему и было уже 34, может снова наступить на те же грабли. Но теперь Вика уже не была "девушкой, с которой я познакомился три часа назад" и, главное, ей уже грозила реальная опасность, если она вернется к своей сумасшедшей мамаше.

Но моя подруга лишь грустно покачала головой:

- Не получится.

- Что не получится?

- Ничего не получится.

- Почему? Ты знаешь телефон или адрес клиники Сергея Семеновича?

Вика задумалась, очевидно, пытаясь вспомнить, потом покачала головой:

- Я ему звонила в детстве, когда у нее обострения были. Но это давно было.

И тут до меня дошло кое-что еще.

- А его разговор с твоей матерью по поводу "галлюцинации" и таблеток? Ты его по параллельному телефону слышала?

- Нет.

Так я и думал! Вика слышала только реплики своей матери (очевидно, через дверь или стену), но не ответы ее абонента. А был ли вообще этот абонент? Что, если он всего лишь один из "гостей" шизофренички? То есть когда-то, конечно, врач Сергей Семенович реально существовал, Вика же ему звонила. Но это было много лет назад. Возможно, он уже на пенсии. А его бывшая пациентка то ли реально верит, что продолжает общаться с несуществующим доктором и принимать воображаемые таблетки, то ли умело врет, изображая это - опять-таки, говорят, что сумасшедшие бывают очень хитрыми... Так или иначе, таблеток она не принимает уже давно. И ее болезнь прогрессирует. И она гораздо, гораздо опаснее, чем считают все окружающие, включая ее дочь.

А чем она, в таком случае, собралась меня травить? Да мало ли какие идеи роятся в ее спутанном сознании. Если воображаемые таблетки не помогут, в ход может пойти все тот же реальный молоток или топор. И не против меня, который далеко, а против Вики, которая рядом. Возможно, в этот миг ненормальной будет казаться, что у ее дочери мое лицо...

И ведь, главное, ничего никому не докажешь, пока не станет слишком поздно.

Ладно, подумал я. Сколько бы ни было всяких служб и специалистов, а некоторые проблемы приходится решать самому. Раз, "пока не убили", никто не станет шевелиться - надо спровоцировать убийцу. Я не Брюс Ли и не Чак Норрис, но уж с не первой молодости женщиной как-нибудь справлюсь. Само собой, если она кинется на меня с чем-то колюще-режущим, то может поранить - но я просто не дам ей взять никакое оружие. Схвачу ее за руки при первой попытке. Если она первой проявит агрессию - это даст повод вызвать милицию и скорую. А если не проявит, я просто выясню у нее телефон Сергея Семеновича и проверю, насколько тот реален. Если нет - это, опять-таки, повод обратиться к настоящим психиатрам. А если да - смотри решение предыдущей задачи. Если больную не заберут сразу, тогда мы соберем Викины вещи и уйдем. Нельзя же ей переезжать ко мне только в том, что на ней надето. Холода на носу.

- Твоя мать сейчас дома? - спросил я.

- Да. Она вообще редко из дома выходит.

- Тогда идем. Я намерен с ней встретиться. Если у нее ко мне какие-то претензии - пусть выскажет мне их в лицо.

- Но она не будет с тобой говорить!

- Не беспокойся, если она попытается наброситься на меня, то не сможет причинить вреда - зато у тебя появится повод вызвать скорую психиатрическую помощь. А если она попытается подсунуть отравленную еду или напиток, вызовешь милицию. В любом случае я прослежу, чтобы она не смогла тебе навредить.

Я опасался, что Вика станет возражать, ведь до этого она не хотела, чтобы я даже приближался к ее дому - но она лишь спросила:

- Ты действительно это сможешь?

- Смогу, - я подавил невольное смешное искушение выпятить грудь и напрячь бицепс. Не Чак Норрис, конечно, но 20 раз на перекладине все-таки подтягиваюсь.

- И мы больше не будем расставаться?

- Ну, - усмехнулся я, - не 24 часа в сутки, конечно, но не вижу, почему бы двум лучшим друзьям и единомышленникам не пожить вместе.

- Тогда идем, - сказала она.

И мы пошли. И дошли - сперва до большой улицы, на которой расставались обычно (сейчас она все еще была озарена вечерним солнцем, а не ночными огнями), потом поворот, еще поворот, проход через арку вглубь двора - и вот и он, старый пятиэтажный дом в окружении таких же старых тополей, жидковатых кустов и гаражей-"ракушек" (война на уничтожение им будет объявлена позже). Я подумал, что так и не придумал эффектную фразу, с которой начну. "Здравствуйте, я Юрий. Кажется, вы хотели меня убить?" А если она просто примется все отрицать? Скажет, что и мое имя слышит впервые, и никакого Сергея Семеновича не знает? Как вытрясти из нее правду, оставаясь в рамках закона? Где-то в доме наверняка записан телефон психиатра, но я не имею права устраивать обыск. Но Вика имеет, ведь это ее дом, а если мать попытается активно ей помешать, тут уже и у меня появится повод применить силу, заступаясь за девушку... Но сначала попробуем все-таки вежливо.

- Как зовут твою мать? - спросил я Вику. До сих пор мне как-то не приходило в голову это выяснять.

- Серафима.

- А по отчеству?

- Степановна.

Это сочетание показалось мне довольно нелепым. Впрочем, мои собственные родители рассказывали мне про работавшую в их НИИ женщину по имени Клеопатра Ивановна Поросятникова...

Домофон не работал, так что Вика просто потянула дверь на себя, и мы вошли в подъезд - в книжках в таких случаях любят писать "провонявший кошками", но нет, пахло скорее сырой затхлостью. Лифта не было, но он был нам и не нужен - первый этаж. Вика прошла направо, мимо двух рядов квадратных почтовых ящиков, из которых неряшливо торчала какая-то реклама (некоторые были взломаны), и открыла своим ключом железную дверь с номером 3.

Мы оказались в крохотной прихожей, откуда вели две закрытые двери, прямо и налево - очевидно, в комнаты - и короткий, загибавшийся влево коридор в кухню, откуда падал вечерний свет и доносился запах чего-то жареного или печеного. Мне тут же представились растолченные в порошок таблетки, высыпаемые в тесто. Впрочем, Серафима, конечно, не могла предвидеть моего визита. Но все равно - ничего здесь не есть и не пить, даже если она изобразит самое щедрое радушие!

Тут же я сообразил, что зря не подумал о возможности застать мать Вики на кухне. Весь мой расчет строился на том, что если она попытается напасть на меня, я не дам ей вооружиться. Но из кухни она может выйти уже с ножом наготове, и я не успею ей помешать. Но не успел я подать знак Вике, чтобы та молчала и дала мне пробраться на кухню и застать Серафиму врасплох, как девушка уже крикнула: "Мама!"

Из кухни вышла невысокая худощавая женщина в цветастом фартуке и с высоко взбитой прической темных волос. Выглядела она лет на 50, хотя я уже знал от Вики, что ей всего 43 - забавно, но по возрасту я был ближе к матери, чем к дочери - так что я и не ожидал увидеть старуху, но полагал, что она толстая ("почти не выходит из дома", да и чем ей еще заняться в перерывах между приступами, кроме как едой?). Ну что ж - бывает такой метаболизм, при котором люди не толстеют в принципе. Ножа в руке у нее не было. Безумного блеска в глазах тоже. Ну а чего я ожидал - что она будет рычать и бегать на четвереньках? Тогда бы ее давно госпитализировали, и у нас с Викой не было бы проблемы...

Впрочем, при виде меня рот ее удивленно приоткрылся, и вся она застыла живым олицетворением вопроса.

- Здравствуйте, Серафима Степановна, - сказал я, не давая ей опомниться. - Я Юрий, друг вашей дочери. Полагаю, нам необходимо поговорить.

Так себе получилось начало, прямо скажем. Ни грозных обвинений, ни саркастической язвительности. Все-таки одно дело - придумывать эффектные фразы за своих героев, сидя за компьютером, и совсем другое - импровизировать в реальной жизни, особенно общаясь с незнакомым человеком, от которого в любую секунду можно ожидать чего угодно. До этого я вообще видел психически больных только в кино, причем не документальном, а художественном.

Однако на нее и это невыразительное вступление, похоже, произвело впечатление. Ее рот открылся еще больше, а глаза принялись обшаривать меня с головы до ног, словно я был не человеком, а серым гуманоидом, явившимся в ее прихожую прямиком со страниц таблоида.

- Вы... - выдавила она из себя наконец, - вы Юрий? Вы... живой?

Тут было самое время съязвить: "Живой, и останусь таковым, несмотря на ваши намерения, которые мне прекрасно известны!", но злобы и ненависти в ее голосе не было - только растерянность и удивление. Впрочем, конечно, она шизофреник, и ее реакция может быть сколь угодно неадекватной...

Но прежде, чем я успел решить, выкладывать мне свои обвинения или повременить, в помещении раздался еще один, столь же изумленный голос:

- Ма-ам? Ты его видишь?

Я резко повернулся. Теперь уже и Вика смотрела на меня таким же взглядом - а точнее, переводила этот взгляд с меня на свою мать, словно в серых гуманоидов превратились уже мы оба!

И тут я сделал то, чего не делал ни разу за все время нашей дружбы. Со словами "Вик, ты чего?" я успокаивающе взял ее за руку.

Реакция была поразительной. Девушка, лицо которой всегда расплывалось в счастливой улыбке при виде меня, с криком вырвала руку, бросилась в дверь комнаты и захлопнула ее за собой.

Теперь челюсть отвисла и глаза округлились уже у меня.

- Что это с ней? - я растерянно повернулся к женщине, которую еще минуту назад считал последним человеком, способным давать адекватные ответы.

- Вы не знали? - устало вздохнула Серафима Степановна. - Ну конечно же, вы не знали. Идемте на кухню. Нам, как вы и сказали, надо поговорить.

Я прошел за ней в маленькую кухоньку (кажется, в этой квартире все помещения были маленькими). За стеклом духовки румянился кекс. Женщина подошла к разделочному столу, на котором стояла деревянная стойка с ножами, но у меня уже не было мысли, что она сейчас схватит один из них (позже я, кстати, заметил, что концы у всех ножей скругленные). Действительно, она взяла не нож, а лежавший на том же столике мобильный телефон.

- Точнее, - сказала она и принялась тыкать кнопки, - вам надо поговорить даже не со мной, а... Сергей Семенович? Здравствуйте. Вы понимаете, у меня тут Юрий. Тот самый, которого мы с вами обсуждали... нет, нет! То-то и оно, что нет! Вы ошибались. Мы оба ошибались. Он настоящий! Он стоит сейчас рядом со мной. Да, конечно, принимала! Сейчас я дам ему трубку, и вы сами сможете с ним поговорить. Пожалуйста, расскажите ему все про Нику... и про меня тоже. Ответьте на все вопросы, которые у него будут.

Она протянула телефон мне со словами: - Это Сергей Семенович. Ее психиатр, - а затем добавила: - Вам, может, неудобно будет при мне, так я выйду. Подслушивать не буду, не волнуйтесь.

- А... - я с кривой усмешкой кивнул на кекс, - не сгорит?

- Там таймер, - ответила она и вышла из кухни.

Я взял трубку.

- Алло?

- Вы Юрий? - спросил мягкий, чуть грассирующий голос немолодого мужчины.

- Да.

- Скажите пожалуйста, как давно вы знаете Нику?

- Вы имеете в виду Вику?

- Вам она представилась Викой?

- Да... то есть нет. Это я сам так ее назвал. А она не стала возражать.

Тут же я понял, что она не врала мне в том числе и в этом. Ведь Виктория и Ника - это, фактически, синонимы. "Победа" на латыни и греческом, соответственно...

- Так как давно? - поторопил голос.

- С конца июня.

- Можете вспомнить точную дату?

- Двадцать какое-то... это важно?

- Ну, в общем, да. Вы понимаете, ваше появление совпало с прекращением приема препаратов. Что и породило, некоторым образом, ошибочную трактовку событий... всеми заинтересованными сторонами.

- В тот день она поругалась с матерью из-за того, что ушла из художки. Хотя уже даже не знаю, училась ли она там...

- Училась. После первого курса брала академический отпуск, потом восстановилась, но

после второго все же ушла совсем... Но, наверное, лучше рассказать вам все с самого начала. Это, конечно, в некотором роде нарушает врачебную тайну, но я вынужден пойти на это в интересах пациентки. Ибо, насколько я понимаю, у вас с ней сложились очень доверительные отношения, и вы приобрели на нее значительное влияние - а потому, если не будете понимать в полной мере характер ее болезни, можете невольно способствовать ухудшению ее состояния...

И он действительно рассказал мне все и ответил на все мои вопросы.

Насчет своей матери Вика (все-таки для меня она Вика) тоже не врала. Серафима Степановна - шизофреничка, с юности сидящая на таблетках. С периодическими обострениями. Плюс истероидный темперамент в придачу.

Но склонность к шизофрении передается по наследству.

Вике поставили диагноз в 11 лет, когда стало окончательно ясно, что ее "Виталий" - не просто воображаемый друг, какие бывают у многих детей, а устойчивая галлюцинация. Детская психика хорошо поддавалась воздействию препаратов. В ее медицинской карте появились ободряющие записи о положительной динамике.

Ее лучший, а к тому времени уже и единственный, друг исчез. Навсегда.

С тех пор она считала врачей своими врагами, против которых, однако, опасно поднимать открытый бунт, чтобы не упрятали в стационар. Ну и... не совсем врагами все-таки. Ибо, если не принимать препараты совсем, то... не все галлюцинации были приятны.

По ее рисункам это было видно очень хорошо.

Какое-то время она все же пыталась вписаться в общество, отторгавшее ее и отторгаемое ей (и причиной этого отторжения была отнюдь не только ее болезнь, успешно купируемая таблетками - уж мне ли, всю жизнь бывшему такой же "белой вороной" без всякой шизофрении, этого не знать!) Получалось плохо. Она ненавидела ложь и притворство. Она презирала сверстников (обоего пола) за их примитивность, глупость, похоть, вульгарность, стадность - а старших за их лицемерие, косность, трусость, конформизм, отсутствие воображения и уверенность в своем праве контролировать других. Несколько раз она все-таки пыталась заводить дружбу с теми, кто казался ей выделяющимся из этой серой массы - но всякий раз это кончалось разочарованием. В конце концов она вновь утвердилась в выводе, к которому уже приходила в детстве - реальные люди подведут и предадут всегда. Только воображаемые друзья - настоящие.

В 21 она решилась на прямой бунт. Бросила училище, где ее бесили и преподы, и одногруппники. Прекратила принимать таблетки.

И встретила меня.

Не случайного прохожего на улице, а того единственного, кто должен был прийти на ее зов из глубин ее собственного воображения.

Встретила на пике отчаяния, готовая покончить с собой, если этого не произойдет. Она не говорила этого доктору, не говорила открытым текстом даже мне, но, думаю, так оно и было.

Теперь я понимал, как она проверяла меня. Официант в кофейне не заговорил со мной - значит, он меня "не видит". Я сказал, что мне не нужно спрашивать ее имя, а потом продемонстрировал, что и в самом деле знаю его (ну почти, с точностью до разницы между греческим и латинским, но ей этого было достаточно). Я никогда не покупал никакой еды и напитков в ее присутствии - всего-то из экономии, а она думала, что я, как и положено воображаемому другу, в принципе в этом не нуждаюсь.

И, конечно же, я не делал того, что рано или поздно сделал бы, наверное, любой парень на моем месте. Сексуально озабоченный попытался бы лапать или целоваться, и даже самый чистый романтик решился бы обнять или взять за руку. И только я ни разу до нее не дотронулся. Мне была интересна ее личность, и я любовался ее внешностью, как любуются прекрасной картиной или цветущим лугом, но мне был абсолютно не нужен физический контакт.

Вызывающий у нее лишь отторжение.

Было ли оно настолько сильным, что именно по этой причине она не проделала этот простейший тест сама, подтверждая мою "воображаемость" окольными путями? Думаю, все же нет - невозможно жить в густонаселенном городе, никогда не прикасаясь к людям даже случайно. Просто она слишком боялась очередного разочарования - ну и, наверное, боялась спровоцировать очередного похотливого козла, который воспринял бы даже невинное прикосновение как приглашение. А когда она окончательно уверилась, что я - не козел, в дополнительных проверках уже не было нужды.

Те дни, когда она не приходила на наши встречи, не имели, разумеется, никакого отношения к менструациям. Это были дни, когда ей не удавалось уклониться от приема таблеток. Она думала, что, придя в парк в такой день, увидит вместо меня пустую скамейку.

И понятно, конечно, что она подразумевала под моим убийством. Если ее вновь заставят принимать таблетки не время от времени, а каждый день...

Слушая доктора, я понял кое-что еще. Она действительно ни разу не соврала мне. Она - не знаю даже, сознательно или подсознательно - следовала невесть откуда взятому правилу "не говорить воображаемому другу, что он воображаемый", но при этом всегда строила фразы так, что ее нельзя было упрекнуть во лжи. "Ты знаешь телефон Сергея Семеновича? - Я ему звонила в детстве, но это давно было." Где здесь сказано "не знаю" или что после этих давних звонков не было более свежих? "Ты слышала их разговор по параллельному телефону? - Нет." Чистая правда - это не был телефонный разговор, он велся в ее присутствии! "Менты скажут, что это галлюцинации психически больной женщины", "Сергей Семенович думает, что ты галлюцинация" - где здесь сказано, что речь о галлюцинациях матери, а не дочери? "Мать не будет с тобой говорить" - не потому, что не захочет, а потому, что не увидит и не услышит... И даже "писала, но письмо не дошло" - потому что было написано, но не отправлено. Она же не знала, что мой электронный адрес реален, и, наверное, думала, что воображаемому другу достаточно текста на ее собственном экране... И все эти формулировки она мгновенно подбирала на ходу. Блестящий ум!

Блестящий больной ум...

Только воображаемые друзья не предают. Увы - я лишь подтвердил эту формулу. Выслушав все разъяснения, я трусливо сбежал, аккуратно положив телефон обратно на столик. Серафима не ждала меня в прихожей, видимо, предвидя такой итог и не желая умножать мою неловкость. Спасибо ей за это.

Вика тоже не вышла из своей комнаты, когда я выскальзывал за дверь. Но, думаю, ее шок бы быстро прошел, и она бы смирилась с тем, что я реальный. После тех трех чудесных месяцев, что у нас были, она бы, наверное, даже нашла в этом положительные стороны. Возможно - много положительных сторон.

Но я просто не знаю, как дружить с психически больной девушкой, которая три месяца считала меня своей галлюцинацией и у которой в любой момент может начаться обострение. Я, в отличие от нее, не мог найти никаких положительных сторон в открывшейся мне правде.

Я больше никогда не был в том парке. Даже спустя три года, когда я уже готовил свою эмиграцию и оформлял загранпаспорт в отделении милиции, кратчайшая дорога к которому лежит как раз через этот парк - я обходил его стороной. Хотя, конечно, понимал, что уже не увижу на обращенной на закат скамейке одинокой девичьей фигурки.

По имени и цитатам из моих стихов, которые я читал ей, меня можно было бы найти через интернет, но меня никто не искал.

И все же меня занимает одна мысль. В то лето Вика прекратила (ну, почти прекратила) принимать препараты, потому что думала, что обеспечивает таким образом мое существование. Но это было не так. На самом деле у нее не было воображаемых друзей или "гостей". Не было галлюцинаций, несмотря на отсутствие таблеток. Все эти три месяца нашей дружбы она

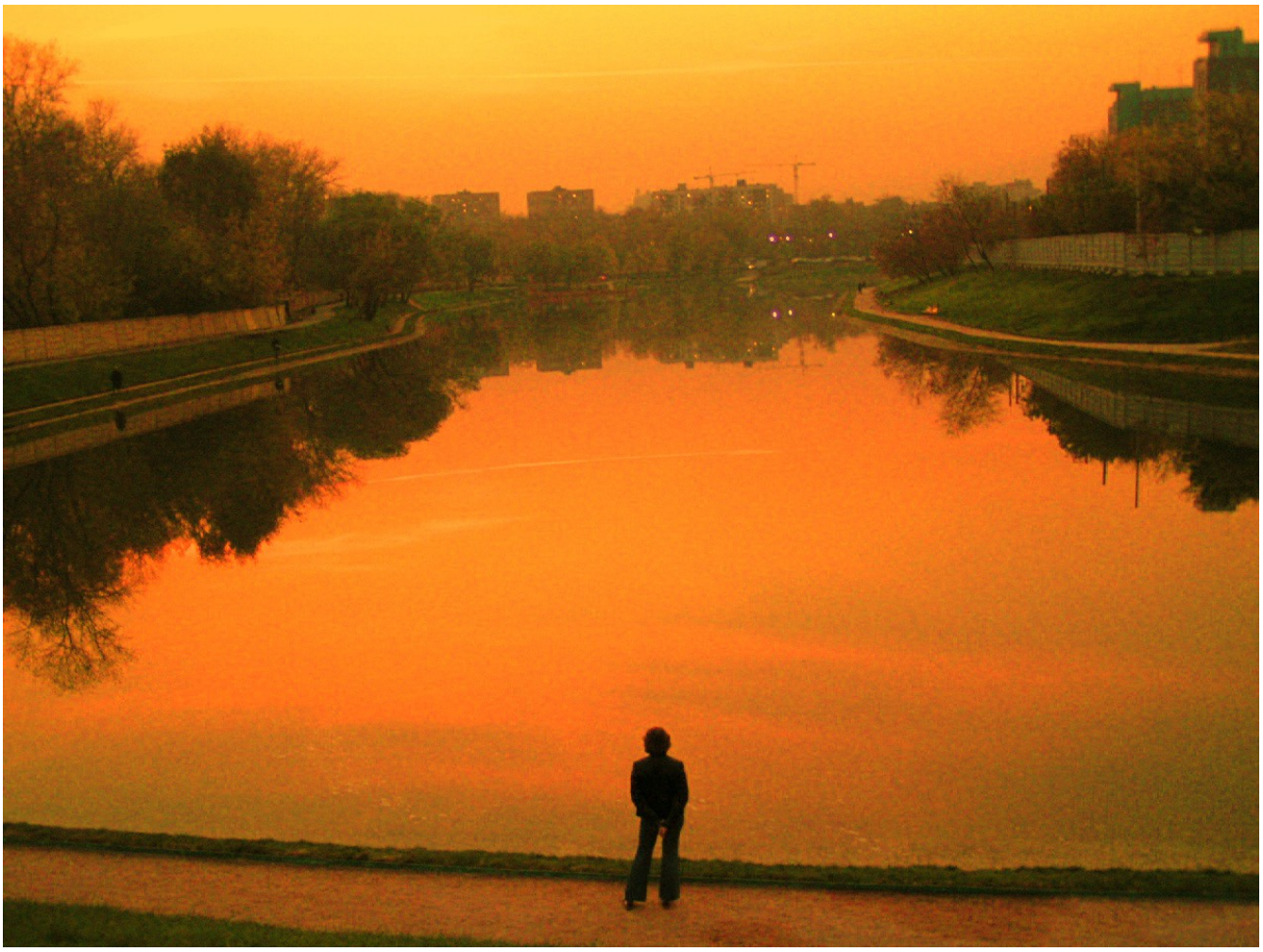
оставалась совершенно нормальной.

Но это, конечно, не более чем совпадение - временная ремиссия. Шизофрения - хроническое заболевание. Она не лечится, и уж тем более не проходит сама под действием каких-то там эмоций. Она лишь купируется лекарствами, которые необходимо принимать пожизненно.

Хотя - что я знаю о психиатрии?

Что знаем о ней мы все?

2025



Вид с той самой скамейки

Песня Янки Дягилевой "По трамвайным рельсам"

За белым кроликом

Холодно. Впрочем, может ли быть не холодно в Англии в середине ноября? Не в Британской Империи – в старой доброй Англии, хотя бы даже и на самом ее юге. Вы можете иметь сколько угодно колоний в жарких странах, но ваш родной дом не станет от этого теплее ни на градус, нет, господа. Хотя в этом году ноябрь выдался каким-то особенно промозглым. Или ей просто так кажется, потому что ее усталое сердце больше не в состоянии как следует гнать кровь по жилам?

– Как вы себя чувствуете, миссис Харгривз?

Сиделка. Как же успел наскучить этот преувеличенно бодрый тон и эта профессионально приклеенная улыбка. И глупые вопросы. Ну как может себя чувствовать восьмидесятидвухлетняя женщина в промозглый и пасмурный ноябрьский день? Доживите до моих лет, милочка, поймете...

– Дайте мне грелку, – сказала она вслух. – И второе одеяло.

– Да, мэм.

Она устало прикрыла глаза, словно эти несколько слов отняли у нее последние силы. На самом деле, смотреть все равно было не на что. Все тот же беленый потолок – без единого изъяна, за который мог бы зацепиться взгляд – да тяжело набрякшая за окном серая хмарь. Как это непохоже на тот золотой июльский полдень, который ее прославил! Боже, как давно это было. В другом столетии, в другом мире... Теперь уже и ей самой казалось, что она прочитала об этом в книжке, а не пережила на самом деле...

Вернулась сиделка с грелкой, помогла ей натянуть одеяло до самого подбородка. Не зная, что бы сделать еще, поправила подушку. Ступайте уже, милочка, довольно... Наверное, она несправедлива к бедной девушке. Та ведь старается. Но старательность сиделки так же утомительна, как и белая безупречность потолка.

Да, слава. Поначалу ей, конечно, это льстило. Потом – начало раздражать. Когда и в тридцать, и в сорок, и в пятьдесят лет тебя воспринимают, как семилетнюю девочку... нет, не при непосредственном общении, конечно, но все-таки... и даже не настоящую семилетнюю девочку, какой она была когда-то, а как героиню придуманной ради развлечения истории... Да, господа, ради развлечения, и не более чем. Не надо искать в этой истории третьи и десятые смыслы и писать об этом многоумные статьи.

Одни присяжные записали "важно", другие – "неважно". Однако это не имеет никакого значения.

Вот именно. Он придумал свою сказку на ходу и никакого серьезного значения ей не придавал. Ему, между прочим, пришлось напоминать несколько раз, чтобы он вообще соизволил ее записать!

А ведь у нее была своя жизнь. Своя, настоящая, непридуманная. И в этой жизни было много такого, что вполне достойно было стать сюжетом для книги. Была учеба живописи у одного из самых знаменитых художников Британии. И он, между прочим, находил у нее немалые способности. Как знать – если бы она преодолела предрассудок, что леди должна учиться рисовать и музицировать, но не должна превращать это в профессию... Были путешествия. Был даже роман с самым настоящим принцем! Его Королевским Высочеством принцем Леопольдом, младшим сыном королевы Виктории. Впрочем... по нынешним развращенным временам это едва ли сошло бы за роман. Все было очень невинно... и, конечно, не могло получить никакого развития. По многим причинам. Во-первых, принц находился под полным влиянием своей властной матери, которая, конечно, не допустила бы неравного союза. Во-вторых, он был неизлечимо болен. Гемофилия, родовое проклятие Ханноверской династии... В-третьих... под конец он стал заглядываться на Эдит. Она всегда очень любила свою младшую сестренку, своего Орленка – но тогда на миг, на одно только мгновение у нее мелькнула

страшная, злая мысль... мысль, которая мучила ее потом многие годы, хотя она и знала, что между этим мигом и тем, что случилось потом, нет и не может быть никакой связи... А принц, разумеется, в итоге женился на принцессе, как принцам и положено. Принцессе из крошечного германского княжества, которое без лупы не разглядишь на карте – но главное, что в жилах невесты текла августейшая кровь. Впрочем, говорят, что она была хорошей женщиной, и они были счастливы то недолгое время, что отпустила им судьба... Но свою дочь, своего первого ребенка, Леопольд все-таки назвал Алисой. А она назвала своего сына Леопольдом, и тот, кто не был и не мог быть ее ребенку настоящим отцом, стал ему отцом крестным...

Никого из них давно нет. Первой умерла Эдит – почти сразу же, от перитонита. Эта внезапная смерть, обрушившаяся после того, как она единственный раз в жизни пожелала любимой сестренке зла – пожелала зла из-за мужчины – так потрясла ее, что она решила было отказаться от всяких мыслей о собственном замужестве. Но четыре года спустя все же уступила ухаживаниям Реджи Харгривза... Леопольд умер еще через четыре года – гибель, дремавшая в его больной крови, дождалась своего шанса. Его супруга пережила мужа почти на сорок лет, но и она сошла в могилу – как и Реджи, упокой господи его душу. И ее сын, ее Лео, Леопольд Реджинальд Харгривз... Лишь ее августейшая тезка, принцесса Алиса, все еще жива. Но и та успела схоронить двух сыновей. Один унаследовал хановерское проклятье, второй умер во младенчестве.

Насколько верно, что имя влияет на судьбу? Трое детей, из которых выжил один. Нет, вздор, конечно же. Совпадение, и отнюдь не полное. У принцессы осталась дочь, у нее сын. И она потеряла своих мальчиков совсем не так, как та. Их сожрала эта проклятая война... Алан и Леопольд. Когда они уходили, она чувствовала, что не дождется кого-то из них. Но не могла поверить, что обоих. Не могла даже тогда, когда получила второе извещение. Это было... нечестно. Словно снаряд, дважды попавший в одну воронку...

У нее остался Кэрил. Нет, в этом имени нет никакого намека, и она уже устала это объяснять. Уж эти любители искать намеки... с их вздорными и, что хуже всего, грязными мыслишками... Когда она впервые узнала об этой сплетне – о, конечно же, обиняками, никто не посмел сказать ей это прямо в глаза – то первым ее чувством был даже не гнев, а изумление абсурдностью подозрений. Подумать такое о Додо! О, если бы они хоть чуть-чуть его знали... Впрочем, эти люди знают только себя и видят в других собственные пороки, как человек, смотрящий сквозь запачканное стекло, будет видеть грязь, даже глядя на свежевыпавший снег. Пожалуй, ему бы понравилось такое сравнение... Она всегда воспринимала их дружбу как нечто совершенно естественное, и все же однажды задумалась и спросила, отчего он, взрослый джентльмен, водит дружбу не с другими взрослыми, а с маленькими девочками. Он часто отвечал на ее вопросы с улыбкой – особенно если это были неожиданные вопросы – но на этот раз не улыбнулся. "Потому что только маленькие девочки по-настоящему чисты", – ответил он серьезно и печально. "Но ведь взрослые тоже моются", – удивилась она, а затем прибавила, озаренная внезапной догадкой: "Или они только делают вид? Ведь у них-то никто не проверяет, чисто ли они вымыли руки и шею!" Вот тогда он улыбнулся, даже рассмеялся, а потом заговорил о чем-то другом. А она торжественно пообещала, что будет тщательно мыть с мылом и шею, и уши (хотя это и противно), даже когда станет совсем взрослой, чтобы они могли и тогда оставаться друзьями. Да, тогда она не могла понять, что он имеет в виду, и что грязь, о которой он говорил, скоро и впрямь разрушит их безмятежную дружбу, и эту грязь не смоешь в умывальнике... Ее – точнее, их, ее и сестер – гувернантка, давно и безуспешно пытавшаяся обратить на себя внимание Додо, наклеветала на него их матери, выдав собственные мечты за действительность. А он, обычно такой мягкий и застенчивый, оказался слишком горд, чтобы оправдываться. Заявил, что ему не о чем говорить с людьми, оскорбляющими его подобными подозрениями, или что-то вроде этого... Она, конечно, тогда не знала всех этих подробностей. Ей просто объявили, что мистер Доджсон больше не будет посещать их дом. Она тогда

проплакала целый день... Позже вздорность обвинений стала очевидна всем, и полгода спустя он вновь нанес им визит. Но трещина, пролегшая между ним и ее родителями, так никогда и не затянулась. А значит, он уже не мог общаться с девочками так свободно, как раньше. К тому же между ним и ее отцом наметились какие-то политические разногласия... ох уж эта политика, самое скверное из мужских изобретений...

Как все-таки холодно, несмотря на грелку и два одеяла. Пожалуй, она не отказалась бы от рюмочки кларета – может, хоть это поможет согреться. Но просить сиделку бесполезно – та скажет, что доктор не велел.

"Выпей вина!"

"Не вижу никакого вина."

"Его здесь и нет!"

Вот именно. Доктор – милейший человек, но в нем тоже есть нечто от этого беленого потолка. Гораздо больше, чем в вОроне от конторки. Слишком правильный. Ему невдомек, что чистота и правильность – это, на самом деле, не одно и то же... Она словно услышала его голос, объясняющий, что алкоголь на самом деле не согревает, а лишь расширяет сосуды, в то время как негативные побочные эффекты... Хотя кое в чем доктор, конечно, прав. Говорят, для принца Леопольда именно выпитый после полученной травмы кларет стал, в буквальном смысле, последней каплей.

Тогда, может, горячего чаю? Уж в этом-то ей не откажут. Она позвала сиделку, неприятно удивляясь, насколько слабо звучит ее голос. Но каблуки не зацокали в ответ. Ну, где же эта несносная девчонка? Вот когда надо, так ее нет... Ладно, можно и подождать. В конце концов, она мерзнет не в первый раз. И не только в погоде за окном тут дело, нет, господа...

Впервые она почувствовала этот холод во время войны. Нет, не тогда, когда пришло первое извещение на казенном бланке. Еще раньше. Когда стало ясно, что все пошло не так, что скорой победы не будет, что война разрастается, как воронка, куда проваливается вся Европа и весь мир, тот мир, который она знала – мир, где, конечно, было место не только золотым полудням, но и гемофилии с перитонитом, но который все равно казался таким теплым и уютным именно теперь, когда от него оставались лишь воспоминания... Старая добрая викторианская Англия, мечты о золотом веке, который вот-вот подарит человечеству сила освобожденного разума, подчинившего пар и электричество... О да, освобожденный разум разгулялся всласть. Ядовитые газы. Огнеметы. Цеппелины и аэропланы, бросающие бомбы на дома. Танки, крушащие все на своем пути. Субмарины, отправляющие на дно огромные пароходы... Миллионы убитых, миллионы искалеченных тел и душ. Империи, рушащиеся одна за другой, как карточные домики...

"Вы всего-навсего колода карт!"

Британия тогда устояла. И даже считалась победительницей. Но она не слишком радовалась этой победе – точнее даже, не слишком-то верила в то, что это можно назвать победой. Возврата к прежнему больше не было, что-то необратимо надломилось – не только в ней самой, потерявшей двух сыновей, но и в мире в целом. Война закончилась, но безумие продолжалось. Когда внука королевы Виктории, сына принца Леопольда (сына, которого отец так и не увидел), лишают всех британских титулов за то, что он унаследовал причитающееся ему по закону Заксен-Кобург-Готское герцогство и тем самым оказался на стороне Германии, а его родная сестра Алиса, оставшаяся в Англии, напротив, лишается всех германских титулов – это ли не сумасшествие, которое и не снилось никаким шляпникам и мартовским зайцам? Бедный милый Додо! Как хорошо, что он не дожил до всего этого! Дело, конечно, не в проблемах отдельных титулованных особ. Дело в том, что с тех пор все идет хуже и хуже. Начиная с мирового хозяйственного кризиса (впрочем, она никогда не разбиралась в экономике) и кончая грязью. После войны стало очень много грязи, той самой, против которой бессильно мыло. А ей теперь все чаще хотелось вымыть уши после того, что она слышала по радио – вне

зависимости от того, какая это была программа. Она не министр и не аналитик, она просто старая женщина.

Но если бы спросили ее, она бы куда вернее всех этих умников, *бормочущих на разные лады "важно – неважно – важно – неважно...", словно пытаясь определить, какое из слов звучит лучше*, сказала бы, что добром это не кончится, нет, господа. Грядет нечто, что гораздо хуже всего, что уже было. Даже хуже той войны, которую ныне зовут Великой – как будто в массовой бойне может быть какое-то величие...

Она зябко поежилась под своими одеялами. Пальцы совсем закоченели. Да где же, в конце концов, эта сиделка?! Может быть, просто не слышала, что ее зовут?

Она вновь широко открыла глаза и приподнялась на постели, упираясь локтями. Осмотрелась по сторонам и вдруг увидела на столике рядом с кроватью маленький круглый поднос, на котором ей приносили лекарства. Вот и сейчас там стояла ее чашка и пузырек с каплями; должно быть, она все же задремала на несколько минут, и сиделка появилась именно в это время. Но отчего же девушка не разбудила ее? Ах, ну да, она же сама третьего дня выговаривала сиделке за то, что та разбудила ее как раз тогда, когда ей только-только удалось заснуть после нескольких часов безуспешных попыток... Ну хорошо, она пока еще может выпить свое лекарство и без посторонней помощи. Выпростав из-под одеяла руку и с неудовольствием отметив, как дрожат пальцы, она взяла чашку – тут же, впрочем, почувствовав по весу, что та пуста. Ну знаете, милочка, это уже ни в какие ворота! Накапать капли и развести их водой – уж это ваша прямая обязанность!

Она заставила себя подавить раздражение. Наверное, сиделка отлучилась всего на минутку и сейчас вернется доделать то, что должна. Но все-таки она не станет ее дожидаться. Она не настолько беспомощна, чтобы не справиться самой! Вот бы только разобраться, сколько нужно накапать? Она давно уже не интересовалась той дрянью, которой ее поят. Все равно от всех этих лекарств никакого толку. Лучше ей уж точно не становится. "Но без них становилось бы еще хуже. Увы, миссис Харгривз, в вашем возрасте..." – доктор, как обычно, не обременял себя излишней галантностью. И был в очередной раз прав... Ладно, наверное, нужная доза указана на этикетке. Если только она сумеет это прочитать. Эти надписи на лекарствах всегда такие мелкие... Она взяла пузырек в вытянутую руку, затем, щурясь, стала приближать его к глазам, пытаясь найти оптимальное расстояние. Но надпись на этикетке не была мелкой. Вопреки ее ожиданиям, там оказалось всего два коротких слова, напечатанные большими буквами. И эти два слова...

ВЫПЕЙ МЕНЯ

Она недоверчиво зажмурилась, затем вновь открыла глаза, поднося пузырек уже вплотную к лицу. Нет, все точно. Она различала эти слова даже сквозь муть дальнозоркости. Что это? Чья-то шутка? Сиделки? Доктора? Абсурдно даже подозревать этих двоих в чем-то подобном!

Она отвернула пробку и осторожно принюхалась. Нет, ее каплями здесь определенно не пахло. Вообще ничем медицинским. Запах скорее напоминал цветочный. Что же это такое и откуда оно взялось?

А, какая разница! Она возьмет и выпьет, что бы это ни было. Даже если это окажется яд. Глупо, не так ли? Безусловно, глупо – если вам двадцать, сорок или хотя бы семьдесят. Но ей восемьдесят два, и она так устала жить в этом дряхлом теле, в этом холодном мире... Она решительно поднесла пузырек к губам и в два глотка осушила его, а затем откинулась на подушку. Жидкость оказалась приятно сладкой на вкус, но главное – от нее по телу сразу же стало разливаться тепло. Должно быть, какая-то микстура на спирту. Может быть, хоть это ее согреет. Алиса вновь утомленно закрыла глаза.

И холод действительно стал отступать! С каждым мгновением становилось все теплее. Теплее и... светлее. Она поняла, что над нею – безоблачное, прозрачно-голубое небо, с которого

ярко светит веселое летнее солнце.

Сияет полдень золотой...

Теплый воздух наполнялся ароматами полевых цветов и стрекотом кузнечиков. Речка негромко журчала в камышах справа, а прямо, там, где вода текла свободно, играли и переливались ослепительные солнечные блики и танцевали в воздухе стрекозы, быстро трепеща слюдяными крылышками. Мимо с низким гудением пролетел пушистый шмель.

И происходило *что-то еще*. Что-то настолько странное, что Алиса поняла это лишь тогда, когда заметила, как приблизился к ней зеленый ковер травы, усеянный цветущими маргаритками. Она *уменьшалась*. Теперь в ней было не больше четырех футов роста. Ну а сколько, собственно, росту должно быть в маленькой девочке?

Она больше не лежала на кровати. Кто же станет валяться в постели в такой чудесный июльский день? Разве что лежебока Мэйбл, да и та едва ли. Но *она* – не Мэйбл, уж в этом-то она была совершенно уверена! Алиса уселась прямо на траву на берегу речки, счастливо жмурясь и подставляя лицо солнцу.

Вдруг что-то белое показалось слева. Белый халат сиделки? Нет, конечно же, это был Белый Кролик, укоризненно переводивший взгляд с извлеченных из кармана часов на девочку.

– Ну, скорее же, Алиса, – произнес он, пританцовывая на месте от нетерпения. – Мы опаздываем! – и, не дожидаясь ответа, помчался через луг. Алиса, не раздумывая ни секунды, вскочила и побежала следом.

– Миссис Харгривз! – донеслось откуда-то очень издалека, из холодного и хмурого мира. – Миссис Харгривз, вы меня... О боже, я бегу за доктором!

Но Алиса не слышала и не желала слышать этот голос. Она, смеясь, бежала за Белым Кроликом по цветущему лугу, и большие разноцветные бабочки порхали вокруг. Бежала, не оглядываясь, все дальше и дальше, и не остановилась даже тогда, когда Кролик нырнул в огромную черную нору, уводившую под землю. Без тени страха Алиса влетела в эту черноту следом за ним и полетела вниз, вниз, вниз...

2008

Исполнитель

Снова ночная смена... Мне нравится работать по ночам. Многие мои коллеги жалуются на ночную работу, посмеиваясь, что она роднит их с нашими клиентами, но я люблю это время суток. Я часто вспоминаю ночи моей молодости, ту интереснейшую эпоху, когда дряхлеющий имперский орел еще простирал свои крылья от океана до океана, но воздух был уже пропитан духом революции. Мы с моими однокурсниками, бывало, просиживали до рассвета у кого-нибудь на квартире, а летом – на даче или в имении, споря о политике, истории, философии – да бог весть о чем еще. Я вспоминаю эти горящие глаза, вдохновенные лица... Я издевался над их восторгами, а они называли меня занудой и упрекали за неверие в светлую силу разума. "Через десять лет!..." – говорили они мне. Да, через десять лет они увидели, кто был прав. Собственно, многие увидели и раньше. Но было поздно.

Мой теперешний тесный кабинет со всегда задернутыми шторами и тяжелой настольной лампой – единственным источником света – мало похож на просторные веранды тех давно сожженных имений. И по ночам я веду теперь совсем другие разговоры – вообще говоря, довольно скучные, но работа есть работа.

Я подвинул очередное дело в круг света, отбрасываемого лампой. Папка пока еще тонкая – заполнить ее предстоит мне... разумеется, совместно с клиентом. Ну-с, кто там у нас? Ага, типаж довольно характерный, хотя в последнее время все более редкий. Аполитичный интеллигент, из тех, чей лозунг – "мы служим не режиму, а Отечеству". Ну что, друг любезный, дослужился? Я с интересом отметил, что он окончил тот же университет, что и я. Мы могли встречаться... Я еще раз посмотрел на фотографию в деле. Нет, не помню. Впрочем, у меня вообще отвратительная память на лица. Я нажал кнопку звонка.

Он вошел в кабинет, все еще неуверенно ступая в ботинках без шнурков. Сутулая фигура, длинное бледное лицо... Внешность вполне типичная. Для полноты картины не хватало только очков и бородки клинышком. Но бородки не было, а была трехдневная щетина, разбитая губа и синяк под глазом. Отлично, значит, он уже знаком с нашими методами.

– Садитесь, – сказал я. Он опустился на краешек стула, явственно подавив в себе желание сказать "благодарю".

– Я ваш следователь, – продолжал я голосом тусклым и бесцветным, как обычно.

– В чем меня обвиняют? – в его тоне уже не было гонора, обычного для тех, кого взяли только что, но еще ощущалась готовность к борьбе.

– Неужели вы думаете, что мне доставляет удовольствие повторять банальности? Типа "здесь вопросы задаю я". Ну в чем мы можем обвинять? Разумеется, в контрреволюционной деятельности.

– А к... конкретно?

– Ну вы же умный человек, – я поднял глаза от дела и взглянул на него. – Придумайте сами, что вам больше по душе.

– То есть как?! – прямо-таки взвился он. – Вы с таким цинизмом признаете, что за мной нет никакой вины?

– По-вашему, лицемерие лучше, чем цинизм? – усмехнулся я. – И запомните – невиноватых людей нет. Кажется, что-то подобное есть и в Библии?

– Вы же атеисты.

– Вы знаете, отнюдь не все. Я лично знаю солдат из расстрельной команды, верующих самым простонародным образом. Но дело не в этом, а в том, что полезные вещи надо брать отовсюду, в том числе и у врагов. А у церкви есть чего взять. Например, в нашем деле весьма полезен опыт инквизиции...

– Вы пытаетесь меня запугать?

– Я просто объясняю вам ситуацию. Постарайтесь не смотреть на меня, как на врага – мы

партнеры, делающие общее дело. Я предлагаю вам взаимовыгодную сделку. Подпишите все, что надо, сделайте это прямо сейчас. Мне это сэкономит время, а вас избавит от массы неприятных ощущений.

– Я не буду ничего подписывать.

– Будете. Можете поверить моему богатому опыту. Весь вопрос в том – когда и в каком состоянии. Знаете, у нас есть поговорка – "нет несгибаемых подследственных, есть плохие следователи". Я хороший следователь, во всяком случае, так считает мое начальство. И мне вовсе не доставит удовольствия выбивать у вас признание – ни морального, ни, как вы могли подумать, сексуального. Я не кровожадный маньяк, какими вы нас считаете. Но если вы меня вынудите – я позабочусь о том, чтобы вам было очень больно. Я знаю, как сделать так, чтобы боль все время нарастала, а человек не мог ни свыкнуться с ней, ни потерять сознание. Боль может длиться часами... сутками... неужели вы этого хотите? И ведь главное – результат-то будет тот же самый.

– А если я подпишу, вы меня расстреляете.

– Скорее всего. Возможны, конечно, и 15 – 20 лет лагерей, но я не думаю, что это лучше. Это, знаете ли, для быдла... а человеку умному и образованному там... – я покачал головой.

– Я никак не пойму... – медленно сказал он, – вы говорите серьезно или издеваетесь?

– Знаете, с вами я как раз говорю серьезно, – честно ответил я. – Я ужасно устал от всей этой демагогии про партию и врагов... Вы бы видели, что за публика проходит через мои руки... Обыватели, неспособные связать двух слов от страха и глупости. Подпольные дельцы и спекулянты, только и умеющие, что сулить деньги за свое освобождение. Кадровые военные и бывшие аристократы, поначалу готовые лопнуть от презрения к нам, а потом ползающие на коленях и умоляющие дать им подписать что угодно. Но хуже всего, разумеется, революционеры. Вот уж, воистину, маргинальная публика. Мне кажется, они вообще не способны ни думать, ни говорить по-человечески. Вообразите себе: революция отправляет их на расстрел, а они вопят "Да здравствует революция!" Мне порой кажется, что это не люди, а какая-то дегенеративная мутация... Нет, побеседовать с цивилизованным человеком вроде вас – это большая удача.

– Не могу сказать, что разделяю удовольствие от нашей беседы, – усмехнулся он.

– Ну разумеется, я понимаю... Инстинкт самосохранения и все такое... Но, кстати, вам не приходило в голову, что, прежде чем отнять у клиента жизнь, мы многое даем ему? Мы позволяем человеку почувствовать свою значительность. Кем он был прежде? Винтиком, червяком, ничтожеством. А кем делаем его мы? Грозным и могучим заговорщиком, угрожающим первым вождям революции... да что там – самой революции, которой боится весь мир! Весь мир боится революции, а революция боится его, этого вчерашнего винтика – боится настолько, что вынуждена ликвидировать как можно скорее. И, между прочим, мы не просто даем клиенту иллюзию – мы даем ему реальную власть, власть над чужими судьбами и жизнями. Своими показаниями он может уничтожить практически кого угодно. И, надо сказать, люди охотно пользуются этой возможностью, так что у нас всегда полно работы. Ну да, впрочем, все это лирика, а нам нужно работать, – я подвинул ему бумагу и ручку. Он посмотрел на меня.

– Никаких шансов?

– Ни малейших. Вы понимаете, после того, как за вами пришли, обратной дороги уже нет. Расценивайте это как стихийное бедствие.

– Всю жизнь считал самым обидным погибнуть от стихийного бедствия, без всякой вины.

– Ну, это вы бросьте! Я уже говорил – все люди виноваты, а вы, быть может, больше других. Вы не помните меня?

– Ннет, не припоминаю.

– Я вас тоже, а ведь мы учились в одном университете. И я хорошо помню таких, как вы, в молодости. Все эти разговоры о всеобщем равенстве и справедливости... Ведь вы приветствовали революцию! Да? Или нет? Если нет, то почему вы не боролись против нее с оружием в руках? Где были ваши принципы? Вы привели нас к власти, а теперь говорите, что за вами нет никакой вины!

Он молчал. Затем произнес, глядя в стол:

– Я... служил не власти, а...

– А Отечеству? Знаем, знаем. Слышали не раз в этом самом кабинете. Только не приходила вам в голову простая мысль, что каково отечество, такова и власть в нем? Давайте пишите, милостивый государь!

– Что писать?

– Что хотите. Шпионаж, диверсии, контрреволюционная пропаганда... Могу вас заверить, что приговор не зависит от конкретных пунктов. Не забудьте указать пять фамилий сообщников. Можно больше.

– Что? – он растерянно смотрел на меня.

– Что слышали. У вас есть редкая возможность свести счеты с вашими врагами. Смелее, вспоминайте, кому вы хотите отомстить.

Он решительным жестом отодвинул бумагу.

– Я не подлец!

– Ну вот, опять начинается... Да поймите вы, наконец, где вы находитесь. Система уже сожрала вас, вы уже фактически на том свете, по ту сторону добра и зла... Я иду вам навстречу, не заставляю оговаривать ваших близких, а предлагаю поквитаться с врагами – а вы строите из себя институтку.

– Я одного не могу понять, – сказал он, глядя мне в глаза, – зачем?

– Обычно людей в вашем положении волнует вопрос "почему", – усмехнулся я. – "Почему именно я?" А на вопрос "зачем" им наплевать... Меж тем вопрос "почему" в данном контексте неуместен. Потому что сегодня ты, вчера другой, завтра третий... Система. Заурядный житель Империи просто не представляет себе истинных масштабов террора... пока за ним не придут.

– Житель Республики, вы хотели сказать.

– Я хотел сказать то, что сказал. Но вернемся к вашему вопросу "зачем". Дело в том, что он точно так же неуместен. Зачем бациллы чумы губят организм больного? Им это невыгодно, они разрушают собственный мир, однако они это делают. Посмотрите, что творится. Страна охвачена истерией кровавого безумия. Жены доносят на мужей, дети на родителей. Толпы с транспарантами требуют смерти, смерти, смерти. Смерть изменникам! – орут ораторы. Толпы аплодируют. Наши люди тут же, не таясь, уводят людей из этой же толпы – аплодисменты все громче. Стоит кому-нибудь из этих кровавых маньяков, я имею в виду вождей, открыть рот – начинается истерика восторга. Меж тем сами вожди день и ночь трясутся от страха перед Верховным, а он точно так же трясется от страха перед ними и поэтому старательно и регулярно уничтожает их и набирает новых. И при этом от желающих сунуть голову в петлю и занять высокий пост нет отбоя! А вы говорите "зачем"... Это агония, это вакханалия – называйте как хотите, но не ищите здесь логики.

– По-вашему, даже на верху нет никакого логичного плана?

– Разве бациллы чумы обладают разумом? Впрочем, даже если бы и обладали – это ничего бы не меняло. Им может казаться, что они борются за сохранение личной власти или даже, чем черт не шутит, действительно за общество всеобщего братства... Все равно они остаются бациллами чумы и делают свое чумное дело.

– Но вы? Зачем вы во всем этом участвуете? Вы же сами говорите, что насилие не доставляет вам удовольствия. Вы же могли эмигрировать в начале революции... Или вы тоже не

предполагали, что все так кончится?

– Как раз я-то знал это с самого начала! И, по мере своих скромных сил, помогал и помогаю именно такому развитию событий. Вы желаете объяснений? Извольте. Я служу системе не ради материальных благ и даже не ради личной безопасности. Мною движет идея – вы удивлены, не правда ли? Меж тем это так... Я с юности увлекался историей и еще тогда понял, что наше столь любезное вам Отечество, наша Империя – ничто иное, как мировое зло. Всякая империя есть зло, а в особенности такая грандиозная, как наша. Чем больше людей, тем труднее им договориться мирно; чем больше страна, тем больше насилия и подавления требуется для управления ею, тем больше нивелируется отдельная личность ради абстрактных интересов нации. Это же грандиозное надувательство – у человека отбирают все и взамен всучивают ему красивую байку о великой державе, которой он якобы должен гордиться. Чем гордиться? Тем, что его страна – динозавр с чудовищной тушей и крохотным мозгом? Бесчисленными и бессмысленными войнами, несущими зло всему миру, гигантские потери в которых на фоне необъятной Империи остаются незамеченными? Полным произволом чиновников, пользующихся тем, что в такой огромной стране центр в принципе неспособен уследить за ситуацией на местах? Тем, что инерция этой чудовищной туши гасит любые прогрессивные импульсы? Наконец, тем особым типом человека-винтика, агрессивно-покорной посредственности, который веками культивируется в империях? Нет, с этим монстром следовало покончить, пока он не подмял под себя весь мир – а промышленная революция еще более, чем военная мощь, делала такую перспективу реальной. Но беда в том, что чудовище такого масштаба невозможно уничтожить извне. Даже в прежние времена Империя отражала все иноземные нашествия, а теперь и подавно выстояла бы против всего мира. Следовательно, погубить Империю можно было только изнутри. К счастью, динозавры сами несут в себе свою гибель. Неэффективность управления, неспособность быстро реагировать на изменения ситуации создали затяжной кризис, разрешившийся революцией. Я знал, что революция никоим образом не достигнет декларируемых целей свободы и справедливости. Я знал, что революционное правительство, пришедшее к власти под лозунгами свободы, развернет такой террор, который не снился даже в кошмарах ни одному императору. Я знал, что народ, еще вчера готовый растерзать офицера полиции за то, что тот обратился на "ты" к задержанному, теперь снесет все мыслимые и немыслимые унижения и издевательства и покорно пойдет на бойню, прославляя своих убийц. Я знал, что так называемая Республика есть ничто иное, как самый безумный, самый маргинальный вариант Империи, в которой все ее пороки доведены до предела, до абсурда! И я пошел служить революции. Потому что Империя наконец-то вступила в стадию коллапса, самоуничтожения. И я отдаю все силы, способствуя ее полной и окончательной гибели.

Он молчал, переваривая услышанное. Почему-то даже умные люди нередко неспособны понять, что свою родину можно ненавидеть, ненавидеть страстно – и вовсе не из-за каких-то личных обид, а из-за той угрозы, которую она представляет для человечества.

– Вы хотите разрушить государство, – сказал он наконец, – но вместо того, чтобы бороться с властными структурами, уничтожаете обычных людей.

– Вы ничего не поняли, – вздохнул я. – Властные структуры – это вторично, это не имеет никакого значения. Империя есть раковая опухоль человечества. И она должна быть уничтожена полностью, до последней злокачественной клетки.

– Вы хотите сказать, что каждый человек...

– Да. Каждый, рожденный и воспитанный в Империи, несет на себе печать проклятья. Лишь очень немногие нашли в себе силы и желание освободится от этого имперского наследия, большинство из них уже за границей.

– Неужели вы рассчитываете уничтожить всю нацию?! – он смотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Система уже уничтожила миллионы, не встретив ни малейшего сопротивления, – проинформировал его я. – Даже те, кому уже нечего терять, покорно выполняют приказания расстрельной команды. Я же говорю – это безумие, это агония. Маховик террора будет раскручиваться и дальше, и ничто не сможет его остановить. Конечно, речь не идет о физическом уничтожении до последнего человека. Но на каком-то этапе Империя окажется настолько обескровлена, что рассыплется, и ее остатки будут ассимилированы соседними народами. Имперская нация прекратит свое существование.

Теперь в его глазах был страх – причем не только страх за свою жизнь.

– Вы... – он медленно подбирал слова, – ошибаетесь самым ужасным образом. Да, конечно, Империя принесла в мир много зла. Но великая культура...

– Маргинальное общество всегда создает плодотворную почву для художника, – усмехнулся я. – Норма скучна и неинформативна, патология же как раз и представляет собой основной предмет подлинного искусства. Но достижений культуры прошлого никто ведь не отменяет, что же касается будущего, то я сомневаюсь, что стремительно деградирующее имперское общество сможет еще создать что-нибудь грандиозное. Хотя, даже если и так – угроза порабощения, нависшая над всем человечеством, слишком серьезна по сравнению с угрозой лишиться пары ненаписанных романов.

– Я решительно не могу с вами согласиться...

– Потому вы и находитесь по ту сторону стола, – оборвал его я. – Хотя, конечно, в органах мало людей, рассуждающих так же, как я. Большинство упивается личной властью, кто-то действительно верит, что работает ради светлого будущего... Самое смешное, что эти последние правы. Но они долго не выдерживают. Они не понимают, почему ради светлого будущего надо уничтожать невинных, как вы говорите, людей. Я это понимаю и сплю совершенно спокойно.

– Когда-нибудь система сожрет и вас, – заявил он мстительным тоном. Нашел чем удивить.

– Я давно это знаю. Когда-то я думал, что не дамся им живым, чтобы не идти, как баран, на бойню. Но потом понял, что это все романтические сопли, а я во главу угла ставлю трезвый расчет. Когда меня возьмут, я буду давать роскошные показания, я прихвачу с собой многих и многих. Даже оказавшись по вашу сторону стола, я буду продолжать свое дело. Ну, я удовлетворил ваше любопытство? Теперь ваш черед. Мне нужны подробности вашей контрреволюционной деятельности и пять сообщников.

Он медленно покачал головой.

– Поймите же наконец, – сказал я устало, – чем дольше мы с вами провозимся, тем больше людей вам придется заложить. Мы должны оправдывать трудозатраты. Может, вы надеетесь умереть, не подписав? Не получится. Я и мои помощники – профессионалы.

Он молчал и не глядел на лежащий перед ним чистый лист. Ох уж эти мне интеллигенты. Все-то им нужно успокоить свою совесть оправданиями типа "я сделал все, что мог" и "я держался до последнего". Да кому нужны твои оправдания, если через неделю ты будешь лежать в канаве с простреленным затылком? Я протянул руку к кнопке звонка.

Разумеется, в конце концов он подписал все. Боль сама по себе – совершенное средство, а уж боль в сочетании с безнадежностью способны сломать любого. Я получил с него восемь фамилий.

На совещании в понедельник меня опять ставили в пример другим следователям.

– Я просто исполняю свой долг, – честно ответил я.

Конец пути

Пурга свирепствовала уже третьи сутки. Ледяной ветер, не утихая ни на минуту, гнал на восток бесчисленные волны снега, словно задавшись целью стереть всякие следы жизни, восстановив повсюду непорочную белизну арктической пустыни. Голые ветви редких кустиков, еще поднимавшиеся кое-где из-под снега, вздрагивали под его яростными секущими порывами. Казалось невероятным, чтобы хоть какое-нибудь живое существо, даже и приспособленное самой природой к жизни в этих суровых краях, в такую погоду выбралось из своего логова в бушующую снежную мглу.

И тем не менее по бескрайней снежной целине медленно двигались две темные точки. Две крошечных фигурки, осмелившиеся бросить вызов могуществу стихии. Два существа, чьи далекие предки некогда спустились с деревьев знойных тропических лесов...

Вовсе не безрассудство гнало их вперед сквозь пургу; у них попросту не было иного выхода. Они шли пешком уже четыреста миль, с тех пор, как их упряжка провалилась в полынью, и их припасы были на исходе. За все это время они не встретили никакого жилья – да и не надеялись встретить; они экономили, как могли, и теперь на двоих у них оставалось восемь сухарей и горстка муки. Но теперь, по их расчетам, они были уже недалеко от цели; однако пурга могла продолжаться еще неделю, и они не могли позволить себе дожидаться ее конца. Правда, в такую погоду ничего не стоило пройти мимо поселка, не заметив его; но тут уж приходилось выбирать между двумя рисками. В любом случае, путь их подходил к концу – так или этак.

Один из них брел впереди, согнувшись под тяжестью поклажи и на каждом шаге проваливаясь по колено в снег; второй ковылял сзади, уцепившись за веревку, обвязанную вокруг пояса первого, и стараясь попадать в его следы. Несмотря на то, что второй уже давно избавился от большей части своей ноши, он едва держался на ногах; если бы не веревка и не силы его более молодого товарища, он бы давно упал и остался лежать. Вот он сделал еще несколько шагов, мотаясь, словно пьяный, и наконец повалился в снег. Его товарищ, почувствовав, как натянулась веревка, обернулся и долгим взглядом посмотрел на упавшего.

– Ладно, Джим, – устало сказал он, – привал.

Он свалил с плеч рюкзак и принялся утрамбовывать площадку в снегу; затем отправился собирать топливо для костра. За полчаса ему удалось набрать достаточно веток, чтобы развести небольшой костерок. Заслоняя их своим телом от ветра и снега, он чиркнул спичкой. Его руки дрожали от голода и усталости, и спичка сломалась. То же случилось и со второй; третья погасла раньше, чем он успел поднести ее к растопке. Лишь с четвертой удалось разжечь огонь. В коробке оставалось еще семь.

Джим, все это время лежавший неподвижно, подполз к костру и вытянул к нему руки, не снимая рукавиц. Он безучастно смотрел, как его товарищ втыкает в снег у костра шесты и натягивает под углом одеяло, защищающее от ветра. Тепло, идущее от огня, отозвалось болью в обмороженном лице Джима, но на этом лице все равно отобразилось слабое подобие улыбки.

Его товарищ меж тем повесил над костром котелок, предварительно зачерпнув им снега. Когда вода закипела, он осторожно – с куда большей осторожностью, чем мешочки с золотым песком – развязал мешочек с мукой и высыпал в кипяток пару ложек. Получившейся жидкой похлебкой им предстояло довольствоваться до вечера. Едва блаженное тепло разлилось по внутренностям, как Джим заснул прямо на снегу.

Ему показалось, что его разбудили в тот же миг, однако, взглянув на догоравший костер, он понял, что прошло больше времени. Его спутник упаковывал одеяло. Пурга продолжала бушевать, и ветер снова вонзал в лицо тысячи ледяных игл.

– Пора, Джим. Вставай.

Джим уперся рукавицами в снег; лицо его исказила мучительная гримаса. Затем он

покачал головой.

– Нет, Дик. Похоже, я отбегался. Иди один.

– Брось, Джим, – Дик присел рядом с ним. – Даром я, что ли, тащу тебя уже неделю? Теперь уже осталось всего ничего. Три, ну, может, четыре дня.

– Если мы вообще не проскочили поселок. Как будто в этом белом дерьме можно отыскать дорогу.

– Мы шли по компасу.

– А то ты не знаешь, чего стоит компас в этих широтах...

– Хватит брюзжать, Джим. Подымайся и пошли. Через три дня мы будем нежиться в тепле, пить виски и сорить деньгами направо и налево.

– Иди один, Дик. Со мной тебе не добраться. А один ты дойдешь. Ты молодой, сильный. Зачем тебе подыхать здесь.

Джиму было пятьдесят четыре; теперь он, впрочем, выглядел древним стариком – белые от инея брови, усы и борода резко выделялись на изможденном, растрескавшемся и почерневшем от обморожений лице. Его товарищ был вдвое моложе, но выглядел не намного лучше. Впрочем, если в глазах Дика все еще светилась упрямая решимость, то глаза Джима были словно проруби, которые все больше затягивал лед. И, посмотрев в эти глаза, Дик понял, что дальнейшие убеждения бесполезны. Ничто не может одолеть человека, пока он не сдался; но уж если он сдался – ничто не может его спасти.

Некоторое время оба молчали. Выл ветер.

– Я не могу вот так просто бросить тебя здесь замерзать, – сказал, наконец, Дик.

– Я, может, еще и не собрался помирать, – откликнулся Джим. – Отлежусь тут немного, подкоплю сил и пойду потихоньку. Авось и дойду. (Дик покачал головой, понимая, сколь нереальна эта надежда.) – Вот что мы сделаем, – продолжал Джим. – Ты иди, не жди меня. Но оставь мне половину еды, половину спичек и револьвер. Может, подвернется какой-нибудь зверь... А мою долю золота забирай. Если я не дойду, оставишь себе.

– Ладно, Джим. Но лучше тебе пойти со мной, право, лучше. Один ты не выберешься. Сейчас ты заснешь, тебя занесет снегом, и ты уже не проснешься.

– Собаки спят под снегом, и ничего.

– То собаки.

– Ладно, Дик. Хватит спорить. Делай, как я сказал.

Они разделили скудные припасы. Дика при этом не оставляло ощущение, что он делает глупость. Да, вот уже неделю он фактически тащил Джима на себе, и готов был делать это и дальше – но лишь до тех пор, пока у того сохранялся шанс выжить. Тащить на себе покойника лишь для того, чтобы предать земле в родных краях, было бы нелепостью – север быстро отучает от лишних условностей и сентиментальности. И точно так же нелепо было делиться с покойником последними спичками, провизией и патронами. А если Джим останется здесь, он покойник, и они оба хорошо это понимают. Но вот поди ж ты – старику вздумалось не только отказываться от реального шанса на спасение самому, но и уменьшать таковой для Дика... Наверное, самым правильным было бы наставить на Джима револьвер и сказать: "Или ты идешь со мной, или я стреляю. Считаю до пяти." Но у Дика не хватило духу сделать это – тем паче что он понимал, что почти наверняка пришлось бы все-таки стрелять.

Дик снова открыл спичечный коробок. Семь не делится на два, значит, он возьмет себе четыре. Черт бы побрал этого Джима! Семь спичек на четыре дня – это было еще терпимо. Но по спичке на день, да еще учитывая, что сегодня он бездарно потратил три, прежде чем сумел развести огонь – а сил у него не прибывает, и погода не улучшается...

Он по одной выложил три спички на полусогнутую ладонь товарища. Тот не спешил сжать руку, словно ожидая, что за третьей спичкой последует четвертая. Но Дик решительно закрыл коробок. Ничуть не легче ему было расставаться с патронами – их оставалось всего

четыре, и два приходилось отдать Джиму...

– Ну ладно, старина. Подумай в последний раз.

– Иди, Дик.

Дик больше не заставил себя упрашивать и, упрямо, по-бычьи наклонив голову, двинулся вперед через пургу. Джим смотрел ему вслед, приподнявшись на локте, пока фигуру молодого золотоискателя еще можно было различить в снежной круговерти, а затем снова тяжело повалился в снег. Так он пролежал еще какое-то время, однако на сей раз не позволил забытью надолго овладеть собой. Приподнявшись и стряхнув с себя снег, он развязал свой тощий, почти пустой мешок, и достал кружку. Костер уже догорел, но в центре оставались тлеющие угольки, еще не заметенные пургой. Их тепла едва хватило, чтобы растопить снег в кружке. Джим добавил муки, затем размочил в чуть теплой воде сухарь и съел его, осторожно разминая распухшими деснами и запивая маленькими глотками. За первым сухарем последовал второй, затем третий... Джим остановился лишь тогда, когда во рту растаяли крошки последнего сухаря.

Эта жалкая трапеза не прибавила ему сил; однако она вновь пробудила в нем волю к жизни. Если до этого он настоял, чтобы Дик оставил ему оружие и припасы, главным образом потому, что не хотел жалко издохнуть, а предпочитал умереть с достоинством, как подобает белому человеку – то теперь в нем и впрямь зашевелилась надежда выбраться из этой передряги. Три дня пути... почему бы и нет? По сравнению с тем, сколько он уже прошел в этот раз... и в прошлые разы...

Джим натянул на плечо лямку мешка и тяжело поднялся на ноги. Он с трудом шагал по глубокому снегу, отворачивая лицо от ветра, чувствуя, как быстро колотится сердце, и борясь с приступами дурноты. Ему казалось, что он идет уже очень долго, и вот, окончательно выбившись из сил, он позволил себе обернуться, чтобы оценить пройденное расстояние.

От остатков костра его отделяло каких-нибудь тридцать ярдов.

Джим застонал и обреченно опустился в снег. "Идти за Диком было легче, – подумал он, – да, намного легче. С ним бы я, может, и выбрался."

Мысль эта, мелькнув как предположение, несостоятельность которого Джим сам хорошо сознавал в первую минуту, быстро, однако, обращалась в уверенность. "Да, – повторял он, лежа в снегу, – я свалял большого дурака, что позволил ему уйти. Дик бы меня вытащил. У него силы на двоих хватит. Дурак я, вот ведь дурак! Что это я решил, будто мне пора помирать? Мне же всего пятьдесят четыре. Мой отец дожил до восьмидесяти!"

Внезапно новая лихорадочная мысль пронзила его мозг. Дика еще можно вернуть! Джим торопливо вытащил револьвер, стянул рукавицу с правой руки. Холодная сталь обожгла пальцы. Короткий звук выстрела затерялся в свисте пурги. Должно быть, уже в паре сотен ярдов он не привлек бы ничьего внимания. Но Джим откинулся на спину и принялся ждать, когда Дик – молодой, сильный, могучий Дик, представлявшийся ему в эти минуты уже чем-то вроде героев античности – вернется и спасет его.

Время шло. Сумерки короткого северного дня вновь сменялись мраком ночи. Холод пронизывал Джима до костей, несмотря на теплую парку; в его истощенном теле осталось слишком мало сил, чтобы согреться даже и в меньший мороз. И все же это тело продолжало отчаянно цепляться за жизнь. Дик не возвращался. Джим хотел было выстрелить еще, но вспомнил, что у него остался лишь один патрон. "Нет смысла, – подумал он, – все равно он не придет. Ведь он меня бросил. Бросил меня подыхать тут. Разве настоящие товарищи так поступают? Я, конечно, сам сдуру сболтнул, чтобы он уходил, а он и рад был по уши. С какой стати ему возвращаться? Он же забрал мое золото. Забрал его и бросил меня замерзать. Даже лишней спички мне не оставил. Он знал, что мне не выбраться. Выманил у меня мое золото, и я, старый дурак, его отдал... Наверное, он специально не дал мне отдохнуть толком, чтоб я не мог идти дальше. Точно, так все и было. А он еще лицемерил, мол, Джим, как я могу тебя бросить... Уж лучше бы сразу пристрелил, и то было бы честнее. Может, он и еду от меня припрятывал? И

ел тайком, пока я спал... А иначе откуда у него столько силы? В нашем роду слабаком никто не был, и отец мой... Почему тогда я лежу здесь, а он топает с двойным грузом золота, как ни в чем не бывало? Это ж почти тридцать фунтов, не считая прочей поклажи..."

Меж тем объект его неприязненных размышлений продолжал шагать вперед сквозь снег и ледяной ветер. Избавленный от необходимости тянуть за собой компаньона, поначалу он шел бодро, словно забыв про усталость и голод; но этот иллюзорный прилив сил не мог длиться долго. Вскоре Дик вынужден был замедлить шаг; несколько раз ему случалось оступаться и падать, и подниматься с поклажей всякий раз становилось все труднее. Наконец, когда это случилось в очередной раз, Дик, лежа в снегу, выполз из лямок рюкзака и расстегнул его застежки. Увесистые мешочки с золотым песком и самородками один за другим перекочевывали в снег. "К черту, мертвым золото ни к чему..." Выбросив долю Джима, он, однако, остановился. Несколько минут он провел в раздумье, а затем решительно застегнул рюкзак, где все еще оставалась половина их общей добычи – его собственная доля. Взвалив свою ношу на плечи, он побрел дальше.

"Триста девяносто шесть... триста девяносто семь... триста девяносто восемь..." Он решил, что будет отдыхать через каждую тысячу шагов. Однако, досчитав до семисот, Дик понял, что переоценил свои силы. Он стоял на четвереньках в снегу, дыша тяжело и хрипло; ледяной воздух обжигал легкие, в горле стоял противный железистый привкус. Внезапно жестокая судорога пронзила болью ногу; Дик охнул, вытягивая пятку вперед и разминая сквозь штанину скрученные в комок мышцы. Когда боль успокоилась, он еще долго ждал, боясь, что при попытке встать судорога повторится; но наконец он все-таки поднялся и, прихрамывая, заковылял вперед.

Он сделал еще два привала, прежде чем решился снова выкинуть золото – но опять не все. Ему предстояло перевалить через небольшую возвышенность – небольшую для сильного и здорового человека; но в теперешнем своем состоянии он не надеялся преодолеть ее с тяжелым грузом.

Дик не смог бы сказать, сколько времени занял у него штурм возвышенности; и все же ему удалось добраться до перевала и даже втащить за собой рюкзак, хотя последние три сотни ярдов он полз на карачках. "Теперь будет намного легче", – думал он, глядя на открывавшийся перед ним пологий спуск. Но прежде, чем насладиться этой легкостью, он сделал очередной привал – самый длительный с начала этого дня. На перевале ничего не росло, и развести огонь было нечем; Дик сжевал всухомятку один сухарь – у него были крепкие, нетронутые цингой зубы, не то что у Джима.

Когда, наконец, он заставил себя подняться, силком выдернув сознание из полудремотного состояния, то вдруг заметил, что пурга кончается. Ветер заметно ослабел; снег еще шел, но уже не сек, не хлестал по лицу, а плавно и мягко опускался на белый ковер арктической пустыни. И сквозь это поредевшее снежное кружево Дик различил внизу, в долине, теплые огоньки поселка.

До него было каких-нибудь пять, от силы шесть миль. Выходит, он ошибся в расчетах. Никаких трех дней пути. Всего несколько часов. Несколько часов, и он будет нежиться в тепле и уюте, и поест так, как не ел уже много месяцев, а потом завалится спать на настоящую постель... И золото – хорошо, что он не выбросил все, а впрочем, даже то, что и выбросил, можно будет потом, со свежими силами, отыскать...

И тут он вспомнил о Джиме. О Джиме, который прошел пешком четыреста миль по снежной целине, чтобы отказаться от борьбы и погибнуть в нескольких милях от спасения.

Конечно, весьма вероятно, что Джим уже мертв. А если нет? Вряд ли он идет следом – на сей счет Дик не питал иллюзий. Но если у Джима осталось хоть немного сил, он вполне мог собрать еще веток для костра и поддерживать огонь. Даже если их костер погас, у него были

спички, чтобы разжечь новый. Если так, то, наверное, сейчас он еще жив. И будет жив еще... сколько? Пока Дик доберется до поселка, пройдет несколько часов. Какое-то время, пусть небольшое, уйдет на организацию спасательной экспедиции. Со свежими силами, с лыжами и собаками, она доберется до места куда быстрее, чем он шел сюда, и все же это дополнительное время. И все это время Джим не будет знать, что спасение близко. В любую минуту он может пустить себе пулю в висок или просто перестать цепляться за жизнь...

Дик постарался трезво оценить свои силы. Сможет ли он вернуться, ободрить Джима и проделать потом весь путь до поселка? Ведь это почти вчетверо больше, чем он прошел с момента расставания со своим товарищем. Правда, теперь ему нет нужды экономить остатки еды. И он пойдет налегке, оставив рюкзак на перевале. И пурга, считай, кончилась. И, главное, он будет знать, что поселок рядом!

Дик доел сухари. Однако, если он все же переоценивает себя, погибнут они оба... Но, в крайнем случае, можно будет провести еще одну ночь у костра, а утром он со свежими силами двинется в путь.

Он бросил последний взгляд на огни поселка и двинулся вспять по своим еще не занесенным снегом следам.

Идти под уклон было довольно легко, но спуск скоро кончился. Дик на какое-то время закрыл на ходу глаза; он не раз пользовался во время долгого пути этим приемом, давая организму самому настроиться на оптимальный темп. Он дышал ровно и размеренно, не позволяя сердцу сорваться в сумасшедший галоп, после которого по телу разольется ватная слабость, и не останется ничего другого, кроме как упасть в снег. Ветер почти стих, и мороз уже не обжигал, а слегка пощипывал.

И все же его ноги гудели от усталости, а в правой икре еще жила болезненная память о судороге. Дик знал, как опасно выбиться из сил, но старался держать темп. Пусть даже он не сможет идти обратно, и ему придется провести еще одну ночь под открытым небом – теперь, когда огни поселка скрылись из виду, эта мысль уже не казалась такой непереносимой, как в первый момент; зато каждая минута промедления сейчас отнимает шансы у Джима. Дик гнал от себя мысль, что Джим, вероятно, уже мертв, и все его усилия напрасны.

Он думал, что найдет место, где выбросил золото Джима, но то ли там уже все замело, то ли он все же отклонился от первоначального пути. Своих следов, во всяком случае, он больше уже не видел. Но в общем направлении он был уверен и продолжал брести вперед по глубокому снегу, вынужденный, однако, останавливаться все чаще.

По его расчетам, их последняя совместная стоянка должна была быть уже где-то поблизости. Дик всматривался в темноту, надеясь различить огонек костра. Но тьма оставалась непроницаемой.

– Джим! – крикнул Дик и остановился, прислушиваясь. – Джим!

Тихо падали снежинки. Откуда-то очень издалека донесся волчий вой.

"Плохо, – думал Дик. – Если нет костра, он наверняка замерз."

– Джиим! – крикнул он еще громче и закашлялся.

Какой-то звук вывел Джима из забытья. Он шевельнулся в своем сугробе; снег посыпался на его лицо. "Джи-им!" – кричал кто-то в отдалении.

"Это он, – понял Джим. – Он вернулся".

Он неуклюже шевельнул рукой, отгребая снег в сторону; мышцы повиновались с трудом – холод уже слишком глубоко проник в тело. "Сейчас бы виски, – подумал Джим, – хотя бы один глоток".

Он нашарил револьвер, затем стянул зубами рукавицу и подул на пальцы. Бесполезно – они ничего не чувствовали. Он не сможет взять оружие, не сможет нажать на спуск... Он еще беспомощней, чем младенец. Горячие слезы острой жалости к себе покатились по его

обмороженным щекам.

"Джим!" – донеслось уже ближе. Теперь старый золотоискатель увидел Дика. Увидел темную фигурку на фоне снега, пока еще далекую. Джим попытался потереть пальцы снегом, потом упер их в меховой бок своей парки, заставляя согнуться. У него было ощущение, что сейчас они хрустнут и отвалятся, словно сосульки; но этого не произошло. Пальцы послушно согнулись, словно резиновые; он по-прежнему не чувствовал их. Но теперь у него зародилась надежда. Он то тер пальцы о мех, то заставлял их сгибаться, то дул на них; и вот, наконец, их пронзили первые иглы боли. Джим закусил губу, когда горячая волна разлилась по его, казалось бы, уже омертвевшей кисти; пальцы, все еще слабые и неуклюжие, обняли рукоятку револьвера.

"Джим!" – еще раз позвал Дик, окончательно теряя надежду. Теперь он находился в каких-нибудь шестидесяти ярдах от своего компаньона, но по-прежнему не видел его, занесенного снегом.

"Явился, Дикки, – думал Джим, переворачиваясь в сугробе на живот и занимая более удобную позицию. – Тебе мало того, что ты бросил меня подыхать. Мало того, что объедал меня. Теперь ты вернулся, чтобы отобрать у меня последнее? Тебе стало жалко трех спичек и горстки муки? Ты решил забрать и это... а заодно убедиться, что я действительно подох и не приду требовать мое золото. Ты думаешь, я такой дурак, чтобы откликнуться? Нет, Дикки, это я раньше был дураком, когда верил тебе... Ну иди, иди сюда, Дикки-птичка."

Дик, однако, двинулся в другую сторону, все еще всматриваясь в снег вокруг.

"Уходишь? Нет, не уйдешь!" – Джим старательно целился, положив револьвер на сгиб локтя. Его рука дрожала, и ствол ходил ходуном. "Черт, у меня же всего один патрон... Второго шанса не будет!"

Джим собрал все оставшиеся силы, с ненавистью глядя на удалявшуюся темную фигурку. На какой-то момент прежняя твердость вернулась его руке. Мушка перестала прыгать и легла на цель. Палец нажал на спуск.

Громыхнул выстрел, и темная фигурка, не вскрикнув, не взмахнув руками, как-то просто и буднично повалилась в снег.

"Вот так, Дикки!" – Джим выпустил ненужный уже револьвер. В следующий миг у него мелькнула мысль, что теперь он может завладеть припасами убитого; и хотя он помнил, что припасы эти столь же ничтожны, как и его собственные, его гаснущему сознанию мерещилось, что у Дика с собой целый склад продуктов – еще бы, ведь он обкрадывал его, утаивал еду... Джим попытался ползти, но прицельный выстрел оказался последним усилием, на которое еще было способно его измученное тело, и теперь жизнь быстро покидала его. Три минуты спустя он был уже мертв.

Снег продолжал падать, и к одиннадцати утра, когда солнце ненадолго приподнялось над южным горизонтом, оба трупа были уже надежно укрыты белым саваном. Ничто больше не нарушало холодного совершенства арктической пустыни.

2001

Мальчик, который не верил в Санта Клауса

С утра мела метель, но после полудня она успокоилась, и лишь большие белые хлопья снега медленно и торжественно опускались в недвижном воздухе. В центре, наверное, все еще продолжалась предпраздничная суета; машины, увязая и буксуя в свежевыпавшем снегу, подъезжали к ярко сияющим витринами магазинам, гудели нетерпеливые клаксоны, играла музыка, сверкали и перемигивались разноцветные гирлянды, и вращающиеся двери выпускали все новых довольных покупателей, несущих в красивых фирменных пакетах коробки с подарками... Но здесь, на окраине, было очень тихо и совсем безлюдно. Лика, проваливаясь в снег почти по колено, брела по длинному переулку, куда выходили главным образом запертые ворота складов да глухие выщербленные стены старых кирпичных домов. Постепенно смеркалось – в конце декабря темнеет рано – но девочка не думала поворачивать назад. Она знала, что дома ее никто не хватится. Мать, как всегда, валяется на диване и смотрит по телевизору очередную мыльную оперу. Рядом с ней – здоровенный пакет с чипсами, куда она периодически запускает толстые, лоснящиеся от масла пальцы, а затем принимается шумно жевать, роняя крошки на пол, на диван и на свою засаленную безразмерную футболку, в которой вечно ходит дома. От этого занятия она отвлекается лишь затем, чтобы закурить вонючую сигарету во время очередной рекламной паузы; затем она долго утробно кашляет, колыхаясь всем своим рыхлым телом, говорит "вот дерьмо!" и возвращается к чипсам. На ее толстом животе лежит пульт управления телевизором. Когда мыльная опера заканчивается на одном из каналов, она переключается на другой.

Отец и вовсе завалится домой к полуночи, если не позже. Все зависит от того, насколько хватит денег у него и у его дружков. Единственная хорошая сторона жизни на пособие – отцу уже не хватает на то, чтобы самому напиваться так, как раньше. Но дружки часто его угощают. Собственно, из-за пьянства отец и потерял работу, хотя сам он уверен, что во всем виноват "этот хренов жид", управляющий Райхман. Дружки, конечно, ему поддакивают. Хорошо, если они сумели скопить к Рождеству много денег, чтобы как следует оторваться в баре. Тогда отец приползет домой совсем никакой и сразу завалится спать. А если он в праздник не доберет свою "норму", то придет злой и будет драться. Обычно они дрались с матерью, но перепадало и Лике. Поначалу девочка пыталась в такие ночи прятаться под кровать или в шкаф, но отец, не находя ее сразу, зверел еще больше, и, когда он все же добирался до ее убежища, ей доставалось втройне. Так что уж лучше было смиренно стерпеть несколько оплеух, стоя босиком на холодном полу и повторяя "я больше не буду, папочка". Что именно "не буду", Лика не знала, да и он, очевидно, тоже. Ему лишь важно было исполнить ритуал "воспитания".

Да, самый большой подарок к празднику, на который могла рассчитывать Лика – это что отец придет слишком пьяный, чтобы драться, и продрыхнет до середины следующего дня. О том, чтобы получить на Рождество что-то еще, хоть самую дешевенькую игрушку, она не смела и помыслить. Лишь один раз, когда родители, казалось, пребывали в хорошем расположении духа, она заикнулась об этом. Даже не в форме просьбы – просто принялась рассказывать, что дарили ее одноклассницам. Но мать, конечно, живо поняла намек. "Выкинь эту дурь из головы, девочка, – рявкнула она, – ты что, не знаешь, что твоего отца выперли с работы, и мы живем на пособие? Нам не хватает на еду (мать уже тогда весила хорошо за двести фунтов, а сейчас подбиралась к трем сотням), а ты думаешь обо всяких цацках! Ты что, возомнила, что ты хренова принцесса?"

Принцесса. Лика увидела ее в том самом магазине в центре. Конечно, купить она там не могла ничего, даже стакан колы в буфете на втором этаже. Зато там можно было медленно бродить часами, разглядывая витрины и полки. Каких только игрушек там не было! Вплоть до электрических автомобилей, в которых можно ездить, и маленьких детских мотоциклов – не говоря уже о шагающих роботах-динозаврах и радиоуправляемых моделях самолетов. Но

посмотреть на мальчишеские игрушки было любопытно и не более чем. Лика равнодушно проходила мимо секции видеоигр и коробок с моделями для склейки, задерживалась возле плюшевых медведей, придумывая им имена (в самом деле, глупо ведь всех звать "Тедди"!) – а затем ее сердце сладко замирало. Она вступала в отдел, называвшийся "Мир Барби".

Здесь были Барби на любой лад и вкус, всех оттенков кожи и родов занятий. В строгих деловых костюмах и легкомысленных пляжных нарядах, в вечерних платьях и джинсах, невесты и молодые мамы, учительницы, спортсменки, стюардессы, даже русалка с хвостом и Барби в инвалидной коляске... Но больше всего Лике нравилась Барби-принцесса. В воздушном, словно бы летящем белом платье, с маленькой золотой короной на белокурых волосах, она казалась воплощением всего того светлого и радостного, о чем Лике глупо было даже мечтать. И все же не мечтать она не могла. Если бы... если бы однажды она смогла выйти из магазина, прижимая к груди заветную коробку...

Но даже просто стоять и смотреть на принцессу слишком долго было опасно. Мог подойти магазинный охранник и поинтересоваться, все ли у девочки в порядке и где ее родители. Лика ужасно боялась, что ее заберут в полицию; она была уверена, что в этом случае отец либо прибьет ее насмерть, либо покалечит. Один раз ей удалось убедить охранника, что у нее все замечательно, и с тех пор она избегала останавливаться перед витриной чересчур надолго. Она старалась запомнить, как выглядит принцесса, а потом идти и удерживать этот облик перед глазами...

– Девочка, а девочка!

Лика испуганно вздрогнула: ей показалось, что это опять охранник. Но она тут же очнулась от своих грез и сообразила, что стоит посреди занесенного снегом переулка. А к ней обращается возникший словно из ниоткуда Санта Клаус. В припорошенной снегом красной куртке с белой оторочкой, красной шапке с белым помпоном, красных штанах, сапожках и рукавицах. Лицо у него было тоже красное (хотя, конечно, не такое, как одежда), с окладистой белой бородой, а на плече он держал мешок – разумеется, красный, и явно не пустой.

– Хо-хо-хо, – сказал Санта Клаус, широко улыбаясь в белые усы, – здравствуй, девочка! С Рождеством! Что же ты оробела? Неужели не признаешь меня?

– Простите, – тихо сказала Лика, – я вас раньше не видела.

– Ты что же, – белые брови удивленно нахмурились, – не веришь в Санта Клауса?

– Мама говорит, что Санта – это... – "это все гребаная чушь", чуть не вырвалась у Лики точная цитата. – Что его не бывает, – закончила она.

– Хо-хо-хо! – брови поползли выше. – А кто же тогда я, по-твоему?

– Не знаю, – пробормотала Лика еще тише. – К нам в класс однажды приходил Санта Клаус. А Брик, он у нас самый хулиган, изловчился и дернул его за бороду. А она оказалась на резинке.

– Ну, я-то самый настоящий, – решительно возразил Санта. – И борода у меня настоящая. Не веришь – можешь потрогать, – он даже нагнулся, чтобы ей было удобнее.

Лика несмело шагнула вперед, потом еще раз, и осторожно коснулась бороды. Санта лишь поощрительно улыбался, и она слегка потянула. Осмелев, потянула сильнее, и наконец, обмирая от собственной наглости, резко дернула.

– Хо-хо-хо! – воскликнул Санта громче и отрывистей, чем прежде. – Ну ты и сильна! А теперь-то веришь?

– Ты и правда настоящий? – прошептала девочка.

– Ну так а я о чем тебе толкую?

Лика почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы – радости и обиды одновременно.

– Что же ты... раньше... не приходи-и-ил...

– Ну, ну, ну, – Санта снял с нее шапку и успокаивающе погладил по голове. – Не надо

плакать. Ты права, я виноват, что не приходил прежде. Но, видишь ли, на свете столько детей, и всем надо раздать подарки! Не хватает времени, приходится полагаться на помощников, а они иногда подводят. Зато смотри, что я принес тебе сейчас!

Он снял с плеча мешок и некоторое время с заговорщицким видом копался внутри. А затем подмигнул Лике и извлек на свет...

– Барби-принцесса!

– Барби-принцесса, – подтвердил Санта, вручая девочке коробку с куклой.

– Она теперь моя? Насовсем? – Лика не могла поверить своему счастью.

– Конечно, насовсем. Где же ты видела, чтобы подарки дарили не насовсем?

– Спасибо, милый, дорогой Санта! – она попыталась его обнять, не выпуская куклу.

– И это еще не все! – прервал он ее излияния. – Я ведь задолжал тебе подарки за семь лет...

"За восемь", – могла бы поправить Лика, но не осмелилась.

... – вот сейчас ты их все и получишь. Только они остались у меня в санях. А заодно посмотришь моих оленей и сможешь их покормить! Хочешь?

– Конечно, хочу! – девочка запрыгала от восторга.

– Тогда идем! – он повернулся и зашагал по снежной целине переулка. Лика устремилась следом, стараясь попадать в его большие следы.

Не доходя до выхода на улицу, он свернул в какой-то узкий лаз между заборами, и довольно долго девочка не видела ничего, кроме бетонных стен по краям и широкой красной спины с мешком впереди. Затем заборы кончились, и они вышли к небольшому оврагу, по дну которого летом протекал ручей, но сейчас там лежал лишь глубокий снег. На другой стороне оврага в сгущающейся тьме стыли черно-белые деревья. Лика поняла, что они вышли к границе города, к которой вплотную подступал лес.

Санта начал решительно спускаться в овраг, и девочке пришлось последовать за ним. Спуститься было не сложно, но, когда пришлось карабкаться вверх, она запыхалась, и ей стало жарко даже в ее старой курточке, которая была ей уже мала. Санта лишь бросил короткий взгляд через плечо и продолжал быстро шагать по снегу между деревьями.

– Далеко еще? – жалобно спросила Лика, едва поспевая за ним.

– Нет, – ответил он, не оборачиваясь, – уже почти рядом.

– Темно уже, – неуверенно произнесла девочка.

– Ты что же это – темноты боишься? – он снова взглянул на нее. – Ах ты маленькая трусишка! А ведь я летаю в темноте всю рождественскую ночь! Мы с тобой тоже можем сделать пару кругов над городом!

– Правда? – сомнения Лики вновь отступили.

– Конечно. Может быть, я даже чуть-чуть позволю тебе поуправлять оленями.

Меж тем они уже углубились в лес настолько, что даже днем не увидели бы отсюда его границы; во мраке же и вовсе казалось, что он тянется во все стороны на несчетные мили.

– А зачем ты... оставил сани... так далеко? – спросила девочка, тяжело дыша.

– Ну мы ведь не хотим, чтобы на них случайно наткнулся чужой человек и забрал себе все подарки? Ну вот, почти пришли. Вон та поляна.

Поляну окружал высокий ломкий кустарник. Санта с хрустом прокладывал путь, а девочка шла за ним, предвкушая, как сейчас увидит волшебные сани и оленя Рудольфа. Внезапно Санта остановился, и Лика чуть не врезалась в него.

Поляна была пуста и покрыта нетронутым снегом.

– А... где же сани? – пролепетала девочка.

– Сейчас подъедут. Ты пока раздевайся.

– Что? – оторопела Лика.

– Раздевайся. Тебе же жарко.

Она и впрямь вспотела и теперь охотно сняла с себя куртку. Санта протянул руку в рукавице и забрал ее верхнюю одежду.

– Дальше, – скомандовал он.

– Что? – девочка снова почувствовала страх и невольно прижала к себе коробку с принцессой.

– Все! – голос Санты сделался хриплым и резким. – Ты должна снять с себя все!

– Но... – Лика попятилась, – я не хочу...

– А куклу хочешь?! Куклу, значит, хочешь, неблагодарная дрянная девчонка?!

– Заберите, – Лика выставила коробку перед собой, продолжая пятиться. – Заберите ее, только позвольте мне уйти!

– Хорошим девочкам Санта Клаус дарит подарки, – процедил осклабившийся рот, – а сейчас ты узнаешь, что он делает с плохими девочками.

– Помогите! – закричала Лика, поворачиваясь, чтобы бежать. Грубые руки схватили ее и швырнули в снег.

– Это наверняка он, – федеральный агент Даглас еще раз посмотрел в сторону поляны, где бригада из криминалистической лаборатории уже заканчивала свою работу. Неподалеку переминались на холоде санитары с носилками, ожидая команды забрать тело. – Рождественский Мясник, он же Снеговик. Проклятье, мы ловим этого сукина сына уже третий год, и все без толку. Ну, может, хоть теперь он даст нам зацепку.

– Вы уверены, сэр? – стажер Джон Рокстон поднял воротник форменной куртки и сунул руки в карманы: ему тоже было зябко. И он не был уверен, что виною тому лишь мороз, а не впечатление от увиденного. Все-таки учебники и фотографии – это одно, а когда впервые видишь такое своими глазами... – Мало ли у кого из местных парней могло сорвать крышу...

– Местный вряд ли повел бы жертву так далеко в лес, – возразил Даглас. – Подвалов и пустых складов хватает и в городе. Но Снеговику нужен снег. Много снега под открытым небом. И все прочие детали... Бывают, конечно, имитаторы чужого почерка. Но дело Рождественского Мясника не освещалось широко в прессе. Только местные СМИ, да и то глухо. Он ублюдок, но он не глуп, отнюдь не глуп. Выбирает удачное время, когда все редакторы предпочитают веселые и умильно-слезливые материалы, а не кровавые ужасы. Американцы не любят, когда им портят праздники. А поскольку после Нового года убийства прекращаются, тема теряет актуальность. До следующего Рождества.

Скрипя ботинками по снегу, подошел шеф городской полиции с планшеткой в руке. Его физиономия была брюзгливо-скептической, как всегда при общении с федералами. Даглас постарался не подать вида и деловитым тоном осведомился:

– Ну что, личность установили?

– Да, – кивнул тот. Планшетку он держал перед собой, но не заглядывал в нее. – Анжелика Лоренс, 9 лет. Пропала два дня назад. Из, как это говорится, проблемной семьи. Отец – алкоголик, мать немногим лучше, сидят на пособии... типичное белое отребье. Они даже не чухнулись заявить о пропаже дочери. Девочка ходила в школу, но сейчас каникулы... нам повезло, что на нее наткнулись прежде, чем все здесь окончательно замело.

– Вот-вот, – обратился Даглас к стажеру, – типичная жертва Снеговика. Чаще всего это дети, у которых проблемы дома или в школе. Собственно, это не удивительно. Кто еще будет в праздничные дни гулять в одиночестве, вместо того, чтобы веселиться в компании родных и друзей?

– Не скажите, – возразил стажер, – я в детстве любил бродить один. И не потому, что у меня были проблемы с общением. Просто так лучше думается.

– Бывают, конечно, исключения, – согласился Даглас. – Из восьми, на сегодняшний день, жертв две – из полностью благополучных семей и не имели проблем со сверстниками.

– Известных нам, – уточнил стажер.

– Что?

– Восемь – это только известные нам, сэр. Мы не знаем, сколько еще их может лежать где-нибудь под снегом.

– Отлично, сынок, смотришь в корень. Тем не менее, вряд ли их намного больше. Исходя из почерка, у него просто не хватило бы времени... Единственная возможность – если он начал убивать не два года назад, а раньше. Ты успел прочитать в машине материалы?

– Да, сэр, – Джон понимал, что Даглас проверяет его, и принялся рассказывать четко и бесстрастно, как на экзамене: – Убийства начинаются перед Рождеством и заканчиваются не позже Нового года. В качестве места чаще всего выбирается новый город – не настолько маленький, чтобы всякий новый человек или машина бросались в глаза, но и не настолько большой, чтобы трудно было найти открытое уединенное место. Иногда совершает два убийства в одном городе – вероятно, если уверен, что исчезновение первой из жертв не вызвало переполох. Жертвы – всегда белые, от семи до одиннадцати лет. Пол для него значения не имеет. Он заводит жертву в какое-нибудь глухое место, где много снега. Судя по всему, дети идут с ним добровольно. Потом он заставляет жертву полностью раздеться и разуться, связывает ей руки и, вероятно, заклеивает рот. В таком виде водит жертву туда-сюда по снегу и валяет в сугробах – долго, не менее получаса. Очевидно, его это возбуждает. Потом насилует. Потом убивает, нанося около дюжины ударов ножом. Точное число и места ударов варьируются. Никаких надписей или иных "визитных карточек" не оставляет. Одежду и все вещи жертвы забирает с собой.

– Все сходится, не так ли? – кивнул Даглас шефу полиции.

– Точно, – подтвердил тот. – Должно быть, этот ублюдок еще и фетишист.

– Современная психиатрия относит к фетишистам значительную долю садистов, – заметил Рокстон. – Всех, для кого важны не просто страдания в принципе, но и конкретные атрибуты. Такие, например, как снег или кровь жертвы. Но я не уверен, что вещи он уносит из тех же соображений. Возможно, просто из опасения, что мы найдем на них какие-то его следы. Он ведь очень осторожен. У нас до сих пор нет данных по группам крови и спермы.

– Он что же, делает это в презервативе? – удивился шеф полиции.

– Именно, или, может быть, вообще использует фаллоимитатор. У вас в городе можно купить такую вещь?

– У нас благопристойный город, мистер, а не какой-нибудь Нью-Йорк, – оскорбился шеф полиции.

– Скорее всего, он возит все, что ему нужно, с собой, избегая лишний раз светиться в местных магазинах, – примирительно заметил Даглас.

– Между прочим, почему обязательно он? – прищурился шеф полиции. – Вам не приходило в голову, что этот хренов имитатор может использовать и женщина?

Федералы посмотрели на него с уважением, несмотря на тон.

– Мы рассматривали такую версию, – подтвердил старший из них. – В ее пользу говорит и тот факт, как легко преступнику удается заманивать детей. Сейчас серийные убийцы часто сыплются на умных детишках, которые, помня наставления взрослых, не только отказываются идти с маньяком, но и тут же бегут домой или к ближайшему полицейскому, чтобы рассказать приметы нехорошего дяди, манившего их конфеткой. У Снеговика не было ни единого такого прокола. Но увы – многие взрослые по старинке предостерегают детей именно от нехороших дядей, упуская из внимания теть. И все же вряд ли это женщина. Вы же видели следы, шеф. Размер обуви отнюдь не женский. Конечно, можно носить на несколько размеров больше, чтобы сбить нас с толка, но женщина в таких сапожищах рискует привлечь лишнее внимание, а убегать ей, в случае чего, будет тяжело. К тому же его вес – около двухсот двадцати фунтов, и сила ударов тоже изрядная. Все это, конечно, не доказательство, но существенные аргументы

против.

Шеф полиции раздраженно пожал плечами, возможно, собираясь сказать нечто вроде "если вы такие умные, почему хренов псих еще на свободе?" Но тут подошел начальник криминалистов.

– Мы почти закончили, – объявил он, – я велел парням грузить тело в машину.

– Уже есть что-нибудь интересное? – осведомился Даглас.

– В лаборатории будет видно, – пожал плечами эксперт. – Пока все как обычно. Никаких оторванных пуговиц, клочков одежды и тэ пэ. Девочка давно не стригла ногти, может, удастся что-нибудь найти, но надежды мало. Стандартная схема: сначала жертва слишком напугана и покорно исполняет все приказы маньяка, надеясь купить этим жизнь. А когда понимает, что терять ей уже нечего, то уже связана и ничего не может поделать. Веревку он, конечно, снова забрал с собой, и скотч, которым заклеивал рот, тоже.

– Да уж... Ладно, Джон, – обернулся Даглас к стажеру, – идем в машину.

– Холодная погода с частыми снегопадами, по всей видимости, продержится по всей Новой Англии до конца недели. Возможны задержки авиарейсов и поездов, а также заносы на дорогах. Так что мы бы рекомендовали вам воздержаться от путешествий в ближайшие дни, если, конечно, вы не хотите встречать Новый год в пути...

Николас выругался и выключил приемник. Никому нельзя верить, совсем никому. Все, в конечном счете, обманут и предадут. Даже снег, всегда бывший ему другом и доставлявший столько удовольствия, и тот обернулся против него. Обычной его тактикой было выбирать новый город без всякой системы, главное – подальше от предыдущего. Но на сей раз он вот уже два дня вынужден плестись от одного снежного заноса до другого, и проехал всего ничего. Если продолжать в том же духе, даже его джип повышенной проходимости, того и гляди, увязнет наглухо прямо посреди пустынного шоссе. К тому же он потерял уже слишком много времени. В новом городе ведь нужно сначала провести разведку, отыскать подходящее место и продумать аварийные варианты... черт, он не может терять очередной день! Новый год на носу, а кто когда-нибудь видел Санта Клауса после Нового года? Летающие олени ему бы сейчас и впрямь очень не помешали... Наверное, не следовало так поспешно уносить ноги из Гринвуда. Этой девчонки могли не хватиться до весны, родителям было на нее наплевать... Но интуиция погнала его вперед, а своей интуиции он привык доверять. Может быть, все дело в том, что он завел ее в лес недостаточно далеко. Но снег был глубокий, а девчонка на вид совсем хилая, она бы выбилась из сил раньше времени... Недаром в классе ее все шпыняли. Она, конечно, рассказала об этом доброму Санте. Когда он видел, что они достаточно сломлены, чтобы не осмелиться кричать – хотя и выбирал такие места, где их крик вряд ли могли услышать, но осторожность никогда не вредит – он всегда расклеивал им рот и заставлял рассказывать о себе. Диплом детского психолога – полезная вещь, но теоретическая наука мертва без постоянного подтверждения практикой. Обычные серийные убийцы с каждой новой жертвой все ближе к провалу, а он с каждым разом узнает о своей добыче все больше и становится все неуязвимее. Да и какое наслаждение смотреть и слушать, как они стоят, голые и беспомощные, по колено в снегу, трясясь от холода и страха, и жалкими срывающимися голосками лепечут о своей несчастной жизни!.. Одно лишь воспоминание об этом вызывало столь быстрый и твердый отклик в штанах, что хотелось прямо сейчас остановить машину и запустить туда руку. Но нет, нет, не время... впереди еще долгие месяцы, когда единственным источником наслаждения для него будут эти воспоминания, не стоит растрачивать их остроту сейчас...

Все же Николас остановил джип. Впереди показалась развилка – самое время определиться с координатами и дальнейшими планами. Он вытащил из бардачка карту, расстелил ее над приборной панелью. Так, если он повернет сейчас направо, то всего в пяти милях отсюда будет Малькольмтаун. 16 тысяч жителей. И среди них, конечно, найдется

достаточно плохих мальчиков и девочек.

– Ну, что там в лаборатории? – осведомился Даглас, когда Рокстон положил трубку. Они сидели в кабинете Дагласа, и за окном струилась белая пелена метели.

– Хорошие новости, сэр. Между ногтем и заусенцем на среднем пальце правой руки нашли волосок. Точнее, обрывок волоска. Белого цвета. Сейчас они в него вцепятся и вытащат все, что можно, – Джон сделал паузу и добавил: – Хотя мне кажется, это не то, что они думают. По-моему, я знаю, кто это.

– И кто же?

– Санта Клаус.

Даглас громко фыркнул, но потом понял, что стажер не шутит.

– Ты хочешь сказать – парень в костюме Санта Клауса?

– Конечно. Вообще эта мысль мелькнула у меня еще утром, когда мы осматривали место преступления. Кровь и снег, красный и белый. Цвета Санта Клауса.

– Своеобразная ассоциация, – усмехнулся Даглас.

– По правде говоря, в детстве я боялся Санта Клауса, – признался Джон немного смущенно.

– Боялся? Почему?

– Мне совсем не нравилась идея, что какой-то странный тип может влезть ко мне через дымоход, пока я сплю, – произнес Рокстон с улыбкой, а потом заговорил более серьезно: – А почему люди боятся привидений? Ведь вовсе не потому, что они злобные или способны причинить реальный вред. Согласно большинству легенд, от привидения вреда не больше, чем от голограммы. И тем не менее, девять десятых людей завопили бы от ужаса, даже увидев призрак собственной горячо любимой мамочки. Так почему? Просто потому, что это нечто потустороннее. Сверхъестественное. И потусторонний ужас сильнее любого материалистического страха. Санта – из той же серии, и впору спрашивать не почему его боялся я, а почему его не боятся другие...

– Ладно, экскурсы в психологию подождут, – нетерпеливо перебил Даглас. – Действительно, версия с Сантой объясняет, почему он так легко заманивает детей. И человек в таком костюме в эту пору года не вызывает подозрения у взрослых, не говоря уже о том, что вся эта атрибутика хорошо маскирует подлинную внешность. Какие у нас еще аргументы?

– Сначала я подумал, что красное и белое действительно может быть его фетишем. А потом понял, что это еще и очень удобно. На его костюме не видно крови, по крайней мере, издали. А вещи он, очевидно, прячет в мешок с подарками. Роль Санты настолько идеальна для убивающего детей маньяка, что я просто изумляюсь, почему мы не столкнулись с таким раньше.

– Потому что у этой роли есть один большой недостаток – с точки зрения маньяка, разумеется. Она актуальна лишь несколько дней в году. А маньяком, даже самым умным, правит не разум, а его страсть. Он может сто раз сказать себе, что разумно дождаться Рождества, но если ему припрет в июле, он будет убивать в июле. У нашего парня, должно быть, огромная для такой публики сила воли... или его возбуждает именно рождественская атрибутика. А ты молодец, стажер. Черт, мне следовало подумать об этом раньше! Но, должно быть, в детстве мне слишком долго полоскали мозги добрым Сантой... Значит, по-твоему, то, что изучают сейчас в лаборатории – не настоящий волос, а синтетическое волокно.

– Да. Что вряд ли окажется для нас полезным. В лучшем случае определим компанию-производителя волокна, но покупать его могут для разных целей по всей стране...

– Тогда вернемся к исходной задаче: где он может быть сейчас. Твои предположения, стажер.

Рокстон понял, что это опять проверка его профессионализма. Он встал и подошел к доске на стене, где была прикноплена карта Новой Англии.

– Новых исчезновений в Гринвуде не обнаружено. Местная полиция и учителя уже обзвонили всех родителей, имеющих белых детей подходящего возраста. Значит, из города он уехал. Теоретически за двое суток он мог оказаться в любом районе страны и даже мира. На практике он, очевидно, как и прежде, ограничится теми районами, где лежит снег. Он мог добраться до аэропорта, но рейсы сейчас отменяют пачками из-за снегопадов. У него всего одна неделя в году, чтобы словить свой кайф, и он не станет рисковать провести ее в зале ожидания. Могу также предположить, что он вообще избегает летать, дабы его имя не хранилось в списках пассажиров – разве что локальными чартерами, где нет строгих правил регистрации... Значит, едет на машине. Она у него наверняка повышенной проходимости, но в таких погодных условиях этого хватает только чтобы не завязнуть. Мы знаем, что сукин сын очень осторожен и, наверное, не будет гнать без крайней нужды. Значит, едва ли он делает в среднем более двадцати миль в час. И едва ли едет в темное время. Это дает ему около восьми часов в день. Итого – максимум 320 миль за два дня. На востоке его ограничивает океан, на юге – оттепель. Он все еще где-то здесь, – Джон обвел овал на карте.

– Все верно, – усмехнулся Даглас, – в любом из десятков городов внутри этой области. И мы даже не можем поставить их все на уши, объявив там облаву на Санта Клаусов. Доказательств у нас нет, так что мы окажемся крайними как сеятели паники, нанесшие моральную травму детям. Помнишь учителя, которого уволили за то, что он сказал своему классу, что Санта Клауса нет? В какие времена мы живем, а, Джон? Когда-то это была земля свободных и смелых. А сейчас – земля адвокатов по делам о моральных травмах, диффамациях и дискриминациях. Порой я не понимаю, кто выиграл холодную войну. Если мы, то почему мы боимся называть вещи их именами...

Зазвонил телефон. Даглас взял трубку. Услышанное, судя по всему, обрадовало его заметно больше, чем предыдущие рассуждения.

– Похоже, Джон, ты прав в главном, но ошибся в частности, – сказал он, закончив разговор. – Это не синтетика. Это человеческий волос, причем из бороды или усов. И он крашеный. Оригинальный цвет – темный, но не черный.

– Значит... у него настоящая борода! – воскликнул Рокстон. – Может, этот псих и впрямь возомнил себя Санта Клаусом.

– Ты ведь понимаешь, насколько это отличная новость, парень?

– Конечно, сэр. В наше время не так часто можно встретить в обычной жизни мужчину с бородой, как у Санты, темной или нет. И ее нельзя отрастить за один день. Значит, многие знают его в таком виде... Раз он не седой, сколько ему лет?

– Около сорока пяти. Даже удивительно, что он начал убивать только пару лет назад... если, конечно, нам и впрямь известны все жертвы. Впрочем, у маньяков крыша не обязательно едет в молодом возрасте. Или же прежде ему хватало фантазий и порнографии. Еще мы теперь знаем, что он белый, хотя это не удивительно. Даже в нынешние времена черные Санты – еще экзотика. По всей видимости, он не курит и вообще ведет довольно здоровый образ жизни... не считая его главного увлечения, конечно.

– Это не артист, – размышлял вслух Джон, – я думал, что это может быть артист, но у артиста не может быть настоящей бороды...

– Я прорабатывал одну гипотезу, – заметил Даглас. – Еще до твоей идеи с Сантой – кстати, не будем забывать, что она пока не доказана, хотя и трудно придумать, зачем еще красить бороду в белый цвет – так вот, я пытался понять, почему у него не бывает проколов. И пришел к выводу, что он хорошо разбирается в детской психологии. Настолько хорошо, что может составить картину буквально с первого взгляда на ребенка, еще не вступая с ним в контакт. То есть он, скорее всего, профессионал со стажем. Либо непосредственно детский психолог, либо какая-то смежная профессия, скажем, учитель... Первый шаг, стажер?

– Проверить всех людей подходящих профессий, проходивших по делам о сексуальных

домогательствах к детям. Включая оправданных и не дошедших до суда.

– Верно. Получился довольно изрядный список, но в конечном счете у всех у них нашлось алиби. Очевидно, наш ублюдок слишком осторожен, чтобы оставлять живых свидетелей и пострадавших. Но раз он профессионал, мы можем поискать следы его профессиональной деятельности. С учителем это сложнее, но вряд ли он учитель. Он отправляется на охоту еще до начала рождественских каникул. Но если предположить, что его работа все же ближе к науке, то – что?

– Мы можем поискать публикации в научных журналах! Посвященные либо теме неблагополучных семей, либо конфликтам в школьной среде, либо сексуальному и иному насилию над детьми.

– Браво, Джон. Однако таких публикаций тоже достаточно много. Всевозможных психологов, психиатров и психоаналитиков в этой стране развелось едва ли не больше, чем адвокатов... Кое-кого мы проверили, достаточно аккуратно, конечно – слишком уж зыбкие подозрения. Ничего примечательного не нашли. С другой стороны, нет гарантий, что он действительно что-либо публиковал...

– И что он вообще психолог. Если он просто одевается Сантой...

– А вот тут не скажи, Джон. Одно другого не исключает. Пятилетнего карапуза обманет любой парень с бородой и в красной куртке. Но Снеговик работает по более старшей категории. Из этих ребят уже не все согласятся безоглядно идти за тобой, если не произвести на них впечатление... Может быть, настоящая борода тоже играет тут немалую роль – но не она одна.

– Пожалуй. Итак, нам надо отобрать среди авторов статей обладателей большой бороды в возрасте от сорока до пятидесяти. Раз вы уже работали в этом направлении, полагаю, личности авторов установлены?

– Да, но их слишком много. Но теперь мы сможем работать более целенаправленно.

– Я бы предложил дополнительные критерии фильтрации, сэр. Скорее всего, он пишет статьи в одиночку, а не в соавторстве. И, вероятно, он уроженец северных штатов. Извращенцы, конечно, бывают весьма своеобразными, но мне представляется сомнительным, чтобы теплолюбивый южанин находил удовольствие в сексе на морозе. Еще на его имя зарегистрирован внедорожник... он, конечно, может брать на месте машину напрокат, но наверняка предпочитает пользоваться собственным автомобилем, дабы не светиться лишний раз в прокатных конторах.

– Ну, внедорожники в этих краях есть практически у всех... Но в целом резонно. Садись за компьютер, Джон. Посмотрим, как вас теперь учат работать с информацией.

Третьей вещью, которую ненавидел Грегори Прайм, была ложь.

В начале своей жизни он попросту не допускал и мысли о ее существовании. Идея, что можно говорить неправду, представлялась ему столь абсурдной, что в принципе не заслуживала рассмотрения. В самом деле, зачем тогда говорить вообще? В переводе на взрослый язык его тогдашние представления звучали бы так: общение есть целенаправленный обмен информацией, значит, искажение информации противоречит самой сути общения. Позже, годам к трем, он убедился, что неправда все же существует, и незамедлительно проникся к ней глубоким презрением. По этой причине он на дух не переносил сказок, ибо там было сплошное вранье. Надо заметить, что оба родителя Грега были людьми с высшим техническим образованием (отец работал инженером в энергетической компании, мать – химиком в фармацевтической лаборатории), атеистами и материалистами. В три года мальчик уже знал, как устроен атом, что такое положительно и отрицательно заряженные частицы и из чего состоит молекула воды. И, разумеется, знал, что никаких колдунов и ведьм на самом деле не бывает. (Единственная попытка припугнуть расшалившегося Грега, что его заберет злой колдун, вызвала столь бурную реакцию ужаса, что миссис Прайм навсегда зареклась использовать

подобные приемы воспитания и долго извинялась перед мальчиком, повторяя, что это была глупая шутка и никаких колдунов, конечно, нет.) На сверстников, пытавшихся играть с ним в какие-то сказочные сюжеты (и, похоже, и в самом деле веривших в волшебство), Грег смотрел с брезгливостью, как на невежественных дикарей. Поначалу он благородно пытался что-то им объяснять, но они, как видно, были слишком тупы, чтобы поддаваться просвещению.

Позже, когда ему уже исполнилось четыре, Грегори все же понял, что неправда не обязательно ложь. Это может быть и честный вымысел, и сказки относятся именно к этой категории. После этого он стал читать их, и даже с удовольствием, воспринимая так, как воспринимают взрослые: как занимательные истории, которые, однако, не имеют и не могут иметь ничего общего с действительностью. Предпочтение, впрочем, он отдавал все же научной фантастике – именно за ее научность.

Но, признав за литературой право на вымысел, Грег по-прежнему был убежден, что там, где речь идет о реальной жизни, можно говорить только правду. И уж тем более – что правду и только правду говорят его родители. Окружающие, конечно, разочаровывали его все больше и больше – признавая порочность лжи на словах, они врали напропалую. Одной из самых неприятных форм лжи была религия – это был тот самый случай, когда сказки (и притом весьма страшные сказки – о всесильном и всевластном абсолютном тиране) с самым серьезным видом выдавались за правду. Но, конечно, родители объяснили испуганному Грегу, что на самом деле никакого бога нет и что христианские представления ничем не лучше древнегреческих мифов о Зевсе, пуляющем молниями с Олимпа. Никакие религиозные догмы не имеют научного подтверждения, а вот опровержений наука накопила более чем достаточно. Правда, при этом миссис Прайм добавила, что Грег должен уважать чувства верующих и не говорить им, что они принимают всерьез глупые сказки. Вот с этим мальчик никак не мог согласиться: с какой стати он должен уважать чужую глупость и ложь? Тогда мистер Прайм привел более веский аргумент: "Видишь ли, Грег, их все равно невозможно переубедить, они просто не станут слушать. Так что не стоит и пытаться – ты их только разозлишь, а толку не добьешься." Мальчик уже знал по собственному опыту, что это и в самом деле так, и вынужден был согласиться.

Да, уж кто-кто, а родители всегда говорили ему правду. И поэтому Грег и не подумал усомниться в их словах о Санта Клаусе.

Словах, сказанных, конечно же, из лучших побуждений. Мистеру и миссис Прайм даже в голову не пришло, на какой многолетний ужас они обрекают своего сына. Ужас идейного материалиста, который из абсолютно достоверного, по его мнению, источника узнает о реальном существовании некоего волшебного существа.

Грегу было совершенно наплевать, что это существо – доброе и приносит подарки! Оно разрушало всю научную картину мира! Грегори отчаянно пытался спасти положение, придумывая этой нежити какое-нибудь рациональное объяснение. Скажем, что на самом деле Санта Клаус – инопланетянин. В фантастике инопланетяне могли многое из того, что не могли люди, и все – благодаря науке. Но инопланетяне путешествуют на космических кораблях, а не на оленях. И опять же, если это инопланетянин, почему им не интересуется НАСА? Если это какое-то неизученное пока природное явление, почему им не занимаются ученые?

Своими гипотезами Грегори делился с родителями, но те и тут ничего не поняли и лишь смеялись над научной дотошностью сына. Миссис Прайм с улыбкой сказала ему, что наука не занимается изучением волшебства. Грег уже готов был предположить... нет, не то, что родители ему врут – об этом он по-прежнему не мог и помыслить. Но может быть, они, такие умные и образованные, сами стали жертвой обмана?

Однако увы – в отличие от бога, которого никто никогда не видел, существование Санта Клауса подтверждалось фактами и независимыми авторитетными источниками. Начиная уже с подарков, которых не было под елкой вечером, когда двери дома запирались изнутри и ставились на сигнализацию, но которые мистическим образом оказывались там утром. Причем

неведомое существо не только непонятным образом проникало в дом, но и всякий раз угадывало, что именно хотел получить Грег! Сами подарки, впрочем, мальчика радовали – в отличие от мысли о том, кто их принес... Грег, конечно, понимал, что те типы в красных костюмах с фальшивыми бородами, которых можно встретить в супермаркете во время рождественских распродаж или на школьном утреннике – всего лишь переодетые люди. Официально они именовались помощниками Санта Клауса – ну это ничего не доказывало, священники тоже именуются служителями бога... Но и настоящего Санта Клауса не раз показывали по телевизору, у него был дом в Лапландии, куда можно было написать письмо и даже получить ответ. Сам Грег, правда, не писал, но своими глазами видел такой ответ, которым хвастался один из одноклассников.

И ладно бы речь шла только о детских передачах! Грег понимал, что в них могут показать, что угодно. Но о том, что Санта Клаус вылетел из Лапландии, сообщали во вполне солидных, взрослых программах новостей! Разрешение на пролет его саней над территорией США выдавало министерство гражданской авиации! Его перемещение по воздуху отслеживало НОРАД! А НОРАД, джентльмены – это очень серьезно. Даже серьезней гражданского министерства. Это Североамериканское Командование Аэрокосмической Обороной, те самые люди, которые сидят в суперукрепленном бункере глубоко под Скалистыми горами и следят, не взлетят ли в сторону Америки русские или китайские ядерные ракеты – и которые, если что, вовремя нанесут ответный удар. Уж от таких людей меньше всего можно ожидать шуток! И тем не менее – Грег сам видел в новостях, как по их радару, тому самому радару, который отделяет мир от ядерной войны, ползет отметка с надписью "САНТА"!

И это еще не все. Все взрослые, даже те, кто весьма скептически относился к тому, что показывают по телевизору (такие, например, как сосед мистер Стивенс), подтверждали существование Санты. В отношении бога у них не было того же единодушия. Даже учительница младших классов аккуратно замечала, что одни верят в бога, другие нет, и строгих доказательств тут не существует, а слушать-де надо собственное сердце (Грега бесило это лживое выражение, ему так и хотелось крикнуть "сердце – это просто мышца для перекачки крови!"), ну и еще маму с папой. Но о реальности Санта Клауса она говорила совершенно безапелляционно.

Ну и уж, конечно, в Санту верили одноклассники Грега. Эти, впрочем, никак не могли сойти за авторитетный источник. Разве что в вопросах женской анатомии – некоторые из них считали себя достаточно взрослыми, чтобы разглядывать в туалете картинки с голыми тетками. Однажды дали посмотреть и Грегу, и он решительно не понял, что они находят в этом интересного. Ну то есть его, конечно, удивило, что у женщин отсутствует пиписька, но это было видно уже на первой фотографии – зачем же так внимательно разглядывать остальные? В целом же одноклассники оставались такими же тупыми дикарями, какими были в трехлетнем возрасте, когда верили в ведьм и колдунов. Разве что увеличились в размерах и стали вреднее и опаснее.

Одноклассники были второй вещью в личном рейтинге ненависти Грегори Прайма. Он был отличником по всем предметам, кроме физкультуры, и этим все сказано. До такой милости, как демонстрация ему запретных фотографий, они снисходили редко. Гораздо чаще они изощрялись в травле "умника", "зубрилы", "зануды", "задаваки", "хиляка" и "очкарика", который даже не мог дать сдачи. Их дразнилки были тупыми и примитивными, как они сами, но почему-то от этого не менее обидными. Безмозглые питекантропы, не знающие даже слова "питекантроп"! Но Грегу приходилось приспосабливаться. Не показывать, как сильно он их презирает, даже делать вид, что он дружит с некоторыми из них. Приходилось лгать, и за это он ненавидел их еще больше. Тем более что полного спасения это не давало. Просто увеличивались интервалы спокойной жизни – интервалы между днями, когда они вновь вспоминали старую добрую забаву "доведи до слез Грега Прайма". А потом так называемые "друзья", как ни в чем не бывало, снова звали его играть в их примитивные игры. И он шел.

И все же одноклассники были не самой худшей проблемой. Крайне неприятной и здорово отравляющей жизнь – да. Но при этом простой, понятной, объяснимой, земной, материальной. Они подрывали бытовой комфорт, но не устои мироздания.

Даривший подарки Санта был куда страшнее. Он был воплощением – и, строго говоря, единственным достоверно известным воплощением – всего магического, мистического, алогичного, антинаучного, иррационального.

Словом, того, что Грегори Прайм ненавидел сильнее всего.

– Трое, – подвел итог Джон, – трое наиболее вероятных кандидатов. Признаться, я ожидал, что останется один. Даже не думал, что среди психологов столько бородачей...

– И то если наши фильтры верны, – охладил его пыл Даглас, выводя отобранные досье на экран своего компьютера. – Если мы вообще роем в нужном направлении... Значит, доктор Арон Рабин, доктор Джошуа Салливан и доктор Николас Уош. Ну поехали, – Даглас придвинул к себе телефон. – Могу я поговорить с доктором Рабином? Доктор Рабин? Добрый день, это агент Даглас из Федерального бюро расследований. Нет, все в порядке. Нас заинтересовала ваша статья в третьем номере журнала Американской психоаналитической ассоциации. Возможно, что у человека, которого мы ищем, был похожий случай детской травмы, и нам может понадобиться ваша консультация. Нет, это не срочно. Пока речь идет лишь о гипотезе, которая может и не подтвердиться. Буду признателен, если вы сообщите ваш график на ближайшие дни, дабы мы знали, когда можно связаться... Спасибо за сотрудничество, сэр. Это не он. Он дома, и у него достаточно плотный график, исключающий разъезды, что, конечно, легко проверяется, и он это понимает... Могу я поговорить с доктором Салливаном? А когда он будет? Ясно. Спасибо. Нет, передавать ничего не надо. До свиданья. Уехал по делам, вернется после Нового года, – довольно сообщил Даглас Джону. – Как тебе?

– Это он!

– Проверим еще третьего, – телефон снова выдал мелодичную трель, набирая номер. – Могу я... – начал Даглас и замолчал. Послушав некоторое время, так же молча повесил трубку. – Автоответчик, – сообщил он. – Текст стандартный, "оставьте сообщение..."

– Может быть, он просто поехал в магазин.

– Может быть. А может быть, и нет. Итак, у нас два кандидата.

– Проклятье, у них и "форды" одинаковые.

– Что ты хочешь, одна из самых массовых моделей внедорожника. Ну что, теперь опять начинается рутина – разослать ориентировки на машины внутри интересующей нас области. Мы оповестим полицейские участки, а они обзвонят в своих районах бензоколонки, придорожные магазины и все такое. Надеюсь, в такую погоду, когда машин на дорогах мало, их заметят достаточно быстро. Ну и, конечно, будем периодически позванивать Уошу, на случай, если он все же объявится.

Славный город Малькольмтаун. Николас шагал по улицам сквозь сгущающуюся тьму, исколотую мелкими снежинками. Это еще не охота, это только рекогносцировка, как говорят военные... На самом деле, город не столь славный, как хотелось бы. Окраины достаточно плотно застроены жильем, не видно подходящего безлюдного района, через который удобно увести жертву в лес. Зато здесь есть большой парк в самом городе. Достаточно большой для его целей. Осталось удостовериться, что этот парк не является любимым местом отдыха горожан в зимнее время. Вроде бы не является. Вид у парка достаточно неухоженный. Как видно, у местной мэрии хватает других забот. В парке едва-едва расчищена центральная аллея, да и ту уже основательно припорошило. А кругом и вовсе глубокий снег. Много снега.

Машину он, как обычно, оставил в лесу за городом. Еще одно преимущество внедорожника – не надо мозолить глаза по всяким мотелям. Правда, на этот раз все же вышла

небольшая осечка. Его видели, когда он заправлялся. Конечно, он делал это не на бензоколонке – там тоже лишние глаза, да еще и скучающие без клиентов в такую погоду. Канистры с бензином лежали у него в багажнике, так что бензоколонку он гордо проехал, несмотря на мигавший на указателе топлива красный огонек. Остановиться пришлось пару миль спустя. Но, пока он заливал топливо, стоя у обочины, мимо встречным курсом проехал грузовик. Вряд ли, конечно, водитель обратил на него особое внимание. Он был не в костюме, он никогда не надевал костюм раньше времени. Водила не снизил скорость и уж тем более не стал останавливаться и спрашивать, не может ли он чем-нибудь помочь. Ох уж эти добрые самаритяне, вечно сующие нос в чужие дела. Бывшие хорошие мальчики, рассчитывающие выслужить у Санты подарок. Но этот – не из таких. Плохой мальчик. Ты плохой мальчик, и Санта не придет за тобой...

Санта придет за другими плохими детьми.

В конечном счете у Грегори осталось две версии. Согласно первой, менее логичной, но более привлекательной, Санта Клаус представлял собой некоего удивительного мошенника, сумевшего обмануть весь мир. Конечно же, это был не простой мошенник. Он явно владел фантастическими технологиями, которых не было больше ни у кого. Может быть, это был злой гений, как в комиксах (хотя вообще-то Грега ужасно раздражало, что в комиксах умные люди так часто оказываются злодеями, да еще и ведут себя, как идиоты, позволяя победить себя придурковатым героям). А учитывая, что Санта существовал на земле уже очень давно (правда, Грегу так и не удалось ни у кого добиться внятного ответа, сколько именно), это мог быть какой-нибудь средневековый алхимик, нашедший-таки философский камень и обеспечивший себе бессмертие. Алхимия, конечно, тоже была лженаукой, но все же стояла ближе к науке, чем к волшебству; мама говорила, что именно из нее зародилась современная химия... Эта версия, однако, не объясняла одного – в чем состоит цель мошенничества. Вроде бы наоборот – раздача подарков была делом совершенно убыточным. Но если этот тип не имел в виду ничего плохого, зачем он врал, притворяясь волшебным существом? И почему не делился своим открытием с миром? Грегу не раз случалось слышать поговорку, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке; просто удивительно, что взрослые, с назидательным видом повторявшие это, и не думали применить этот тезис к Санта Клаусу. А что, если в один прекрасный день он предъявит всему миру счет с процентами за все эти столетия? В таком случае человечество ждут большие неприятности. И тот, кто загодя остановит лживого старикашку, спасет мир.

Вторая версия, как ни ужасно это было, совпадала с классической. То есть Санта Клаус действительно был сверхъестественным существом. Может быть, единственным во вселенной, нарушающим стройную и логичную материалистическую гармонию... Грег не мог, не хотел это признать. Но все же он знал, что настоящий ученый должен проверить теорию экспериментом.

В предновогодние дни по телевизору и в газетах опять начинали мелькать всякие истории про мальчиков и девочек, которые не верили в Санта Клауса. А потом, высказав свои сомнения, убедились. Либо существование Санты подтвердил им очень серьезный и авторитетный взрослый, вроде редактора "Нью-Йорк таймс", либо сам Санта непосредственно. И хотя достоверность этих историй, особенно второго типа, сама вызывала сомнения...

– Санта Клаус, я, Грегори Джордж Прайм из Малькольмтауна, штат Мэйн, США, не верю в тебя, – громко сказал Грег в темноту большой комнаты, где стояла елка. Почему-то он был уверен, что к Санте надо обращаться в темное время суток. Как, очевидно, к вампирам, оборотням и прочей нежити – если бы она действительно существовала. – Но если ты существуешь – приходи и поговори со мной. Не прокрадывайся поздно ночью, когда я сплю. Приходи сам, не присылай помощников. Я назначаю встречу тебе в городском парке.

Для того, что задумал Грег, собственный дом никак не подходил.

– До чего же неприятное занятие – ждать, – вздохнул Джон Рокстон, садясь на край стола и глядя на снег, летящий за окном. – Особенно если знаешь, что, может, в эту самую минуту ублюдок уже ведет очередного ребенка в лес.

– Больше мы пока что ничего не можем сделать, – ответил Даглас. – В лаборатории больше не откопали ничего интересного, остается надеяться на наши сети.

– Прошли уже почти сутки, как мы их расставили. Если он не проехал за это время ни один пост...

– То, вероятно, успел уже обосноваться в каком-нибудь городе, – закончил Даглас. – Знаю. И тогда, если его не опознают на улице – а фото пока есть только у полицейских, которых в провинции не так много – тогда мы с большой вероятностью возьмем его только после еще одного убийства. Это жизнь, Джон. Это наша работа. Только в кино кавалерия всегда успевает в последнюю минуту... Пора сделать очередной контрольный звонок Уошу.

Но, едва Даглас потянулся к трубке, телефон зазвонил сам.

– Даглас слушает. Когда? А сам? Давно? Да! Да, конечно, прибудем лично!

Он положил трубку и радостно повернулся к стажеру.

– Салливан остановился в портсмутском мотеле. Под чужим, кстати, именем.

– Взяли?

– Пока нет. Он приехал еще вчера вечером, но владелец удосужился проверить номера только сейчас. Самого его в мотеле нет, очевидно, где-то в городе. Полиция начала его искать. Одевайся, едем.

– В такую погоду добраться до Портсмута...

– Нам обещали дать вертолет.

Даглас торопливо снял с вешалки куртку, звучно застегнул молнию, вынул из карманов перчатки.

– Ну что ты там копаешься?

– Сэр, мы собирались сделать еще звонок Уошу.

– Мм... вообще-то ты прав. Для очистки совести надо... Ну что там? Опять автоответчик?

– Да.

– Конечно, то, что Салливан остановился под чужим именем, еще не снимает подозрений с Уоша... хотя, скорее всего, он просто отдыхает сейчас где-нибудь на юге.

Джон тоже надел теплую куртку.

– Сэр, Клаус – это ведь то же имя, что и Николас?

– Да. Но это ничего не значит. Если у парня и съехала крыша, то вряд ли на почве собственного имени.

– Да, но оно могло стать дополнительным фактором.

– Ну теоретически да. Но сейчас наша основная цель – Салливан. Ну, ты готов? Идем. Запри дверь.

Когда Рокстон повернул ключ в замке, в покинутом кабинете вновь зазвонил телефон. Джон сделал движение вновь отпереть замок.

– Не надо, – остановил его Даглас, – после четвертого гудка звонок автоматически переключат на мой мобильный... Алло?

На сей раз он говорил по телефону несколько дольше и даже вытащил в процессе из кармана карту, пытаясь расправить ее одной рукой на двери. Рокстон помог ему.

– Машину Уоша видели, – сообщил Даглас, давая отбой. – Тоже еще вчера под вечер. Вот здесь, под Малькольмтауном. Сообщили нам об этом, правда, вот отсюда, – палец резко передвинулся к югу. Водителю малькольмтаунского грузовика показалось странным, что какой-то парень заливал бензин из канистры, вместо того чтобы воспользоваться услугами заправки, оставшейся у него позади. И он, водитель то есть, присмотрелся к нему и запомнил номер. Собственно, запомнил не целиком, последнюю цифру он не то забыл, не то не разглядел из-за

снега – но остальное сходится. А сегодня он рассказал об этом в забегаловке, где остановился пообедать. Хозяин забегаловки был уже проинструктирован и позвонил в полицию.

– Парень был в костюме Санта Клауса?

– Нет. Водитель даже не уверен, была ли у него белая борода. "Может, была, а может, просто снегом так припорошило". И даже если это Уош, заправляться из канистры – не криминал. Может, он просто нашел бензоколонку с хорошей ценой и затарился там горючкой по самое никуда. Во всяком случае, это менее подозрительно, чем регистрация под чужим именем.

– Под чужим именем тоже регистрируются не только убийцы, – возразил Джон. – Но и неверные супруги, например. Да мало ли кто еще. Есть категория людей, которые просто помешаны на прайваси и принципиально избегают оставлять информацию о себе где бы то ни было.

– Соображаешь, стажер, – удовлетворенно кивнул Даглас. – Тем не менее, нам надо сделать выбор. Местная полиция, конечно, будет рыть землю и там, и там, и хотелось бы верить, что достаточно усердно... хотя, по правде говоря, они не любят прислушиваться к нам, пока их не ткнут носом в самое дерьмо. Так что нам с тобой нельзя упускать ситуацию из рук и надо выбрать одно из противоположных направлений. Твои соображения?

Джон на секунду наморщил лоб, затем сказал:

– Все же, сэр, нам придется вернуться в кабинет. Надо заново глянуть базы данных.

– Хорошо.

Рокстону хватило нескольких щелчков "мышки", чтобы сделать вывод.

– Я бы поставил на Уоша, сэр.

– Почему?

– Взгляните на их водительскую историю. У Уоша – ни единого нарушения. А у Салливана – штрафы за неправильную парковку, за превышение скорости...

– А мы знаем, что наш сукин сын очень осторожен, – уловил мысль Даглас и, хохотнув, добавил: – Кажется, это первый случай в моей практике, когда примерное законопослушное поведение служит обвинительной уликой. Но ты, похоже, прав. Летим в Малькольмтаун.

– Вы уверены, что он еще там?

– С грузовиком он повстречался под вечер, а мы полагаем, что в темноте в снегопад он не ездит. Значит, город он мог покинуть не раньше утра. К этому времени полиция штата уже была оповещена, и на данный момент его уже перехватили бы посты либо здесь, либо здесь, – Даглас показал на карте. – Он все еще в городе. И, вероятно, не теряет времени даром. Идем.

– Алло?

– Миссис Прайм? Это сержант Джилс. Ваш сын дома?

– Минуту, я посмотрю... Нет, кажется, он ушел гулять. А что случилось? Неужели Грег что-то натворил?

– Нет-нет, не волнуйтесь. Могу я поговорить с вашим мужем?

– Он еще не пришел с работы. Сержант, что происходит?

– Если ваш сын вернется, пожалуйста, постарайтесь, чтобы он оставался дома.

– Хорошо, но вы, наконец, объясните мне, в чем дело?!

– Вы только не беспокойтесь, миссис Прайм. Просто нам поступила информация, что в городе объявился один больной придурок, который... э... пристает к детям и показывает им всякие непристойности. Может быть, это вообще ложные сведения, и даже скорее всего, но в данный момент мы их проверяем.

– Эксгибиционист? Я уже большая девочка, сержант, и вы можете называть вещи своими именами.

– Да, вроде того. Еще есть данные, что он может быть одет в костюм Санта Клауса.

– Ну, если так, вряд ли ему удастся подманить Грега. Хотя мы с мужем и не говорили ему, что настоящего Санты не существует, он, по-моему, уже сам догадался.

Как обычно, Николас заметил будущую жертву первым.

После нескольких часов бесплодного ожидания (было несколько возможностей, но, тщательно прикинув вероятность появления свидетелей, он все же не рискнул обнаружить себя) все, наконец, складывалось на редкость удачно. Мальчишка был явно один и сам направлялся прямиком в парк. На какой-то момент, правда, у Николаса мелькнуло подозрение, что парня может ждать в парке кто-то еще – уж больно целенаправленно он шагал, не походя на просто гуляющего. Но нет, это едва ли. Снег, все-таки остававшийся его другом, демонстрировал отсутствие чужих следов. Правда, неизвестный приятель или приятельница плохого мальчика могут подоспеть позже. Но если даже так – парк велик, он успеет увести мальчишку достаточно далеко от места встречи. А потом, все у него разузнав, может быть, придет и за незваным гостем, который наверняка того же возраста...

Стоя за стволом высокой сосны, Николас разглядывал будущую добычу, фиксируя мельчайшие детали. Очень важно сразу же попасть в резонанс, вызвать безоглядное доверие... Жаль, что никакая психология не позволит угадать имя – это работало бы беспроигрышно. Впрочем, правильный подбор подарка тоже творит чудеса. Так, парень явно из обеспеченной семьи – не богатой, но обеспеченной; вместе с тем, родители, скорее всего, работают оба и уделяют ему меньше внимания, чем он бы хотел; когда он уходил из дома, его никто не провожал, иначе ему поправили бы шарф... дома наверняка есть компьютер, вероятно, и не один, так что видеоигрой его не поразишь; выражение лица явно не глупое, внутренний мир достаточно сложен, чтобы, с учетом предыдущего, между ним и родителями существовало какое-то важное недопонимание: родители думают, что делают ему, как лучше, а на самом деле получается наоборот... лишним весом не страдает, но фигура, походка и весь общий вид выдают неспортивность, клюшки и бейсбольные биты тут не нужны даже близко; типичный отличник-очкарик, которого, конечно, обижают сверстники, но не забитый тихоня, отнюдь; о нет, решительный вид этой умненькой физиономии не обещает его врагам ничего хорошего, если бы только у него была возможность для отмщения – и пожалуй даже, что лучшим подарком для него был бы настоящий пистолет, но это, конечно, не в компетенции, да и не в интересах доброго Санты; а раз так, то и игрушечное оружие отпадает – он не из тех мечтателей, что готовы довольствоваться иллюзией вместо реальности; солдаты, динозавры – это все не по его части, может быть, симпатизирует, но не так, чтобы мечтал именно об этом; тут явно научно-технический склад ума, стремление к точности и внимание к деталям, тяга к логичности и обоснованности, к тому, чтобы все было взаправду или, по крайней мере, как взаправду; читать, несомненно, любит, но вместе с тем, слишком мал, чтобы предпочитать книги игрушкам; значит, точная модель какой-нибудь техники, и агрессия, не будем забывать, сколько агрессии скрыто в этом отличнике, не умеющем драться и страдающем от тех, кого презирает... танк? нет, танк ползает, а он мечтает воспарить над своими врагами, которых считает много ниже себя, так что, конечно, самолет, тяжеловооруженный самолет, бомбардировщик!

– Добрый вечер, молодой человек! – никакого сюсюканья, никаких "ути-пути", он этого не терпит, а вот солидное взрослое обращение должно ему понравиться...

И тут Николас понял, что где-то допустил просчет. Ибо в обратившемся к нему взгляде, помимо ожидаемого удивления, он прочитал страх и ненависть. И эти чувства не исчезли, когда мальчишка понял, что перед ним Санта Клаус. Скорее даже наоборот.

Но в любом случае отступать было поздно. Да и незачем. Даже если он чего-то не учел, неужели он не справится с девятилетним сопляком?

Над головой ритмично стрекотали лопасти. За окнами кабины постепенно сгущались

сумерки; пилот включил подсветку, и приборная панель озарилась мягким янтарным светом. Внизу, совсем близко, проплывали черные деревья на белом снегу; отсюда было видно, что они растут реже, чем это кажется с земли. Сверху низко нависала серая муть; периодически она, клубясь, наплывала на кабину, и тогда весь мир исчезал. Или же в лобовое стекло густо сыпалась снежная крупа – это было немногим лучше.

– Видимость совсем хреновая, – пожаловался пилот, – и дальше только хуже. Не знаю, как мы выйдем на ваш Малькольмтаун. То есть выйдем, конечно – по приборам, но не знаю, что вы там надеетесь разглядеть.

– Нельзя еще подснизиться? – без особой надежды спросил Джон.

– Куда? И так уже почти по верхушкам деревьев идем. Наткнемся на какую-нибудь радиомачту и привет. Надо или за облака уходить, или садиться, и дальше на машине.

– На машине туда еще часа два добираться, – возразил Даглас. – А убивает он обычно как раз в это время, на закате. Тут каждая минута может стоить жизни.

– Угу – нам, – проворчал пилот. – Как хотите, джентльмены – на место я вас доставлю, но дальше ничего не гарантирую.

– Ладно, там видно будет, – отмахнулся Даглас.

– Вот в этом-то я как раз и сомневаюсь.

– Ты все-таки пришел, – сказал Грег.

– Я всегда прихожу к тем, кому я нужен, – ответил Санта.

– Ты ведь не переодетый артист? Не "помощник"? Ты правда настоящий... волшебный Санта Клаус? – Грегори запнулся на ненавистном слове.

– Самый настоящий. А чтобы ты не был таким недоверчивым, посмотри, что я тебе принес...

– Ты клянешься жизнью, что говоришь правду? – перебил Грегори, игнорируя протянувшуюся в мешок руку.

– Клянусь, – улыбнулся Санта, и Грег внутренне возликовал. Все! Теперь его позиция безупречна! Если этот тип соврал, то заслужил смерть, согласно его же собственным словам. Если же он сказал правду, тогда оружие не может причинить вред волшебному существу, а значит, покушение не является злодеянием.

То есть это он, конечно, скажет в том случае, если оружие действительно не сработает.

Санта меж тем все же извлек из мешка самолет. С торжествующим видом покрутил пропеллеры четырех моторов, подвигал маленькие стволы оборонительных турелей, показывая, что они тоже поворачиваются, и протянул игрушку мальчику.

– Стратегический бомбардировщик "Боинг" Б-29 "Суперфортресс", – со знанием дела констатировал Грег, осматривая модель со всех сторон. – С такого самолета сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Бомба называлась "Маленький мальчик". "Маленький мальчик" убил 70 тысяч человек.

– Ты очень умный, – сказал Санта. – И много знаешь. Намного больше, чем твои сверстники (Грег не удержался от презрительной гримасы). – А хочешь узнать еще кое-что? Я могу показать тебе мои сани и объяснить, как они устроены. Тебе ведь интересно, как они могут летать?

– Это правда?

– Ну конечно, правда! Идем, я приземлился в глубине парка.

Грег пошел следом за Сантой, размышляя, что если ему и впрямь покажут и расскажут все это, то главный план надо отложить. Но не отменить совсем, конечно нет. Просто сначала надо разузнать секреты врага, так всегда делают умные командиры на войне.

Он нес самолет за фюзеляж, и ветер, налетавший короткими порывами, поворачивал пропеллеры. Грегу представилось, как гудели моторы "Энолы Гэй", идущей на цель.

Представилось так ясно, что он и впрямь различил некий звук, идущий с неба... но это не было ровное гудение моторов бомбардировщика. Это было стрекотание далекого вертолета.

Санта, похоже, тоже услышал этот звук, и его это обеспокоило.

– Идем скорее! – воскликнул он, оборачиваясь через плечо. – Вон туда!

Красная рукавица указала на беседку, стоявшую на берегу замерзшего пруда. Беседка была большая и старая, с облупившимися каменными колоннами и трещиной, змеившейся через купол крыши. Скамеек внутри нее уже давно не осталось. Увязая в снегу, Санта и мальчик достигли ее почти бегом и нырнули под крышу за несколько секунд до того, как вертолет басовито пророкотал у них над головами, невидимый в низкой облачности.

– Куда мы так спешили? – требовательно спросил Грег, переводя дыхание. Весь пол беседки был занесен глубоким снегом; в центре его было чуть меньше, чем по краям.

– Так надо, – заговорщицки подмигнул ему Санта, – сейчас меня не должны видеть взрослые.

Шум вертолета постепенно удалялся и наконец полностью затих вдали.

– Ну, так когда же мы пойдем к саням? – напомнил мальчик.

– Потом, – пробормотал Санта, – сани летают, только когда совсем стемнеет. А сейчас... – он сделал паузу, прислушиваясь, и, не услышав никаких новых подозрительных звуков, закончил: – сейчас тебе нужно раздеться.

– Что?

– Раздевайся, будь хорошим мальчиком, – потребовал охрипший вдруг голос, – увидишь, тебе понравится.

– А, сейчас, – ответил Грег неожиданно спокойно, хотя сердце билось уже с какой-то ультразвуковой частотой, и пальцы дрожали, когда он расстегивал кнопки на куртке. Самолет он аккуратно положил на снег.

– Ну, что ты там возишься? – поторопил недовольный голос над ухом.

– Сейчас-сейчас, – мямлил Грегори, упираясь подбородком в грудь, – тут кнопку заело...

Существо в красном нагнулось к нему, готовое устранить, если надо – разорвать внезапную преграду. В тот же миг мальчик рывком распахнул куртку, выхватывая из левого внутреннего кармана флакон, из которого уже вынул стеклянную пробку. Бесцветная жидкость с едким запахом плеснула прямо в склонившееся красное лицо. Соляная кислота из набора для юных химиков (вообще-то он предназначался для более старших школьников, но Грегу удалось уговорить маму) была не такой уж большой концентрации – но вполне достаточной, чтобы тот, кому она попала в глаза, дико взвыл от боли, елозя по лицу обеими руками. В следующий миг в воздухе сверкнул остро отточенный нож, извлеченный из правого внутреннего кармана – главное оружие Грега, на которое он возлагал особые надежды. Он понимал, что его детских сил – да и длины самодельного ножа – может не хватить, чтобы пробить красную куртку и плоть и достать до важных органов. Поэтому, подняв руку, он с размаху полоснул острым лезвием по горлу ослепленного и воющего врага. Веером брызнула кровь, окропляя снег, одежду и лицо Грега. Мальчик перехватил нож в другую руку и полоснул по горлу с другой стороны.

Его противник, который уже даже не выл, а визжал, нашел-таки в себе силы оторвать одну руку от глаз и попытаться схватить мальчишку. Грегори проворно отскочил. Враг грузно побежал вперед, слепо ударился о колонну, шарахнулся в сторону и, потеряв равновесие, свалился с крыльца беседки на снег снаружи. В тот же миг Грегори, словно дикая кошка, прыгнул ему на спину. Предыдущие раны были скользящими, а потому неглубокими, но теперь Грег, вцепившись одной рукой в волосы, с которых свалилась красная шапка, другой изо всех сил, до дрожи в мышцах, колол и кромсал ненавистную шею. Враг тщетно пытался, заведя руки назад, сбросить с плеч терзающего его дьяволенка. Когда одна из рук, лишившаяся уже рукавицы, мазнула Грега по лицу, тот со всей силы впился зубами в палец (рот сразу защипало

от кислоты).

Поверженный враг уже не кричал, а только хрипел и булькал. Его движения становились все более вялыми. Наконец, убедившись, что противник уже достаточно ослаб, Грегори с трудом перевернул тяжелое тело на спину и расстегнул липкую красную куртку. Под ней оказался серый свитер; Грег разрезал его, затем футболку, пока не добрался до бледной кожи и левого соска, из которого росли длинные черные волосы. Сердце, насколько он знал, находится чуть ниже. Горло – это хорошо, но процедуру следовало довести до конца. Недаром он отказался от первоначальной идеи взять обычный нож и, вооружившись молотком и напильником, изготовил из самой большой ложки праздничного набора (счастье, что родители не заметили ее исчезновения раньше времени) тонкий серебряный клинок. Деревянная рукоятка от игрушечного меча подошла к ножу как нельзя лучше.

Конечно, ни в каких книгах не говорилось, как убить Санта Клауса. Но если серебро помогает против оборотней и вампиров, почему бы ему не помочь и в этом случае? Разумеется, в оборотней и вампиров Грегори не верил. Но мама говорила, что и в легендах бывают крупицы истины, облеченные в сказочную форму. Протыкание сердца тоже играло в этих легендах важную роль.

Грег нашарил в снегу и водрузил на нос свалившиеся очки. Затем, усевшись верхом на животе умирающего врага, сжал рукоятку ножа обеими руками, поднял их над головой и со всего размаху нанес удар в грудь. Тело конвульсивно дернулось, издав еще один хрип. Мальчик с усилием вытащил нож и ударил еще раз. А потом еще, и еще, и еще...

Потом были бегущие по снегу полицейские во главе с сержантом Джилсом и двумя незнакомцами в ФБРовских куртках, доктор, торопливо осмотревший и ощупавший его прямо на месте и удивленно цокавший языком, глядя на красно-белый труп, мама, едва не упавшая в обморок, которой в несколько голосов поспешно объясняли, что мальчик не пострадал и вся эта кровь – не его, какие-то парни с микрофоном и видеокамерой, на которых все орали и пытались прогнать, а они орали в ответ о праве американцев на информацию... Грега, в первом приближении отмытого от крови, обнимали, тискали, хлопали по плечу, пожимали руки и все говорили, говорили, что все хорошо, что теперь все будет хорошо, что он молодец, что он отлично справился, что он не должен винить себя за смерть этого дяди, потому что это очень-очень плохой дядя, убивший уже много детей...

Грегори Прайм не слушал всю эту болтовню. Он понял главное – настоящего Санта Клауса не существует, и гармония наконец-то вернулась в его душу. Ощущение этой гармонии только усиливалось благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, его самолет, его боевой трофей, каким-то чудом не пострадал в драке – а что ни говори, бомбардировщик был отличный. А во-вторых, любовно проводя пальцем по крыльям и фюзеляжу, он все вспоминал, как хлестала теплая кровь из горла его врага, как стоны захлебывались хрипом, как нож упруго вонзался в ненавистное тело, как оно, зажатое его ногами, билось в конвульсиях под ударами...

Фальшивый Санта был прав – ему понравилось.

О да, ему понравилось.

2004

Намерения

Зазвенел дверной звонок. Не деликатно тренькнул, как бывало в последние дни, а взревел нагло, длинно, требовательно. Так звонят чужие, равнодушные люди. Чаще всего – находящиеся "при исполнении". Две недели назад Анна, пожалуй, подпрыгнула бы от неожиданности и испуга, услышав такой звонок. Но теперь она бы не вздрогнула, даже если бы в нее внезапно вонзили иголку. С тех пор, как все вокруг одела серо-коричневая пелена, звуки из внешнего мира доносились до нее, словно сквозь вату.

Тем не менее, она поднялась с дивана, на котором сидела, вяло уронив руки между коленями, уже не первый час, и поплелась открывать. Машинально, на уровне рефлекса; лишь на третьем шаге она подумала, что, возможно, потребовалось подписать еще какую-то бумагу. Столь же машинально задержалась на миг перед зеркалом в прихожей – поправить прическу, прежде чем откроет дверь. Взгляд в который уже раз непонимающе уперся в серо-коричневую кисею. Зеркало было занавешено, как и окна. В квартире царил полумрак.

Анна щелкнула замком, даже не взглянув в глазок и не спросив "Кто?" Сейчас любой грабитель мог бы войти сюда, как к себе домой. Впрочем, брать в квартире было особо нечего. Они никогда не жили богато, а теперь к тому же похороны отняли кучу денег. Страховки у Виктора не было. Он относился к тем людям, которые из суеверия никогда не страхуют свою жизнь. Не помогло...

На пороге стоял невысокий, полноватый, лысоватый мужчина за сорок. Вид у него был в целом невзрачный, но деловитый. Никогда прежде Анна его не видела. На грабителя он не походил. Скорее – и впрямь какой-то мелкий клерк, явившийся исполнить некую бюрократическую формальность...

– Прежде всего, позвольте выразить вам соболезнование, – сказал он, стараясь придать своему облику и голосу чуть меньше деловитости и чуть больше проникновенности.

– Спасибо, – механически сказала Анна. За последнее время она произносила это слово множество раз, и всегда одним тоном, неважно, был перед ней незнакомец или кто-то из родных и друзей. Соболезнование – какое глупое, лживое слово. Разве кто-то из них чувствует хотя бы одну тысячную той боли, которую непрерывно ощущает она?

А если бы даже и чувствовал – что бы от этого изменилось?

Тут до ее заторможенного сознания дошло, что в руках у гостя ничего нет. Если бы дело и впрямь было в каких-то бумагах, он бы, наверное, явился с папкой или кейсом...

– Вы знали моего мужа? – спросила она. Ее голос звучал все так же ровно и равнодушно.

– Знал – это не совсем точное слово... Дело в том, что я... я могу войти? Не очень удобно обсуждать такие дела в коридоре...

– Да, конечно, – спохватилась она, отступая в сумрак прихожей. – Проходите.

– Это не займет много времени, – заверил гость, оказавшись внутри и аккуратно затворив за собой дверь. – Мое имя вам ничего не скажет... ну, можете называть меня Алекс. Я – частный детектив.

– Детектив? – ее брови непонимающе сдвинулись. В первый миг это слово вызвало у нее ассоциацию с полицией, но затем она сообразила, что этот человек – не полицейский. – Вы... – ей показалось, что в ее мозгу мелькнуло озарение. – Вас нанял Виктор? Когда еще был...

– Нет, – решительно покачал головой Алекс. – Другой мужчина. Вы его не знаете, и я не имею права сообщать вам его имя.

– Тогда причем тут... – окончание ее фразы вновь повисло в воздухе. Никогда прежде она не думала, что произнесение слов – такое скучное и утомительное занятие.

– Сейчас я все вам объясню. Только слушайте и не перебивайте, хорошо? Этот мужчина, мой клиент, нанял меня, чтобы я проследил за его женой. Скажу сразу – его подозрения полностью оправдались. Вы позволите включить свет?

Они все еще стояли в прихожей. Детектив, как видно, уже углядел профессиональным взглядом выключатель, почти закрытый висящим плащом. Анна рассеянно кивнула. Она все еще не могла понять, к чему это все. Какая-то чужая грязная история...

Вспыхнула лампочка – всего на шестьдесят ватт, но Анна прищурилась, свет показался ей слишком ярким. Столь же машинально, как смотрелась в зеркало, подумала, как, должно быть, она ужасно выглядит в этом резком свете. Наверное, лет на десять старше, чем на самом деле... если еще учесть, сколько времени она почти ничего не ела...

Что-то настойчиво шуршало, требуя ее внимания. Анна заставила себя вновь открыть глаза и посмотреть на своего визави. Теперь в руках у него был конверт – должно быть, извлеченный из внутреннего кармана – и из этого конверта он вытаскивал по одной фотографии, разворачивая их веером, словно колоду огромных карт.

Все фото, отпечатанные на плотной бумаге, изображали одних и тех же мужчину и женщину. Вот они идут по улице... вот сидят за столиком в кафе... вот целуются на скамейке в парке... а вот...

Кровь прилила к щекам Анны, ставшим за последние дни не просто бледными, а бледно-желтыми.

– Я сожалею, что вынужден вам это показывать, – произнес Алекс, доставая все новые фотографии. Все снимки были очень отчетливыми, даже те из них, которые, судя по всему, были сняты скрытой камерой в полутемном номере какого-то дешевого отеля. Техника не стоит на месте... Лицо мужчины было ясно видно на всех фотографиях, за исключением двух, на которых он ублажал свою подружку орально. Зато на этих кадрах прекрасно получилось характерное родимое пятно под левой лопаткой.

– Это какой-то бред, – сказала Анна.

Уголок рта Алекса дернулся в смущенно-понимающей усмешке.

– Я оставлю фотографии вам, – сказал он. – Вы сможете рассмотреть их внимательно, если у вас еще есть какие-то сомнения.

Она взяла снимки в руки – брезгливо, за краешки, словно это была использованная туалетная бумага. Впрочем, никаких сомнений тут быть не могло. Бывают, конечно, просто похожие люди, но не настолько. Если только у Виктора не было никому не известного брата-близнеца... хотя даже у близнецов не бывает одинаковых родимых пятен, это все чушь из индийских мелодрам...

– Он говорил, что задерживается на работе, – произнесла Анна, обращаясь не столько к невзрачному человечку напротив, сколько к душному воздуху прихожей. – Что ему, может быть, наконец дадут повышение...

– Вы должны знать кое-что еще, – сказал Алекс. – Эта злополучная авария... он тогда торопился на свидание с ней. Видимо, поэтому все и произошло, – он промолчал еще несколько секунд и вновь произнес: – Я сожалею.

– Зачем? – спросила женщина. В ее сознании все спуталось, и наверх выскочила, как ей показалось в тот миг, самая логичная версия: – Вы хотите денег?

– С вас? За что? – искренне удивился Алекс. – Вы ведь понимаете, я даже не могу предложить вам купить негативы – в наш цифровой век их просто не существует. Не говоря уже о том, что это попадает под статью о вымогательстве... Нет, деньги мне платит мой клиент, и это его воля. Он потребовал, чтобы я выяснил, женат ли любовник его жены, и, если да, показал его супруге эти фото. К тому моменту, как я собрал необходимую информацию, ваш муж был уже мертв. Я сообщил об этом моему клиенту, но он настоял на своем требовании. Могу также заверить вас, что этим моя роль ограничивается, и никому другому я это показывать не стану... если для вас это принципиально.

Она вновь открыла рот для механического "спасибо", но вовремя поняла, что это прозвучало бы слишком глупо.

– Я не знаю, бывало ли подобное раньше, – добавил Алекс, словно отвечая на незаданный вопрос, – я ведь следил за ним только в последние недели. Но полагаю, что для него это был не первый раз. Уж больно уверенно он себя вел.

Он помолчал еще немного, выжидательно глядя на Анну. Та, в свою очередь, так же смотрела на него.

– Собственно, это все, – заключил Алекс. – Я пойду. Всего доброго.

– Да, – односложно ответила женщина. Ей не хотелось ни желать ему всего доброго, ни тем более говорить "до свиданья".

Хотя, в сущности, в чем был виноват этот маленький человечек? Он-то как раз никому не лгал...

Хлопнула дверь. Анна протянула руку к выключателю и вновь погрузилась в серо-коричневый мрак. Пальцы сдвинули фотографии в стопку, машинально подровняли ее края. Затем сделали движение разорвать, но из этого ничего не получилось. Стопка вышла слишком толстой.

Человек, который назвался Алексом, спустился на лифте на первый этаж, вышел из подъезда, пересек улицу и нырнул в подворотню. Во дворе его поджидал белый "мерседес". Человек потянул на себя переднюю дверь и влез на сиденье справа от водителя.

– Все в порядке, – буркнул он и вытащил из кармана пиджака маленький диктофон, а из него, в свою очередь, флэш-карту. – Вот запись разговора.

Женщина в темных очках на пол-лица, сидевшая за рулем, невозмутимо убрала флэшку в сумочку, которая лежала у нее на коленях. Прослушивать запись она не стала, понимая, что Алекс не решился бы ее обмануть – да и оснований у него для этого не было.

– Как она это восприняла? – лишь спросила владелица "мерседеса".

– Я бы сказал, что она была убита горем, если бы она не пребывала в этом состоянии еще до того, как я открыл рот.

– Но она поверила? Точно поверила?

– Можете не сомневаться. Вы же видели мою работу. Хотя я с самого начала предупредил вас, что профессиональная экспертиза в принципе может...

– Она не станет обращаться к профессиональным экспертам, – женщина достала из сумочки конверт и протянула ему. – Ваша вторая часть.

Мужчина открыл конверт и с демонстративной тщательностью пересчитал деньги. С такими особами надо держать ухо востро... Наконец он убедился, что все точно, и неспешно убрал конверт во внутренний карман. Туда, где раньше лежал другой, со смонтированными фотографиями.

Женщина смотрела на него выжидательно. Очки скрывали ее глаза, но было ясно, что она взглядом выпроваживает его из машины.

– Полагаю, – пробурчал он, уже берясь за ручку дверцы, – если я спрошу, зачем вам понадобилось проделывать такое с собственной сестрой, вы скажете, что это не мое дело.

– Правильно полагаете, – ответила она все так же невозмутимо. Ее не удивило, что он знает, кто его заказчица, а попытка уколоть ее вызвала лишь внутреннюю усмешку. Этот тип, промышляющий подделками, собирается читать ей мораль? – Я вас больше не задерживаю, – добавила она.

Мужчина, чье имя на самом деле было не Алекс, выбрался из подворотни и зашагал по улице, быстро переставляя короткие ноги. Ему было не привыкать к презрительному тону своих клиентов. Не его дело, ах, подумайте, какая фифа! Можно подумать, он не видит ее насквозь. Как и всех, ей подобных. История банальная и примитивная, как дважды два. Две сестры, старшая посвятила себя карьере и поставила крест на личной жизни – а теперь дико завидует

младшей, у которой сложился прямо-таки идеальный брак с мужчиной ее мечты. Возможно, старшая сама была тайно влюблена в этого Виктора. А может, и нет, просто комплексы старой девы, ревность и обида. "Я о ней заботилась, работала, чтобы она могла учиться – а она все бросила и посмела полюбить кого-то сильнее, чем меня!" Вероятно, при жизни Виктора она пыталась вбить между ними клин, но безуспешно. И вот теперь отомстила ему хотя бы после смерти, когда он уже не может постоять за себя... Обычная, стандартная, заурядная человеческая мерзость.

И кстати – действительно ли был таким уж случайным тот несчастный случай? Но это уже и впрямь не его дело. У него действительно есть лицензия частного детектива (служащая прикрытием для его основного заработка), но он не собирается подменять собой полицию. Пусть они хоть перегрызут друг друга – все эти, презирающие его за то, чем он для них занимается.

Можно подумать, он хотел этим заниматься... На самом деле он писал стихи. Да, он, неказистый коротышка, менее всего похожий на властителя дум и уж тем более на романтического героя... Стихи, которые не брало ни одно издательство. Не потому, что они были плохими. Нет, они были хороши, действительно хороши. Просто ни одному издательству в наши дни не нужны стихи как таковые. Кого сейчас вообще интересует поэзия, тем более – в добротной классической манере, а не какие-нибудь современные извращения? И уж тем более никому не нужно благородное искусство каллиграфии, его давнее хобби. Вот подделка подписей – это да. Подписей, фотографий и всего такого прочего... Ну так и жрите то, что заслужили. Скоты. Боже, какие же они скоты...

Он озабоченно потрогал конверт во внутреннем кармане, проверяя, надежно ли тот уложен. Что ни говори, деньги были не лишними.

Кристина завела мотор и медленно выехала со двора. Определенной цели у нее не было, но она не любила тупо ждать на одном месте. Она не опасалась, что Анна узнает ее машину и уж тем более что-то заподозрит – окна сестры выходили на другую сторону, не говоря уже о том, что оставались задернутыми со дня похорон. Сумочку Кристина положила на правое сиденье, оставив открытой. Внутри лежал мобильный, и в любую минуту он мог зазвонить. Но пока, однако, не подавал голоса.

Звонить сама Кристина не стала. Она понимала, что надо дать Анне время хоть как-то собраться с мыслями и привести в порядок свои чувства. Иначе в трубке лишь прозвучит лишь нечто вроде "это ужасно... за что?!... прости, я не могу сейчас... Прости!" – и короткие гудки. Как уже было в день, когда погиб Виктор. Потом, конечно, Анна перезвонила сама. "Приезжай скорее, если тебя не будет рядом, я... я, наверное, сойду с ума..." Что-то подобное будет и сейчас. И она, конечно, приедет (не мгновенно – ведь "по-честному" ей ехать сюда через полгорода). И они будут вместе сидеть на диване, и Анна будет рыдать у нее на плече. Но это будут очистительные слезы.

Кристина никогда не одобряла этот брак. Во-первых, ее возмущала сама эта идиотская патриархальная идея, что для женщины семья должна быть важнее карьеры. Особенно для женщины с неплохими профессиональными задатками – Анна окончила университет третьей на курсе. Они рано остались без родителей – отец бросил их еще в детстве, мама умерла, когда младшей едва исполнилось тринадцать, и Кристине, которая на тот момент еще сама была девятнадцатилетней девчонкой, фактически пришлось заменить сестренке мать... и здорово, очень здорово потрудиться, чтобы вывести Анну в люди. И вот – нате вам...

Во-вторых, уж если женщина вместо того, чтобы прокладывать курс по жизни самой, желает повиснуть на шее у мужа, так пусть хотя бы выберет достойную кандидатуру. А Виктор... нет, он, конечно, был добрым парнем и любил Анну, по-настоящему любил... но ведь он рохля и размазня. (Был, напомнила себе Кристина. Был.) Всякому, кроме этой бедной

влюбленной дурочки, было очевидно, что никаких особых успехов в жизни он не добьется и до самой пенсии будет лишь выслушивать приказания начальства, но никому не будет приказывать сам. Да, впрочем, пожалуй что это понимала и сама Анна. Но не придавала этому значения. "Разве это главное? Главное, что мы счастливы вместе!" Да, это была правда – кажется, за все время они даже ни разу не поссорились... Единственным, что омрачало их брак, было отсутствие детей. Но Анна все еще надеялась, что это изменится. И, убежденная этой надеждой, даже не пыталась искать приличную работу. А время шло...

Кристине было больно на это смотреть, но она не вмешивалась. Взрослый человек вправе сам решать, что ему делать со своей жизнью... а главное, все равно было бы бесполезно. Попробуйте-ка убедить женщину, что она должна бросить любимого и любящего ее мужа только потому, что с ним у нее нет перспектив! Помогать живущей в убогой квартирке на непрестижной окраине сестре деньгами Кристина тоже не пыталась. Во-первых, та бы и не взяла, у нее были свои представления о гордости. "Ты уже и так столько на меня потратила..." Во-вторых, Кристине не было жалко денег для Анны – тем более что теперь она могла позволить себе такие траты с куда большей легкостью, чем десять лет назад – но кормить за свой счет еще и Виктора она решительно не собиралась.

И вдруг – этот несчастный случай... В первый момент Кристина, что греха таить, обрадовалась. Даже возблагодарила мысленно бога, в которого не верила. Да, она понимала, каким тяжелым ударом это будет для сестренки. Но, в конце концов, смерть матери та тоже переживала тяжело. Однако пережила же. Вот и теперь – пройдет первый шок, а там, глядишь, Анна стряхнет с себя этот дурман и начнет прислушиваться к разумным словам той, что всегда желала ей только добра...

Так думала Кристина поначалу. Но дни шли, а шок и не думал проходить. Анна практически не выходила из дома, сидела целыми днями за задернутыми шторами... а при ярком свете на нее просто страшно было смотреть. Ни дать, ни взять – наркоманка со стажем на пике абстинентного синдрома. Бледная, как смерть, под глазами круги, как у очковой змеи, движется вяло, отвечает невпопад... "Когда ты в последний раз принимала душ?" "Что? Душ? Я... я не знаю..."

И вот тогда Кристина испугалась по-настоящему. Это было хуже, чем когда умерла их мать. То испытание Анна выдержала достойно, но два года спустя, пятнадцатилетней девчонкой, порезала себе вены из-за соседского мальчишки. Глупо, неумело, по-подростковому, желая, конечно, вовсе не умереть по-настоящему, а "показать им всем", то есть, конечно же, "ему"... сама же жутко перепугалась от вида текущей по рукам крови, выскочила из ванны, побежала звонить – не в "скорую", а сестре, которая была тогда на работе... пятна потом были по всей кухне и коридору... и Кристина, конечно, примчалась как раз вовремя, чтобы открыть дверь медикам, потому что эта дуреха, прежде чем идти в ванную, заперлась изнутри и выбросила ключ...

Да. Чепуха, конечно. Кто из подростков не думал о суициде в пятнадцать лет? Даже сама Кристина, о чем, конечно, стыдно сейчас вспоминать... и вовсе не из-за каких-то там мальчишек... но не всерьез, конечно. И у Анны тогда было не всерьез, несмотря на забрызганные кровью пол и стены. Истерика, слезы – и все прошло.

Теперь было не так. Совсем не так. Теперь у Анны действительно был вид человека, который не хочет жить. Нет, она ни словом не обмолвилась об этом. И это как раз верный признак, отличающий настоящего самоубийцу от позера – настоящий никому не сообщает и не делает намеков о своих намерениях...

Мало того, что Виктор тянул ее вниз при жизни. Теперь он тащил ее за собой в могилу. И вот этого Кристина уже никак не собиралась допускать. Поэтому она сделала то, что сделала. Пусть ее сестра поймет, что он совсем не стоит ее горя. И никогда не стоил. К счастью, у Кристины было все необходимое – и фотографии Виктора, включая сделанные на пляже (Анна

присылала их еще из свадебного путешествия – кажется, это был единственный раз, когда они наскребли денег на приличный отдых), и сведения, полученные опять-таки от самой Анны незадолго до аварии, что в последнее время ее муж часто задерживался на работе... Так что теперь сестренка, наконец, освободится от кошмара, в котором пребывает уже вторую неделю. Ну и заодно сделает теоретически, возможно, и неверный, зато очень полезный практически вывод о принадлежности всех мужиков к роду кобелей, семейству козлов, отряду сволочеобразных. А что касается запятнанной репутации Виктора... ему, в любом случае, уже все равно.

Скоро она уже позвонит. А может, и чуть попозже. Может, она хочет окончательно успокоиться. И никакого "я схожу с ума" в трубке уже не будет. А будет как тогда, уже на следующий день после откинутого в пятнадцать лет фортеля – со смешком: "Нет, ну ты представляешь, это из-за этого урода я..."

Движение впереди скисло, и Кристина, погруженная в свои мысли, запоздало поняла, что заехала в пробку. Развернуться было негде, так что оставалось лишь тупо ползти вперед со скоростью одышливой черепахи. Черт, если сестра позвонит прямо сейчас, быстро добраться до нее будет совсем не так просто...

Но телефон молчал.

"Кристи,

нет нужды что-то долго объяснять. Посмотри на эти фото, и все поймешь.

Я думала, что самое страшное уже позади. Я не знала, зачем мне дальше жить, но я сказала себе, что должна жить ради него. Потому что он не хотел бы, чтобы я умерла. И... мне даже казалось, что уже становится немного легче. Но вот сегодня я получила это. Не спрашивай, откуда.

Я не знаю, как мне жить после ТАКОГО предательства. Человек, который был для меня жизнью, любовью, всем... Не знаю и не хочу знать. Если в этом мире возможно такое, мне с этим миром не по пути. Если я слепая наивная дура, так мне и надо.

Не надо никуда бежать и звонить. Если ты читаешь это письмо, значит, я уже несколько часов как мертва. Мне очень жалко огорчать тебя, но ты сильная, ты справишься.

Пожалуйста, уничтожь эти фото.

Прости, сестренка, я снова тебя подвела. А."

2009

Решение

В жизни каждой замужней женщины наступает момент, когда она думает о разводе.

Во всяком случае, Элайза считала именно так. Просто не во всех случаях эта мысль доводится до логического конца. У кого-то она остается лишь мимолетной реакцией раздражения и проходит вместе с очередной ссорой. Кому-то просто не хватает духа изменить привычный уклад жизни, каким бы тоскливым (а в иных случаях и по-настоящему ужасным) он ни был. Но рано или поздно такая мысль посещает всех.

Когда эта мысль посетила ее саму - или, точнее, впервые ясно оформилась в ее сознании - это не было результатом ссоры (ссоры у них, конечно, случались, как и у всякой семейной пары, но ничего катастрофического) или, тем паче, измены (кто угодно, только не Николас!) Просто однажды утром, глядя на ритмичные движения его челюстей, пережевывающих приготовленный ею завтрак, Элайза сказала себе: "Я не понимаю, почему я до сих пор с этим человеком."

Возможно, дело было всего лишь в том, что ей чертовски хотелось спать, в груди стояла обычная в таких случаях утренняя тошнота, и запах жареного бекона с кетчупом вызывал не аппетит, а отвращение. Элайза всю жизнь была "совой" и чувствовала себя зомби, если ей приходилось вставать раньше полудня. Она говорила полушутя, полусерьезно, что выбрала профессию художницы именно потому, что та не требовала рано вставать (зато ей отлично работалось по ночам, в тишине и полумраке, когда ничто не отвлекает и лишь круг света от лампы падает на бумагу). Тем не менее, практически каждое утро их брака, за исключением выходных и ночных дежурств Николаса, она выползала из кровати в семь часов, чтобы приготовить ему завтрак и проводить на службу. Когда он уходил, она уползала обратно в спальню и плюхалась на кровать досыпать. Николас никогда не настаивал на этом ритуале и даже говорил несколько раз, что и сам может поджарить себе пару тостов, но Элайза расценивала это как свою обязанность. В первую очередь потому, что кулинарные способности Николаса и в самом деле ограничивались тостами и попкорном - и то только потому, что на их микроволновке была специальная кнопка "Попкорн". Если бы ему пришлось настраивать режим самому, он бы, вероятно, сумел сжечь и попкорн. Удивительно, как человек может быть профессионалом высокого класса на службе и при этом совершенно беспомощным в куда более простых бытовых вещах.

И все же прежде Элайзу это не раздражало. Возможно, тогда ей даже было приятно, что она может быть ему полезной. И если некая вещь, не вызывавшая раздражение у вас прежде, вдруг начинает напрягать - дело вовсе не в этой вещи. Это всего лишь следствие, а не причина.

Вообще-то Элайза никогда не сказала бы, что любила Николаса. Во всяком случае, не в том смысле, в каком это слово употребляют в книгах и фильмах. Никаких бурных страстей. Таковых в ее жизни вообще не было, что ее полностью устраивало. Секс ее вообще не интересовал, а поцелуи вызывали скорее брезгливость. В старших классах ее отношения с парнями не заходили дальше нескольких походов в кино; как только же те, после сеанса или прямо во время такового, начинали демонстрировать менее невинные намерения, Элайза обзывала их маньяками и уходила прочь. Чистой дружбы не получилось ни с одним из них - даже с теми, кто изначально заверял, что хочет именно этого. Впоследствии Элайза вовсе старалась держаться подальше от мужчин - как и от людей вообще. Она не то чтобы активно не любила или боялась их, а просто не чувствовала в них никакой нужды. Ей было гораздо уютнее и спокойнее одной, в полутемной комнате, с персонажами ее собственных рисунков, обитавшими в причудливых фантастических мирах.

Увы, эти миры были, должно быть, слишком причудливыми, чтобы иметь коммерческий успех. Во внешнем мире Элайза была известна как Алекс Стронгарм - автор комиксов о крутом копе Джастине Хаммере, наводящем порядок на кишащих криминалом улицах вымышленного

мегаполиса Нью Ланкастер, под сенью небоскребов коего скрывались, кажется, все человеческие пороки. Свой первый графический роман о Хаммере Элайза нарисовала исключительно ради заработка, отчаявшись заинтересовать издателей более симпатичными ей персонажами. Однако впоследствии привыкла и даже прониклась некоторой симпатией к прославившему ее (то есть не ее, а Стронгарма) герою. В конце концов, ей и самой порой хотелось крушить зло и несправедливость столь же решительными и радикальными способами, пусть и не всегда соответствовавшими букве закона, зато помогавшими восторжествовать его духу.

В 29 лет Элайза по-прежнему жила одна в маленькой съемной квартире на окраине тихого пригорода (на свои гонорары она уже могла бы позволить себе купить собственное жилье, но не видела в этом смысла) и оставалась девственницей, что ее опять-таки совершенно устраивало. Иногда она усмехалась про себя, обнаруживая среди е-мэйла, приходившего на официальный адрес Алекса Стронгарма, письма от поклонниц (некоторые - с откровенными фотографиями), жаждавших познакомиться с создателем Джастина Хаммера и, очевидно, полагавших, что автор - такой же крутой парень, как и его герой. Иногда ей писали доморощенные психологи, утверждавшие, что, наоборот, в образе Хаммера автор воплотил все свои комплексы хилого очкарика-"ботана", в реальной жизни боящегося высунуть нос из дома (одному из таких Элайза, не удержавшись, ответила и посоветовала посмотреться в зеркало, ибо только закомплексованный неудачник станет специально тратить время, чтобы написать гадость человеку успешному и популярному). Впрочем, после того, как прошла первая эйфория, вызванная неожиданной для нее самой популярностью ее графических романов, Элайза чаще всего отправляла письма читателей в корзину, не читая - или, максимум, ограничиваясь первой парой строк, из которых уже было ясно все остальное.

Но одно из таких писем все же привлекло ее внимание.

"Мистер Стронгарм, недавно мне попался на глаза ваш графический роман "Джастин Хаммер: Русская рулетка". Вы хороший художник, но вы совершенно не разбираетесь в матчасти. В частности, на стр. 17, 3 рисунок сверху, у вас русский гангстер стреляет с двух рук из "Макарова". Оставим вопрос, зачем русской мафии импортировать в Америку этот весьма посредственный пистолет, если здесь в любом оружейном магазине можно купить куда более эффективную пушку. Но главное - если бы ваш бандит держал оружие так, как вы нарисовали, ему перебило бы палец обратным ходом кожуха-затвора при выстреле. Далее, стр. 19, в самом низу. Гильзы из "Калашникова" у вас летят очень живописно, но, к сожалению, не в ту сторону. Возможно, вы перепутали автомат Калашникова с пулеметом Калашникова, у которого гильзы действительно летят влево. Далее, ДНК-экспертиза единственного волоса не может служить определяющим доказательством в суде. Во-первых, ядерная ДНК содержится лишь в корнях волос, поэтому волос должен быть вырванным, а не срезанным, как у вас. Во-вторых, даже в этом случае для гарантированной идентификации требуется как минимум 5 волос. Далее..."

Элайза читала и чувствовала, как копится в ней досада и раздражение. С одной стороны, критик был, по всей видимости, прав, и это было тем обиднее, что она как раз подходила к своей работе ответственно (что ей вообще было свойственно, даже когда она понимала, что рисует всего-навсего развлекательный комикс, а не шедевр мирового искусства). Она могла изобразить некие усредненные пистолеты и автоматы, и никто бы ей слова не сказал. Но она специально искала в интернете фото русского оружия, чтобы изобразить его во всех узнаваемых подробностях! Кто же знал, как там во время стрельбы ходит затвор и куда летят гильзы?! С другой стороны, все это были совершенно мелкие придирки, никак не влияющие на сюжет. Даже с волосом - переделка одного срезанного в пять вырванных не потребовала бы существенной сюжетной правки. Такое впечатление, что этот парень цепляется к ней лишь затем, чтобы продемонстрировать свое превосходство, а вовсе не из любви к истине! Унизить ее, как те придурки, писавшие, что она - страдающий агорафобией хиляк-"ботан"! И кроме того,

он зря возомнил себя таким крутым мистером Всезнайкой. Может, он и смыслит кое-что в оружии, но в графических романах он не понимает ничего! На самом деле единичный рисунок в комиксах - это не стоп-кадр. В этом кадре развивается действие, которое может занимать несколько секунд, и развивается оно, в западной традиции, слева направо (в японской - наоборот). Скажем, в рамках одного кадра персонажи могут обмениваться репликами, и слева будет вопрос, а справа - ответ. Соответственно, сначала Хаммер, выбивая дверь ногой, врывается в помещение склада (слева), а потом бандит начинает в него стрелять (справа). А раз бандит может стрелять только справа, он повернут к зрителю левым боком, и гильзы, живописно летящие в сторону зрителя, должны лететь влево, и никак иначе. Иначе никакой живописности не получится, и зритель не прочувствует накала и динамизма сцены. Правда искусства в данном случае важнее правды технической документации!

Письмо перечисляло еще несколько подобных мелких ошибок и заканчивалось - даже без всякого "с уважением" или "с наилучшими пожеланиями" - подписью "Детектив Николас Кейдж". Угу, усмехнулась Элайза, почему не Чак Норрис. Намекает на свое понимание, что "Алекс Стронгарм" - тоже псевдоним? Да плевать, на что он намекает! Ее первым поползновением было просто удалить письмо. Вторым - все-таки она не могла не признать обоснованности замечаний - было желание холодно и кратко ответить, что она, то есть Алекс Стронгарм, благодарит мистера Кейджа за интерес к своему творчеству, но рисует графические романы, а не учебники для полицейских подразделений, и определенные условности (на которые все равно обратит внимание лишь один читатель из тысячи) вполне оправданы жанром.

Но, подумав еще немного, она приняла третье решение. Перфекционист в ней победил обидчивого творца. Этот самый "Кейдж", конечно, мог оказаться таким же детективом, как и Кейджем, но, похоже, в оружии и всяких полицейских тонкостях он и в самом деле разбирался неплохо. А ей совсем не помешает грамотный консультант, который помог бы впредь избегать подобных ляпов. Никаких знакомых полицейских или военных - и даже охотников - у нее не было. Обычно Элайза предпочитала общаться с интернетом, а не с живыми людьми. Но не на всякий вопрос можно найти ответ на "гугле"... точнее, может, и можно, но для этого надо хорошо знать, что именно спрашивать. Например - что надо искать фото оружия не только в обычном состоянии, но и в момент выстрела, и все такое прочее. Идти просить помощи на какой-нибудь форум, где общаются профессионалы, Элайза бы постеснялась. Уж точно не в качестве Стронгарма, который расписался бы тем самым в своей некомпетентности (а как еще спросишь, правильно ли нарисовано, если не демонстрировать сами рисунки и не рассказывать сюжет?) Но раз уж этот парень первым вступил с ней в переписку - что ж, почему бы этим не воспользоваться? Ему, похоже, нравится поучать и не жалко на это времени - а она способна для пользы дела немного приструнить свою гордость.

Так что Элайза написала вежливое - не формально вежливое, а по-настоящему дружелюбное - письмо, в котором поблагодарила за конструктивную критику (но и рассказала о причине, по которой гильзы летели не в ту сторону) и попросила разрешения обращаться за консультациями, которые как раз пригодятся ей в работе над очередным графическим романом. Кейдж ответил неожиданно быстро, сделал ей (т.е. "ему") своеобразный комплимент - мол, никак не ожидал ответа, ибо немногие популярные авторы вообще отвечают читателям и уж тем более признают свои ошибки - и выразил готовность помогать советами. При этом он признался, что сам не поклонник комиксов - "просто решил посмотреть, что такое читает мой сын" - и может не знать тонкостей жанра, но зато в оружии и прочих полицейских делах кое-что смыслит, проработав в Департаменте полиции Чикаго уже пятнадцать лет.

"Чикаго, надо же!" - подумала тогда Элайза; выходило, что ее суровый, но справедливый критик, который мог оказаться откуда угодно, хоть с Аляски, работает (и, вероятно, живет) в какой-нибудь паре десятков миль от нее. Впрочем, на тот момент это ничего не значило. Она не планировала встречаться с ним лично, раскрывая инкогнито "Стронгарма".

Однако после того, как они обменялись несколькими письмами, Элайза все же решилась на это. При удаленном общении оставалась все та же проблема, что и с поиском в интернете - чтобы получить правильный ответ, надо задать правильный вопрос, а чтобы задать правильный вопрос, надо уже знать половину ответа. То есть тех вопросов, которые приходили в голову ей самой, было недостаточно - надо было показать специалисту уже почти готовый графический роман целиком и выслушать его комментарии. А отсылать будущий бестселлер человеку, даже настоящего имени которого она не знает, в отсканированном виде электронной почтой было бы, конечно, весьма опрометчиво с точки зрения защиты ее авторских прав. Кейдж должен увидеть эти рисунки только из ее рук.

Впрочем... эта причина была веской, но не единственной. К тому времени Элайзе уже и самой хотелось встретиться со своим консультантом вживую. Ну хотя бы для того, чтобы полюбоваться, как отвиснет челюсть самоуверенного детектива, когда он увидит истинное лицо "Алекса Стронгарма".

Она предложила ему встретиться в его ближайший выходной, пообещав заказать столик в ресторане в качестве компенсации потраченного им времени. Он согласился и прислал свою фотографию, дабы "Стронгарм"мог его узнать. Элайза некоторое время рассматривала фото крепко сбитого мужчины под сорок в парадной униформе. У него было такое типичное военное или полицейское лицо - с короткой стрижкой, жесткой щеточкой усов и сосредоточенным выражением. Не сказать, что красавец, но и не урод, конечно. И абсолютно, кстати, не похожий на Николаса Кейджа. С таким человеком, подумала Элайза, вряд ли захочется обсуждать поэзию или то же изобразительное искусство (вне пределов темы точности изображения деталей оружия и амуниции), но его хочется иметь на своей стороне. Ибо, если он примет на себя ответственность за тебя, то будет ее нести, несмотря ни на что. Возможно, гм - несмотря даже на твое собственное желание...

Свое фото она ему, естественно, не послала. Лишь сказала, чтобы он назвал свое имя официанту, и его проводят за столик.

Она собиралась приехать заранее и понаблюдать из машины, как Кейдж прибудет и войдет внутрь - чтобы самой появиться минут через пять - но, привычная к жизни в своем тихом пригороде, откуда почти не выбиралась, не учла чикагских пробок и в итоге не только не прибыла с запасом, но и вместо запланированных пяти минут опоздала на все пятнадцать. Его телефон она не спросила - даже если бы она ограничилась SMS, не выдавая себя голосом, он бы узнал ее номер, а это в ее планы пока что не входило. Оставалось лишь надеяться, что пунктуальный полицейский дождется непунктуального художника. В конце концов, не каждый день тебя угощают ужином авторы бестселлеров.

Она увидела его почти сразу же от входа. Он сидел за столиком в дальнем углу лицом к входу и, казалось, изучал раскрытое на столе меню, но на самом деле - Элайза в этом не сомневалась - следил за каждым, входящим в зал. И, вероятно, уже заметил большую картонную папку у нее в руке. Элайза направилась прямиком к нему.

- Мистер Кейдж?

- Мистер Стронгарм? - осведомился он в ответ с легкой усмешкой.

Элайза опустилась на стул напротив.

- Вы не выглядите удивленным, - заметила она.

- Я предполагал, что вы женщина, - невозмутимо ответил он.

- На чем я прокололась на этот раз? Неправильно изобразила какую-то деталь мужского туалета?

- В том, что Алекс Стронгарм - это псевдоним, я практически не сомневался с самого начала. Но все-таки пробил это имя по базе... воспользовался служебным положением, - он вновь усмехнулся. - Люди с таким именем есть, но их профили не соответствуют вашему. Но главное - нигде в интернете не существует ваших изображений. Вы никогда не проводили

автограф-сессий и прочих встреч с поклонниками. Стало быть, вы очень не хотите, чтобы кто-либо узнал, как вы выглядите. Основных вариантов тут три. Или вы просто очень стеснительный человек, не желающий чтобы вас узнавали на улицах, но это вряд ли. Комиксы все же - довольно специфический жанр, особенно в наше время, когда есть ТВ и компьютерные игры. У вас есть свои фанаты, но это не тот уровень популярности, когда человека узнают на улицах и преследуют папарацци.

- Спасибо, - едко заметила Элайза.

- Или же, - продолжал Кейдж, - за псевдонимом скрывается некая известная - или надеющаяся стать известной - личность, не желающая дискредитировать себя работой в низком развлекательном жанре. Такие снобы, впрочем, в наше время тоже редкость. Или, наконец, вы женщина. Впрочем, третий вариант может сочетаться со вторым. И в этом случае, вероятно, существуют и другие ваши работы. Опубликованные под собственным именем. Которые не связаны с Джастином Хаммером, но которые, тем не менее, можно распознать по сходству стиля. Я не разбираюсь в стилях живописи. Но в них разбираются алгоритмы поисковых систем. Достаточно было вбить в компьютер несколько характерных фрагментов из ваших комиксов и запустить поиск похожего. Из результатов я выбрал то, что показалось мне наиболее вероятным. Элайза Лес... - он сбился. - Черт, специально учил...

- Leszczynska, - подсказала Элайза. - Это польская фамилия. Только пишется сложно, а произнести довольно легко. В середине как сочетание "ш" и "ч".

- Лешчинска, - подхватил Кейдж. - 29 лет, не замужем, проживает в пригороде Чикаго. На сей раз никакого доступа к полицейским базам данных. Всю эту информацию можно почерпнуть из ваших аккаунтов в социальных сетях.

- И как давно вы меня вычислили? - мрачно осведомилась Элайза. - Еще до того, как отправили первое письмо?

- Нет, - качнул головой он. - Тогда бы я еще не стал тратить на это время. Но теперь мне стало интересно, кто же все-таки пригласил меня на свидание.

- Это не свидание! - возмущенно произнесла Элайза, выдвигая на середину стола папку с рисунками. - Это чисто деловая встреча.

- Я это и имел в виду, - невозмутимо кивнул Кейдж.

Подошел официант, поприветствовал Элайзу и протянул ей экземпляр меню, а затем спросил у Кейджа, сделал ли он уже выбор. "Мы выберем вместе", - ответил тот.

- Почему бы и вам не назвать уже ваше настоящее имя? - хмуро произнесла Элайза, когда официант отошел.

Ее собеседник вздохнул и протянул ей полицейский значок. "Николас Кейдж", - прочитала Элайза.

- У вас есть второе имя? - осведомилась она.

- Фрэнсис, - поморщился Кейдж. Похоже, это имя ему не нравилось, и все же Элайза спросила:

- Почему бы вам не использовать его?

- А с какой стати? - произнес он раздраженно. - Только потому, что то же имя носит какой-то паяц, которому платят миллионы только за то, что он кривляется перед камерой, пока люди с куда меньшими зарплатами рискуют жизнью, защищая его задницу и его деньги от преступников? Кстати, в отличие от меня, у него это даже не настоящая фамилия! Почему бы вам не сменить свою, между прочим? Я сомневаюсь, что хоть кто-то в Америке в состоянии произнести ее с первой попытки!

- Правильно сомневаетесь, - кивнула Элайза. - На моей памяти - никто. Всегда приходится объяснять по буквам. И я сама ни слова не знаю по-польски, если не считать все той же фамилии. Поляком был мой дед, семья которого бежала от коммунистов в конце Второй мировой... Но, видите ли, Лещинские - это древний княжеский род. Даже королевский. Из этого

рода происходил король Станислав, а его дочь была королевой Франции, женой Луи XV. Но этот род давно пресекся, еще в XVIII веке. Собственно, как раз на Станиславе, не оставившем сыновей. А мой дед происходит из какой-то очень побочной линии, не имеющей права на титул. Более того, Америка, как вы знаете, не признает дворянских титулов, так что мать моего деда, тогда несовершеннолетнего, при вступлении в гражданство дополнительно отреклась от всех титулов за себя и за него. Но мой дед всю жизнь считал себя польским аристократом и завещал своим потомкам хранить нашу княжескую фамилию. Не то чтобы это для меня так много значило, я его даже не помню, он умер, когда мне было три года... но... - Элайза с виноватой улыбкой пожала плечами.

- Тогда вы понимаете, почему я не собираюсь менять имя только ради того, чтобы меня не путали с каким-то актером и не отпускали шуточек по этому поводу. Между прочим, мой род тоже достаточно старинный. Мои предки были офицерами еще во время Гражданской войны, причем с обеих сторон. Прапрапрадед по отцовской линии воевал за Конфедерацию, а прапрадед по материнской - за Союз. Могли поубивать друг друга, но, как видите, не сложилось. Две эти линии сошлись гораздо позже... Все последние поколения Кейджей были офицерами. Но после того, как мой отец погиб в Ираке, еще в первую войну - а мой дед до того погиб во Вьетнаме - мать взяла с меня слово, что я не пойду в армию. Слово я сдержал. Поэтому пошел в полицию.

В общем, любовь к оружию и всему, что с этим связано, оказалась у Николаса наследственной. Разумеется, он был членом и активистом Национальной стрелковой ассоциации, и его познания в этой сфере простирались далеко за пределы обычной программы полицейской академии. Кажется, не было такого ствола, короткого или длинного, серийно производившегося на планете Земля в последнюю пару столетий (а иногда и ранее), о котором он не имел бы представления. В тот вечер - вечер их первой встречи - они все же обсудили ее графический роман, просидев над ним почти до закрытия ресторана (не потому, что у Кейджа было много замечаний - предварительные консультации е-мэйлом не прошли даром - а потому, что он хотел с полицейской скрупулезностью проверить все детали). Затем они вышли в ночь и остановились в свете неоновой вывески, прежде чем направиться каждый к своему автомобилю.

"Интересно, что он скажет сейчас", - подумала Элайза, намеренно отдавая ему инициативу. Она была готова и к формальному "Ну, спасибо за угощение и до свиданья", и к фамильярному "может, поедем ко мне домой?" (или даже "к тебе", если ранее упомянутый сын означал также и жену). Любой из этих вариантов ее бы разочаровал.

- Кстати, а у вас есть оружие? - спросил Кейдж.

Элайза призналась, что купила пистолет три года назад, после того, как на соседней улице ограбили дом (что случалось и в их тихом пригороде), но ни разу из него не стреляла. Кейдж тут же воодушевился и пригласил ее на стрельбище за городом (где в ближайшее воскресенье как раз соберется их "стрелковый клуб" - члены местного отделения NRA), пообещав пройти с ней полный курс обращения с оружием, включая не только стрельбу, но также обязательную после этого (Элайза не знала, что обязательную) разборку, чистку и смазку. Элайза не любила никакие клубы, объединения и вообще скопления людей, однако согласилась. В конце концов, эти знания могли пригодиться ей и для работы, и для самообороны, не так ли?

Так они стали встречаться. Своеобразные свидания, на которых речь шла главным образом об оружии, тактике специальных подразделений и тому подобных вещах. У Элайзы даже обнаружился талант к стрельбе, заслуживший ей уважение членов клуба. В конце концов, при всем несходстве этих занятий, и стрелку, и художнику требуется твердая рука и верный глаз.

Конечно, оружейно-полицейскими темами их общение не исчерпывалось. Николас рассказывал и о себе. Уже на второй их встрече Элайза узнала, что жены у него не было - развелся много лет назад, и сын, как водится, остался с матерью. Это был типичный глупый,

основанный исключительно на сексуальном влечении брак (Николасу было 22, его жене едва исполнилось 18), ошибочность которого довольно быстро стала ясна обеим сторонам, но которого Николас, унаследовавший от своего рано погибшего отца-офицера (коего он боготворил) почти маниакальные представления о чести и долге, упорно держался, полагая, что раз взятые на себя обязательства не подлежат отмене. Его супруга, естественно, не страдала подобной щепетильностью, и в конце концов, придя домой в неурочное время, он застал ее с любовником. Эта измена возмутила его настолько сильно, что, даже рассказывая о ней Элайзе много лет спустя, он не мог скрыть своего негодования. Хотя, по мнению Элайзы, едва ли стоило говорить об измене, когда любви уже не осталось ни с одной из сторон, и они обе это знали. "Но как ты не понимаешь! - кипятился обычно сдержанный Николас. - Она нарушила свой долг! Никакие чувства не могут служить этому оправданием!" Неприязнь к бывшей жене, по всей видимости, отчасти распространилась и на их общего сына, с которым Николас виделся редко (хотя сам он объяснял это лишь нехваткой времени). Тем не менее, во время одной из таких встреч он и увидел у мальчика тот самый комикс (вообще-то имевший рейтинг R, но какого 14-летнего подростка это останавливает?), который в итоге изменил и его жизнь, и жизнь Элайзы.

Разумеется, настал момент, когда Кейдж попытался затащить ее в постель. Хотя, возможно, "затащить" - не вполне точное слово; он не был столь нахрапист, как когда-то ее одноклассники, и она, в свою очередь, отказала ему вежливо, чувствуя в то же время сожаление - не потому, что предпочла бы согласиться, а потому, что до этого вообще дошло. Он молчал минут пять, и Элайза думала, следует ли ей распрощаться (быть может, навсегда, чего ей все же не хотелось) или, как ни в чем не бывало, завести разговор на нейтральную тему (что представлялось ей фальшивым) - а затем он вдруг сделал ей предложение. Элайза ответила, что ей надо подумать.

Думала она два дня. С одной стороны, она не была в него влюблена, это точно (и уж тем более не хотела секса, ни с ним и ни с кем другим). И одиночество никогда ее не пугало и не тяготило. С другой... ей уже почти тридцать, и надо уже что-то решать со своим будущим - в этом вопросе. Она не была уверена, что хочет оставаться одной и впредь... одной на всю жизнь. Их отношения нельзя было назвать особо романтичными - Элайза и не искала романтики - однако она успела привыкнуть к нему. Он не только консультировал ее по поводу тонкостей полицейской работы и учил обращаться с оружием (порывался учить и рукопашному бою, но эту идею Элайза решительно отвергла - "Во мне сто десять фунтов вместе с одеждой, любой злодей просто поднимет меня за шиворот и будет держать, пока я не устану махать руками и ногами!") Он помогал и решать разные бытовые проблемы (и даже юридические, когда однажды потребовалось поставить на место нахала, без разрешения использовавшего ее работы - если бы речь шла о комиксах, этим занялись бы юристы издательства, но в том-то и дело, что это были рисунки из ее портфолио, размещенного в интернете под ее собственным именем). В конце концов, довольно неплохо иметь своего собственного полицейского, у которого к тому же куча знакомых по службе и через ту же стрелковую ассоциацию (в то время как для Элайзы заводить новые знакомства с людьми и обращаться к ним с просьбами всегда было мукой). Вообще он был чертовски надежный, это было едва ли не главной его чертой, главнее даже любви к оружию. И Элайза уже привыкла полагаться на эту надежность. К тому же, будучи поставленной перед выбором, она предпочитала то решение, последствия которого легче исправить. А развестись с имеющимся мужем проще, чем найти отсутствующего, не так ли?

Во всяком случае, так она думала тогда. И ответила согласием.

Конечно, не все в ее новом статусе ей понравилось. Пришлось, в частности, переехать из ее тихого зеленого пригорода, где во двор забредали сурки, а порою даже олени, в мегаполис, на серую пыльную улицу, где под окном круглые сутки шумели машины (но зато эта квартира находилась всего в пяти минутах езды от места службы Николаса). Что касается секса, то

Элайза сочла, что согласна *это* терпеть, раз уж Николасу оно так нужно. Впрочем, он не слишком донимал ее по этой части, ибо нередко приходил с работы таким уставшим, что ему было не до этого. Свою непроизносимую ни для кого по эту сторону Атлантики фамилию Элайза сохранила, несмотря на великий соблазн поменять ее на простую "Кейдж", и муж отнесся к этому с пониманием.

Они прожили вместе восемь лет, и не сказать чтобы это были плохие годы. Элайза продолжала рисовать комиксы про Джастина Хаммера (приобретшего теперь, возможно, и неосознанно для нее самой, некие знакомые черты), все еще приносившие неплохой доход. Николас получил повышение, мог получить еще одно, но отказался от предложенной ему кабинетной должности, желая по-прежнему - несмотря на свой пятый десяток - лично участвовать в полицейских операциях. Несколько раз ему доводилось участвовать в перестрелках с вооруженными преступниками, и дважды он сам становился фигурантом расследования о "необоснованном применении оружия", но и те, и другие случаи заканчивались для него благополучно. Детей у них с Элайзой не было, по полному взаимному согласию. Элайза просто не могла представить себя с пузом, да и вообще в принципе не понимала, зачем это нужно. Для того, чтобы создавать новых людей, ей достаточно было карандаша и листа бумаги. Как она выражалась, "деторождение - это эрзац творчества для людей, лишенных таланта". Николас тоже к этому не стремился, понимая, что не сможет быть хорошим отцом, уделяющим достаточно внимания своему отпрыску и способным, соответственно, воспитать такового, как должно. Его сын от первого брака был тому наглядным свидетельством (мальчик к этому времени уже вырос, выучился на бизнес-администратора - никаких военных или полицейских академий - но работы по специальности так и не нашел, а может, и не искал, и вместе с компанией таких же друзей-оболтусов вел полубогемную жизнь где-то в Южной Калифорнии, работая диджеем в каких-то сомнительных клубах).

Большинство своих выходных Николас по-прежнему проводил вместе с членами стрелкового клуба. Элайза, под его влиянием тоже ставшая членом NRA, поначалу участвовала во всех этих мероприятиях из интереса, потом - из чувства долга, а под конец все чаще стала отказываться от очередной поездки на стрельбище или на военную игру. Николас пожимал плечами и уезжал один, явно не особенно удрученный. Оружие оставалось его главной страстью, и Элайза ни на минуту не сомневалась, что дело именно в этом, а вовсе не в том, что у него появился кто-то на стороне. Подозревать Ника в измене - с его-то фанатичными представлениями о долге и чести - было попросту смешно.

И все же настал день, когда, подпирая кулаком сонную голову и глядя на мужа сосредоточенно жующего бекон, один запах которого был ей неприятен (сама она предпочитала на завтрак легкие овощные салатики), Элайза подумала: "Я не понимаю, что я до сих пор делаю с этим человеком."

На самом деле ей давно уже начали надоедать они оба, Джастин Хаммер и Николас Кейдж, два крутых копа - и то, что с годами между ними становилось все больше общего, лишь усиливало эффект. Хаммер, кстати, начал приедаться уже не только ей самой, но и публике. Последние продажи были еще не провальными, но ясно демонстрировали тренд на спад. И это, в общем, закономерно, нельзя же столько лет доить одну и ту же тему... Хотя есть долгоживущие супергерои типа Супермена и Бэтмена. Но Хаммер никогда не был раскручен до такого уровня. Пожалуй, сейчас самое подходящее время, чтобы освободиться от него. Ведь, на самом деле, она хотела этого уже давно. Он приносил ей хорошие деньги, но забирал слишком много времени и сил, отвлекая от того, что она всегда считала настоящим искусством и своим истинным предназначением. А теперь, глядишь, через два-три выпуска издательство само решит свернуть серию. И сейчас самое время совершить свой каминг-аут, пока Хаммер еще популярен. Раскрыть, кто на самом деле был Алексом Стронгармом - чего за пределами издательства по-прежнему не знала ни одна живая душа, кроме Кейджа - и попытаться конвертировать его славу

(в том числе и скандальную, связанную с этим разоблачением) в интерес к работам Элайзы Лещинской, до сих пор набиравшим сотню-другую "лайков" в соцсетях и не более чем. В конце концов, даже если это и не откроет ей дорогу к коммерческому успеху уже под настоящим именем, она уже заработала достаточно, чтобы жить на эти деньги.

А Николас... да, он надежный, он верный, он честный. Но что, в конечном счете, связывает ее с ним - кроме разве что привычки? Его же ничего не интересует, кроме оружия и военно-полицейской тематики. Да, на какое-то время ему удалось заинтересовать этой темой и ее - особенно когда у нее, "комнатной девочки", прежде робевшей даже перед необходимостью лишний раз позвонить лендлорду с просьбой починить кондиционер, вдруг стало получаться стрелять в цель не хуже бравых спецназовцев, и эти самые спецназовцы отпускали ей заслуженные комплименты. Но это увлечение давно прошло. А Николас, в свою очередь, совершенно равнодушен к искусству и способен оценить ее рисунки лишь с точки зрения точности технических деталей. Даже в политических вопросах у них не было единства - он был убежденным республиканцем, она была зарегистрирована, как независимая, но вообще политикой интересовалась мало и выборы, в особенности федеральные, чаще всего игнорировала (за что Николас ее регулярно ругал). По сути, они просто чужие люди, почему-то до сих пор живущие под одной кровлей. Когда-то она привлекла его, как женщина, а ей, в свою очередь, захотелось опереться на пресловутое мужское плечо. Но это было ошибкой. Не стоит выходить замуж за своих инструкторов, тренеров, консультантов или даже психотерапевтов, помогающих избавиться от комплексов (за последних, кстати - в особенности нет). Их следует поблагодарить за хорошо сделанную работу и заплатить по прейскуранту, не более чем.

Что ж, эту давнюю ошибку все еще не поздно исправить. Расстаться одновременно с обоими - Хаммером и Кейджем - и начать новую жизнь.

Николас доел свой завтрак, чмокнул ее в щеку жирными губами (чего она не любила, и почему, скажите на милость, она должна продолжать это терпеть?) и убежал на службу бодрым аллюром "жаворонка", для которого выражение "доброе утро" не звучит оксюмороном. Вот даже в этом они различаются. Само по себе это, конечно, мелочь, но в сочетании со всем прочим...

Элайза подошла к раковине, вымыла щеку и тщательно вытерла лицо.

Затем вернулась в спальню, но вместо того, чтобы, как обычно, плюхнуться досыпать, уселась на край кровати и принялась размышлять.

Просто подать на развод было плохой идеей. Ник устроит страшный скандал - к коим он обычно не склонен, но вот тут скандал будет, можно не сомневаться. Дело не в том, что он до сих пор так уж ее любит и не может без нее жить - то, сколько времени он проводил с ней и сколько - со своими единомышленниками по стрелковому клубу, вполне наглядно свидетельствовало о его приоритетах. Но с его точки зрения, решив оставить его, она нарушила бы свой Долг - а вот к этому он абсолютно нетерпим. Хотя сейчас не XIX век, и разводы являются абсолютной нормой - в конце концов, распадаются более 70% браков. Но попробуйте объяснить это Николасу Кейджу. Не тому, который актер.

Тем паче что один раз он через это уже проходил. И все, что он думает после этого о первой жене, Элайза знала в подробностях. Конечно, там была другая ситуация - обман, интрижка втайне от него, а у нее нет никакого любовника, и она объявит о своем намерении открыто - но все равно, Николас воспримет это, как предательство. Как удар в спину от человека, которому он полностью доверял.

И, рассуждая по справедливости, он такого удара не заслужил. Он не является ей по-настоящему близким человеком, это факт, который она слишком долго пыталась игнорировать, но он неплохой человек. Со своими закидонами, конечно (а кто без них?) - но у нее не было поводов желать ему зла. Ей не хотелось, чтобы он снова почувствовал себя преданным и брошенным.

Кроме того... помимо благородных соображений, существовал и материальный аспект. В традиционной семье, где основным (а то и единственным) добытчиком является муж, раздел "совместно нажитого имущества" оказывается отнюдь не в его интересах. Но в их случае все наоборот. Нарисованный Хаммер принес в дом куда больше денег, чем его реальный коллега Кейдж. И если оскорбленный Ник наймет хорошего адвоката - а он, скорее всего, так и сделает, и его полицейские связи ему помогут - развод обернется для нее большими потерями. Особенно нежелательными с учетом ее намерений покончить с Хаммером и, возможно, остаться без постоянного источника доходов.

Вывод из всех этих посылок напрашивался один. Она не должна уходить от Кейджа. Вместо этого Кейдж должен уйти от нее.

Уйти к другой женщине.

С одной стороны - такой развод, выражаясь пошлыми штампами, не разобьет его сердце, и, если эта женщина окажется для него более подходящей, чем Элайза, в результате выиграют все заинтересованные стороны. С другой - Николас, конечно, будет чувствовать себя виноватым и не станет предъявлять ей имущественных претензий. Что опять-таки справедливо - ведь основной вклад в семейный бюджет вносила она.

Но организовать такую операцию будет не так-то просто. Мало найти подходящую кандидатуру, мало организовать их встречу. Эти его представления о долге... Ник ни за что не станет заводить интрижку на стороне. Во всяком случае - отдавая себе отчет в происходящем. Нужно подводить его к этой теме исподволь, медленно и аккуратно. Не сводить их тайно, а, напротив, явно поощрять их общение, чтобы на каждом этапе он не думал, что делает нечто, что не одобрила бы его жена, пока не станет слишком поздно... и в то же время - не слишком явно, чтобы он, со своей полицейской интуицией, не заподозрил, что ему подсовывают утешительный приз. Задача, да. С людьми, нарисованными на бумаге, все-таки все гораздо проще.

Ладно, для начала надо определиться с кандидатурой. Первым делом на ум Элайзе пришла Рэйчел из стрелкового клуба. Вот она точно стала бы для Николаса идеальной спутницей. Она была так же помешана на оружии, прошла профессиональную снайперскую подготовку и даже, по слухам (на которые неизменно отвечала лишь вежливой улыбкой), выполняла в прошлом некие специальные задания по другую сторону Атлантики. Она и внешне относилась к тому типу, который нравился Николасу - длинноногая стройная блондинка с узким и длинным лицом, большими синими глазами и пышными волосами (как и сама Элайза, но Рэйчел, хотя и будучи на четыре года старше, отличалась более спортивным телом). Проблема, однако, состояла в том, что Рэйчел была супругой Карла, председателя их клуба, и, судя по всему, оставалась вполне довольна своим браком. А Николас, в силу все тех же своих принципов, ни за что не посягнул бы на чужую женщину. Да и потом, эти двое были знакомы уже столько лет, и раз между ними до сих пор ничего не завязалось, шансов на это не было никаких.

Последнее соображение, кстати, было применимо и к другим женщинам из клуба (немногочисленным, ибо большинство любителей пострелять составляли все же мужчины). Причем большинство из них также были женами или подругами членов клуба; исключение составляли лишь три, две из которых, насколько могла понять Элайза, интересовались больше друг другом, чем мужчинами, а третья, упитанная круглолицая коротышка Сьюзан, никак не соответствовала вкусам Кейджа.

Стрелковый клуб, таким образом, отпадал. Можно было, конечно, поискать любительниц оружия на тематических форумах, но Николаса вряд ли удастся завлечь знакомством через интернет. Даже несмотря на то, что с Элайзой он познакомился именно так - но тогда он не был женат и мог позволить себе некие романтические чаяния. Нет, сейчас ему надо предъявить товар лицом...

В конце концов Элайза решила поискать поближе к дому. Она записалась на фитнес -

что, кстати, Ник ей неоднократно советовал и всякий раз получал решительный отказ. У нее не было ни унции лишнего жира - природа, похоже, одарила ее метаболизмом, в принципе не позволяющим толстеть - а идея качать мышцы на тренажерах всегда вызывала у нее отвращение. Но вот теперь она сообщила Николасу, что решила-таки внять его советам. Само собой, он ничего не заподозрил, а лишь похвалил ее с самодовольным видом - ну наконец жена последовала его мудрым наставлениям. Ох уж эти простодушные мужчины...

Идея оказалась удачной. На первом же занятии Элайза познакомилась именно с такой особой, которую искала.

Ее звали Клэр. Она была почти на восемь лет моложе Элайзы, то есть находилась в том самом возрасте, в котором та познакомилась с Кейджем, и имела все тот же любимый им тип внешности - разве что глаза были серые, а не синие, и лицо более овальное, а не заостренное книзу, но это, по мнению Элайзы, не было непреодолимым препятствием (как и несколько лишних фунтов на талии, сгонять которые Клэр, очевидно, и пришла в гимнастический зал). Выражение этого лица тоже было не столь интеллектуальным, как у Элайзы - что вполне подтвердило дальнейшее общение - хотя Клэр нельзя было назвать и полной дурой. Вполне заурядная в плане ума и образования, но в то же время отнюдь не лишенная той практической женской сметки, которая позволяет таким вот простушкам заарканивать куда более умных мужчин - так и остающихся в результате в святой уверенности, что это именно они снизошли в своем блеске до наивной куколки, смотрящей им в рот. Вероятно, для Кейджа это будет приятный контраст. После Элайзы, которая всегда себе на уме и на которую где сядешь, там и слезешь, он наконец-то получит послушную глину, из которой можно вылепить идеальную жену под свой вкус. Ну, по крайней мере, так это будет выглядеть с его точки зрения - но ведь только таковая и имеет для него значение...

Матримониальный статус Клэр также прекрасно отвечал планам Элайзы. Ее новая знакомая недавно развелась (муж бросил ее ради любовницы, хотя Клэр готова была "все простить"), очень переживала по этому поводу (собственно, попытка заедать депрессию и привела ее к потере формы), но не впала в то же время в мужененавистничество, как некоторые в подобной ситуации, а, напротив, сильно беспокоилась, что в свои тридцать останется теперь одна (что, видимо, стало не последней причиной, погнавшей ее на фитнес). Временные отношения без обязательств ее определенно не устраивали, она мечтала о надежном и солидном мужчине, который не подведет ее так, как предыдущий. В общем, это было именно то, что надо.

Само собой, Элайза принялась как бы между прочим рассказывать новой подруге о своем муже именно в том ключе, который не мог не привлечь ее внимания. Причем ей даже не пришлось ничего особенно преувеличивать. Не понадобилось много времени, чтобы заметить, что Клэр выслушивает эти рассказы с завистью. Николас, очевидно, полностью соответствовал ее идеалу. И даже то, что он был на 16 лет старше ее, в глазах Клэр шло ему только в плюс, добавляя очков в графы "солидность" и "надежность". Уж такой-то не погонится за первой же грудастой вертихвосткой!

Элайза тем временем развивала наступление, с неохотой рассказывая подруге о конфликтах в семье. Здесь она тоже старалась держаться фактов - в конце концов, в будущем эта тема может всплыть в разговорах между Клэр и Николасом - но старалась преподнести все ссоры, случавшиеся за восемь лет супружества, так, словно они участились и стали происходить в основном в последнее время. Лейтмотивом всего этого была не высказываемая явно мысль "муж меня не ценит, не понимает, его винтовки и пистолеты важнее для него, чем я". В глазах Клэр в ответ читалось: "Вот же дура, не понимающая своего счастья! Да я бы за такого мужчину... и на стрельбище с ним, и куда угодно..."

Затем Элайза их познакомила. Что может быть проще и естественней, чем пригласить домой свою подругу и познакомить ее с мужем? Правда, Элайза никогда не делала так прежде. Просто потому, что у нее не было подруг, тем более таких, и она не чувствовала потребности

ими обзаводиться. Но Николас, разумеется, ничего не заподозрил и был лишь доволен, что его нелюдимая жена, давно уже переставшая посещать мероприятия стрелкового клуба, наконец нашла себе кого-то для общения вне интернета. Сам он, кстати, не раз приводил домой друзей со службы или единомышленников, желавших полюбоваться его коллекцией оружия, и без каких-либо ревнивых опасений знакомил их со своей все еще красивой женой (Элайза держалась с гостями вежливо, но не любила подобные визиты, считая их вторжением в свое личное пространство). На Клэр он взглянул с дружелюбным интересом и не более чем. Но Элайза на иное и не рассчитывала. Процесс должен развиваться без излишней спешки, как в старой притче о лягушке, которая выпрыгнет, если ее бросить в кипяток, но если воду нагревать медленно и постепенно, сама не заметит, как сварится...

В том, что наживку уже заглотила сама Клэр, Элайза не сомневалась. После нескольких семейных ужинов втроем настала пора обеспечить им - опять-таки с полного согласия и даже по инициативе Элайзы - повод для общения наедине. Таковой легко отыскался - у Клэр сломалась ее старая машина, и в сервисе ей сказали, что ремонт с учетом заказа деталей займет не меньше недели, а лучше, вообще-то, за те же деньги купить новую - то есть тоже подержанную, но в лучшем состоянии. Чего, кстати, Клэр никогда в своей жизни еще не делала, полагаясь в технических вопросах сперва на отца, потом на мужа, и небезосновательно боялась, что ей впарят какую-нибудь рухлядь. Но дело бы даже не в этом, а в том, что, пока она не решит проблему с колесами, ей предстояло ходить с фитнеса пешком до автобусной остановки и ждать потом автобуса. В темноте, учитывая надвигающуюся зиму. В районе, который хоть и не представлял собой гетто, но уютным по вечерам тоже не выглядел. Понятно, что это заставляло Клэр нервничать, и она спросила Элайзу, не может ли та подвозить ее хотя бы до остановки (надеясь, вероятно, что та предложит подвозить и до дома, что означало для Элайзы крюк в несколько миль, но не более чем). Но Элайза предложила другое. Есть ли у Клэр оружие? Да, где-то валяется газовый баллончик... Да нет, *настоящее* оружие! Нету? Никогда в жизни даже не держала в руках? Тогда Элайза попросит Николаса подобрать для нее хороший пистолет или револьвер. И научить с ним обращаться. Ой, а это удобно? Конечно, Николас же обожает пушки. Его хлебом не корми, дай обратить еще кого-нибудь в свою оружейную веру.

И, разумеется, буквально через полчаса дома у Элайзы все трое обо всем договорились. У Ника не могло возникнуть и тени сомнения, что он делает что-то, не соответствующее его представлениям о долге. Он всего лишь выполняет просьбу своей же жены, не так ли? Клэр рассыпалась в благодарностях. Пистолет, конечно, придаст ей уверенности. Особенно если ее научит пользоваться такой профессионал. Раньше она много раз слышала мнение сторонников "контроля за оружием", что простой человек все равно не сумеет воспользоваться пушкой, потому что преступник опытнее и наглее, но ведь это не так? О, не слушайте бредни этих демагогов, Клэр. В моей практике был случай, когда десятилетний мальчик, остававшийся один дома, застрелил вооруженного грабителя. Но, по правде говоря, действительно бывают ситуации, когда не можешь или не успеваешь воспользоваться оружием. По-хорошему, нужно владеть и приемами рукопашного боя. Я много раз говорил об этом Эли, но она... О, да-да! Несколько лет назад я даже записывалась на курсы самообороны, но мне не понравился тренер, и я бросила. А вы не могли бы, Ник - могу я называть вас "Ник"? - поучить меня еще и этому? Конечно, если у вас будет время... хотя, наверное, я слишком много прошу, забудьте... В самом деле, Николас, - это уже подключалась Элайза, не давая ему времени возразить, - по-моему, это отличная идея. Клэр станет для тебя идеальной жертвой, ха-ха. Пытай ее на своем татами вместо меня. Ну, раз уж вы обе просите...

Yessss! - в глазах Клэр, устремленных на Кейджа, и тут же мгновенный жалостливый взгляд искоса на Элайзу: какая же ты дура. Yessss! - в глазах Элайзы, но столь мимолетно, что Клэр не могла это заметить. Пока что ничего особенного в глазах Николаса. Для него это всего лишь поручение, которое он согласился выполнить. Но то, что он согласился тратить на Клэр

свое время, уже показательно. А дальше...

А дальше все по накатанной схеме. Учитель и ученица. Занятия, подразумевающие постоянный физический контакт. Дома - холодная эгоистка жена, равнодушная к увлечениям мужа, не пытающаяся даже делать вид, что ей интересно то же, что и ему (Элайза в эти недели старалась держаться особенно сухо, для чего, впрочем, ей не требовалось больших усилий) - и рядом бескорыстная всепонимающая утешительница, готовая смотреть ему в рот... Еще и существенно моложе, кстати. Хотя, по мнению Элайзы, и не красивее, чем та сейчас, и уж тем паче - чем Элайза в том же возрасте. Но все-таки женское тело к сорока годам уже не то, что в тридцать. И кожа, и то, что под ней. Клэр, кстати, как-то спросила ее, каков Ник в постели. Элайза пожала плечами: "Не знаю, мы этим давно не занимались. Да и вообще, честно говоря, мне это не особо интересно." Клэр перевела разговор на другую тему, но ей, очевидно, это *было* интересно. Очень даже было.

Вскоре Элайза забросила фитнес. Сам по себе он был ей не нужен, она по-прежнему ненавидела эти чертовы тренажеры. А чем реже Клэр будет с ней видеться, тем, глядишь, с большей легкостью будет двигаться к своей цели. То есть, на самом деле, к их общей цели. Хотя вообще-то Элайза не думала, что Клэр испытывает хоть какие-то угрызения совести. Кто там сказал, что в любви и на войне нет никаких правил? Николас бы возмутился, а вот такие, как Клэр, подпишутся под этим всеми конечностями.

Иногда Элайза думала, что все можно было устроить проще. Просто взять и объявить Клэр: "Нравится Ник? Забирай. Только не говори ему, что я сама его отдала, дабы не ущемить его мужское самолюбие." Но... кто поручится, что она и в самом деле не расскажет во время какой-нибудь ссоры? То, что легко досталось, не ценится. А Элайзе все же хотелось, чтобы Николаса ценили. Она не любила его, но по-прежнему уважала.

Однажды вечером она сидела дома одна, целиком поглощенная очередным рисунком (никакого чертова Хаммера - фантастический мир, населенный необыкновенными существами, среди которых не было ни одного человека). Внезапно любезную ей тишину (ну, почти тишину - она уже привыкла не обращать внимания на машины за окном) нарушил трезвон стационарного телефона. Элайза решила, что звонят из издательства (очередную серию про Хаммера пора было все же заканчивать, а она никак не могла заставить себя снова к нему вернуться), и нехотя взяла трубку вместо того, чтобы просто проигнорировать звонок, как делала нередко (в конце концов, для чего люди придумали автоответчики, SMS и электронную почту?)

- Привет, - сказал женский голос в трубке, но не тот, который она ожидала услышать. - Это Элайза? Могу я поговорить с Николасом?

- Его нет дома. А что вы хотели?

- Это Рэйчел. Не узнала? Стрелковый клуб. Впрочем, ты давно у нас не была...

- Да... мне сейчас как-то не до этого.

- А Николас? У нас сегодня соревнование. Осенний Кубок. А его нет.

"А я думала, он как раз к вам и поехал!" - чуть не вырвалось у Элайзы, но она прикусила язык.

- Позвони ему на мобильный, - сказала она вместо этого.

- Не берет трубку. Голосовая почта. У него все в порядке? Раньше он никогда не пропускал...

- В полном, - ответила Элайза и тут же почувствовала укол тревоги: а что, если с ним и в самом деле что-то случилось с утра, пока он был на службе? Нет, в этом случае ее бы уже известили...

- А ты как? - продолжала допытываться Рэйчел. - Все хорошо?

- Да, - ответила Элайза уже не без раздражения. - Послушай, Рэйчел, я тут немного занята.

- Конечно, - ответила та, но трубку не повесила, а после короткой паузы сказала: - Знаешь, Элайза, возможно, это не мое дело, но - ты знаешь Клэр?

Вот оно что, усмехнулась Элайза про себя.

- Это моя подруга. Николас учит ее стрельбе и рукопашному бою. Я сама его об этом попросила. А что?

- Ничего... я только это и хотела уточнить. Просто, ну ты знаешь, несколько странно, что он ездил сюда с ней, но без тебя. Впрочем... в последнее время он вообще у нас не появляется. Ни с ней, ни без нее.

Понятно, удовлетворенно подумала Элайза. Отношения дошли до стадии, когда их уже не выставляют напоказ. Во всяком случае - напоказ общим знакомым. И благовидный предлог в виде тренировок, похоже, уже не требуется.

- Если это все, что ты хотела сказать, я, пожалуй, вернусь к работе, - холодно произнесла она в трубку.

- Конечно. Хорошего вечера.

- И тебе.

Элайза вновь погрузилась в свой любимый фантастический мир, и работа так увлекла ее, что она, как это часто с ней бывало, перестала обращать внимание на время. Если бы Ник вернулся, она занялась бы приготовлением ужина, но его не было, и ее ничто не отвлекало; сама она, увлекшись творчеством, обычно и думать забывала о еде. Наконец она закончила рисунок и некоторое время, откинувшись в кресле, удовлетворенно любовалась им - каждой прорисованной деталью мира двух солнц, где в воздухе парят существа с сетчатыми крыльями, похожие на гибрид драконов и стрекоз, на ажурно-тонких деревьях растут полупрозрачные шары со светящимися внутри прожилками, волны молочно-белого моря облизывают черные развалины древнего города исчезнувшей цивилизации, и на голове полузатопленной статуи сидит стройный гуманоид, обнаженный, но бесполый, с огромными глазами и перепончатыми конечностями, обхватив руками чешуйчатые колени и задумчиво глядя вдаль... Никаких крутых копов, бандитов, притонов, наркоманов и проституток. Ей пришло в голову, что развалины, которые она изобразила - это и есть Нью Ланкастер, с которым она намерена покончить навсегда. Хотя, конечно, весь антураж ее рисунка явно не относился к Земле. Но если трактовать метафорически...

Взгляд Элайзы упал на часы. Надо же, уже заполночь. Николас никогда не задерживался так поздно, не позвонив и не предупредив. В том числе и с тех пор, как он заделался "инструктором" Клэр. Впрочем, все когда-то бывает в первый раз.

Она встала, пошла на кухню, поставила чайник. Готовить что-либо серьезное не хотелось, так что она взболтала в стеклянной миске блинно-вафельную смесь и залила в вафельницу. Пока вафли пеклись, все же набрала номер мужа. "Привет, вы позвонили Николасу Кейджу..." Ну да, ну да. Он отключил свой мобильник не только для Рэйчел.

Элайза достала из шкафа бутылку с сиропом, вытащила горячие вафли на тарелку и уселась пить чай. После первой чашки, не удержавшись, позвонила Клэр. То же самое - голосовая почта. Ну резвитесь, голубки, не буду больше вас отвлекать...

Неторопливо допив чай, она снова посмотрела на часы. Без четверти час. Само собой, любые стрельбища и спортзалы давным-давно закрыты, и благопристойные рестораны уже тоже. Возможно, они отрываются в каком-нибудь баре или ночном клубе, хотя это непохоже на Николаса - во всяком случае, ее он в такие места не водил, да она бы и сама не пошла. Хотя, возможно, в этом и дело - она бы не пошла, а Клэр пошла, быть может - сама зазвала его туда. Но скорее всего они просто поехали к ней домой.

Внезапно Элайза поняла, что это вызывает у нее раздражение. Совершенно, разумеется, нелогичное - она должна радоваться и торжествовать, что ее психологический расчет сработал, и ее план увенчался успехом. Что может быть глупее, чем возмущаться изменой мужа, которую

ты так старательно подстраивала сама? Она же не какая-нибудь ведьма из сказки, которая ставит герою условия не для того, чтобы он их исполнил, а для того, чтобы он устоял перед искушением! Нет, безусловно нет. Она действительно хочет, чтобы Кейдж подал на развод - хочет этого так же сильно, как и в тот день, когда ей впервые пришел в голову этот план. И все же... если бы ей было с кем заключать пари, она бы поспорила, что финальное объяснение состоится *до*, а не *после*, так сказать, консуммации. Что Николас придет к ней с виноватым видом и скажет о своих чувствах к Клэр, и что эти чувства взаимны, но что между ними ничего еще не было, ибо он знает, что такое Долг и Честь, и достаточно одного слова Элайзы - и он больше никогда не станет видеться с Клэр. И тогда Элайза великодушно объявит, что не хочет мешать его счастью, не держит зла ни на него, ни на Клэр и надеется, что та станет ему лучшей женой, чем была она. Мы же цивилизованные люди, не так ли?

Ну что ж - хорошо, что ей было не с кем заключать пари, которое она бы проиграла. Железные принципы Николаса Кейджа, как выяснилось, вполне поддаются коррозии. В конце концов, это уже неважно. Важен результат.

Впрочем... а что, если дело вовсе не в том, что Николас и Клэр в эту минуту практикуют "приемы самообороны" в постели? Если они, допустим, разбились в аварии где-то на вечерней дороге? Машину Клэр, кстати, купила - Ник помог ей и с этим, сказал, что попросил оценить покупку знакомого автомеханика, которого несколько лет назад спас от тюрьмы, когда тот спутался с угонщиками - но кто знает, вдруг там все же в критический момент вылезла какая-нибудь проблема с тормозами... да и вообще, насколько Клэр хороший водитель, если предположить, что за рулем была она... Или даже разбились не они, а он один, а Клэр не берет трубку просто потому, что уже спит. Но, опять-таки, у Николаса с собой все документы, жене бы уже сообщили, это же Чикаго, а не какая-нибудь глухомань, где машина может свалиться с обрыва и валяться неделю, никем не замеченная. Хотя - а что если они поехали за город?

Но разве это не решает проблему, сказал ехидный внутренний голос. Ты хотела избавиться от него, так или иначе. А так даже лучше, чем развод.

Нет, конечно же нет! - тут же возмутилась Элайза. Я вовсе не хочу ему зла. Пусть он будет счастлив... вместе с Клэр... только где-нибудь подальше от меня.

И кстати, подумалось ей, аварии не обязательно кончаются смертью. Бывают травмы, требующие длительного и чертовски дорогого лечения, которое может не покрываться даже его полицейской страховкой. Или пожизненно оставляющие человека прикованным к постели. Будучи женой полицейского, она всегда знала о подобном риске, но настолько свыклась с ним, что давно перестала об этом задумываться. Но вот теперь, когда она готова уже была пуститься в вольное плавание, эта угроза вновь перестала казаться ей теоретической. Конечно, юридически ничто не помешает ей развестись, даже если он будет на больничной койке. Но как это будет выглядеть? А значит, она останется прикованной к ним обоим - Кейджу и Хаммеру, ибо надо будет оплачивать медицинские счета. Как раз тогда, когда она уже почувствовала вкус свободы... Нет, только не это!

Элайза снова набрала номер. Ну ответь же, сукин ты сын, чем бы ты там ни занимался...

"Привет, вы позвонили Николасу Кейджу..."

- Николас, где ты? Перезвони мне. Я же беспокоюсь!

Затем она отправила SMS с тем же текстом и несколько минут ждала в надежде, что Кейдж не берет трубку, но хотя бы проверяет, кто ему звонит и пишет. Неужели муж, изменяющий своей жене - даже если это происходит впервые в его жизни - не может отправить ей хотя бы текстом какое-нибудь утешительное вранье, из которого, однако, станет ясно, что он жив и здоров? Однако никакой реакции так и не последовало.

Элайза сходила в душ, снова проверила телефон (ничего), потом пошла в спальню. По ее меркам, было еще слишком рано (еще не было трех), спать не хотелось, возвращаться к работе тоже. Некоторое время она бездумно щелкала пультом от телевизора. Потом все-таки легла и

попыталась заснуть.

Пыталась она долго и безуспешно. Кажется, мешало ей еще и то, что она боялась увидеть во сне воплощение всех своих страхов. Наконец она вроде бы начала уже отключаться, как вдруг под окном завыла сирена. Элайза испуганно распахнула глаза и увидела сине-красные блики, метавшиеся по потолку сквозь приоткрытые жалюзи. На миг у нее возникла иррациональная уверенности, что едут сюда, что сейчас раздастся длинный требовательный звонок в дверь... но она тут же сообразила, что это глупость, что даже если бы коллеги Николаса явились среди ночи, чтобы сообщить о случившемся с ним несчастье, они не стали бы ради этого включать сирену с мигалкой. И действительно, звук быстро удалился дальше по улице, и снова настала тишина.

А затем в этой тишине в замке повернулся ключ.

Элайза почувствовала сперва безмерное облегчение, а потом безмерную злость. Она уже словно забыла, что все это - реализация ее же плана. Ну погоди у меня, "надежный, честный и верный", я тебе устрою...

Она услышала крадущиеся шаги. Николас явно надеялся, что она уже спит и ему удастся прошмыгнуть незамеченным, но она не доставила ему такого удовольствия - резко села на кровати и зажгла лампу.

Человек, застывший на пороге, когда вспыхнул свет, имел настолько непривычное выражение лица, что на один безумный миг ей показалось, будто это незнакомец, забравшийся в дом вор, и ее рука даже дернулась к тумбочке за пистолетом - но тут же она поняла, что это все-таки Кейдж. "Верно говорят - как нашкодивший кот", - подумала она с отвращением, глядя на его растерянную физиономию.

Впрочем, она сдержала готовую вырваться гневную реплику, напомнив себе, что ее цель вовсе не в том, чтобы устроить скандал. Напротив - она собирается благородно отпустить его, ведь так? Все идет именно так, как она запланировала. Ну, может быть, чуть лучше.

- Элайза, - хрипло произнес он (это означало тему особой важности - обычно он называл ее просто Эли), - нам... надо поговорить.

- Не сомневаюсь, - холодно ответила она (все же не следует переигрывать ни в одну, ни в другую сторону).

- Я... должен кое в чем признаться тебе. Кое в чем ужасном.

Ну еще бы.

- Это касается Клэр.

Кого же еще.

- Точнее... ее, меня и тебя. Ты знаешь, что я никогда... с тех пор, как мы поженились... никогда не заглядывался на других женщин. И... когда ты познакомила меня с Клэр, у меня и в мыслях не было... тем более, ты сама привела ее к нам домой... хотя это, конечно, не оправдание, но...

Она снисходительно слушала, как он, запинаясь в совершенно нехарактерной для него манере, рассказывает ей все, что она прекрасно знала или могла реконструировать сама. Как Клэр старалась усвоить его уроки - у нее не очень хорошо получалось, но она была очень усердна (ну еще бы, подумала Элайза, ведь иначе благовидный предлог для тесного общения сошел бы на нет слишком быстро!), какой интерес у нее возник к теме оружия (да-да, преданно смотреть в рот и хлопать ресницами!), как отношения учителя и ученицы перерождались в нечто большее, и он сам этого не замечал, пока не понял, что и он...

- Мы еще несколько раз ходили в один частный зал и на другое стрельбище, потому что мне казалось, что в стрелковом клубе кое-кто уже бросает на нас слишком уж понимающие взгляды. Потом я понял, что должен это прекратить. Сказал ей, что не могу ее больше тренировать. Сказал, что нет времени... мне не хотелось откровенных объяснений и сцен... но она пригласила меня в ресторан, якобы в знак благодарности. Я понимал, что там будет

объяснение... но я пошел. Пошел только для того, чтобы сказать ей, что между нами ничего не может быть! Я женатый человек, а она твоя подруга, это вдвойне бесчестно... Но там, в ресторане... сегодня, то есть уже вчера... она не говорила ни о чем таком. Мы обсуждали всякие околооружейные темы... политику... она говорила, как ее возмущают противники Второй поправки, что ее бывший муж был из таких, был активистом в кампании Обамы - в обеих кампаниях - и как она рада, что они расстались... но потом опять перешла на отвлеченные темы... я даже подумал, что, возможно, все себе нафантазировал... то есть, в смысле, с ее стороны...

Ну почему мужчины такие идиоты, подумала Элайза.

- Она сказала, что я должен отвезти ее домой, потому что она пила и не может садиться за руль, - продолжал Николас. - Надо было вызвать ей такси, но я... И вот, когда мы подъехали к ее дому, она... Я начал говорить ей, что это невозможно, что у нас нет на это права, что я не могу любить человека, толкающего меня на подлость, но она... как в пошлых романах, закрыла мне рот поцелуем. И... я не смог не ответить... это было сильнее меня! Это было, как наваждение... я потерял контроль, как семнадцатилетний мальчишка...

Ну да, ну да, подумала Элайза. В конечном счете, управлять тобой оказалось не сильно сложнее, чем Хаммером на бумаге. Она вздохнула и открыла рот, чтобы произнести свою великодушную речь. "Я давно догадывалась об этом, Николас, и я не хочу стоять между тобой и твоим счастьем..."

- Подожди, - он предостерегающе поднял руку, - дай мне закончить... Я понимаю, что ты обо мне думаешь! Но я не забывал о тебе ни на минуту! О тебе и моем долге перед тобой! Она... она просто не оставила мне выбора, ты понимаешь?!

- Прекрасно понимаю, - не удержалась от едкой реплики Элайза.

- Я должен был решить эту проблему. И я ее решил. Единственным остававшимся способом. Не волнуйся, Эли. Никто больше не разлучит нас. И ничего не докажет. Ее тело никогда не найдут.

2018

Самая долгая ночь в году

Самая долгая ночь в году – это отнюдь не ночь зимнего солнцестояния с 21 на 22 декабря. Это ночь с 31 декабря на 1 января – единственная в году ночь, которая для абсолютного большинства не сливается в размытое мгновение сонного небытия, а растягивается на много часов, заполненных разнообразными событиями – чаще, конечно, незначительными и не оставляющими после себя ничего, кроме похмельной головной боли и остатков заливной рыбы в холодильнике на следующий день, но иногда – иногда эти события способны перевернуть всю дальнейшую жизнь. Даже самый пустяковый эпизод, который в иной день не имел бы никакого продолжения, в эту ночь может обрести некий символический смысл и стать поворотной точкой – к добру или к худу? кто знает! жаждущие уйти от рутины будней в новогоднюю сказку обычно забывают, что не все сказки хорошо кончаются. Конечно, сама по себе эта ночь ничем не отличается от других, да и вообще, далеко не все человечество празднует смену лет по григорианскому календарю; но, в конце концов, для человека реально существует только то, во что он верит.

Так думал Андрей Сулакшин, покачиваясь вечером 31 декабря в вагоне электрички, уносившей его все дальше и дальше от города, от сияния его реклам и иллюминаций, от бесконечной вереницы машин, все еще куда-то спешащих за несколько часов до праздника, от обмотанных гирляндами елок на площадях и сомнительных молодежных компаний, палящих в небо из ракетниц, от очередных "Главных песен о старом", "Иронии судьбы" и новогоднего обращения Президента. Ритмично постукивая на стыках, поезд мчал своих пассажиров вперед, в морозную тьму, мимо белевших во мраке полей, мимо заснеженных лесов, подступавших к самой насыпи, мимо синеглазых семафоров и сиротливых огней далеких поселков. Народу в вагоне было немного, хотя и больше, чем обычно в это время суток; в основном это были спешившие домой провинциалы, которых покупки или иные дела задержали в последний день в городе. Андрей, однако, был не из их числа. Пожалуй, он и сам не мог бы точно сказать, что заставило его принять приглашение Валерки присоединиться к их компании и встретить Новый год "вдали от цивилизации", в домике посреди зимнего леса, где даже елка располагалась не внутри, а снаружи; в то время Андрей планировал провести праздничную ночь в более узком обществе. Но... за минувшие три недели обстоятельства изменились таким образом, что теперь это общество было бы слишком узким, сократившись до самого Андрея и его мамы. Так что, в каком-то смысле все к лучшему. Вместо того, чтобы сидеть дома, предаваясь элегической грусти, он будет веселиться в теплой компании – и, как знать, не заведет ли он уже сегодня новое знакомство? Новогодняя ночь, от которой столь многие ожидают чудес и перемен, хороший для этого повод...

Поезд замедлил ход.

– Фывавовшкое, – объявил машинист по неисправной, как обычно, связи. Андрей встрепенулся, бросил взгляд на проплывавшее мимо окна название станции и поспешно вышел в тамбур. Двери с шипением отворились, впуская холодный воздух и редкие снежинки.

Лесной домик не был таким уж диким и оторванным от цивилизации местом – он находился всего в паре километров от шоссе и менее чем в пяти – от дачного поселка под названием Силикаты (Россия, наверное, единственная страна, где можно встретить топонимы типа "3-я Газгольдерная улица"). В доме была электропроводка и телевизионная антенна на крыше (правда, самого телевизора не было, равно как и радио, и это обстоятельство гордо подчеркивалось инициаторами затеи), и до него можно было доехать на машине. Тем не менее, от станции надо было добираться больше десяти километров – если по шоссе мимо Силикатов и дальше по проселку – или же около шести, если напрямик по тропинке через лес.

Андрей окинул взглядом заснеженную платформу, надеясь, что кто-нибудь из участников вечеринки, приехавших на собственных машинах, может встречать прибывающих

на электричке – однако платформа была пуста. Лишь несколько цепочек следов вело от ее края к обледенелой лестнице. Станция не относилась к числу крупных и оживленных, даже по загородным меркам; здесь и летом останавливался далеко не каждый поезд. Насколько помнил Андрей из расписания, в этом году здесь должна была остановиться еще лишь одна электричка; следующий поезд пойдет уже утром.

Поезд закрыл двери и тронулся. Сулакшин вновь оглянулся по сторонам, проверяя, не приехал ли кто одновременно с ним, но он по-прежнему стоял на платформе в одиночестве. "Что ж, – подумал он, – надеюсь, в новогоднюю ночь в лесу не рыщут маньяки". Осторожно спустившись по скользкой лестнице, он зашагал в сторону леса.

Погода была вполне подходящей для прогулки – градуса три ниже нуля, не слякотно, но и не слишком холодно (ночью, впрочем, обещали похолодание). Тем не менее, идти в темноте и одиночестве по лесной тропинке было не особенно приятно. Справа от тропинки была проложена лыжня; Андрей вспомнил, что дома у него мелькала мысль взять с собой лыжи, однако тогда ему не захотелось тащиться с ними по городу. Пожалуй, лучше бы он тогда преодолел свою лень, зато сейчас быстрее добрался бы до цели. Теперь же оставалось лишь утешать себя картинами тепла и уюта, которые ждут его минут через пятьдесят.

Наконец он добрался до развилки и свернул налево; в скором времени впереди между деревьями показался свет. Домик с укутанной снегом крышей посреди лесной поляны выглядел бы совсем как иллюстрация к новогодней сказке, если бы не две "Нивы", стоявшие недалеко от входа. Летом сюда можно было доехать на чем угодно, но зимой лишь хозяева этих танков чувствовали себя достаточно уверенно для такого путешествия. Андрей окинул взглядом росшую перед домом елку, на которой висело несколько стеклянных шаров; подойдя ближе, он увидел, что они для верности приклеены прозрачной липкой лентой. Когда часы начнут бить двенадцать, все выбегут сюда с шампанским, будут чокаться друг с другом, выкрикивать тосты, бегать вокруг елки и жечь бенгальские огни.

Андрей подошел к двери и потянул ручку на себя. Внутри звякнул колокольчик. В следующий миг на улицу хлынули свет, тепло и шумные возгласы; на пороге стоял Костик, оказавшийся, должно быть, ближе всех к двери.

– О, Андрюха, хаюшки! Все уже в сборе. Ребята, это Андрей и... – тут он заметил, что что-то не так. – А где Лиза?

– Не знаю. И не особо стремлюсь узнать.

– Угум-с. Понятно. Ну, как говорится, милые бранятся...

– Костик, я полагаю, Лиза – это уже пройденный этап. И покончим с этим.

– Ага. Ну ничо, Андрюха, на наш век женского поголовья в России хватит, – Костик заговорщицки подмигнул, отступая, наконец, назад и впуская Сулакшина. – Шмотки кидай сюда, вешалка все равно нас всех не выдержит, – он указал на куртки, сваленные в угол. Вешалка была оккупирована тремя женскими шубами. В другом углу стояло две пары лыж – как видно, соответствующая мысль посещала не одного Андрея.

Андрей прошел в комнату, где вокруг накрытого скатертью, но еще не сервированного стола уже кучковались человек десять. Его приветствовали; те, что ближе, тянули руки, остальные, чтобы не протискиваться, ограничивались салютующими жестами. Должно быть, Костик успел разыграть некую пантомиму за его спиной, потому что вопросов про Лизу больше не задавали. Андрей не без интереса окинул взглядом присутствовавших девушек, но новых лиц среди них не оказалось.

Возможно, ситуация с Лизой была и не столь однозначна, как он описал Костику. Однако Андрей уже усвоил по собственному опыту, что, если в отношениях возникла трещина, пытаться склеить их заново бесполезно. Все равно так, как раньше, уже не будет. Значит, надо побыстрее смести осколки в совок и отправляться на поиски новой вазы.

"Ну и логика у вас, озабоченных", – словно услышал он мысленно голос Юрия. "Бег по

граблям как основной вид спорта. Только получил по лбу – сразу вопит: я еще хочу!" Юрий был убежденным противником всего, что относится к любви и сексу. Андрей не мог не признать, что его рассуждения весьма логичны; "но я не могу быть таким роботом, как ты", – добавлял он при этом. "Можешь, – отвечал Юрий, – просто не хочешь". "Не хочу", – соглашался Андрей. "Ну тогда мучайся!" – презрительно фыркал его оппонент. Здесь Юрия, разумеется, не было. Он не любил тусовок, а Новый год именовал "глупейшей манерой праздновать тот факт, что жить осталось на год меньше". Сидит, небось, уткнувшись в свой компьютер, и проработает всю ночь. Робот – он и есть робот.

Андрей нерешительно потоптался, ища, к какой бы группе присоединиться. Шура и Саня (их называли так, чтобы различать) увлеченно обсуждали "поддержку ЭсКуЭля в Дельфях", попутно поминая недобрым словом "мастдайных мелкомягких" с их "саксовым АПИ". Для Андрея, чьи познания в программировании простирались не многим дальше печати "Hello world!", все это было китайской грамотой. Ромыч и Ленка, похоже, больше интересовались друг другом, чем окружающими. Плотный и краснощекий Иркутов пересказывал вежливо внимавшим Ксюхе, Вовчику и примкнувшему к ним Николаю сюжет какого-то ужастика, который в его изложении больше смахивал на посредственную комедию. Иркутова все всегда звали по фамилии – его имя было каким-то замшело-заковыристым, не то Евстигней, не то Евлампий, короче, жуть; он и сам не любил свое имя и всегда представлялся просто Иркутовым. Валера Золотарев, хозяин дома (Андрей так и не понял, действительно ли он имеет на лесной домик какие-то права, или просто занял пустующее помещение явочным порядком), перебирал струны гитары, уклоняясь во что-то гребенщиковское, но в этот момент Дина, как всегда, накрашенная сверх меры, попросила его: "Валер, сбацай "Пора по пиву"!"

– Ну, если дама просит, – Золотарев без особой охоты передвинул гитару на коленке, занимая более боевую позицию.

– И не только дама, – поддержал Костик.

– Гхе-гхе, – прокашлялся Валера. – "Иваси". "Пора по пиву". Исполняется в шесть тысяч восемьсот девяносто второй раз.

Если климат тяжел
И враждебен астрал,
Если поезд ушел
И все рельсы забрал...

Андрей тоже неплохо относился к "Ивасям" – да и к пиву, в общем-то, тоже – но предпочел бы услышать что-нибудь менее заезженное. Тем не менее, именно эта песня пользовалась в компании неослабевающей популярностью.

Пора по пиву, пора!
Пора по пиву, пора!

– радостно подхватили припев молодые голоса. Дружный рявк, должно быть, был слышен даже в Силикатах. Даже Саня и Шура прервали свою высокоинтеллектуальную дискуссию ради общего дела.

Когда припев отгромыхал в последний раз, на пороге комнаты появилась Света, жена Золотарева. Они поженились в уходящем году – банальнейшая история, аспирант и дипломница. Беременность Светы была уже заметна, хотя пока и не бросалась в глаза, тем паче под фартуком. В руках она держала большое блюдо с нарезанной тонкими ломтиками копченой колбасой.

– Мальчики, помогите кто-нибудь ножи поточить, – сказала она, ставя блюдо на стол. – И принесите вино из машины, пора уже.

Андрей, стоявший ближе всех, двинулся за ней на кухню (по правде сказать, его вела еще и мысль, что Света на кухне не одна). За спиной звякнул колокольчик и хлопнула дверь – кто-то пошел за вином. Кухня оказалась совсем маленькой – было даже непонятно, каким образом,

помимо раковины, плиты, газового баллона и небольшого круглого стола здесь помещаются еще три женщины. Андрей знал еще одну, помимо Светы; точнее, не то чтобы знал, но видел однажды – это была Марго, новая подруга Сани. Третья же девушка, резавшая овощи для салата, была ему незнакома. У нее были пушистые светлые волосы – такие воздушные, что походили на облако. Наверняка она не прятала их под шапку, а ограничивалась шерстяными наушниками. Аналогию с облаком усиливало засилье небесно-голубого цвета в ее облике: у нее были голубые глаза, голубая блузка и сережки с голубыми камешками.

– Андрей, – представился Сулакшин, стараясь не пялиться на нее слишком нагло.

– Катя. Вот вам фронт работы, – она подвинула ему два ножа и точилку.

Вжик-вжик, вжик-вжик. Точить ножи – дело нехитрое. На плите булькали кастрюли, а из духовки шел обалденный запах пирога. Марго и Света по очереди сновали туда-сюда, относя в комнату уже готовые закуски, а Андрей все думал, как бы потактичней выяснить у Кати, с кем она здесь. Андрею, может, и не хватало силы воли на то, чтобы задавить в себе чувства, как Юрий, но заповедь "Не тронь чужое" он уважал. Во всяком случае, когда речь шла о его приятелях.

– Я вас раньше не видел, – сказал он.

"Тонкое наблюдение, – ехидничал двойник Юрия в его мозгу, – учитывая, что вы только что представились друг другу."

– Меня Марго пригласила, – ответила Катя. – Мы с ней вместе на вечернем учимся.

В очередной раз вошла Света, боком протиснувшись между Сулакшиным и стенкой.

– Андрей, поточил? Спасибо. На вот отнеси в комнату, а то тут не протолкнуться, – она вручила ему вазу с яблоками и мандаринами. Андрей понял, что продолжение беседы откладывается.

Щелк – звяк – у-у, у-у, у-у... Кукушка в часах на стене комнаты одиннадцатикратно исполнила свой долг. Стол был уже почти накрыт; для первого этапа не хватало лишь традиционной миски с салатом, но вот, наконец, показалась и она, торжественно несомая Светой. Компания принялась рассаживаться. Андрей почти не сомневался, что они с Катей сядут рядом, но та села рядом с Марго, и тут же с другой стороны приземлился Шура. Еще одна банальнейшая схема – два приятеля, две подруги... Андрею пришлось довольствоваться местом даже не напротив, а наискосок. "Ну да ничего, – подумал он, – битва только начинается, мы еще поборемся".

"Только на это вы и способны, – не замедлил констатировать виртуальный Юрий. – Самцы, дерущиеся за самку. Чем вы от животных-то отличаетесь?"

"Отстань", – ответил Андрей.

"Это все твои аргументы? Что и требовалось доказать."

Компания и впрямь предалась животным инстинктам. Полтора десятка молодых и здоровых людей, почти половине из которых пришлось к тому же совершить довольно длинную прогулку по морозу, могли, наконец, больше не сдерживаться и набросились на еду. Стучали о тарелки ножи и вилки, сосредоточенно работали челюсти, миски и банки мелели на глазах. Постепенно, однако, интенсивность пожирания снижалась; голод отступал, а впереди ждали еще курица, жаркое и пирог (Света и Марго пару раз выходили на кухню проведать, как они там). Челюсти по-прежнему работали, но теперь больше в процессе разговора, нежели еды; уже было выпито несколько тостов, начиная с "За нас с вами и за хрен с ними" и заканчивая "Ну, чтоб не последняя!"; наступил черед застольных баек и анекдотов. Андрей слушал рассеянно; что-то было не так. Ему как-то не удавалось влиться в общее веселье. Вероятно, виной тому было то обстоятельство, что Шура, совсем, кажется позабыв о мастдайных мелкомягких, уже оживленно болтал с Катей, почти не отвлекаясь даже на то, чтобы посмеяться над очередным анекдотом, включая и рассказанные Сулакшиным. Но было и еще что-то, заставлявшее Андрея чувствовать себя не в своей тарелке... пожалуй даже, это был некий физиологический

дискомфорт. Съел что-то не то? Пожалуй, нет... скорее, здесь просто душно. Надо открыть окно. В начале вечеринки комнату проветривали, но с тех пор прошло уже достаточно времени. Стрелки часов близились к полуночи.

Словно в ответ на его мысль о свежем воздухе, Золотарев выудил из кармана пачку сигарет и щегольскую зажигалку. Этот жест послужил сигналом остальным курильщикам, коих в компании было большинство.

– Так, начинается химическая атака, – констатировал Андрей. – Я пошел в укрытие, – перебираясь через колени сидевших справа, он стал пробираться в сторону окна.

– Угу, Андрюх, открой окошко, а то мы тут задохнемся, – сказал Костик, вставляя в рот сигарету. Юрий бы не преминул высказаться насчет "умилительной логики этих двуногих без перьев".

Андрей взялся за шпингалет. Он видел отражение комнаты в стекле, видел, что Катя, похоже, тоже оказалась из племени некурящих и чуть отодвинулась в сторону двери, видел, как Дина тянется с сигаретой через стол к зажигалке, которую ей галантно протягивает Иркутов... и в тот момент, когда палец Иркутова двинулся вниз, поворачивая колесико, Андрей понял, что именно было не так в окружающем воздухе. В комнате пахло хвоей (хотя елка находилась во дворе, девушки украсили дом еловыми ветками изнутри), духами, свежеочищенными мандаринами и другой снедью... и сквозь все эти запахи пробивался еще один.

Запах газа.

Андрей успел сделать пол-оборота и открыть рот, чтобы крикнуть, что нельзя зажигать огонь, кажется, он даже успел выкрикнуть какой-то звук... но в этот момент колесико зажигалки высекло искру.

Удар, полет, боль, темнота.

Сначала вернулась боль. Потом – холод.

Особенно холодно было лицу и рукам. Холодно и мокро. Андрей провел языком по немеющим губам и ощутил вкус пресной воды, затем – вкус крови.

Он понял, что лежит в снегу. Где-то позади слышался треск пламени.

Андрей попытался встать. Безуспешно. Так иногда бывает во сне, когда нужно бежать, а тело тебе не повинуется. Только теперь это был не сон.

Он вновь попытался подняться, упираясь руками в снег. На этот раз ему удалось приподнять голову. Снег под его лицом был красным от всполохов пожара... нет, от всполохов он был рыжим, а красным он был от крови. Андрей осторожно ощупал лицо правой рукой. Кажется, глубокий порез на лбу и на правой щеке тоже... Ну еще бы, его вышвырнуло сквозь стекло. Но хуже было с левой щекой. Казалось, она вся состоит из боли. И это не порез, это ожог. Ему еще очень повезло, что он не обгорел весь – очевидно, падая, перекатился по снегу, и это сбило пламя. Удивительно, что уцелел глаз... оба глаза. Возможно, он моргнул в самый момент взрыва. Возможно. Тогда он мог этого не заметить. Теперь не замечать моргания было трудно – оно отдавалось болью, левое веко тоже было обожжено.

Но боль – это не самое страшное. Боль можно стерпеть. В это трудно поверить, но можно, люди терпят и не такое. Главное – он видит, слышит, чувствует, его руки работают – пальцы закоченели в снегу, но теперь кровообращение восстанавливается... ноги! Он понял, что не чувствует ног.

Он вообще не чувствовал нижнюю половину своего тела.

"Ушиб, это просто ушиб и последствия шока", – сказал он себе. "Сейчас это пройдет".

"Не говори глупостей, – ответил ему Юрий. Сейчас его голос звучал так отчетливо, словно он стоял рядом. – Хоть раз в жизни назови вещи своими именами. У тебя сломан позвоночник."

"С какой стати? – возмутился Андрей. – Я упал на мягкий снег!"

"Тебя вышвырнуло взрывом через закрытое окно. Твоим телом выбило прочную деревянную раму. Да и потом могло приложить каким-нибудь обломком."

Андрей застонал и, упираясь руками, повернулся набок. Теперь он мог видеть пылающий дом и разбросанные вокруг головешки. Его обожженная щека чутко откликнулась на идущее от огня тепло.

– Эй! – крикнул он и поразился, как слабо звучит его голос. – Есть кто живой?

Лишь жадный треск пламени был ему ответом.

"Никаких шансов, – сказал Юрий. – Ты находился в самом выигрышном положении – у окна. Тебя выбросило. Остальные просто сгорели внутри."

Сулакшин снова перевернулся на живот. Ребра с правой стороны незамедлительно отозвались болью, тупой, но сильной. Сломаны? Пожалуй, все-таки нет, иначе было бы еще хуже.

Надо доползти до входа. Если кто-то выжил, там есть следы. И потом, там машины. Если они, конечно, не уехали. Андрей не умел водить машину, а если бы даже и умел, как бы он это делал без ног? Но об этом он пока не думал. Надо ползти. Это не сложно. Напрягаем мышцы левой руки... вот та-ак... теперь правой... как больно, блин! пра-авой... ничего, к боли можно притерпеться... опять ле-евой...

Он дополз до угла и, едва завернув за него, понял, что надежды были тщетными. Обе "Нивы" горели. Судя по всему, догорали, так что бензобаки уже успели взорваться, и с этой стороны опасности не было. Очевидно, машины стояли слишком близко к выбитой взрывом двери – по крайней мере, одна из них, с которой огонь перекинулся на вторую.

"Ты бы все равно не смог вести, – утешил Юрий. – Даже завести бы не смог. Водители из города не оставляют ключ в зажигании, даже если приезжают в лес."

"По крайней мере я мог бы забраться внутрь и ждать помощи, а не лежать на снегу", – возразил Андрей.

"Бессмысленно рассуждать в сослагательном наклонении. Исходи из реальной ситуации."

В этот момент чуть в стороне от машин Андрей заметил лежащую в снегу фигуру. Значит, кому-то все-таки удалось выбраться! Вряд ли этого человека могло выбросить через дверь – они все тогда были в комнате, никто не находился в передней. Значит, он выбежал сам. И хотя он, несомненно, ранен, иначе не лежал бы на снегу, но, вероятно, все-таки жив.

Андрей, как мог быстро, пополз к лежавшему. С каждым движением вперед, однако, он все больше убеждался, что простертая в снегу фигура кажется черной вовсе не из-за особенностей освещения.

Когда он подполз вплотную, подозрения превратились в уверенность. Черные лоскуты сгоревшей кожи и одежды покрывали все тело. На фоне общего запаха гари, шедшего от пылающего дома, резко пахло горелым мясом, жженными волосами и какой-то химией – должно быть, синтетикой, входившей в состав костюма. Судя по комплекции, это была девушка; к тому же из снега в паре метров позади торчала туфля.

Андрей передвинулся правее, и его лицо оказалось рядом с головой трупа. На его несчастье, голова была повернута в его сторону, и он увидел то, что еще недавно было лицом, способным очаровать большинство мужчин. Оскал зубов в безгубом рту, дыра на месте носа, спекшиеся мутные шары глаз, вывалившиеся из орбит и свисающие на ниточках нервов. Круглую голову, странно выглядящую без волос, покрывала черная корка. Среди этой корки, на том месте, где когда-то было ухо, Андрей увидел вплавившуюся в кожу сережку с голубым камешком.

Катя.

Ее пышные, воздушные волосы сослужили ей плохую службу. Они вспыхнули, как тополиный пух. Хотя, конечно, дело не только в волосах. В тот момент, когда она выбежала, она

уже горела вся. Скорее даже следует винить ее одежду, оказавшуюся слишком легко воспламеняющейся.

Андрей уже начал отползать в сторону, и в этот момент его желудок принялся исторгать все, что было съедено и выпито. Андрей блевал, не в силах даже поднять голову достаточно высоко, и брызги летели ему в лицо, а кислый, отдающий вином запах бил в ноздри, вызывая новые позывы. Наконец последние, уже сухие спазмы перестали сотрясать измученное тело. Андрей с трудом отполз от оставленной им лужи и в изнеможении упал на снег.

"Долго ты намерен здесь прохлаждаться?" – осведомился Юрий.

"Пока меня не спасут", – обессиленно ответил Андрей.

"Тебя никто не спасет. Дом скоро догорит, и к утру не останется даже дыма, который можно заметить с шоссе. Вас хватятся не раньше завтрашнего вечера. Ночью обещали по области до минус двенадцати. К тому времени, как сюда кто-нибудь доберется, твой труп уже промерзнет настолько, что по нему можно будет стучать, как по дереву – если кому-то вдруг захочется сплюнуть через левое плечо."

"Что же делать?"

"Ты меня спрашиваешь? Ну вообще-то вариантов два: лежать и ждать смерти или ползти к людям."

"До станции шесть километров. И до Силикатов – почти пять."

"Ничего не могу с этим поделать."

Андрей обдумал ситуацию. В поселке у станции, конечно, есть медпункт, телефон и все такое, но до станции ему не доползти. До Силикатов – тоже не просто, но это, по крайней мере, ближе. К тому же всего через два километра он будет уже на шоссе, а там можно встретить машину. Конечно, ночью шансы не велики, но может же ему повезти хотя бы в этом. На самом деле два километра до шоссе по прямой, а он не может ползти по глубокому снегу, да еще без всяких ориентиров. Значит, нужно двигаться тем путем, каким приехали сюда "Нивы", и путь получится несколько длиннее. Но об этом лучше пока не думать. Главное – машины оставили следы на снегу, и он не собьется с дороги. Тропа, ведущая до проселка – самый сложный участок, на ней много снега, и хорошо, что ее предстоит преодолеть в первую очередь, пока у него еще достаточно сил. Достаточно ли? Не думать об этом! Надо ползти вперед. Ле-евой... пра-авой... ле-евой...

Преодолев пару десятков метров по следу протекторов, Андрей наткнулся на какой-то бесформенный предмет, торчавший из снега. Он поднес эту вещь к глазам; это оказалась кастрюля, наполовину вывернутая наизнанку – одна из ее ручек смотрела внутрь. Андрей оглянулся на горящий дом и теперь увидел его с третьей стороны – с той, где находилась кухня. Здесь не осталось стены и поднимавшейся над ней части крыши; тлеющие обломки были веером разбросаны в радиусе не меньше тридцати метров. Андрей надеялся, что среди этих разбросанных по снегу предметов нет ничего хуже обломков стены или мебели.

"Если даже и есть, что от этого меняется?" – хмыкнул циничный Юрий.

К тому времени, как Андрей преодолел поляну и углубился в лес, он впервые почувствовал, насколько здесь холодно. Гигантский костер уже не согревал его, и эффект первичного шока уже не действовал, а ведь его теплая куртка, шапка и перчатки остались в доме. Кисти рук нестерпимо ломило, снег забивался под пиджак (черт его дернул надеть пиджак, надо было просто взять свитер) и лез в лицо. В последнем обстоятельстве, правда, был и некоторый плюс – это избавило от мерзкого вкуса во рту после приступа рвоты и предохраняло хотя бы от жажды. И все же холод пронзал все его израненное тело. А ведь это только начало пути, и с течением ночи температура будет только падать... Он попытался ползти быстрее, чтобы хоть как-то согреться. Л-левой, п-равой, л-левой, п-равой...

Его запала, впрочем, хватило не слишком надолго. Он остановился, посмотрел вперед (чертова проселка все еще не было видно, хотя Андрей хорошо помнил, что от него до поляны

рукой подать) и бессильно уронил голову в снег. Отдышавшись, он пополз дальше в первоначальном темпе. Но чем дольше он полз, тем сильнее становился иррациональный страх, что он ползет не туда, хотя следы шин ясно указывали путь.

"Что, если они приехали каким-то кружным путем?" – подумал он.

"Вот делать им больше нечего! – усмехнулся Юрий. – Ползи давай."

"Но почему до сих пор нет проселка?"

"Потому что ползком на руках человек передвигается значительно медленней, чем пешком или тем паче на машине".

По мере того, как он полз, под его грудью скапливался снег, и Андрею приходилось периодически останавливаться, чтобы отгрести его в сторону. Его била крупная дрожь, зубы стучали. Холод, пронизывающий холод был едва ли не хуже, чем боль, к которой он уже начал привыкать.

Наконец под его бессильно опущенным лицом – он уже давно не смотрел вперед, мышцы шеи затекали, отдаваясь болью в затылке – вместо рыхлого снега оказался накатанный наст. Проселок! Сколько времени он сюда добирался? Когда он в первый раз взглянул на запястье, то не обнаружил там часов – должно быть, ремешок оборвался или расстегнулся. Субъективно ему казалось, что он ползет уже не один час – а ведь это был лишь самый короткий отрезок пути. Так или иначе, это первая победа, и он заслужил более продолжительный отдых. Андрей растянулся на ледяной дороге, словно на пуховой перине. Сейчас он немного полежит и поползет дальше... сейчас... немного...

"Не спать!!! – рявкнул Юрий ему прямо в ухо. – Нашел время и место!"

"Я... я не хотел", – испуганно оправдывался Андрей.

"Не ложись больше. В следующий раз отдыхай, опираясь на локти."

Андрей, наконец, выбрался на дорогу целиком, развернулся направо и пополз дальше. Ле-евой... пра-авой... Теперь стало легче. То ли несколько минут сна помогли, то ли открылось второе дыхание... да, прежде всего, гладкая ровная дорога пришла на смену засыпанной снегом тропе. И даже ноющая боль в закоченевших руках куда-то отступила... он их просто уже не чувствовал.

"Пальцы! – не замедлил отреагировать Юрий. – Разотри их снегом, пока не поздно!"

"Да ну, и так хорошо", – вяло подумал Андрей.

"Нет, вы только полюбуйтесь на этого идиота! Ты кровеносную систему в школе проходил? Ты понимаешь, что в данный момент твои руки умирают, и придется их тебе ампутировать?"

Андрей встряхнулся и пополз к обочине, чтобы зачерпнуть снега. Несколько раз провел одной ладонью по другой, растирая между ними рассыпчатый белый порошок... с тем же результатом он мог бы тереть друг о друга деревянные дощечки.

"Работай, работай пальцами, – наставлял Юрий, – сжимай-разжимай, сжимай-разжимай. Ты должен восстановить кровообращение."

Он попробовал. Пальцы не слушались. Это было дикое зрелище – он смотрел на свою руку и не мог сжать ее в кулак. Впрочем, если учесть то, что произошло с его ногами...

Нет, руки он так просто не отдаст! Он принялся тыкать рукой в дорогу, заставляя пальцы сгибаться. Сперва они шевелились бессильно, словно резиновые, затем... в них родилось легкое покалывание, и пальцы дрогнули в ответ на усилия его мышц. Он поспешно проделал то же самое с другой рукой и снова принялся яростно тереть руки снегом. Покалывание усилилось, превращаясь в жжение... затем он почувствовал, как в его пальцы горячей волной возвращается боль.

Возвращается жизнь. Жизнь – это боль.

На какой-то момент боль стала такой сильной, что он закусил губу и застонал. Но пальцы снова работали. Он растирал их еще какое-то время, потом осторожно согрел дыханием.

"Теперь разотри нос и уши", – велел Юрий. Это оказалось легче, хотя тоже болезненно.

Ле-евой... Пра-авой... Ле-евой... Пра-авой... Леее...вой... Праaа...вой... Лее...вой – передышка – праа...вой – передышка... Сколько он уже прополз? Сколько в пространстве и сколько во времени? Какая бесконечная ночь... Ночь смены лет. Ночь праздника и веселья. Люди пьют шампанское, дарят друг другу подарки и поздравляют "с новым счастьем". Им нет дела до того, кто, коченея и выбиваясь из последних сил, ползет с перебитой спиной через нескончаемый черный лес... ползет, словно полураздавленный таракан...

Андрей снова ощутил на губах теплую соленую влагу, но это уже была не кровь. По его щекам текли слезы.

Он вспомнил, как однажды в детстве поймал большую муху и оторвал ей все ноги, оставив крылья. Ему было любопытно, как она теперь будет летать. Отпущенная в воздухе, муха полетела с плавным снижением, а потом ударилась в стену и упала на пол. Оттуда взлететь она уже не смогла и лишь жужжала, медленно сдвигаясь вдоль пола.

Неужели случившееся с ним – воздаяние за какую-то муху? Да нет, бред!

"Разумеется, бред, – прокомментировал Юрий. – Типично человеческий инфантилизм – как проблемы, сразу удариться в мистику. Ты еще "Отче наш" прочитай."

"И прочитаю! – ответил Андрей. Прежде он не считал себя верующим, но прежде самой опасной его проблемой был не сданный вовремя зачет. – Отче наш, иже еси на небеси... Да святится имя твое, да придет царствие твое, да будет воля твоя..."

"Дур-рак!" – констатировал Юрий.

"Хлеб наш насущный... – упрямо продолжал Андрей. – Блин, как там дальше... И отпусти нам долги наши, как и мы отпускаем должникам нашим... Но избави нас от лукавого..."

"Давай-давай, – изгалялся Юрий. – Спецподразделение ангелов уже выслано по вызову. Если ты и дальше будешь заниматься такой ерундой вместо того, чтобы ползти, они успеют как раз вовремя, чтобы подхватить твою душу в момент расставания с телом."

Андрей некоторое время собирался с силами, опершись на локти и уронив голову. Затем, скрипнув зубами, пополз дальше.

Кто виноват в том, что произошло? Лиза? Нет, если бы не их размолвка, они бы приехали туда вдвоем, только и всего. Дина? Иркутов? Да все курильщики, какая разница, кто первый щелкнул зажигалкой... Минздрав предупреждает – курение опасно для вашего здоровья. Вот уж, воистину. Хотя куда больше виновата Золотарева или Марго – кто там из них был на кухне в последний раз и не завернул толком кран баллона... привыкли дома к электрическим плитам и микроволновкам... впрочем, они, в любом случае, за свою вину расплатились сполна. А что теперь будет с ним? Всю жизнь в инвалидной коляске? Стоит ли прилагать столько усилий ради такой жизни?

"Не раскисать, – скомандовал Юрий. – Может, теперь ты наконец усвоишь, что единственная реальная ценность в человеке – это его мозг. Все остальное – не более чем инструменты. Когда инструменты ломаются, это неудобно, но это всего лишь чисто техническая проблема. Главное, что твой мозг пока что работает."

"Посмотрел бы я на тебя на моем месте", – пробурчал Андрей.

"Я уже сказал – это неприятно, но не смертельно. Тем более что у тебя вышли из строя далеко не самые необходимые инструменты. Ноги не так уж сильно нужны цивилизованному человеку. Освоишь, наконец, толком компьютер и будешь работать, не вставая. Все, что нужно для жизни, можно заказывать по телефону, а теперь еще и по интернету, были бы деньги. Существо эпохи информационных технологий мало нуждается в перемещениях в пространстве. Вот если нечем нажимать на клавиши – это действительно проблема."

"Спасибо, ты меня очень утешил", – язвительно ответил Андрей.

"А я здесь не для того, чтобы тебя утешать. Я всего лишь называю вещи своими именами."

Внезапно Андрей услышал впереди шум. Это был звук, настолько хорошо знакомый каждому горожанину, что обычно сознание даже не фиксирует его – звук автомобильного мотора. Как видно, шоссе было уже совсем рядом.

Андрей рванулся изо всех сил. Левой-правой-левой-правой...

– Эй! – кричал он. – Эй, на помощь! На помощь!

Впереди между деревьями замелькал свет фар. Совсем близко, метров двадцать.

– Помогите!!! – кричал Андрей, надрывая горло. Он уже понял, что ему не успеть, но по-прежнему извивался и отталкивался руками.

Шум достиг кульминационной точки и стал удаляться.

Когда Андрей выполз на шоссе, он еще успел увидеть вдалеке красные звездочки задних фонарей машины.

Сулакшин со стоном уронил голову на руки. Слезы катились по его лицу, падая и тут же замерзая на холодном асфальте.

Ему не хватило пары минут, может, даже меньше... Если бы он тогда не остановился для молитвы... Впрочем, ему все равно была нужна передышка.

"Ну что ж, до шоссе ты добрался, – резюмировал Юрий. – Теперь разворачивайся направо и двигай к Силикатам."

Однако это было проще сказать, чем сделать. У Андрея болели руки, плечи, спина – в общем, все мышцы в той части тела, что еще сохраняла чувствительность. Последний отчаянный рывок окончательно его обессилил.

"Может, просто подождать следующую машину?" – робко подумал он.

"Следующей машины может не быть еще много часов. Не забывай, что в эту ночь люди празднуют, а наутро будут трезветь и отсыпаться."

Андрей продолжал лежать.

"Ты все понял?" – осведомился Юрий.

"Да понял я, понял... Сейчас, только с силами соберусь."

"Собирайся, только быстрее. Здесь сейчас где-то минус десять, не самая подходящая погода, чтобы загорать. Помни, кстати, про пальцы, нос и уши."

Андрей глубоко вздохнул (ребра в очередной раз напомнили о себе) и, стиснув зубы, пополз по обочине в сторону Силикатов.

Теперь ползти было труднее – сказывалось все вместе: полученные травмы, усталость и переохлаждение организма. После попыток докричаться до машины у него саднило и першило в горле, и это ощущение не проходило. Несколько раз Андрей разражался сухим, не приносящим облегчения кашлем. Горячий пульс стучал в висках, отдаваясь тупой болью. Глаза слезились не переставая.

Ле...ввв...ой... Пра...ввв...ой... Ле... Его рука уперлась во что-то твердое и холодное, вроде палки, но вместе с тем как будто покрытое мехом. Андрей поднял голову и увидел собаку – одну из бесчисленных жертв двойного предательства человека, который сначала вышвыривает своих друзей на улицу, а потом давит машинами. Этого крупного рыжего пса не раскатало в коврик, как многих его сородичей – должно быть, его отбросило ударом; так или иначе, после наезда он был еще жив. У него хватило сил доползти до обочины, где он и издох. Вот уж воистину – издох, как собака. Из оскаленной пасти тянулись черные сосульки замерзшей крови. На месте правого глаза зияла рваная дыра – вряд ли результат столкновения, скорее, успела постараться ворона.

Андрей брезгливо отдернул руку от промерзшей собачьей лапы. К горлу снова начала подниматься тошнота.

"Он, как я, – подумал Андрей. – Так же полз с перебитой спиной... и я так же сдохну здесь на обочине."

"Без банальных метафор, конечно, не можешь обойтись? – поинтересовался Юрий. –

Тоже мне, князь Андрей Болконский, созерцающий засохший дуб! Сулакшин твоя фамилия. Обползай эту дохлятину и двигайся дальше."

И Андрей двинулся. Кусая губы, кашляя и периодически постанывая, он полз и полз вдоль черного ночного шоссе, бесконечного, как сама смерть. Мысли его начинали путаться, в голове проносились бессвязные обрывки фраз, как это бывает при засыпании, в какие-то моменты он даже переставал понимать, где он и что с ним – но руки по-прежнему поочередно выдвигались вперед, упирались в смерзшийся снег и тянули за собой тяжелое непослушное тело. Абстрактные понятия, такие как "Новый год" или "медицина", таяли и уходили, оставались простые сущности, понятные первой сигнальной системе – боль, холод, тьма, свет...

Андрей не сразу понял, что видит свет. Какое-то время он лишь тупо смотрел на него, как загипнотизированный. Свет. Приближается. Два глаза. Фары. Машина!

Сознание щелчком встало на место. Автомобиль был еще довольно далеко, но ехал быстро, не ожидая каких-либо помех на прямой и пустынной дороге. Андрею следовало поскорее переползти на встречную полосу, чтобы не остаться не замеченным – и чтобы у водителя было время затормозить. Не хватало еще попасть под ту самую машину, которая должна его спасти.

Андрей быстро, как только мог, пополз через дорогу. Грубый наждак асфальта немедленно принялся драть его одежду и кожу измученных рук, но Андрей не обращал на это внимания. Боль, холод и слабость отступили, во всем мире осталась только узкая полоса асфальта и мчащийся навстречу автомобиль.

Андрей переполз разделительную линию и остановился, чтобы не лезть под колеса. Одной рукой он упирался в шоссе, а другой размахивал – как ему казалось, высоко, хотя на самом деле на уровне головы. Фары ослепили его – стало быть, он попал в полосу света, и водитель не мог его не увидеть. Действительно, визгнули тормоза, и машина стала сбрасывать скорость. Но, как видно, водитель заметил его все же слишком поздно и не смог полностью остановиться, а вынужден был объехать. Андрей устало опустил вторую руку. Дело сделано. Сейчас машина окончательно остановится где-то позади него, хлопнет дверца, послышатся торопливые шаги...

Двигатель снова взревел, набирая обороты. Звук быстро удалялся. Андрей, не веря ушам своим, повернул голову. Автомобиль мчался прочь еще быстрее, чем раньше.

"Он уехал, – тупо подумал Сулакшин. – Уехал."

"Как видишь", – согласился Юрий.

"Может, он поехал за помощью?" – Андрей попытался ухватиться за надежду.

"За помощью! Не смеши меня! Бросил тебя подыхать на морозе, чтобы поехать за помощью!"

"Но почему? Почему он не остановился?"

"Мир состоит не из добрых самаритян, как ты мог уже не раз убедиться, – усмехнулся Юрий. – Ему – или ей, это могла быть и женщина – короче, тому, кто за рулем, совершенно ни к чему лишние проблемы. Везти тебя в больницу, давать показания милиции, а вдруг ты еще умрешь по дороге... И вообще, откуда этому человеку знать, что ты действительно нуждаешься в помощи, а не сообщник бандитов, желающих завладеть его машиной? Тачка-то классная была, между прочим. "Ауди", если я не ошибаюсь."

Андрей попытался ползти к противоположной обочине. Асфальт ободрал ему локоть через дыру в пиджаке и рубашке. Головная боль охватила уже лоб и затылок, откуда-то изнутри волнами накатывала дурнота. Сулакшин закрыл глаза и повалился на асфальт.

"Эй, эй! Разлегся! Ты покамест не в Силикатах. Поднимайся и ползи вперед."

"Не могу", – ответил Андрей, не открывая глаз.

"Можешь. Просто не хочешь."

"Сил совсем нет. У меня, наверное, температура."

"Если не будешь шевелиться, у тебя скоро будет температура минус десять. Ползи."

"Дай мне немного отдохнуть."

"Знаем мы эти отмазки. Ты сейчас уснешь и уже не проснешься. Ползи. Ну? Ни за что не поверю, что ты не можешь просто передвинуть вперед левую руку. Это пустяковое усилие. Вот так. А теперь напряги бицепс. Помогай себе правой рукой, отталкивайся! Вот видишь, а говоришь – не можешь. Теперь правую руку вперед..."

Кое-как, продирая новые дыры в одежде и ссадины на коже, Андрей добрался до обочины.

"Все, теперь ты уже не на асфальте. Теперь будет легче. Не останавливайся. Отдыхать будешь потом."

Теперь эпизодическими были уже не моменты забытья, а моменты прояснения сознания. Несколько раз Андрей приходил в себя, обнаружив, что сползает в канаву или, напротив, вновь обдирает локти об асфальт. В ушах монотонно пищало, словно кто-то забыл выключить телевизор, когда кончились передачи. Перед глазами плавали пятна преимущественно темно-красных оттенков. Этюд в багровых тонах... штанах... малиновые штаны – два раза "Ку!"... Элементарно, Ватсон! Ватсон, Ватсон, ты могуч, ты гоняешь стаи туч... Есть ли у вас план, мистер Фикс? Пошел отсюда, наркоман проклятый... Почему так холодно? Кажется, ему снится, что он ползет по снегу... "Не снится! Нельзя спать!" – прорвалось откуда-то издалека, из другого мира. А почему нельзя? Почему, собственно, благородному дону... Бум!

Он ударился лбом. Даже не ударился, просто ткнулся – слишком маленькой была его скорость. Какая-то железная хреновина торчит из снега. Высокая и тонкая железная хреновина. Какой идиот поставил ее на дороге. Наверное, это лыжная палка. Он где-то оставил свои лыжи, ему было лень ехать с ними в транспорте, и он оставил их в углу прихожей напротив трех женских шуб. Надо вернуться... вернуться за лыжами, потому что теперь у него есть палка...

"Ты очнешься или нет?! – наконец докричался до него Юрий. – Какие, к черту, лыжи, какая палка?! Это не палка, это дорожный знак!"

А... Ну знак так знак. Знак-знак. Знак-так-так. Он пополз мимо.

"Посмотри на него!"

Зачем?

"Посмотри!"

Он попытался поднять голову. Нет, слишком высоко.

"Отползи подальше и посмотри!"

Вот привязался. Ну ладно. Леее...ввв...ой... Праааа...ввв...ой... Шея совсем задеревенела, а приходится задирать голову... Что-то написано. (Буквы плавали и двоились в слезящихся глазах, и вокруг кружились черные мошки.) Си-ли-ка-ты.

Силикаты!

Сознание вновь вернулось к нему. Он добрался, он дополз! Теперь остались считанные метры. От шоссе идет совсем короткая дорога, переходящая в главную улицу поселка. Вот, вот видны впереди ворота...

Ворота? А как он их откроет?

Андрея охватили ужас и злость одновременно. Неужели ему суждено погибнуть в нескольких метрах от спасения только потому, что он не может встать на ноги и отодвинуть засов?!

Свежевыработанный адреналин придал ему сил. Расстояние до ворот он преодолел на удивление быстро – с точки зрения его нынешнего способа передвижения, конечно. Его усилия были вознаграждены – в воротах, запертых для автотранспорта, была незапертая калитка для пешеходов. Андрей оттянул за низ железную дверцу и прополз внутрь.

Он лежал на главной улице поселка. Цель была достигнута. И только тут он обратил внимание на то обстоятельство, что ни в одном из домов нет света.

"Конечно, ведь уже, наверное, почти утро, – подумал Андрей. – Даже те, кто праздновал, легли спать."

– Помогите! – попытался крикнуть он. Голос прозвучал слабо и хрипло, и тут же его скрутил затяжной и мучительный приступ кашля, раздиравшего горло и грудь. Когда кашель, наконец, отпустил его, Андрей снова пополз вперед, вновь и вновь напрягая саднящее горло. Но нигде не зажглось окно, не отодвинулась занавеска, не скрипнула дверь.

Андрей оглядывался по сторонам, отыскивая признаки жизни. Улица была расчищена, однако по сторонам ее лежал снег. Ровный снег, тронутый разве что птичьими следами – но ни одного отпечатка человеческих ног не вело к запертым калиткам. Точно так же не было и следов шин у широких ворот, предназначенных для автомобилей. Андрей заглядывал на участки сквозь проволочную сетку и между досками оград. Снег, повсюду глубокий нетронутый снег, закрытые ставни, тяжелые висячие замки на дверях сараев...

Он прополз Силикаты из конца в конец. Поселок был пуст.

"Что ж, этого можно было ожидать, – спокойно сказал Юрий. – Силикаты – дачный поселок. На дачах обычно живут летом."

"И ты знал об этом с самого начала!"

"Конечно, знал."

"Почему же не сказал?!"

"Потому что тогда бы ты пополз на станцию и замерз в лесу. Это без вариантов, ты и сюда-то чудом добрался, а там пришлось бы все время ползти по заснеженной тропе. А здесь все-таки был шанс. Есть любители праздновать Новый год за городом, кому как ни тебе это знать. Кроме того, здесь мог быть сторож – по нынешним временам небезопасно оставлять дачи на зиму без присмотра."

И сторож действительно был! Более того, в эту ночь он честно исполнил свою обязанность, в половине двенадцатого обойдя с фонарем и ружьем вверенный ему поселок. Заходить на участки ему не было надобности – как и Андрей, он видел по нетронутому снегу, что никакие неподобающие личности не забрались отмечать Новый год на чужой даче. После чего сторож вернулся в свою сторожку за водонапорной башней (куда Андрей в темноте не догадался заглянуть) и, приняв на грудь положенное по случаю праздника число грамм и посмотрев некоторое время телевизор, завалился спать почти до полудня. Криков Андрея он, разумеется, не слышал.

"И что теперь?" – поинтересовался Сулакшин с равнодушием обреченного.

"В общем-то, положение весьма скверное. Здесь все дома заперты. До станции пять с лишним километров – больше, чем то расстояние, которое ты уже прополз. Твой последний шанс – что какая-нибудь машина все же подберет тебя на шоссе. Шанс, как ты мог убедиться, невелик, но это все, что у тебя есть."

Андрей приподнял голову и вновь уронил ее на руки. В черепе словно плескалось густое горячее варево, тяжело бившееся о стенки. Боль пульсировала в висках, лбу, глазах, затылке, наполняла мышцы, ломала и вытягивала кости и суставы, жгла ободранную и обмороженную кожу... Вместе с тем с ощущением тяжести соседствовало дурманящее ощущение легкости и пустоты, характерное для высокой температуры. Отступившая было багровая пелена забытья возвращалась, делая все проблемы внешнего мира далекими и нереальными. Реальной оставалась только боль, но Андрей чувствовал, что и она скоро утихнет, и тянулся навстречу забытью.

"Ты понял, что я сказал?" – настойчиво осведомился Юрий.

"Да."

"Тогда поднимайся и ползи на шоссе."

"Не хочу."

Это "не хочу" вместо обычного "не могу", похоже, впервые обескуражило Юрия.

"Не хочешь жить?" – без прежней насмешливости в голосе уточнил он.

"Не хочу, – подтвердил Андрей. – Мне все надоело. Я слишком устал."

"Это минутная слабость. А смерть – это навсегда, ты это понимаешь?"

"Ну и пусть. Мне уже все равно."

"В крайнем случае умереть можно и на шоссе", – сделал последнюю попытку Юрий.

"К чему лишние усилия? Я хочу только, чтобы это поскорее кончилось."

Юрий какое-то время молчал, и Андрей успел уже почти забыть о нем.

"Ну что ж, – сказал Юрий наконец, – логика тут ничего не может поделать. Мне больше нечего тебе предложить. Прощай."

Андрей почувствовал, как ощущение пустоты в его сознании усилилось, и на какой-то момент это его испугало, но затем испуг исчез из памяти.

Он неподвижно лежал посреди улицы, между двумя последними домами поселка. Его дыхание было тяжелым и хриплым; с каждым выдохом воля к жизни покидала тело вместе с белым облачком пара, и с каждым вдохом вместе с ледяным воздухом в него входила смерть. В какой-то момент он вдруг понял, что ему уже не холодно; гаснущее сознание лениво вытолкнуло на поверхность прочитанное когда-то разъяснение, что так всегда происходит с замерзающими. "Я умираю, – подумал Андрей. – Мне хорошо." Отрывочные, бессвязные образы мелькали и кружились в его мозгу, словно русалки вокруг опускающегося в пучину корабля. Лето... пляж с набегающими волнами... собака во дворе, и на носу у нее очки, чтобы лучше видеть мышей... Андрюха, экзамен будут принимать в столовой, туда гвозди завезли... производится посадка на рельс... почему рельс? ну это как электрический стул в метро... сынок, вставай, ты опоздаешь в школу... мама, мне можно не ходить сегодня в школу, потому что я умер...

"Мама этого не переживет." Это была иная, трезвая мысль, пробившаяся через затягивавшую его муть. Он попытался отмахнуться от этой мысли, но она настойчиво вторгалась в сонное царство, разрывая туманную завесу и разгоняя призраков. "Мама этого не переживет."

Произошло чудо – вместо того, чтобы удариться о дно, поднимая облако ила, и развалиться на куски, тонущий корабль вдруг булькнул остановившимся винтом, выпустил пузыри из залитых водой труб и устремился к поверхности. Вода с шумом отхлынула в стороны, выпуская его обратно на воздух. Андрей открыл глаза, разлепляя смерзшиеся ресницы.

"Блин, я же подохну здесь!"

Холод и боль немедленно вернулись на насиженные места. Но вместе с ними – и желание жить.

Сколько он тут прохлаждается? Все еще темно... Эта ночь длится целую вечность. Но, может, это забытье позволило ему хоть немного восстановить силы? Надо ползти. На шоссе и дальше, в сторону станции. Ллле...ввой... Пррра...ввой...

Он добрался лишь до середины поселка, когда сознание его снова стало мутиться. Как бы там ни было, а чудес не бывает. Даже заработавший двигатель не избавил корабль от пробоин в днище; пучина вновь готова была принять свою жертву. Но Андрей продолжал ползти. Он выполз через калитку, хотя глаза его были уже закрыты, и мысли путались; он дополз до шоссе и даже свернул на обочину в правильном направлении, в сторону станции. Меж тем уже светало; в небе на востоке пролетел самолет, перечеркивая рассвет серым инверсионным следом – его пассажиры вынуждены были встречать Новый год в аэропорту и полагали, что им жутко не повезло. Но Андрей не видел всего этого. Он полз и полз вперед, отклоняясь то влево, то вправо, но в целом сохраняя направление, пока его снова не повело на асфальт. Встретив резко возросшее сопротивление, он свалился и больше уже не двигался.

– Конечно, вам сейчас очень тяжело... но вы должны понимать, что все могло быть

гораздо хуже. Когда его доставили, всего обмороженного, с двусторонней пневмонией... я не хочу пугать вас всеми подробностями, но мы фактически достали его с того света. Сейчас, по крайней мере, жизнь его вне опасности...

Стоя рядом с плачущей старой женщиной, которой никто не дал бы меньше шестидесяти, хотя матери Андрея лишь недавно исполнилось 46, Лиза вполуха слушала врача и ругала себя за свою вспышку благородства. Собственно, и не благородство это было, просто она, не раздумывая, поступила "как положено" и вот теперь не знает, как выпутаться из этой ситуации. Нина Викторовна не знала о размолвке Лизы с ее сыном, и у Лизы не хватило духу сказать ей об этом во время телефонного разговора. Впрочем, не факт, что мать Андрея вообще бы поняла какие-то объяснения, учитывая состояние, в котором она находилась. Все, что Лиза усвоила из ее путанных слов – что с Андреем случилось какое-то жуткое несчастье, кажется, он попал в аварию, и надо приехать в больницу. И вместо того, чтобы ответить, что да, конечно, это ужасно, и она страшно сочувствует, но она сама простудилась, у нее температура 38, да, поэтому, собственно, они и не встречали Новый год вместе, так что она никак не может, да, ей очень жаль, она так надеется, что Андрей поскорее поправится – вместо того, чтобы придумать и озвучить этот простой ответ, а позже осторожно сообщить, что у нее вообще-то уже давно другой "друг" (что пока было неправдой, но кого это касается) – вместо этого она послушно записала адрес больницы и пообещала, что приедет. Конечно, ей и на самом деле было жаль Андрея, и она бы хотела, чтобы он поправился – но теперь она знала, что он навсегда останется инвалидом, и мучительно думала, как бы ей поприличней выйти из этой истории. Бросить здорового благополучного парня – это одно, а бросить несчастного калеку – совсем другое. Хотя второе, несомненно, куда более логично, и формально к ее поступку отнесутся с пониманием, но за спиной будут шушукаться и осуждать за черствость и бездушие. Много общих знакомых, вот что плохо...

– Вы понимаете, в принципе функции головного мозга восстановились, но мы не можем сказать, что он в сознании... в обычном значении этого слова, – продолжал объяснять врач. – Очевидно, слишком глубокими оказались последствия пережитого им шока... пока мы ничего не можем с этим поделать. Вот почему мы возлагаем надежду, что, увидев вас, он, возможно...

Они вошли в палату. Нина Викторовна сумела взять себя в руки и спрятала носовой платок – врач предупредил, что "вы ни в коем случае не должны волновать его". Андрей лежал на кушетке в окружении разной медицинской аппаратуры, которую Лиза доселе видела только в кино. Узнать его было невозможно – лицо, обожженное, обмороженное и порезанное, было забинтовано, виднелся лишь рот, тонкие трубки, уходившие в скрытый под повязками нос (или то, что от него осталось), и правый глаз. Глаз был открыт, но выглядел не более осмысленно, чем у плюшевого мишки.

– Андрюшенька! – Нина Викторовна наклонилась над этим глазом, уставленным в белый потолок. – Сынок!

С помощью оптики можно было бы заметить, что зрачок чуть расширился, уловив изменение количества света. Но это было все.

– Вот, посмотри, и Лиза к тебе пришла, – Сулакшина ухватила девушку за локоть и чуть не силой подтащила ее к кровати.

– Андрей, – сказала Лиза. Собственный голос показался ей чужим. Впрочем, она уже понимала, что это бесполезно. Она больше не смотрела на страшный своей бессмысленностью глаз и забинтованное лицо; ее взгляд скользнул ниже, на одеяло и потом на руки Андрея, пристегнутые широкими лентами к кушетке.

Многочисленные бинты не могли скрыть, насколько изуродованы эти руки (на правой пришлось отнять четыре пальца, на левой три), но внимание Лизы привлекло не это. Руки чуть заметно двигались. Вот левая делает движение вперед, насколько позволяет лента, на какой-то момент застывает, потом медленно отодвигается назад и останавливается. Потом те же

движения совершает правая рука. Потом снова левая...

Он все еще полз.

Лиза поняла, что самая долгая ночь для Андрея не кончилась. И не кончится никогда.

конец декабря 1999

Спокойной ночи, мама

Джон Кроуди всегда знал, что его мать умрет.

Ну то есть, конечно, не совсем всегда. В первые годы жизни он, как и все дети, пребывал в блаженном неведении о конечности человеческого существования. Истина открывалась ему постепенно и поначалу не выглядела пугающе. Он уже знал, что людей убивают на войне, и что нельзя выбегать играть на дорогу, потому что задавит машина, однако все это были случайности, от которых можно уберечься. Однажды четырехлетний Джонни рассматривал портрет Джорджа Вашингтона в детской книжке, посвященной американской истории. Читать он еще не умел и лишь смотрел картинки, однако уже знал, кто изображен на портрете и чем он знаменит. Джонни подумал, как было бы здорово хоть одним глазком взглянуть на отца-основателя американской нации, и каким негодяем должен был быть тот, кто оборвал его жизнь.

– Мама, а кто убил Вашингтона? – спросил мальчик.

– Его никто не убивал, – удивилась миссис Кроуди.

– Правда? – обрадовался Джонни. – Значит, мы можем с ним встретиться?

– Нет, малыш. Мистер Вашингтон давно умер.

Так Джонни узнал, что люди, оказывается, могут не только быть убитыми, но и умереть сами. Это ничуть не испугало его, а показалось оригинальным и интересным, как было интересно все в этом большом и неведомом мире. На тот момент его любопытство было удовлетворено, но позже он несколько раз возвращался к разговору о смерти, пока не получил от матери признание, что люди не просто *могут* умереть, но что это так или иначе касается всех. Это его неприятно озадачило, и он спросил, на что же похожа смерть.

– Ну... это как сон, только навсегда, – привела шаблонный ответ миссис Кроуди. Она не была верующей и не собиралась рассказывать ребенку сказки о небесах.

"Сон" – это звучало как будто нестрашно, хотя Джонни спать не любил: загнать его в постель вечером всегда было проблемой, а утром он просыпался раньше всех и терроризировал невыспавшихся родителей, требуя, чтобы они вставали. Тем не менее спать и не просыпаться – это звучало как-то неуютно. Так неуютно Джонни еще никогда себя не чувствовал.

– И ты тоже умрешь? – требовательно спросил он у матери после небольшого раздумья.

– Ну, это еще очень нескоро... особенно если ты будешь хорошо себя вести, – не упустила миссис Кроуди возможности для нравоучения.

– И я умру? – Джонни пропустил ее педагогическую реплику мимо ушей.

– Ты будешь жить долго-долго, – мать обняла его и поцеловала. Однако Джонни это не успокоило. Он прекрасно понимал разницу между "долго-долго" и "навсегда".

Когда ему было пять лет, от них ушел отец. Ушел, отказавшись от всех прав на ребенка, поэтому Джонни не таскали в суд и не спрашивали, с кем он хочет остаться; для мальчика произошедшее оказалось полной неожиданностью. Ему, правда, приходилось слышать из своей комнаты, как ругаются родители, но когда он спросил об этом мать, та ответила: "Это ничего, это у нас такая игра". Джонни принял это как должное – он знал, что у взрослых странные игры. К примеру, иногда они запирались в комнате, и туда нельзя было входить, но если послушать под дверью, можно было услышать неприятные и пугающие звуки. Правда, в последнее время в эту игру они, кажется, не играли.

И вот однажды утром Джонни не обнаружил за завтраком отца и спросил, где он.

– Он больше не будет жить с нами, – ответила миссис Кроуди более жестким тоном, чем хотела.

– Папа умер? – спросил Джонни, округлив глаза больше от любопытства, чем от страха.

У его матери мелькнуло искушение ответить утвердительно – она знала, что бывший муж не собирается встречаться с ребенком – однако все же решила сказать сыну правду.

– У него теперь другая семья, – ответила она. – Он не захотел больше быть моим мужем

и твоим папой.

Эта новость не явилась для мальчика трагедией. Напротив, в глубине души он обрадовался, потому что чувствовал, что отец не любил его, а потому и сам Джонни не хотел делить любовь матери с кем-то еще.

Питеру Кроуди было тридцать, когда он женился на Хелен. Поначалу оба супруга хотели иметь детей; правда, для Питера это была не глубинная потребность, как для его жены, а скорее дань социальным стереотипам. Однако год шел за годом, а Хелен все не могла забеременеть. Они обращались к врачам, но те говорили много мудреных слов и не могли сказать ничего конкретного, ставя диагноз "идиопатическое бесплодие" – что в переводе на простой язык означает бесплодие, причины которого медицина определить не в состоянии. Хелен даже тайком от Питера, бывшего еще более радикальным атеистом, чем она сама, отступилась от прежних убеждений, стала молиться и делать пожертвования в церкви – но религия дала не больше плодов, чем наука, и миссис Кроуди разочаровалась в ней окончательно. Со временем Питер не только привык к их бездетному браку, но и начал сознавать, каким дурнем он был раньше, когда хотел ребенка – эту обузу, которую люди добровольно вешают себе на шею и, рисуясь друг перед другом, называют своим счастьем, хотя такое "счастье" частенько доводит их до инфаркта. Поэтому, когда на двенадцатом году супружества Хелен, сияя от радости, объявила ему свою новость, Питер был огорошен отнюдь не в том смысле, на который она рассчитывала.

– Этого не может быть, ты, должно быть, ошиблась, – сказал он.

– Я сама не решалась поверить! – воскликнула она. – Но теперь уже все совершенно точно. Я сегодня получила результаты анализов. О, как я счастлива!

Она поцеловала его, а затем, весело напевая, закружилась вокруг, а он все натягивал на лицо неуклюжую улыбку и думал, как же сказать ей, что он давно уже не хочет детей. "Не сейчас, – подумал он. – Позже, когда у нее начнутся все эти проблемы с самочувствием... Она сама захочет избавиться. Она ведь уже не молоденькая."

Он так и не решился ей сказать. Один раз, когда ей было особенно плохо и ее увозили на "скорой", он попытался осторожно намекнуть, что, может быть... – но она посмотрела на него с таким ужасом, что он смешался и проглотил конец фразы.

Он знал, что их брак рухнет, если он прямо и твердо выскажет ей свои взгляды. Почему он не пошел на это еще тогда? Наверное, потому, что все еще любил ее, или же то была многолетняя привычка – впрочем, велика ли разница между этими двумя понятиями? Так или иначе, Хелен перенесла все муки, кульминацией которых стали очень тяжелые роды, едва не стоившие ей жизни – но мальчик все-таки появился на свет. Поначалу он тянулся к обоим своим родителям, но, чувствуя холодность и отчужденность отца, постепенно сосредоточил всю свою любовь на матери, которая, естественно, тоже души не чаяла в сыне, так тяжело ей доставшемся.

Питер же чувствовал все большее раздражение по адресу жены, которая, как ему казалось, совсем забросила его, полностью посвящая себя Джонни. Три года они не ездили отдыхать, потому что малыша не с кем было оставить – родители обоих супругов давно умерли. На четвертый год Питер уехал летом во Флориду один.

Там он и познакомился с Кэрол – которая, как оказалось, жила с ним в одном городе. Они часто шутили, что им пришлось пролететь полстраны, хотя достаточно было перейти улицу. Курортная интрижка неожиданно получила дальнейшее развитие, но Питер долго еще не решался оставить Хелен, удерживаемый все той же привычкой, да и отношения с Кэрол, которая была вдвое моложе его, не казались ему достаточно надежными. Но когда что-то тайное тянется слишком долго, оно непременно становится явным; истина открылась, и Питер был поставлен перед выбором. Хелен готова была сохранить семью – при условии, разумеется, полного разрыва мужа с любовницей; но Питер не оценил ее великодушия. Он был даже рад,

что все наконец выяснилось, ему не нужно больше притворяться, и он может покинуть эту стареющую женщину (Хелен была на год старше его) вместе с *ее* надоевшим сыном. С тех пор о его существовании напоминали лишь ежемесячно приходившие чеки.

Джонни в скором времени уже почти забыл, что у него когда-то был отец. Досадная помеха ушла из жизни, и теперь никто не заставлял маму играть в глупые взрослые игры – теперь она могла играть с Джонни и не запирала от него дверь. Она была самым добрым, самым славным, самым чудесным человеком, и если иногда и бывала неправа – например, кричала на Джонни из-за какого-нибудь пустяка или не разрешала ему смотреть какой-нибудь фильм по телевизору – то потом непременно искупала свою вину подарками, играми или просто ласковыми словами. Джонни относился к ее слабостям снисходительно: просто взрослые считают, что все знают лучше детей, а развеять это их заблуждение некому – это могли бы сделать только дети, а к ним взрослые не прислушиваются. Ну и что ж – все равно у него была самая лучшая мама на свете. Другие дети, правда, то же самое говорили про своих мам, но Джонни легко мог доказать, что они неправы. Ведь их мамы реже дарили им подарки, меньше играли с ними, чаще наказывали – иногда даже шлепали! – и вообще делили свое время между подругами (вредные, противные, глупые тетки!), мужьями (Джонни решительно не понимал, когда ему сочувствовали, что у него "нет папы"), а то и вовсе работой (а всего-то и надо было, что прогнать мужа, и пусть он присылает чеки!), так что на детей оставалось совсем чуть-чуть. Хуже того, многие из них не довольствовались одним ребенком и заводили ему братьев и сестер, с которыми тоже приходилось делить и маму, и все остальное. Джонни просто передергивало от мысли, что ему пришлось бы уживаться с какой-нибудь девчонкой-врединой, или старшим братом, который отвешивал бы ему щелбаны и называл "шмакодявкой", или с младшим, орущим в пеленках – этот вариант был еще хуже, потому что, когда в доме поселяется такое, мама совсем забывает про тебя. Нет, наслушавшись всех этих историй, Джонни не мог не радоваться, как сильно ему повезло с мамой.

И лишь одно обстоятельство омрачало все дело. Он помнил, что когда-нибудь его мама умрет.

Перспектива собственной смерти была, конечно, еще ужаснее. Но она была столь нереально далека, что о ней можно было почти не думать. А потом, может быть, никакой смерти и нет. Может, правы те, кто говорит, что после смерти жизнь продолжается на небесах. Он спросил маму об этом, и та ответила, что люди верят в это, потому что им хочется в это верить, но никаких доказательств у них нет. Что ж, наверное мама, как обычно, права, тем более что все, кто говорил Джонни о небесах, действительно не смогли привести ни одного доказательства. В ответ на требования Джонни они говорили, что так написано в Библии, а Джонни отвечал, что в книжках много чего пишут, например, про драконов или про марсиан, так почему одним книжкам верить, а другим нет? Тогда эти люди, особенно если это были взрослые, сердились на него и называли маленьким безбожником, а некоторые еще грозили адом и вечными муками. Тут Джонни сразу терял к ним интерес – он уже усвоил, что ругаться и грозиться люди начинают тогда, когда им нечего возразить по существу.

Что ж, пусть нет никаких небес. Ну тогда к тому времени, как Джонни состарится, ученые непременно придумают что-нибудь, чтобы жить вечно. Но вот его мама, скорее всего, до этого не доживет.

Он сделал этот неутешительный вывод еще до того, как пошел в школу. Его мама обладала только одним серьезным недостатком по сравнению с мамами большинства других детей – она была существенно старше. "Когда мне будет 8, ей будет уже 50", – думал со страхом мальчик. "50 – ведь это уже старость!"

Но вот этот роковой рубеж был достигнут и перейден, а ничего как будто не изменилось. Миссис Кроуди не превратилась в старуху на следующее утро после своего пятидесятого дня рожденья. Если один-другой седой волос и добавился, то это было совершенно незаметно.

Конечно, ее нельзя было бы спутать с фотографией двадцатилетней давности, изображавшей еще незамужнюю Хелен, но ведь Джонни и не видел ее такой. Женщина сорока с чем-то, к которой он привык, осталась такой же и в 50. "Разве это старость? – утешал себя Джонни. – Даже те, кто работает, в этом возрасте еще и не помышляют о пенсии. Вот 60 – это действительно старость. Но до этого еще далеко. До этого еще десять лет – больше, чем я уже прожил на свете!"

Джонни хорошо учился в школе – мать заботилась, чтобы он не бездельничал. Когда ему было трудно, она решала задачи вместе с ним – но отнюдь не вместо него. Юный Кроуди рос сообразительным мальчиком, и хотя некоторые предметы – например, английский – вызывали у него отвращение, но физикой и математикой он занимался с интересом. Этому немало способствовали и научно-популярные книги, которые миссис Кроуди покупала для своего сына – в то время как другие родители считали лучшим подарком бейсбольную биту или игрушечный пистолет.

Но, заботясь об интеллектуальном развитии ребенка, миссис Кроуди не могла научить его постоять за себя физически. А это, увы, было необходимо – быдло, как известно, не любит слишком умных. Джонни нередко приходил домой зареванный, с синяком под глазом. Бывало, в таких случаях он жалел об отсутствии отца или старшего брата, который мог бы разобраться с обидчиками. Но по здравом размышлении он приходил к выводу, что отец, скорее всего, заявил бы, что это его проблемы и что парень должен сам уметь постоять за себя. Да и потом, у обидчиков тоже были отцы и братья, так что это не выход.

Миссис Кроуди, как могла, утешала заплаканного Джонни, а потом шла в школу и жаловалась директору. Обидчикам попадало, и они били Джонни снова – за ябедничество. Странный закон стаи требовал, чтобы жертва сносила издевательства без сопротивления – тогда, может быть, в следующий раз ей позволят поучаствовать в травле кого-то другого. Но Джонни был не настолько глуп, чтобы подчиняться подобным законам. Миссис Кроуди снова шла в школу, а также звонила родителям обидчиков и грозила судебными исками. В конце концов даже самые тупые усвоили, что с Джоном Кроуди лучше не связываться. Его больше не трогали, но и общаться с ним всячески избегали. У него даже перестали просить списывать, тем более что он и не давал. Вокруг Джона образовался вакуум; наивные, они надеялись досадить ему этим. Да Джонни был просто счастлив, что этот сброд малолетних дегенератов оставил его в покое. О, с каким удовольствием он убил бы их всех, каждого когда-либо издевавшегося над ним придурка! Почему, ну почему нельзя было заплатить их жизнями за продление жизни мамы?

Конечно, не все в классе принадлежали к этому ненавидимому Джоном разряду. Были мальчики, которые вполне могли бы стать ему приятелями, но они не осмеливались пойти против заводил. Ну и пусть, невелика потеря. Джонни не нужны были друзья из числа сверстников. У него уже был друг – лучший друг, какого может пожелать себе человек. Его мама. К ней он всегда мог обратиться со своими проблемами, ей он все рассказывал без утайки и знал, что всегда найдет сочувствие, понимание и утешение. Лишь одну свою печаль он держал от нее в тайне – страх за ее жизнь. Этот страх мог отступать в тень, мог не заявлять о себе неделями – подобно коварной, подтачивающей изнутри болезни, которая подолгу позволяет человеку чувствовать себя здоровым, а потом вдруг пронзает кинжальной болью приступа. Так и сознание Джона порой в самые неожиданные моменты, во время просмотра веселой комедии или разговора о прочитанной книге, вдруг пронзала леденящая мысль о том, что через не такое уж большое число лет его мать умрет, и срок этот неотвратимо близится с каждым днем. Иногда, такая мысль не возникала неожиданно, а являлась результатом наблюдения за лицом, фигурой, походкой матери – наблюдения, показывавшего, как она все же постарела по сравнению с ранними детскими годами Джонни; тогда боль была не острой и пронзительной, а тупой и ноющей. Не раз и не два снился Джону один и тот же кошмар – как утром никто не

будит его (давно прошли те времена, когда он просыпался раньше всех), он встает и понимает, что опоздал в школу. Школа его не волнует, но почему мама не разбудила его? Он бежит в ее комнату и находит ее мертвой. Иногда сон варьировался и мамы в комнате не оказывалось; Джонни приходилось бегать по всему дому, разыскивая ее, но кончалось всегда одинаково – выяснялось, что она умерла по дороге в ванную, или на кухне, или в кресле перед телевизором, или где-нибудь еще. Каждый раз Джонни вспоминал во сне, что ему раньше уже такое снилось, но это не спасало – являлась мысль, что раньше это были сны, а теперь происходит на самом деле. Говорят, во сне достаточно лишь заподозрить, что ты спишь, чтобы тут же проснуться; увы, далеко не всегда это так! Лишь на самом пике отчаянных рыданий над трупом матери кошмар отпускал свою жертву, и Джонни просыпался на мокрой от слез подушке.

В старших классах сверстников Джона охватила эпидемия сексуальной озабоченности, и сам он тоже не избежал "прелестей" пубертатного периода. Он сам открыл для себя мастурбацию и некоторое время занимался ей, не зная, что это такое; но в этом было что-то безусловно грязное, и рассказать матери он не решился – это стало второй его тайной. Потом он прочитал учебник по биологии и понял, что к чему, однако занятия своего не бросил, поражаясь про себя глупости других парней, которые бегают за девчонками, чтобы получить то же самое удовольствие куда более сложным способом. Миссис Кроуди, впрочем, догадывалась об этом его занятии, но не вмешивалась, не пыталась его застукать или что-то ему сказать, находя, что это куда более безопасно, чем если бы ее сын спутался с какой-нибудь девкой. Таким образом, даже и в этот период Джон не искал новых знакомств и привязанностей за пределами дома; мать по-прежнему оставалась единственным небезразличным ему человеком.

В это время, приучившись равнодушно смотреть на смазливых сверстниц, Джон впервые задумался о радикальном способе борьбы со своим вечным страхом. Вся беда в том, рассуждал он, что он слишком любит свою мать; поэтому ее смерть станет для него горем чудовищных масштабов. Он не может сделать ее бессмертной; что ж, значит, надо решать задачу с другой стороны и попытаться искоренить свою любовь, или, как минимум, существенно ее уменьшить. Теоретически задача выглядела вполне разрешимой: ведь сумел же он избежать любви к девушкам, а если верить книгам, половая любовь сильнее сыновней. Правда, он избежал лишь психической ее составляющей, занимаясь физическим самоудовлетворением; но ведь в его отношениях с матерью только психическая составляющая и присутствует.

Сделав этот вывод, Джон стал воплощать свою идею в жизнь. Его поведение дома резко переменилось, он прекратил задушевные беседы с матерью, сделался груб, резко обрывал попытки приласкать его, запретил ей называть его нежными словами, которые были у них в ходу с раннего детства. Он сознательно провоцировал конфликты и акцентировал свое внимание на каждом недостатке матери. Миссис Кроуди лишь тяжело вздыхала, списывая все на трудности переходного возраста и надеясь, что в скором времени ее сын перебесится. Но Джон последовательно проводил свою линию и добился, как ему казалось, заметных успехов. Уже многое в матери раздражало его, иногда был противен сам звук ее голоса; если очередная ссора доводила ее до слез, он не чувствовал жалости, а лишь брезгливость. Он пытался представить себе, как переживет ее смерть, и чувствовал безразличие.

– Может быть, ты хочешь пожить отдельно? – как-то спросила она его.

– Выжить меня из моего дома у тебя не получится, – ответил он. – Если тебя что-то не устраивает, можешь уезжать сама.

– Как скажешь, сын, – спокойно ответила миссис Кроуди и пошла собирать вещи.

Знакомое неуютное чувство шевельнулось в душе Джона, но он сказал себе, что это всего лишь боязнь бытового дискомфорта, связанная с тем, что ему придется самому все делать по хозяйству. Он закрылся в своей комнате и не выходил из нее, пока не услышал, как отъехала машина, а затем включил телевизор и щелкал каналами, пока не нашел какое-то юмористическое шоу. Он вдоволь посмеялся, но как только передача кончилась, ему вновь

стало невесело. В тот день Джонни рано лег спать, убеждая себя, что наутро его настроение улучшится (была как раз суббота, и на следующий день не нужно было идти в школу).

День действительно прошел нормально – Джон читал, слушал музыку, разогрел в микроволновке обед и почти не возвращался в мыслях к вчерашнему происшествию. В довершение всего он справил в очередной раз свою сексуальную нужду, не опасаясь, что его могут застукать. Однако к вечеру настроение его стало ухудшаться, и после захода солнца стало совсем тоскливо. В это время раздался телефонный звонок.

Миссис Кроуди все же не выдержала и решила выяснить, как дела у ее сына. Тот сдержано ответил, что все нормально.

– Я у тети Анжелы, – сказала она (тетя Анжела была ее кузиной и проживала неподалеку в маленьком городке Гринстаун). – Мне бы не хотелось слишком ее утруждать, так что я, пожалуй, поеду домой. Если ты не возражаешь.

– Как я могу возражать? Это такой же твой дом, как и мой, – равнодушно ответил Джон, хотя был чертовски рад слышать эти слова.

– Тогда до встречи, – она повесила трубку, тоже сохранив до конца спокойный тон.

Дорога в это время, когда на шоссе мало машин, должна была занять не больше часа. Таким образом, миссис Кроуди должна была приехать не позже десяти. Джон еще немного почитал книжку – какой-то фантастический боевик – а потом решил приготовить наконец ужин; можно было дождаться матери, но ему хотелось продемонстрировать ей, что он вполне способен решать бытовые проблемы. Большого труда это не требовало – в холодильнике еще оставались полуфабрикаты, которые оставалось лишь засунуть в микроволновку. Затем он решил еще заказать пиццу и позвонил в круглосуточную пиццерию.

Там вышла какая-то заминка, и пиццу доставили с опозданием – было уже 10:12. Однако миссис Кроуди все еще не было. Джон выразил свое неудовольствие разносчику и вернулся в дом. "Наверное, она уехала не сразу, а еще трепалась с тетей Анжелой", – подумал он. "Однако этак еда остынет." Прошло еще 10 минут. Потом еще и еще.

В 10:45 Джон, давно уже барабанивший пальцами по столу, встал и нервно заходил по кухне. "Ну где ее черти носят?" Он решил есть один и сделал это без особого аппетита, нарочито медленно и избегая смотреть на часы. Затем все-таки посмотрел. 11:03.

"Если бы они так заговорились, она бы позвонила, что задерживается. Наверняка бы позвонила. Неужели решила меня проучить? На нее это совершенно не похоже." Он мог бы сам позвонить тете, но гордость не позволяла. "Наверняка ведь нажаловалась ей на меня! Еще не хватало теперь увещевания от тетки выслушивать!"

В 11:15 он все-таки снял трубку и позвонил. Тетя Анжела была откровенно испугана, когда услышала, что миссис Кроуди до сих пор нет. "Она выехала сразу же, в девять. Ну, может, пять минут десятого. Пожалуйста, Джонни, пусть она позвонит сразу же, как приедет. Я понимаю, что ты волнуешься. Я тоже теперь не усну, пока не узнаю, что все в порядке", – у тети Анжелы всегда было что на уме, то и на языке, и она даже не попыталась сделать вид, что в происходящем нет ничего особенного.

Джон медленно опустил трубку на рычаг.

– Ну где она?! – крикнул он пустой квартире. – Где?!

"Ничего же не случилось, – повторял он про себя. – Ведь правда, ничего не могло случиться?"

Логика, однако, подсказывала обратное. Стояла осень, днем моросил дождь, дорога была скользкой. Да и в темноте легче чего-нибудь не заметить. Особенно если ты спешишь домой, а чувства твои расстроены из-за ссоры с сыном.

"Надо лечь спать, а когда я проснусь, она будет уже дома", – решил Джон. Он плюхнулся, не раздеваясь, на кровать, но сон не шел к нему. В животе словно разливался жидкий азот. Джонни встал, снова зажег свет, снял с руки часы и сунул под подушку, чтобы не

видеть. Он хотел развернуть к стене часы на шкафу, но прежде взгляд его упал на циферблат. 11:38. Долго удерживаемые слезы разом прихлынули к горлу, и Джонни зарыдал в голос.

Отчаяние не позволяло ему оставаться на одном месте; он ходил по всей квартире, оглашая ее рыданиями и размазывая слезы и сопли по лицу. Иногда он падал на пол и принимался стучать по нему кулаками; иногда кусал себе губы и пальцы – больно, но все же не до крови. Мысль о том, что в случившемся виноват он сам, заставила его подумать о самоубийстве, однако даже и на пике истерики он сохранил достаточно разума, чтобы не принять эту идею всерьез.

"Она жива," – повторял он, как заклинание, – "просто попала в больницу. Не во всех же авариях гибнут люди!"

Затем ему пришла в голову мысль, что, если бы произошла авария – а она должна была случиться часа два назад – то ему бы уже сообщили из полиции, ведь у матери были с собой документы. Потом он услышал шум подъезжающей машины и бросился к окну. Автомобиль завернул за угол дома, но Джон успел увидеть, что эта машина ему незнакома, и снова в отчаянии сел на пол.

Затем в замке повернулся ключ.

Миссис Кроуди вошла, чуть прихрамывая, но Джонни в первый момент этого не заметил. Он бросился к ней. Рыдания его сразу прекратились, но слезы продолжали катиться.

– Мама... мамочка... где же ты была... я чуть с ума не сошел... – всхлипывал он, обнимая ее.

– Ох, сыночек, прости меня, пожалуйста, – у нее самой слезы подступали к глазам от этой сцены, – прости, милый... Понимаешь, просто какой-то каскад невезения. Я была как раз между Гринстауном и шоссе, когда вдруг спустило колесо. Машину вынесло на обочину, но ничего, мне удалось нормально остановиться. Ну я включила огни, жду, пока кто-нибудь проедет мимо и поможет. А эта проселочная дорога как вымерла. Ни туда, ни обратно ни одной машины. Я ждала-ждала, потом поняла, что надо идти либо назад в Гринстаун, либо вперед до шоссе – там все-таки и в это время суток движение есть. До шоссе было ближе, зато из города сразу можно было позвонить. Но только я вылезла, как в этой темноте поскользнулась на глине и подвернула лодыжку. Ну ты представляешь? До Гринстауна я бы уже просто не дошла, уж и не знаю, как до шоссе доковыляла... Да еще не первая машина остановилась... Зато этот джентльмен был так любезен, что подвез меня прямо до входной двери. Я бы могла попросить его остановиться у автомата на окраине и позвонить, но это было бы лишь на десять минут раньше, я решила, что лучше уж быстрей доеду...

– Мамочка... – рыдания снова подступили к горлу Джонни, – ты прости меня за все... что было... я...

– Все будет хорошо, сынок, – она гладила его волосы. – Мы снова друзья, да?

– Мамочка... мамочка...

Таким образом, вся тщательно спланированная теория Джона рухнула – а заодно он получил представление о том, что его ждет, когда мать умрет. Представление сильно смягченное, ибо в этот раз он и на пике отчаяния сохранял надежду, что она жива.

На следующий год Джон заканчивал школу, а его матери исполнялось 60. Еще до того, как произошли два эти события, у миссис Кроуди впервые случился сердечный приступ.

Врач, приехавший по вызову, дал ей лекарство и сказал, что хотя обследоваться нужно, ничего особо опасного, по всей видимости, нет – обычные возрастные явления; нужно лишь принимать таблетки, если что-нибудь подобное повторится. Обследование вроде бы подтвердило его слова. Тем не менее, Джон был не в себе несколько дней; ледяные когти страха терзали его изнутри, не оставляя практически ни на минуту; к тому же он страдал и от мысли, что сам подорвал здоровье матери, воплощая в жизнь свою "теорию". И слова "возрастные явления" его не успокаивали. Смерть – это тоже возрастное явление.

В эти дни он даже провалил контрольную по химии, ставшей в выпускном классе его любимым предметом. Потом он, конечно, наверстал упущенное. Он уже знал, что будет поступать в университет штата на химический факультет. Тот находился недалеко – всего в двух часах езды; стало быть, каждый уик-энд Джон проводил бы дома. Однако на неделе все равно нужно было жить вдали от дома и от мамы, и это сильно омрачало его радость по поводу окончания школы.

В день выпуска Джон пришел только на официальную часть; получив аттестат, он немедленно и навсегда покинул школьные стены, оставив бывших одноклассников веселиться на выпускном балу. Некоторые из них проводили его удивленными взглядами, другие отнеслись к этому как к должному. В старших классах стена отчуждения вокруг Кроуди уже не была такой прочной, и он вполне мог бы ее разрушить, если бы захотел – но он совсем не хотел этого.

Миссис Кроуди, конечно, знала заранее, что он не останется на бал. Она не была от этого в восторге; хоть в глубине души ей и было приятно, что сын предпочитает ее общество, она понимала, что, если он не научится ладить с людьми, это будет здорово мешать ему в жизни. Она утешала себя, что, когда он станет студентом, все переменится – ведь сверстники уже не будут ассоциироваться у него с детскими обидами.

В тот день она испекла яблочный пирог, и они вдвоем отпраздновали окончание школы. Позже, когда миссис Кроуди уже легла, Джон достал фотографию класса, которую ему вручили вместе с аттестатом. Первым делом он аккуратно вырезал из нее собственное изображение и сунул его в семейный альбом. Затем пошел на кухню. Там он положил фотографию на разделочную доску, взял большой нож с острым концом, улыбнулся, предвкушая, а затем принялся яростно колоть ненавистные лица. Он надеялся, что мать не услышит – это было не совсем так, стук доносился и к ней в спальню, но слабо; она слышала его сквозь сон, но не проснулась.

Наконец фотография вся была издырявлена. Джон отложил нож, пошел в туалет и бросил ее, смяв, в унитаз, а затем помочился на нее. Потом плюнул сверху и спустил воду.

– Вот теперь я окончательно закончил школу, – сказал он вслух.

Незадолго до этого пришли бумаги из университета – Джон успешно прошел тестирование и был принят. Осенью началась учеба.

Естественно, мысль о том, чтобы жить в общежитии с другими студентами, была для него невыносимой; он снимал маленькую квартиру на окраине городка. Это обходилось дороже, но отцовских денег пока хватало, тем более что в скором времени Джон, как способный студент, был освобожден от платы за учебу.

Надежды миссис Кроуди на то, что он сойдется с новыми товарищами, не оправдались. Правда, конфликта, как в школе, уже не было, но Джон держался с остальными студентами холодно и отстраненно. Большинство из них он презирал – они были столь же примитивны, как и его одноклассники, с такими же тупыми интересами и вульгарными манерами. Вскоре его перестали звать на вечеринки, и даже любители пообсуждать свои сексуальные похождения смущенно примолкали в его присутствии. Джона это полностью устраивало.

Единственным, что его не устраивало, была разлука с матерью. Дело было даже не в том, что ему не с кем было пообщаться – он занимался химией всерьез, и учеба практически не оставляла ему времени ни на что другое. Но теперь, вдали от матери, зная о неладах с ее здоровьем, он еще острее чувствовал страх за ее жизнь. Старые кошмары мучили его чаще, чем раньше; он звонил домой каждый день. Миссис Кроуди неизменно отвечала ему, что с ней все в порядке, но это было не совсем так. За первый год учебы Джона ее здоровье ухудшилось; было еще несколько приступов. Он ни о чем не знал до тех пор, пока однажды – Джон в это время учился уже на втором курсе – ее не забрали в больницу.

Он примчался к ней посреди недели, бросив занятия. Врач заверил его, что жизнь миссис Кроуди вне опасности, и она скоро сможет вернуться домой. Тем не менее Джон проводил по

много часов в ее палате. Мать уверяла его, что все это пустяки, что ему нужно вернуться и продолжать учебу, но Джон попросту не мог этого сделать. Он знал, что это бесполезно: лекции будут проходить мимо его ушей, глаза будут бессмысленно соскальзывать со строк учебников. Наконец миссис Кроуди выписали, и Джон вернулся в университет, где ему предстояло наверстывать пропущенное. Отныне страх не оставлял его ни на минуту.

Некоторые из одногруппников заметили, что Кроуди стал еще мрачнее, чем обычно. Однако его репутация не располагала к выражению сочувствия; если кто и готов был проявить к нему участие, то просто не решался. И действительно, скорее всего такая попытка вызвала бы раздраженный ответ "Оставь меня в покое!" Джон боролся со своим страхом, пытался еще больше загрузить себя учебой, чтобы вытеснить мысли о матери; иногда это срабатывало, но ненадолго. Однажды вечером Джон купил бутылку виски и впервые в жизни напился. Наутро, однако, ему было так плохо, что он решил не повторять эксперимент.

Когда миссис Кроуди оказалась в больнице во второй раз, Джон учинил врачу форменный допрос, требуя сказать ему все.

– Мы делаем что можем, мистер Кроуди, но медицина не всесильна, – сказал доктор, протирая очки. – Положение вашей матери отнюдь не трагическое, но тем не менее половина людей на земле умирает от сердечно-сосудистых болезней. Хотя наука делает большие успехи, в таких случаях, как этот, мы пока не можем вернуть человеку здоровье. Мы можем лишь препятствовать развитию болезни...

– Короче, сколько еще проживет моя мать? – резко прервал его Джон.

– Так вопрос не стоит. Миссис Кроуди может жить еще долгие годы. Но сказать, что риска совсем нет, значило бы обманывать вас. При внезапном сильном приступе и несвоевременно оказанной помощи роковой исход, к сожалению, возможен. Повторяю, вероятность этого невелика, требуется особо неблагоприятное стечение обстоятельств...

– Может быть, нужна операция?

– Увы, мистер Кроуди, пока в нашем арсенале нет операции, способной омолодить сердечную мышцу.

На протяжении летних каникул Джон почти не расставался с матерью, и та уже сама беспокоилась, видя, что сын боится и на минуту оставить ее одну.

– Джонни, милый, я не такая уж старая развалина, как тебе кажется, – говорила она с улыбкой. – Подумаешь, пару раз полежала в больнице. Если что, мое лекарство со мной. Живи так, как тебе хочется, я совсем не хочу тебя стеснять.

Но эти слова приносили не больше плодов, чем зерна, упавшие на бетон. Летом, живя с матерью, Джон еще мог как-то бороться со своими чувствами, но когда осенью начались занятия на третьем курсе, его жизнь превратилась в ад, где дневной изнуряющий страх сменялся ночными кошмарами. Ему становилось все труднее сосредотачиваться на учебе, он делался рассеянным, однажды в лаборатории перепутал реактивы, пробирка взорвалась, и брызгами кислоты ему обожгло лицо.

В конце концов даже его научный руководитель не выдержал и спросил напрямую:

– Кроуди, что с вами творится?

– Вас это не касается, – грубо ответил Джон.

– Я уважаю ваше право на частную жизнь, но меня не может не касаться, когда один из лучших моих студентов начинает сдавать в учебе. В каком состоянии ваш курсовой проект?

– Я... ну в общем я изучил материалы...

– У меня сложилось твердое впечатление, что вы и не приступали к работе. Вы понимаете, что такими темпами скоро потеряете право на бесплатное обучение... а то и вообще не будете допущены к защите?

– До конца семестра еще много времени.

– Если вы и дальше будете тратить его так, как сейчас, вам это не поможет. Послушайте,

Кроуди, – тон профессора смягчился, – может, вы действительно расскажете о своих проблемах, и мы подумаем над тем, как их решить? Я, конечно, не психоаналитик, но зато и денег за сеанс не возьму, – улыбнулся профессор. – Не хотите говорить со мной – поговорите с кем-нибудь еще. Вам станет легче. Это опять-таки не мое дело, но я замечаю, что вы все время один. Так вы вряд ли найдете выход...

– У меня больна мать, – внезапно признался Джон.

Профессор помолчал. В таких ситуациях трудно что-нибудь посоветовать.

– Должно быть, серьезно? – спросил он сочувственным тоном.

– Сердце. Она может умереть в любую минуту, – за мгновение до того, как Джон произнес эти слова, в его сознании что-то перевернулось, и он уже принял решение, которое осознал до конца чуть позже.

– Да, я понимаю... очень хорошо понимаю вас. Но послушайте, что я вам скажу. Моя мать умерла 16 лет назад, и я навсегда запомнил тот кошмарный год. Все было еще хуже, чем в вашем случае. Она умирала от рака, долго и мучительно. Но все это время я продолжал работать. Я вел занятия, и надеюсь, что у моих студентов того года не было оснований для претензий. Я тщательно следил за тем, чтобы не срывать на них свое душевное состояние. Нельзя раскисать, Джон. Мир устроен так, что мы рано или поздно теряем своих близких, но жизнь продолжается.

– Да, – сказал Джон, в то время как принятое решение обретало все большую ясность, – да, вы правы. Спасибо.

Профессор не ожидал, что его краткая проповедь будет сразу же иметь успех, и остался весьма доволен своими способностями психолога.

Накануне уик-энда Джон позаимствовал в лаборатории некоторые реактивы. Непосредственно нужного ему вещества среди них не было, но он знал, как его синтезировать – хотя, конечно, подобная лабораторная работа не входила в программу курса. Джон проделал ее на дому – то есть в той квартирке, которую снимал. Затем, тщательно запечатав пробирку, снял халат и резиновые перчатки, старательно вымыл руки, переоделся и поехал домой – в свой настоящий дом. Склянки с остатками реактивов он выбросил по дороге. Все это он проделывал словно на автопилоте, а в голове пульсировала одна и та же мысль: "Этот кошмар должен кончиться. Так или иначе, этот кошмар должен наконец кончиться."

Миссис Кроуди, как всегда, рада была видеть сына, но заметила, что он вопреки обычному как-то рассеян и неразговорчив.

– У тебя все в порядке, Джонни? – встревоженно осведомилась она. – Ты какой-то не такой сегодня.

– У меня все хорошо, мама. Просто устал. Знаешь, столько работы с этой учебой... – он помешал ложкой в чае. – Просто удивительно, что я еще способен называть сахар сахаром, а не $C_{12}H_{22}O_{11}$.

– Тебе все-таки надо больше отдыхать, сынок.

– За тем и приехал, – он несколько натянуто улыбнулся.

После ужина они вместе посмотрели телевизор, а затем миссис Кроуди отправилась в свою спальню. Через некоторое время туда вошел Джон, чтобы, как обычно, пожелать ей спокойной ночи. Наклонившись, чтобы поцеловать ее, он зацепил локтем стакан с водой, стоявший на ночном столике. Миссис Кроуди теперь всегда принимала на ночь таблетку, а иногда и просто утоляла жажду, проснувшись посреди ночи.

– Ой! – воскликнул он. – Хорошо, что это не в лаборатории и там не кислота. Ничего, я сейчас принесу воды.

Он сходил за тряпкой и вытер лужу, а потом пошел на кухню за водой. Наполнив стакан, он достал из кармана пробирку и вылил в воду ее содержимое.

Конечно, тщательная экспертиза могла бы обнаружить истинную причину. Но кому

придет в голову проводить такую экспертизу? Что подозрительного в том, что женщина, страдавшая сердечной болезнью, умерла от остановки сердца во сне?

Он надеялся, что это будет безболезненно; по крайней мере, сведения, почерпнутые из книг по химии, позволяли так думать. Так или иначе, он больше не может это выносить. Он должен освободиться от кошмара, терзавшего его всю жизнь. Завтра утром он проснется свободным.

Он вновь вошел в спальню и поставил стакан на стол. Миссис Кроуди сидела на постели с книжкой в руках – она любила почитать перед сном. При виде Джона она положила книжку на одеяло и вновь улыбнулась ему.

– Спокойной ночи, Джонни, сынок.

– Спокойной ночи, мама.

2000

Тараканьи бега

Уважаемый господин Председатель!

Уважаемые господа члены клуба!

Позвольте мне, как секретарю клуба попечителей, открыть наше ежегодное рождественское заседание. Прежде всего прошу вас почтить память нашего доброго товарища и друга Герберта Шторферна, покинувшего нас в этом месяце. Увы, смерть не щадит и самых достойных.

Спасибо, прошу садиться. Итак, позволю себе напомнить, что сегодня у нас не совсем обычное рождественское заседание. Сегодня наш юбилей, двадцатилетие клуба. И в качестве приятного сюрприза к юбилею хочу сообщить, что благодаря удачным вложениям наш ежегодный призовой фонд возрос в этом году до 120 миллионов долларов. Разрешите считать эти аплодисменты одобрением работы нашей Финансовой комиссии. Но, разумеется, деньги имеют для нас чисто символическое значение, и вовсе не они, а чистый и благородный спортивный дух объединяет нас. Так было и двадцать лет назад, когда нашими усилиями был основан приют Гринсвуд. В честь этой славной даты, а также потому, что господин Филипп Шторферн, сын господина Герберта и наследник всего его имущества, сегодня впервые присутствует на нашем заседании, позвольте мне вкратце напомнить страницы нашей истории и устава.

Итак, в соответствии с принятыми двадцать лет назад правилами закрытого детского приюта Гринсвуд, попечителями которого все мы являемся, раз в два года в этот приют поступают двадцать детей – по числу членов нашего клуба. Это абсолютно здоровые дети мужского и женского пола в возрасте пяти лет, чье умственное развитие превышает средний для этого возраста уровень. В то же время Селекционная комиссия следит за тем, чтобы внутри этой группы детей не было ярко выраженных лидеров и аутсайдеров – начальные условия должны быть равными. После этого каждый из нас принимает негласное шефство над одним из воспитанников. До момента выпуска из приюта попечитель полностью определяет характер образования и воспитания своего подопечного – если быть точнее, определяет всю его жизнь; единственное условие – подопечный ничего не должен знать о своем попечителе. Разумеется, попечитель не вправе как бы то ни было влиять на чужих воспитанников. После окончания приюта воспитанник переходит из Младшей группы в Старшую. Здесь правила изменяются: воспитанник должен идти по жизни сам, и попечитель уже не имеет права вмешиваться. Каждый год на Рождество мы подводим итоги в Младшей и Старшей группах, переводя достижения воспитанников в баллы по разработанной нами универсальной шкале оценок. Пропорционально баллам, набранным их воспитанниками, и распределяется между членами клуба ежегодный призовой фонд.

Итак, наступает самая волнующая часть нашего собрания – подведение очередных годовых итогов. По традиции, оно начинается с Первой генерации Старшей группы – наших самых первых воспитанников. Однако сегодня... эээ... имеются некоторые технические неясности, которые разрешатся в самом ближайшем времени. Поэтому, с вашего позволения, я начну со Второй генерации. Как обычно, фамилии в алфавитном порядке...

Алекс Аткинсон, воспитанник господина Трауба. Окончил Гарвард четвертым на курсе – 620 баллов. Опубликовал 4 статьи в авторитетных научных журналах – 440 баллов. Начал курить – минус 80 баллов. Итого 980 баллов.

Макс Бауэр, воспитанник господина Шторферна. Успешное продвижение по карьерной лестнице: от рядового сотрудника год назад до помощника генерального менеджера филиала корпорации второго уровня. Итого 1010 баллов.

Феликс Ден, воспитанник господина Гутлера. В результате удачного мошенничества за год заработал 240 тысяч долларов; остается неуязвим для полиции. 1030 баллов. Спустил 20

тысяч долларов в казино – минус 200 баллов. Итого 830.

Алиса Купер, воспитанница господина Штерна. Вышла замуж по любви и бросила работу. Ноль баллов. Господин Штерн, желаете ли вы снять вашу воспитанницу с дистанции? Нет? Вы хотите дать ей еще один шанс? Ваше право, господин Штерн, ваше право. Напоминаю, что со следующего года набранные ею отрицательные баллы будут вычитаться из общей суммы всех ваших воспитанников.

Лора Линкс, воспитанница господина Тромма. Опубликовала под псевдонимом порнографический роман, ставший бестселлером; заработала на этом... Прошу прощения, господа. Это телефон; вероятно, те сведения, которых я ожидаю. Алло! Да, я слушаю. Ах вот как. Доказательства у вас на руках? Да, благодарю вас. До свидания.

Господа, я только что получил информацию, касающуюся Первой генерации; к сожалению, наши подозрения подтвердились. Господин Гутлер в нарушение правил помог своему воспитаннику Роберту Крейну сделать сенсационный репортаж и продвинуться в журналистской карьере. Надо признать, это было очень тонко организованно, но наша Контрольная комиссия оказалась на высоте. Ай-ай-ай, господин Гутлер; как прискорбно в юбилейном году сталкиваться с подобным неспортивным поведением. Все мы люди, у всех у нас есть слабости, но за эти слабости приходится платить. Итак, вы оплатите счет детективному агентству; ну и конечно, в соответствии с нашими правилами, ваш воспитанник будет снят с дистанции. Нет, господин Гутлер, снять вместо него воспитанника младшего возраста не допускается; вы знали, на что шли. Итак, господа, какие будут предложения? Автомобильная катастрофа? Нет, это уже использовалось два года назад; мы не должны давать почву для любителей искать закономерности. Падение на рельсы подземки в час пик? Да, это подойдет. Нет возражений? Очень хорошо. Продолжаем заседание.

Твари

Твари. Мерзкие двуногие твари. Ненавижу их. Иду по улице и ненавижу – а что остается делать? Переселяться в тайгу, где их нет? В городе они повсюду. Целые толпы. Насколько чище был бы мир без них... Все, что они умеют – это жрать, гадить и размножаться. И убивать друг друга, о да. Это они делают с удовольствием, в отличие от большинства биологических видов. Хотя даже не хищники. Они слишком тупые, чтобы быть нормальными хищниками. Они всеядны – то бишь жрут всякую гадость. Это же уму непостижимо, что они жрут! Понятие "здоровое питание" придумано явно не для них. Естественно, от такой диеты они быстро дохнут, но плодятся еще быстрее. Дурное дело нехитрое. По сути, они паразиты, хотя формально биология и не относит их к этой категории. А до чего наглые! Даже и не думают уходить с дороги. Лезут прямо под колеса. Тупые наглые гнусные твари.

Поразительно, но немало тех, кому они нравятся. И внешне, хотя на планете Земля множество куда более симпатичных существ, и по натуре. Считается, что они от природы добрые и миролюбивые. Какой бред! Не иметь могучих когтей и прочих инструментов хищника еще не значит быть добрым. Тот, кто придумал байку об их миролюбии, очевидно, никогда не видел, как один из них медленно убивает другого. Впрочем, если бы и увидел, наверное, сказал бы, что их испортила противоестественная жизнь в городах. Есть такая публика, готовая защищать кого угодно. "Противоестественная!" Да как раз городская жизнь и является для них самой естественной. В дикой природе им давно уже не выжить. А как было бы славно отправить их "на волю, в пампасы!" Небось, уже к концу первого дня большинство сожрали бы хищники. Хотя – хищников жалко: еще потравятся. Падальщики – вот для кого они воистину подходящая трапеза.

Твари. Грязные тупые твари. Воплощенная серость, загадившая все вокруг. Большая помойка – вот их идеал мироздания. Крысы и те внушают больше симпатии. Крысы, как правило, ведут себя рационально. А у этих мозгов не хватает даже на то, чтобы жить на деревьях, как их сородичи. Только и способны, что рыться в отбросах.

Это я, вообще-то, о голубях.

Хотя то, о чем вы подумали, тоже правда.

2004

Телефон доверия

– А...алло, это телефон доверия?

– Слушаю вас.

– Я... понимаете, я хочу покончить жизнь самоубийством.

– От вас жена ушла?

– Как вы догадались?

– Ну вы же не первый сюда звоните.

– Д-да... да, конечно, вы правы... То есть, на самом деле, она давно ушла, четыре года уже...

– И что ж вы только сейчас надумали?

– Вы понимаете, сегодня мой день рожденья... Ну то есть был, то есть вчера – сейчас ведь уже заполночь...

– Без четверти два, если быть точным.

– Да... И вот сегодня, то есть вчера, мне исполнилось сорок лет...

– Поздравляю.

– Не с чем тут поздравлять... Я весь вечер просто просидел на кухне. У меня и гостей-то не было...

– Не звали, или не пришли?

– Да некого мне звать! Жена ушла, нового никого с тех пор... как-то не сложилось... друзей в общем-то тоже нет... с работы, что ли, кого? Как будто мне там эти рожи не опостылели... никто там, кстати, даже и не вспомнил, что у меня юбилей...

– Стало быть, с карьерой у вас тоже не сложилось.

– Да какая там карьера! Сижу там каждый день, как проклятый, с девяти до шести, а меня до сих пор воспринимают, как мальчика на побегушках! Илья, сделай то, Илья, сбегай туда... поксерь эти бумаги и отнеси Петру Егорычу... У Петра Егорыча, между прочим, для этого секретарша есть! Дура двадцатилетняя с наштукатуренной мордой... Мой начальник на четыре года моложе меня и говорит мне "ты", а я ему – на "вы" и по отчеству...

– Ну хорошо. А что вы сделали, чтобы это изменить?

– В смысле, что сделал? Говорю же, работаю там каждый день, как...

– Это я понял. Вы приходите на работу, которую терпеть не можете – поправьте меня, если я ошибаюсь...

– Ненавижу!

– Ну еще бы. Приходите и тупо отсиживаете от сих и до сих, мечтая, чтобы день поскорее закончился. Никакой инициативы, естественно, не проявляете, планами и перспективами не интересуетесь, любое поручение воспринимаете, как наказание, а не как повод проявить себя – не говоря уже о том, чтобы выйти на начальство с собственными идеями. Творческий подход вам чужд. Так чего ж вы хотите? По-моему, отношение к вам как к работнику – вполне адекватное.

– Просто мне не повезло с работой.

– Так за чем же дело стало? На свете тысячи профессий. И миллионы рабочих мест.

– Да, но... в сорок лет как-то поздно начинать все сначала.

– Что же мешало вам подумать об этом раньше?

– Ну, я не знаю... привык как-то... надеялся, что-то еще изменится...

– Надеялись, но ничего не предпринимали. Ясно. Жена вас только поэтому бросила, или и другие причины были?

– Ну, поэтому тоже... Чего ты, говорит, добился, работаешь за гроши, повышения и то попросить не можешь... другие каждый год в тропиках отдыхают, а у нас даже дачи в Подмосковье нет... машина – старый "жигуль", да и тот ты разбить умудрился...

– Разбили?

– Ну джип передо мной встал как вкопанный, а я что сделаю? Так и влетел ему в зад... а гаишникам что, кто сзади, тот и виновник... еле расплатился... А "жигуль" так и ржавеет битый под окнами, и не продашь его, и починить не на что, не говоря о том, чтоб новый купить...

– Четыре года?

– Почти пять уже...

– И за это время вы не только не смогли скопить денег на новую машину, но и не пытались найти более денежную работу? Да и за все предыдущие годы тоже...

– Ну, вы же знаете, в какой стране мы живем!

– Знаю. Некоторые жители этой страны к сорока годам стали миллиардерами.

– Ага, а скольких при этом убили?

– Среди кандидатов в миллиардеры или среди людей, способных заработать хотя бы на "Форд", извиняюсь, "Фокус"?

– Ну нету у меня способностей к бизнесу... не всем дано.

– Понятно. Значит, работать под чужим началом вы не умеете, начать свое собственное дело не можете. Ну а что вам дано, в таком случае?

– В смысле?

– В прямом. Хоть какие-то таланты у вас имеются? Пусть даже коммерчески невостребованные.

– Н-ну... я не знаю...

– Может, вы стихи пишете?

– В институте писал, потом забросил...

– Прочтите что-нибудь.

– Ну, я уже не помню... ну... вот, например:

Когда гуляли с тобой
Мы под полной луной,
И полночная звезда
Глядела с неба на тебя...

– Ясно. Достаточно. Ну, про музыку и живопись я уже и не спрашиваю... Это вы будущей жене такое писали?

– Н-нет... была другая девушка, одногруппница... я, по правде сказать, тогда так и не решился с ней объясниться...

– Ясно. И ни под какой звездой вы с ней тоже не гуляли. А с будущей женой вас, очевидно, мама познакомила?

– А вот и нет! Ну то есть не совсем... тетя.

– Итак, жена бросила вас потому, что вы – тряпка и размазня без каких-либо заметных способностей, будь то в возвышенных или в практических областях. Это все, или есть еще причины? Лысина, дурной запах изо рта или от ног?

– Откуда вы...

– Опыт, Илья, опыт. Знаете, сколько таких историй я уже выслушал? Ну давайте, договаривайте уж до конца. Раз позвонили, то нечего скрытничать. Вы импотент, не так ли?

– Нет! Ну то есть не совсем... ЭТО-то я могу, а вот детей у нас никак не получалось... Доктор жене сказал – с ее стороны все в порядке...

– А вам что сказал доктор? Вы обследовались?

– Вы понимаете, я с детства ужасно боюсь ходить по врачам...

– Понимаю. Знаете, в чем ваша главная проблема, Илья?

– В чем?

– В том, что вы лузер. Классический и безнадежный.

– Кто?

– Господи, вы и английского не знаете? Loser. На русский это слово обычно переводят как "неудачник", но это в корне неверный перевод, демонстрирующий, кстати, всю разницу между западным и российским менталитетом. "Лузер" происходит от глагола to lose – "проигрывать". Проигравший всегда знает, что сам виноват в своем проигрыше, и окружающие это знают, и относятся соответствующе. И поэтому, кстати, западный проигравший сохраняет шанс добиться выигрыша в будущем. Но у русских не так. "Неудачник" происходит от слова "удача". Русские во всем винят слепой случай, рок, фатум, обстоятельства, ближних, дальних, работу, природу, весь мир – но только не самих себя! И вместо того, чтобы пытаться что-то реально исправить, они будут умиляться собственной непутевостью, жрать водку и читать Достоевского!

– Я не пью водку! Ну чуть-чуть разве что... когда на работе что-нибудь отмечают и всем наливают...

– Но уж Достоевского-то любите.

– Да, люблю!

– Ну еще бы. Ведь он писал о таких, как вы. И к тому же так приятно ощущать себя интеллигентным человеком, не имея за душой никаких реальных достижений. Только видите ли в чем дело, Илья. В XIX веке вы были нужны хотя бы Достоевскому. Сейчас – вообще никому. Абсолютно. Вы – нуль. Ничтожество. Пустое место.

– И... это говорите мне вы? Сотрудник телефона доверия? Я думал...

– Вы думали, что вас тут будут утешать и отговаривать? Вы позвонили, чтобы услышать сладкую ложь вместо правды? Странные у вас представления о доверии... Собственно, вы и врачей боитесь по той же причине. И, что самое интересное, я ведь не сказал вам ничего нового. Вы же позвонили потому, что сами поняли свою никчемность по всем статьям. Точнее, поняли вы это давно, ну а признали только тогда, когда вам стукнул сороковник. Вот, кстати, еще одна классическая глупая пошлость у таких, как вы – привязывать оценки своей жизни к круглым датам. Да какое значения имеют эти цифры, круглые лишь потому, что у нас на руках по десять пальцев? Если человек ничего из себя не представляет в возрасте тридцать девять лет одиннадцать месяцев двадцать дней – неужели надо ждать еще десять дней, чтобы признать его жизнь провальной? Неужели за эти дни что-то изменится? Вы ведь сами сказали – вам уже поздно пытаться начать жизнь заново. Не могу с этим не согласиться.

– И что же по-вашему... мне и в самом деле стоит... ну...

– Вы с этого и начали разговор, не так ли? Впрочем, нет, не так. У вас кишка тонка даже на это. Настоящие самоубийцы никому не звонят посреди ночи, даже записки редко оставляют – они просто идут и делают свое дело. А истеричные психопаты и ничтожества, неспособные обратить на себя внимание ничем иным, поднимают шум на всю округу: "Ах, смотрите, смотрите, мне плохо! Ах, жалейте, утешайте меня, не то я с собой что-то сделаю!" Только ничего вы не сделаете. Поговорив со мной, вы уляжетесь в свою одинокую постельку и до утра будете жалеть себя, а утром с больной головой опять потащитесь в ненавистный офис, чтобы делать там работу за директорскую секретаршу, которую вы ненавидите и считаете дешевой шлюхой потому, что она никогда не даст такому, как вы. Описать вам дальнейшие перспективы, Илья? Впереди у вас – ничего, кроме одинокой старости. Без семьи, без друзей, без любимого дела. Без денег, что весьма немаловажно. И без приличного здоровья, учитывая ваше отношение к медицине и отсутствие силы воли, необходимой для поддержания себя в форме. И вы все это понимаете не хуже меня. Но, тем не менее, не сделаете то единственное разумное, что еще можете сделать. Потому что вы трус.

– А вот и сделаю! Сделаю, черт бы вас побрал! И моя смерть будет на вашей совести!

– Ну разумеется, пенять на зеркало – как это умно и оригинально...

– Я уже влез на стул! Послушайте... я понял, это такая шоковая психотерапия, да? Сейчас вы скажете, что на самом деле не все так плохо? Только говорите скорее, потому что я и в самом

деле стою на стуле с петлей на шее...

– Никакой психотерапии. Терапия в вашем случае бессильна. Советую проверить прочность веревки. Будет очень обидно упасть и сломать себе копчик.

– Я сделаю это! На самом деле сделаю! Считаю до трех! Раз... Ну? Два-а-а... А, будь оно все проклято! Три!

Шум падающего стула и почти сразу за ним – короткий стук ударившейся об пол трубки. Я знаю, это не инсценировка. Я плавно опускаю трубку на рычаг.

Ну да, номер моего телефона всего одной цифрой отличается от телефона доверия. И я чертовски не люблю, когда меня будят звонками по ночам.

2008

Удовольствие дона Хуана

В жизни моего приятеля случилось давно ожидаемое радостное событие: умер его сосед.

Не то чтобы старичок отличался какой-то особенной зловредностью – нет, напротив, он был тихим и незаметным, словно таракан, лишь по ночам выползая на кухню. Просто Олег – это, как вы поняли, мой приятель – принадлежал до самого последнего времени к числу тех, редких уже, московских несчастливцев, что вынуждены проживать (жизнью это назвать трудно) в коммуналках. Со смертью же соседа квартира целиком переходила в пользование семьи Олега.

Никаких родственников, ни ближних, ни дальних, у старичка не оказалось, и он отправился в крематорий за государственный счет; убогим же его скарбом государство побрезговало, и Олег, по природному любопытству, решил разобрать старый хлам, прежде чем тащить на помойку. И тут выяснились некоторые любопытные подробности.

Оказывается, тихий старичок долгие годы, еще с тридцатых, служил в НКВД, и на счету его, должно быть, многие сотни жизней. Выйдя на пенсию при Хрущеве, он, словно вампир из триллера, напитавшийся энергией своих жертв, проскрипел еще сорок лет, пока, наконец, не умер в полной нищете, всеми забытый, никому не нужный и не страшный. Помимо колченогого стула, древней продавленной койки, старого пальто с изъеденным молью воротником и маленького портрета Сталина, остался от него и кое-какой архив. Нет, никаких жутких кремлевских тайн там не оказалось, да и не в том ранге был покойный, чтобы знать что-то грандиозное; однако, помимо нескольких выцветших почетных грамот, пожелтевших газетных вырезок и тому подобного мусора обнаружились там и достаточно странные рукописные документы – от нотных записей до математических расчетов. По всей видимости, это были бумаги, изъятые при обысках и позже признанные не имеющими ценности. Трудно сказать, почему старый палач хранил их; может быть, считал, что начальство проявляет недостаточно бдительности, и что подлинный, вредительский смысл этих листков еще будет раскрыт. Я так и представляю себе, как в свободное от службы время, а потом и позже, уже на пенсии, он, сгорбившись над столом и напялив на нос очки, медленно перелистывает в свете коричневой настольной лампы эти сделанные разными почерками записи, силясь постигнуть скрытый в них шифр и вывести на чистую воду их авторов, давно уже, должно быть, расстрелянных или сгинувших в лагерях. А может быть, он просто хранил эти бумаги, как охотник хранит свои трофеи. Теперь мы уже не узнаем, как не узнаем и имен тех, кто когда-то в порыве вдохновения разбрасывал ноты по листу или пестрил школьную тетрадь бисерной вязью алгебраических формул...

Среди этих бумаг Олегу попалась простая картонная папка без надписей, содержавшая стопку желтых, ломких, обмусоленных по краям листков. Выглядели они очень старыми и покрыты были каллиграфическим почерком человека, писавшего явно не по-русски и даже не по-английски, со старомодными росчерками и завитушками. Язык был опознан Олегом как испанский или португальский; тут-то он и вспомнил обо мне.

Дело в том, что изо всех его знакомых какое-то представление об испанском имею я один. В школе я, как и прочие, учил английский; испанский был моей собственной инициативой. Было это на излете перестройки, когда я еще не знал, что брошу программирование и уйду в литературу, которая крепче, чем любой ОВИР, привяжет меня к постылому, но все-таки русскоязычному отечеству; тогда передо мной стоял не вопрос "ехать или не ехать", а исключительно вопрос "куда?" По трезвом размышлении я решил, что при моей идиосинкразии на такие понятия, как фулл-тайм, корпоративная этика, жесткие сроки и белая рубашка с галстуком, Штаты для меня неактуальны. Израиль также не подходил в силу ряда причин: во-первых, не для того я косил от советской (тогда еще) армии, чтобы служить в израильской, во-вторых, мне по чисто эстетическим соображениям не нравится иврит, а в-

третьих, у меня в роду нет ни одного еврея. Европа – примерно то же самое, что Штаты, но там в придачу еще и холодно. Тогда-то я и обратил свой взор на Южную Америку; все равно куда, лишь бы было тепло (я люто, до дрожи, до скрежета зубовного ненавижу зиму!) и не слишком стреляли. В общем, практически хрустальная мечта Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро; но, в отличие от Остапа, я начал не с миллиона, а с языка. Однако у меня так и не хватило энтузиазма довести дело до конца. К тому же при полном отсутствии разговорной практики я вряд ли сумею как следует объясниться с носителем языка; тексты, однако, читать более-менее могу, пусть и периодически сверяясь со словарем.

Однако текст, который подсунул мне Олег, прочитать было не так просто – все-таки я изучал современный язык, а не его средневекового предка. Ничего не могу сказать о датировке рукописи – пусть об этом судят профессионалы, а не дилетанты вроде меня. Но, по всей видимости, со времени ее написания прошло несколько столетий – или, может быть, она представляет собой более позднюю (но тоже уже очень старую) копию древнего манускрипта. У рукописи нет ни начала, ни конца; более того, листки, как оказалось, были сложены в папку практически в произвольном порядке – тот, кто их укладывал, явно не был знатоком староиспанского, хотя, конечно, прежде он должен были получить заключение эксперта. Мне пришлось немало повозиться, чтобы применить свои куцые знания к этому антиквариату; к счастью, на одном из испаноязычных сайтов в интернете мне удалось найти словарь, содержащий старые формы слов.

В конечном счете я сумел отсортировать страницы по порядку; оказалось, что перед нами три фрагмента одной рукописи. Автором ее был некий монах бенедектинского ордена, падре Игнасио. Два фрагмента представляют собой занудные рассуждения по каким-то богословским вопросам, интересные (и понятные) только для историка средневековья; однако третий содержит любопытные сведения о последних минутах жизни человека, доселе считавшегося личностью скорее легендарной, чем исторической. В тексте он именуется доном Хуаном; поскольку он испанец, а не португалец, его имя следует читать именно так, а не через "Ж", как привыкли в России. Легенды, впрочем, всегда откуда-то берутся, и я не вижу, почему бы такому человеку не существовать в реальности – как существовал, к примеру, настоящий Мюнххаузен, да и у Фауста был свой прототип. С другой стороны, я не могу поручиться за правдивость рассказа падре Игнасио, равно как и за то, что и сам падре не является вымыслом подлинного автора манускрипта; однако мне эта история представляется вполне правдоподобной.

Удивительная, однако, штука – биография вещей! Будучи нередко намного длиннее человеческой, она тем самым получает шанс оказаться и более причудливой. Вероятно, несколько столетий рукопись пролежала в тиши и покое какой-нибудь монастырской библиотеки. Затем вдруг все изменилось, монастырь в революционном угаре был разграблен республиканцами; кому из них и зачем понадобился старый манускрипт? Потом – гражданская война, победа Франко, и рукопись попадает в СССР вместе с республиканским эмигрантом или советским интербригадовцем. Дальнейшая судьба тех и других на родине социализма известна; лучше бы им остаться в Испании и принять честную смерть от пуль франкистов, не лишенных испанской галантности, нежели жалко издыхать от побоев и туберкулеза в завшивленных лагерных бараках... А рукопись, точнее, то, что осталось от нее к тому времени, перекочевало из сейфа НКВД в ящик стола московской коммунальной квартиры. Палач-идеалист, бессеребреник, не выхлопотавший себе у всесильного ведомства лучших жилищных условий... Знал ли он испанский? Или, может, его привлекло мелькавшее на страницах имя don Juan? Уж не счел ли он, чего доброго, эти ветхие разрозненные листки порнографией? Какая ирония для рукописи благочестивого монаха – и какой простор для фантазий психоаналитиков: коммунистический аскет приносит домой даже не саму порнографию, а лишь то, что считает таковой, ибо не может прочитать – символ символа, и в этой-то принципиальной

непознаваемости, сиречь недостижимости, заключена для него наибольшая притягательность... И уж, конечно, меньше всего этот монах из своего XVI (допустим) века мог предвидеть, что когда-нибудь листки эти лягут в сканер, и его аккуратный почерк с успехом будет распознан компьютерной программой.

Мой перевод достаточно вольный, некоторые места так и остались для меня непонятными, но за общий смысл я ручаюсь. История, описанная в этом фрагменте, произошла с падре Игнасио по дороге, когда он, в сопровождении послушника Рауля, направлялся в отдаленный монастырь в Толедских горах. Не знаю уж, за каким делом – это, очевидно, осталось на недошедших до нас страницах – ну да и не важно. Важно, что в пути их застала непогода, и они вынуждены были искать убежища...

"... Парило уже в третьем часу пополудни, горячий воздух был тяжел и вязок, заставляя сердце биться быстрее и вызывая быстрое утомление; однако же, положась на милосердие Божие, я велел Раулю собираться в путь, рассчитывая еще до заката перебраться через перевал. Дорога шла в гору, петляя меж неприветливыми склонами, поросшими выжженной солнцем травой, крутыми скальными обрывами и опасными осыпями. Несколько часов мы ехали молча, изредка освежаясь водой из фляги; изнуряющий зной не располагал к беседе. Рауль несколько раз тревожно посматривал на запад, и я, устремив взор в том же направлении, принужден был убедиться, что небесная синева обрела там угрожающе-темный оттенок. Вскоре донесся до нас и первый, отдаленный еще, раскат грома. Но делать было нечего; мы находились вдали от поселений и могли лишь подгонять наших мулов, высматривая впереди если не жилище, то хотя бы пещеру в скалах, что смогла бы послужить нам укрытием от грозы.

До заката оставалось еще не менее двух часов, однако вокруг быстро темнело, по мере того как черно-синяя туча, скрывшая уже солнце, заволакивала и остальной небесный свод. Порыв ветра принес живительную прохладу, но не наполнил сердца наши радостью, ибо мы по-прежнему не могли отыскать никакого убежища; затем упали первые капли, застывая бурыми комочками в пыли, а минуту спустя разверзлись хляби небесные, словно во дни потопа, обрушивая на землю сплошные потоки воды. В одно мгновение мы вымокли до нитки; стена дождя была такой плотной, что мы едва различали дорогу. Мутные потоки, набухавшие с каждой минутой, бежали по склонам и соединялись на дороге, обращая ее в подобие реки. Но сим испытание, посланное нам, не ограничилось. Страшный удар молнии, расколовший, казалось, небо и землю, обрушился совсем рядом с нами; в его ослепительном свете я явственно увидел, как волосы встали дыбом на голове у Рауля, а от оглушительного грохота у меня заложило уши. Меня объял трепет при виде сего свидетельства Божьего гнева; что уж говорить о бессловесных животных? Мулы в ужасе бросились бежать, не разбирая дороги, и только чудом, должно быть, нам удалось усидеть в седлах при этой бешеной скачке, во время которой, однако, была утрачена часть поклажи. Наконец нам удалось успокоить животных. Признаюсь, я пребывал в растерянности относительно того, что делать дальше, как вдруг Рауль воскликнул: "Смотрите, падре!"

При вспышке молнии, уже не столь опасно близкой, открылось ему некое здание впереди, у поворота дороги; взбодренные, мы принялись понукать наших мулов и четверть часа спустя уже стучали в дверь строения, оказавшегося, как я и предполагал, придорожным трактиром. "Ужасная гроза, падре", – молвил хозяин, почтительно пропустив нас внутрь и послав мальчишку-слугу позаботиться о наших мулах.

Сопровождаемые словоохотливым хозяином, который жаловался на плохое состояние дел вследствие малого числа проезжих, мы поднялись в отведенную для нас комнату. Видя, в сколь печальном состоянии пребывает наша одежда и поклажа, хозяин попросил меня не побрезговать костюмом из его собственного гардероба. Однако я отказался от предложенного мирского платья; памятуя о том, что претерпели за веру святые мученики, мог ли я поддаться

телесной слабости из-за какой-то мокрой рясы? Мы с Раулем подсели поближе к огню, а слуга принес вино; и вскоре живительное тепло согрело нас снаружи и изнутри. За окнами сгустилась ночная тьма, но гроза продолжала бушевать, и время от времени ослепительные молнии вспарывали темноту, озаряя на краткие мгновения причудливые очертания гор.

Я собирался уже задуть лампу и отправиться почивать, как вдруг в дверь осторожно постучали. Это был хозяин. "Прошу прощения, падре, за визит в столь поздний час, но похоже, что дело не терпит отлагательств. Ваш сосед... сеньор, которого принесли к нам третьего дня – он разбился, упав со скалы..." "Ему нужна помощь?" – перебил я многословного хозяина. "Похоже, что он умирает, падре..."

Нечего и говорить, что я отогнал подступавшую сонливость и пошел следом за хозяином, дабы исполнить свой долг.

В комнате умирающего было темно; я заметил смутно белевшую свечу на столе, но она не горела. Ни занавеска, ни ставни не закрывали окна, так что лишь вспышки молний вырывали из мрака кровать с вытянутым под простынями длинным худым телом. Пахло какими-то снадобьями. Я попросил у хозяина огня и зажег свечу.

– Потушите, – хрипло сказал умирающий. – К чему этот жалкий свет, когда мы можем наблюдать столь великолепную ночную мистерию? (Очередной раскат грома прозвучал словно бы в ответ на его слова.)

– Сын мой, – строго произнес я, присаживаясь у постели больного и делая знак хозяину удалиться, – ты готовишься предстать пред Господом нашим, и надлежит тебе обратить помыслы...

– Прошу вас, не называйте меня сыном, – перебил он. – Вы, как мне кажется, не старше меня, и такое обращение представляется мне смешным.

– Но разве вы не понимаете, что мой сан дает мне право... – я почувствовал более удивление, чем гнев, слыша столь неподобающие речи.

– Давайте оставим в покое ваш сан. По правде говоря, я всегда был плохим христианином, и не собираюсь менять это сейчас.

– Как раз сейчас вы имеете последний шанс покаяться и обратиться к милосердию Гос... – с жаром начал я, но сей грешник вновь не пожелал меня дослушать.

– Я сказал – оставим это. Довольно я выслушал таких призывов за свою жизнь, чтобы внимать им еще и перед смертью.

– Но зачем же вы пригласили священника? – спросил я, признаюсь, не без растерянности.

– Я не приглашал священника. Я просил нашего милейшего хозяина позвать кого-нибудь из соседей. Но в трактире нет других постояльцев, кроме вас и меня. Впрочем, если мои слова кажутся вам оскорбительными, вы, конечно, можете уйти.

Я все еще лелеял надежду обратить этого заблудшего к покаянию, но понял, что действовать тут надо не напрямик.

– Хорошо, если вы не желаете исповедоваться, то что вам, в таком случае, угодно?

– Просто поговорить.

– Что ж, давайте просто поговорим. Если вы не желаете, чтобы я называл вас сыном, то как в таком случае мне вас называть?

– Зовите меня "дон Хуан". Полагаю, – добавил он после краткой паузы, – вам знакомо это имя.

– В Испании многие его носят, – ответил я. – Даже мой дядя, дон Хуан Эммануэль...

– Носят многие, – ответил он самодовольным тоном, – но не многим удалось его прославить.

– Смотря что называть славой, – заметил я. – Я, конечно, слышал о неком безбожнике и развратнике, если вы намекаете на него, но не думал, что он еще жив.

– Как видите, жив, – усмехнулся он, – впрочем, теперь уже ненадолго.

В тусклом свете свечи я повнимательнее всмотрелся в его лицо. Несмотря на следы, оставленные возрастом, распутной жизнью и болезнью, оно все еще было красиво. Тонкий породистый нос, аккуратно выстриженные усы и бородка, большие черные глаза, высокий лоб, более достойный мыслителя, чем повесы...

– Вы совершаете большую ошибку, отказываясь от исповеди, – сказал я. – И на то, чтобы передумать, у вас мало времени. Ваша исповедь должна быть долгой.

– Вам бы очень хотелось ее услышать, не так ли? – вновь усмехнулся он.

– Мне хотелось бы спасти вашу душу, это мой долг как священника, – строго возразил я. – Но если вы спрашиваете, интересна ли мне история ваших похождений, как человеку, то она мне нисколько не интересна. Грех кажется привлекательным лишь самому грешнику. На самом же деле он попросту скучен. Чем была ваша жизнь, как не бесконечным повторением одного и того же действия, доступного не только глупейшим из людей, но даже низшим из животных?

– Скажите, вы всегда соблюдали целибат? – спросил он с любопытством.

– Да, – ответил я с достоинством. – И это далеко не так трудно, как полагают распутники. Собственно, это вообще не трудно. Не буду утверждать, что в ранней юности меня никогда не посещали греховные мысли, но я был тверд на своем пути, и вскоре они совершенно исчезли.

– И на смертном одре вы не пожалеете, что ни разу не изведали этого удовольствия?

– Напротив, я буду рад, что уберег от скверны и тело, и душу.

– Вы не оставили на земле детей.

– Что с того? Вы оставили их во множестве, но ни один из них не носит вашу фамилию.

– Что ж, в ваших словах есть свой резон, – согласился он. – И все-таки я прожил насыщенную жизнь.

– Вы прожили пустую жизнь. Всю свою жизнь вы страдали от внутренней пустоты и тщетно силились заполнить ее внешними... впечатлениями. Но услады тела не могут заполнить бездонную дыру в душе.

– По-вашему, меня интересовали только услады тела? – он, похоже, почувствовал себя задетым.

– Что же еще? Разве вы не сделали смыслом всей своей жизни служение удовольствиям?

– Пусть удовольствиям; но многое ли вы знаете о моих удовольствиях, чтобы судить столь поспешно?

– Что уж тут знать... Для того, чтобы понять всю мерзость греха, совсем не обязательно впасть в него самому. Напротив, со стороны она видна куда нагляднее...

– Да полноте, речь не об этом. Вы думаете, что главным для меня было совокупление? Будь это так, я не стал бы соблазнять самых утонченных дам Испании. Куда проще и дешевле получить это от любой девки...

– Ну да, конечно – вам мало было блуда как такового, вы еще тешили свою гордыню победами над знатными женщинами.

– Перестаньте гадать, все равно вам не добраться до истины. Мое главное удовольствие было не в этом.

Он замолчал, явно желая, чтобы я спросил его, в чем. Но я тоже молчал, желая усмирить его гордыню. Однако вспышка молнии и раскат грома напомнили мне, что минуты его истекают, и я должен поспешить, если надеюсь спасти его душу.

– В чем же? – спросил я.

Он улыбнулся своей маленькой победе.

– Хорошо, я расскажу вам. Открою секрет дона Хуана. Вам, должно быть, приходилось слышать исповеди несчастных влюбленных?

– Тайна открытого на исповеди...

– Я не спрашиваю вас ни о каких тайнах. Считайте это риторическим вопросом. Своим величайшим счастьем, заставляющим их забывать и о боге, и обо всем остальном, эти

влюбленные считают взаимность. А величайшим горем – следующий за этим счастьем разрыв. Для них он даже более болезненен, чем холодность, проявляемая с самого начала и не дающая пищи для ложных надежд... не так ли? Особенно когда он следует внезапно.

– Ну... пожалуй, что так.

– Так вот. Влюбленные – идиоты. Это, впрочем, азбучная истина, но я имею в виду несколько иной ее аспект. Они идиоты, потому что не понимают того, что понял я. Самое лучшее, самое изысканное, самое утонченное удовольствие дона Хуана... то, из-за которого я столь часто менял женщин и никогда не возвращался к прежним, хотя, возможно, многие были бы непрочь... это именно разрыв!

– Хотите сказать, что вам доставляло наслаждение бросать соблазненных вами женщин и тешиться их страданиями?

– Нет-нет! – рассмеялся он. – Все не так примитивно. Вам хочется представлять дона Хуана бессердечным чудовищем, но это не так. На самом деле я любил этих женщин. Любил каждую из них, и пользовался взаимностью. И чем сильнее была любовь – тем острее было наслажденье, когда я сам, по своей воле, разрушал ее. Разрушал сознательно, обдуманно, ни в коем случае не мгновенно – но с каждым шагом, с каждым словом вколачивая гвозди в ее гроб, упиваясь необратимостью своих действий. Да, именно так – оставляй я хоть один шанс на примирение из тысячи, все не имело бы смысла. Финал наступал по-разному... иногда бурные сцены, пару раз на меня даже бросались с кинжалом, иногда – светлая, тихая печаль, иногда – ледяная гордость... Бывало, что я и сам плакал, когда писал последнее письмо, исполненное гнева и презрения – но тем острее было наслаждение, лежащее уже за той гранью, где боль и упоение переходят друг в друга... Отчасти это сродни чувству, какое испытываешь, стоя на краю пропасти и желая прыгнуть вниз – но тут оно еще сильнее. Чувство полета, чувство падения... Романтики, утверждающие, что любовь сильнее смерти, в чем-то правы – в том смысле, что разрушать любовь приятнее, чем жизнь. Я не раз дрался на дуэлях и могу сравнивать.

– Подождите, вы хотите сказать, что вам нравилось именно уничтожать любовь? Или же вы находили наслаждение в том, чтобы страдать лично?

– Нет. Не то и не другое. Карьера мученика меня никогда не привлекала, я же говорю, что был плохим христианином...

– Не кощунствуйте, – строго прервал его я, – смешивать святых мучеников с искателями греховных услад...

– Да полноте, неужто ваш бог так слаб, что не может постоять за себя сам и нуждается в вашей защите? – ответил этот нечестивец, и тут же за окном сверкнула очередная молния и загрохотал гром. Однако даже столь явное знамение не смутило его, и он продолжал: – Я никому не позволил бы – и не позволял – причинить мне страдание. Мне не раз бросали вызов соперники, и я ни разу не отступил. Я сражался и побеждал. С другой стороны, хотя я неоднократно разрушал чужую любовь, завоевывая женщину для себя, мне это тоже не доставляло особого наслаждения. Не хочу сказать, что мне это было вовсе неприятно, но – то была лишь мелкая тактическая победа, необходимый шаг к главной цели. Главное же наслаждение заключалось в том, чтобы самому, по собственной воле и без всякого принуждения со стороны людей или обстоятельств, разрушить собственную любовь. Разрушить до того, как она пойдет на спад естественным путем – ибо, разумеется, вечная любовь бывает только в глупых стихах, которых я, впрочем, сочинил немало – оружие не менее действенное, чем шпага...

– Так вы боялись этого будущего спада и спешили упредить его?

– Нет, нет; если бы вечная любовь и была возможна, я бы поступил с ней так же, пожалуй, даже еще с бОльшим удовольствием... Чем более сильным и подлинным было чувство, тем лучше. Иногда оно вспыхивало само, без усилий с моей стороны; иногда мне

приходилось долго и кропотливо его выстраивать – даже не знаю, в каком случае удовольствие от последующего разрушения было лучше. Пожалуй даже, что во втором.

– Я не вполне понимаю, что двигало вами... – признался я.

– Что, дон Хуан оказался не столь примитивным существом, как вы полагали? – в очередной раз усмехнулся он.

– Скорее, более извращенным, – не сдержался я, но тут же, сменив тон на более мягкий, напомнил ему, что его мятущаяся душа еще может обрести спасение и покой; но он вновь не пожелал меня выслушать.

– Что ж, я помогу вам поискать объяснение, которое вас удовлетворит, – прервал он мои попытки. – Почему бы не считать мой modus operandi высшим проявлением свободы? Любовь есть высшая форма рабства – рабство желанное; следовательно, сознательное разрушение этих цепей есть деяние, достойное истинных титанов духа...

– Усмирение порочной страсти – задача вполне посильная и не титаническая, что бы там ни говорилось в упомянутых вами глупых стихах, – ответил я. – В вас говорит гордыня. Если вы и впрямь жаждали духовных подвигов, то искали их не на той стезе.

– Я не жаждал подвигов. Подвигов жаждут те, кто хотят что-то доказать себе или другим.

– Но разве вы не стремились доказать себе, что свободны?

– Нет. Я просто наслаждался свободой. Разве птица кому-то доказывает, что умеет летать? И разве она не спускается на землю, прежде чем вновь подняться в небо?

– И вы хотите сказать, что наслаждение свободой острее после добровольного рабства?

– Разве это не логично? Впрочем, я сказал, что это – всего лишь объяснение, подходящее вам. Если оно и верно, то лишь отчасти. Я наслаждался самим процессом... разрушения того, что мне дорого... и утверждаю, что нет удовольствия острее, чем это.

– Это безумие, дон Хуан.

– Нет, отчего же? Я ведь был не чужд и обычным удовольствиям любви. Но там, где для обычных любовников наступает расплата, для меня открывалось лишь новое наслаждение. По-моему, я вполне разумно устроился.

– Сама погоня за наслаждениями неразумна, ибо они приедаются, и отчаянье становится наградой ступившему на сей путь. Видел я людей богатых и знатных, перепробовавших пороки и подиковинней ваших, а все равно жизнь им сделалась не мила...

Произнеся эти слова, я вдруг вспомнил его фразу о желании прыгнуть в пропасть – и, словно вспышка молнии за окном, озарила меня страшная догадка.

Он смотрел на меня с усмешкой.

– Несчастный! – воскликнул я. – Неужели вы отягчили вашу душу еще и грехом самоубийства?!

– Пожалуй, нет, – медленно произнес он. – Жизнь вовсе не сделалась мне не мила. Но мне хотелось испытать и это чувство... не переходя, однако, последней черты. Однако для того, чтобы наслаждение было максимально острым, следовало все делать так, как будто я действительно собираюсь прыгнуть... следовало самому уверовать в то, что я прыгну. Я уже говорил, что много раз рисковал жизнью на дуэлях, но это совсем не то... там был внешний противник, которого надо было победить – как и в любви, там поражение, пришедшее извне, не доставило бы мне никакого удовольствия. Вся суть была в том, чтобы делать все самому, по собственной воле, шаг за шагом – вплоть до того момента, когда я балансировал на краю обрыва и начал уже клониться вперед, чтобы в самый последний миг удержаться. Но... моя нога соскользнула...

Я ничего не ответил, чутьем уловив, что мое выжидательное молчание для него действеннее слов.

– Впрочем, возможно, вы и правы, – неожиданно согласился он. – Я сделал это, потому что хотел сделать. С жизнью надо расставаться так же, как и с любовью – не дожидаться со

страхом, пока она иссякнет сама, но, когда она все еще дорога тебе, последовательно и планомерно разрушить ее самому, находя в этом высшее наслаждение.

– И вы не сожалеете о том, что сделали? – спросил я, все еще надеясь найти в нем хоть тень раскаяния.

– Нет, – ответил он. – Разве что... я не думал, что это будет настолько... болезненно.

Очередная вспышка молнии озарила его бледное лицо, и лишь в этот миг я понял, что ироническая усмешка, практически не покидавшая его уст, была на самом деле гримасой физического страдания.

– В последний раз предлагаю вам, дон Хуан, – воскликнул я, – раскаяться и воззвать к милосердию Божию! Ибо земные страдания – ничто в сравнении с тем, что уготовано вам в аду...

Однако мой пылкий призыв остался без ответа. Я поднес свечу ближе к его лицу и понял, что увещевание мое опоздало. Мне оставалось лишь опуститься на колени и вознести молитву за душу этого грешника – молитву, у которой, увы, было мало шансов быть услышанной... Затем я вышел и известил хозяина о смерти постояльца.

Наутро я и Рауль продолжили наш путь..."

2002

Чудовища

Меня зовут Натаниэль Александр. Это очень длинное имя, и я, по правде говоря, не знаю, зачем оно мне нужно. Все равно меня так никто не называет. Мама зовет меня "сынок", или "малыш", или "Натти", и только иногда, если сильно мною недовольна – "Натаниэль", но даже тогда не "Натаниэль Александр". Одно время я думал, что для того, чтобы она меня так назвала, я должен сделать что-то совсем-совсем плохое, настолько плохое, как выйти за ворота или играть со спичками. Но, когда я ее об этом спросил, она сказала, что я все понял неправильно, и Александр – это не ругательное слово, а очень, очень хорошее имя. Правда, когда она мной довольна, она все равно меня так не называет. А Матильда называет меня "молодой господин". А больше звать меня некому, потому что других людей нет. Так что я так и не понял, зачем мне длинное имя. Но я видел, что моя неправильная догадка про "Александра" расстроила и даже рассердила маму, и не стал ее дальше расспрашивать. Я ведь не хочу ее огорчать, потому что я ее очень люблю. Я люблю ее больше, чем Матильду, хотя Матильда тоже очень славная и добрая, а мама часто бывает строгой, но на самом деле она меня очень любит. Долгое время я думал, что у мамы нет имени, потому что я зову ее "мама", а Матильда – "госпожа". Но, оказывается, у нее тоже есть имя, которым никто не пользуется – Беатриса. Странно все это. Наверное, я не могу это понять, потому что я еще маленький. Мама и Матильда часто отвечают на мои вопросы, что я узнаю ответ, когда вырасту большой. По правде говоря, мне немного обидно ждать. Я хочу вырасти побыстрей.

Мама очень красивая. Матильда тоже красивая, но не настолько, может быть, потому, что она старше. Вот, кстати, еще непонятный вопрос: почему Матильда называет меня "молодой господин", если маму она зовет просто "госпожа"? Разве где-нибудь есть старый господин? Но я точно знаю, что его нет. Во-первых, они бы мне сказали, а во-вторых, я сам знаю наверняка, что в доме никого больше нет. Я облазил весь дом, и весь сад, и всю Безопасную Зону до самой ограды. А за оградой тем более не может быть никакого господина, там только дремучие леса, где живут хищные звери и чудовища.

Чудовища очень злые и страшные, они даже хуже диких зверей. Правда, я никогда их не видел. Несколько раз я, набравшись храбрости, подходил вплотную к самой ограде и смотрел на лес между прутьями решетки, но оттуда так ни разу никто и не вышел. По правде говоря, я даже рад, что никого так и не увидел. Все-таки мне было очень страшно там стоять, хотя я и поспорил с самим собой, что не сдвинусь с места, пока не сосчитаю до тысячи. И хотя я знаю, что в Безопасную Зону чудовища проникнуть не могут. Так сказала мама. Точнее, она сказала, что они не доберутся до нас, если я буду всегда слушаться ее и Матильду. А я иногда все-таки не слушаюсь. Поэтому мне было страшно. Но все равно хотелось подойти к ограде. Наверное даже, чем страшнее мне было, тем сильнее хотелось подойти. Я не знаю, почему так. Но после того, как я несколько раз постоял там и никого не увидел, мне стало легче. Я не стал рассказывать об этом маме, потому что чувствую, что ей бы это не понравилось. Рассказал только Матильде. Иногда я так делаю, потому что Матильда не такая строгая. Матильда сказала, что я молодец, что победил свой страх, но больше мне не нужно ходить к ограде, и чтобы я лучше играл в доме и в саду.

Я всегда так и делал. Наш дом очень большой, в нем два этажа, вытянутые полукругом, а на концах этого полукруга еще два флигеля. Под домом есть подвал, а наверху чердак, и еще круглая комната на крыше, она называется "бельведер". Из нее видно лес вокруг и горы на западе, за которыми садится солнце. Зимой, когда темнеет раньше, чем я должен идти спать, оттуда хорошо смотреть на Луну и звезды. Однажды я видел звезду, которая летела по небу и мигала. Мама сказала, что это был метеорит и что долго всматриваться в звезды вредно для глаз.

В доме много разных других комнат. В самой большой из них стоит рояль, там мама

занимается со мной музыкой. В Новый Год мама и Матильда ставят там елку, и мы втроем украшаем ее блестящей мишурой и разноцветными шарами. Столовая у нас тоже большая. Я даже не знаю, зачем такая большая столовая, если нас только трое. Я плохо помню, но, кажется, когда я был совсем маленький, мы с мамой ели только вдвоем. Матильда стала есть вместе с нами уже позже. Еще есть большая комната – библиотека, там стоят такие высокие книжные шкафы, что нужно забираться по специальной лесенке, чтобы достать книгу с верхних полок. Я умею читать на нашем языке, а еще мама учит меня латыни и греческому. Но шкафы заперты, и я не могу брать книги оттуда. Мама говорит, что мне еще рано их читать. Жалко, конечно – мне так хочется почитать! Но пока я могу читать только надписи на корешках сквозь стекло. Но сквозь него плохо видно, да и многие из этих надписей мне не понятны. Наверное, мама права – мне действительно рано читать эти книги, раз я не могу понять даже заглавия.

Другие комнаты не такие большие. В большинстве из них никто не живет и никто, кроме меня, не бывает. Там пыльно, потому что Матильда не может убирать одна такой большой дом. Раньше эти комнаты всегда были заперты, но потом я упросил их открыть, потому что мне наскучило играть там, где я уже все знаю, и было очень интересно, что же за запертыми дверями. Поначалу я был немного разочарован, потому что там не оказалось ничего таинственного. Только старая мебель, люстры в чехлах, скрипучие половицы и кое-где трещины на потолке. Но потом мне понравилось там играть. Там необычный запах, особенно когда солнце нагревает пыль, и мне нравится, как, когда дунешь, пылинки кружатся вихрем в солнечном луче. А еще там висят картины. То есть в жилых комнатах они тоже висят, но те картины я уже давным-давно изучил, а эти раньше не видел. Вообще-то они похожи на те, что я уже знаю. На одних – всякие красивые виды природы, на других – цветы, фрукты и разная еда. На одной овальной картине нарисован зверь с большими зубами. Я думал, что это хищник из леса, но Матильда сказала, что это лошадь, и она не ест людей, а питается травой. Значит, не все звери хищные? А еще в некоторых комнатах нет картин, но есть темные прямоугольники на обоях. Я догадался, что это следы от картин, которые висели там раньше, и сказал об этом маме. Она сказала, что я очень умный. Тогда я спросил, куда делись те картины, и мама сказала, что они были некрасивые, и их выбросили. Правильно, конечно, хотя все-таки интересно было бы на них взглянуть. Но мама сказала, что не стоит смотреть на такие картины, а то потом будут сниться плохие сны.

Я не люблю плохих снов. Вообще не люблю ночь, потому что по ночам страшно. Когда я был совсем маленький, я спал вместе с мамой, но потом она сказала, что я уже большой мальчик, и у меня должна быть своя спальня. У меня большая кровать под темно-синим балдахином, я могу лежать там хоть вдоль, хоть поперек, и она очень мягкая. Правда, зимой она холодная, и я не сразу согреваюсь в ней даже в теплой пижаме. Зимой вообще плохо, потому что рано темнеет и поздно светает, а мне страшно лежать в темноте. Я всегда стараюсь заснуть побыстрее и проснуться, когда уже светло, но зимой это не получается. Чем страшнее мне делается, тем труднее уснуть, а чем дольше я лежу без сна, тем мне страшнее. Я знаю, что чудовища не могут пробраться в дом, и все-таки мне кажется, что они уже где-то рядом. Я ведь слышу, как ночью в доме что-то шуршит и поскрипывает! Мама говорит, что это просто потому, что дом очень старый, и чтобы я не боялся. Но мне было бы гораздо легче не бояться, если бы она разрешала мне оставлять на ночь горящую лампу. Но она не разрешает. Она говорит, что в лампе огонь, и это опасно. А чудовища опасны только за оградой, а дом и сад – это Безопасная Зона. Я это знаю, но ведь снам не прикажешь. Хуже всего, когда натерпишься страху, пока не уснешь, а потом во сне становится еще страшнее. Я вижу, как из мрака нежилых комнат выходят чудовища и бредут ко мне. В темноте я не могу их разглядеть, и от этого берет еще большая жуть. Я пытаюсь убежать, но ноги вдруг делаются очень слабыми, и я еле могу переставлять их... Я никогда не видел, что будет, если чудовища меня поймают. Я всегда просыпаюсь от ужаса за секунду до этого. И, конечно, я никогда, никогда не пойду за ворота,

даже солнечным летним днем.

Еще я не хочу ходить в подвал. Там темно, холодно и страшно. Хотя поначалу мне было интересно узнать, что там. Но когда мама уступила моим просьбам и позволила мне спуститься туда вместе с Матильдой, я понял, что больше мне туда не хочется. Хотя Матильда спускается туда каждый день и приносит оттуда еду. Как-то раз я спросил ее, откуда берется еда в подвале, и Матильда сказала, что ее делают добрые гномики. Не знаю, может, они и добрые, но мне что-то не хочется встречаться с существами, которые живут в таком неприятном месте. Впрочем, Матильда сказала, что гномики очень пугливы и ни за что не дадут человеку себя увидеть. Когда я спускался с ней, то слышал, как что-то небольшое быстро пробежало в темноте. Видимо, это и был гномик.

А вот на чердаке мне хочется побывать. Там должно быть светло – я видел со двора чердачные окна в крыше. Но мама говорит, что ключ от чердака потерян. Чердачный замок не такой, как в нежилых комнатах – он висячий, как на сарае. Он весь ржавый, я даже не уверен, что его удастся открыть, если ключ найдется.

Сараи стоят за домом и в глубине сада. Я в них тоже бывал. Большинство пустые, там только пыль и паутина. Я ненавижу пауков и всегда, если вижу паутину, разрушаю ее палкой. Но они делают ее снова. У некоторых сараев провалилась крыша, и сквозь дыры светит солнце. В паре сараев сложен садовый инвентарь и еще какие-то инструменты. Еще есть сарай, разделенный на маленькие как бы комнатки с общим коридором вдоль противоположной стены, и рядом с ним сарай, где стоят экипажи. Они совсем старые, почти развалившиеся, но мама сказала, что раньше на них можно было ездить. Для этого надо запрячь в них лошадь, но у нас нет лошади, да и ездить нам некуда – разве что по аллее до ворот и обратно. Но если есть экипажи, значит, и лошади когда-то были, и ездить было можно? Мама и Матильда говорят, что я все узнаю, когда вырасту. Пока остается только догадываться. Может быть, мир не всегда был населен чудовищами? Или раньше в доме жил кто-то настолько глупый, что не послушался запрета и поехал за ворота, и там чудовища съели и лошадей, и его самого? Может, это и был старый господин?

* * *

Я догадался, как попасть на чердак! Замок продет через железные скобы, а эти скобы прибиты к двери и косяку гвоздями. Если вытащить гвозди, замок можно снять, не открывая! В сарае с инструментами я нашел подходящую штуку, чтобы это сделать. Не знаю, как она называется. По правде говоря, мама не разрешает мне играть с инструментами, она говорит, что я могу пораниться. Но мне очень хотелось побывать на чердаке, и я тайком принес эту штуку в дом. Я подумал, что если буду вытаскивать гвозди очень-очень осторожно, то не поранюсь. Вообще-то этой железякой наверняка можно пораниться, у нее такой жуткий вид, она похожа на пасть хищного зверя. Хотя я видел хищных зверей только на картинках... Я думал, что эта пасть легко справится с гвоздями, но оказалось, что для этого нужно очень много сил. Я провозился, наверное, полчаса, а может быть, целый час. И все это время боялся, что мама или Матильда поднимутся наверх и увидят, что я опять не послушался. Но они, наверное, думали, что я играю где-то в саду. Сад очень большой, он почти как лес, только внутри ограды. Когда туда уходишь, из дома тебя не видно, а из сада, если зайти подальше, за ветками и листьями не видно дома. Иногда я даже играл там, представляя, что я в лесу с чудовищами. Понарошку, да еще днем, это не так страшно. Чудовища были зарослями чертополоха, и я рубил их своим деревянным мечом.

Ну вот, мне наконец удалось отодрать от двери одну скобу. Правда, она при этом погнулась, и ее уже не удастся приладить обратно так, чтобы не было заметно. Надеюсь, это не скоро увидят. Я толкнул дверь – она жутко заскрипела, мне показалось, что это услышат во всем доме – и вошел.

На чердаке действительно оказалось светло и тепло, и совсем не страшно. Там очень много пыли, даже больше, чем в нежилых комнатах, и сильно пахнет деревом. Чердак очень длинный, ведь он не разделен на комнаты, как остальной дом – там только столбы, подпирающие крышу, а еще дымовые трубы. Кое-где между этими столбами сложены всякие старые вещи. Я нашел там старые стулья, и сундук с одеждой, которую никто не носит, и еще забавную штуку – это такая коробка с ручкой, наверху у нее диск, а за диском прикреплена такая смешная блестящая труба – она вся выгнута, и один конец у нее узкий, а другой очень широкий, с раструбом наподобие лепестков цветка. Если покрутить ручку, диск начинает вращаться.

Но главную находку я сделал в дальнем конце чердака, возле правого флигеля. Там рядом нет окон, и даже днем полумрак. Я увидел какой-то ящик и полез туда, но моего лица коснулись невидимые нити. Я понял, что это паутина, и мне стало так противно, что меня чуть не стошнило. Но у меня с собой была железная пасть с длинными ручками, и я стал размахивать ею впереди себя, а потом двинулся вперед, и паутины уже не было. Ящик оказался забит гвоздями, но я уже знал, как с ними справиться.

В ящике оказались картины – видимо, те самые, что убрали со стен. И я понял, почему их убрали! На картинах были чудовища!

Наконец я узнал, как они выглядят. Чудовища похожи на людей, но очень уродливы. Некоторые из них даже носят человеческую одежду – наверное, для того, чтобы обмануть нас и притвориться, что они тоже люди. Но тогда эти чудовища очень глупые, если надеются, что кто-то может принять такую жуткую морду за человеческое лицо! Другие чудовища совсем голые, и на этих смотреть еще противнее. Я поскорее убрал эти мерзкие картины обратно в ящик, и забил обратно гвозди железной штукой.

Я уже хотел уйти оттуда, но заметил, что за ящиком, там, где крыша уже почти сходится с полом чердака, есть еще какая-та картонная коробка. Я открыл ее и сначала долго чихал от поднявшейся пыли. А потом заглянул внутрь и увидел, что там лежат книги! Но не такие, как в библиотеке. Те толстые, с темным твердым переплетом. А эти тонкие, в мягкой обложке, с яркими картинками. Но от большинства из них мало что осталось. Их как будто кто-то грыз. Я нашел круглую дырку в углу коробки. Может быть, через нее пролезли гномики и сделали это с книгами? Но ведь гномики живут в подвале, а не на чердаке. Лишь одна книга сохранилась полностью, от первой страницы до страницы с надписью "КОНЕЦ". И на обложке у нее нарисованы чудовища! Я захотел узнать про них побольше, взял эту книжку, пошел к окну, где солнце, и стал читать.

Оказывается, раньше люди жили на всей земле, и их было очень много! А потом со звезд прилетели чудовища. Они напали на людей и стали их убивать. Люди сопротивлялись, но чудовища оказались сильнее, потому что у них была лучше техника. Остались только отдельные убежища в глухих местах, где прячутся последние люди. Наверное, наш дом – как раз такое убежище! Но в книжке говорится про другое убежище и других людей. Значит, нас на свете не трое и вообще мир гораздо больше! И то, другое убежище больше нашего дома, хотя мне казалось, что больше его и быть не может. Оно находится под землей, и там живут десятки человек. Под землей – это значит как в подвале? Бррр... Но они там не просто прячутся, а думают, как победить чудовищ. Еду они делают сами, а про подземных гномиков в книжке ничего не говорится. Может быть, и у нас в подвале нет гномиков, а есть вход в подземное убежище? И Матильда сказала мне неправду? Но ведь и она, и мама всегда говорили мне, что врать – это очень плохо!

Я так увлекся чтением, что наверняка опоздал бы на ужин. Но на солнце нашла туча, и на чердаке сразу стало почти темно. А потом загремел гром и хлынул ливень. Хотя мне очень хотелось читать дальше про другое убежище и других людей, я не решился взять книжку с собой. Я подумал, что мама может рассердиться, если найдет ее. Но в коробку я ее тоже не

положил, чтобы ее не сгрызли, как другие. Я спрятал ее в сундук со старой одеждой – в нем никаких дырок не было, и одежду никто не грыз. И инструмент с железной пастью я тоже положил туда, чтобы не бежать в сарай под дождем – ведь теперь я мог войти на чердак и без него. А потом я кое-как приладил на место замок и побежал вниз.

Мне было обидно, что мама и Матильда так много мне не рассказывали, но уже ночью я понял, почему. Мама была права про плохие сны. Всю ночь мне снились голые чудовища, которые вылезают из картин и гоняются за мной по дому. Я убежал от них в сад, но они не отставали. Я добежал до самых ворот, но они окружали меня и тянули ко мне свои мерзкие руки, и мне оставался только один путь – за ворота, в лес. Но ведь этого никогда-никогда нельзя делать! Там кончается Безопасная Зона и живут чудовища! С другой стороны, чудовища были уже в доме и в саду, и я никак не мог понять, как такое возможно. Но тут самое противное чудовище с жирными складками на боках сказало: "Это потому, что ты не слушался и без разрешения взял инструмент и полез на чердак. Это открыло нам путь в Безопасную Зону. Мы заполучили твою маму и Матильду, а теперь и тебя!" Обычно, когда доходит до такого ужаса, я просыпаюсь, но тут почему-то не проснулся, и мне осталось только одно – выбежать за ворота и бежать в лес. Я бежал, и бежал, а потом споткнулся о корень, упал и больно ударился.

Я не сразу понял, что уже не сплю. Больно было по-настоящему. Я лежал на полу – значит, во сне я упал с кровати. Было еще темно, и мне снова стало почти так же страшно, как во сне. Хотелось немедленно бежать в спальню к маме и убедиться, что с ней все в порядке. Я говорил себе, что ведь и раньше бывало, что я не слушался, а чудовища не приходили. Но ведь раньше чердак и ящик с картинами были забиты гвоздями. Что если, вытащив гвозди, я их выпустил?! И я побежал к маме.

Возле двери ее спальни я вдруг испугался – а что, если чудовища уже внутри? Поэтому я остановился и прислушался. Изнутри доносились странные звуки. Но они не походили на рычание чудовищ. Скорее на приглушенный смех, и это был мамин голос. Я очень осторожно приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Горела лампа на прикроватном столике. Никого чужого в спальне не было. Мама сидела на кровати спиной ко мне и смотрела на то, что держала в руках. Мне показалось, что это картина, только не такая большая, как на стенах, а гораздо меньше и почему-то черно-белая. Я подумал, что там, наверное, нарисовано что-то смешное. Но больше я ничего не успел рассмотреть, потому что под моей ногой громко скрипнула половица, и мама резко обернулась, одновременно кладя маленькую картину на столик лицевой стороной вниз. Только тут я понял, что мама не смеялась, а плакала. От слез ее лицо стало не таким красивым, как всегда. Я раньше никогда не видел, чтобы она плакала. Я даже не знал, что она умеет это делать. Матильда иногда промакивает платком глаза, но и то беззвучно, но мама – никогда.

Я спросил ее, что случилось, но она ответила, что все в порядке, ей просто приснился плохой сон. Я сказал, что мне тоже, про чудовищ, и спросил, точно ли они не смогут добраться до нас. Мама сказала, что не смогут. Я решил воспользоваться моментом и узнать у нее про то, что написано в книжке, но только так, чтобы она не догадалась, что я ходил на чердак. Поэтому я стал просто расспрашивать ее про чудовищ, и есть ли что-нибудь такое, о чем они с Матильдой мне не рассказывали. Но мама сказала, что от таких разговоров точно снова приснятся плохие сны нам обоим. Мне еще хотелось спросить про маленькую картину, но я видел, что она не хочет мне ее показывать. Придется и дальше узнавать все из книжки.

* * *

На следующее утро я стал чихать, и я подумал, что это от пыли, которой я надышался на чердаке. Но потом у меня заболела голова и начался жар, и меня уложили в постель. Мама и Матильда поили меня сладкой микстурой и горькими порошками, и говорили, что мне нужно

больше спать. Я не хотел спать, потому что знал, что во сне за мной придут чудовища. И они действительно пришли, и я уже не мог отличить, где сон, а где явь. Мама даже пришла ко мне среди ночи, так громко я кричал. Мне было очень плохо, и я подумал, что это мне наказание за то, что я не послушался и полез без разрешения на чердак, и что больше я не буду так делать.

Я проболел почти неделю. Лишь на шестой день мне разрешили встать. Я старался не думать больше о книжке и о чудовищах, и о тех других людях в подземном убежище, потому что помнил, что со мной было после посещения чердака. Но чем больше времени проходило с моей болезни, тем больше мне казалось, что все было не так уж страшно, и тем сильнее хотелось узнать, что же в книжке дальше. В конце концов, подумал я, может быть, тем подземным людям нужна наша помощь! Я, конечно, говорил себе, что, если бы это было так, мама и Матильда уже бы что-нибудь сделали. Но потом я подумал, что они, может быть, вообще ничего не знают про подземных людей – ведь книжка на чердаке, а ключа от чердака у них нет, и они, наверное, там никогда и не бывали. Это все объясняло. Мне стало стыдно, что я подумал, будто они говорили мне неправду. Они просто не знали! И, значит, только от меня зависит, сможем ли мы помочь подземным людям одолеть чудовищ. Так что, хоть я и обещал себе больше этого не делать, но просто должен был снова пойти на чердак.

Прошло уже десять дней с моего прошлого визита, но с книжкой, как я и надеялся, в сундуке ничего не случилось. Я снова уселся было у окна, но тут я опять чихнул от пыли и подумал, что лучше бы мне читать где-нибудь в другом месте. Я засунул книжку под жилет и побежал в сад.

В саду, в самой глухой и заросшей его части, есть старая беседка. Пробраться туда можно только сквозь заросли крапивы и чертополоха, но я их не боюсь, когда со мной мой меч. Не знаю, бывали ли здесь когда-нибудь мама и Матильда; думаю, они не смогли бы пройти сюда в своих длинных платьях, цепляющихся за колючки. Может быть, они даже не знают про это место. Когда-то решетчатые стенки беседки покрывали вьющиеся растения, но потом они умерли, и от них остались только редкие сухие плети. Поэтому внутри достаточно светло, чтобы читать.

Там я и устроился с книжкой. Подземные люди изобретают оружие против чудовищ, и уже почти его изобрели, но им не хватает некоторых... иргиндиентов, если я правильно запомнил слово. И они пытаются наладить связь с другими убежищами, надеясь, что там найдется недостающее. А еще они ходят на разведку в земли чудовищ – в развалины бывших человеческих городов (насколько я понял, город – это когда рядом стоит не один, а много домов; значит, чудовища живут не только в лесу), потому что там тоже бывают полезные находки. Но это очень опасно. Некоторые из них уже погибли или пропали без вести в таких экспедициях. Я подумал, что, наверное, кто-то из разведчиков добрался и до нашего дома. И оставил здесь эту книжку, чтобы мы знали об их борьбе. А потом... сумел ли он вернуться назад, или тоже погиб в пути? И почему книжка оказалась заперта на чердаке, в самом дальнем углу? Может быть, чудовища все же проникали в наш дом, и ее нужно было спрятать?

Я читал и читал, надеясь, что там сказано, как связаться с подземными людьми и где их убежище, но там не было это сказано, и книжка все не кончалась, все рассказывала про приключения и опасности. И вышло так, что я опять дочитался до самой темноты. Но на сей раз это была уже не туча, а зашло солнце.

Тут я вскочил, спрятал книжку под скамейку беседки и побежал домой, думая, как меня будут ругать за опоздание. Еще подбегая к дому, я увидел маму, она стояла на крыльце и всматривалась в заросли. Я сказал, что заигрался и не заметил, что уже поздно. Мама, похоже, была рада меня видеть, а потому не стала сильно ругать и только спросила, не видел ли я Матильду. Оказывается, когда я не пришел к ужину, Матильда отправилась меня искать и до сих пор не вернулась. Мама уже стала беспокоиться за нас обоих и обошла весь дом, никого не встретив. Я предложил поискать Матильду в саду. Но мама сказала, что сад слишком большой,

и мы можем долго искать там друг друга, ходя кругами – пусть уж лучше Матильда обойдет его весь и вернется сама. А мне она велела идти ужинать, поскольку все уже и так остыло.

Я пошел в столовую и впервые в жизни поужинал один. Мне было неуютно в этой большой и пустой комнате, где уже сгустился полумрак, и я постарался закончить поскорее, а потом снова побежал на крыльцо. Мама все еще стояла там и была очень обеспокоена. Она сказала, что сад, конечно, большой, но все же не настолько, чтобы ходить по нему два часа, и с Матильдой, наверное, что-то случилось. Над землей тем временем поднялся туман, укутав деревья в саду призрачной пеленой. Но даже в тумане в нашем саду едва ли можно заблудиться. Мама верно сказала, он все-таки не настолько большой – в конце концов непременно выйдешь либо к ограде, либо к аллее, либо к дому. Мама сказала, что пойдет на поиски, и направилась в дом за фонарем, а мне велела идти в спальню. Но мне было страшно оставаться в темном доме одному, тем более, когда что-то непонятное случилось с Матильдой, и я упросил маму взять меня с собой. Она тоже дала мне большой тяжелый фонарь, и мы пошли в туман, громко окликая Матильду. Но нам никто не отвечал, лишь какая-то ночная птица заухала в листве.

Мама велела мне держаться с ней рядом, но это потому, что она прежде не ходила по саду там, где нет аллей, и не знала, что в ее наряде сложно пройти через колючие заросли. Поэтому вышло так, что я ушел вперед, а она отстала. Я слышал ее голос, и мне казалось, что она по-прежнему идет за мной. Но в какой-то момент она окликнула не Матильду, а меня. Я обернулся и понял, что ее рядом нет. Должно быть, туман искажал звуки, вот мне и казалось, что она близко – а теперь я даже не мог понять, с какой стороны она меня звала. И ее фонаря я тоже больше не видел за листвой.

Мне снова стало страшно. Я гулял в этом саду, сколько себя помню, и изучил каждый куст, но то было днем. Я никогда не бывал здесь ночью, да еще в тумане. Ночью Безопасная Зона совсем не казалась безопасной. А ведь только что где-то здесь таинственно пропала Матильда. И даже то, что я только что слышал мамин голос, не очень меня успокаивало. Я вдруг подумал – а что, если чудовища умеют подражать человеческим голосам? И маму уже заманили в ловушку, а теперь заманивают и меня?

Я не знал, что мне делать – откликаться или затаиться. Затем я решил, что надо идти на голос, но тихо: я подкрадусь и увижу, действительно ли это мама. Я даже погасил свой фонарь, чтобы меня не заметили раньше времени. Но туман продолжал играть со мной злые шутки. Я пробирался сквозь заросли, а голос доносился то справа, то слева, то вроде бы рядом, но, когда я вышел туда, там были только мокрые лопухи. Я стоял, озираясь, и не знал, куда идти дальше. Меня снова окликнули, но на сей раз вроде бы совсем издалека. Я двинулся туда и вдруг наткнулся на холодные чугунные прутья. Ограда! Меня звали из-за ограды! Теперь не было сомнений, что это чудовища. Я бросился бежать прочь, решив, что спрячусь в доме и закроюсь до утра в своей спальне. Но, пробегая между деревьями, запнулся за какой-то толстый корень и упал. Мой фонарь ударился о древесный ствол и разбился. Но сам я даже не расшиб коленки, потому что земля была мягкой.

И вдруг корень, о который я запнулся, зашевелился и попытался схватить меня за ногу! Я завизжал от ужаса и прямо на четвереньках отбежал прочь. Но потом я все-таки нашел в себе силы оглянуться.

Это был не корень. Из высокой травы торчала человеческая рука.

Некоторое время я смотрел на нее, но она больше не двигалась. Тогда я решился приблизиться и раздвинул траву.

Там была Матильда. Она лежала на земле вниз лицом. Я не знал, что мне делать. Я негромко позвал ее, но она не отвечала. Я подумал, что надо перевернуть ее и заглянуть ей в лицо, но мне вдруг стало страшно к ней прикасаться. Даже не страшно, а... неприятно, что ли. Почти как к паутине. Не знаю, почему, я ведь всегда любил Матильду. Я отломал тонкий прутик с ближайшего дерева и осторожно ее потыкал. Ничего не произошло.

Тут сбоку затрещали ветки, и в тумане замаячил свет фонаря – а через несколько секунд появилась мама, слышавшая мой крик. Она сразу же поставила фонарь на землю и склонилась над Матильдой, переворачивая ее на спину. Некоторое время она возилась с Матильдой, зачем-то щупая ее шею и оттягивая веки.

– Она... умерла? – несмело спросил я.

– Нет, – покачала головой мама, выпрямляясь. – Она жива, но, похоже, у нее плохо с сердцем. Помоги мне, мы должны скорее отнести ее в дом.

Мама подхватила Матильду под мышки, а я взял за ноги. Нести ее было совсем не легко. Матильда, конечно, далеко не такая худая, как мама, но я не думал, что она настолько тяжелая! Наконец мы дотащили ее до дома и уложили на первую же софу. Мама сказала, что сейчас принесет нюхательную соль и сердечные капли. Когда она поднесла флакон к лицу Матильды, та открыла глаза.

– Госпожа... – пробормотала она. – Кажется, со мной все...

– Не говори глупостей, Матильда, – перебила мама. – Тебе нужно в больницу, только и всего.

– Вы же не умеете... водить...

– Не так уж это сложно. Как включается зажигание, я знаю.

Я не мог понять, о чем они говорят и что мама собирается зажигать. Мне никогда не разрешали зажигать что бы то ни было, потому что огонь – это очень опасно. Хотя он нужен, чтобы готовить еду и обогревать дом. Но как он может вылечить Матильду? Но, только я открыл рот, чтобы спросить, мама вспомнила о моем присутствии и обернулась.

– Натаниэль, – строго сказала она, – иди спать. И так уже слишком поздно.

– Но Матильда?...

– С ней все будет в порядке.

Когда мама говорит таким тоном, с ней лучше не спорить. Я поплелся в свою спальню. Я думал, что долго не смогу заснуть после всего этого, но, напротив, заснул очень быстро. А уже в следующий миг – или мне так только показалось – меня разбудил оглушительный грохот.

Было совсем темно, но из-за окна доносился мерный шум. Потом ослепительно сверкнуло и снова загрохотало. Я понял, что опять разразилась гроза. Я не люблю грозы, особенно когда сверкает и грохочет так близко. Некоторое время я лежал, глядя во тьму, но на сей раз заснуть не получалось. Я решил, что пойду к маме и спрошу, как там Матильда.

Но в спальне у мамы было темно и пусто. И даже постель не разобрана. Я подумал, что она, может быть, с Матильдой. Однако и в комнате Матильды никого не было. И на первом этаже, куда мы принесли ее, тоже.

Мне хватило четверти часа, чтобы обегать весь дом и убедиться, что их нигде нет. Я даже заглянул на чердак. Но не могли же они в такую погоду уйти в сад! Тем более что Матильда сейчас вообще не может ходить. Значит... их нет во всей Безопасной Зоне?!

Оставалась еще слабая надежда, что они в каком-то из сараев. Хотя я не мог представить, что они могут там делать. И мне очень не хотелось выходить в дождь и грозу. Но оставаться в одиночестве и неизвестности было еще страшнее. Я полностью оделся, надел плащ и выскочил под ледяные струи.

Конечно, ни в одном из сараев их тоже не оказалось. Но я заметил, что один из сараев, который обычно закрыт, теперь стоит нараспашку. Этот сарай выглядит новее, чем остальные. Я спрашивал маму, что в нем, и она ответила, что ничего нет, но не объяснила, почему он заперт. Теперь я убедился, что в нем и в самом деле пусто. Ну, разве что в углу лежали две шины, как на колесах экипажей. Но для экипажей они бы не подошли, они были толще, а в диаметре меньше.

Но это все не объясняло, куда девались мама и Матильда. Я подумал, что, может быть, они все-таки знали про подземных людей, и отправились за помощью к ним. Но мама не смогла

бы одна нести Матильду. Ну, может быть, сумела бы дотащить до крыльца, но до ворот – уже вряд ли. А ведь убежище подземных людей, наверное, гораздо дальше! А значит, они покинули дом не по своей воле. Значит, чудовища все-таки добрались сюда, пока я спал! Ведь и в книжке было сказано, что чудовища могут обнаружить убежище.

Книжка! Может быть, я найду ответ там. Я побежал в беседку. Пока я продрался сквозь заросли, я был уже мокрый с ног до головы. Но это была ерунда по сравнению с тем, что я обнаружил минуту спустя. Тайник под скамейкой оказался ненадежным. Крыша беседки протекала, и книжка оказалась в луже дождевой воды! Я попытался открыть ее, но слипшиеся страницы стали рваться прямо у меня в руках.

И я понял, что остался совершенно один, и, если я вернусь в дом, никто мне не поможет. Мне даже будет нечего есть, потому что еду готовит Матильда. И, значит, мне придется выйти за ворота. Тогда, может быть, мне удастся спасти маму и Матильду. Или отыскать подземных людей и попросить помощи у них. Конечно, выйти за ворота – это самое плохое, что можно сделать. То есть, чего нельзя делать. Так всегда говорила мама. Но теперь она сама где-то там. И дом больше не Безопасная Зона. А из книжки я знал, что пройти через земли чудовищ можно. Опасно, но можно.

Конечно, мне понадобится оружие. Деревянный меч не годится. Тогда я сходил на кухню и взял большой нож, которым Матильда резала мясо. Мне было строго-настрого запрещено что-то трогать на кухне. Но, раз уж я решился выйти за ворота, все прочие запреты теряли значение.

К тому времени, как я дошел до ворот, дождь уже не хлестал, а слегка капал. Гром еще погромыхивал, но уже далеко. И стало немного светлее, видимо, близился рассвет. Подойдя к воротам, я вспомнил, что на них с внутренней стороны всегда висит замок. Он висел и теперь, но он был отперт и висел лишь на левой створке. Я навалился на ворота, и они, хоть и тяжелые, открылись. Я сделал еще шаг – и оказался на земле чудовищ.

Я немного постоял, вглядываясь в сумрак, а потом сказал себе, что, если не думать про чудовищ, то здесь даже и не страшно. Во всяком случае, не страшнее, чем в ночном саду – разве что деревья повыше. И даже от ворот сквозь лес идет дорога, словно продолжение главной аллеи. Наверное, она осталась с тех времен, когда чудовища еще не пришли со звезд.

И я пошел по дороге, сжимая в руке нож и повторяя, что мне не страшно. Хотя на самом деле, конечно, мне было очень страшно. Но дождь совсем перестал, и становилось все светлее, так что мое настроение немного улучшилось. Я шел так довольно долго, и вдруг впереди показались еще одни ворота. Но они были не такие высокие, как первые, и не литые, а из проволочной сетки – я их даже не сразу заметил из-за этого. И ограда вокруг была такая же несолидная, из сетки. На этих воротах висел какой-то железный прямоугольник. Они открылись совсем легко, правда, громко скрипнули при этом. Я увидел, что на другой стороне прямоугольника написано "Частное владение. Прошедшие будут привлечены к ответственности."

Я опять испугался, что я и есть прошедший, точнее, стану им, если пройду через ворота, но тут я подумал, что эта надпись – с той стороны, а значит, она адресована идущим оттуда, а не туда. Но кто мог прийти оттуда? Только чудовища! Неужели их может остановить подобная надпись? Но ведь не может же быть, что она сделана для подземных людей! Они же наши друзья!

Недоумевая, я пошел дальше. Вскоре дорога влилась в другую дорогу, вынырнувшую из леса, и я зашагал уже по ней. Совсем рассвело, и туч на небе почти не осталось. Правда, когда солнце начало пригревать мокрый лес, над землей вновь заклубился густой туман. Но я шел по дороге и не мог заблудиться. Хотя и стало теплей, мне было все еще холодно в промокшей одежде, и я старался идти быстрее.

Эта дорога оказалась еще длиннее первой, и я уже стал уставать. Никогда прежде я не ходил так много. То есть я, конечно, подолгу гулял в саду, но не без остановки же! Но, когда я

уже решил, что надо присесть отдохнуть, туман вдруг стал быстро развеиваться, а через несколько шагов лес кончился. Впереди были горы, наверное, те самые, за которые садится солнце (но сейчас они были ярко освещены). Это было очень красивое зрелище, даже лучше, чем на картинах. А у их подножья, прямо передо мной, по обе стороны дороги стояли дома. Они были маленькие, гораздо меньше, чем наш дом, зато их было много – наверное, целых тридцать, а то и пятьдесят. Я догадался, что это и есть бывший человеческий город, о которых говорилось в книжке. И он может быть совсем заброшен, а может быть населен чудовищами. Возможно, как раз сюда они утащили маму и Матильду.

Я вспомнил, как действовали разведчики в книге. Сначала они вели наблюдение, потом, если убеждались, что все тихо, старались незаметно проникнуть внутрь. Я так и поступил. Некоторое время я смотрел на город, но не увидел между домами ни людей, ни чудовищ. Тогда я пошел вперед, ступая неслышно, и вскоре был уже в городе. Его маленькие домики были окружены смешными маленькими оградами – через такую без труда перелез бы даже я. От главной дороги в обе стороны ответвлялись еще несколько. На одной из них стоял странный экипаж на толстых колесах без спиц. Наверное, это была та самая техника со звезд, которая помогла чудовищам победить людей, и я решил не подходить близко. А потом я вдруг почуял умопомрачительно аппетитный запах свежих булочек, которые пекла Матильда! Только теперь я понял, что не только устал, но и здорово проголодался. Но главное – если здесь пахнет ее булочками, значит, Матильда здесь, и она жива!

Я легко отыскал дом, откуда шел запах. Он даже не был окружен оградой. Вокруг по-прежнему было тихо. Для начала я решил обойти дом со всех сторон. Но, не успел я дойти до первого угла, как за спиной у меня хлопнула дверь!

Я обернулся – и увидел чудовище. Мерзкая жирная туша и круглая уродливая морда, на которой росла шерсть. Бррр, какая гадость! В жизни это еще хуже, чем на картинах. Хорошо хоть, оно не было голым. Оно было одето, и мне бросился в глаза белый фартук на толстом брюхе.

– Привет, – прогнусавило чудовище. Его голос мало походил на человеческий, это было какое-то низкое глухое рычание. – Ты откуда? Я тебя здесь раньше не видел. Эй, что ты делаешь с этим ножом?!

Нет, я не стал убегать! Я понимал, что тогда чудовище позовет остальных. А если его быстро убить, оно не успеет предупредить своих. Разведчики в книге тоже так поступали. Поэтому я бросился прямо на него. Но чудовище, несмотря на весь свой жир, оказалось проворнее. Оно снова юркнуло за дверь, и мой нож вонзился уже в деревяшку. Мне пришлось постараться, чтобы выдернуть его обратно.

Теперь мне ничего не оставалось, кроме как бежать. Но переполох уже поднялся. Я слышал, как хлопают распахиваемые ставни. Я принялся петлять между домами, и мне уже казалось, что я сбил с толку чудовищ, как вдруг одно из них выскочило на улицу прямо передо мной. Оно не было таким толстым, как первое. На нем была темная одежда с блестящими пуговицами и какая-то странная шапка. Я уже потерял преимущество внезапности и решил не вступать в бой – все-таки оно было намного выше меня (и даже выше мамы) и наверняка сильнее. Я увернулся от его рук и помчался назад. "Стой, стой!" – ревело чудовище, топая сапожищами за моей спиной.

Я шмыгнул между оградами, затем свернул за угол, затем еще – и вдруг понял, что оказался в тупике. Слева и справа были ограды, а впереди – глухая стена какого-то большого каменного сарая.

Мой преследователь должен был появиться спустя считанные секунды, и я, недолго думая, перемахнул через правую ограду. Я заметил, что в домике за ней приоткрыта дверь. Я не знал, есть ли внутри чудовища, но мне нужно было где-то спрятаться, а времени на поиск лучшего убежища не оставалось.

Я вбежал внутрь, закрыл дверь и оказался в крохотной комнатке, совсем не похожей на просторный холл нашего дома. После яркого солнца на улице здесь мне показалось совсем темно. В углу вроде бы висела какая-то одежда; я вжался туда и замер, стараясь не дышать.

Я слышал, как мой враг топчется на улице и что-то бурчит, видимо, не понимая, куда я делся. Затем он, наверное, решил, что я побежал в другую сторону, и потопал прочь. Я ждал. Все было тихо. Постепенно мое бешено прыгавшее сердце успокоилось, а глаза привыкли к полумраку. Я осторожно выглянул из-за одежды.

И столкнулся нос к носу с новым чудовищем! Оно было намного меньше предыдущих. Но оно смотрело на меня, злобно скалясь, и в руке у него был нож!

Бежать означало подставить ему спину, и я бросился в атаку, подумав, что уж с таким-то мелким я справлюсь. Но, как я ни старался действовать очень быстро, оно взмахнуло ножом и прыгнуло на меня не менее проворно. Я еще успел изменить направление удара, но и оно сделало то же самое. Наши ножи встретились на полпути...

Раздался звон, и вниз посыпались куски стекла. Передо мной никого не было – только глухая стена. Все еще не веря, я поднял с пола крупный осколок и вновь увидел в нем ту самую безобразную рожу. Я наморщил лоб, надул щеки, высунул язык. Рожа проделала все то же самое.

Так значит... значит... я и сам – чудовище???!!!

Я был настолько потрясен, что даже не сопротивлялся, когда из двери, ведущей вглубь дома, вышла новая тварь и схватила меня за руку, отбирая нож. Во сне я никогда не мог узнать, что будет, когда чудовища меня схватят. Не узнал я этого и сейчас. Тьма поглотила меня...

* * *

– ... большой пожар в имении Юргенштернов, о нем еще писали в газетах... Пожарные прибыли слишком поздно, сами понимаете, сельская местность. Выбраться из огня удалось только троим. Владелец имения вытащил свою молодую жену, их экономка спаслась сама. Но все трое получили сильнейшие ожоги. Александр фон Юргенштерн позже скончался в больнице. Женщины выжили, но, вы сами видели...

– Да уж.

– Беатриса получила большую страховку за сгоревший дом, за смерть мужа и за собственные травмы. После этого она купила поместье в наших краях. Дом много лет простоял пустым – старые хозяева давно умерли, а их наследники перебрались в Америку еще до войны. Там нет даже электричества, не говоря о телефоне, представляете? Но это было именно то, что ей нужно. Забраться в самую глушь и вести там отшельническую жизнь. Трудно осудить ее за это после того, что огонь сделал с ее лицом, верно?

– Воистину. С лицами их обеих. Знаете, врачу положено иметь крепкие нервы, тем более с моим опытом – но даже мне трудно смотреть на подобное без содрогания...

– Госпожа Юргенштерн вообще никогда не покидала поместья. Экономка ездила за продуктами, но и то по ночам. Хозяин лавки рассказал мне, что у них была договоренность – он оставляет ей товар, она забирает его и оставляет деньги. Лично он видел ее всего пару раз, всегда под густой вуалью. Кое-кто в деревне знал об этой истории, но обсуждать эту тему считалось неприличным. Их жалели. Чего, однако, никто не знал, так это что Беатриса была беременна. Она покинула больницу прежде, чем это стало заметно.

– И ребенок родился без всякой медицинской помощи.

– Как видите, доктор, физически ему это не повредило. Но как представлю, какую жизнь он там вел... Бедный мальчик. Всю жизнь видеть перед собой только эти лица...

– В этом-то все и дело, инспектор. В том-то и был, полагаю, замысел Беатрисы. Он это так не воспринимает. Для него именно такие лица – норма, потому что он не видел других. Даже

собственного. Полагаю, не ошибусь, если скажу, что в поместье нет ни единого зеркала?

– В точку, доктор! Ни одной отражающей поверхности, даже окна и стекла шкафов матовые. И портретов на стенах, кстати, тоже нет. Значит, по-вашему, именно поэтому она скрыла существование сына от государства?

– Конечно. Ей было важно исключить любые его контакты с внешним миром.

– Но... это же безумие! Не говоря обо всем прочем – не могла же она не понимать, что, в конце концов, не вечна?

– Инспектор, мне ли вам объяснять, что никакие рациональные соображения не пересилят желания женщины оставаться красивой для единственного мужчины, который остался в ее жизни? Пусть даже этот мужчина – ее собственный сын.

– Кстати, о невечности. Как по-вашему, она выкарабкается?

– После такой аварии? Крайне маловероятно. Чудо, что она хотя бы смогла сказать вам о ребенке.

– Да, мы искали его в поместье, а нашли здесь. После того, как он чуть не зарезал господина Брауна.

– Признаюсь, мне бы сильно не хватало его выпечки.

– Счастье еще, доктор, что вы не растерялись, когда он вломился к вам с ножом.

– Пустяки, инспектор, на войне мне доводилось успокаивать двухметровых контуженных амбалов. Но вы не должны быть слишком строги к мальчику. Вы должны понимать, какое потрясение он испытал.

– Да, конечно. Как он сейчас?

– Физически он в полном порядке. Нет даже признаков простуды, несмотря на долгую прогулку в мокрой одежде. Вероятно, мобилизационный ресурс организма... Его обморок – последствия нервного шока, не более чем. Но это скоро пройдет. Сейчас он спит. Что с ним будет дальше, инспектор?

– Полагаю, в любом случае будет начато дело об опекунстве.

– Могу я попросить вас пока оставить его у меня? Любое перемещение в государственное учреждение сейчас станет для мальчика только новым тяжелым стрессом. А уж мы с ним как-нибудь найдем общий язык.

– Полагаю, это возможно. Но, доктор... я знаю, вы с Мартой всегда хотели иметь детей. Но вы ведь понимаете, что в данном случае шансы... у мальчика еще могут отыскаться родственники, и потом...

– Нет-нет, инспектор. Я не прошу вас об обещаниях, которых вы не можете дать. Речь лишь о временном размещении пациента в интересах его скорейшего выздоровления, не более чем.

– Хорошо. Думаю, начальство не будет против.

– Благодарю вас, инспектор.

– Всего хорошего, доктор.

Хлопает дверь. Одно из чудовищ ушло. Второе приближается ко мне. Я продолжаю держать глаза закрытыми и дышу ровно, делая вид, что сплю. Оно стоит рядом, должно быть, разглядывая меня, потом осторожно касается моего лба. Я к этому готов, поэтому не вздрагиваю от омерзения. "Все будет хорошо, малыш", – бормочет чудовище своим отвратительно низким голосом. "Теперь все будет хорошо."

Затем оно уходит, мягко прикрыв за собой дверь. Я выжидаю для верности какое-то время, потом осторожно открываю глаза, потом беззвучно вскакиваю с кровати. Я уже успел бегло оглядеться, когда оно оставило меня в покое в первый раз, и теперь убеждаюсь, что все заметил правильно. Первым делом я беру большой тяжелый стул и просовываю его ножку в ручку двери – двери той комнаты, куда ушло чудовище. Я знаю, оттуда нет другого выхода. Оно не сможет вырваться и не сможет мне помешать.

В комнате есть камин. Он не горит. Это они предусмотрели. Но на камине лежат спички! Играть со спичками нельзя. Я и не буду. Но как они зажигаются, я знаю. Видел много раз. Первая все-таки ломается. Но на второй вспыхивает и разгорается желтоватый огонек. Маленький. Пока маленький. Но вокруг много дерева и бумаги.

Чудовище право в одном – теперь все будет хорошо. Я понял далеко не все из того, что они говорили. Но я понял главное: это благодаря огню мама и Матильда стали такими, какие они есть. Это было больно. Наверное, очень больно. Видимо, поэтому мама не захотела сделать то же самое со мной. Решила, что лучше уж мне оставаться уродом. Но она сделала все, чтобы я не узнал, что я урод. Милая мама, она ведь так меня любит! Воображаю, каково ей было каждый день видеть мое лицо и не показывать своего отвращения.

Но больше тебе не придется это терпеть. Теперь немного потерплю я. Я сильный. Я не побоялся выйти за ворота и сразиться с чудовищами. Я выдержу.

Я буду таким же красивым, как ты, мама.

2007

Я все исправлю

(*Идея этого рассказа заимствована из собственного сна*)

В дверь Джеки постучали.

Джеки вздрогнул, и сердце его забилось быстрее. Он не любил этот звук и боялся его - как, впрочем, и любых неожиданных и резких звуков. Но стук в дверь был хуже. О нем нельзя было просто тут же забыть, как о прочих случайных шумах из внешнего мира. Он предполагал продолжение и требовал реакции. Он был *инвазивным*. Обычно под этим термином понимают медицинскую процедуру, когда некий острый инструмент - шприц или скальпель - вторгается в организм, рассекая плоть. Но для Джеки вторжение посторонних звуков - и, главное, людей, стоявших за этими звуками - в его личное пространство было столь же мучительно, как для других - вонзающийся в их тело металл. Джеки мог спокойно общаться с людьми на улице или в магазине - может быть, потому, что там он видел их и заранее знал, когда они заговорят (а то и сам заговаривал с ними первым), или же потому, что все это происходило во *внешнем* мире. Но стук в *его* дверь - это было совсем другое дело. Даже не поверхностный укол, а попытка острого жала проткнуть в самую глубину. Хуже этого было только, когда на него принимались *кричать*. Нет, он не ассоциировал одно с другим. Чаще всего на него кричала его мать, а она всегда входила в его комнату без стука (даже когда ему уже исполнилось восемнадцать). А с тех пор, как он стал снимать жилье у миссис Бальямос, на него вообще никто не кричал. Но это не очень успокаивало Джеки. Он помнил, что люди - непредсказуемые существа, которые могут начать кричать в любой момент.

Мать называла его "мое наказание". Отца у него никогда не было - и, кажется, одно было как-то связано с другим. То есть она считала, что некто по имени "Бог" наказал ее за то, что она родила Джеки без мужа. Но кричала при этом почему-то не на себя и не на Бога, а на Джеки.

Он был, как принято говорить сейчас, ребенком с особыми потребностями. Но во времена его детства этот оборот еще не был в ходу, да и никаких особых потребностей у него, на самом деле, не было. Скорее наоборот - у него отсутствовали обычные потребности, свойственные детям (а впоследствии и взрослым) его возраста. Все свое детство он почти не выходил на улицу, проводя время в своей комнате, и его это полностью устраивало. Ему совершенно не хотелось общаться со сверстниками (или с кем-либо еще). Он даже не смотрел телевизор - мультики были для него лишь бессмысленным мельтешением цветовых пятен, и даже фильмы с живыми актерами не способны были привлечь и удержать его внимание - он же видел, что это просто-напросто движущиеся картинки, наборы зернистых точек на экране, и в принципе не понимал, как им можно сопереживать и сочувствовать. Он вообще плохо понимал людей, начиная с собственной матери, и давно оставил попытки их понять. Все, что ему было от них нужно - это чтобы они оставили его в покое. Доктора говорили, что у него аутизм, неизменно, впрочем, добавляя - "в легкой форме, не исключающей социализации".

Зато он очень хорошо понимал вещи.

Ему достаточно было взглянуть на них изнутри один раз, чтобы понять, как они устроены - и что с ними не так (если и в самом деле что-то было не так). Когда ему было девять лет, он разобрал золотые часы своей матери - доставшийся ей от деда антикварный хронометр, которым она очень дорожила как чуть ли не единственной по-настоящему ценной вещью в доме, хотя никогда не использовала по назначению - даже не заводила. Это и не имело смысла, поскольку хронометр давно утратил право на свое гордое наименование, отставая на три минуты в час. Джеки разобрал его до последней мельчайшей шестеренки, и тщательно прочистил все детали от скопившейся за целое столетие грязи, а потом собрал обратно. Мать застала его уже в самом конце этого процесса и принялась кричать, хотя он совершенно не мог понять, почему. Ведь он же починил хронометр, который с тех пор стал ходить секунда в

секунду! Правда, ему пришлось прятаться от нее под кроватью, пока она стояла и кричала - но иначе она бы просто не дала ему закончить работу (что, конечно же, тоже было совершенно непонятно и нелогично с ее стороны). Как только он закрыл корпус и завинтил последний винтик, он сразу же вылез, но ее это не успокоило. По ее словам выходило, что он вообще не должен был - и не должен впредь! - прикасаться к этим часам! Но почему, если он исправил их? Несколько дней спустя, желая сделать так, чтобы она больше не сердилась, он, пока она спала, разобрал все остальные часы в доме. Мать вечно жаловалась, что ей ни на что не хватает времени, хотя Джеки, опять-таки, не понимал, чем таким особенным она занята. Она проводила почти все время дома (на работу она не ходила, получая чеки от социальной службы) и подолгу спала, нередко и днем, если перед этим пила вонючую жидкость из бутылки. Но, так или иначе, она говорила, что ей не хватает времени, и Джеки решил сделать ей подарок. Он перенастроил все часы так, чтобы они шли в полтора раза медленнее, так что времени у его матери теперь должно было быть хоть отбавляй. Но она снова принялась на него кричать! Возможно, потому, что он перенастроил все-таки не *все* часы, не тронув тот самый хронометр, а оттого из попытки замедлить время ничего не вышло - но ведь она сама запретила ему впредь прикасаться к хронометру! Кажется, это была его последняя попытка сознательно сделать для матери что-то приятное. С тех пор он лишь старался не проявлять никакой инициативы (довольствуясь разборкой и сборкой лишь имевшихся у него игрушек - тем паче что они со временем тоже нуждались в починке, а новые у матери лучше было не просить) и вообще пореже выходить из своей комнаты. С годами мать пила все больше, и его это радовало. Когда она спала, она уж точно не кричала.

Когда ему исполнилось восемнадцать, мать заявила, что больше не получает пособие на него, и он должен жить самостоятельно. Сперва это испугало его, но когда он понял, что на новом месте у него будет такая комната, куда уже никто не сможет войти без его разрешения, он сразу успокоился. Мать, впрочем, помогла ему снять его первое самостоятельное жилье через агентство недвижимости. Джеки там не очень понравилось. Это был длинный двухэтажный дом, где было много других квартир, и их жители время от времени кричали. Среди них тоже были любители вонючей жидкости, но на них она почему-то действовала по-другому - вместо того, чтобы спать, они становились еще более шумными и непредсказуемыми, чем обычно. Обыкновенно они кричали не на Джеки, а друг на друга, но все равно, эти звуки, доносившиеся сквозь тонкие стены, а то и прямо со двора, заставляли его сжиматься и цепенеть, как когда кричали на него самого. Но это жилье было очень дешевым - всего $400 в месяц - а Джеки не мог позволить себе большие траты. Никаких пособий он не получал, ибо считался трудоспособным, да и был таковым. Поначалу основным его заработком был ремонт часов - что могло бы приносить неплохие деньги, если бы Джеки открыл собственную мастерскую с витриной и вывеской, зарегистрировал ее в "Желтых страницах" и сидел там каждый день в указанные часы работы, принимая клиентов. Но это требовало слишком много действий во *внешнем мире*. Поэтому Джеки довольствовался теми, кто приносил часы ему на дом (в угловую каморку на втором этаже не самого респектабельного многоквартирного дома), узнав о странном, нелюдимом, но очень искусном часовщике от знакомых знакомых. Но с годами люди все меньше пользовались механическими часами, переходя на смартфоны и прочие электронные устройства. Чинить смартфоны Джеки не умел. Там были микросхемы, а с ними он ничего не мог поделать. Однако более простые электроприборы поддавались ему не хуже, чем механические устройства. В свое время он даже отходил месяц на курсы по трудоустройству, где его научили паять. Там же объясняли и основы электротехники, но эти объяснения остались для Джеки пустой абстракцией. Он так и не усвоил, что такое закон Ома, правила Кирхгофа и принцип работы катушки индуктивности. Но ему это и не требовалось - как птице не требуется знание аэродинамических формул. Ему достаточно было вскрыть устройство - хоть механическое, хоть электрическое - и посмотреть на него изнутри, чтобы понять, как именно

оно должно работать. Иногда дефектный элемент - такой, как лопнувшая пружина или обуглившийся резистор - бросался в глаза сразу и был бы очевиден любому. Иногда внешние признаки были столь незначительными, что их замечал только наметанный глаз или чувствительный палец Джеки, подкрепленный его же удивительной интуицией (основанной на практическом опыте, а не на логике физических законов). Бывало и так - особенно, конечно, с электрическими, а не механическими дефектами - что обнаружить поломку на глаз и на ощупь не удавалось даже ему, и тогда приходилось перебирать и заменять один элемент за другим, проверяя результат - работа, способная утомить своей нудностью любого, только не Джеки. Он способен был заниматься этим часами, не чувствуя ни скуки, ни раздражения - и пополняя багаж своей интуиции, так что, столкнувшись с аналогичной проблемой в следующий раз, уже мог определить ее без всяких внешних признаков.

Не всегда, кстати, он восстанавливал устройство в первозданном виде. Иногда это просто не получалось (в том числе и из-за нехватки у него запчастей), а иногда он сам видел, что конструкцию можно улучшить, заменив какую-то ее часть более простой и надежной (скажем, электрический элемент на механический, или хрупкий пластик - на прочный металл). Главное было выделить основную функцию и заставить работать именно ее, хотя бы даже и не тем способом и не с теми деталями, что предусматривались изначально - а всем второстепенным можно было и пренебречь.

И все же ремонт тостеров, пылесосов и кофемолок приносил меньший доход, чем ремонт часов - все эти устройства стоили недорого и уж точно не могли иметь никакой сентиментальной или антикварной ценности, так что большинство людей предпочитало просто покупать новые, а не ремонтировать вышедшие из строя. В сокращении числа клиентов был свой безусловный плюс - Джеки реже приходилось терпеть их стук в дверь - но на его финансах это сказывалось самым скверным образом. А перспектива устроиться в фирму, занимающуюся ремонтом более крупной и дорогой техники - такой, как холодильники и стиральные машины - Джеки совершенно не прельщала. Проводить столько времени во *внешнем мире*, ежедневно посещая клиентов у них дома, да еще и иметь над собой начальство, способное *кричать* - нет, нет, плохая, плохая идея. Так что его финансовые дела шли все хуже, а тут еще агентство по недвижимости продало дом другой компании, и новые владельцы подняли арендную плату.

Так что Джеки оказался перед необходимостью срочно подыскивать новое жилье, повергшей его в полную растерянность. Он не знал, как это делается. Мать уже не могла ему помочь, ибо умерла в больнице несколько лет назад, не оставив ему никакого наследства - все, что у нее еще было, сожрали ее собственные медицинские счета. (Когда Джеки сообщили о ее смерти, он не испытал по этому поводу совершенно никаких эмоций - разве что легкое удовлетворение, что она уже точно никогда не будет на него кричать; впрочем, он не виделся с ней уже много лет, и даже это чувство было скорее шевельнувшимся в душе атавизмом, нежели чем-то актуальным.) Никаких других родственников у него не было, как не было и компьютера, и искать информацию в интернете он тоже не умел. К счастью, его выручила соседка из дома напротив, периодически приносившая ему в починку игрушки, которые регулярно ломал ее ребенок. Не то чтобы Джеки сознательно попросил у нее помощи - просто на традиционное приветствие "Как вы?" он всегда отвечал честно, а женщина не пропустила его "плохо" мимо ушей, а заинтересовалась, что случилось. Услышав о его проблеме, она сказала, что ее отец много лет снимал студию[1] во флигеле у одной милой старушенции, но сейчас он как раз съезжает, и миссис Бальямос наверняка будет рада сдать то же помещение новому тихому и спокойному жильцу. (Отчего ее отец на старости лет ютился в съемной комнате и куда и почему он съезжает теперь, она не уточнила, но и Джеки это, разумеется, совершенно не интересовало.)

Так Джеки познакомился с миссис Бальямос - добродушной толстухой, носившей

1 Квартира, состоящая из одной комнаты (как правило, совмещенной с кухней)

безразмерные цветастые платья и ходившей переваливающейся утиной походкой. Ее муж умер давно, детей у нее никогда не было, и она жила в полном одиночестве в уединенном домике на Олд Дикси Хайвэй, густыми зарослями отделенном от соседей. Сама улица только носила громкое имя шоссе, но на самом деле была пустынной почти во всякое время - весь трафик шел по куда более широкому шоссе ЮС1, шедшему параллельно восточнее (то есть позади дома, но намного дальше от него и к тому же за деревьями, так что шум оттуда не беспокоил жильцов). На противоположной стороне улицы вовсе не было никакого жилья, там была заросшая бурьяном широкая железнодорожная насыпь и рельсы, по которым - тоже очень нечасто - ходили товарные поезда. С точки зрения Джеки, место было почти идеальным (почти - потому что шум поездов все же достигал домика, но он воспринимался скорее как явление природы, чем как звук, порождаемый людьми). Миссис Бальямос сдала ему однокомнатный флигелек за $350 (коммунальные услуги включены) и согласилась скинуть еще двадцатку, если Джеки будет регулярно стричь газон и вытаскивать мусорные баки на обочину, что ему было совсем не сложно. Время от времени она еще и делилась с ним едой, которой накупала больше, чем могла съесть. А может быть, ей - пусть и не тяготившейся одиночеством и не пытавшей навязывать Джеки свое общество - все же было приятно периодически проявить некое подобие материнской заботы о своем квартиранте.

Так что, если стучала и впрямь миссис Бальямос, то - поскольку была середина месяца, а не его конец, когда она приходила за арендной платой - можно было ожидать, что она принесла очередной гостинец. А кроме нее, стучать было в общем-то и некому. Проблему с клиентами на новом месте Джеки решил лучше, чем на предыдущем - для них на двери была прикреплена записка: "Если вы принесли вещь в ремонт, пожалуйста, оставьте ее в коробке за сетчатой дверью[2]. Через два дня вы сможете забрать ее оттуда." Закончив работу, Джеки клал вещь обратно в коробку, приклеив к ней стикер с одним из двух никогда не менявшихся вариантов текста. Чаще всего текст гласил: "Ваша вещь исправлена. Пожалуйста, положите в коробку $..." (сумма была единственной переменной величиной, но обычно он брал $20 - больше просто не имело смысла). Но иногда надпись гласила: "Ваша вещь не исправлена. Вам лучше купить новую. Если эта вам больше не нужна, пожалуйста, оставьте ее мне на запчасти." Таким образом, теперь он почти никогда не видел и не слышал своих клиентов (разве что иногда слышал шорох за дверью, когда они рылись в коробке, но это было далеко не так неприятно, как стук в дверь). Что касается прочих посетителей дома - чаще всего это были курьеры, доставлявшие очередную посылку миссис Бальямос, ибо она была любительницей заказывать предметы по каталогам, постепенно превращавшие ее квартиру в подобие затоваренного склада сувенирного магазина - то эти люди всегда безошибочно стучались в главную дверь дома, а не в находившийся справа флигелек Джеки.

И все же, даже если это миссис Бальямос принесла ему очередную пару упаковок крекеров или банок арахисового масла, стук в дверь - это было очень неприятно. Особенно теперь, когда он успел уже почти отвыкнуть от этого звука. Так что Джеки рефлекторно замер и минуту просидел неподвижно, словно надеясь, что, если он не выдаст себя, стук больше не повторится. Но он, как всегда, повторился, и Джеки пошел открывать.

Это действительно оказалась миссис Бальямос. Но в руках у нее не было пакета, и ее широкое лицо не расплылось в обычной улыбке, а хранило озабоченное выражение.

- Джеки, - сказала она, - мне нужно уехать на несколько дней. Наверное, на неделю или чуть больше. Видишь ли, умер мой брат в Тэксасе. Последний мой близкий родственник.

Это не было адресованным ему вопросом, поэтому Джеки ничего не сказал.

---

2 Screen door - внешняя дверь из проволочной сетки в некоторых американских домах, за которой находится небольшой тамбур и собственно основная дверь. Часто не запирается. Курьеры нередко получают указание оставлять доставленные ими предметы за этой дверью (т.е. не на крыльце, а внутри помещения, и в то же время не тревожа жильцов)

- Так что мне нужен кто-то, чтобы присмотреть за Свити, - продолжала она. - Ты не мог бы за это взяться? Это совсем не сложно, нужно только утром и вечером выпускать ее на задний двор, чтобы она сделала свои дела, ну и насыпать корм и наливать воду в миску. А я за это заплачу тебе, ну, скажем, 70 долларов - то есть вычту их из аренды в этом месяце. Согласен?

Свити была собакой, которую миссис Бальямос завела несколько лет назад, уже после того, как Джеки поселился во флигеле. За полгода умилительный щеночек вымахал в красивую и сильную овчарку, но, несмотря на внушительный вид и довольно-таки грозную породу, в своей собачьей душе Свити так и осталась игривым щенком. Она обожала всех без исключения и при появлении любого человека в пределах досягаемости принималась радостно прыгать вокруг, молотя по воздуху хвостом и норовя лизнуть любую незащищенную часть тела. Хозяйка души в ней не чаяла (что ясно было уже по данному ей имени[3]) и баловала, как могла, так что Свити не имела никакого понятия о дисциплине. Вместе с тем нельзя сказать, что жизнь ее была такой уж счастливой, ибо весь ее мир ограничивался домом (где, правда, любое кресло или кровать были в полном ее распоряжении) и огороженным задним двором, куда ее выпускали дважды в сутки. Гулять с ней старуха не ходила, ибо понимала, что попросту не сможет удержать сильную собаку на поводке, если та ломанется куда-нибудь бежать (а Свити, вырвавшись на свободу, всенепременно ломанулась бы).

Если людей Джеки не понимал и опасался, то животные скорее вызывали у него симпатию - хотя и не настолько сильную, чтобы ему хотелось иметь свое собственное. Даже лай Свити, в отличие от резких и громких звуков человеческого происхождения, не раздражал его - может быть, потому, что он, плохо разбиравшийся в мимике и интонациях людей (до тех пор, пока они не начинали *кричать*), в этом лае явственно слышал радостное дружелюбие, а не угрозу.

И, конечно, ему нужны были 70 долларов. Так что он согласился.

Миссис Бальямос села в свою машину - это был престарелый "Линкольн"[4], угловатый и обшарпанный, с вылинявшим портретом Элвиса Пресли на месте переднего номера[5], ездивший только после десятиминутного прогрева на холостом ходу - и отбыла. Джеки знал, что она боится летать, а потому поедет на этой рухляди до самого Тэксаса и обратно - если, конечно, сумеет доехать, в чем Джеки совсем не был уверен. Он как-то предлагал ей осмотреть машину, но, хотя прежде он уже чинил миссис Бальямос кондиционер, микроволновку и даже радиоприемник, по которому она слушала теперь не Элвиса Пресли, а религиозные передачи, "Линкольн" она ему не доверила. Она спросила, доводилось ли ему ремонтировать машины прежде, и Джеки честно (как всегда) ответил, что нет (и у самого него никогда не было ни машины, ни водительской лицензии), но это не имеет значения - ему достаточно только полностью разобрать мотор, и он сразу поймет, как тот устроен и что в нем нужно исправить. Почему-то этот аргумент не только не убедил миссис Бальямос, но и настроил ее еще более против данной идеи, так что Джеки (уже понадеявшийся было взять с нее 50, а то и все 100 долларов за этот ремонт) поспешно отступился, пока она не начала *кричать*. Доселе она никогда не кричала на него, но он знал, что она в принципе на такое способно - однажды он слышал через дверь, как она кричала на кого-то по телефону (кажется, на службу доставки, сделавшую что-то не так), и даже употребляла при этом плохое слово на "f".

Так или иначе, она уехала, оставив ему ключ и пообещав звонить. Последнее Джеки совсем не понравилось - телефон у него был, выданный ему бесплатно как малоимущему, но звонки он не любил не меньше, чем стук в дверь, и всегда держал телефон выключенным. Ну то есть почти всегда - по правилам бесплатной программы полагалось совершать ежемесячно как минимум один звонок, поэтому каждый месяц аккурат после того, как платил арендную плату,

3 Sweetie - милая, дорогая (буквально - "сладкая")

4 Старые автомобили в США очень дешевы, независимо от марки

5 Автомобили с флоридской регистрацией имеют номерной знак только сзади

Джеки включал телефон, выбирал из контакт-листа единственный имевшийся там номер - телефонного провайдера, четыре раза подряд терпеливо прослушивал опции голосового меню и с чувством выполненного долга снова отключал аппарат. Но теперь, очевидно, телефон следовало все-таки включить. Это было частью работы, которую он подрядился сделать за $70.

Вечером Джеки отправился в дом миссис Бальямос делать следующую часть. Свити радостно прыгала вокруг, пачкая ему рубашку передними лапами и норовя лизнуть, но Джеки, не обращая внимания на все эти помехи, подобрал оставленный возле самой двери большой пакет с сухим кормом, а затем по узкому коридору, оставшемуся между ящиками, коробками и всевозможными безделушками (ибо жилье миссис Бальямос, как уже упоминалось, представляло собой затаренный склад, и было удивительно, как она сама пробирается здесь при своей-то комплекции), направился на кухню, где находились не только собачьи миски, но и дверь на задний двор, давно уже превращенный из места отдыха хозяйки в большой туалет для Свити.

Туда Джеки за ней не пошел, да это и не требовалось. Свити бодро потрусила за угол дома и через несколько минут дисциплинированно вернулась обратно, выжидательно помахивая хвостом по ту сторону дверного окна. Джеки снова открыл ей дверь, и, пока она лакала воду из миски, вернулся к себе.

Все это было и в самом деле несложно, но уже на второй день Джеки подумал, что процедуру следует усовершенствовать и упростить, подобно тому, как он делал это с недостаточно оптимальными схемами некоторых бытовых приборов. Он сам в качестве привратника для Свити был определенно лишней деталью. Насыпать корм и наливать воду, конечно, нужно (хотя, пожалуй, и тут можно сконструировать систему, которая делала бы это сама - нужны два больших бака и механизм, который открывал и закрывал бы отверстия), но заднюю дверь надо просто оставить открытой, и пусть собака выходит и заходит сама, когда ей вздумается. Задний двор обнесен забором, так что деваться ей оттуда некуда. Утром Джеки так и сделал, а сам сел на свой велосипед с прицепом и поехал в очередной рейд по окрестностям. Если в детстве он редко выходил из дома, то теперь регулярно совершал такие рейды в поисках выставленных у обочины[6] предметов, которые можно использовать в качестве источника запчастей - а также и просто для изучения их устройства. Со временем благодаря этим поездкам - и тем все более редким случаям, когда ему так и не удавалось починить какой-нибудь прибор, остававшийся у него в качестве трофея - у него скопилось столько разных деталей, что они уже не помещались в его жилище, но миссис Бальямос разрешила хранить их в сарае.

Его рейд оказался вполне удачным, и, вернувшись домой, он принялся конструировать поилку, которая наполняла бы миску водой всякий раз, когда Свити опорожнит ее. Идею и часть деталей он заимствовал у унитазного бачка. Кормушка, однако, требовала видоизменить конструкцию - для определения количества сухого корма не годился поплавок, значит, тут нужно соорудить простые рычажные весы...

Но когда он притащил свежеизготовленные приспособления в дом миссис Бальямос, Свити он там не обнаружил, и на его зов она не явилась. Выйдя все-таки на задний двор, он не нашел собаки и там.

Старательно огибая следы ее жизнедеятельности (он не был брезглив, но это был непорядок, а непорядка он не любил), Джеки обошел двор, осматривая его столь же тщательно, как он осматривал неисправное устройство после вскрытия корпуса - и вскоре обнаружил искомый дефект. Это был лаз, прокопанный под забором с задней стороны дома. По ту сторону забора не было никакого жилья, там лишь топорщились дикие заросли, тянувшиеся до самого шоссе ЮС1 - но Джеки ничего не оставалось, как, взяв из дома поводок, отправиться на поиски

6 Вещи, ненужные владельцам, выставляют на обочину, чтобы их забрал мусоровоз - или любой желающий. Нередко такие вещи - мебель, бытовая техника и т.п. - полностью исправны и пригодны для дальнейшего использования.

беглянки.

Заросли не были ни особо густыми, ни колючими, но там была паутина, которая лезла в лицо, и какие-то растения с плодами в виде мелких шариков, которые во множестве цеплялись к одежде, и это тоже был непорядок. "Свити, - повторял он, пробираясь сквозь эту неправильную растительность. - Свити." (Сам он никогда не *кричал*, даже если имел для этого повод.) Наконец где-то спереди-слева раздался треск и хруст - пожалуй, слишком громкий, чтобы его источником был кролик или опоссум - и Джеки, направившись в ту сторону, обнаружил искомое. Свити, вся облепленная все теми же цеплючими шариками, стояла посреди небольшой проплешины, где кто-то - едва ли миссис Бальямос - свалил мусор. По куску картона перед ней пробежала зеленая ящерица, и Свити с молниеносной охотничьей реакцией ударила ее лапой, а затем наклонилась обнюхать бьющееся в агонии тельце - но, не сочтя его достойным дальнейшего внимания, вновь подняла голову. Она, безусловно, видела и слышала Джеки, но никак не реагировала на его призывы.

Когда он приблизился к ней, она отбежала в сторону, явно демонстрируя, что еще не нагулялась. Джеки подошел к ней снова, и на этот раз ему удалось ухватить ее за ошейник и пристегнуть к нему поводок. Однако, когда он потянул ее обратно к дому, повторяя "домой, Свити, домой", та уперлась всеми четырьмя лапами и не подумала идти. Джеки потянул сильнее, и тогда Свити, сделав быстрое винтообразное движение головой, легко вывернулась из ошейника и убежала в противоположном направлении. "Плохая собака", - сказал Джеки, быстро шагая следом за ней. - "Плохая собака Свити".

За кустами и деревьями уже слышался шум машин, но Свити, впервые во взрослой жизни оказавшейся за пределами дома, этот звук ни о чем не говорил. В следующий миг она выбежала на шоссе ЮС1 прямо перед мчавшимся грузовиком.

Водитель даже не попытался ни тормозить, ни выкручивать руль - и был в общем-то прав, сделай он то и другое, тяжелую фуру, вероятно, занесло бы, а то и вовсе опрокинуло. Если бы Свити угодила под колесо, ее, безусловно, раскатало бы в блин. Но собака, увидев несущееся на нее чудовище, испуганно заметалась, попыталась отпрыгнуть назад - и ее ударило углом бампера, отбросив на обочину. Водитель и теперь не стал тормозить, вновь разумно рассудив, что выскочившая ему под колеса собака - наверняка чья-то собственность, и не имея никакого желания разбираться с владельцем. Подоспевшему Джеки осталось лишь проводить уносящуюся прочь фуру взглядом. Затем он наклонился над лежащей собакой.

Свити была еще жива. Она тоненько скулила на одной ноте - "ииииии" - глядя на него полными слез глазами. Когда Джеки коснулся ее головы, она попыталась лизнуть ему руку.

Первым делом Джеки снова надел ей ошейник, поскольку этого требовал порядок. Затем быстро осмотрел и ощупал ее. Крови не было. Это было хорошо - он не знал, чем можно заменить кровь, если она вытечет вся. Но под мохнатой шкурой он ощутил неустойчивую, неправильную хрупкость переломанных костей (у Свити был перебит хребет и несколько ребер). Она дергалась, когда он касался этих мест.

- Все будет в порядке, Свити, - сказал он. - Я все исправлю.

Крупные обломки костей он посадит на суперклей, решил он. И скрепит для верности изолентой. Те, что раздроблены сильнее, можно будет заменить металлическими трубками или частями от автомобильной рессоры. Таков был предварительный план; детали он уточнит, когда, как обычно, посмотрит, как все это устроено внутри.

Он попытался взять собаку на руки, но она была слишком тяжелой, чтобы ее нести, и к тому же визжала и дергалась (это было неправильно, вещи, которые он ремонтировал прежде, никогда не оказывали ему активного сопротивления). Тогда Джеки сходил домой за своим велосипедным прицепом и отвез Свити на нем. Затем уложил все еще повизгивающую собаку на свой верстак и надежно зафиксировал конечности и голову, чтобы она не мешала ему во время работы.

Он догадывался, что это может быть непростой ремонт - но вряд ли сложнее, чем починка старых часов с их крохотными детальками. Чинить большую вещь всегда легче. Он знал, что обычно починкой животных занимаются специально обученные люди - ветеринары, но это его ничуть не смущало. Ремонтировать все прочие вещи он тоже выучился самостоятельно (ну, не считая тех курсов, где его научили паять, но паять Свити ему не придется). В конце концов, хотя миссис Бальямос всегда говорила о Свити "она", Джеки знал, что собаки, как и все прочие животные, обозначаются неодушевленным местоимением it, ничем, таким образом, не отличаясь от пылесоса или микроволновки. Ему достаточно просто посмотреть, как все это устроено. Главное, что внутри Свити нет микросхем. С микросхемами он ничего не мог поделать.

Первым делом следовало снять кожух, то есть в данном случае шкуру. Было, конечно, неудобно, что конструкция не предусматривала никаких винтов или застежек, но Джеки уже приходилось иметь дело с неразъемными соединениями. Он решил, что сделает разрез со стороны живота, где тот будет менее заметен, а по окончании работы скрепит края степлером. Под мехом это не будет бросаться в глаза. В крайнем случае, можно будет состричь немного шерсти с боков и приклеить поверх шва.

Когда он закончил этот предварительный этап, Свити все еще пыталась дергаться и повизгивала сквозь изоленту, которой он зафиксировал ее челюсти - хотя Джеки снимал шкуру очень медленно и аккуратно, дабы не повредить ее больше ни в одном месте, не считая первоначального разреза. Увы, под внешним кожухом оказался еще и внутренний, состоявший из мяса, жира и каких-то пленок. В некоторых местах сломанные кости проткнули их, но этого было явно недостаточно. Нужно было проводить разборку дальше, чтобы добраться до каждого поврежденного места...

Эта работа заняла у Джеки много часов. Поначалу все-таки вытекло довольно заметное количество крови, но интуиция и тут не подвела Джеки - он сразу сообразил, как вытягивать сосуды пинцетом и пережимать их струбцинами. (В конце концов, шланги - они и есть шланги.) А вскоре кровь и вовсе перестала течь. Свити - должно быть, осознав, наконец, что он делает ей добро - больше не пыталась дергаться и мешать ему ("Хорошая собака", - похвалил он ее.) В итоге ему удалось тщательно очистить и либо склеить и зафиксировать каждую поврежденную кость (для надежности он использовал еще спицы от зонтика, на которые насаживал фрагменты кости), либо полностью заменить ее. Настал черед собрать все обратно. Ткани, которые не удавалось приладить на прежнее место (ибо они расползались в пальцах скользким месивом), он заменил поролоном и пенопластом (что должно было к тому же облегчить общий вес конструкции). Затем он натянул обратно шкуру и скрепил ее края, как собирался.

- Все, Свити, - сказал Джеки. - Теперь тебе пора есть. Пойдем, опробуешь кормушку и поилку, которые я для тебя сделал.

Но Свити никак не реагировала на его слова, похлопывания и постукивания. Она не шевелилась и не издавала никаких звуков. Когда он попытался поставить ее, она повалилась обратно на стол.

Это было плохо. Конечно, и прежде случалось - хотя и нечасто - что ему не удавалось заставить работать сломанную вещь. Но интуиция подсказывала ему, что ему не удастся просто вернуть Свити миссис Бальямос со стикером номер 2 ("пожалуйста, оставьте на запчасти"). Все те предыдущие вещи ломались не тогда, когда находились на его попечении. И миссис Бальямос не заплатит ему 70 долларов. Возможно - даже будет *кричать*.

Эта мысль была настолько неприятной, что Джеки решился на то, на что вообще-то решался крайне редко - просить совета у другого человека.

Он вспомнил, что в своих велосипедных рейдах по городу в поисках запчастей и достойных изучения предметов он периодически проезжал мимо охотничьего магазина, в витрине которого были выставлены звери и птицы. Хотя они просто стояли неподвижно, Свити

на данный момент не могла даже этого, и Джеки решил, что отправится туда. Впрочем, он тут же сообразил, что уже поздний вечер, и магазин, наверное, не работает, так что он съездит туда завтра. Пока, в любом случае, следовало прибраться в комнате и выстирать одежду. Ремонт Свити оказался самым пачкающим из всех в его жизни, и это был непорядок, коего Джеки не любил.

Все это так утомило его, что утром он проспал дольше обычного, а затем, проверив, как обычно, коробку между дверями, обнаружил в ней большой старый будильник (хозяин которого, как видно, не доверял электронным устройствам или попросту не просыпался от их слишком деликатного пиликанья). У Джеки уже давно не было возможности поработать с механическими часами (что нравилось ему куда больше возни с электроприборами - он мог бы сказать, что механика благородна и эстетична, а электричество вульгарно, но не пользовался столь абстрактными терминами), и он охотно принялся за работу (к тому же обычным клиентам он возвращал их вещи через два дня, а миссис Бальямос должна была приехать не раньше чем через пять). Этот ремонт не преподнес ему никаких неприятных сюрпризов (трезвон у воскрешенного будильника оказался и впрямь громоподобным, способным разбудить даже глухого). Но до охотничьего магазина Джеки добрался лишь в четыре пополудни.

Ехать было не очень приятно - магазин находился довольно далеко (по меркам велосипедиста), а на улице стояла классическая жара флоридского июля. Пока его обдувал встречный воздух, это было еще ничего, но стоило Джеки слезть с велосипеда, и он сразу почувствовал, как мокрая рубашка противно липнет к телу. Предвкушая кондиционированную прохладу, он вошел в магазин.

Однако там тоже оказалось жарко и душно. Посетителей в маленьком зальчике не было. Продавец, он же владелец, упитанный и плешивый, сидел на своем месте на фоне висевших на стене винтовок и дробовиков. Прямо перед ним на прилавке злобно жужжал небольшой вентилятор, направляя поток теплого воздуха прямо в его одутловатое лицо, но, судя по блестевшим на его щеках и лысине бисеринкам пота, это не очень помогало.

- Как вы делаете...? - спросил Джеки, указывая на витрину с животными. (Он всегда сразу переходил к делу, не обременяя себя вступлениями.)

- Хорошо, - брюзгливо ответил хозяин магазина, не обративший внимания на указующий жест и принявший его фразу за обычное приветствие[7]. - А вы как?

На этот вопрос (как, впрочем, и на другие) Джеки всегда отвечал буквально.

- Жарко, - сказал он.

- Да... - проворчал толстяк. - Кондиционер не работает. Я утром оставил заявку, но...

- Я могу починить, - сказал Джеки. В рюкзачке за спиной у него имелись инструменты, без которых он обычно не выходил из дома на случай, если что-то случится с велосипедом или попадется достойный разборки предмет, слишком громоздкий, чтобы везти его домой целиком.

- Так вы ремонтник? - обрадовался владелец.

- Я ремонтирую *вещи*, - уточнил Джеки, имея в виду, что не занимается ремонтом людей[8].

- Это здесь - пропыхтел толстяк, поспешно выбираясь из-за прилавка, чтобы проводить его к кондиционеру.

Джеки никогда раньше не имел дела с большим офисным кондиционером (да и с бытовым - только один раз, когда чинил его миссис Бальямос), но ничего принципиально нового и сложного здесь не оказалось. Ему даже не потребовались запчасти. Вскоре могучий

---

7 How are you doing? - приветствие, ныне практически вытеснившее прежнее How do you do? (используются также более короткие варианты How are you?, How's doing?) Если "How do you do?" полностью утратило буквальный смысл, т.е. это просто "Привет!", а не вопрос "Как вы поживаете?", то "How are you doing?" предполагает ответ "Fine, and how are you?"

8 Вопрос "So, you're a repairman?" Джеки за шумом вентилятора воспринял как "So, you're repairin' men?"

вентилятор зашумел, а по помещению начала разливаться желанная прохлада.

- Сколько я вам должен? - спросил толстяк, подходя к кассе.

Джеки задумался, стоит ли брать с него деньги (и сколько именно - 20 долларов за такой большой кондиционер было явно мало), или же сразу перейти к интересовавшему его вопросу. У него даже мелькнула мысль, что он может взять с этого человека 70 долларов, которые не получит с миссис Бальямос, и тем самым закрыть проблему. Но, раз Свити вышла из строя по его вине, он должен был ее починить. Иначе получался непорядок. И к тому же, если он этого не сделает, миссис Бальямос, возможно, будет *кричать*...

Но прежде, чем он успел додумать эту мысль до конца, в помещение быстро вошел человек в голубом комбинезоне с логотипом J.A. на кармане.

- Мистер Кулвер? - осведомился он. - Я из "Джемисон Аплайанс". У вас не работает кондиционер, так?

- Уже работает, - ответил Кулвер. - Вы то не можете никого прислать весь день, то присылаете сразу двоих?

- Двоих? - недоуменно переспросил человек в комбинезоне.

- Этот молодой человек только что все починил, - на самом деле Джеки был не так уж молод, ему было 42. - Разве он не из вашей фирмы?

"J.A." окинул Джеки презрительным взглядом.

- Впервые его вижу. Но если вам все исправили, почему вы не отменили заказ?

- А почему вы не приехали раньше? Я жду вас с самого утра!

- Просто не успел, - пожал плечами ремонтник. - В такую жару много заказов на кондиционеры, вы знаете.

- Вот и я не успел вам отзвониться, - ответил Кулвер. - Так что мы квиты.

- Ладно, - недовольно пробурчал "J.A.". - Значит, моя помощь вам больше не нужна? Тогда хорошего дня, сэр, - произнес он таким тоном, словно желал прямо противоположного, и вышел.

- Раздолбаи, - проворчал Кулвер ему вслед. - Но вы? - он вновь повернулся к Джеки. - Я думал, вы от них. Вы же сказали, что вы ремонтник.

- Я ремонтирую вещи, - повторил Джеки. - Сейчас мне нужно отремонтировать собаку.

- Собаку? - недоуменно переспросил Кулвер, думая, что ослышался.

Джеки вновь указал пальцем на витрину с чучелами и повторил свой вопрос: - Как вы это делаете?

- А! - просветлел лицом Кулвер. - Вам нужно исправить попорченное чучело? Это может быть не так уж и просто... Вы прежде занимались таксидермией?

Сам Кулвер был большим любителем этого занятия - все чучела в магазине были изготовлены им лично - и, убедившись, что перед ним новичок, желающий постигнуть основы ремесла, расцвел, как и всякий человек, севший на любимого конька - тем паче что он был словоохотлив, а возможность излить свое красноречие на терпеливого слушателя выпадала ему нечасто. Так что Джеки (который был очень терпеливым слушателем) вышел из магазина лишь два часа спустя, после его закрытия (за все это время, кстати, там так и не появился ни один покупатель), и в его рюкзачке лежали пакеты с реактивами (боракс, алюминиевые квасцы, поваренная соль). Кулвер отдал их Джеки бесплатно, точнее - в уплату за починку кондиционера (выгадав на этом, ибо стоили они недорого).

Войдя в свое жилище, Джеки почувствовал неприятный запах. Кроме того, по Свити ползало несколько мух, которые с гудением взлетели при его приближении. Но он уже знал, как с этим бороться.

Правда, из объяснений Кулвера он понял, что восстановить все функции Свити в любом случае не получится. Собственно, Кулвер вообще умел совсем немного - его животные могли только стоять и ничего больше. Этого, конечно, было недостаточно. Джеки наладит главные

функции Свити, отбросив те, что не столь важны и, на самом деле, только мешают основным, неоправданно усложняя конструкцию. Он уже делал так с другими предметами. Его новая, усовершенствованная Свити будет оптимальнее предыдущей.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что главными функциями Свити были: лаять, махать хвостом и лизаться. Еще она, конечно, ходила и бегала, но именно эти ее качества привели к нынешней проблеме. Так что... он вмонтирует в ее лапы ролики от сумки-тележки, и миссис Бальямос сможет возить ее за собой на поводке, куда пожелает. Но именно куда пожелает она сама, а не Свити, что убережет последнюю от новых неприятностей. Также Свити ела и пила, но это тем более были бесполезные функции, только переводившие ресурсы. Не говоря уже о тех делах, которые она делала на заднем дворе. От всего этого безусловно следовало избавиться.

Но первым делом следовало сделать то, чему научил его Кулвер. Удалить всю неисправную начинку, оставив только обработанную реактивами шкуру и скелет в качестве несущего каркаса. Тогда внутри освободится много места, куда можно будет встроить необходимые приспособления...

От работы его отвлек один из самых неприятных звуков - телефонный звонок (дело было, конечно, не в рингтоне, самом по себе вполне мелодичном, а в самом факте - факте бесцеремонного вторжения людей из *внешнего мира* в его личное пространство). Очевидно, это была миссис Бальямос, ибо кто еще мог ему звонить? Ну, точнее говоря, раз в месяц включая телефон, он несколько раз обнаруживал на автоответчике звонки от странных людей, пытавшихся продать ему какую-то страховку. После этого он записал на автоответчик вместо стандартного сообщения такое: "Привет, вы позвонили Джеки Дорриту. Пожалуйста, не делайте так больше." А оставленные сообщения стал удалять, не прослушивая.

Но это действительно оказалась миссис Бальямос. Она сообщила, что благополучно доехала, и, конечно же, пожелала узнать, как там "ее детка".

- Я сделал ей автоматические поилку и кормушку, - сказал Джеки. Он не стал уточнять, что новой, исправленной Свити эти устройства уже не понадобятся. Он понимал, что обсуждать это с миссис Бальямос пока что преждевременно. И, в любом случае, эту работу он еще не закончил.

Но миссис Бальямос повела себя не так, как он ожидал. Вместо того, чтобы порадоваться и успокоиться, что у Свити теперь всегда будут еда и вода, она озабоченно спросила, не ударят ли эти штуки Свити током. И это притом, что сама она без всяких опасений пользовалась устройствами, исправленными Джеки, и ее током ни разу не ударило. Воистину, люди - непонятные и непредсказуемые существа. Иметь дело с вещами намного проще.

- Нет, - ответил Джеки вслух. - Там нет электричества. Только механика.

Это ее успокоило, но она выразила следующее нелогичное желание - "поговорить со Свити". Джеки честно поднес телефон, откуда звучал сюсюкающий голос, к собачьему уху. Свити, понятно, никак на это не отреагировала, но ведь она точно так же не смогла бы ответить и до того, как сломалась. Наконец этот бессмысленный разговор был закончен, и Джеки смог вернуться к работе.

Проще всего было решить задачу с хвостом - его приводил в движение через редуктор и кривошипно-шатунный механизм мотор от миксера. Поиграв с передаточным числом редуктора, Джеки добился очень натурального виляния. Обеспечить лай было просто технически - попросту разместив между ребрами Свити кассетный магнитофон с отдельно выведенным в пасть динамиком (нижняя челюсть при этом покачивалась на пружине, а по окончании лая электромагнит ставил ее на фиксатор). Но нужно было где-то записать сам лай. Поскольку компьютера у Джеки (как и у миссис Бальямос) не было, скачать звуки из интернета он не мог. Сначала Джеки хотел пойти с магнитофоном в один из городских парков, где была собачья площадка, но проблема решилась еще лучше. У миссис Бальямос был видеомагнитофон, проигрывавший диски и кассеты, и целая коробка кассет к нему - в основном

какие-то старые фильмы, но одна кассета была так и подписана "Свити". Это оказалось домашнее видео, на котором собака была снята во множестве эпизодов, начиная со щенячьего возраста - лучшего Джеки и желать не мог.

Сложнее было с лизанием. Оригинальный язык Свити Джеки выбросил вместе с прочей требухой. Новый язык он вырезал из поролона, обтянув его мягкой замшей, но требовалось увлажнять и нагревать его (Джеки помнил, каким теплым должно быть его прикосновение). Стало быть, функцию питья придется все-таки вернуть... и вот какую конструкцию Джеки придумал в итоге. Шею Свити он установил на длинный рычаг с мощным шарниром внизу. Нажав на голову, можно было опустить ее вниз, мордой в миску с водой. Прилагаемое при этом усилие (благодаря длине рычага небольшое и вполне доступное миссис Бальямос) отводило назад поршень насоса и одновременно взводило часовую пружину. В нижнем положении открывался клапан, и через трубку, выведенную в нижнюю челюсть Свити, в созданное насосом разрежение всасывалась вода. Заполняя предназначенную для нее камеру, она создавала противовес, и голова снова поднималась вверх. После этого пружина приводила в действие механизм от часов с кукушкой, который через равные промежутки времени выталкивал и убирал обратно смачиваемый благодаря капиллярам язык. Впрочем, обойтись совсем без электричества в этой хорошо сбалансированной механической конструкции не получилось - для подогрева языка пришлось все же встроить в него нагревательный элемент...

В целом, к сожалению, выходило, что Свити потребляла слишком много энергии, чтобы запитать ее от батареек, так что Джеки обеспечил ее питание от сети, разместив провод внутри поводка, а штекер - в ошейнике. Это, конечно, ограничивало ее мобильность, но Джеки помнил, что из этой мобильности уже не вышло ничего хорошего, так что будет гораздо лучше, если отныне Свити будет всегда оставаться дома.

Во второй раз миссис Бальямос позвонила на шестой день, когда Джеки уже закончил всю работу со Свити и натянул обратно выдубленную и высушенную шкуру. Для начинающего таксидермиста это сложный и ответственный этап, который редко хорошо выходит с первого раза, ибо оказывается, что набивка далеко не идеально воспроизводит очертания тела, да еще и съехала в процессе. Но Джеки, как всегда, достаточно было взглянуть на внутреннее устройство один раз, чтобы запомнить его и точно воспроизвести при обратной сборке - неважно, шла ли речь о шестеренках или о мышцах и сухожилиях. И хотя он никогда прежде не изготовлял муляжи подкожных тканей, но справился с этой задачей, даже не заметив ее трудности. Свити смотрела на него стеклянными глазами (прежде принадлежавшими плюшевой игрушке), лаяла и виляла хвостом. Шум мотора был почти не слышен благодаря хорошей звукоизоляции поролоновых накладок.

И тут миссис Бальямос позвонила и сообщила, что ее машина сломалась на обратном пути (ничего удивительного, разумеется - скорее удивительно, как она проделала столь длинный путь хотя бы в один конец), и, соответственно, она задержится еще на три дня. Она также сказала, как скучает по своей Свити, и Джеки дал ей послушать лай, каковой миссис Бальямос сочла признаком ответной тоски и умилилась по этому поводу.

Когда она, наконец, повесила трубку, Джеки подумал, что за эти добавочные дни он может еще улучшить Свити. Тогда миссис Бальямос будет особенно довольна и, может быть, заплатит ему больше обещанных 70 долларов. Тем более что ей больше не придется тратиться на собачий корм. Да и вообще, она хорошая женщина, которая иногда делится с Джеки едой. Поэтому она заслуживает, чтобы он тоже сделал ей приятное.

Во-первых, он вернул Свити органы чувств. В ее глазницы вместо простых стекляшек он вставил чувствительные элементы инфракрасного датчика движения, а в уши - микрофонные мембраны. Теперь, если кто-то подходил к Свити с одного бока или звал ее (на самом деле, конечно, издавал любой громкий звук), разность сигналов, подаваемая на управляющий элемент электромотора, заставляла ее голову поворачиваться в соответствующую сторону, пока сигналы

от левого и правого датчика не выравнивались. Еще один датчик уже был установлен снаружи дома над входной дверью - он зажигал свет в темное время суток, когда кто-то подходил к крыльцу - и именно сигнал от него, уже без проверки на уровень освещенности, Джеки использовал, чтобы включать магнитофон. Так что теперь Свити принималась лаять всякий раз, когда кто-то поднимался на крыльцо - точно так же, как она делала это прежде.

Наконец, Джеки научил ее приподниматься на задние лапы - колесики, которые он ранее закрепил между ее пальцами, автоматически ставились на стопор, и одновременно высвобождались фиксаторы мощных пружин, заменявших теперь ее мышцы. Ему пришлось изрядно повозиться, регулируя систему таким образом, чтобы распрямляющиеся рычаги не толкали тело вперед и не подбрасывали заднюю часть, а, напротив, приподнимали переднюю - правда, не до полностью вертикального положения, и уж тем более не оставляли надолго в этой крайне неустойчивой позиции, как умела делать прежняя Свити - но все-таки ее передние лапы отрывались от пола дюймов на двадцать, а потом падали обратно, и запущенный этим ударом мотор приводил в движение гидравлический поршень, а тот снова сжимал пружины, делая возможным новый прыжок. Активизировать эту функцию Джеки решил тогда, когда сигналы от инфракрасных и звуковых датчиков одновременно превышают пороговое значение - то есть человек подошел близко и при этом громко говорит со Свити. А если подошел, но не говорит, тогда она прыгать не будет. Очень удобно. Прежняя Свити была недисциплинированной и не понимала, что такое порядок, а новая - совсем другое дело.

Вообще, исправленная Свити была во всех отношениях лучше первоначальной. Пожалуй, будет правильно, если миссис Бальямос заплатит ему все 100 долларов. Или даже 120 - 70 обещанных изначально плюс 50 за такой сложный и удачный ремонт. Потому что провести этот ремонт следовало в любом случае, безотносительно того, что случилось на шоссе ЮС1.

Он установил Свити в гостиной, рядом с большим мягким креслом, в котором миссис Бальямос смотрела телевизор, и подключил к розетке. "Свити!" - позвал он справа. Она повернула голову к нему. Он обошел ее спереди. Она проводила его взглядом. "Хорошая собака", - сказал он и погладил ее по голове. Свити завиляла хвостом, а потом вдруг залаяла.

Это было так неожиданно, что он отдернул руку. Свити продолжала лаять. Такого не должно было быть. Датчик на затылке активировал только хвост, но не лай. Неужели где-то плохой контакт, и придется снова разбирать Свити?

Но уже в следующий момент он сообразил, в чем дело. Видимо, в эту самую минуту кто-то поднимался на крыльцо. Вероятно, очередной клиент, принесший свою вещь в ремонт. Но в следующий миг он услышал, как поворачивается ключ в замке входной двери.

Миссис Бальямос вернулась на день раньше, чем он ожидал, понял Джеки. Очевидно, он был не единственным хорошим ремонтником на свете, и неведомый автомеханик сделал свою работу быстрее, чем обещал - как и сам Джеки всегда обещал своим клиентам два дня, хотя чаще всего управлялся за один - но, конечно, не в таком сложном случае, как со Свити, где нужно было не исправить единственную неполадку, а фактически переделать всю конструкцию. Впрочем, и с этой задачей он справился на отлично и мог по праву гордиться результатом - а главное, все-таки успел закончить до возвращения хозяйки.

- Свити, моя деточка, - радостно и в то же время одышливо (словно только что преодолела не три ступеньки крыльца, а три лестничных пролета) бормотала миссис Бальямос, входя. - О, Джеки, и ты здесь! Ну как вы тут?

- Очень хорошо, - честно ответил он.

На лице миссис Бальямос, уже расплывшемся было в широкой улыбке, тут же, однако, отразилось первое сомнение в его словах. Она не могла понять, почему собака не бежит ей навстречу, а продолжает лаять, неподвижно стоя на месте. Быстро, насколько позволяли комплекция и одышка, она подошла к своей любимице.

- Свити?!

Та механически подпрыгнула, ударившись носом в нависший над ней толстый живот хозяйки, и снова упала на передние лапы, щелкнув колесиками по полу. Негромко, но все же различимо загудел мотор, сжимая пружины для нового прыжка.

Миссис Бальямос попятилась.

- Что... что это?! - выдавила она из себя, не отрывая взгляда от Свити. - Что ты с ней...

- Я исправил ее, - гордо сказал Джеки.

И тогда она повернулась к нему. Ее жирное лицо было неестественно бледным, щеки тряслись, глаза выпучились, словно у большой жабы. И тут Джеки со всей отчетливостью понял, что сейчас она начнет *кричать*.

Это было неправильно и несправедливо, и этого он никак не мог допустить.

- Ого! - сказал Кулвер, услышав названное Джеки количество реактивов. - Крупная дичь на сей раз, а? Кто там у вас - олень?

- Нет, - честно ответил Джеки, - моя квартирная хозяйка.

Кулвер довольно рассмеялся. Джеки не понимал, что в этом смешного, но люди были странными и непредсказуемыми существами, и он давно оставил всякие попытки их понять.

Когда-то он сказал Кулверу, что ремонтирует вещи, а не людей. Но разница, на самом деле, оказалась вовсе не столь уж велика. Главное - убрать лишние функции, которые не нужны и только мешают.

Миссис Бальямос по-прежнему проводит дни, сидя в своем любимом мягком кресле. Днем она слушает консервативные и религиозные передачи по радио, а вечером зажигает свет, а потом гасит его и включает телевизор. Ну то есть это делают таймеры, даже не встроенные в ее тело, но какая разница? Поскольку ее последний близкий родственник умер в Тэксасе, гостей у нее не бывает. Теперь не бывает уже даже курьеров, поскольку она больше не делает заказов по каталогам (хотя последние и продолжают приходить ей на почту). Несколько раз, правда, все же приходили какие-то соседки, да пару раз - проповедники, желавшие "поговорить о Господе нашем", но все они слышали лишь лай Свити через дверь и звуки радио или телевизора - и в итоге уходили прочь. Те же привычные звуки слышат, разумеется, и клиенты, приносящие Джеки очередную вещь для ремонта. "Линкольн" совсем заржавел, его колеса сдулись и обросли травой, но до этого тоже никому нет дела. Он и раньше выглядел немногим лучше, да и вообще, мало ли в городке домов, во дворах которых ржавеют старые машины. Служба соцобеспечения продолжает ежемесячно переводить пенсию миссис Бальямос на ее счет, откуда так же автоматически списываются деньги за коммунальные услуги. Go paperless - go green[9].

Джеки тоже продолжает платить ей за квартиру, потому что таков порядок. Правда, если прежняя миссис Бальямос предпочитала наличные, то исправленная не возражает против чеков, которые он предпоследнего числа каждого месяца кладет ей в карман. У Джеки есть свой счет и целая пачка чековых книжек, поскольку за его предыдущую квартиру надо было платить как раз чеками; правда, денег на этом счету почти нет, но это неважно. Бесспорное преимущество исправленной миссис Бальямос состоит в том, что чеки, уплаченные ей, никогда не уменьшают остаток на счету Джеки.

На лице миссис Бальямос теперь всегда довольная улыбка, но ее губы склеены суперклеем, чтобы она не могла *кричать*. Джеки догадывается, что в своем новом состоянии она в принципе не должна быть на это способна, но, знаете ли, просто на всякий случай.

Хороший ремонтник никогда не пренебрегает надежностью.

2021

9 Используй безбумажные расчеты - заботься об экологии. Лозунг компаний, поощряющих своих клиентов оформить электронные платежи через компьютер или (как в данном случае) смартфон.

Язва

Вернувшись в город, некогда бывший тебе родным, после десятилетнего отсутствия, испытываешь странные ощущения. И вовсе не потому, что все вокруг так сильно переменилось. Как раз наоборот. Нет, кое-что, конечно, снесли, что-то построили, в бывшем кинотеатре, куда ты ходил в детстве, теперь автосалон, а проходивший мимо твоего дома трамвайный маршрут отменили, и даже рельсы заасфальтировали – но все это, в сущности, такие мелочи. В остальном же город остался таким же, как был, и вот это поражает больше всего. Прошло десять лет, а тебе кажется – целая вечность, ибо за эти годы в твоей судьбе перевернулось решительно все, ты сменил страну, континент, полушарие, чужое стало для тебя своим и привычным, а прежнее свое – отошло в область полузабытых снов, порою сливаясь с ними до полной неразличимости, да и мир за это время изменился до неузнаваемости, целые страны исчезли с карт или же, напротив, обрели бытие, и многое из того, что десять лет назад показалось бы немыслимым вздором, теперь – обыденная повседневность... а на твоей почти уже забытой улице стоят все те же дома, и белье все так же сохнет на балконах, и летит, неприятно щекоча нос, все тот же пух с тополей, так и не вырубленных муниципальными службами, и мальчишки лупят мячом об стену трансформаторной будки. Другие мальчишки, конечно, но тебе кажется, что – те же самые, что и в день твоего отъезда. Словно ты вернулся не только в пространстве, но и во времени – причем не в самую лучшую эпоху. Или словно видишь призраки давно умерших. Впрочем, теперь для этих мест призраком был, скорее, я сам...

Это ощущение отнюдь не доставляло мне удовольствия. Я не испытывал ностальгии вдали от родины и уж тем более не испытывал ее сейчас. Я приехал с твердым намерением как можно скорее уладить дела, связанные с наследством, и сразу же вернуться домой – в то место, которое я звал домом теперь. Никаких друзей или знакомых, о разлуке с которыми я бы сожалел, у меня здесь не осталось. Родственников, которых стоило бы посетить, тоже. Вот разве что... разве что Лиза, моя кузина.

На самом деле с ней мы тоже никогда не были особенно близки. Не потому, что между нами, или нашими родителями, вышла какая-то ссора; просто как-то так сложилось, что у нее была своя жизнь, а у меня своя. В детстве мы виделись почти исключительно на каких-нибудь помпезных семейных торжествах, куда съезжались все родственники; наиболее активным наше общение стало в студенческие годы, ибо оба мы учились в одном институте, хотя и на разных факультетах, но на четвертом курсе (я на год старше, поэтому к тому времени уже делал диплом) Лиза выскочила замуж за субъекта, который сразу же произвел на меня скверное впечатление, вполне впоследствии оправдавшееся.

Нет, Артур не страдал традиционными пороками, входящими в извечную женскую формулу "все мужики – сволочи". Он не пил (пара бокалов вина по праздникам, понятно, не в счет), не гулял "налево" и ни разу в жизни Лизу не ударил (последнее вряд ли и смог бы, даже если б хотел – он чуть ли не на полголовы ее ниже и сложения отнюдь не богатырского). И все же он относился к одной из самых неприятных человеческих категорий, а именно – к непризнанным гениям.

Я, разумеется, не имею в виду настоящих непризнанных гениев, какие бывали в прошлом и, наверное, встречаются и сейчас, мыкаясь в безвестности где-нибудь в глуши, где интернет до сих пор остается роскошью. Я говорю о куда более распространенном типаже с хорошо известными чертами. Такой тип всю свою жизнь пишет великий роман, или фундаментальный философский труд, или разрабатывает революционную физическую, экономическую или еще какую-нибудь ...ическую теорию. Работать на низменных и презренных работах, приносящих хоть какие-то деньги, гений, разумеется, брезгует: ведь это отвлекало бы время и силы от Великого Труда. При этом работа над Трудом с годами обретает все более вялый характер; ну как же, задача слишком обширна, ее невозможно решать с наскока. Гений будет сутками лежать

на диване, ничего не делая, а на предложения хотя бы вынести мусор гневно отвечать, что его сбивают с мысли. При этом он и слышать не хочет о том, чтобы подготовить хотя бы первую законченную версию Труда и тем более самому проталкивать ее по редакциям; он убежден, что в один прекрасный день ОНИ "сами придут и все дадут", и еще будут упрашивать, чтоб взял. Эта убежденность тем крепче, чем с большим количеством зоилов, коим он по неосторожности все же показал какие-то фрагменты своего Труда, ему уже пришлось столкнуться. Борьба с этими зоилами, сводящаяся преимущественно к упражнениям в сарказме и брани в их адрес, со временем все более подменяет глохнущую работу над собственно Трудом. Поскольку ни заработать себе на жизнь, ни элементарно обеспечить свой быт гений не в состоянии, для этого ему нужна женщина (поначалу мать, позже жена), которой регулярно дается понять, какая высокая честь ей оказана. О том, что Великий Труд так никогда и не будет дописан, равно как и об истинных масштабах его художественной или научной ценности, полагаю, можно уже и не упоминать.

Поразительное дело, но женщины довольно часто клюют на подобных персонажей. В том числе и, казалось бы, неглупые женщины. Не знаю, может, это такое извращенное проявление материнского инстинкта. Или надежда, чем черт ни шутит, в одно прекрасное утро все-таки оказаться женой нобелевского лауреата, ведь "многих великих людей долгое время не понимали"; во всяком случае, язык у непризнанных гениев подвешен хорошо, и произвести впечатление уверенной болтовней, особенно на человека неискушенного, они способны. Или же все то же пресловутое "зато не пьет и не бьет" и "от добра добра не ищут". Или все, вместе взятое. В общем, моя кузина тоже не стала исключением. Хотя я, разумеется, пытался ее отговорить. Нет, как я уже сказал, мы не поругались на этой почве. Но общаться стали намного реже, тем паче что Лиза, обзаведясь мужем, уже не нуждалась в компании двоюродного брата, а у меня не было желания навещать их дом, созерцать там физиономию Артура и выслушивать его самоуверенные монологи. Он, кстати, мнил себя писателем и наверняка рано или поздно – скорее рано, чем поздно – подсунул бы мне кусок своего романа с требованием как можно быстрее прочесть и оценить. Поскольку я терпеть не могу лицемерия, то оценил бы его опус искренне, что сделало бы меня в глазах Артура врагом на всю жизнь, с соответствующими оргвыводами для Лизы. Да, драться такие субъекты не способны, зато скандалы на тему "я одинокий, ранимый, непонятый, меня не ценят и предают те, кому я доверился целиком и без остатка" устраивают диво как хорошо.

А потом Лиза забеременела и бросила учебу. Кончилось все выкидышем на поздних сроках, но институт она так и не закончила. Пыталась восстановиться через год, но многое успела перезабыть, да и, к тому же, молодая семья остро нуждалась в деньгах (не представляю, о чем они думали, когда пытались завести еще и ребенка), а поскольку на Артура надежды не было, Лизе нужно было срочно искать работу, диплом же в те лихие годы развала империи не был ни необходимым, ни достаточным условием трудоустройства. Несколько лет спустя она все же окончила какие-то скороспелые курсы, чтобы иметь хоть какие-то корочки; я к этому времени, уже утвердившись в мысли, что в этой стране достойных перспектив нет и не предвидится, готовился к отъезду. С кузиной я своими планами не делился, мы к этому времени почти совсем не общались, и о том, что я обосновался в Америке, она узнала уже после того, как это свершилось.

В первые годы моей эмиграции мы обменялись несколькими ничего не значащими письмами, но затем и это общение заглохло. Лиза была не из тех, кто любит жаловаться на жизнь, а у меня хватало своих забот, поначалу – не слишком приятных, а потом, по мере того как налаживалась моя американская жизнь, прошлое и все, что с ним связано, все более отходило в область теней. И вот только приехав в свой бывший город, я понял, что не имею никаких вестей от единственной оставшейся у меня близкой родственницы уже... сколько? три года? четыре? еще больше? Я так и не смог вспомнить.

Я позвонил ей, совершенно не будучи уверенным, что найденный в чудом не выброшенной записной книжке телефон все еще актуален. И еще мне очень не хотелось услышать в трубке голос Артура. Я подумал, что, если он меня не узнает – а наверняка так и будет – я, пожалуй, не буду представляться. С другой стороны, не устроит ли он тогда, чего доброго, жене сцену, выясняя, что за незнакомые мужики звонят ей домой?

Но трубку сняла Лиза.

– А, привет, – сказала она после того, как я назвал себя. Машина времени продолжала работать: по ее тону можно было подумать, что мы расстались пару недель назад. – Все-таки приехал? Тебя не было на похоронах.

Разумеется, не было. Терпеть не могу эти бессмысленные ритуалы, которые ничем не могут облегчить участь умерших, зато травят душу живым, и к тому же наполнены самой отвратительной пафосной пошлостью и фальшью.

– Не будем об этом, – поспешно сказал я, не желая выслушивать еще и соболезнования. – Я здесь по делам и ненадолго. Но сейчас у меня есть время...

Я предложил ей встретиться и посидеть в каком-нибудь кафе, но она возразила, что лучше это сделать у нее дома.

– Гм... а это не будет неудобно? – пробормотал я, и, поскольку она не проявила понимания моего намека, добавил: – Ну, там, Артур и все такое...

– Артура больше нет, – спокойно ответила она.

– В каком смысле нет? – растерянно переспросил я.

– Совсем нет. Мы развелись.

– Поздравляю! – вырвалось у меня.

– Это было давно. Четыре... уже почти пять лет.

– Ну, тем лучше. Ты знаешь, что он мне никогда не нравился. Все еще пишет свой роман? Впрочем, да, откуда тебе теперь знать...

– Я с ним с тех пор не общалась, – подтвердила Лиза.

– А дети? – осведомился я; менее всего мне хотелось бы, чтобы наша встреча проходила под аккомпанемент визга и беготни малолетних двоюродных племянников. – У тебя не...

– Врач сказал, что я не могу иметь детей, – ее голос звучал все так же спокойно. – Еще вскоре после твоего отъезда. Разве я тебе не писала?

– Ммм... должно быть, нет, – ответил я. Неужели забыл? Самому-то мне, как убежденному одиночке и, соответственно – как это называют на Западе – childfree, дети никогда не казались важной темой – но я понимаю, что у Лизы другие взгляды. Впрочем, как я уже сказал, она не любит жаловаться на жизнь, тем более – с расстояния в тысячи километров. Психологи, кстати, считают, что это не такое хорошее качество, как кажется на первый взгляд. Полезнее, мол, периодически плакаться в жилетки, или даже ругаться, нежели молча копить весь негатив в себе... Не знаю. Никогда не считал психологию наукой. Люди слишком разные, их невозможно уложить в рамки каких-то общих стандартных схем.

Так или иначе, мы договорились о встрече, и два часа спустя я уже сидел на кухне ее квартиры. В последний раз я был здесь, наверное, лет пятнадцать назад и, конечно, не помнил подробностей и не мог оценить перемены. Обратил внимание лишь на дорогую и современную кухонную технику.

А вот по лицу Лизы прошедшие десять лет были очень даже заметны. Здесь действие машины времени закончилось. Я понимал, что и сам не стал моложе, но к лицам, которые видишь каждый день, в том числе и к собственному в зеркале, привыкаешь. А вот увидеть вместо оставшейся в моей памяти юной девушки, каковой Лиза казалась и после нескольких лет замужества, усталую женщину под сорок... тени под глазами, первые морщинки, вяло опущенные уголки губ... кажется, даже и седой волос в ее темных прядях, а ведь ей только тридцать шесть... Она явно не пыталась "навести марафет" к моему приходу, то ли помня о моем

отрицательном отношении к косметике и "раскрашенным куклам", то ли просто не считая нужным стараться ради двоюродного брата. Что вполне отвечало моей нелюбви к лицемерию.

Мы сидели друг напротив друга уже минут пятнадцать, и я все еще не знал никаких подробностей о ее нынешней жизни. Она лишь коротко ответила, что у нее все нормально, и стала расспрашивать меня об Америке. Я рассказывал, надеясь разговорить ее позже и с удивлением отмечая, что периодически мне приходится вспоминать и подбирать русское слово вместо автоматически прыгающего на язык английского. Прежде я считал, что забыть родной язык невозможно...

– Машины даже у безработных, – рассказывал я. – В первое время нашим людям это кажется диким, мы ведь привыкли воспринимать машину как атрибут если не роскоши, то статуса... Но проблема не в безработных, а в старых маразматиках, которые садятся за руль и забывают, где находятся. И отобрать у них лицензии, ну то есть права, не получается, потому что это, видите ли, нарушение их гражданских прав...

В этот момент открылась дверь, и на кухню вошел Виталий. Он никогда не был мне даже приятелем, но я сразу его узнал.

В отличие от Лизы, одет он был не по-домашнему, в костюме с галстуком – но вошел так, как может входить только хозяин. Да и кто бы открыл ему дверь, если бы у него не было собственного ключа?

Классической немой сцены не последовало. Двух-трехсекундная пауза, не больше.

– Привет, – сказала Лиза, повернувшись к нему. Я не эксперт по семейным отношениям, но она смотрела на него не так, как женщина смотрит на любимого мужчину. Не так, как она смотрела в свое время на того же Артура, черт бы его побрал. – Не слышала, как ты вошел. Вот, видишь, Серж приехал, – свое имя я переиначил на западный манер задолго до эмиграции, еще в студенческие годы. – Ты извини, что не предупредила. Не думала, что ты сегодня так рано.

– Презентацию перенесли. Здравствуй, Серж, – сказал Виталий. Интонация была неестественной – он, должно быть, хотел сказать "здравствуйте", но в последний миг сообразил, что мы все-таки на "ты". Во всяком случае, были в студенческую пору.

Виталий был тогда одногруппником Лизы и одно время безуспешно за нею увивался. Она не то чтобы активно гнала его от себя, но вела себя в характерной девичьей манере "можешь быть моим приятелем, если хочешь, но на большее не рассчитывай". Принимала от него, как должное, разные мелкие услуги, приглашала пару раз на день рожденья (естественно, он был там далеко не один), но при этом твердо держала дистанцию. В какой-то момент он попытался сделать своим наперсником меня, как кузена своей пассии, но никакой помощи и поддержки с моей стороны не нашел. В отличие от появившегося позже Артура, активной антипатии у меня Виталий не вызывал, но и симпатии тоже. Он был мне попросту безразличен, а его любовные страдания – смешны; идейный одиночка, коим я был уже тогда – не тот человек, у которого стоит искать сочувствия влюбленному. Единственное, что я мог ему посоветовать (и посоветовал) – это выбросить глупости из головы и побольше думать об учебе. "Make work, not love" – скаламбурил я тогда.

Впрочем, употребляя слова "страдания", "пассия" и т.п., я несколько сгущаю краски. Никаких шекспировских страстей там не было. Несостоявшийся роман протекал вяло, как длительная и скорее даже символическая осада без единой попытки решительного штурма, и в конце концов самому Виталию все это, похоже, надоело, и он от Лизы отстал. Артур стал для этого благовидным предлогом.

Так, во всяком случае, я думал до нашей нынешней встречи.

Не буду пересказывать подробности состоявшегося незапланированного ужина втроем. В воздухе висела атмосфера неловкости и принужденности. Я прекрасно понимал, что в присутствии Виталия Лиза ничего не расскажет о своих проблемах – особенно если таковые с ним и связаны. Он, в свою очередь, тоже явно тяготился моим присутствием. После нескольких

вялых реплик мы сосредоточились в основном на жевании (готовила Лиза хорошо, что да, то да). Наконец Виталий поднялся из-за стола и, буркнув "пойду покурю", вышел из кухни.

– Давно вы с ним? – спросил я, как только дверь закрылась.

– Четыре года.

– И это... официально?

– Да, мы поженились вскоре после того, как я рассталась с Артуром.

– Но зачем? – вырвалось у меня. – Ведь ты с ним несчастлива!

– Он хороший человек, – пожала плечами Лиза. – И у него есть деньги. Он бизнесмен.

Да, еще до своего отъезда я слышал, что Виталий занялся каким-то бизнесом, и вроде бы небезуспешно. Впрочем, времена тогда были такие, что не было никакой уверенности не то что в том, что он не прогорит, но и что вообще останется в живых.

– Не такие уж большие деньги, – желчно заметил я. – Раз вы живете в твоей старой квартире, а не в элитных апартаментах в центре.

– Да, у него есть трехкомнатная в центре, – спокойно ответила Лиза, – но я отказалась туда переезжать. Я люблю свой дом... кирпичный, старой постройки, еще сто лет простоит, не то что нынешнее "элитное жилье", которое узбеки строят... И район этот тоже люблю. Сам знаешь, какой он у нас зеленый, и пруд рядом... а там, в центре – вокруг ни травинки, дышать нечем, даже от реки бензином воняет. Ему отсюда далеко в офис ездить, но он согласился... А трехкомнатную мы сдаем. Тоже неплохой доход, между прочим.

– К тому же он курит, – возмущенно заметил я. В юности, насколько я помнил, за Виталием этого порока не водилось.

– Только на лестнице, в квартире ни-ни. Я просила его бросить, но он не может. Слишком работа нервная.

– А сама ты, надо полагать, не работаешь?

– Теперь нет.

Ну что ж, картина проясняется. Я, конечно, сам всегда говорил, что лучший брак – по расчету... но все равно как-то неприятно, что твою двоюродную сестру купили, как проститутку. На самом деле, противоречия тут нет: правильный брак по расчету предполагает взаимный рациональный интерес, а интерес со стороны Виталия явно не был рациональным.

– Ты изменилась, – заметил я. – Прежде деньги не были для тебя главным.

– Дело не только в деньгах, – возразила она. – За свои деньги он мог бы завести себе какую-нибудь двадцатилетнюю девку, и даже не одну, а не возиться с женщиной за тридцать и ее проблемами... Виталий – он очень надежный, понимаешь? То, чего мне так не хватало с Артуром... А он, ну то есть Виталий, он просто спас меня... точнее, нас обоих. Просто пришел и спас, сам, без всяких просьб и тем более обещаний с моей стороны, ничего не прося взамен – понимаешь?

– Не понимаю, – искренне ответил я. – Ты хочешь сказать, что Виталий спас от чего-то тебя... и Артура, своего, стало быть, соперника? От чего именно? Рассказывай уж все сначала.

– Ой, ты не представляешь, как мы тогда жили... что вообще творилось в стране...

– Ну почему же, газеты я почитывал и в Америке.

– Газеты... Одно дело газеты, а другое... В общем, это была самая задница 90-х. Ни денег, ни работы, ничего. Меня отовсюду выперли и не брали даже уборщицей никуда, не помню почему... Артур – ну, сам понимаешь... он особо и не хотел что-то найти. Я кричала на него, требовала, чтобы он искал хоть какую-нибудь халтуру... а он с каким-то даже мстительным удовольствием отвечал, что вот, мол, обращался туда-то, и результат нулевой. Не знаю, правда обращался или врал... Хорошо, еще была жива мама, подбрасывала копейки, чтобы мы не померли с голоду – но много ли она могла выделить со своей пенсии?

– Почему ты не написала мне? – перебил я. – Если бы я знал, что все настолько плохо...

– То что? У тебя, как видно, своих дел хватало – сам сколько времени не писал? Как бы

это выглядело, если б я вдруг стала клянчить на жизнь? Да и знала я, что ты не Рокфеллер...

Гм, что верно, то верно. В то время лишних денег у меня и впрямь не было. Я, конечно, не голодал, но наскрести мог бы разве что несколько сотен долларов. Надолго бы их хватило?

– И потом, знаю я тебя, – твердо продолжала Лиза. – Небось, заявил бы, что мне денег пришлешь, но только при условии, что ни цента из них не достанется Артуру, который должен работать и зарабатывать сам, а не сидеть паразитом у меня на шее. Я права?

– Нуу... – окончательно смешался я. Сейчас, postfactum, когда я уже знал, что она бросила своего никчемного мужа, такая идея не пришла мне в голову, но в то время я бы, пожалуй, и впрямь...

– Вот именно, – кивнула она, словно ставя точку. – А тут еще у Артура открылась язва, а он не хотел идти к врачу, идиот. Лежал и демонстративно страдал – вот, мол, до чего ты меня довела своими придирками... И дошёл до того, что не мог даже пить – его рвало, и только лежал в позе эмбриона. Почему я не вызывала скорую? не помню уже.. И денег буквально ни копейки не было, как всегда. И тут вдруг к нам в гости зашел Виталий. Не знаю даже, почему. Я его не приглашала. Мы с ним иногда перезванивались, но я не говорила ему про наши обстоятельства, и уж, конечно, ничего не просила. Сам понимаешь, в каком положении я бы оказалась, если бы стала просить – у него... И у нас он сто лет не бывал. Потом он мне говорил, что как будто что-то почувствовал... нет, никакой мистики – наверное, просто голос мой по телефону был уже такой, что... Короче, Виталий пришел, увидел всю эту картину, вызвал меня на кухню и говорит: держи деньги – на жизнь, а ЭТОГО я прямо сейчас увезу и положу в больницу, задействую свои связи...

– И вылечил?

– Ну да. То есть не сам, конечно, врачи... В какой-то частной клинике за городом. До сих пор не знаю, скольких денег ему это стоило. Не друга, не приятеля – мужа любимой женщины, понимаешь?

– И в благодарность за такое благородство ты выгнала исцеленного Артура и вышла за его спасителя? – я не смог сдержать иронии.

– Нет, Артур сам ушел. То есть я, конечно, уже давно чувствовала, что наш брак был ошибкой – да, да, можешь торжествовать, я говорила себе "Серж был прав"... но я как-то не видела для себя выхода. Вроде как взялся за гуж – тащи...

– Глупо, – отрезал я. – Ошибки надо исправлять.

– Понимаешь, Артур не был для меня одной лишь обузой. Нас связывало и много хорошего... пусть в прошлом, но – я как-то не могла просто взять и сказать ему – все кончено, уходи. С одной стороны, жалко его было, с другой – боялась сцен, которые он устроит... Но, к счастью, он все понял сам. Из больницы в этот дом он уже не вернулся. Только попросил прислать ему его личные вещи на новый адрес...

– Сам лично попросил?

– По телефону. Так было легче нам обоим.

– Погоди-погоди... ты и на суде с ним не встречалась?

– Не было суда. Когда нет имущественных претензий, можно развестись заочно.

– Так ты, выходит, вообще его больше не видела?

Ответить Лиза не успела: открылась дверь – вернулся Виталий. Я сразу почувствовал табачную вонь. О, разумеется, он наверняка курил какие-нибудь дорогие сигареты, а не папиросы из ближайшего ларька – но я, как говорится, в сортах дерьма не разбираюсь. Одна из причин, по которым я люблю Америку – там я почти отвык от этого ненавистного запаха.

Я вновь бросил взгляд на кузину и понял, что ответ на мой последний вопрос, судя по всему, положительный. Хотя ничего странного она в этом не усматривает... или нет? Или в ее глазах мелькнуло все же какое-то беспокойство?

Мы, теперь уже все трое, обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами, и

я распрощался. Лиза спросила, загляну ли я еще перед отъездом, я честно ответил – как получится, и обещал, по крайней мере, позвонить.

Тем же вечером мне позвонил мой риэлтер и сообщил, что нашел подходящего покупателя на унаследованную мною недвижимость, и сделку можно будет заключить уже завтра. Таким образом, уже сутки спустя я мог бы вылететь на запад – теперь уже окончательно навсегда, как с самого начала и намеревался. Но состоявшаяся встреча не шла у меня из головы. Совершенно очевидно, думал я, что Лиза Виталия по-прежнему не любит, но ценит создаваемый им комфорт. Что ж – это куда более прочная основа для брака, чем то, что полагают наивные романтики. Но что-то все же тяготит ее... осознание полной зависимости от мужа? чувство, что она обязана ему, что вышла за него, как бы отдавая долг? или же...

Насколько она сама верит в ту красивую историю, которую рассказала? У меня сложилось твердое впечатление, что она говорит правду – во всяком случае, ту, которую знает со слов Виталия. Но я-то уж в любом случае не романтик. И я наслышан, какими методами делался бизнес в этой стране, особенно в те годы "самой задницы". Тот факт, что в этих условиях Виталий уцелел и преуспел, уже сам по себе говорит, что благородным идеалистом он не был. И уж тем более – этаким сказочным рыцарем, за свой счет оказывающим услуги конкурентам – не важно, в какой области... Увез Артура за город, чтобы поместить в дорогую клинику? Ха-ха три раза. Куда более вероятно – чтобы закопать в ближайшем лесу. И если бывшего мужа Лизы и в самом деле после этого никто не видел...

А телефонный звонок, а подписанные документы на развод? Ну, во-первых, и голос, и почерк можно подделать. А во-вторых, что еще проще, можно было не убивать Артура сразу, а продержать его где-нибудь достаточное время, чтобы получить от него все, что нужно...

Но не слишком ли нагло? Ну, допустим, Лизе Виталий задурил мозги, или она сама предпочла не вникать в детали, интуитивно боясь узнать страшную правду. Но все-таки исчезновение человека – это серьезное дело, которое полагается расследовать. Шанс, что Артура кто-нибудь хватится, все же был. А тут налицо и мотив, и свидетель, знавший, что обладатель мотива на собственной машине увез потерпевшего... Если бы Артур просто пошел погулять и пропал, я бы мог заподозрить Виталия, но чтобы так в открытую... С другой стороны, что я знаю о его связях, которые он обещал задействовать? В этой стране и не такое сходило с рук! Гм, вот вам и отсутствие шекспировских страстей...

Нет, я по-прежнему не испытывал к несостоявшемуся светилу мировой литературы никакой симпатии. И если бы он просто умер по собственной глупости, не желая обращаться к врачу при обострении язвы – я бы просто сказал "так ему и надо". Но если речь идет об убийстве...

И тут я понял кое-что еще. Показания моей кузины – теперь я думал о ее словах именно в этих терминах – все-таки неубедительны. У нее вдруг появились какие-то странные провалы в памяти. "Не брали на работу, не помню, почему... не вызывала скорую, не помню, почему..." А в самом деле – почему? Ну, допустим, телефон был отключен за неуплату... или не был? они же перезванивались с Виталием, хотя, возможно, это было еще до отключения... но в любом случае – всегда можно сходить к соседям. Или на улицу к автомату, вызов экстренных служб бесплатный. А вместо этого – видеть, как твой муж реально загибается, и ничего не предпринимать? Пусть вся любовь осталась в прошлом, пусть Лиза была зла на него из-за его идиотского упрямства – но речь шла о его жизни! В таких случаях вызывают "скорую" и для постороннего человека, и даже для раненого преступника. В конце концов, не сделать этого – уголовное преступление, статья об оставлении в опасности... и Лиза не настолько неграмотна, чтобы этого не знать!

Тогда что же? Они в сговоре? Лиза сама подбила Виталия устранить разделявшее их препятствие? "Артура больше нет" – так обычно говорят вовсе не о разводе... Нет, невозможно, только не моя кузина! Да и, в конце концов, проще было бы развестись... Однако при разводе

возникают те самые имущественные вопросы. В изложенной мне версии Артур благородно не стал претендовать на квартиру – а ведь в реальности очень даже мог бы! И ради того, чтобы устранить подобную возможность... нет, в голове не укладывается. Когда она говорила, что с Артуром ее связывало немало хорошего, в ее словах не чувствовалось ни малейшего лицемерия... Однако, так ли хорошо я знал свою двоюродную сестру? Ведь даже в студенческую пору нас нельзя было назвать близкими друзьями. А насколько сильно она могла измениться за те годы, в которые я не имел о ней никаких вестей – годы, в которые так сильно изменилось многое другое?

Нет. Не сходится. Слава здравому смыслу, все-таки не сходится. Если это сговор, то не нужна была бы сомнительная версия про язву. Просто то самое "пошел погулять и не вернулся". Ну или, чтоб не числился пропавшим без вести – развелись и с тех пор не виделись, опять-таки без всякого упоминания про язву и клинику...

Непонятная история. И, чтобы ее распутать, прежде всего надо ответить на главный вопрос – жив ли еще Артур?

В Америке я бы начал поиски с телефонного справочника. Как решаются аналогичные задачи на моей исторической родине, я тоже знал. Базы данных по адресам и телефонам можно приобрести на любой крупной точке, торгующей "пиратскими" дисками. Мимо ближайшей такой точки я проходил не так давно и теперь, посмотрев на часы – наверное, еще не закрылись – поспешил туда.

Мне повезло – я отловил продавца, когда он уже собирался сворачиваться, и за вполне скромную, в пересчете на доллары, сумму стал незаконным обладателем нескольких десятков мегабайт конфиденциальной информации о жителях родного города. Вернувшись в свое временное жилище, я раскрыл ноутбук и... да, но кого именно искать? Фамилию Артура я помнил хорошо, а вот отчество... вряд ли я вообще его когда-нибудь знал.

Надежда на то, что имя "Артур" в этой стране достаточно редкое, и без отчества можно будет обойтись, не оправдалась. Компьютер выдал мне список на целую страницу. Если бы речь шла лишь о том, чтобы всех их обзвонить, это было бы терпимо, но интуиция подсказывала мне, что тут нужна личная встреча. Причем эту встречу не стоит предварять звонком. Варианты могли быть самые разные. По голосу я Артура спустя столько лет уж точно не узнаю, а что, если по его документам живет какой-нибудь бандит? Или Артур жив, но запуган. Или не захочет со мной общаться просто потому, что ему неприятна тема его распавшегося брака и все, что с ней хоть как-то связано...

Как же, черт побери, его отчество? Проще всего было бы позвонить Лизе и спросить. И да, кстати! – она же должна знать его адрес! "Попросил переслать вещи на новый адрес." Может, конечно, уже и не помнить точно, но хотя бы приблизительно – а там свериться с базой... Но как бы я объяснил кузине, зачем мне это понадобилось? Она прекрасно знала, что он не вызывал у меня ни интереса, ни симпатии даже когда они были вместе – с чего же вдруг теперь...

Так и не придумав убедительный невинный повод, я решил зайти с другой стороны. Может быть, удастся отыскать Артура в интернете через его роман? Я, разумеется, ни на секунду не верил, что его могли напечатать – но на каком-нибудь из бесплатных сайтов, где публикуются графоманы... туда, кстати, нередко выкладывают и куски неоконченных вещей... Как же назывался сей magnum opus? Помнится, уже даже название у него было на редкость дурацкое (самому Артуру оно, естественно, казалось чрезвычайно удачным). Что-то про журавлей и авиацию. Нет, в самом романе, насколько я знал со слов Лизы, ничего про авиацию не было, и про журавлей, кажется, тоже. Но вот в заглавии соединялось то и другое. "Журавлям посадку запрещаю"? Нет, кажется, "Журавлям взлет не разрешен"...

Однако никаких упоминаний такого текста в интернете я не нашел. Скорее всего, как я и полагал, роман так и не был дописан. Возможно, впрочем, что не по вине автора...

Может, все-таки позвонить Лизе и задать мой вопрос? "А зачем тебе это?" "Так, есть одна мысль, потом объясню..." Не станет же она отказываться отвечать из принципа, особенно если она ни в чем не виновна... а если наоборот?

И тут я кое-что вспомнил. Своего неродившегося сына – когда УЗИ показало, что это мальчик – она, точнее, они с мужем, собирались назвать Николаем. В честь деда по отцовской линии.

Значит, Артур Николаевич... Oops. Ни одного совпадения в базе. В этом городе такой не проживает.

Похоже, мои подозрения подтверждаются.

Я сделал запрос и в интернете. Нашлось несколько человек с соответствующими именем, отчеством и фамилией, но, судя по контексту, среди них не было того, кто мне нужен.

Однако все это еще не дает оснований предъявить какие-либо обвинения Виталию. Он спокойно ответит, что мало ли куда Артур мог уехать. Разве я сторож предшественнику своему?

Ладно. Утро вечера мудренее. Правда, я никогда не понимал этой пословицы, ибо по утрам хочу спать и туго соображаю. Но, в любом случае, время уже слишком позднее...

Впрочем, утро и часть следующего дня ушли у меня на продажу квартиры. Но вот, наконец, со всеми формальностями было покончено; однако вместо того, чтобы взять билет на самолет, я отправился к уже знакомому ларьку и поинтересовался базой данных по области (я рассудил, что, если бы новый адрес Артура оказался еще дальше, Лиза отметила бы это в разговоре со мной). Оказалось, и такая база имеется; честный продавец, впрочем, предупредил меня, что каких-нибудь мелких деревень в ней может и не быть. Мне трудно было представить, чтобы Артур решил заняться сельским хозяйством в загнивающей деревне, и на глазах у неспешно прогуливавшегося неподалеку толстого стража порядка я совершил еще одно противозаконное приобретение.

На сей раз мне повезло больше. Тот, кого я искал – или, во всяком случае, его полный тезка – обнаружился в одном из областных городков. Городок был ничем не примечательный: 30 километров по железной дороге, двадцать тысяч жителей, текстильная фабрика, надо полагать, едва сводящая концы с концами, пара сделанных местными энтузиастами страничек в интернете с видами убогих церквушек XIX века и вполне себе крестьянских изб с резными наличниками на городских улицах... Короче говоря, тоска и безнадега. Для того, чтобы переселиться в такое место, требуются веские причины...

Я посмотрел в сети расписание электричек. К семи вечера могу быть по искомому адресу. Если беседа не затянется, вернусь еще засветло; честно говоря, перспектива пробираться в темноте по улицам этой провинциальной дыры меня совершенно не вдохновляла. Да и вероятность, что под личиной Артура может скрываться какой-нибудь находящийся в розыске уголовник... выглядело это, конечно, слишком по-киношному, но кто знает. Я пожалел об оставшемся дома, в Америке, пистолете. Но мое желание узнать правду было сильнее гипотетических опасностей.

Городишко оказался именно таким, какой я и ожидал увидеть. Выйдя со станции, я миновал местный Мэнхэттен – квартал серых пятиэтажек с магазинами на первых этажах, перешел по бетонному мосту через цветущую речушку, полюбовался торчащей над берегом возле моста церковью (в жизни еще более убогой, чем на фото, с вылинявшим и пыльным синим куполом), оценил торжество местной политкорректности – почти что подпирающий стены церкви, так, что издали его даже можно было принять за часовню, памятник советским солдатам под красной звездой – и затем, свернув за мостом направо, углубился в так и не переименованную с коммунистических времен кривую улицу Энгельса. Улица была застроена, главным образом, двухэтажными домами, многоквартирными (насколько слово "много" применимо к числам меньше десяти), но в основном деревянными. Нужный мне дом оказался почти в самом конце улицы; вход в него был со двора. Я потянул на себя рассохшуюся и

облупившуюся дверь подъезда, вдохнул неизменный затхлый запах таких строений, сырой и пыльный одновременно, и по деревянной лестнице поднялся на второй этаж. Дверь квартиры выглядела вполне цивилизованно, с большой металлической цифрой "7" и электрическим звонком, который не взревел, как я опасался, а выдал довольно-таки мелодичную трель внутри квартиры. Больше, однако, из-за двери не донеслось никаких звуков; я позвонил еще пару раз и понял, что это бесполезно. Конечно, приезжать без предварительного звонка было авантюрой; что, если хозяин уехал куда-нибудь на несколько дней? Но будем надеяться, что он все-таки вернется сегодня. Я решил подождать на улице, возможно – благо было еще не поздно по летним меркам, и вечер был солнечным и теплым – даже побродить немного по городку, в котором никогда раньше не был и в котором совершенно точно никогда не окажусь вновь.

На выходе со двора мне повстречался невысокий плешивый мужичок лет пятидесяти, в длинной грязной ветровке и облепленных глиной сапогах; из-за пояса у него торчала пара брезентовых перчаток, также испачканных землей. Я посторонился, пропуская его – не столько из вежливости, сколько из инстинктивного опасения запачкаться – и лишь когда он уже прошел мимо, не столько даже узнавание, сколько догадка сверкнула в моем сознании, и я обернулся:

– Артур?

Он тоже обернулся, глядя на меня с явным недоумением. Разумеется, мы виделись лишь считанные разы, и это было так давно... Надеюсь, впрочем, что я не постарел так сильно, как он. Артур был старше Лизы, и сейчас ему должно было быть за сорок – но никак не пятьдесят. Должно быть, он выглядел старше из-за лысины и общего затрапезного вида. И все же это был он, а не некто, присвоивший его документы.

– Я Серж, – сказал я. – Двоюродный брат Лизы... помните?

Мы с ним, кажется, так и не переходили на "ты". А если даже и да, теперь это не имело значения.

– Вы же в Америке, – глухо откликнулся он через пару секунд. Голос звучал неприветливо – впрочем, у него и не было причин мне симпатизировать. – Неужели вернулись?

– Я здесь по делам, – пояснил я. – Завтра улетаю... наверное.

– А от меня вам что надо?

Я вздохнул. С чего я, собственно, взял, что чужой человек, которого я к тому же всегда недолюбливал и который, вероятно, платил мне взаимностью, вдруг кинется рассказывать мне о своих проблемах? Может, просто извиниться, сделать вид, что эта встреча случайна, и распрощаться? Никто его не убивал – вот и ладно, прочее меня в самом деле не касается... Но раз уж я проделал этот длинный путь и отложил ради него свой отлет, я должен узнать правду.

Я подошел к нему, чтобы не кричать на весь двор.

– Понимаете, Артур... Николаевич, Лиза рассказала мне странную историю о том, как вы расстались. А мне необходимо знать, что там произошло на самом деле. Между ней, вами... и Виталием.

– Что она сказала, то и произошло, – буркнул он.

– Но вы ведь даже не знаете, что именно она сказала!

– Почему не знаю? Что было, то и сказала. Зачем ей врать? – и он сделал движение в сторону двери.

– Подождите! – я обогнал его и заступил ему дорогу. – Артур Николаевич, я понимаю, что вас могли запугать. Но со мной вы можете быть откровенным. Я гражданин США и не боюсь ни ваших бандитов, ни вашей коррумпированной милиции. Скажите, это Виталий заставил вас подать на развод? Он угрожал вам?

– Виталий спас мне жизнь, – ответил Артур. – А на развод я подал сам, потому что наш брак закончился. Закончился по моей вине.

– Спас вам жизнь? – что бы ни говорила Лиза, надо сверить их показания. – В каком смысле?

– В прямом. Устроил в хорошую больницу, где меня выходили. Пока я лежал там, многое переосмыслил...

– И решили переехать сюда, в глушь? – я не сумел скрыть иронии.

– Вы-то, небось, в Нью-Йорке живете? – усмехнулся он.

– Нет. Тоже в небольшом городе. Но наша провинция и это вот... – я брезгливым жестом обвел обшарпанный и замусоренный двор с покосившимся сараем и ржавым остовом давно сломанных качелей.

– Что "вот"? Здесь хорошая, спокойная жизнь. Нет этой вечной толкотни и суеты, все рядом. Экология куда лучше, еда здоровее – мне с моей язвой это, знаете ли, важно...

– По-моему, тут такие же магазины, только ассортимент беднее, – не сдержался я.

– Да, но у меня еще продукты с собственного огорода. Я, собственно, как раз оттуда. У нас за рекой участки... поработать на свежем воздухе тоже весьма полезно.

"А выглядит он все равно старше своих лет, что бы он ни говорил про свой здоровый образ жизни", – подумал я, а вслух спросил:

– А помимо огорода, вы здесь где-нибудь работаете?

– Да, – ответил он, и я приготовился уже услышать что-то вроде "истопником в котельной", но Артур с достоинством произнес: – Учителем в местной школе.

– Учителем? – я удивился только в первый миг, а потом сообразил, что ничего странного в этом нет: в провинциальных школах большой дефицит кадров, а непризнанные гении любят учить. – Литературы? – на сей раз я все же сделал усилие над собой и изгнал из голоса иронию.

– Нет, физики, – ответил он и, видя мое немое удивление, добавил: – Я ведь вообще-то физик по образованию.

Этого я никогда не знал.

В этот момент дверь открылась, и из дома выкатилась классическая такая провинциальная бабка в платке – еще один типаж, от которого я совершенно отвык в США. Американские старухи, даже из небогатых слоев общества, так не выглядят. Им вообще не придет в голову, что женщина, независимо от возраста и состояния здоровья, может позволить себе выглядеть – так.

– Доброго здоровьичка, Артур Николаич, – приветливо проквохтала она.

– Здравствуйте, Анна Степановна, – с достоинством поклонился Артур. Ну да – учитель в провинции все еще человек уважаемый, несмотря на нищенскую зарплату. Небось, учит внуков этой самой старухи... По лицу бабки было заметно, что ей ужасно любопытно, что за гость в дорогих заграничных шмотках приехал к их учителю, но благовидного предлога встрять в наш разговор у нее не было, и она с сожалением поплелась дальше тяжелой старческой походкой.

– И отношения между людьми тут другие, – заметил Артур, поглядев ей вслед. – В прежней жизни я даже не знал, как зовут соседей по площадке...

А вот что мне в Америке как раз не нравится, так это соседская навязчивость. Впрочем, privacy там уважают, и когда даешь понять, что предпочитаешь уединение, тебя оставляют в покое.

– А как поживает ваш роман? – не удержался я. – "Журавлям взлет не разрешен"?

– "У журавлей нелетная погода", – хмуро поправил Артур. – Только пустое это все. Я, пока в больнице лежал, понял, что мой роман не стоит того, чтобы отдать за него жизнь. А значит – какой я писатель...

Ну что ж, лучше поздно, чем никогда, подумал я, а вслух все же спросил:

– Что значит – отдать жизнь? Вам кто-то все-таки угрожал?

– Нет, нет. Если кто и виноват, то только я сам. А Виталий действительно спас и меня, и Лизу. Ладно, заболтался я с вами. Счастливо долететь до вашей Америки.

Я понял, что больше от него ничего не добьюсь.

И все же что-то в этой благостной картине не сходится, думал я под перестук колес

несущей меня обратно электрички. Что-то они все не договаривают... Надо было выспросить у Артура подробности про ту больницу. Может быть, его лечили там вовсе не от язвы? Может быть, Виталий с подачи Лизы упрятал его в психушку, чем и объясняются столь существенные перемены в мировоззрении бывшего непризнанного гения, который раньше не то что в огороде копаться, а и в булочную за хлебом сходить брезговал? Ему объяснили, что иначе он оттуда просто не выйдет, и что в случае чего всегда можно будет вернуть его обратно... Что ж – я не мог не признать, что подобная терапия пошла ему на пользу. И, похоже, теперь с этим согласен и он сам. Однако это не отменяет того факта, что госпитализация была незаконной... Но все это – не более чем моя гипотеза, которая может оказаться столь же далекой от истины, как и предыдущая, об убийстве. Правды я так и не знаю...

Ну что ж. В этом деле остался еще один фигурант, и, вероятно, самый главный. Теперь мне нужно поговорить с Виталием. И, естественно, без присутствия Лизы, а значит, не у них дома...

Отыскать информацию о нем было не в пример проще, чем об Артуре. Успешный бизнесмен, пусть и не из самых богатых – это вам не безвестный провинциальный учитель. После нескольких минут в интернете я знал и местоположение его офиса, и время работы (хотя, конечно, генеральный сидит у себя не "от сих и до сих"), и контактные телефоны (впрочем, наверняка не прямые, через секретаршу), и даже марку его машины (черный "Мерседес").

Вечером следующего дня я занял наблюдательную позицию за столиком кафе, откуда открывался хороший вид на офис Виталия и стоянку машин перед ним, охраняемую мордоворотом в черной униформе. Наверняка, подумал я, земля под стоянкой Виталию не принадлежит, и фирма просто захватила ее явочным порядком, а с точки зрения закона здесь может парковаться кто угодно – для того, чтобы отгонять таких наивных, и требуется мордоворот... впрочем, это не мои проблемы. Поначалу на стоянке было два подходящих "Мерседеса", однако владелец одного из них – явно не Виталий – вышел и уехал незадолго до семи.

Виталий не появился ни в семь, ни в половине восьмого. Я чувствовал себя киллером, сидящим в засаде. Заказанная мной легкая закуска была давным-давно доедена, и официанты периодически бросали косые взгляды в мою сторону – впрочем, скорее сочувственные, чем раздраженные. По моему облику они прекрасно понимали, что я – не бродяга, сидящий в кафе просто потому, что ему некуда пойти; возможно, они считали меня влюбленным недоумком, тщетно ждущим какую-нибудь вертихвостку. Ладно, главное, что и впрямь не киллером... хотя киллер вряд ли стал бы сидеть так долго на глазах у кучи свидетелей...

Восемь вечера – Виталия все нет. Черт, не до ночи же он там сидеть собрался... Скоро мне, между прочим, понадобится в туалет, и что, если он выйдет как раз тогда, когда меня не будет на посту? Авторы детективов, описывая сидящих в засаде героев, стабильно упускают из виду этот момент...

Наконец в 8:18 он показался из дверей офиса и быстрым шагом мимо сыгравшего задом некое подобострастие мордоворота направился к своему автомобилю. Я вскочил – с официантом я расплатился заранее – и бегом бросился из кафе, торопясь, пока он не уехал. Когда я выскочил на улицу, он уже захлопывал дверцу машины. Ездил он, очевидно, сам, без водителя.

– Виталий! – громко крикнул я.

Дверца захлопнулась. Должно быть, он не расслышал, или не соотнес мой оклик со своей персоной, привыкнув, что в этих местах к нему обращаются исключительно по имени-отчеству... Мотор зафырчал, мигнул поворотник. Я наддал и достиг "Мерседеса", когда тот уже трогался с места, чуть ли не упав ему на капот.

– Стой! Отойди от машины! – рявкнул голос слева от меня. О черт, мордоворот целился в меня из пистолета!

– Все в порядке, Игорь, – Виталий опустил тонированное стекло. – В чем дело, Серж? Что-то с Лизой?

– Нет... то есть сейчас – нет... но нам нужно поговорить.

– Почему ты не позвонил?

Потому что в процессе этого разговора мне нужно видеть твои лицо и глаза.

– Я все объясню, – сказал я вслух. – Но сначала пойдем куда-нибудь, где мы сможем побеседовать без помех.

Виталий изучал меня тяжелым настороженным взглядом.

– Мы можем поговорить в машине, – сказал он наконец.

– Это будет не слишком удобно, – твердо возразил я.

– Ладно. Пойдем ко мне в кабинет.

Я запоздало подумал, что эта идея мне не слишком нравится. В помещении фирмы, кажется, уже никого не осталось... во всяком случае, машин на стоянке больше нет, и в кабинете этом, небось, хорошая звукоизоляция... Я как-то слишком легко успокоился, узнав, что Виталий не убивал Артура – но ведь это ничего не говорит о других возможных эпизодах его биографии. Только что на меня наставили пистолет прямо на улице – что может произойти со мной внутри?

Но отступать было поздно.

– Идем.

Мы прошли мимо Игоря, затем – мимо второго охранника уже в самом здании и поднялись по лестнице на второй этаж. Виталий отпер дверь собственным ключом; за дверью царил полный мрак, хотя на улице еще было светло. Мой спутник шагнул в темноту, щелкнул выключателем. Свет озарил просторный кабинет с плотно задернутыми шторами на окнах. Ясно, меры безопасности, чтобы ничего нельзя было подсмотреть снаружи...

Виталий обошел монументального вида стол (почти пустой, если не считать монитора с клавиатурой и офисного телефона) и уселся в высокое кожаное кресло. Я занял место в кресле напротив, на вид почти столь же удобном, но без высокой спинки; впрочем, когда я опустился в него, сиденье оказалось слишком низким. Ну как же, знаем эти дешевые приемчики... все равно, позиция для допроса у меня – та, что надо.

– Я нашел Артура. И побывал у него на улице Энгельса, – сообщил я.

– И как он?

Тщательно разыгранное равнодушие в голосе. И переигрывания в стиле "какого еще Артура?" тоже нет. Ну еще бы. Бизнесмен, ведущий переговоры, обязан быть хорошим актером. Но ты уже прокололся, Виталий. Если бы тебе действительно было все равно, ты бы спросил не "как он?", а "ну и что?"

– Нормально. Работает учителем физики и копается на огороде. Он мне все рассказал, Виталий, – добавил я без паузы.

Мой визави хорошо владел собой. Гнев мелькнул лишь на долю секунды, и маска безразличия вновь заняла свое место. Но я недаром столь внимательно всматривался в его лицо.

– Что – все?

Нет, Виталий, поздно изображать удивленную невинность. Теперь я окончательно убедился, что у Артура было, что скрывать.

– То, что произошло между Лизой, ним и тобой.

– А он не забыл рассказать, что я спас ему жизнь? – теперь Виталий даже не пытался скрыть раздражение.

– Нет, не забыл. Но он рассказал и кое-что другое.

Человек напротив меня некоторое время молчал, глядя перед собой тяжелым взглядом.

– Ну и что дальше? – спросил он наконец.

– Мой гражданский долг – поставить в известность копов, не так ли? – сыграл наудачу я. – В смысле, ментов.

Мне послышалось, что он скрипнул зубами:

– Ты хочешь погубить Лизу?

Вот оно, значит, все-таки как.

– Я никого не хочу губить, – вздохнул я. – Мне просто нужно знать правду. Я выслушал версии Лизы и Артура. Теперь хочу узнать, как все-таки все было на самом деле. Узнать от тебя.

– Почему бы тебе просто не оставить нас в покое? Ты не был здесь десять лет. Тебя не волновало, как живет твоя сестра все это время и есть ли у нее деньги хотя бы на еду. Ты даже не прилетал на похороны собственных родителей – а я там, кстати, был, хотя я им, по сути, чужой человек. Какое тебе до нас дело? Возвращайся в свою Америку.

– Вернусь, – пообещал я. – И, кстати, если что-то помешает мне вернуться, то с кем и где я встречался – известно...

– Фильмов насмотрелся? – усмехнулся Виталий.

– Береженого бог бережет, – спокойно ответил я, хотя вообще, как атеист, не люблю подобные поговорки. Вот, кстати, что мне еще не нравится в Америке – атеистов там мало... – Ну так что, ты расскажешь мне всю правду? Или мне придется снова беседовать об этом с Лизой?

И снова я попал.

– Не вздумай, – на сей раз в его голосе действительно прозвучала угроза. – Я расскажу, но ее оставь в покое, понял?

– Хорошо, – согласился я. – И в милицию я не пойду – насколько я понимаю, трупов в этом деле нет. Я только хочу установить истину... для себя. В конце концов, истина – это единственное, что имеет значение в мире... sorry за пафос.

Виталий снова криво усмехнулся.

– В тот день она позвонила мне, – начал он ровным голосом. – Вообще после ее свадьбы мы несколько лет совсем не общались. У меня за эти годы были, ну, всякие... но ничего серьезного, да и времени на это особо не было – как ты там говорил, make work, not love... первоначальное накопление капитала... А потом однажды она позвонила – ей был нужен совет по какому-то сугубо практическому вопросу... ну или, может быть, это был благовидный предлог, во всяком случае, я мог тешить себя этой мыслью. Ну и с тех пор мы время от времени говорили по телефону. Так, ни о чем особенном, болтовня старых знакомых... если бы Артур и слышал эти разговоры – а может, какие-то и слышал – у него не было повода для возмущения. Хотя я догадывался, со временем все яснее, что это не просто болтовня. Что что-то у нее неблагополучно – но на все мои вопросы она отвечала, что все в порядке. Я самонадеянно полагал, что дело только в Артуре, в смысле, в их отношениях... я даже не подозревал, как у нее на самом деле все плохо. Что никакой работы, что буквально нет денег даже на еду... она всегда говорила таким спокойным голосом, даже шутить пыталась... Но в тот день – это был какой-то дикий звонок. Я так и не понял, что у нее стряслось, понял только, что что-то ужасное, и помчался к ней прямо из офиса. Дверь квартиры была не заперта. Я окликнул хозяев, но мне никто не ответил, только из большой комнаты донесся не то всхлип, не то стон. Я вошел туда. Артур лежал на диване в позе эмбриона, прижимая руки к животу. И в первый миг мне показалось, что на этих руках – глянцево блестящие красные перчатки... но на самом деле это была кровь. Кровь впитывалась в обивку дивана, и на полу тоже были пятна. А посередине комнаты стояла Лиза с окровавленным ножом в руке. Знаешь, здоровый такой кухонный тесак... впрочем, ты его не видел, и от него, и от того дивана я избавился в первую очередь... Она так и сжимала этот нож, мне стоило большого труда разжать ей пальцы и вынуть его. Я видел, что Артур еще жив, и кинулся искать аптечку, какие-то медикаменты, а Лиза все повторяла, что у них ничего нет, вообще ничего, разве что аспирин, и тот, небось, с просроченной годностью... И я увидел, как она жила в последнее время. Увидел реально пустой холодильник и все прочее... Ну, правда, бинт и вата все-таки нашлись. Я кое-как сделал перевязку, велел Лизе сидеть и

ничего не предпринимать, пока я не вернусь, завернул Артура в клеенку и на руках отволок в свою машину. Не знаю, что бы подумали свидетели этой сцены, но, на счастье, никто в подъезде и около не встретился. Артур был в сознании, и я обрисовал ему ситуацию. Либо я везу его в хорошую частную клинику, где его спасут – если это только вообще возможно. Полностью оплачиваю лечение. Обеспечиваю его квартирой в области. А он взамен навсегда исчезает из жизни Лизы и никому никогда не говорит, что случилось. Либо он тоже исчезает из жизни Лизы, но другим способом. И мне для этого даже не понадобится делать ничего противозаконного. Просто ехать немного медленней. Сам понимаешь, что он выбрал.

– И ты поверил ему на слово? – усмехнулся я. – Что бы помешало ему, выйдя из больницы, отправиться прямиком в милицию?

– Ну... я посулил ему, что, если он нарушит свое обещание, я сам доделаю то, что не доделала она. Не обязательно своими руками, разумеется. А кроме того, у Лизы будет лучший адвокат, какого можно нанять в этом городе. И он докажет, как дважды два, что она действовала в пределах необходимой самообороны. В доме достаточно ножей, сковородок и прочих предметов с отпечатками пальцев Артура, которые могли бы послужить ему орудием нападения...

Я не стал уточнять, насколько реальны были обе угрозы, и лишь спросил:

– А как же врачи? Разве они не обязаны сообщать обо всех криминальных ранениях?

– Формально – обязаны. Но для того и существуют уютные частные клиники в лесу за городом.

– Стало быть, на самом деле никакой язвы не было...

– Ну, – хмыкнул Виталий, – в каком-то смысле проникающее ножевое ранение можно назвать и так. Впрочем, насколько я знаю от хирурга, там все благополучно зарубцевалось. Хотя поначалу шансы были не ахти. Возможно, перемена образа жизни и впрямь пошла ему на пользу.

– Он, кажется, тоже так считает, – заметил я. – Вот что, Виталий... не мсти ему. На самом деле он не нарушил слова и не рассказал ничего лишнего. Я просто сам догадался, что он что-то скрывает.

– Выходит, ты взял меня на пушку? – это было сказано без злобы, скорее устало. – Ну, поздравляю, мистер Пуаро.

– Не такой уж и Пуаро, – признал я. – Ни за что бы не подумал, что Лиза... нет, даже не что она может ударить ножом собственного мужа, который вконец извел ее своей никчемностью и капризами. А что она может настолько талантливо врать, тем более мне. Когда она рассказывала эту историю про язву, я подозревал тебя, но не ее...

– Ты так ничего и не понял? Все куда сложнее. Она не врала тебе.

– То есть как? Ты же только что...

– Она действительно верит в то, что рассказала тебе. Я консультировался с врачами. Так бывает. У человека в состоянии шока воспоминания о вызвавших шок событиях могут заместиться ложной памятью. Это не значит, что она ненормальная. Просто ложная память об одном конкретном эпизоде, – он помолчал и добавил с напором: – Теперь ты понимаешь, почему ни в коем случае не должен говорить с ней об этом? Это для тебя важнее истины ничего на свете нет. А ей эта твоя истина... представляешь, каково ей будет жить, зная, что она убийца? Пусть даже не состоявшаяся... хотя – чудом не состоявшаяся...

– Хорошо, хорошо. Я ведь уже пообещал. Мне только интересно – а тебе-то каково так жить?

– В смысле?

– Не страшно жить с женщиной, которая однажды уже пырнула ножом своего мужа, и даже не помнит об этом?

– Я не доведу ее до того, до чего довел он, – угрюмо произнес Виталий.

– Но она не любит тебя. И никогда не любила.

Я ждал возмущения в стиле "да что ты можешь знать, ты ее десять лет не видел...", но он просто спокойно ответил:

– Я знаю.

Мы еще несколько секунд помолчали, затем я поднялся.

– В гости не зову, – сказал Виталий, – но и запретить тебе снова увидеться с ней не могу.

– Нет, – возразил я. – Я понимаю, есть и другие темы для разговора. Но я не хочу чувствовать себя фальшиво, общаясь с ней. Передай ей мои извинения. Скажи, что мне помешали срочные дела. И что я не дозвонился до нее – у вас ведь телефонная связь по-прежнему работает черт-те как? – поэтому передаю через тебя.

– Хорошо, – ответил он с явным облегчением.

Утро следующего дня я встретил уже над Атлантикой. Я летел на запад, чтобы больше никогда не возвращаться назад.

2010

Банкомат

Сознание возвращалось, словно труп утопленника, то поднимающийся на поверхность из черных глубин, то вновь погружающийся в бездну. На какое-то время возникало осознавание боли и холода, понимание – все еще очень смутное – что случилось что-то плохое, что надо проснуться, проснуться... – но вокруг была абсолютная темнота, и его вялое, заторможенное "я", выпуская редкие мысли-пузыри "ночь... можно еще... до утра...", снова исчезало в этой вязкой, тягучей тьме. С каждым следующим возвращением, однако, дискомфорт нарастал, и когда к осознанию боли и холодной сырости прибавилась еще и нестерпимая жажда, он, наконец, пришел в себя окончательно.

Что я? Нет, кто я? Роджер... Роджер Страут. Где я? Дома? Нет, это не мой дом... это вообще не Америка. То есть Америка, но Южная. Я в Андах... маленький отель в горах. Я остановился здесь вчера вечером. Или... сколько времени прошло на самом деле? Он поднес руку с часами к глазам и, разумеется, ничего не увидел. Хотя вообще-то стрелки и часовые точки должны были светиться. Но лишь в том случае, если времени прошло не слишком много... Он поднес запястье к уху. Мертвая тишина. Завод кончился – значит, не меньше суток... или часы просто разбиты? Что все-таки произошло? Толчок... удар... взрыв? Террористы?

Нет. Теперь он все сообразил окончательно. Землетрясение – вот что это было. И он заживо погребен под развалинами отеля. Невыносимая тяжесть давит на его ноги, которые, похоже, сломаны...

Так. Спокойно. Без паники. Он жив, и это главное. Гостиница была совсем маленькой, значит, не такие уж страшные над ним завалы... его откопают... Он ощупал себя и убедился, что лежит в одежде. Да, кажется, дорога так вымотала его, что он повалился на кровать, не раздеваясь, сбросив только туфли... конечно же, сказав себе, что просто отдохнет так несколько минут, а потом, разумеется, разденется и ляжет, как следует... он даже собирался посмотреть кое-какие бумаги перед сном... Ну и, естественно, вырубился намертво. Обычно он досадовал на себя, если засыпал подобным образом, но сейчас был безмерно рад, что так вышло. В правом кармане должен быть мобильный!

Да, вот он. Липкий страх тут же разлился от живота к груди, нашептывая, что с телефоном дела обстоят не лучше, чем с часами... но нет, едва палец нащупал правую верхнюю кнопку, экранчик аппарата осветился. Правда, индикатор заряда показывал последнее деление. Ладно, сейчас это не главное – как насчет сигнала?

Сигнала не было. Совсем. Впрочем, в такой местности это неудивительно даже без завалов над головой... хотя продавец в конторе местного сотового оператора (в заграничных поездках Страут всегда приобретал местную СИМ-карту), конечно же, уверял, что сеть будет ловиться по всей территории страны. Хотя верить подобной публике... Сколько сейчас времени, все-таки? 1:36... и вовсе не ночи, а дня. Однако сюда не пробивается даже самый тонкий лучик... плохо. А дата? О черт...

Выходит, он здесь уже три дня. Даже три с половиной. Неудивительно, что так хочется пить...

И никто не собирается его откапывать.

Какой силы был толчок, сбросивший его с кровати? (Теперь, при слабом свете экранчика, он видел, что лежит на полу среди обломков и куч земли, а прямо над ним косо нависает рухнувший потолок.) Никак не меньше восьми баллов, а скорее и все девять. А внизу, в долине? Все, конечно, зависит от того, где был эпицентр... но вряд ли столица отделалась легким испугом. Наверняка город лежит в руинах, особенно бедные кварталы, где отродясь строили на авось, наплевав на нормативы безопасности... причем все произошло ночью, когда люди спали в своих домах... даже в самом оптимистическом случае счет погибших идет на тысячи, а скорее – на десятки тысяч... а сколько раненых, а оставшихся без крова... разрушенная инфраструктура,

хаос... Кто в таких условиях вспомнит про какой-то захудалый отель, затерянный в горах? Кто погонит сюда технику, которая так остро нужна сейчас там, внизу? Сейчас даже и не сезон, не исключено, что он был здесь единственным постояльцем...

И более того. Страут прекрасно понял, откуда здесь эта земля и что она означает. Отель не просто разрушен толчком. После на него еще сошел сель или лавина. Вот почему сюда не пробивается никакой свет. Он погребен под настоящим курганом, как древние цари. Даже если какие-нибудь спасатели и осматривали окрестности с вертолета, они не увидели здесь ничего, кроме земли и камней. Хорошо еще, что под развалинами сохранилось достаточно воздуха, но и это ненадолго. Свежим его не назовешь уже сейчас...

О да, теперь Страут хорошо представлял себе ситуацию. По иронии судьбы, он прибыл сюда именно затем, чтобы оценить вероятность подобного исхода. Только, конечно же, не для какой-то жалкой гостиницы на полдюжины номеров. Речь шла о крупном проекте фешенебельного туристического комплекса, с помпой анонсированного новым правительством. Однако частный инвестор, прекрасно представлявший, как делаются бизнес и политика в Латинской Америке, справедливо сомневался в беспристрастности официальных заключений и пригласил Страута в качестве независимого эксперта. Поскольку на кону стояли очень серьезные деньги, не говоря уже о репутационных издержках, миссия Страута должна была носить как можно более конфиденциальный характер. Проще говоря, о том, что он здесь, не знал никто. Он даже не успел отзвониться своему нанимателю – ибо до места так и не доехал...

И теперь, кстати, этот самый наниматель вряд ли нуждался в его услугах. Похоже, что природа сама дала ответ на все вопросы...

И, стало быть, позаботиться о спасении своей жизни он может только сам. Либо прокопав ход наружу, либо каким-то образом дав о себе знать. На самом деле ни то, ни другое, по всей очевидности, невозможно. Но, как он говорил себе всякий раз, когда поставленная задача казалась неподъемной, проблемы следует решать поступательно. Для начала – что там с его ногами?

Он развернул телефон, посветил им, до предела вытягивая руку. Сесть он не мог – мешал потолок, нависший над ним, как крышка гроба. Хотя, конечно, аналогия дешевая и неправильная – крышка располагалась бы горизонтально, а не наклонно... но если он не придумает, как вытащить ноги, неправильная аналогия превратится в точную истину. Хорошо, что у него нет клаустрофобии. Хотя при мысли о том, сколько тонн земли могут давить на этот потолок там, сверху... и долго ли еще тот сможет сопротивляться этому давлению...

Так, вон из головы все лишние мысли. Его ноги прижаты балкой, тоже рухнувшей под углом. Последнее уже неплохо – правая явно свободней, чем левая, и, вполне возможно (он пошевелил пальцами, затем ступней целиком), даже и не сломана. Ушиб, не более чем. И, если он как следует по-ста-ра-ется...

Черт! Ему действительно удалось сдвинуть вбок правую ногу, но тут же резко возросло давление на левую, заставив Страута вскрикнуть от боли. Он сам не узнал свой хриплый голос, который вырвался из пересохшего горла, царапая гортань. Страут поспешно двинул ногу обратно, поддерживая балку. Нет, так дело не пойдет. Нужно найти какую-нибудь подпорку...

Мобильник погас; Страут нетерпеливо нажал кнопку, вновь пробуждая его к жизни, затем повертел головой. Не увидев ничего подходящего, вывернул голову назад так, что заныла шея. Ага, стул! Причем не деревянный, какой был бы в отеле более пристойного класса, а самый дешевый вариант – металлический каркас, к которому привинчены набитые поролоном сиденье и спинка. Отлично. И ничем не прижат – в том углу комнаты потолок остался достаточно высоко. Вот только... дотянуться до стула Страут не мог при всем желании. От кончиков пальцев вытянутой назад руки до ближайшей ножки оставалось, насколько он мог судить из перевернутого положения, не меньше двух футов.

Спокойно. Надо чем-то подтащить стул поближе. В воображении встал гигантский

магнит, но это, конечно, была полная чушь. Брючный ремень, вот это другое дело. (Да, очень хорошо, что он вырубился в одежде!)Захлестнуть ножку...

Но это оказалось проще подумать, чем сделать. С первого раза из-за неудобства своего положения он вообще промахнулся. Затем пряжка ремня стала попадать по ножке стула – но и только. Захлестываться так, чтобы стул можно было подтянуть за ремень, она решительно не желала. Не хватало ни длины, ни гибкости ремня.

Значит... значит, надо привязать к ремню что-то еще. В чемодане был галстук, но чемодан теперь погребен под тоннами земли и обломков. Простыня и одеяло на кровати, кажется, тоже вне досягаемости... Рукав от рубашки, вот что сгодится.

Страут резко дернул сперва правой рукой за левый рукав, потом левой за правый, но оба были пришиты на совесть и отрываться не собирались. Конечно, будь он в лучшей физической форме... но после этих трех дней у него не так много сил. Надо чем-то подрезать. Ключом? Пожалуй, полукруглые в сечении ключи от современных замков его дома не очень подойдут на роль режущего орудия. А ключ от этого самого номера?... нет, его бородка тоже была тупой. Он обшарил свои карманы. Ничего похожего на нож у него при себе не было, кто бы его в нынешние времена пустил с таким в самолет, но вдруг...

Ничего более грозного, чем бумажник, в карманах не оказалось. А что у нас в бумажнике? Пластиковые карточки. Дома он таскал их с собой целый ворох, но в путешествия брал две – одну дебитную и одну кредитку. Страут с сомнением провел пальцем по их краям. Тоже не очень похоже на режущую кромку. Заточить бы чем-нибудь... только чем?

Стоп. Как говорится, алмаз гранят алмазом. Страут потер края карточек под углом друг о друга. Точить их, как ножи, таким образом не получилось, однако край одной прорезал на краю другой отчетливое углубление. Ага! Таким образом можно нарезать зубчики и получить что-то вроде пилки. То, что надо. Кто сказал, что деньги – или заменяющие их предметы – в его положении бесполезны?

Через несколько минут, вооружившись свежеизготовленным инструментом, Страут без особых проблем распорол шов и оторвал рукав. Теперь сложить его вдоль и привязать конец к концу ремня... да понадежней, чтоб не выскользнул, когда он будет тянуть...

Есть! Ремень перехлестнулся через ножку стула, и – правда, не с первой, а с третьей попытки – Страуту удалось дотянуться пальцами другой руки до пряжки, а затем осторожно подтащить стул к себе. Затем он повалил стул на пол и, толкая за спинку, подпихнул под балку. Так, теперь героическим усилием...

Правую ногу удалось высвободить легко, но левой он не мог даже двинуть; попытки лишь вызывали резкую боль ниже колена. Тогда Страут перекинул пятку правой ноги через левый голень и резко дернул – так, словно пытался выбить застрявшее бревно, а не часть собственного организма. В тот же миг словно высоковольтный разряд пронзил не то что его ногу, а, казалось, все тело до самой макушки, и он вновь потерял сознание.

На этот раз, впрочем, беспамятство длилось не столь долго. Роджера вернул в реальность негромкий звук – писк явно электронного происхождения. В первый миг ему пригрезилось, что это какой-то прибор спасателей, что они уже здесь... но затем он осознал, что это всего лишь мобильник, жалующийся на почти совсем иссякший заряд. Надо было выключить телефон прежде, чем пытаться освободиться... И еще был какой-то подозрительный скрип... Ножка стула! Похоже, она вот-вот сломается!

Страут попытался резко сесть, но едва не ударился головой о потолок и на локтях, помогая себе правой ногой, поспешно отполз назад – лишь теперь убедившись, что его действия все же увенчались успехом, и левая нога свободна. Правда, брючина на ней разорвана и кожа содрана до крови, но это, разумеется, было не самым худшим. Равно как и боль, которой он вновь заплатил за свое движение. Самым худшим был немыслимый угол, под которым волочилась ступня. Волочилась безвольно, как у тряпичной куклы. Похоже, кость голени даже

не просто сломана, а раздроблена...

Рассмотреть подробности повреждений Страут, однако, не успел. Мобильник пикнул в последний раз и погас окончательно. И почти сразу же вслед за этим раздался хруст и треск, а затем – глухой грохот рухнувшего потолка и сыплющейся земли.

Но на сей раз Страута не задело. В той части комнаты, куда он успел отползти, потолок все еще держался. Надолго ли?

Сердце бешено колотилось; Страут почувствовал приступ дурноты. Обезвоживание и голод, плюс ко всему; возможно, что и потеря крови, хотя вряд ли большая... Он постарался дышать размеренно, заставляя себя успокоиться. Надо бы сделать шину для ноги... вот только из чего? Он пошарил вокруг себя руками в кромешной темноте, но нащупал только конец ремня. Вновь вдел его в брюки – пригодится, как только он найдет какую-нибудь прямую и прочную палку. Затем попытался вспомнить, где в номере находилась ванная – точнее говоря, крохотная душевая кабинка с туалетом. Вода из крана, понятно, течь не будет, но в бачке унитаза она должна была сохраниться...

Нет, кажется, тот угол тоже завален. И та сырость, которую он почувствовал, придя в себя – спина и задница до сих пор мокрые... наверное, как раз вода из разбитого санузла. Черт, как же хочется пить... В приличной гостинице в номере был бы холодильник, забитый напитками. По безумным ценам, само собой – втрое дороже, чем в ближайшем магазинчике – но вот уж что точно не имело бы сейчас значения. Однако в этой дыре постояльцам холодильников не полагалось. Хотя не факт, что и холодильник бы уцелел... Страут стянул с себя рубашку, выкрутил ее на спине, отжал в рот несколько капель. На вкус они были горько-соленые и особого облегчения не принесли.

А вот желания использовать туалет по обычному назначению у него не было совершенно. Зато ощущение в штанах было неприятно-заскорузлым, к тому же чувствовался зуд раздраженной кожи. Ну разумеется – пока он валялся без сознания, он обмочился, и не один раз... Ладно, сейчас это не самая главная проблема. Надо ползти к двери. Если коридор завален, то... то, скорее всего, это конец. Но если ему повезет еще раз...

Очень медленно и осторожно, волоча за собой изувеченную ногу, Страут, все так же в полусидячем положении, пополз задом к выходу. Простейшая, казалось бы, задача – отыскать дверь – оказалась вовсе не такой простой: поначалу он уперся плечом в стену и долго полз вдоль нее, пока окончательно не уверился, что выбрал неверное направление и вот-вот уткнется в угол – но вместо этого все же нашарил отведенной назад рукой дверь. Повернул ручку – она не открылась. Но, прежде чем паника успела плеснуться в сознание, Страут вспомнил, что сам запер дверь изнутри, как делал всегда, когда приходилось останавливаться в сомнительных гостиницах. Так, где там был ключ... ага, вот он.

Вслепую нашарив пальцем скважину, он вставил и повернул ключ. Со второй попытки дверь – по счастью, открывавшаяся наружу – отворилась, даже ни за что не зацепившись. Отлично, стало быть, в коридоре потолок уцелел... по крайней мере, в этой его части.

По-прежнему спиной вперед Страут выполз из номера, пытаясь сообразить в кромешной тьме, куда теперь – налево или направо. Казалось бы, трудно забыть, с какой стороны выход, но когда приезжаешь в гостиницу поздним вечером с единственной мыслью – поскорее добраться до кровати... Вроде бы налево. Медленно и осторожно, стараясь как можно меньше тревожить левую ногу, Страут пополз туда. Однако вскоре под ладонями у него оказалась земля, а затем он уперся спиной в сплошное нагромождение обломков. Даже в его нынешнем состоянии не потребовалось много времени, чтобы убедиться – коридор завален по всей ширине.

Страут заставил себя успокоиться и еще раз попытался вспомнить тот вечер. Нет, кажется, выход все-таки справа. А налево коридор даже в целом состоянии упирался даже не просто в стену, а в склон горы.

Все так же медленно он пополз в обратную сторону. Где-то здесь должна быть дверь

соседнего номера, за которой, возможно, есть вода... Ага, вот она. Но и эта дверь оказалась заперта – а может быть, ее заклинило из-за обломков с внутренней стороны? Если изнутри ничего не подпирает, в нормальном состоянии Страуту, вероятно, не составило бы особого труда выбить такую дверь... но, конечно, не в теперешнем его положении. На всякий случай он все же еще подергал ручку. Нет, бесполезно. Зато... кажется, его нос уловил сочащийся из-под двери запах. Пока еще очень слабый, едва различимый. Возможно, конечно, это были всего лишь испортившиеся продукты... но Страут не стал обманывать себя на сей счет. Да и какая, в сущности, разница. Находиться в замкнутом пространстве с гниющим трупом – возможно, и не одним – не слишком приятно, но если он не найдет способа выбраться, жажда убьет его прежде, чем миазмы разложения.

Он пополз дальше вдоль стены, отталкиваясь ладонями от нее и от пола – и внезапно почувствовал, что его зад навис над пустотой. Тело качнулось, теряя равновесие; Страут инстинктивно попытался схватиться за стену и за пол, хотя ровные плоскости не очень для этого подходили. Все же после мгновения захлестывающей паники ему удалось вернуться в устойчивое положение; рывок тут же отозвался новой болью в сломанной ноге. Ффух, не хватало еще сверзиться с лестницы...

Но как же ему все-таки спуститься? Страут осторожно опустил руку в пустоту за спиной, интуитивно казавшуюся в этой кромешной тьме бездонной... но, конечно же, пальцы вскоре коснулись холодной поверхности ступеньки. В общем-то, опираясь на руки, вполне можно сползти... если бы не нога. Если он попытается волочить раздробленную конечность вниз по ступеням, то наверняка потеряет сознание от боли, а уж как там при этом сместятся осколки кости... Надо все-таки придумать, из чего сделать шину. Какая-нибудь ручка от швабры... должна же здесь быть подсобка со швабрами? Вот только где ее искать в темноте? Вполне возможно, что она в заваленном конце коридора...

Страуту вспомнилась сцена из какого-то триллера, где герой, выживший в авиакатастрофе, сделал шину для ноги из руки погибшего товарища. Если все-таки добраться до мертвого постояльца из соседнего номера... но чем отрезать руку? Ведь это же надо перепиливать кость, или по крайней мере выдергивать ее из сустава, что тоже, очевидно, не сделать голыми руками, во всяком случае, не на столь ранней стадии разложения...

И тут Страут обругал себя идиотом. Цель авторов триллеров – шокировать зрителя, а вовсе не найти разумное решение. Зачем ему чужая кость, если у него есть своя?! Вторая нога, да. Их надо просто связать вместе. Тот парень в фильме, правда, умудрялся еще и ходить со сломанной ногой. Но Страуту это в обозримой перспективе точно не грозило, так что связанные ноги ничему не помешают.

Для надежности он связал их в трех местах, выше и ниже колен, использовав ремень и оба рукава. Без новой боли, само собой, не обошлось, но все же она была терпимой по сравнению с той, что ему уже довелось испытать. Некоторое время он отдыхал, борясь с накатившей волной слабости и тошноты. Затем очень медленно начал сползать по ступенькам вниз, по-прежнему спиной вперед, напрягая относительно здоровую ногу, чтобы она принимала на себя вес больной.

Лестница, насколько он помнил, была короткой, в один пролет – но ему показалось, что он спускается... ну, не целую вечность, как любят писать в книжках, но действительно очень долго. Абсолютная темнота -несравнимая с темнотой обычной ночи, к которой все же можно привыкнуть и начать различать хоть какие-то детали – лишь усиливала это ощущение бесконечного спуска, придавая ему даже некий мистический оттенок. Сошествие в ад... Чушь, сердито сказал себе Страут. Не сошествие, а сползание... на самом деле это даже смешно. Стоит лишь назвать вещи своими именами, и весь пафос и связанный с ним символизм сразу развеиваются.

А затем его пальцы, нащупывающие позади очередную ступеньку, погрузились в

ледяную воду.

В сознании мгновенно вспыхнула радость – вода! много! – но эту мысль тут же нагнала другая, испуганная: а насколько много? Что, если весь холл гостиницы затоплен? Хотя, даже если и нет, это еще не значит, что там есть выход – сама-то вода может сочиться сквозь самые крохотные щели... Его рука коснулась твердой поверхности, погрузившись лишь на пару дюймов. Совсем не глубоко. Но это лишь очередная ступенька, а сколько еще таких ступенек уходит в глубину? Что-что, а плавать он сейчас точно не в состоянии. Да и просто окунаться в такую холодную воду – даже если окажется, что она не дойдет ему до лица – совсем не хотелось.

Перенеся вес на одну руку, он принялся шарить другой – все в той же неудобной позе, отводя ее как можно дальше назад, дабы нащупать следующую ступеньку. Но пальцы все время касались твердого все на том же уровне. Видимо, позади него была все же не ступенька, а пол. Ему повезло – лестница кончилась, и, значит, эти два дюйма воды – все, с чем ему придется иметь дело.

Страут сполз на площадку (все же, когда его зад опустился в холодную воду, это не доставило ему удовольствия), а затем толкнулся спиной в дверь, ведущую в холл. Та даже не подумала открываться. Заперта? Завалена? Или, хуже того – удерживается давлением воды снаружи – а то, что просочилось сюда, это всего лишь... Но, прежде чем поднимавшаяся от живота волна страха успела захлестнуть сознание, Страут вспомнил, что дверь просто-напросто открывается в другую сторону. Ему пришлось вновь неуклюже отползти вперед, сгибая ноги и пытаясь нашарить ручку за спиной. Наконец дверь открылась, и он сумел выползти в холл. Вознаграждая себя за долгий труд – кто бы мог подумать, что спуск по нескольким ступенькам может быть настолько тяжелым? – Страут осторожно перевернулся на живот и принялся жадно пить. Он отдавал себе отчет, что пьет грязную воду с пола, по которому ходило множество ботинок – мыли ли вообще пол хоть когда-нибудь в дешевых отельчиках типа этого? – но это не особо его заботило. Он даже не чувствовал никакого привкуса, если тот вообще был – вода была такой холодной, что ломило зубы, и это приглушало работу вкусовых рецепторов. Наконец он утолил жажду и, упираясь локтями в пол, поднял голову. И увидел свет.

В общем-то, не то чтобы полноценный свет. Так, некий отраженный блик впереди-справа, чуть дрожащий на поверхности потревоженной воды – такой слабый, что Страут едва ли заметил бы его, если бы не абсолютная темнота вокруг. Крохотное пятнышко – вероятно, отверстие, через которое этот свет пробивается, диаметром немногим больше кулака. И все же, если это отверстие есть... если он замурован здесь не наглухо...

Страут повернулся на правый бок, так, чтобы левая нога не волочилась по полу, и пополз вперед по залитому водой холлу, отталкиваясь локтями и вертя головой по сторонам в поисках источника света. Вскоре он понял, что свет исходил вовсе не со стороны дверей или окон – там тьма была беспросветной. Да и оттенок его, хоть и показался Страуту в первый миг небесно-голубым, пожалуй что не походил на естественный. Тогда что же это – какая-то техника? Здесь все еще работает электричество? Может быть, это даже экран компьютера за стойкой портье – Страут не мог вспомнить, был ли там компьютер, или в этой дыре по старинке ограничивались записями в книге. Но если был, и он все еще работает – то, возможно, и доступ в интернет... Wi fi, конечно, под завалами не ловится, но кабельное подключение могло и уцелеть, раз уцелела электропроводка.

Но нет, свет исходил не со стороны стойки, также погруженной во тьму. Еще правее, из дальнего угла. Страут, наконец, увидел его источник. Действительно, это был светящийся синим светом экран – хотя и слишком маленький для компьютера, даже для нетбука. Что же там такое? (Он попытался вспомнить и не мог – кажется, просто не обратил внимание, когда регистрировался, мечтая лишь поскорее плюхнуться на кровать.) Автомат по продаже чипсов и газировки? Не так хорошо, как доступ в интернет, но и не самая бесполезная сейчас штука.

Даже если он не работает, как надо, его можно взломать... Страут еще усерднее заработал локтями, натыкаясь на острые осколки камней и почти не обращая внимания на импульсы боли в ноге. Хуже, чем боль, была мокрая одежда, которая липла к полу и мешала ползти.

И вдруг свет исчез. Страут замер. Электричество все-таки вырубилось окончательно? Почему-то это вполне вероятное предположение наполнило его таким отчаянием, словно этот голубой экранчик и впрямь был выходом наружу. Или – мелькнула совсем уж дурацкая мысль – может, у него что-то с глазами?

Но нет, Страут в очередной раз не позволил панике захлестнуть себя. Он вновь протянул руку вперед и уперся во что-то сырое и комковатое. Конечно, груды земли, насыпавшиеся внутрь через выдавленные окна. Эта куча просто закрыла ему обзор. Сдвинувшись вправо, он вновь увидел голубой прямоугольник.

Наконец он подобрался достаточно близко, чтобы разглядеть надпись на экранчике. El banco comercial... Ясно. Никаких тебе чипсов. Банкомат – вот что это такое. Небось, полный наличных, бери – не хочу. Самая, черт побери, необходимая ему сейчас вещь.

Страут невесело рассмеялся. Это ж надо же, чтобы из всей техники, что была в отеле, уцелел и сохранил работоспособность вот именно этот шкаф с резаной бумагой. От которой пользы сейчас еще меньше, чем от туалетной. Этими песо ведь даже подтираться неудобно.

Впрочем, кто сказал, что здесь больше ничего не работает? Может быть, просто электричество осталось лишь в одной розетке – и, если вместо банкомата подключить туда компьютер... Его собственный ноутбук погребен под завалами, но за стойкой портье все же стоит поискать. А если не компьютер, то стационарный телефон. Как знать, вдруг провод уцелел...

Страут сдвинулся вправо и тут же поморщился от резкой боли в правом локте. Он снова сел и, осторожно ощупав в темноте пострадавшую руку, вытащил двумя пальцами вонзившийся чуть ниже локтя довольно крупный осколок стекла. Ну естественно, окна выбиты, и таких осколков тут должно быть множество – даже удивительно, что он не поранился раньше... Ему удалось не порезать пальцы, но все же он ощутил, как по ним струится теплая кровь. Плохо. Не иначе, поврежден крупный сосуд. Самоубийцы обычно перерезают вены в районе запястья, но ведь на самом деле они тянутся по всей длине руки... Не хватало только истечь кровью от паршивого куска стекла! Тем более что, если он и дальше будет ползти по воде, это помешает крови свернуться. Надо сделать перевязку, и потуже. Рукава он уже оторвал, значит, придется дальше полосовать рубашку. Сперва он хотел воспользоваться для этой цели только что брошенным в воду осколком, который, несомненно, резал бы сырую ткань лучше, чем зубчатый край пластиковой карточки – однако затем решил не рисковать. Мало ли, как соскользнут по мокрому стеклу его пальцы, а новые порезы ему нужны меньше всего...

С карточкой пришлось повозиться, но, наконец, ему удалось оторвать от рубашки достаточно длинный лоскут. Зажав один его конец зубами, левой рукой Страут дважды обернул с натягом полоску ткани вокруг предплечья; труднее всего оказалось завязать узел одной рукой. Дважды оказывалось, что повязка слишком слаба, и ему приходилось начинать все заново. Затем узел затянулся крепко, но слишком далеко; распутать его левой рукой Страут уже не смог, пришлось разрезать повязку и отрывать от рубашки еще одну полосу. Наконец ему удалось затянуть узел достаточно туго и на правильном месте, однако вся эта возня так измучила Страута, что он почувствовал, как накатывается противная слабость, обычно предшествующая потере сознания. Затылок ныл от напряжения, в ушах тоненько зазвенело, и у него наверняка потемнело в глазах, но этого он заметить не мог, ибо вокруг и так было совершенно темно. Было ли это следствием кровопотери, или просто общей ослабленности организма?

Все же усилием воли Страуту удалось преодолеть дурноту. Если он свалится в эту воду, то может и захлебнуться. Смешно, конечно – утонуть на глубине от силы в три дюйма, но

потерявший сознание человек может захлебнуться даже в тарелке супа... Некоторое время он просто сидел, дожидаясь, пока пройдет дрожь в руках и успокоится затрепыхавшееся сердце. Так, что он хотел? Ах да, проникнуть за стойку, которая должна быть где-то здесь...

Он потрогал повязку на руке, пытаясь определить, остановилось ли кровотечение, но так и не понял. Ткань, естественно, была мокрой, но сколько там воды, а сколько крови, поди определи в темноте. В любом случае, лишний раз мочить рану пока не стоит, в том числе и учитывая, сколько всякой грязи в этой воде... впрочем, лоскут, употребленный им для перевязки, тоже никак не назовешь стерильным. Ладно. Он снова пополз спиной вперед и вскоре уткнулся в деревянную стенку. Стойка. Теперь найти проход внутрь. Страут попытался вспомнить, как тот выглядел и был ли вообще – или же попасть внутрь деревянного ограждения можно было лишь через дверь в задней стене. Если прохода нет, то дело плохо. Когда бы в прежней жизни он мог подумать, что деревянный барьер чуть выше пояса станет для него непреодолимым препятствием!

Но нет, в этом маленьком отельчике, конечно, был выход из-за стойки прямо в холл. Дверца в ограждении, да – теперь Страут ее вспомнил... или ему просто так казалось, поскольку он не раз видел подобные в аналогичных заведениях? Он принялся шарить по вертикальной стенке, но она была гладкой. Кажется, дверца была слева. Страут принялся отползать влево, не прекращая ощупывать стенку; его пальцы наткнулись на тонкую щель – но нет, это оказалась лишь щель между соседними листами обшивки. Еще пара минут – и его рука скользнула в пустоту: он добрался до угла стойки.

За углом? Или он все же ошибся, и дверца была с другой стороны? Тьфу, черт – – он же теперь сидит спиной к стойке, значит, "лево" для него справа! Страут пополз обратно. На сей раз он в итоге уперся в препятствие: правая рука ткнулась в комковатое месиво грязи и камней. Очевидно, понял Страут, "язык" из выбитого окна здесь как раз упирался в стойку. Впрочем, завал был не слишком высоким, раз, даже сидя, он все еще видел поверх него синий экранчик банкомата.

Страут пошарил по верху нагромождения. Да, кажется, дверца как раз здесь, заваленная примерно до половины высоты. И открывалась она, разумеется, наружу. Ну что ж, если под этими мелкими камнями и мокрой землей не скрывается какой-нибудь особенно тяжелый валун, он, очевидно, сможет раскопать завал и открыть себе путь.

Подумать это, однако, оказалось куда проще, чем сделать. На место вязкой грязи, которую он отгребал в сторону, тут же наползала новая. Среди камней попадались осколки битого стекла, которыми он еще несколько раз порезал пальцы – правда, кажется, эти порезы были неглубокими; он также частично сорвал три ногтя. Впрочем, копаясь в холодной грязи и подгоняемый не столько даже решимостью или страхом, сколько растущей злостью, он почти не чувствовал боли. В какой-то момент ему попался довольно крупный камень; Страут выворотил его из общей массы и, сжав обеими руками, принялся дальше копать уже им. По форме он мало походил на лопату, но это, по крайней мере, позволяло избегать новых травм...

Наконец Страут остановился, тяжело дыша. Высота завала уменьшилась, но не намного. Такими темпами он скорее перекопает всю гору, чем освободит дверцу... и ведь еще совершенно неизвестно, есть ли хоть что-то полезное по другую сторону барьера. Впрочем, в отсутствие лучших альтернатив...

Стоп. А почему в отсутствие? Просто выломать эту чертову дверцу, и все! Голыми руками у него бы не хватило сил, но перед этим камнем она вряд ли устоит. Или даже просто проломить стенку. Ведь это не какой-нибудь старинный дорогой отель с дубовыми панелями – здесь это, по сути, просто лист фанеры...

Страут вновь обругал себя идиотом за то, что не подумал об этом раньше. Чертовы стереотипы цивилизованного человека, которому мысль "просто сломать" приходит в голову в последнюю очередь... Впрочем, время все же потеряно не совсем впустую – надо же было

откопать этот камень, который, похоже, и впрямь для роли тарана подходит куда больше, чем для роли скребка.

Он развернулся боком к стенке и с размаху ударил в нее. Сразу же послышался треск. Да, пожалуй, даже нет нужды вползать на кучу грязи и камней высаживать дверцу – он вполне может проломиться и через стену. Еще удар (треск стал громче и отчетливей), еще...

Вдруг Страут замер. Он хочет попасть внутрь ограждения в надежде, что там могли уцелеть какие-то средства связи. А если там прямо на полу остались и действующие розетки, которые не залиты водой? Стенка вполне могла обеспечить герметичность, ибо щели вокруг дверцы прочно законопачены грязью. И вот сейчас он впустит туда воду, в которой сам же и сидит...

Страут медленно отложил камень, словно тот был неразорвавшимся снарядом, и пошарил вокруг себя в поисках предмета поменьше. Вот небольшой камешек. Страут бросил его через барьер. Звук был тихим и мягким – явно не удар о сухой пол, но и не падение в воду. Черт знает, на что он там приземлился. Надо попробовать еще. Страут выудил из ранее отгребенной в сторону грязи еще камешек и бросил его, как он надеялся, по несколько иной траектории. На этот раз отчетливо булькнуло. Нет, внутри тоже вода. И, если он до сих пор не получил свой электрошок, значит, опасности нет. Или не значит? Возможно, та вода и эта натекла из разных источников, и контакта между ними нет. Но все равно, если там залило розетки, должен был сработать автомат защиты, отключающий питание. Хотя кто знает – вдруг в такой дыре, как эта, вся защита сводится к плавкому предохранителю, давно замененному на железный гвоздь?

Ладно, сказал себе Страут, не будем думать о людях слишком плохо. Ну не самоубийца же здешний хозяин, меньше всего ему тут был нужен пожар – равно как и отказы техники из-за бросков напряжения, вполне, между прочим, в этой местности вероятных. Уж наверное он предпочел потратить несколько лишних долларов – или сколько там это в песо – на приличные источники питания... Страут вновь поднял большой камень и обрушил его на стенку. Со следующего удара он проломил ее окончательно.

Ничего не произошло. Никакого последнего танца в воде в духе фильмов, где киллеры кидают в ванну включенный тостер. "Иногда вера в людей все же оправдывает себя", подумал Страут. А может, здесь электричество вырубилось при первом же толчке, еще до того, как внутрь проникла вода. Но вот интересно, как высоко над водой находится розетка, питающая банкомат...

Еще несколькими ударами он выломал остатки фанерного листа, избавившись от острых щепок, и, еще раз осторожно ощупав края, полез в проделанный проход.

Почти сразу же под его рукой оказалось нечто, в первый миг показавшееся ему холодной резиной. Но затем он понял, что опирается ладонью на человеческое лицо. Первым побуждением Страута было брезгливо отдернуть руку, но он удержал себя. Раз уж он вынужден довольствоваться осязанием вместо зрения – сюда, в огороженное пространство, не проникал даже слабый отсвет экранчика – все равно придется все здесь ощупать.

Мертвец лежал, скорчившись в небольшом пространстве за стойкой. Понятно, на что такое мягкое упал первые камешек... Странно, но здесь Страут совсем не чувствовал трупного зловония. Из-за холодной воды? Впрочем, утопленники воняют, и еще как...

Однако едва ли этот человек мог утонуть. Он лежал лицом вверх, и вода не доходила ему до рта и носа. Определяя ее границу, Страут провел пальцами по небритой щеке трупа – и вдруг его пальцы провалились в непредусмотренную природой дыру, заполненную чем-то сырым, скользким и непрочным, словно внутренности гнилого кальмара. Понятно, подумал Страут, с отвращением выдергивая пальцы и полоща их в воде. Кажется, он поторопился с выводом о том, что хозяин гостиницы (а в таком маленьком отельчике наверняка он же и исполнял функцию портье) – не самоубийца. Вряд ли такую дырку в виске мог проделать упавший

обломок. Значит, где-то здесь рядом валяется и пистолет. Хозяин, очевидно, держал его под стойкой на случай, если кто-нибудь из визитеров попытается поживиться его не слишком богатой выручкой или просто начнет буянить...

Сперва Страут наткнулся на опрокинутый ящик, выдернутый из стола и валявшийся на полу – скорее всего, в нем и хранилось оружие – а затем уже и на руку с пистолетом. Точнее говоря, с револьвером. Страут с усилием вывернул оружие из окоченевшей руки, поднял из воды, слыша, как она вытекает из ствола, на ощупь выщелкнул барабан, проверил большим пальцем гнезда патронов. Пять пуль еще есть. Хотя, конечно, в нынешнем состоянии оружие едва ли будет стрелять. Но вот уж что ему вряд ли понадобится. Что-что, а следовать примеру хозяина отеля Страут никак не собирался.

Почему, интересно, тот все же сделал это? Потому что гибель гостиницы оставила его без гроша? Или он получил травмы, обрекающие его на жизнь калеки – скажем, выполз сюда с переломанным позвоночником? Или же просто предпочел этот выход медленной смерти под руинами от удушья? Но, понял Страут, в любом случае он сдался не сразу. Поэтому не чувствуется запах и еще не прошло трупное окоченение. Какое-то время он еще надеялся на спасение...

Нет, сказал себе Страут, я в любом случае буду бороться до конца. Но, похоже, с надеждой обнаружить здесь какие-либо пригодные средства связи приходится проститься. Уж хозяин гостиницы точно знал, где тут у него что – и, раз он не воспользовался ничем, кроме револьвера...

Конечно, Страут не удовлетворился этим соображением и все равно обшарил все, до чего смог доползти или дотянуться. Он действительно обнаружил залитый водой "пилот", в который был воткнут ноутбук – ныне тоже валявшийся на полу и, очевидно, безнадежно испорченный водой. В том же состоянии пребывал и мобильный телефон, найденный в кармане брюк мертвеца. Комната позади стойки оказалась практически целиком завалена грязью и обломками. В целом, ничего полезного, даже какого-нибудь фонарика или зажигалки, найти так и не удалось.

Страут почувствовал, как вымотали его эти тщетные поиски вслепую. Все же он ничего не ел три дня – да что там, теперь уже почти четыре, был ослаблен серьезными травмами, а теперь еще и был вынужден передвигаться на одних руках, отталкиваясь ими от пола. В сломанной ноге, как он ни старался обращаться с ней как можно более аккуратно, пульсировала боль. Страут устало привалился спиной к внутренней стороне стойки и закрыл глаза (все равно, впрочем, ничего не видевшие), сказав себе, что отдохнет так несколько минут и подумает, что делать дальше. И почти тут же вырубился.

На этот раз, придя в себя, он гораздо быстрее осознал, где он и что с ним. Он услышал тихий плеск; возможно, именно этот звук помог ему проснуться окончательно. Рыба, мелькнула идиотская мысль, которую Страут тут же отогнал. Нет, наверное, какой-нибудь мелкий обломок упал сверху... впрочем, плеск не походил на звучное "бульк!" от падения с высоты. Скорее, что-то шевельнулось в самой воде. Что-то живое? Откуда здесь... нет, не рыба, конечно же – но, может быть, крыса? А вот это запросто. И что, если она тут не одна? В его нынешнем состоянии отбиваться от голодных крыс...

Страут вспомнил о мертвеце, лежавшем совсем рядом. Что ж, по крайней мере у крыс есть несопротивляющаяся альтернатива. Возможно, именно к ней они и устремились. Странно, однако, что они не сделали это раньше. Если, конечно, это не шевелится сам мертвец, подумал Страут и усмехнулся. Обстановка, конечно, в лучших традициях соответствующего жанра – мрак и холод, наглухо замурованное подземелье...

В следующий миг ледяные пальцы коснулись его голой левой ноги сквозь прореху в штанине.

Страут не закричал. Впрочем, то не было заслугой ни храбрости, ни твердости

материалистических убеждений. Просто ужас спазмом перехватил его горло. А его мочевой пузырь, напротив, непроизвольно расслабился, распространяя тепло в паху.

А затем он обозвал себя уже не просто идиотом, а невежественным суеверным кретином. В том, что мертвец шевелится, нет ничего мистического. Это просто-напросто проходит трупное окоченение – "разрешается", как говорят медики. Страут брезгливо оттолкнул мертвую руку, которая теперь и впрямь была куда более вялой, чем когда он с трудом отнял у покойника револьвер.

И тут же понял, что не чувствует собственной правой руки.

Повязка, вспомнил он. Туго затянутая ниже локтя. Слишком туго...

Страут поспешно попытался левой рукой и зубами развязать узел, который прежде с таким трудом завязал. Тот не поддавался. Спокойно. Без паники. Его пластиковая пилка все еще при нем (увы, никаких ножниц или ножа для бумаги в предыдущих поисках ему обнаружить не удалось), и он может перепилить ткань...

Но сколько прошло времени? Он не знал этого и не имел способов выяснить. Что, если уже слишком поздно? Если ниже повязки уже начался некроз тканей? Тогда, стоит ему восстановить кровоснабжение – и трупный яд убьет его. Такое как раз сплошь и рядом происходит с жертвами землетрясений, слишком поздно освобожденными из-под завалов...

Он взял левой рукой кисть правой. Это ничем не отличалось от прикосновения к руке мертвеца. Холодный, безжизненный кусок мяса, кажущийся совершенно посторонним, никак не связанным с его телом.

Что же – оставить все, как есть? Исходить из того, что, если его все-таки спасут, лучше потерять руку (даже правую!), чем жизнь? Но, с другой стороны, если пока еще не поздно, то таким решением он сам обрекает свою руку на гибель, когда ее еще можно спасти. И сейчас руки – это все, что у него осталось для перемещения. Ползать, отталкиваясь двумя руками, он еще может, одной же...

И никто его не спасет.

Тогда к чему вообще это все?

К тому, что он принял решение спасти себя сам. И никто это решение не отменял. Как – это уже другой вопрос. Но сидя на месте, он точно проблему не решит.

Ладно. Надо рисковать. В его положении любое решение – это риск.

Он вытащил зазубренную карточку (сделать это левой рукой из правого кармана было не очень просто, он даже выронил ее в воду, но быстро нашарил), затем оттянул зубами повязку, насколько смог, и принялся пилить натянутый край. Тот не поддавался – очевидно, зубцы затупились от прошлого использования. Заточить их прежним способом? Но теперь у него только одна рука. Если вторую карточку зажать зубами, получится ли держать ее достаточно твердо?

Да нет же, есть вариант проще. Он может наточить ребро карточки о край проделанного им пролома. А вот разорвать повязку об этот край лучше не пытаться – еще не хватало напихать в руку заноз...

Его идея сработала. После того, как он обновил заточку, повязку удалось надорвать с краю, а затем и разрезать совсем. Страут принялся массировать и сгибать левой рукой непослушные, безжизненные пальцы правой. Если тем самым он обрекал себя на смерть – ну что ж, значит, он проиграл.

Поначалу пальцы казались совершенно резиновыми, и Страут уже почти отчаялся, но вот в них появилось покалывание, которое быстро становилось все сильнее, превращаясь в какой-то звенящий зуд, а затем и в настоящую пытку, словно его руку пожирали изнутри сотни взбесившихся муравьев. В какой-то момент у Страута даже вырвался стон сквозь стиснутые зубы. Но затем боль растворилась в разлившемся по кисти приятном тепле. Рука, поначалу слабая, вновь повиновалась своему хозяину. Кажется, он все же успел вовремя.

Затем он озабоченно пощупал разрез ниже локтя. Кажется, там вновь выступила кровь. Вот же дерьмо, подумал Страут. Очаровательный выбор между некрозом тканей и смертью от кровопотери. Конечно, если бы наложить повязку как следует – не слишком туго и не слишком свободно... но он сильно сомневался, что сможет сделать это в полной темноте одной рукой и зубами. Впрочем, не стоит сгущать краски – сейчас кровотечение было куда слабее, чем сразу после пореза. Если бы еще не напрягать руку... но такую роскошь он вряд ли может себе позволить.

Несколько успокоившись по поводу руки, Страут обратил внимание на головную боль, тяжело пульсировавшую в висках и затылке. Ясное дело, голод плюс воспалительные процессы, связанные с травмами... впрочем, не только. Есть, на самом деле, не хотелось – напротив, сама мысль о еде вызывала тошноту. Здесь слишком душно, понял Страут. Чудо, что под развалинами осталось так много места и, соответственно, так много воздуха – но его запас все же не бесконечен. К тому же углекислый газ тяжелее кислорода и скапливается внизу. Если бы он хотя бы мог стоять... но, даже если ему и удастся подняться, не потеряв сознание от боли, на одной ноге долго не простоишь.

Холодно и душно – довольно редкое сочетание... конечно, будь здесь впридачу еще и жарко, это было бы еще хуже. Пить, впрочем, снова хотелось. Страут уже зачерпнул воду в пригоршню и уже поднес к лицу, но тут вспомнил о гниющем рядом трупе и о том, что сам только что обмочился в этой же воде. Нет, здесь он не будет ни пить, ни умываться. Надо выбраться обратно в холл, там вода все же почище – хотя и в ней полно всякой дряни. Вообще, он ведь даже не знает, откуда она сюда просачивается...

Просачивается. Выползая назад через дыру, Страут понял кое-что еще. Все еще просачивается. За время его не то сна, не то обморока уровень воды поднялся. Пока еще не слишком сильно, но...

Вот ведь пожалуйста, невесело усмехнулся Страут – а я еще боялся умереть от жажды. Вместо этого предстоит выяснить, что произойдет раньше – он задохнется или утонет. Но, разумеется, нет. Ни того, ни другого не случится. Потому что он умрет от удара током, когда вода дойдет до розетки, питающей банкомат. Ибо тот все еще светился своим голубым экраном. А в этой воде растворено достаточно всякой дряни, чтобы обеспечить хорошую электропроводность.

Если бы знать, где находится распределительный щит, позволяющий вырубить электричество! Хотя весьма вероятно, что теперь туда не добраться. Во всяком случае, хозяин гостиницы этого не сделал. Или ему было просто плевать?

Впрочем, Страуту было, куда отступать. Надо просто вползти обратно по лестнице. К тому же и воздух там должен почище... хотя не будем забывать про труп в номере, возможно, и не один.

Тем не менее, Страут пополз в сторону лестницы настолько быстро, насколько мог – его охватила почти иррациональная уверенность, что вода уже подобралась вплотную к роковой черте и может замкнуть проводку в любую секунду. Однако, двигаясь в темноте спиной вперед, он сбился с направления. Сперва он уткнулся в очередной завал, потом в стену. Неуклюже обернувшись через плечо, попытался все же разглядеть, где выход: как бы мало света ни давал сравнительно далекий отсюда экранчик, здесь темноту все же нельзя было назвать абсолютной, а его глаза должны были уже привыкнуть. Должна же быть хоть какая-то польза от этого чертова ящика с деньгами...

Внезапно Страут застыл, пораженный новой мыслью. Он рассматривал уцелевший банкомат сперва как насмешку судьбы, потом как угрозу, потом – как очень плохой источник света... и все это время ему не пришла в голову самая главная для него сейчас функция!

Средство связи. Если банкомат все еще подключен не только к электрической, но и к информационной сети...

То что толку? Он может только запросить баланс по счету и снять наличные. Где-то за тысячи миль отсюда компьютер его банка зафиксирует, откуда произведена транзакция. Но компьютер – не человек. Ему не придет в голову сопоставить адрес с сообщениями о землетрясении, которыми сейчас, конечно, пестрят бумажные и электронные СМИ...

Значит, надо как-то привлечь к этой операции внимание человека.

Допустим, он несколько раз подряд введет неправильный код. Тогда его карту заблокируют. Далее служба безопасности банка отправит ему об этом уведомление... Вот только в случае дебитной карты оно будет сформировано опять-таки программой и, скорее всего, придет к нему домой обычной почтой через несколько дней. И ляжет в ящик, к тому времени уже принадлежащий мертвецу.

При подозрительных операциях с кредитками банковские службы более расторопны. Во всяком случае, в его банке точно – Страут уточнял этот вопрос специально, прежде чем завести там кредитную карточку. Здесь уже с ним должен попытаться связаться человек. Позвонив на мобильный – ага, тот самый, что лежит сейчас в его кармане, разряженный и отрезанный завалами от любых сотовых сетей. Точнее, даже не так – позвонят на его американский номер, привязанный к СИМ-карте, оставшейся в погребенном под завалами чемодане (он собирался настроить переадресацию звонков, но не успел). Альтернативный вариант – е-мэйл, который так и останется лежать на почтовом сервере. Страут жил один. Никто, кроме него, не мог проверить его почту.

Оставив сообщение на автоответчике и отправив е-мэйл, служащий сочтет свой долг исполненным и будет ждать, пока мистер Страут свяжется с ним сам. И все на этом кончится. Даже если служащий обратит внимание на место, откуда пытались снять деньги – ну и что, какой-то там никому не известный латиноамериканский отель. Очень даже похоже на мошенничество или кражу – как он, скорее всего, и подумает, ибо натаскан именно на ситуации такого рода, а о землетрясении может даже и не вспомнить.

Значит, просто добиться блокировки карты недостаточно. Надо как-то дополнительно привлечь внимание...

В следующий миг Страут пополз обратно еще решительней, чем уползал прочь перед этим. Пополз к тому самому банкомату, который мог вот-вот его убить – или спасти его жизнь.

Впрочем, напомнил себе Страут, светящийся экран еще не означает, что связь работает – так же, как и включенный компьютер еще не означает доступа в интернет. А еще интересно, понимает ли эта штука английский. Испанский Страута оставлял желать лучшего – хотя, конечно, для общения с банкоматом не требуется большой словарный запас...

Наконец, не без труда перебравшись через тянувшиеся от невидимых теперь окон "языки" из камней и грязи – увы, вполне проницаемые для воды – Страут дополз до цели и неловко пристроился боком рядом с машиной. Никогда прежде ему не доводилось пользоваться банкоматом, сидя на полу – но все же экран был виден вполне отчетливо, и он мог дотянуться до кнопок. Вытащив кредитку – к счастью, пропиленные им в темноте зубцы не доходили до магнитной полосы – он сунул ее в щель, чувствуя, как бешено колотится сердце. Вот сейчас окажется, что или нет связи с банком, или его карточка не читается, или еще по каким-то неведомым причинам эта штука откажется работать...

Ну да, именно так. Банкомат даже и не думал реагировать. Впрочем, сообщений об ошибке тоже вроде как не было – только светился, как и прежде, логотип местного банка. Страут велел себе успокоиться и вставил карточку другой стороной.

Ага! На экране возникло меню выбора языка – прямо почти как дома, только здесь английский стоял не на первом, а на втором месте. Страут ткнул нижнюю кнопку. Так, "введите PIN-код". Дома при операциях с кредитками PIN-код не спрашивают, но он за границей. К счастью, Страут хорошо его помнил, ибо, что бы там ни советовали специалисты по информационной безопасности, все свои пароли и цифровые коды всегда делал осмысленными.

Теоретически это, конечно, снижало их надежность, но на практике – какому злоумышленнику придет в голову, что надо ввести две последние цифры его номера социального страхования и две – мобильного телефона?

Так, код принят, отлично. "Снять деньги." "Кредит." Да, я согласен заплатить 1500 песо за транзакцию из чужого банка... За само по себе снятие наличных в кредит с него, кстати, сдерут еще аж по 25% с каждой операции. Ладно, не об этом сейчас нужно думать... "Введите сумму. У меня есть только банкноты по 2000 и 10000 песо." Хорошо. Вот если бы только один номинал, это было бы проблемой. "2000" – отстучал Страут. "Хотите распечатать чек?" Нет. "Возьмите ваши наличные". Автомат загудел и высунул из щели одинокую купюру. Страут сунул ее в карман рубашки. "Ваша транзакция завершена. Спасибо." Даже не спросил, хочу я ли выполнить еще одну, сволочь электронная! Впрочем, в любом случае пришлось бы вводить код и все прочее сначала... "Английский." Код. "Снять деньги." "Кредит." "Согласен." "2000." "Нет." Гудение. "Английский." Код. "Снять деньги..." Черт, до чего же это утомительно! Лучше, конечно, чем ползать на руках по развалинам, но...

Он еще раз снял двушку. Теперь – три раза по десятке и снова трижды двушку. Три точки – три тире – три точки. SOS.

Сотрудник службы безопасности банка просто обязан обратить внимание на эти в высшей степени странные операции, когда через один и тот же банкомат в течение считанных минут последовательно снимают по одной купюре!

Впрочем, сообразил Страут, это для него здесь это купюры. А для служащего в Штатах – совершенно некруглые мелкие суммы в долларах. Теоретически, возможно, даже и не одинаковые, если, пока он жмет все эти кнопки, курс успевает поменяться – что в условиях кризиса, вызванного землетрясением, в принципе возможно. Но в любом случае, ясно же, что ни один вменяемый клиент не станет снимать деньги вот так, по кусочку, платя за каждые 2000 песо еще по 1500! Впрочем, и ни один вменяемый вор такого делать тоже не будет... Весь вопрос в том, как настроена программа, предназначенная для отслеживания подозрительных транзакций. Ведь первичный вывод должна сделать именно она, и лишь потом данные попадут к человеку.

Программа оказалась настроенной даже слишком хорошо. От второй буквы S ему удалось ввести лишь первую "точку". Дальше автомат сообщил, что операция не может быть выполнена, и посоветовал связаться со своим финансовым учреждением. Если бы у машины было чувство юмора, в этом месте можно было бы посмеяться.

Вместо SOS, таким образом, получилось SOE. Бессмыслица. Догадаться, конечно, можно, учитывая, что очередная операция была заблокирована. Но это если знать, о чем догадываться... А если этот служащий вообще не читает газет и не смотрит телевизор – и о землетрясении просто не знает? Просматривает только деловые колонки на каких-нибудь специализированных сайтах. Страуту доводилось встречать людей, которые даже гордились тем, что не интересуются никакой "посторонней ерундой". "Мне платят не за это", любят говорить они...

Но нет, мощное землетрясение в не последней из южноамериканских стран – это такое событие, о котором должны были писать даже на экономических сайтах. В конце концов, оно может иметь серьезные последствия для всех инвесторов в местную экономику. А отголоски столь сильных толчков, пусть и ослабленные до полной безопасности, должны были ощущаться даже в Штатах.

Но тут Страут вспомнил, что с момента землетрясения прошло уже около четырех дней. Спасательные работы все еще продолжаются, окончательные размеры ущерба только подсчитываются, но новость успела сойти с первых полос американских газет. И кстати говоря, какой сегодня день? Если предположить, что с момента, когда он очнулся в номере, прошло около полусуток, то... получается, ночь с субботы на воскресенье. М-да, не самое лучшее время.

Хотя банковские службы безопасности, по идее, должны работать круглосуточно...

Так, ладно. Сколько у него все-таки времени, прежде чем вода замкнет проводку? Страут попытался определить, где именно подключен банкомат, но не смог сделать этого в темноте. Шарить мокрыми руками по задней стенке на ощупь он не рискнул – да и, похоже, не так просто было просунуть туда руку. Уползать немедленно или все же сделать еще одну попытку передать информацию? У него еще остается дебитная карта. Контроль по операциям с ними не такой строгий, как по кредиткам, но все же некий механизм отслеживания подозрительных транзакций должен быть и здесь. Попадут ли данные к человеку, или все ограничится автоматикой, вот в чем вопрос. Но если есть хоть какой-то шанс...

Шанс получить удар током в воде, напомнил себе Страут. Но, в любом случае, безопасного выбора в его положении все равно нет.

...Снова все те же самые операции, только с другим типом карты. На сей раз ничто не помешало ему отправить (точнее, снять) "SOS", но этим он решил не ограничиваться. Пока есть возможность передать дополнительную информацию, надо этим пользоваться. Азбуку Морзе Страут выучил еще в детстве, в бытность скаутом. С тех пор, правда, в ней не практиковался, но, говорят, детские знания – самые прочные...

Он решил передать "TRAPPED IN DEBRIS"[10]. Не слишком длинно? Исчерпать деньги на счету он не боялся, местные 10000 – это всего лишь двадцать с чем-то долларов, но ведь есть и суточные лимиты по снятию наличных – причем они могут быть не только в его банке, но и в том, которому принадлежит банкомат. Страут принялся перебирать в уме буквы, заодно проверяя, насколько хорошо их помнит. В какой-то момент он чуть не запаниковал, поняв, что не может вспомнить код буквы D, но заставил себя успокоиться и начал перебирать буквы уже по алфавиту, как когда-то в детстве. A – точка тире, B – тире три точки, C – тире точка тире точка, D... ну же, ну... ладно, попробуем дальше, как будто ничего не случилось: E – точка, F... эээ... F – две точки тире точка, G – два тире точка...

D – тире две точки, выщелкнул, наконец, мозг.

Всего получилось 11 тире и 26 точек. 162 тысячи. Звучит внушительно, но только в песо. А так это что-то около 350 долларов. Да, еще плюс уже использованный SOS... но все равно, это может превышать разовый лимит, но уж наверное не суточный – даже для местного банка.

Ладно, поехали.

Он принялся торопливо жать на кнопки. Все-таки, когда для передачи даже не одной буквы, а кусочка буквы требуется столько действий... Чтобы не сбиться, он непрерывно повторял про себя, как мантру, до снятия каждой очередной купюры: T-тире, T-тире, T-тире... R-первое-точка, R-первое-точка, R-первое-точка... R-второе-тире, R-второе-тире, R-второе-тире... R-третье-точка, R-третье-точка...

Он дошел уже до второго P и тут понял, что торопился зря. Гипотетический аналитик на другом конце получит не буквы, а сплошную мешанину. Между буквами надо делать паузы! В условиях, когда на каждую точку или тире и так уходит не меньше минуты, это просто не пришло ему в голову... Но какими именно должны быть паузы в таком режиме, чтобы банковский аналитик (видящий, разумеется, точное время транзакций), обратил на них внимание? Минут по пять? Это сколько же он провозится?

Страут почувствовал, что у него кружится голова. Сердце забилось мелко и часто где-то в районе горла. Ну да, разумеется, сильнее он не становится, да еще и кровопотеря... Остановилась ли хотя бы теперь кровь? Он попытался осмотреть разрезанную руку в синем свете экранчика. Смыл старую кровь, некоторое время вглядывался в порез. Вроде новые капли не проступают, но кто знает – особенно когда он снова поползет, прилагая усилия...

Так, об этом будем думать потом. Сейчас надо закончить передачу. Пусть не пять минут

---

10 блокирован в завалах (англ.)

на паузы, пусть поменьше... главное – не вырубиться, пока он не закончит. А потом еще успеть уползти на сухое место, то есть на лестницу... охх. Ладно, проблемы надо решать поступательно.

Он не решился начинать все заново, теперь уже с паузами. Будем надеяться, что по характерной последовательности "SOS" в начале и "...PED IN DEBRIS" аналитик догадается о буквах в середине. Кстати, PED IN DEBRIS даже само по себе имеет смысл – "пешеход в завалах".

И все же он не представлял себе, что снимать деньги через банкомат может быть так тяжело физически. Конечно, играло роль не только его общее состояние и нехватка свежего воздуха, но и то, что ему приходилось сидеть боком на полу, задрав и повернув голову. При такой позе пережимаются сосуды шеи и ухудшается снабжение мозга кислородом. Паузы оказались даже спасением – во время каждой из них он опускал голову и отдыхал. Если бы не это, он бы наверняка свалился, не закончив фразы. Да уж, потерять сознание рядом с автоматом, который вскоре коротнет на воду – только этого ему и не хватало!

B-четвертое-точка... отдыхаем, голову вниз, помассировать ноющую шею... R-первое-точка... R-второе-тире... R-третье-точка...

Вместо привычного гудения банкомат выдал какую-то надпись. Лимит? Блокировка?

"Введите сумму, кратную 10000."

Ах ты скотина железная! Кончились двухтысячные купюры! Когда вообще этот ящик заполняли деньгами в последний раз? Сейчас не сезон...

При этом у самого Страута уже карман едва не лопался от этих купюр – вот только запихать их обратно в банкомат он не мог. Функции приема денег у машины не было.

Значит, и эту передачу ему закончить не судьба. Дальше, как на грех, должны идти одни только точки, шесть подряд! А вместо этого – что у него получилось? TRAPPED IN DEBA. Опять бессмыслица. Типа, помогите, увяз в дебатах, ага. И то еще надо понять, что месиво из точек и тире в начале – это TRAP.

Ладно. Он сделал все, что мог. Сколько он провозился с этой парой десятков букв? Наверное, часа два, не меньше. На сколько поднялась за это время вода? Кажется, к счастью, не очень сильно, но это везение не будет длиться бесконечно. Надо убираться отсюда. Впрочем, раз его дебитная карточка до сих пор не заблокирована, надо все же добиться этого, чтобы привлечь внимание к предыдущим операциям. Он дважды подряд ввел неверный PIN-код, а затем торопливо – насколько данное наречие подходит к такому способу перемещения – пополз прочь.

К тому времени, как он добрался до лестницы, в ноге вновь пульсировала боль, заставлявшая его стонать сквозь зубы, руки, непривычные к таким нагрузкам, дрожали от слабости (и, кажется, он еще в нескольких местах поранил ладони), по лицу и груди, несмотря на холод, противно тек пот, голова раскалывалась, и лишь усилием воли он все еще удерживал себя в сознании. Но нижняя ступенька все еще не была спасением – как не мог он и улечься прямо на лестнице. Предстояло втащить себя по ступенькам наверх – и вот это уже обещало быть пыткой, на фоне которой меркли предыдущие.

Обойтись одними руками тут было невозможно. Он поневоле вынужден был помогать себе относительно здоровой ногой, тревожа при этом и раздробленную. От боли перехватывало дыхание, из глаз градом катились слезы. В какой-то момент он остро позавидовал мертвому хозяину и пожалел об оставленном внизу револьвере – но через несколько секунд уже вновь яростно гнал от себя эти мысли. "Не для того я столько мучился, чтобы все это оказалось напрасно!"

Когда, привычно нашаривая в полной темноте очередную ступеньку, он понял, что вокруг только ровный пол, то сперва не поверил своему счастью. Но нет, он действительно дополз до коридора второго этажа – точнее, полуторного, учитывая планировку выстроенного

на склоне горы здания. И лишь убедившись в этом, он позволил себе потерять сознание.

Его очередное возвращение в реальность было до жути похоже на первое. Абсолютная тьма, боль в ноге и пересохший от жажды рот. Ну да, он так спешил убраться от воды, грозившей ему смертью внизу, что совершенно не подумал об отсутствии воды наверху. Надо было взять с собой какой-то запас... наполнить емкость... вот только какую? Не ящик же стола, в самом деле – он бы не смог втащить его сюда...

Сколько еще прошло времени? Час, пять, сутки? Пожалуй, жажда тут ни о чем не говорит – в его нынешнем состоянии, да еще после всех усилий, она могла возникнуть очень быстро. А вот воздух... да, воздух определенно стал значительно хуже. И это притом, что здесь кислорода больше, чем внизу. И трупное зловоние стало куда отчетливей.

Сколько вообще требуется времени, чтобы вытащить его отсюда – даже если его усилия увенчались успехом? Пока аналитик службы безопасности банка, одного или другого, разберется в его послании... пока свяжется с соответствующим отделом Госдепартамента, а тот, соответственно – с американским посольством в этой стране... пока посольство оповестит местных спасателей... и то еще вопрос, насколько резво те кинутся откапывать одинокого гринго в горах, пока внизу под завалами все еще остается множество их соотечественников...

И с чего он, кстати, взял, что эти самые банковские служащие знают азбуку Морзе? Что им вообще придет в голову, что это морзянка? Хотя – как звучит SOS, знают, наверное, почти все... Почти, да.

Впрочем, будем надеяться на лучшее, раз уж больше все равно ничего не остается. Кстати, здесь могут находиться и команды американских спасателей, присланные для помощи местным. Если информацию передадут напрямую им, операция может заметно ускориться. Да и техника у них, возможно, получше...

Так или иначе, он сделал все, что мог, и теперь оставалось только ждать.

И это оказалось тяжелее всего. У него вновь разболелась голова, и ей аккомпанировала пульсирующая боль в ноге. На фоне этих двух главных болей все прочие – ноющие мышцы рук и плеч, саднящие порезы – были сущей ерундой, но все же удовольствия и они не добавляли. Противная, тошнотная слабость разлилась во всем теле; Страут не чувствовал себя в состоянии ни заснуть, ни бодрствовать. И дальше будет только хуже, понимал он. Он теряет силы, и кислорода остается все меньше. Но помимо объективного ухудшения его состояния есть и субъективные причины. Пока он был занят делом, пока боролся, выбиваясь из сил – это мобилизовало и отвлекало от боли и слабости. Теперь же, когда все, что он может – это просто лежать в полной темноте... Бездействие многократно усиливает пытку: минуты кажутся часами.

Страут пытался отвлечься. Сперва он принялся составлять в уме доклад для своего нанимателя – доклад, в котором теперь уже, очевидно, отпала нужда – но мыслительные усилия лишь увеличивали головную боль и тошноту. Тогда он попытался расслабиться, думая о чем-нибудь легком и приятном. Отпуск... когда в последний раз он устраивал себе полноценный отпуск? Два... нет, уже три года назад. Поездка на Хавайи, да. Впрочем, это был все-таки не совсем отпуск. Он сам себе говорил, что едет наслаждаться морем и солнцем, но в первую очередь его все же интересовали местные проявления вулканической активности... И собственно пляжных развлечений ему хватило на три дня. А дальше он таки свел знакомство с доктором Фэгентсом и его коллегами из Хавайского Института Геофизики и Планетологии, чьи статьи читал и прежде, и они весьма конструктивно пообщались... Фэгентс, как выяснилось, тоже читал его работы... в том числе удалось поучаствовать в ряде интересных измерений на местности, и в конце концов это вылилось в совместную публикацию... Отпуск, да. Именно так и следует проводить отпуск мыслящему человеку. И к счастью, дома не было никого, кто стал бы его в этом разубеждать.

Он никогда не жалел о том, что так и не женился. Меньше всего он нуждался в этом пошлом сюжете, обсосанном в сотнях фильмов – "ты женат не на мне, а на своей работе!"

Причем, что его особенно возмущало, в финале таких фильмов трудоголик, как правило, раскаивался и заявлял, что самое главное в жизни – это семья. Самое главное – для кого? Для самца орангутана? Продолжать род способны и тараканы, и кстати у них это получается намного лучше, чем у людей. А вот заниматься наукой... Нет, даже соверши он по молодости такую глупость, как женитьба – в его случае дело кончилось бы, конечно, не покаянием, а разводом. Как там у Курта Воннегута: хотите жениться – не тратьте время впустую, лучше сразу найдите женщину, которая вас ненавидит, и отдайте ей свой дом.

Да, все это были верные рассуждения, в которых он ничуть не сомневался и теперь. И все же сейчас в его пустой квартире некому снять трубку и некому проверить почту. Естественно, было бы глупо ломать всю свою жизнь ради такого вот маловероятного гипотетического случая. Все равно что всегда ходить в каске из страха, что когда-нибудь на тебя упадет кирпич. Но если кирпич все-таки падает, а каски нет...

Меж тем голова болела так, словно на нее и впрямь рухнул кирпич. Впрочем, теперь Страуту уже казалось, что кирпич был бы не худшим вариантом. Расколоть череп, чтобы выпустить эту жуткую боль наружу... Он понимал, конечно, что это глупость, но воображение упорно рисовало именно такую картину. Обычно, если ему случалось страдать от головной боли и под рукой не было таблетки, Страут искал облегчения в быстрой ходьбе или беге – в первый момент становилось еще хуже, но затем сосуды все же расширялись, пропуская быстро циркулирующую кровь. Но сейчас это для него, понятно, не вариант... Да еще эта чертова вонь. И без нее тошно, во всех смыслах... Проблеваться бы, что ли – может, хоть так станет легче...

Он попытался – впервые в жизни – вызвать рвоту, сунув пальцы в рот, но не преуспел. Горло спазматически сократилось, но рвоты не было. Вместо этого он закашлялся из-за попавшей в глотку грязи. Это было еще большей мукой; ему казалось, что или он сейчас задохнется, или у него хлынет горлом кровь, и к тому же каждая судорога кашля отзывалась взрывом боли в затылке, висках и лбу. Когда ему, наконец, удалось остановиться, все его лицо было мокрым от слез.

Пить, подумал Страут. И умыться. Лить пригоршнями на голову холодную воду – может, хоть это принесет облегчение... Но это означает снова ползти вниз по лестнице с его ногой, которой, кажется, стало только хуже...

Некоторое время он выбирал между двумя пытками, но в конце концов понял, что больше не может выносить головную боль. Нет, что угодно, только не это! Пусть уж лучше нога... а если он потревожит ее слишком сильно, может быть, снова потеряет сознание – тоже не худший вариант... Эта мысль заинтересовала его; он даже подумал, не ударить ли себя по ноге специально, чтобы вызвать болевой шок – но решил, что все же не стоит. Скорее всего, он лишь взвоет от боли, но блаженного забытья так и не получит... и неизвестно, как там еще сдвинутся обломки кости и к чему это приведет...

А вода нужна в любом случае. Вода – это жизнь, да. Расскажите это утопленникам...

Страут снова пополз по ступенькам вниз, удивляясь, насколько трудно ему это дается даже по сравнению с первым разом. Очевидно, он и впрямь сильно ослабел. Сколько же все-таки прошло времени? И сможет ли он потом втащить себя обратно?

Мелькнувшая у него надежда, что боль в ноге хотя бы отвлечет его от боли в голове, не оправдалась. Казалось, они лишь усиливают друг друга. Но сознания он тоже не потерял. В конце концов он все-таки сполз в холодную воду, покрывавшую нижнюю площадку. Уровень воды определенно поднялся, но не так сильно, как он предполагал. Значило ли это, что он неправильно оценил время, или же вода стала прибывать медленней? Он ведь даже не знает, откуда она здесь берется. Если выливается из какой-нибудь лопнувшей трубы, то эту трубу могли, наконец, перекрыть, или вышел из строя насос, который ее наполнял. Если же это естественный ручей, текущий с гор и сменивший русло в результате землетрясения, то его новое русло могло забиться мусором и вновь пустить поток по новому пути...

Так или иначе, когда его ноги погрузились в холодную воду – теперь уже целиком – боль слегка отступила. Страут принялся, как мечтал уже... сколько? полчаса? час? – горстями лить воду на голову, что тоже принесло временное облегчение. В то же время холодная жидкость, лившаяся на грудь и за шиворот, удовольствия не доставляла. Страут почувствовал, что его зубы выбивают дробь. Для полноты счастья не хватает только простуды. Впрочем, от чего он наверняка не успеет умереть, так это от гриппа или воспаления легких. Ибо прочие причины... Это так же забавно, криво усмехнулся Страут, как когда читаешь, что кого-то приговорили к нескольким пожизненным срокам. Впрочем, кажется, приговаривать сразу к нескольким смертным казням не додумался еще никто...

Только тут он вновь подумал об ударе током. Пока он мучительно сползал вниз, эта мысль совершенно выпала из его головы. Должно быть, потому, что он был подсознательно убежден – вода уже замкнула все, что могла замкнуть, и автомат защиты отрубил последнее электричество. Но теперь он уже не был в этом уверен.

Страут отполз еще дальше назад и снова увидел синий блик на воде.

Его первой мыслью было немедленно ползти обратно на лестницу. Возможно, будь у него достаточно сил, он бы и впрямь рванул туда, но слабость сделала его более рассудительным. Когда тебе грозит столько способов умереть, стоит остаться на месте и подумать, где риск, а где верная гарантия гибели...

Предположим, все его усилия пропали впустую. На его морзянку никто не обратил внимания, а если и обратил, то не понял. Его никто здесь не ищет и не будет искать. Может ли он предпринять еще одну попытку, пока банкомат все еще работает? Там остались только однотипные купюры, так что морзянка исключается. А главное, у него больше нет действующих карточек...

Первая проблема, впрочем, разрешима. Если снимать суммы, кратные номеру буквы... Какая там у нас по счету S? Страут принялся считать, загибая пальцы. 19, а O, кстати, 15. То есть, чтобы передать SOS, надо снять 190000-150000-190000. Всего три транзакции вместо долгой возни с точками и тире. И как он только не подумал об этом раньше?! Будь он в лучшем физическом состоянии...

Впрочем, тут же одернул себя Страут, 190 тысяч – и даже 150 – уже запросто могут превысить разовый лимит, а все вместе так даже и суточный. Можно ли сформулировать более дешевый призыв о помощи? HELP... нет, там тоже P все портит. AID? Ну, может быть... хотя обычно это слово не используется в качестве императива. А главное, уж если он не уверен, что распознают его морзянку, то распознать в снятых суммах порядковые номера букв еще сложнее. Можно ли как-то упростить задачу?Цифры... цифры, означающие призыв о помощи... ну конечно! 90000-10000-10000. 911.

На миг он испытал прилив радости, всегда сопровождающий озарения, но тут же вспомнил, что сам, своими руками отрезал себе возможность послать новый сигнал, добившись блокировки своей второй и последней карточки. Если бы он с самого начала использовал этот принцип вместо невнятного ...PED IN DEBA! Но теперь поздно. Слишком поздно.

Затем, однако, он вновь вспомнил кое-что еще, охладившее его злость: американский аналитик вместо столь ясных и прозрачных чисел все равно увидел бы совсем некруглые суммы в долларах. К тому же еще искаженные дополнительной платой за снятие...

Нет, это безнадежно. Похоже, ему действительно осталось только ждать и... Верующий сказал бы "и молиться", но Страут был убежденным атеистом. Он знал, что толку от молитв ровно столько же, сколько и от телефонных звонков, звучащих в пустой квартире.

Некоторое время он размышлял об аналогии между молитвой и звонком. Доходят ли молитвы из-под завалов или, к примеру, из фронтовых блиндажей, в которых якобы нет атеистов? Что, если они просто-напросто экранируются? Или еще проще – что, если номер, которым пользуются молящиеся, вообще отключен за неуплату? Или у них самих, или у их

абонента...

Обстановка как будто не располагала к юмору и сатире, но, по крайней мере, это помогало отвлечься от головной боли. Впрочем, помогало не слишком хорошо. Страут вновь зачерпнул холодную грязную воду и вылил ее себе на лицо. Надо снова ползти наверх... но там у него не будет даже этого облегчения – одни только растущие вонь и духота. Или, мелькнула малодушная мысль, остаться здесь и ждать, пока удар тока положит конец его мучениям?

Не сметь, сказал себе Страут. Это всего лишь телесная слабость, и она не имеет права командовать его разумом. И, кстати, совсем не обязательно забираться снова на самый верх, под дверь комнаты с гниющим трупом. Надо устроиться на нижних ступеньках лестницы – выше уровня воды, но так, чтобы можно было в любой момент нагнуться и зачерпнуть ее. Хотя спать на ступеньках не слишком удобно, особенно с его ногой...

Какая-то идея царапнула сознание Страута и снова ушла. Он попытался поймать ее, шаг за шагом восстанавливая недавние мысли. Молитвы... телефоны... боль... труп...

Труп, да. У мертвого портье не нашлось ничего полезного, но как насчет мертвого постояльца? Первой надеждой Страута было отыскать какие-нибудь медикаменты – лучше всего обезболивающее – хотя он тут же понял, что на это шансов мало. Даже если тот парень (почему парень, кстати? это могла быть и женщина!) и возил с собой аптечку, в полной темноте в ней все равно не разобраться. Хотя, если там найдется и что-нибудь, чем можно светить... не электроприбор, так спички или зажигалка – среди латиноамериканцев много курильщиков. Вообще Страут терпеть не мог табачную вонь, и скажи ему кто-то неделю назад, что он станет возлагать надежду на эту дурную привычку... А еще в том номере могла отыскаться какая-нибудь неиспортившаяся еда. Мысль о пище по-прежнему вызывала лишь тошноту, но Страут понимал, что надо подкрепить свои тающие силы.

А еще у мертвеца может быть банковская карточка. Здесь они не так распространены, как в Штатах, многие по старинке предпочитают платить наличными – да и принимают карточки не везде – но все-таки...

И что ему это даст? Он все равно не знает PIN-код.

Ладно. В любом случае, сначала надо открыть дверь. Ключ... у портье должен быть ключ. Землетрясение сбросило их с доски на стене (Страут вспомнил, как натыкался на парочку их под водой, когда шарил в темноте вокруг трупа портье) – но в любом случае, эти ключи ему бесполезны. Раз постоялец в номере, то и его ключ при нем. Однако у хозяина гостиницы должен быть и второй комплект ключей. Наверняка в каком-нибудь ящике за стойкой.

И он опять пополз – сперва навстречу сулящему электрическую смерть в любой момент экранчику, затем, через проделанную ранее дыру – в черноту за стойкой. Уже во время этого пути он понял, что никакого ящика с аккуратно уложенными по гнездам ключами не найдет. Уже не нашел – он ведь уже обыскивал там все, до чего смог дотянуться, и не мог вспомнить ничего подобного. Или просто не обратил внимания, потому что думал тогда не о ключах?... черт, от нехватки питания и кислорода мозг, должно быть, совсем плохо соображает... нет, все-таки должен был обратить...

Новое обследование на ощупь подтвердило – в ящиках, из которых несколько были выдвинуты на разную длину, ключей не было. Какая-то канцелярская мелочь, бумаги... в одном таки ключи, но совершенно бесполезные – от автомобиля. Но не все ящики были на своих местах. Два валялись на полу, то есть теперь уже в воде. Вероятно, хозяин гостиницы яростно выдергивал их, вслепую ища в темноте револьвер. И, скорее всего, один из них и оказался ящиком с ключами. Тогда ключи на полу – это не только те, что упали со стены, и придется шарить под водой, собирая их все. Страут не был уверен в том, какой номер ему нужен – его собственный был, кажется, третьим, но в каком порядке здесь были пронумерованы двери? – но главное, на ключах не имелось никакой гравировки, номера были попросту написаны от руки на квадратных картонках, надетых на кольца, так что определить нужную цифру на ощупь было

невозможно. Сейчас эти картонки еще и размокли в кашу... так что, очевидно, единственный выход – перебирать все ключи подряд, ища, какой подойдет. Страут освободил карманы рубашки от мешавшихся денег – сперва он хотел просто швырнуть их в воду, но потом все же сунул в один из нижних ящиков, не столько из почтения к купюрам, сколько для того, чтобы не путались под руками при поисках – и принялся шарить по затопленному полу.

К счастью, в огороженном пространстве за стойкой пол не был покрыт жидкой грязью, как снаружи, но искать ключи все равно было нелегко. Мешался мертвец, занимавший большую часть свободного места. Страут подумал было вытащить его наружу, но понял, что в своем нынешнем состоянии едва ли сможет вытолкать тяжелый, липнущий к полу труп через дыру. Тогда Страут попросту влез сверху на мертвое тело. Труп испустил печальный вздох, выпуская из легких скопившийся там зловонный воздух едва ли не прямо в лицо нарушителю покоя – и вот тут Страута вырвало.

Ничего не евший уже несколько дней, он блевал практически одной желчью, но не мог остановиться. Тело сотрясали все новые мучительные спазмы; ему казалось, что он сейчас выблюет собственные кишки. Когда судороги, наконец, утихли, он чувствовал себя таким слабым, что пару минут просто сидел, не двигаясь, думая даже не об омерзительном вкусе во рту, а лишь о том, как бы не потерять сознание. Затем вялыми, заторможенными движениями принялся кое-как смывать рвоту с рубашки. А потом все же продолжил поиски в грязной воде вокруг.

Рвота все же помогла – головная боль стала слабее (хотя дергающая боль в ноге на этом фоне сделалась лишь отчетливей). Но нашарить удалось лишь четыре ключа. Это из, предположительно, двух комплектов! Где же остальные? Страут вновь и вновь торопливо шарил вокруг себя, не забывая о неотступной угрозе электрического удара. Впрочем, продолжал ли подниматься уровень воды, он не мог сказать...

Затем он в который раз выругал себя за глупость. Почему он ищет лишь вокруг трупа?! Ведь тот, очевидно, упал на пол уже после того, как вытряхнул туда ящик!

Страут слез с мертвеца и с неожиданным трудом перевернул грузное, скользкое, словно бы вяло сопротивлявшееся тело; в узком пространстве за стойкой его некуда было отодвинуть, и оно все норовило завалиться обратно. Наконец Страуту удалось придать трупу более-менее устойчивое положение и обшарить место, прежде находившееся под спиной у покойника. Его предположение подтвердилось – большинство ключей валялись именно там, вывалившись из ящика практически компактной кучкой. В общей сложности ему удалось отыскать тринадцать ключей. Все это или нет? Сколько здесь было номеров и сколько постояльцев? Он знал лишь о двух, включая себя; если это все, то оставшихся ключей должно было быть четное количество...

Он перекатил мертвеца в другую сторону и снова принялся обшаривать пол, но на этот раз безуспешно. Какова вероятность, что тот самый единственный ключик, который ему нужен, так и остался лежать в какой-нибудь неприметной щели? В триллере наверняка вышло бы именно так. Но в реальности тринадцать ключей (гм! прелестное число!) все же дают ему весьма хороший шанс. Ладно. Он и так уже слишком долго искушает судьбу. Пора выбираться на сухое и безопасное (ха! безопасное! в его-то положении!) место.

Снова вверх по лестнице. Новая-старая пытка. Разве что на сей раз ему хотелось не размозжить себе голову, а отрубить ногу. Хотя, если бы он и имел возможность это сделать, это не избавило бы от боли, а лишь переместило бы ее область вверх... А ведь, мрачно подумал Страут, возможно, этим и кончится. Там не только раздробленные кости, там еще раны и ссадины ... а он тут ползает в грязной воде, где гниют покойники... запросто может быть и гангрена. Но в темноте ему все равно не понять, что творится с его ногой. А если бы он даже и понял, то ничего не может поделать. Если бы он раньше озаботился поисками аптечки... а впрочем, все равно бы не помогло. Какие медикаменты могут быть с собой у обычного гостиничного постояльца? Что-нибудь от головной боли и от расстройства пищеварения,

возможно, снотворное, плюс, если он сердечник, астматик или диабетик, что-нибудь соответствующего профиля – ну и какой-нибудь пластырь, полезный для ноги, натертой ботинком, но никак не перебитой рухнувшей балкой.

А скорее всего, никакой аптечки в том номере и вовсе нет.

Ладно. Не ныть. Ползти. Как бы ни было больно. Больно – значит, все еще жив.

...Дверь. Наконец-то. Не верится, что он все же смог сюда добраться. Несколько ступенек и пара ярдов по коридору, да. Сможет ли он проделать такой путь еще раз? Вряд ли. Но и не понадобится. Наверное, не понадобится. Хотя – лучше все-таки сползти поближе к воде и ждать спасателей там...

Страут нащупал сперва ручку, потом, вниз от нее – замочную скважину. Так. Теперь ключи. Первый, конечно же, не подойдет... Страут попытался его вставить и выронил – так дрожали ослабевшие руки. Заставил себя успокоиться, восстановить дыхание; некоторое время просто посидел, отдыхая, привалившись плечом к двери. Затем нашарил упавший ключ, вставил его снова. Тот с послушным клацаньем вошел в скважину и даже слегка повернулся – но затем застрял. Нет. Не тот. Страут вытащил его, хотел бросить, затем передумал, сунул в карман брюк – ну как уронит еще один, не хватало только перепутать их потом на полу...

Второй ключ, само собой, тоже не подошел. И третий тоже. Страут с усмешкой подумал, что по законам жанра подойдет непременно последний, и поэтому с него-то и надо было начинать – если бы только знать, какой из них "последний"...

Подошел восьмой.

Страут отполз в сторону, освобождая место, и потянул на себя дверь. Она скрипнула, но открылась легко. Вонь, к которой он вроде бы уже успел принюхаться, ударила в ноздри с новой силой. Страут скривился и стал дышать через рот. Да, отыскать постояльца здесь было бы нетрудно даже в кромешной темноте... впрочем, ему нужен не сам покойник, а его вещи. В отличие от самого Страута, погибший едва ли спал в одежде... но куда он дел свою сумку или чемодан – поставил в шкаф, бросил в угол, затолкал под кровать? В последнем случае ползти на запах все же придется.

Страут, привычно уже спиной вперед, наугад двинулся в темноту и почти сразу же ударился затылком – неожиданно больно, несмотря на маленькую скорость. Да, разумеется – здесь тоже обвалился потолок, иначе постоялец остался бы жив. Но, похоже, под рухнувшими перекрытиями все еще остается щель, в которую можно пролезть. Только нужно ли? Где здесь шкаф? (Страут постарался вспомнить расположение мебели в собственном номере.) Возможно, что он выдержал удар и до сих пор стоит...

Однако надежда на то, что шкаф держит на должной высоте хотя бы часть потолка, не оправдалась; Страут вскоре убедился, что потолок рухнул по всей ширине комнаты. Ничего не оставалось, кроме как лечь на живот и ползти на руках под очередную "крышку гроба". Хотя Страут прежде и не страдал клаустрофобией и к тому же не мог видеть, в насколько тесном пространстве находится – однако мысль о нависающих прямо над ним тоннах обломков, земли и камней удовольствия определенно не доставляла. Стоило ли лезть в подобную ловушку ради сомнительной надежды отыскать медикаменты или зажигалку? Впрочем, раз все это не рухнуло окончательно за все предыдущие дни, вряд ли это произойдет прямо сейчас. Если, конечно, он не заденет в темноте какой-нибудь обломок, на котором все держится... Всякий раз он сперва осторожно обшаривал пространство впереди и лишь затем делал усилие, подтягивая свое измученное тело. С некоторым опозданием он подумал о том, как будет выползать обратно, если ему не хватит места развернуться, и стал тщательней проверять, есть ли свободное пространство по сторонам.

Это помогло ему наткнуться на дверцу шкафа – иначе он прополз бы мимо. Шкаф лежал на боку; одна его дверца распахнулась. Сунувшись внутрь, Страут нащупал пиджак, некогда висевший на вешалке, и натянул его на себя. Сейчас от всех усилий ему и без того было жарко,

но он помнил, что потом станет холодно.

В карманах пиджака ничего интересного не оказалось. Во внутреннем лежал некий документ в виде книжицы с тиснением на обложке – судя по всему, паспорт; в правом боковом обнаружилась лишь скомканная бумажка – скорее всего, билет на автобус или что-то вроде этого. Ни остальной одежды, ни сумки в шкафу или на полу возле него не было.

Значит, придется все-таки ползти в сторону кровати. Скорее всего, остальные вещи где-то рядом с ней.

Страут двинулся к источнику вони, на сей раз регулярно пробуя ее носом; как бы ни было противно, он уже понял, что доверять одному лишь представлению о расположении мебели, не подкрепленному ни одним органом чувств, не стоит. Однако обоняние – это не бинокулярное зрение, оно не дает представления о расстоянии до объекта, особенно человеку, непривычному к подобному способу ориентации. Поэтому Страут в очередной раз достиг цели неожиданно. Рука, которой он нашаривал путь, ткнулась во что-то скользкое, длинное, тяжело качнувшееся под пальцами; в первый момент у Страута мелькнула идиотская мысль, что это связка колбас, свесившаяся из открытой сумки, и только потом он понял, что трогает свисающие с кровати кишки. Вот, значит, почему зловоние было таким сильным – злосчастного постояльца буквально расплющило на кровати, выдавив внутренности через задний проход. Темнота избавляла его от зрелища, но Страут вполне ясно представил себе, как это выглядело – прежде ему доводилось видеть такое с енотами, раздавленными на шоссе... На сей раз его, впрочем, не вырвало; он лишь спазматически кашлянул, машинально дернулся назад и вверх, тут же ударившись об потолок, и принялся торопливо вытирать пальцы сперва об пол (ничего не вышло, тот тоже весь был в липкой гадости), затем – о край свесившейся с кровати простыни. В то же время он, как ни странно, перестал бояться разделить судьбу мертвеца: похоже, кровать и поваленный шкаф стали достаточно надежными опорами, удерживавшими рухнувший потолок.

Надеясь не влезть в гниющую мерзость снова, Страут принялся осторожно шарить рукой левее. Сперва он обследовал изножье кровати, не обнаружив там ничего примечательного; потом прополз вокруг ее заднего конца и двинулся вдоль другой стороны к изголовью. Он надеялся, что с этой стороны будет почище... а черт, еще что-то свисает. Нет, не кишки – на сей раз рука. Ладно, это еще не так плохо. Во время этого краткого касания Страут почувствовал не только холод мертвой плоти, но и твердый холодок металла. Обручальное кольцо, не иначе. Парень был женат, что, конечно, не удивительно. Или это все-таки не парень, а женщина? Они тоже могут носить пиджаки... хотя в этих католических странах замужние женщины редко путешествуют в одиночку, особенно по таким сомнительным отелям в глуши. Страут вновь, уже сознательно, взял мертвеца за руку. Нет, кисть определенно мужская, широкая, поросшая жестким волосом с тыльной стороны. Кольцо глубоко въелось в распухшую плоть; снять его сейчас, не отрезав палец, было невозможно. Впрочем, вот уж что Страуту точно не требовалось. Он продолжил поиски чего-нибудь более полезного.

Вскоре он наткнулся на поваленный стул; рядом на полу валялись брюки и рубашка, некогда, видимо, повешенные на его спинку. Страут обшарил карманы; увы, зажигалки или спичек не оказалось и здесь. Рубашку, впрочем, Страут использовал, чтобы по-новой спеленать ноги – прежние повязки после всех его ползаний совсем измочалились и еле держались – я в брюках нашелся бумажник. Так, бумажные купюры, мелочь... все это абсолютно бесполезно... что тут вставлено, кредитка? Нет, кажется, фотография. Какое-нибудь сентиментальное семейное фото (Страут никогда не понимал людей, таскающих такое в своем бумажнике). А вот это уже кредитка! Палец Страута прошелся по выпуклым буквам и цифрам, хотя, конечно, он не мог прочитать их на ощупь Так, это положим в карман... а лучше весь бумажник, его труднее потерять незаметно, и хорошо бы все же обследовать его при свете... Где же мобильный этого парня, интересно? Ни в одном из карманов нет, на полу вроде тоже... Страут попытался

поискать на кровати рядом с подушкой, но наткнулся лишь на очередное липкое месиво из уже засохшей крови и гниющих мозгов. Все же он заставил себя преодолеть отвращение и обшарить изголовье более тщательно – но телефона так и не обнаружил. Тогда он продолжил поиски под кроватью – и вот тут, наконец, наткнулся на дорожную сумку.

Страут лег набок, чтобы было удобнее, и расстегнул молнию. Он сразу же почувствовал, что сумка тощая и вещей в ней мало. Он вытаскивал их и клал ненужное на пол. Так, это, очевидно, смена белья (а неплохо было бы переодеться в чистое, особенно – сменить трусы, но не с его теперешней ногой проделывать такие подвиги)... какой-то глянцевый журнал... блокнот – не электронный, а простой, бумажный, с вставленной в проволочные колечки ручкой... очки в широкой пластмассовой оправе – наверняка солнечные... и – на самом дне – пакет.

Запаянный, довольно увесистый пластиковый пакет, плотно набитый мелким порошком, снежно поскрипывавшим под пальцами.

Так, подумал Страут. Зря он иронизировал по поводу штампов из триллеров.

Что, неужели вот так просто, в обычной дорожной сумке?... Ну а почему нет, собственно. Кто сказал, что наркотики непременно прячут в каких-то супернадежных тайниках? Этот тип местный, он не проходил контроль в аэропорту, а приехал сюда на обычном автобусе. Никто не обыскивал его ручную кладь. Он мог спокойно проходить мимо любого полицейского патруля – ни одна собака, в буквальном смысле, не унюхала бы содержимое герметично запечатанного пакета.

На самом деле, теоретически это была не самая плохая находка. Вот оно, обезболивающее, которое он искал. Тем более что больше в сумке ничего не было – ни таблеток, ни средств первой помощи при травмах. Вот только нужно, во-первых, точно знать, что это за вещество – кокаин? героин? морфин? какая-нибудь новомодная синтетическая дрянь? – а во-вторых, какая его доза безопасна (ну, хотя бы относительно) в качестве анестетика. Увы – хотя в прежней жизни ему бы никогда не пришло в голову об этом сожалеть – познания Страута в области наркотиков были практически нулевыми. То есть принципиально нулевыми в практическом плане и крайне смутными в теоретическом. Последних хватало разве что на понимание того факта, что зачерпнуть порошок на палец и слизнуть, как делают в кино, значит почти наверняка получить передоз. Вполне возможно – особенно в его нынешнем состоянии – что и со смертельным исходом. Можно, конечно, осторожничать, глотая буквально по крупинке и отслеживая свои ощущения. Но наркота – коварная штука, особенно для того, кто пробует ее в первый раз. Можно потерять контроль над собой, даже не догадываясь об этом...

Нет уж. Лучше терпеть боль и сохранять ясный рассудок.

Если последнее, конечно, получится.

Мобильного телефона Страут так и не нашел. Возможно, хозяин оставил его на подзарядке в другом углу комнаты или в ванной (проверить эту версию Страут не смог – туда было уже не пролезть из-за завалов). Почему не рядом с кроватью? А черт его знает, возможно, ближайшая розетка оказалась слишком ненадежной, в такой дыре это запросто. Или у этого парня вообще не было мобильника – в конце концов, нигде не записано, что всякий современный человек обязан его иметь, тем более в странах третьего мира. Хотя для наркокурьера несколько странно – должен же он как-то связываться со своими, гм, партнерами... впрочем, на протяжении десятилетий эта публика прекрасно решала свои проблемы и без мобильной связи. И вообще, мало ли – потерял, украли... неважно. Нет, так нет. Как и спичек, зажигалки или фонарика. То есть почти все надежды, ради которых Страут мучился и рисковал, пробираясь в этот номер, не оправдались.

Почти.

Карточка.

Судя по всему, у плохого парня, помимо проблем с законом, имеется нежно любимая супруга и наверняка, как это водится у местных, целый выводок детишек впридачу. И ему, само

собой, наплевать – ну то есть было наплевать – на то, что многие потребители его зелья, которых он обрекал на медленную смерть, не сильно старше. Ну да это дело обычное, и, так или иначе, свое наказание он уже понес. Это все неважно. Важно то, что у него дома есть кому снять трубку, когда позвонят из банка и сообщат о подозрительной активности с его карточкой. И к тому же это будет местный банк. А для здешних клерков, в отличие от их североамериканских коллег, тема землетрясения все еще актуальна.

Если, конечно, в их обязанности входит звонить клиентам в случае блокировки карты из-за неправильно введенного PIN-кода (а ничего более осмысленного, не зная этот код, Страут все равно сделать не мог). И если этому самому клерку – Страут живо представил себе его: низенький, толстый, с обширной плешью в бисеринках пота и жгучими черными усиками, лениво попыхивающий сигарой в кабинете с жужжащим вентилятором – будет не лень делать этот звонок. Формальные должностные инструкции в таких странах – часто не более чем благое пожелание... И если эта самая жена с детьми сейчас дома, а не, ну скажем, на заупокойной мессе по супругу. И кстати о заупокойном – кольцо и даже фотография еще не доказывают, что сама жена все еще жива. Вроде бы вдовцы носят обручальные кольца не то на другом пальце, не то на другой руке, но – Страут не поручился бы на сей счет даже применительно к собственным соотечественникам, а уж тем более к обычаям, принятым в этой стране. Вообще, кольцо могло врасти в палец задолго до того, как он раздулся от разложения, и его проще было так и носить, нежели снять. А на фото, может, никакая не семья, а любимая собачка.

И если банкомат все еще работает. Точнее, будет работать, когда Страут в очередной раз до него доползет – сколько времени это потребует на этот раз? И если его не убьет током по пути туда или обратно.

Если, если... слишком много "если". И вновь все та же чертова дилемма: рисковать жизнью ради обретения дополнительных шансов на спасение или рисковать жизнью, отказываясь от этих шансов.

Ладно. Он уже успел убедиться, что пассивное ожидание хуже любых страданий на пути к цели. Даже если цель, в конечном счете, окажется ложной...

Страут развернулся – места для этого хватило – и пополз к выходу, волоча за собой сумку, в которую снова сунул белье мертвеца. Выбравшись в коридор, он не только запер замок, но и затолкал эту одежду в щель под дверью. Хоть какая-то защита от смрада. Конечно, вонь все равно уже успела распространиться по всему еще доступному Страуту пространству, но ведь труп в номере будет гнить и дальше.

Едва проделав это, Страут почувствовал, как наваливается дурнота. Нет, он больше не может никуда ползти. Только не сейчас. Надо... отдохнуть... хотя бы немного... надо...

Он пришел в себя, вновь не имея понятия, сколько времени прошло. Снова раскалывалась голова. Ногу дергало так, словно ее рвали клещами. Муторная слабость и ломота во всем теле недвусмысленно указывали на жар. Страут попробовал пошевелиться и застонал; это был единственный звук, нарушивший мертвую тишину. Мертвую, могильную во всех смыслах. Никто не разбирал завалы, не пытался пробраться к нему. Никто не собирался его спасать.

Страут уперся локтями в пол и попытался сдвинуться с места. Головокружение отдалось неприятной легкостью, скручивающейся в узел где-то в солнечном сплетении; во лбу и затылке в то же самое время запульсировал горячий свинец. Казалось немыслимым преодолеть в таком состоянии хоть пару ярдов по ровному полу – что уж говорить о спуске по лестнице. Да и наверняка в этом уже не было никакого смысла. Не может быть, чтобы банкомат все еще работал. Вне всякого сомнения, вода давно залила розетку...

Но если он не будет двигаться сейчас – он не будет двигаться уже никогда. И он пополз.

Преодолев первую ступеньку, он пустился на хитрость. Я совсем не собираюсь снова ползти к банкомату, сказал он себе. Ну его к черту, это совершенно немыслимо, да и бесполезно

впридачу. Он только спустится поближе к воде, и не более чем. Ты ведь хочешь пить, да и умыться холодной водой заодно? О да, еще как! Ну вот и ползи. Всего несколько ступенек (странно, он до сих пор так и не пересчитал, сколько именно) – и можно будет отдыхать. Отдыхать и ждать спасателей. Да, именно так он и сделает. Больше никаких усилий. Только блаженный покой. Только... блаженный... ООО, КАК ЖЕ БОЛЬНО!!!... не думать, не думать о боли, это скоро пройдет, осталось немного... вот так, еще одна ступенька позади... и кстати, с каждой новой пройденных становится на одну больше, а оставшихся – на одну меньше, то есть разница между ними уменьшается даже не на одну, а на две... да-а, вот разрыв сократился еще на две... осталось... ААА!... немного, уже совсем немного... сущая ерунда... а там... ААА!!!... отдыхать... пить и отдыхать...

Восемь. Их оказалось восемь. Точнее, девять, но нижняя была уже под водой. И он действительно попил, умылся и отдохнул – насколько последнее было возможно, скособочившись на предпоследней ступеньке неширокой лестницы с задранной вверх переломанной ногой. А потом, разумеется, пополз дальше.

Самое трудное ведь уже позади – спуск по лестнице. Теперь осталось всего лишь ползти по ровному полу, да еще и в ледяной воде, приглушающей боль. Сущая ерунда по сравнению с тем, что он уже проделал. Сущая... ерунда... Да и не придется ему опять ползти через весь холл (и обратно – нет, нет, не думать об этом! сосредоточиться на текущей задаче!) – всего несколько футов, чтобы выглянуть и убедиться, что банкомат уже вырубился.

А если его убьет током, то все мучения закончатся, и это тоже неплохо. Мысль не выглядела особенно конструктивной, но сейчас ему годилось любое утешение.

Он даже не удивился, увидев знакомый синий блик. В конце концов, он уже успел убедиться, что вода все еще поднялась не слишком высоко. Ну что ж, одна малодушная надежда не оправдалась, другая... там будет видно. Вперед.

Духота здесь была еще тяжелее, чем наверху; правда, не так сильно чувствовалась трупная вонь – вклад от портье был пока еще не слишком велик. Но вонь – это ладно, ее можно победить, дыша через рот, а вот недостаток кислорода и избыток углекислого газа... и не только углекислого... Вот будет смешно, думал Страут, делая очередную вынужденную передышку – потерять сознание прямо сейчас означало даже не обречь себя на смерть от тока, а просто захлебнуться – вот будет смешно, если он доползет и убедится, что электричество-то все еще есть, а вот связи с банком уже... А затем его вдруг пронзила новая мысль: а что, если откапывать его прибудут вовсе не спасатели, а деловые партнеры того парня? Не получившие вовремя свой пакет и, должно быть, очень сердитые по этому поводу. Возможно, они даже думают, что тот просто "кинул" их и сбежал, прикрывшись землетрясением. И вот теперь, отследив его через карточку... И, конечно, и отдать им пакет, и делать вид, что ничего не знаешь о пакете – одинаково бесполезно. Живых свидетелей они оставлять не станут, просто на всякий случай.

Да ну, бред. Во-первых, каким образом они смогут отследить использование карточки? Полиция могла бы это сделать – и, возможно, даже сделает, если тот тип уже был у них на подозрении, что, кстати, дает дополнительный шанс – но бандиты? Во-вторых, простой лопатой такой завал не раскопаешь, тут нужна специальная техника, и откуда у них...

Ну а почему нет, это же мафия, тем более – латиноамериканская мафия. У них вполне может быть на содержании и полиция, и даже местный губернатор, который мигом распорядится выделить все необходимое...

Да полно, стоит ли единственный пакет таких усилий? Сколько там – фунта два, вряд ли больше. Может, вообще нет никаких "их", может, этот парень и был конечным покупателем, приобретшим дурь для личного употребления. Хотя для личного, наверное, все-таки многовато... а для курьера, наоборот, кажется мало. Впрочем, Страут понятия не имел, сколько может стоить килограмм чистого кокаина или героина. Вполне возможно, это действительно такая сумма, ради которой не жалко гнать в горы тяжелую технику и разгребать тонны земли,

камней и обломков.

Он вспомнил о револьвере. Бросил ли он его обратно в воду, или положил на сухое? Кажется, все-таки сунул в один из ящиков... даже не в надежде потом использовать, просто чтобы не мешался во время поисков на дне... Значит, оружие должно было уже просохнуть. По-хорошему, конечно, его следовало бы вычистить и смазать заново, но вполне возможно, что оно будет стрелять и так.

Да уж, криво усмехнулся Страут. Посмотрите на супергероя, собравшегося в одиночку перебить целую банду... героя, едва способного ползти, как полураздавленный таракан...

Ладно. Решать проблемы поступательно. Сначала надо добраться до банкомата. А там, возможно, все эти тревоги потеряют актуальность.

Труднее всего было переползти через самый большой "язык" грязи и камней, упиравшийся в стойку. Зато, когда Страут все же тяжело перевалился в воду с другой стороны, он воспрянул духом: вот теперь уже *действительно* осталось всего ничего.

Если, конечно, не думать об обратном пути.

Прочь, прочь эти мысли. Осталось три ярда. Три ярда, и все. А теперь... уже... два с половиной. Два-а...

Он дополз. Некоторое время он просто сидел, привалившись к холодному боку банкомата, и пытался хоть как-то унять головную боль, прижимаясь пылающим лбом к металлу. Смешно – все равно что отдыхать, сидя на бомбе с тикающим часовым механизмом, но он ничего не мог с собой поделать. В горле и груди стояла тошнота, сердце билось мелко и часто, грозя новым обмороком. Наконец, более-менее уняв дрожь в руках, Страут вытащил трофейный бумажник и обследовал его уже глазами, а не на ощупь. Синий свет был далеко не самым подходящим для этой цели, но все же лучше, чем полная темнота. Вот карточка... да, только одна, он не ошибся. Хотя кто сказал, что даже и наркокурьер должен таскать с собой целый ворох? Приблизив пластик к экрану – горизонтально, так, чтобы свет падал на карточку снизу вверх – Страут, задирая голову, разобрал буквы: EUGENIO FERNANDEZ. Карточка оказалась простой дебитной "Визой". Страут не удержался, посмотрел и то, что на ощупь счел фотографией – это действительно оказалось фото, и притом не собачки. В таком освещении было трудно разобрать детали, но, похоже, фотография изображала улыбающихся женщину и девочку-подростка. Знали бы вы, чем зарабатывал ваш муж и отец... а впрочем, может, жена и знает. "Нам же надо на что-то жить, а он никому ничего не навязывает. Если не он, то другие, желающих всегда хватит. Пусть эти грязные наркоманы дохнут, мир, в конце концов, только выиграет. А уж свою-то дочку я воспитаю правильно, она никогда ни-ни..." Да, вполне известная логика. Впрочем, такие женушки скорее встречаются к северу от мексиканской границы. А у латиносов не принято, чтобы жена вообще как-либо влезала в дела мужа...

Черт, не об этом сейчас надо думать! Скорее ввести первый попавшийся код, убедиться, что карта заблокирована, и, как выражаются все в тех же триллерах, тащить прочь отсюда свою задницу. В самом буквальном смысле.

Банкомат честно опознал вставленную карту и принялся задавать свои стандартные вопросы. В качестве кода Страут ввел 1111 – не надо искать сложных решений, когда есть простые. Потом еще раз. И еще. "Свяжитесь с вашим финансовым учреждением." Очень хорошо. Дело сделано. Осталось выбраться обратно на лестницу. Сущие пустяки, само собой. Сущие...

Он уже полз назад, когда услышал глухой шум.

В первый миг ему показалось, что это спасатели. Не нужна была даже вся эта канитель с карточкой Фернандеса, сработали его собственные, его нашли, его уже откапывают, скоро...

Затем он понял, что это совсем не техника и даже не лопаты.

Это вода.

По всей видимости, затор, долгое время сдерживавший ее так, что за несколько дней она

поднялась лишь на считанные дюймы, наконец размыло или прорвало. И теперь Страут не просто *видел* в дрожащих на мутной поверхности бликах – он *чувствовал*, как она поднимается.

Он понял, что добраться до лестницы не успеет. Ни малейших шансов. Единственной надеждой – впрочем, весьма слабой – было вскарабкаться на груду земли и камней посреди холла. Достаточно пологую, в отличие от куч у ближайших окон. И то если его не долбанет через мокрую грязь...

Но выбирать не приходилось. Страут перевернулся и пополз задом в прибывающей с каждым мигом воде, отчаянно отталкиваясь руками и ногами. То есть, конечно, здоровой (относительно) ногой, к которой была привязана больная. Кинжальные импульсы боли пронзали его от пяток до макушки, но он словно не чувствовал их. Потом, потом, все потом – только бы добраться! Раз-два, раз-два, раз-два...

Рука проскребла по комковатой грязи, в очередной раз натыкаясь не то на мелкие острые камешки, не то на осколки стекла. Дополз?! Рывок, вверх, скорее вверх, из воды...

Грязь, разумеется, повела себя так же, как и когда он пытался откопать дверцу портье – оплывала и обваливалась под его руками. Но в тот раз он не помогал себе ногой. Тяжело и неуклюже барахтаясь, он вырвался из наступающей по пятам жидкости, уцепился за какой-то камень с острыми краями, толкая себя еще выше, в сторону невидимого окна, и даже почти преуспел в этом – но в следующий миг камень вырвался и покатился вниз, земля с шорохом посыпалась в воду, и сам Страут беспомощно заскользил туда же. Все, что он еще успел сделать – это рывком вскинуть вверх обе ноги, ценой дикой простреливающей боли оттягивая неизбежное на какую-нибудь секунду.

В это самое мгновение раздался электрический треск, экран банкомата судорожно моргнул несколько раз, и наступила полная темнота.

От кинжальной боли в ноге перехватило дыхание; в первый миг Страуту показалось, что это и есть электрошок. Но нет, автомат защиты сети все-таки сработал. Электричество вырубилось, вода отныне была безопасной.

Если, конечно, не считать того, что она продолжала прибывать.

Некоторое время Страут приходил в себя после пережитой боли, чувствуя, как по щекам снова текут слезы. Наконец он решил, что снова может двигаться; вода, уже достигшая его живота и подбиравшаяся к груди, такому решению весьма способствовала. Попытаться все-таки отыскать в темноте револьвер, до которого сейчас всего несколько футов? Нет, ну его к черту. Не хватало еще захлебнуться там за стойкой, как котенок в мешке. Надо скорее добраться до лестницы.

Он переполз через завал в самом низком месте, уже размываемом водой – последнее обстоятельство даже облегчило задачу. Что-то мягко и беззвучно ткнулось ему в бок. Он машинально отпихнул это и понял, что это мертвец, выплывший из-за своей стойки через ранее пробитую Страутом дыру. Выплыл он, впрочем, не весь, а лишь по плечи – растопыренные руки через дыру не прошли. Словно бы высунул голову полюбопытствовать, кто это там никак не угомонится вместо того, чтобы составить, наконец, ему компанию...

"Ну уж нет!" подумал Страут, изо всех иссякающих сил отталкиваясь от пола, превратившегося в дно, обеими ладонями и ногой. Он уже мог передвигаться, только сидя вертикально, иначе бы захлебнулся. Ледяная вода достигла середины груди. Успеет ли он добраться до лестницы? В прежней жизни он неплохо плавал, но теперь, разумеется, это не могло ему помочь. Если он попытается лечь на воду и грести, спутанные ноги, волочась по дну, не позволят ему толком сдвинуться с места. Мелькнула мысль, нельзя ли использовать труп в качестве плавсредства. Но нет, пожалуй, тот еще недостаточно раздулся, чтобы выдерживать двойной вес – да и пока удастся целиком вытащить его через дыру, можно потерять последние драгоценные секунды...

Вода подбиралась к плечам. Страута вдруг охватила паника – даже не страх утонуть как

таковой, а внезапная мысль, что в темноте он сбился с направления и ползет не к лестнице, а к окнам или даже обратно к центральному завалу. Когда он пересекал холл в прошлые разы, синий экранчик служил ему маяком, а сейчас...

Под левую ладонь подвернулся крупный острый камень, но пол под правой оставался чистым. Да, кажется, он забрал влево в сторону окон – неудивительно, раз он отталкивается правой ногой! – но не очень сильно. Спокойно... не так уж тут много места, чтобы и в самом деле заблудиться...

Он развернулся и двинулся в правильном направлении – по крайней мере, как он надеялся. Впрочем, получалось это все медленней. Вода была уже почти по горло. Ее холод сковывал движения. Он все-таки попробовал лечь на спину и грести обеими руками, одновременно отталкиваясь ногой. Получалось плохо, и за каждый такой рывок приходилось расплачиваться новым резким импульсом боли. И, когда он совсем уверился, что без толку бултыхается на месте – а если перестанет это делать, то просто уйдет на дно – его правая рука сильно ударилась о косяк.

На сей раз боль отдалась в локте; возможно, он даже сломал или вывихнул палец – но он не обратил на это внимания. Ухватившись обеими руками за косяки, он втащил себя в дверной проем и, наконец, плюхнулся задом на ступеньку, которая была уже более чем на полфута под водой, но все же позволяла спокойно посидеть и отдышаться.

Не очень долго, впрочем. Ибо уровень воды продолжал повышаться.

До сих пор Страут думал лишь о том, как добраться до лестницы; на этом были сосредоточены все его усилия. Подсознательно ему это казалось, что стоит подняться на несколько ступенек – и он будет в безопасности, а сознание не торопилось развеивать эту иллюзию, которая поддерживала его силы. Но вот теперь он ясно задумался о том, насколько высоко может подняться вода. Если источник находится выше по склону горы... и если вода не найдет выхода... она легко может затопить не только холл внизу, но и коридор наверху. Правда, все еще зависит от того, насколько герметично замурована верхняя часть отеля. Если окажется, что воздуху некуда уходить, здесь образуется гигантский пузырь, как в старинном водолазном колоколе. Но даже если так – на каком уровне будет достигнуто равновесие давлений, и сколько он продержится в этом пузыре? А смешнее всего получится, если спасатели, начав-таки прокапываться к нему сверху, нарушат эту самую герметичность, и он захлебнется здесь прежде, чем они успеют его вытащить...

Страут почувствовал, как в очередной раз накатывает дурнота. Нет, только не сейчас! Нельзя терять сознание – по крайней мере, пока он не заберется на самый верх! Можно, конечно, не торопиться и подниматься лишь по мере продвижения воды – но если он и впрямь внезапно отрубится... Страут снова плеснул себе в лицо холодной водой, потом несколько раз ударил себя по щекам. Казалось бы, эта боль была сущей ерундой по сравнению со всей прочей – но, тем не менее, она все же придала ему некое слабое подобие бодрости. Это в последний раз, уговаривал он себя, втаскивая на следующую ступеньку свое невыносимо тяжелое, словно бы разбухшее от воды тело (хотя на самом деле, конечно, он уже похудел как минимум на дюжину, а то и на два десятка фунтов). Больше уже никаких лестниц, ни вверх, ни вниз... *на самом деле* никаких. Даже если он захочет, ползти будет уже просто некуда... Сколько осталось ступенек – шесть? Да нет, меньше, конечно, ведь несколько уже под водой... Наверное, всего-то четыре, или даже три...

То ли эта мысль и впрямь придала ему сил, то ли скорость подъема воды замедлилась, но Страуту удалось выбраться на сухое. Еще несколько минут спустя он осознал, что сидит на полу коридора. Боль в ноге, приглушенная было холодом, снова набрала силу, но сейчас она была ровной, а не дергающей, а значит, почти привычной. Страут медленно развернулся, чтобы поудобней привалиться к стене, и вот тут все-таки вырубился.

На этот раз его привела в чувство вода.

Она была повсюду, и в полной темноте это было особенно страшно – тем более для с трудом пробуждающегося мозга, который все еще не мог сообразить, где он и что с ним. Страут хрипло вскрикнул, неуклюже плеснув руками; волна прокатилась по его лицу, заливаясь в рот и ноздри. Он фыркнул и закашлялся, инстинктивно вздергивая голову над водой. Нет, все еще не так плохо, понял он в следующий момент. Он все еще не тонет. Он просто в своем сне-обмороке сполз на пол, а вот теперь... теперь, когда он сел... вода достает ему едва по пояс. Нет, это не страшно... совсем не страшно... если, конечно, вода на этом остановится. В течение какого-то времени – он не смог бы оценить его даже приблизительно – Страут тешил себя мыслью, что так оно и случилось. Пузырь воздуха... спертого, удушливого, вонючего воздуха, который, однако, сдерживает дальнейшее наступление еще менее пригодной для дыхания стихии...

Затем он понял, что эта стихия хотя и медленно, но все-таки продолжает наступать на его последнюю цитадель, откуда отступать уже совершенно точно некуда. Хорошо, что в этой части коридора уцелел потолок. В комнатах, где он рухнул, запас жизненного пространства – считанные дюймы от пола... а здесь можно нормально сидеть, выпрямившись, и даже это еще не предел...

Стул, вспомнил Страут. Стул в номере Фернандеса! Надо было вытащить его в коридор! Тогда на нем можно было бы сидеть с комфортом, и, главное, намного выше, чем на полу! Проклятье, как он мог не подумать об этом сразу?! Тогда, конечно, он еще не знал, что вода поднимется так высоко...

Сделать это сейчас? Нет, пожалуй, уже поздно. Он может не успеть выползти обратно прежде, чем вода зальет номер по самый рухнувший потолок. К тому же воздух здесь – последний остающийся у него воздух – и так слишком тяжелый, чтобы по-новой впускать сюда смрад гниющего с выпущенными кишками мертвеца. С другой стороны, если вода будет подниматься и дальше... может быть, все-таки рискнуть?

"Я просто ищу себе оправдание, чтобы больше уже никуда не ползти", подумал Страут и устало ответил сам себе: что ж, может, и так. Пока что между риском действия и риском бездействия он постоянно выбирал первый. Но когда-то надо для разнообразия выбрать второй, и сейчас, похоже, самые подходящие для этого условия. Во всяком случае, исходя из его физического состояния. Ладно. Никуда он не поползет. Эта мысль доставила ему безмерное облегчение.

Вода, однако, продолжала прибывать.

Когда она дошла до груди, он еще надеялся, стуча зубами от холода. Когда поднялась к горлу, он понял, что у него осталось самое последнее средство. Ему придется встать и стоять. Он не очень представлял себе, как это сделает, но главное – сколько он сможет простоять на одной ноге, пусть даже опираясь о стену? Пять минут? Пятнадцать? Полчаса? Даже будь он здоров и полон сил...

А сколько еще времени нужно спасателям? Предположим, его сигнал – один из – все же распознан правильно, и помощь уже в пути. Даже в самом лучшем случае нужно несколько часов, чтобы доставить сюда технику. А раскапывание такого завала – осторожное раскапывание, так, чтобы ненароком не похоронить его окончательно – может занять целый день.

Тем не менее, это не повод прекращать бороться.

Он быстро понял, что встать, просто опираясь на стену, не сможет. К счастью, в его распоряжении была дверная ручка номера Фернандеса. Страут надеялся, что, когда он повиснет на ней всей тяжестью, шурупы не вырвет из двери, а сама дверь не сорвется с петель. В такой гостинице это было бы совсем не удивительно... На крайний случай у него оставалась еще дверь его собственного номера – если он успеет доползти туда прежде, чем его накроет с головой, и если вторая ручка не повторит судьбу первой.

В прежней жизни Страут с легкостью подтягивался на турнике, но сейчас поразился

тому, насколько ослабели его руки. Даже с учетом того, что вода облегчала его вес – впрочем, стоило ему приподняться, как эта помощь тут же уменьшалась. Лишь рванувшись изо всех сил – дверь угрожающе скрипнула, но выдержала – он все же сумел встать на колени лицом к двери. То есть на правое колено, конечно – но левая нога все равно отомстила за этот промежуточный успех таким взрывом боли, что Страут до крови прокусил губу. Тем не менее, выждав не слишком долгое время, он, вцепляясь обеими руками в ручку и тяжело наваливаясь плечом на дверь, снова потащил себя вверх. Руки отчаянно дрожали и норовили сорваться с ручки, ставшей неожиданно скользкой; в какой-то момент он понял, что не сможет продвинуться дальше без нового толчка ногой – и даже не просто толчка, а скорее прыжка, который переместит его ступни к двери. Насколько, конечно, в воде вообще возможен прыжок...

Он оттолкнулся, стараясь все же перенести максимум усилий на руки. Перед глазами словно взорвалась граната – и не только перед глазами; его ногу, казалось, разорвало на куски, каждый из которых превратился в самостоятельный вулкан боли. Страут понял, что падает, падает обратно в воду, где, наверное, сейчас и захлебнется; инстинкт заставил его еще крепче вцепиться в ручку, из последних сил напрягая мышцы, его повело вбок, ударило о косяк, но каким-то чудом ему удалось устоять. Да, он стоит, понял Страут, когда боль немного схлынула. Стоит, прислонившись к стене, опираясь на правую ногу и обеими руками на дверную ручку. Победа.

Вода была снова ему по пояс. И продолжала подниматься. Медленно. Заметно медленней, чем раньше. Но продолжала.

Как он уже отметил про себя, она облегчала его вес – чем дальше, тем больше – а холод к тому же приглушал боль. Но радоваться, конечно, было сложно. Страут впервые отчетливо осознал, что ему грозит опасность не только утонуть, но и замерзнуть. Если вода остановится, скажем, на уровне его груди... или, тем паче, шеи... сколько он сможет выдержать? В открытом океане при такой температуре моряки погибают от переохлаждения, наверное, за несколько десятков минут. Меньше часа, это точно. Правда, в океане ситуация хуже – там вода постоянно перемешивается. А здесь, если стоять спокойно, сохраняя слой воды, нагревшийся непосредственно от его тела...

Ну да. Стоять неподвижно, что может быть проще, ха-ха. Даже если бы не холод... не инстинкт, требующий двигаться, чтобы хоть как-то согреться... все равно статические нагрузки – на самом деле самые тяжелые. Прошагать дюжину миль по пересеченной местности куда проще, чем все это время стоять на месте. А ведь он лишен даже возможности переступать с ноги на ногу...

Но другого выбора у него не было. Только стоять в полной темноте в медленно поднимающейся ледяной воде, прислоняясь к стене и периодически перенося вес тела то на руки, опирающиеся на ручку, то на правую ногу. Сколько он так простоит – столько и проживет.

Эта пытка оказалась самой долгой – и самой худшей. Хуже, чем даже пронзающая боль, от которой перехватывало дыхание. Недаром Данте поместил в последний, самый страшный круг своего ада ледяное озеро... Кто там у него мучился? Кажется, предатели. Нет, он, Страут, никого не предал. Как и множество других людей, уже погибших или, возможно, все еще медленно умирающих под завалами. Поразительно, как, несмотря на все это, люди умудряются верить во всемогущего и всеблагого бога. Казалось бы, и сотой доли несчастий, раз за разом обрушивающихся на безвинных, должно быть достаточно, чтобы их разубедить... Но – нет. Смиренные католики этой страны уже наверняка заставили все уцелевшие соборы свечами за упокой своих близких. Все равно как если бы родня жертв, убитых маньяком-садистом, слала бы благодарственные телеграммы убийце... На самом деле, разумеется, нет ни бога-садиста, ни бога-благодетеля. Есть лишь слепые и безразличные законы природы. Градиенты напряжений в земной коре...

Да, да, лучше думать о физике. Об абстрактной эстетике формул и математических моделей. Ни одна из которых, впрочем, пока еще несовершенна. В противном случае он сейчас не стоял бы в...

Нет, нет, не об этом. О чем угодно, только не об этом. О... о... пустыне Сахара. Сахара, да. Песок. Барханы. Светит солнце. Жарко, очень жарко. И совсем никакой воды...

Страут почувствовал, что падает.

Тело среагировало быстрее, чем проваливающийся в муторную пустоту мозг. Пальцы резко сжались на дверной ручке. Мышцы рефлекторно напряглись, удерживая равновесие. Сознание нехотя возвращалось на покинутый боевой пост.

И в тот момент, когда Страут уже пришел в себя настолько, чтобы понять – на этот раз ему удалось устоять, мышцы его правой икры скрутила самая жестокая судорога, какую он переживал в своей жизни.

Он рухнул в воду, сразу же уйдя в нее с головой. Изо рта, распахнутого в крике боли – теперь уже двойной, ибо левая нога не замедлила напомнить о себе – вырвались крупные пузыри, но все же у Страута хватило – ума, инстинкта, реакции? – не вдохнуть воду прямо в легкие. Однако его закоченевшие, уже почти потерявшие чувствительность пальцы соскользнули с дверной ручки. Страут попытался вновь схватить ее под водой, но безуспешно; кажется, он лишь погрузился еще глубже. Боль по-прежнему раздирала его ноги, мешая думать; он беспорядочно забил руками по воде и все же вытолкнул себя на поверхность, не имея понятия в кромешной тьме, находится ли он все еще возле двери или уже где-нибудь на середине коридора.

Он глотнул воздуха, снова начал погружаться, опять вынырнул; уже не столько страх, сколько холод, заново впившийся в тело, заставлял его молотить руками, шумно вздымая тучи невидимых брызг. Страут попытался все же вернуть себе способность рассуждать рационально. Судорога... носок на себя... неважно, что его ноги связаны вместе, он все равно может это сделать... он не утонет, тело легче воды, главное – не паниковать и держать лицо вверх... так, кажется, судорога проходит... теперь главное – расслабить ногу, ни в коем случае не напрягать снова, держаться на воде только за счет рук... КАК ЖЕ ХОЛОДНО!... не поддаваться, не напрягать ногу... обе ноги... он легче воды, он не может утонуть...

Его лицо вновь ушло под воду; Страут едва успел задержать дыхание. Практика явно опровергала теорию. Он сделал сильный гребок и снова оказался на поверхности. Одежда? Это она тянет его на дно? Не может быть, не так уж много на нем надето. Плотность пресной воды, даже грязной, ниже, чем соленой, но все равно... работать руками, не останавливаться – хотя ощущение было такое, словно к каждой из них привязано по гире... все-таки он очень ослабел... да, не только ослабел, но и исхудал! Вот в чем дело – это жир не тонет, а кожа да кости очень даже!

Спокойно, спокойно! Он все равно не может утонуть! Какая же глупость все это бултыхание – ведь ему здесь не больше чем по грудь! Достаточно просто вытянуть вниз ноги – только очень осторожно, чтобы лишний раз не травмировать левую и не вызвать новую судорогу в правой – и он встанет на пол...

Он так и сделал и ушел под воду с головой. Пола не было.

На сей раз он неожиданности он все же глотнул воды, но хотя бы сумел не пустить ее в легкие. Снова отчаянно заработал руками и вынырнул, кашляя и отплевываясь.

Что за бред?! Не могла же вода подняться на несколько футов за пару минут!

Дело не в воде, сообразил Страут. Он просто уже не в коридоре, а над лестницей! Назад... надо вернуться назад, пока у него еще хватает сил держаться на воде! Вот только как? Мало того, что без помощи ног он может скорее бултыхаться на месте, чем плыть – главное, в абсолютной темноте он понятия не имеет, в какую сторону нужно плыть! Вот же глупость, ему нужно преодолеть всего-то пару ярдов... утонуть вот так, после всего, что он уже пережил! Нет,

нет! Раз он не знает, куда – просто выбрать любое направление, главное – ни на миг не прекращать бороться и не нахлебаться воды!

Он кое-как перевернулся на спину – с неподвижными ногами так было больше шансов – и принялся отчаянно грести, взмахивая обеими руками. Скорее всего, думал Страут, сейчас я упрусь или в левую, или в правую стену. Вот бы еще понять, какая из них какая... Сейчас... сейчас...

Но, сколько он ни греб, выбиваясь из сил, стены не было. Никакой.

Видимо, я плыву как раз вдоль коридора, подумал Страут. Наверное, подо мной уже пол... надо проверить...

Он набрал побольше воздуха и позволил ногам опуститься. И снова начал погружаться в черную ледяную бездну, словно в ночном кошмаре. Впрочем, происходящее было куда хуже любого кошмара... Скорее назад, на воздух! Страут жадно глотал этот воздух, в котором, казалось, уже почти не осталось кислорода, не переставая работать руками. Наверное, он плывет в прямо противоположную сторону, на глубину. Развернуться? Нет, худшее в его положении – это начать крутиться на месте. Куда бы он ни плыл, он должен скоро упереться хоть в какую-то стену или завал! Здесь же совсем немного свободного пространства!

Но стен по-прежнему не было. Только бескрайняя ледяная вода вокруг, словно он каким-то мистическим образом переместился из-под руин маленькой гостиницы в огромное подземное озеро. Или вообще в какую-нибудь потустороннюю бездну. Умер и попал в тот самый дантовский Коцит... хотя там была не жидкая вода, а лед... но кто сказал, что Данте во всем прав... "Бред, – сказал себе Страут. – Это все просто бред, да. У меня жар, да еще кислородное голодание, вот мне и мерещится. На самом деле ничего этого нет. Я просто лежу где-нибудь на полу и бессмысленно дергаю руками." Но ледяная жидкость со всех сторон была слишком реальной, чтобы поверить в эту гипотезу и прекратить бороться.

Однако и продолжать бороться он тоже уже не мог. Последние силы покидали его. Мышцы рук сделались совсем вялыми; ни разум, ни инстинкт не могли уже выжать ничего из его истерзанного холодом, голодом и травмами тела. Вода захлестнула его лицо; Страут в последний раз рванулся, глотнул воздуха – и начал погружаться. Сознание окончательно покидало его.

А затем он больно ударился затылком о край ступеньки.

На сей раз он таки вдохнул в себя воду, но рефлекс тут же заставил его согнуться, и он оказался сидящим на лестнице, с головой над водой. Судорожно кашляя и содрогаясь всем телом, он, наверное, целую минуту выхаркивал воду из легких, прежде чем к нему вернулась способность соображать. И он понял самое главное: вода уходила. Уходила заметно быстрей, чем прибывала до этого. Так вот в чем дело! Не было никакого "бескрайнего озера". Он просто пытался выгрести против течения – которое, собственно, и вынесло его из коридора на лестницу – и в результате оставался на месте! До тех пор, пока не опустился прямо на ступеньки.

Думать о том, спасло ли его на этот раз естественное стечение обстоятельств, или же воде кто-то помог, Страут был уже не в состоянии. Не говоря уже о том, чтобы вползти обратно наверх. Он просто повалился назад, на ступеньки; их края впивались в тело, но он уже этого не чувствовал. Пустота в очередной раз поглотила его...

– ...ñor Fernández!

Страут открыл глаза. Как и следовало ожидать, это ровным счетом ничего не изменило – тьма оставалась тьмой. Возможно, я ослеп, подумал он почти равнодушно. Он уже так привык к темноте, что эта мысль не пугала. Кажется, ему что-то снилось. Какие-то испанцы...

– ¡Señor Fernández! – позвал незнакомый голос еще раз. Почему-то он исходил снизу. Затем он произнес с другой интонацией: – Me parece, veo el cadáver[11]...

11 Кажется, я вижу труп (исп.)

Нет. Это не сон.

– Я здесь! – хрипло крикнул Страут по-английски, удивляясь, как слабо звучит его голос. Затем, набрав в грудь побольше воздуха, поправился, насколько позволяло его знание испанского: – Сой акви!

Ему запоздало вспомнились опасения насчет наркомафии. Впрочем, хуже, чем есть, ему уже никакая мафия не сделает... Да и вряд ли бандиты стали бы называть своего подельника "сеньором".

– ¡Él es vivo[12]! – крикнул голос. У подножия лестницы мелькнул свет фонаря, показавшийся Страуту нестерпимо ярким; он снова зажмурился. Зазвучали еще голоса, неразборчиво, потом первый выкрикнул что-то еще – Страут понял лишь слово socorro. Наверное, говорили, что помощь сейчас будет. Затопали шаги по мокрым ступеням, свет фонарей проникал уже даже сквозь веки, и Страут, отважившись чуть-чуть приоткрыть глаза, различил фигуры в оранжевых комбинезонах и касках. Они пытались его о чем-то расспрашивать, но Страуту не хватало ни сил, ни знания языка, чтобы отвечать; он лишь указывал пальцем на свою левую ногу в надежде, что они догадаются сами. Ему что-то вкололи прямо сквозь брючину, затем очень осторожно уложили на носилки.

Когда его, наконец, вынесли наружу, он вновь решился приоткрыть глаза, готовясь тут же зажмуриться, если его ослепит яркий свет солнца. Но был вовсе не день, как он ожидал, а достаточно поздний вечер; солнце успело зайти, хотя небо на западе все еще оставалось светлым. Этот мягкий свет не ослепил его, и все же впоследствии он не раз жалел о том, что не закрыл глаз и увидел то, что увидел.

После первой помощи в местном госпитале Страут, наконец, объяснил, кто он такой; затем был визит американского консула, санитарный борт в США и долгие месяцы лечения. Ему пришлось перенести несколько операций, но в итоге врачам удалось спасти его ногу, сперва вычистив гной, дошедший уже до кости, а затем буквально по кусочкам собрав раздробленную кость. Одновременно ему пришлось лечить бронхит и застуженные почки. К счастью, его страховка покрыла медицинские счета.

Еще пока он лежал в госпитале, к нему рвались журналисты; история об американском сейсмологе, едва не убитом предметом собственных исследований, проведшем под завалами восемь дней и спасшемся благодаря чудом сохранившему работоспособность банкомату, выглядела для них лакомой добычей. Но Страут наотрез отказался давать интервью. Все, что ему хотелось – как можно скорее забыть о том, что довелось пережить. По ночам его все еще мучили кошмары. Ни боль, ни холод в них даже близко не походили на настоящие, зато чувство безнадежности было реальнее, чем в самой реальности. Если наяву он почти все время надеялся, что его спасут, то во сне приходила твердая уверенность, что на этот раз ему не выбраться. Он спал при свете и вообще избегал любой темноты. От антидепрессантов он, однако, отказался категорически, и даже обезболивающее после операций прекратил принимать раньше, чем в нем действительно пропала потребность. Ему совсем не хотелось попасть в зависимость от лекарств.

Его принципиальная антинаркотическая позиция все же заставила его дать одно интервью – но вовсе не журналистам, а представителю Администрации по борьбе с наркотиками. Говорить об этом в южноамериканском госпитале Страут не рискнул – да и не в том он был состоянии – а теперь понадеялся, что своя спецслужба поделится информацией с южными коллегами. Пусть Фернандес погиб, но остались его подельники... Однако оказалось, что спасатели давно разобрали завалы и извлекли тела погибших вместе с находившимися при них вещами, и ничего противозаконного среди этих вещей не было. Фернандес был обычным работягой-электриком, никогда не связывался с криминалом, а в пакете была целебная соль,

12 Он жив! (исп.)

купленная им в столичной аптеке для жены, страдавшей артритом.

Когда Страут впервые вернулся из больницы домой – все еще в инвалидном кресле – он в первый же день разобрал скопившуюся за это время почту. Среди многочисленной рекламы обнаружились два конверта из банков. Банки были разные – один был эмитентом его кредитной карты, другой дебитной – однако текст писем совпадал почти дословно. В обоих его извещали о блокировке соответствующей карты в связи с подозрительной активностью и просили связаться с банком. Тот же самый текст он нашел и в своей электронной почте. Это было все, что они предприняли в ответ на все его усилия. Страут криво усмехнулся и разорвал письма на мелкие клочки.

Постепенно, однако, он и впрямь стал забывать о том, что произошло – хотя поначалу ему не верилось, что это возможно. По-видимому, помогло то, что значительную часть времени там, под завалами, он провел в полубессознательном состоянии – да и первое время в госпиталях тоже больше спал тяжелым лекарственным сном, чем бодрствовал. В итоге воспоминания, спутанные и смутные даже изначально, со временем и впрямь стали казаться дурным сновидением – и забываться, как дурной сон. Даже без всяких медикаментов. В тот день, когда он впервые лег спать, погасив свет, и проснулся поутру в прекрасном расположении духа, он окончательно поздравил себя с выздоровлением. Тем более что намечалась очередная интересная командировка – на сей раз в Японию.

Лишь два обстоятельства напоминали ему о том, что это все-таки был не сон.

Во-первых, легкая хромота все же осталась, и после пары часов ходьбы нога начинала ныть. Впрочем, не так чтобы сильно, и со стороны это было практически незаметно.

Во-вторых, пусть воспоминания о том, что происходило в подземном мраке, практически стерлись, но первое, что он увидел при свете дня – ладно, пусть вечера – по-прежнему ясно вставало у него перед глазами. Лица. Глаза, смотревшие на него. Никогда в жизни он не видел, чтобы выражение лиц *так* менялось в течение какой-то секунды.

Лица сеньоры и сеньориты Фернандес.

2013

Елка

Не столь уж важно, где и когда происходит описанная здесь война. Вся география вымышлена. Однако любое сходство с реальными военными конфликтами и народами является неслучайным.

Автор благодарит за консультацию Олену Билозерскую, бойца Украинской Добровольческой Армии. Случаи, когда точность деталей приносилась в жертву выразительности и наглядности – на совести автора, а не консультанта.

Первым чувством, которое он осознал, была боль. Она была повсюду, и она была разнообразной. Тупо ломило виски, пульсирующе ныл затылок, саднили бровь, нос, скула, губы и почему-то язык (он шевельнул языком и понял причину, нащупав острые обломки по меньшей мере двух зубов; еще два или три отсутствовали полностью), каждый вдох отдавался в ребрах (пока терпимо, но интуиция подсказала ему, что лучше не пытаться вдохнуть поглубже), болезненной тяжестью набухли почки, ноги, похоже, были в синяках и ссадинах, но хуже всего была давящая боль, вгрызавшаяся в запястья. Хуже не в смысле интенсивности – в этом плане она как раз была отнюдь не самой сильной – а с точки зрения того, что она означала. Он понял это, когда попытался пошевелить руками, интуитивно силясь ее ослабить, и добился лишь противоположного эффекта. Его руки были крепко связаны, или, скорее, даже скованы за спиной.

"Похоже, я попал", – подумал он, и это была его первая осознанная мысль.

Впрочем, прямо сейчас его, кажется, никто не бил, и это было уже кое-что. Несколько секунд он прислушивался, но не услышал ничего, кроме тоненького звона в ушах. Осязание

принесло больше информации; холод, сырость и слабый ветер, касавшийся его разбитого лица, подсказали ему, что он находится под открытым небом. Поверхность под ним (он лежал на спине) была неровной, слегка наклонной в направлении "голова-ноги", но довольно мягкой – видимо, земля, а не асфальт или бетон. Распухший нос с трудом впускал воздух, и все же ветер доносил запах гари с примесью жженой резины и еще какой-то гадости. Во рту стоял вполне ожидаемый вкус крови.

Наконец он попытался осторожно открыть глаза.

Попытка успехом не увенчалась. На какой-то миг он даже испытал прилив паники, что потерял зрение, но затем понял, что левый глаз просто слишком сильно заплыл, а ресницы правого слиплись. Повернув голову направо, он потерся щекой о... да, это, судя по всему, была сырая холодная земля, поросшая жухлой травой, и сумел-таки разлепить правые веки. Он увидел сперва лишь эту бурую осеннюю траву, затем – хмурое вечернее небо, затянутое низкими тучами, и голые ветви дерева над головой. Кажется, он лежал на склоне пологого холма; неровные багрово-оранжевые отсветы где-то внизу в первый миг показались ему закатом, но затем он сообразил, что никакое солнце не может пробиться сквозь такие тучи, а главное – солнечный свет не колеблется. Там, внизу, что-то горело, и горело основательно.

Больше он ничего не успел разглядеть, потому что услышал шаги, и почти сразу же в поле его зрения появились облепленные грязью высокие армейские ботинки, в которые заправлены были камуфляжные штаны. Он поспешно закрыл единственный глаз, вновь изображая потерю сознания – но, похоже, все-таки сделал это недостаточно проворно.

– Очухался?

Звон в ушах утих, и теперь он слышал вполне ясно. Голос, задавший вопрос, звучал хрипло, но все же определенно не мог принадлежать мужчине. Ну разве что – мальчишке лет двенадцати (откуда-то из глубин памяти пришла мысль, что теперь могут воевать и такие), но обувь, которую он успел разглядеть возле своего лица, была явно великовата для ребенка.

Тем не менее, он по-прежнему старательно изображал бесчувственное бревно. Мелькнувшая было мысль о санитарке, вытащившей его из беды, не очень вязалась с наручниками, остававшимися на его запястьях.

И словно в подтверждение ложности надежд его хлестнули по щеке, задев сломанный нос. Резкая боль заставила его непроизвольно дернуться, сделав дальнейшее притворство бессмысленным. Он снова открыл правый глаз.

Над ним склонилась девушка – совсем юная, наверное, ей еще не было восемнадцати. Мешковатый армейский камуфляж без знаков различия, явно на несколько размеров больше, чем нужно, висел на ее худеньком теле, как на вешалке, и не слишком делал ее похожей на солдата – пожалуй, в другой обстановке она смотрелась бы в этом одеянии даже забавно. Рассыпавшиеся по плечам длинные прямые волосы, когда-то роскошного медово-пшеничного цвета, а теперь перепачканные грязью, копотью и черт знает чем еще, тоже не походили на короткие армейские прически. Несколько свесившихся прядей почти коснулись лица лежавшего, но он не обратил на это внимания, разглядывая лицо незнакомки. Когда-то – может быть, еще совсем недавно – это милое личико с острым подбородком, чуть присыпанным веснушками носиком и большими глазами (кажется, зелеными или синими, при таком освещении трудно было разобрать точнее) наверняка погружало ее одноклассников-мальчишек в мысли, весьма далекие от учебы. Но теперь, помимо все той же грязи, на левой скуле девушки багровел свежий кровоподтек, а губы неестественно опухли. А когда лежавший вновь перевел взгляд ниже, то едва не вздрогнул, разглядев то, что не заметил в первый момент – камуфляжную куртку девушки наискось пересекало несколько круглых дыр с окровавленными краями. Печень, желудок, легкие – неужели она могла получить такие ранения и остаться в живых? Кровь выглядит совсем свежей... но нет, не может человек, в теле которого полдюжины дырок – да еще в таких местах! – вот так просто стоять, наклонившись, и улыбаться! А она

улыбалась – он видел, как блестят в отсветах пожара ее зубы. Как... как в старинных легендах о живых мертвецах, да.

– Кто ты?! – прохрипел он, все еще с трудом ворочая языком.

– А ты не помнишь? – осведомилась она, казалось, с искренним удивлением.

– Н-нет... – пробормотал он, лишь в этот момент осознав, что не помнит не только ее. И не только того, что случилось с ним самим. Он не помнил вообще ничего. Ни где он, ни кто он, ни как его зовут. Не говоря уже о таких частностях, как какой сейчас год. Война, да... идет война, и он солдат. Это он помнил. Это въелось, кажется, даже глубже врожденных рефлексов. Все остальное терялось в сплошном тумане. Иногда в этом тумане что-то показывалось – вроде того же воспоминания о читанных в детстве страшных сказках – но, стоило мысленно потянуться к этому в надежде распутать остальное, как оно снова растворялось, оставляя в качестве платы за усилия лишь головную боль.

Девушка терпеливо ждала, пристально глядя ему в глаза – точнее, в один глаз. Вероятно, устав стоять внаклон – а может, желая, чтобы он лучше мог ее рассмотреть – она опустилась на корточки.

– Мы... – выдавил он из себя наконец, – ты прости, я правда ничего... мы были вместе?

– Да, – невесело усмехнулась она, – в некотором роде, были, – она еще немного помолчала, продолжая вглядываться в его лицо, затем спросила уже другим тоном: – Ты действительно ничего не помнишь? Совсем-совсем ничего?

– Увы, – вздохнул он. – Даже мое имя. Ты знаешь, как меня зовут?

Девушка еще несколько секунд рассматривала его, потом покачала головой, отчего ее длинные волосы качнулись из стороны в сторону.

– Да, хорошо тебя приложило...Нет, не знаю. Когда меня притащили, ты уже был у них. И возможности поговорить наедине у нас не было.

– Мы вместе были в плену? – наконец сообразил он. – Поэтому на мне наручники?

– Да.

– Тогда почему ты их не снимешь?

Вместо ответа она ухватила его за плечи и помогла – или скорее даже заставила – сесть. Теперь он увидел город внизу, у подножия холма. Точнее говоря – бывший город. Когда-то – зеленые улочки, уютные палисадники, небольшие, в два-три этажа, дома жилых кварталов. Теперь – одинокие стены с пустыми провалами окон, груды битого кирпича, ржавые искореженные остовы машин прямо на улицах, поваленные столбы, измочаленные и обгорелые стволы деревьев, осколки, мусор. Ближе всего к холму располагался какой-то завод, чьи бетонные цеха оказались прочнее жилой застройки. Но теперь и его трубы валялись, разбитые на куски, а из окон заводского корпуса рвалось жадное пламя. В небо медленно поднимался густой черный дым, постепенно смешиваясь с безнадежной серостью низких осенних туч.

– Ключ там, – сообщила девушка, указывая на огонь. – Можешь сходить поискать.

– Ясно, – буркнул он, но она продолжала раздраженным тоном:

– А у меня, знаешь ли, были более важные дела. Например – вытащить оттуда тебя прежде, чем мы оба поджаримся. Думаешь, это было легко? И притащить тебя сюда? Ты весишь, небось, в полтора раза больше, чем я.

– Да нет, я не в претензии, – поспешно произнес он. – Ты, выходит, спасла мне жизнь? Спасибо.

– Пожалуйста, – ответила она все еще сердито. – Не буду говорить, что мне это ничего не стоило или что на моем месте так поступил бы каждый.

– Ну ладно, – проворчал он, – раз мы не можем снять их прямо сейчас, надо хотя бы... – он поерзал, протискивая собственный зад сквозь кольцо, образованное скованными руками, и таким образом перетаскивая их наперед. Когда он по очереди протаскивал сквозь то же кольцо ноги, левую лодыжку пронзила боль. Его штаны оказались разодраны в нескольких местах –

видимо, следствие того, что девушка тащила его волоком по асфальту – но это была как раз ерунда, а вот лодыжка явно пострадала серьезнее. Скверно...

– Ты можешь рассказать мне все с самого начала? – попросил он. – Но прежде... – в нем снова просыпались военные рефлексы, – насколько мы тут в безопасности?

– Безопаснее, чем там, – снова усмехнулась она, кивая на горящий завод. – Оттуда за нами уже не погонятся. Некому. Так что немного времени на отдых у нас есть. Потом надо уходить. Черт его знает, кто сюда еще заявится.

– Ясно, – его рефлексы были согласны с таким планом. – Дорогу знаешь?

– Я здешняя, – гордо ответила она. – Я здесь любую тропинку... Так что тебе рассказать? С какого места? Про войну – помнишь?

– Попробуй про нее забудь, – усмехнулся теперь уже он, кивая не то на развалины, не то на свои скованные руки, которые он теперь держал на коленях. – Мы воюем с...?

– С фидорами, – подсказала она.

– С кем? – переспросил он.

– С федерастами.

– И что им от нас надо?

– Они считают, что это их страна.

– А мы, конечно, считаем наоборот.

– Мы просто хотели уйти. Мирно. Живите там у себя и не лезьте к нам. А они прислали карателей.

– Ясно, – снова сказал он. – И кто побеждает?

– Да никто не побеждает, – зло буркнула девушка. – Поначалу, конечно, у них был перевес. Но мы бы их разбили в конце концов. Мы же за свободу воюем, а не за то, чтобы целовать хозяйскую задницу, как эти! Но тут возбухли западники, требуя "остановить кровопролитие". Теоретически они вроде как на нашей стороне, а на практике толку от них... – она скривилась, словно раскусив нечто горько-кислое, и махнула рукой. – Короче, официально сейчас типа как прекращение огня. Но эти твари ни на один день его не прекращали! Просто вместо официальной армии с их стороны воюют банды. Типа, отряды добровольцев, неподконтрольные их правительству. Хотя весь мир знает, что это вранье. Но продолжает ломать комедию про перемирие...

– И мы сейчас, я так понимаю, на их территории? – поспешил уточнить он.

– Это наша территория! – горячо возразила девушка. – Наша земля, мы на ней сотни лет жили! Даже согласно границам их поганой Федерации... Но официально это Зопа, то есть ЗОПУ – "Зона с особым порядком управления". Здесь не должно быть ни их, ни наших войск. А на практике их банды хозяйничают здесь, как у себя дома... Влад Дракула – припоминаешь такого?

– Вроде имя знакомое, – проворчал он, хотя не был в этом уверен.

– Я не про того, который в средневековье и вампир. Я про нынешнего. Он действительно Влад, а "Дракула" – это, конечно, его кличка, позывной, то бишь... хотя крови на нем не меньше, чем на том самом Цепеше. Редкостный выродок, его уже даже западники объявили вне закона, но не могли достать. Ударить там, где не ждут, устроить резню и уйти – это он умеет... то есть умел. Один из самых распиаренных их полевых командиров. Сам о себе говорил, что его именем наши пугают детей. Ну это он врал, положим. Не пугают, нет. Учат ненавидеть – да.

В ее голосе действительно было столько ненависти, что мужчина сообразил: это не пропаганда, это – личное.

– Так это он нас захватил? – понял он.

– Угу, – мрачно кивнула девушка.

– Ну хорошо. Значит, я... – он впервые осмотрел собственное облачение. На нем тоже был армейский камуфляж, сидевший определенно лучше, чем на девушке, но тоже без всяких знаков различия, погон или нашивок. – Меня, видимо, взяли в плен в бою, – закончил он. – А

ты? Неужели тоже воюешь?

– А что – похожа? – криво усмехнулась девушка.

– Вообще-то не очень, – заметил он.

– Ага, это ты им расскажи, – невесело откликнулась она. – Хотя и они прекрасно видели, что я мирная. Ты что думаешь – я в этом, что ли, у них под носом шлялась? – она брезгливо подергала свою одежду. – Я козу, блин, искала. Я же говорю – я здешняя. Хутор тут у нас неподалеку... был, пока не раздолбали. Только вот одна коза и уцелела... а теперь и она... А этим уродам просто приглянулась симпатичная девчонка из местных, то есть из тех, кого они за людей не считают. Кого можно оттрахать, потом убить, и не только под суд за это не пойти, а еще и медальку там у себя получить. Типа, за ликвидацию опасной шпионки-диверсантки-снайперши. А я даже и не знала, что они тут на заводе засели. Знала бы, за сто километров бы обошла...

Несколько секунд она угрюмо молчала, затем спросила:

– Помнишь, что они со мной сделали? Ты это видел.

– Не помню, – честно признался он. – Но догадываюсь.

– Ты догадываешься не обо всем, – зло произнесла она и вдруг принялась расстегивать свою продырявленную куртку. – То есть это, конечно, тоже. Я просила эту мразь, Дракулу, пусть, раз уж ему так хочется, это будет только он. Чтобы не отдавал меня остальным. А он, этак лыбясь мне в лицо – у нашего, мол, народа принято всем делиться с товарищами. Это вы тут, говорит, куркули-индивидуалисты... Но, говорит, раз уж я тебе так нравлюсь, получишь от меня подарок на память...

Под курткой оказалась грязная серая футболка, пробитая и окровавленная в тех же местах, только кровавые пятна были крупнее. Девушка вытянула ее длинный подол из-под ремня – футболка, похоже, была ей так же велика, как и все прочее обмундирование – и прежде, чем мужчина успел спросить "что ты делаешь?", резким движением задрала футболку вверх.

Никаких пулевых или осколочных ран под дырками не оказалось – впрочем, мужчина уже понял, что это не ее одежда. Бюстгальтера тоже не было, и он уставился на ее маленькие груди, но вовсе не потому, что это зрелище взволновало его само по себе. На ее бледной коже темнели жуткие багрово-коричневые следы, образуя корявые буквы: "ДРА" на левой груди и "КУЛА" на правой.

– Как... он это сделал? – спросил мужчина.

– Совсем не помнишь? Паяльником. Лично на мне расписался, гнида. После того, как кончил.

– Значит, у них там было электричество, – констатировал мужчина, словно это было сейчас самым важным.

– От дизеля. Так-то, конечно, в весь этот район давно уже ток не подают, даже где провода еще целы, – девушка опустила футболку и снова принялась заправлять ее в штаны. – Как думаешь, теперь на всю жизнь рубцы останутся?

– Вполне возможно, – не стал лукавить он.

– Память о первом мужчине, блин, – она стала застегивать куртку.

– Сильно больно? – спохватился он.

– Сейчас уже полегче. Вот вчера была вообще жуть. Особенно когда... сразу после на меня остальные полезли. И каждому еще же полапать надо. Кажется, на восьмом я отрубилась. А сегодня – опять... Но сегодня дошло только до шестого, – она желчно усмехнулась.

– А потом? – спросил он, когда пауза затянулась.

– Потом – все. Грачи прилетели.

– Грачи? – тупо переспросил он и тут же вспомнил. "Грачами" на армейском жаргоне именовались штурмовики. Термин пошел от Су-25 "Грач", но потом распространился на все самолеты ударной поддержки, включая натовские "Бородавочники". – То есть это был авиаудар,

– он кивнул на горящий завод.

– Угу. Долго они что-то телились, но уж зато отработали, как надо. Шариковой бомбой точнехонько в окно цеха. Ну и все, кто внутри, естественно, в решето. Включая этого... шестого. Его убило прямо на мне. Все шарики остались в нем, так что, можно сказать, он спас мне жизнь, – она снова осклабилась.

– Это его одежда? – спросил мужчина и тут же сообразил, что ляпнул глупость – тогда бы дырки были со спины, а не спереди.

– Не, другого, – подтвердила девушка. – Тот на часах снаружи стоял, его спереди посекло... Мою-то мне не оставили. Ни клочка. Сказали – больше тебе не понадобится...

– А я? Меня что спасло?

– А тебя они в соседней комнате держали. В подсобке какой-то. Взрывом дверь вышибло, но шарики тебя не достали. Однако контузило тебя, как я погляжу, прилично.

– Похоже на то, – согласился он. – Ну, со временем память должна восстановиться... надеюсь.

– Я тоже надеюсь, – кивнула она. – Не зря ж я тебя на себе тащила.

– Спасибо, – еще раз сказал он.

– Как думаешь, – она посмотрела на него с задумчивым прищуром, – почему ты до сих пор жив?

– Потому что ты спасла меня, – он впервые улыбнулся.

– Нет. До того. Почему они тебя не прикончили? Дракула же обычно пленных не брал. То есть брал, но... ненадолго. Ему их за собой таскать – только, типа, потеря мобильности. А тебя еще до меня взяли и даже не пытали.

– Ну, как сказать, – он потрогал языком сломанные зубы и разбитую губу.

– Это все ерунда, – отмахнулась девушка. – Так, попинали слегка. А могли бы и тот же паяльник в задницу засунуть...

Мужчину передернуло.

– Тут одно из двух, – продолжала рассуждать девушка. – Или ты знаешь что-то сильно важное... хотя тогда почему не пытали?... или ты сам сильно важный. На генерала ты не тянешь, но полковник какой-нибудь... Или даже то и другое сразу. Полковник, знающий какие-то штабные секреты, которые даже Дракуле знать не положено. А положено ему было только доставить тебя, куда надо, живым и относительно здоровым. Может, их главная миссия в этот раз как раз и была – тебя выкрасть. А на заводе они, к примеру, ждали вертолет, который должен был тебя забрать.

– Может быть, – согласился мужчина и потер виски скованными руками. – Ничего не помню.

– И как к своим выбираться, конечно, тоже не помнишь.

– Увы.

Девушка, казалось, размышляла.

– Значит, придется тебя проводить, – констатировала она.

– Было бы неплохо, – согласился он и тут же спохватился. – Хотя после того, что ты уже пережила, я не настаиваю... тебе бы сейчас вообще, наверное, лучше в больницу...

– Как благородно, – фыркнула она. – Зато я настаиваю. Вот именно после того. Я должна сделать им хоть что-то.

– Они все мертвы, – напомнил он.

– Не все, – мрачно ответила девушка. – Отряд Дракулы – это еще отнюдь не все фидоры.

– Кстати, – предпочел уточнить он, – а ты точно уверена, что от отряда никого не осталось? Ты видела все тела?

– Думаешь, у меня было время их считать? – возмутилась она. – Там пожар начинался, вообще-то! Хотя, – она помрачнела еще больше, – Дракула, гнида, мог и ускользнуть. Я ж

говорю, ему всегда удавалось ноги вовремя уносить. И тут он вышел из цеха буквально за минуту до атаки. Прям как чуял.

– Куда вышел? – насторожился мужчина. – На улицу?

– Нет. В соседнее помещение. Не знаю, что там, я там не была. Может, кабинетик маленький, а может, другой цех здоровый. Скорее всего, его и там накрыло, конечно. "Грачи" весь корпус обработали, видишь, как полыхает. Внутри живых точно нет. Туда-то я за ним следом не сунулась, но с улицы потом наблюдала – никто наружу не выскакивал...

– Он мог выскочить с другой стороны, – не вдохновился мужчина.

– Мог, – согласилась она. – Если пережил сам удар.

– Он может вызвать своих? В смысле, других... фидоров?

– Откуда мне знать? – пожала плечами девушка. – Я не видела, была ли у него при себе рация, когда он выходил.

– Будем исходить из того, что может. И если, как ты говоришь, я знаю что-то ценное... или, по крайней мере, они в это верят... сюда могут прислать подкрепление не только ради спасения Дракулы.

– Они, скорее всего, подумают, что ты сгорел.

– Никогда не стоит полагаться на чью-то смерть, пока не видел труп. Работает в обе стороны, кстати. Что у нас с оружием? Ты что-нибудь прихватила?

– Обижаешь, – она поднялась с земли. – Жди здесь, сейчас принесу, – она побежала куда-то назад. Когда он обернулся, она уже скрылась за росшими выше по склону кустами. Оттуда донесся какой-то металлический лязг, и пару минут спустя девушка вернулась, неся в одной руке автомат – это был (как он сразу вспомнил) АКСУ с двумя магазинами, связанными изолентой – а в другой пистолетную кобуру.

– Молодец! – обрадовался он. – Обращаться умеешь? Хотя, конечно, откуда...

– Что тут уметь, – пожала плечами она и сунула ему кобуру (по весу явно не пустую), а сама картинным жестом взяла автомат наизготовку. – Здесь переключатель: предохранитель – очередями – одиночными, – каждое слово она сопроводила металлическим щелчком. – Сюда целиться, здесь жать на спуск. Не ракетная наука.

– Э, э! На меня не направляй!

– Извини, – смутилась она и повесила автомат на ремне через плечо.

– Может, все-таки мне отдашь? У меня опыт...

– И как ты стрелять собрался? – усмехнулась она. – Бери пистолет, там как раз двумя руками удобно.

Он вытащил из кобуры черный пистолет (9-миллиметровый американский "хай-поинт", тут же всплыло в памяти, одна из самых дешевых, но достаточно надежная модель...) и сообразил, что девушка имеет в виду..

– Ты что же, предлагаешь мне так и идти в наручниках? – возмутился он.

– А ты знаешь, как их снять?

– Да просто перепилить цепь.

– У тебя есть пила?

– Не так уж трудно найти пилу по металлу. Или бывают такие мега-кусачки с длинными ручками, ими даже дужку амбарного замка перекусить можно...

– Вот когда найдешь такое, тогда и займешься. Пытаться перебить пулей, по крайней мере, не стоит – это штамп из кино, в жизни он не работает. Я читала, – добавила она.

– Да уж знаю... – проворчал он, неуклюже извлекая скованными руками магазин "хай-поинта". Тот был полностью снаряжен – хорошо. А вот то, что даже в полном магазине этой модели всего восемь патронов – плохо.

– И вот еще что, – строго добавила девушка. – Ты там, может, и полковник, или майор какой-нибудь... но сейчас ты ничего не помнишь, куда идти – не знаешь. Поэтому, если хочешь,

чтобы я тебя отсюда вывела – будешь слушаться меня. Усёк?

– Есть, командир, – усмехнулся он. – Кстати... я ведь до сих пор не знаю, как тебя зовут. Ты-то свое имя помнишь, надеюсь?

– Елена, – ответила она. – Можешь Ёлкой звать. Меня пацаны так зовут.

– А лет тебе сколько, Ёлка?

– Семнадцать... в следующем месяце будет.

– Да уж, – он качнул головой, думая о том, что этой девчонке пришлось пережить совсем недавно. Что поделаешь – война...

– Надо же и мне тебя как-то называть, – заметила она. – "Игорь" тебя устроит? Так зовут моего старшего брата. Тоже сейчас с фидорами воюет где-то... если еще живой...

– Игорь так Игорь, – кивнул он. – Постараюсь пока заменить его тебе, насколько возможно.

Последние слова, произнесенные шутливым тоном, ей, похоже, не слишком понравились.

– Вот что, братец, – холодно произнесла она. – Как ты думаешь, зачем я тебе рассказала и показала...? – она провела рукой напротив своей груди.

– Ну, – пожал плечами он, – наверное, чтобы не держать это в себе.

– Ага, ты мне еще к психоаналитику сходить предложи! – презрительно отрезала она. – Как в этих дурацких американских фильмах! Просто чтобы ты понял, что у меня теперь к мужикам отношение... своеобразное. Пока ты ведешь себя прилично, все окей. Но попытаешься сунуться, хоть ночью, хоть днем – убью. Не посмотрю, свой ты или не свой, полковник или генерал – просто убью, и все! Это понятно?

– Да понял, понял, – пробурчал он. – Мне сейчас тоже, знаешь ли, не до этих дел. Выбираться надо... Хорошо бы, конечно, сперва в городе пошариться, но не на ночь глядя, это понятно. А к утру тут, сама говоришь...

– В городе нам делать нечего, – резко подтвердила она.

– Ну как нечего? Инструменты поискать, чтобы цепь перерезать... и аптеку с медикаментами, это сейчас нам обоим нужно... да и еду, или хотя бы воду в бутылках... Ты с собой ничего такого не прихватила?

– Скажи спасибо, что тебя прихватила, – хмуро напомнила она. – Пожар же! И тяжело!

– Да я не в претензии... я просто к тому, что где-то все это искать надо...

– В этих развалинах мы ничего искать не будем, – твердо повторила Елка. – Во-первых, там полно всякого неразорвавшегося дерьма. Во-вторых, что было ценного, мародеры давно выгребли.

– А жителей там что, совсем не осталось?

– Какие жители, бои за город четыре месяца шли. Там все столько раз перемололи... не, ну может кто по подвалам до сих пор и прячется, но они нам помогать не станут. Самим бы выжить. Да и вообще... с местными нам сейчас лучше не встречаться.

– Почему? – удивился он. – Ты же говоришь, это наши земли? И ты ведь и сама местная?

– Ну... – Елка помрачнела еще больше, – наши отсюда в основном разбежались. Сам видишь, какая тут теперь жизнь. А из тех, кто остался... многие за фидоров.

– Почему?

– Да дебилы потому что! – зло воскликнула девушка. – Мол, столько лет жили с ними по-братски, и все нормально было. А как независимость объявили, так и началось... А что "началось" не из-за тех, кто объявил, а из-за тех, кто на мирную декларацию бомбами ответил, этому быдлу пофиг. Как свиньи, лишь бы жрать помои из фидорского корыта, а больше ничего не колышет... Ну и потом, самих фидоров понаехавших в этих краях теперь тоже хватает. Тут же не все так раздолбано, есть и совершенно целые дома брошенные, с мебелью, со всем – как такое не отжать...

– А твоя семья? Ты говорила, брат воюет... а родители? Они за кого?

– Мама погибла, когда наш хутор "Градом" накрыло. Я ж говорю, только одна коза и уцелела... ну и я, потому что в школе была – школа тогда еще работала... А отец уже третий год в Европе на заработках. Подсуетился, когда только начиналось. Раньше хоть изредка деньги присылал, а в последнее время вообще никаких вестей. Он и про маму, должно быть, не знает. Я так думаю, он там себе новую семью завел, ему и без нас хорошо.

– Стало быть, на твой хутор идти...

– Да какой хутор, сарай там теперь один вместо хутора. Ничего там нет полезного. И в другую сторону это. Не, нам на юго-запад уходить надо, – Елка махнула рукой в противоположную от города сторону, вверх по холму, туда, где бурой стеной темнели деревья. За ними в сгущающемся сумраке просматривались другие, более высокие холмы, также сплошь поросшие лесом. Отсюда лес казался надежным убежищем, но Игорь знал, что сверху, с вертолета, видно, что деревья растут совсем не так густо, и прозрачное кружево их оголившихся ветвей никого не способно спрятать по-настоящему. А если пойдет снег, будет еще хуже.

– Какой сейчас месяц? – спросил он.

– Ноябрь. Семнадцатое сегодня... кажется.

Ну да, ну да. Милостей от погоды ждать не приходится. Елка, кстати, одета слишком легко для морозов, особенно если придется ночевать на открытом воздухе. Ей бы, как минимум, еще свитер под куртку, шапку, перчатки, шерстяные носки... да и ему тоже... Впрочем, может, они успеют дойти до настоящих холодов – но на "может быть" лучше не закладываться...

– Ладно, – решил он. – Тогда уходим прямо сейчас, нечего тут рассиживаться. Если, как ты думаешь, они тут вертушку ждали, так она, скорее всего, ночью прилетит, даже если Дракула ничего передать не успел. А если успел, так и подавно.

Игорь поднялся привычным пружинистым движением и тут же скривился от боли в лодыжке, едва не заставившей его рухнуть обратно. Постоял, перенеся вес тела на правую ногу, прицепил кобуру к поясу, затем осторожно наклонился, ощупывая конечность сквозь верхнюю часть ботинка. Нет, похоже, не перелом и не вывих, иначе он бы точно не устоял на ногах. Скорее всего, растяжение, и не самое сильное... идти он, пожалуй, сможет. Сейчас бы эластичный бинт и ледяной компресс... не говоря уже о хотя бы сутках полного покоя... но об этом пока что можно только мечтать. Если он действительно настолько важная птица, что для охоты за ним противник отрядил одну из лучших своих ДРГ, задерживаться в окрестностях города определенно не стоит.

Девушка, видя, что он поднялся, решительно зашагала, не оглядываясь, вверх по склону, в сторону близкой уже вершины холма. Игорь захромал следом, но быстро убедился, что не сможет выдержать ее темп. То есть прямо сейчас, на стиснутых зубах и адреналине, может, и сможет, но на следующий день тогда уже вообще не сможет встать.

– Елка! – недовольно буркнул он.

Она оглянулась, лишь теперь, похоже, заметив, насколько он отстал, и остановилась, поджидая его с нетерпеливым видом.

– Нога, – пояснил он очевидное, ковыляя к ней. – Похоже, растяжение. Ты это... ничего, если я на тебя обопрусь?

Она не выразила ни согласия, ни возражения – просто молча стояла и смотрела на него выжидательно. Но, когда он протянул скованные руки, чтобы положить их ей на плечи жестом, похожим на объятие, она вдруг отпрянула, и на ее лице мгновенно возникло выражение такого ужаса и отвращения, словно он был гигантским тараканом из ужастика.

– Да нет! – воскликнул Игорь, застывая на месте с поднятыми руками. – Я ничего такого... мне правда идти тяжело!

– Я понимаю, – усилием воли она стерла брезгливую гримасу с лица. – У меня это просто теперь... рефлекс на вас, мужиков. Я бы и на брата сейчас так отреагировала, – она сама

решительно взяла его за руки и пристроила левую, согнутую в локте, себе на левое плечо. Его правая рука повисла на цепи спереди.

– Постараюсь не слишком на тебя наваливаться, – пообещал он.

– Ты, главное, дыши в другую сторону, – ответила она. – У тебя изо рта воняет.

– Ну извини, – обиженно откликнулся он. – В плену меня, как видно, зубной пастой не снабдили.

– Эту табачную вонь никакой пастой не отбить.

Черт. Он понял, что еще усиливало его дискомфорт, помимо разнообразной боли от полученных травм, холода и голода. Чертовски хотелось курить.

Они пошли в обнимку, словно лучшие друзья после долгой разлуки. Впрочем, скорее это зрелище походило на молодую жену, волокущую домой подгулявшего мужа. Или дочь – отца, учитывая разницу в возрасте. Есть ли у меня дочь, задумался Игорь впервые с тех пор, как пришел в себя. А сын? А жена? Он не мог вспомнить. В отличие от названий оружия и боевой техники, на сей раз из тумана, скрывшего его прошлое, не проступало даже самых смутных очертаний. Но именно эта пустота, полное отсутствие эмоционального отклика наводило на мысль, что у него никого не было. Ни сейчас, ни в прошлом – во всяком случае, в прошлом, еще способном иметь хоть какое-то значение. Был ли он всю жизнь профессиональным военным? Или, как и тысячам других, ему пришлось экстренно осваивать эту науку, лишь когда война разгорелась в его собственной стране?

Сейчас это неважно. Сейчас важны более насущные проблемы. К счастью, его рефлексы помнят больше, чем его сознание – в этом он уже убедился, когда пистолет легко и привычно лег в его руку. Наверное, первыми восстанавливаются навыки, критичные для выживания. Он не сомневался, что, даже несмотря на наручники, выполнил бы норматив по снаряжению магазина на время, да и по мишеням отстрелялся бы как минимум на оценку "хорошо". Вот разве что бегать он пока что не в состоянии, и в рукопашную тоже не боец. Два ребра справа, похоже, таки сломаны – не вдребезги, но трещины наверняка есть. Даже попытка глубоко вздохнуть отзывается пронзающей болью, а о том, что будет, если туда кто-то ударит, и думать не хочется. Ну ладно. Как там учил этот древний китаец, как бишь его (имя, в отличие от марок оружия, не вспоминалось) – самый лучший полководец выигрывает сражение, вообще не вступая в бой...

Они продвигались вперед, конечно, не так быстро, как Елка шла бы одна, но и не так медленно, как ковылял бы Игорь без ее помощи. Перебравшись через вершину холма, они начали спуск, который с его ногой оказался не легче подъема, тем паче что юго-западный склон оказался круче северо-восточного. Невидимое за тучами солнце окончательно ушло за горизонт, и даже отсветы пожара уже не проникали на эту сторону холма, так что спускаться приходилось уже практически в полную темноту, особенно густую внизу между холмами – но Елка шагала уверенно, не боясь поскользнуться или оступиться, несмотря даже на наваливавшуюся на нее тяжесть. Поначалу Игорь действительно старался как можно меньше опираться на девушку, но вскоре уже машинально делал это при каждом шаге левой ногой. Елка выносила это молча; он лишь слышал ее дыхание, более шумное, чем у человека, попросту гуляющего по лесу. "Ничего, – подумал Игорь, – по крайней мере, физические нагрузки не дают замерзнуть." Он тоже молчал, хотя, возможно, разговор помог бы им обоим отвлечься и от физических усилий, и от боли. Но Елка явно не была расположена к беседам, да и Игорь не считал нужным поднимать лишний шум. Вряд ли, конечно, их мог кто-то услышать в холодном и сыром ночном лесу, особенно в той поросшей чахлыми деревцами и кустарником ложбине между холмами, куда они спускались – место было явно совершенно бессмысленным для размещения каких-либо засад или патрулей. Но, как говорится, береженого бог бережет. Когда находишься на вражеской территории, куда полезнее слушать, чем говорить.

Именно потому, что он чутко прислушивался, он первым различил далекое стрекотание и

остановился, вынуждая девушку сделать то же самое.

– Что? – обернулась к нему Елка, но теперь уже и сама расслышала пока еще отдаленный, но близящийся звук вертолета. – Думаешь, это они? За тобой?

– За мной, или за Дракулой, или за нами обоими, – ответил он. – Кому еще летать в такое время и в таком месте?

– Ну мало ли. Может, вообще натовцы. Им за тучами со спутников не видно, вот и решили поближе посмотреть, как тут и что.

– Не, – решительно качнул головой Игорь. – Эти поодиночке не летают. Да и потом, у них такие сенсоры, что им любые тучи...

Стрекот становился все громче, переходя в басовитый грохот – вертолет явно шел над холмами совсем низко, следуя неровностям местности и чуть ли не цепляя брюхом за вершины деревьев. Однако разглядеть его на фоне темного неба по-прежнему было невозможно – бортовые огни, как и всегда в прифронтовой зоне, были выключены.

– Бздят, суки, – заметил Игорь. – За рельефом прячутся. ПЗРК бы сейчас... ИК-головка их бы и в темноте нашла.

– Как думаешь, они могут нас заметить? – обеспокоенно спросила Елка.

– У них там тоже приборы ночного видения, но это еще надо знать, куда смотреть. Однако лучше нам не двигаться, пока они не уберутся. Именно движение привлекает внимание.

Они стояли под деревом, прижавшись друг к другу, в бессильном ожидании. Наконец вертолет прогрохотал мимо – близко, но не прямо у них над головами – и ушел в сторону города.

Или не совсем ушел. Едва Елка облегченно перевела дыхание, грохот стал возвращаться.

– Черт! – сдавленно воскликнула девушка. – Бежим!

Он не был уверен, что это лучшее решение, но подчинился. Они помчались вприпрыжку вниз по склону диковинным аллюром раненого четвероногого существа, скачущего на трех ногах. Игорь каждый миг ожидал, что они запнутся о какой-нибудь корень и грохнутся (самое то для его ребер, конечно же!), но пока им каким-то чудом удавалось этого избежать. Вертолет, несомненно, догнал бы их за минуту – если бы засек цель (впрочем, даже и в этом случае, сообразил Игорь, сесть здесь негде, а если он им нужен живым, то и стрелять они не будут – хотя, конечно, черт их знает, какие у них приказы и приоритеты...) Однако после пугающего приближения грохот снова стал отдаляться – вертолет, похоже, кружил над вершиной холма.

В какой-то миг Игорь все же споткнулся своей единственной здоровой ногой, но Елке удалось удержать его от падения (он лишь громко охнул от пронзившей правый бок боли). Они продолжали мчаться вниз, петляя между тонкими, не способными служить защитой деревьями (осина, ольха, что-то вроде этого, определил Игорь про себя; все более солидное в такой близости от города, надо полагать, повырубали еще до войны). Наконец, с хрустом проломившись сквозь невысокий, но колючий кустарник и сухие стебли какой-то многолетней травы, они с разбегу влетели в почти невидимый в темноте ручей, протекавший по дну ложбины между холмами. Черная ледяная вода обожгла холодом до колена, заливаясь в берцы. Но Игорь с удовольствием опустил в нее левую ногу, дабы приглушить боль в лодыжке.

Вертолет продолжал рокотать где-то позади. Похоже, оттуда их так и не заметили. Затем грохот стих по ту сторону холма.

– Собак они ночью не высадят, – заметил Игорь, – но все равно, незачем лишние следы оставлять. Идем пока вверх по ручью, ноги уже все равно мокрые.

Пока они шли по воде (теперь гуськом, он впереди, она сзади), Игорь продолжал прислушиваться. Стрекота вертолета больше не было слышно, даже самого отдаленного.

– Они не улетели, – уверенно заметил он – Они сели с той стороны холма.

– Обследовать развалины завода? Хотя чего там обследовать, видно же, что все горит и не сунешься...

– Вот именно. Я сперва подумал, что Дракула с рацией где-то в городе, он их и вызвал. Но тогда он бы дал им точный ориентир на посадку, а они кружили, причем не над городом, а над холмом, словно что-то высматривая... Ты уверена, что он не видел, как ты меня вытаскивала?

– Он ушел за минуту до атаки, – повторила Елка. – Больше я его не видела ни живым, ни мертвым. Но если бы он видел, как мы убегаем, то уж наверное не позволил бы нам уйти. Хотя, конечно, если он там валялся контуженный или раненый... а потом все-таки нашел в себе силы выбраться прежде, чем огонь добрался до него...

– Вот-вот, – мрачно согласился Игорь. – Ты случайно не оставила каких-то приметных следов на холме?

– Оставила, – сердито ответила она. – Я ж тебя волоком по земле тащила, а ты тяжелый. А еще, если хочешь знать, я там по нужде сходила, пока ты в отключке валялся. Что, нельзя было? Принцессы не какают?

– Ну, на дерьмо они вряд ли внимание обратят, – спокойно ответил он. – Даже не уверен, что отличат человеческое от звериного. А вот какие-нибудь окровавленные бинты – это было бы хуже.

– Нет, никаких бинтов. Да и откуда бы я их взяла, некогда мне было их аптечки искать...

– Да понял, понял. Может, они, конечно, и не догадаются на холм лезть – мало ли в какую сторону ты меня с завода потащила...

– Но думаешь, они знают, что потащила?

– Лучше исходить из того, что знают.

Наконец они уперлись в ствол дерева, рухнувшего поперек ручья с левого склона – того, на котором они еще не были. Этот ствол был уже куда более солидным, чем виденные ими прежде – не меньше полуметра в диаметре; здесь, похоже, начинался уже настоящий лес. Ствол с торчащими в разные стороны обломанными ветвями нависал над водой слишком низко, чтобы пролезть под ним, не окунаясь в воду, но перелезть сверху было бы несложно. Однако Игорь принял другое решение:

– Ладно, хватит, пожалуй, водных процедур. Думаю, их мы со следа уже сбили. Давай наверх по этому стволу, чтобы не оставлять следов на берегу.

Прежде, чем выбраться из ручья, он наклонился, черпая пригоршнями воду, и сделал несколько глотков. Вряд ли эта вода была такой уж чистой, но выбирать не приходилось. Вкуса он, впрочем, не почувствовал – от ледяной жидкости лишь ломило зубы. Холод, поднимаясь от ног, и так уже пробирал до костей, и пить не хотелось – но сделать это было надо, пока они не ушли от хоть какой, но проточной воды. Неизвестно, когда удастся напиться в следующий раз, а обезвоживание – штука опасная и коварная, способная вывести бойца из строя, даже когда он субъективно не чувствует жажды. Быстрое переутомление, слабость, сильная головная боль, тремор, падение давления и пульса, помрачение сознания – совсем не те симптомы, которые нужны уходящему от преследователей на вражеской территории. Это он тоже помнил. Он обернулся, чтобы объяснить это Елке, но та уже сама последовала его примеру. Хотя ее-то, возможно, как раз мучила жажда – совсем не факт, что мучители давали ей пить.

Девушка легко залезла на ствол и почти бегом добралась по нему до вывороченных из земли корней, а вот Игорю пришлось повозиться. Вставать на поваленном дереве в полный рост он со своей ногой не рискнул и пополз на четвереньках, упираясь коленями, носками ботинок и скованными руками. Его успокоившаяся было в ледяной воде лодыжка снова дала о себе знать, и все же он благополучно добрался до корней и сполз на землю, прикидывая дальнейшие действия. Желание оказаться как можно дальше от возможных преследователей было велико, но он понимал, что с такой ногой далеко не уйдет, а у девушки просто не хватит сил втащить его на новый, более крутой и высокий холм. А если у тебя нет шансов убежать, разумнее затаиться. От полноценной облавы это все равно не спасет, но на полноценную облаву у врагов недостаточно

силенок. Сколько могло прилететь на вертолете? Если это был "Ми-8" – ну, пара дюжин, в худшем случае. Больше, чем он хотел бы иметь в качестве противников в перестрелке, но меньше, чем надо для настоящего прочесывания ночного леса, где можно нарваться на пулю из-за любого куста. Скорее всего, если они сразу не взяли след, то не будут соваться наугад, а подождут, пока рассветет.

Некоторое время он стоял, всматриваясь в темную громаду холма, отделившего их от города. Никакие огоньки фонарей там не мелькали, и никакие подозрительные звуки не доносились сквозь ночную тишину. Не гарантия, конечно, но на войне гарантий вообще не бывает...

– Похоже, мы оторвались. Сделаем привал до утра, – решил Игорь.

– Прямо здесь? – осведомилась Елка. Это был не сарказм, просто вопрос.

– Если только ты не знаешь лучшего места поблизости, – в его ответе также не было ни капли сарказма.

– Нет, – в темноте он различил, как качнулись ее волосы, когда она мотнула головой. – В эту сторону только лес на много километров. Это-то и хорошо, по дорогам если уходить – это, сам понимаешь, до первого блокпоста...

– И чьи тут блокпосты, в Зопе?

– Формально – местных ополченцев, но что тут за местные, я уже сказала. Наши их опущенцами называют. Сдадут нас фидорам, пикнуть не успеем. Или просто бандиты обыкновенные.

– Ну ясно, – кивнул он. – Короче, здесь привал делаем. Проверь, там внизу лужи нет? – он кивнул на яму, оставшуюся от упавшего дерева. – Мне сейчас лазить лишний раз не очень...

Елка съехала в яму по осыпающейся круче и доложила:

– Не, сухо. Ну то есть земля, конечно, влажная, но не больше, чем наверху.

– Ну и ладушки, – он неуклюже спустился следом за ней.

– Неплохо, – оценил он их новое убежище, оказавшись внизу. – Не блиндаж, конечно, но несколько часов перекантоваться можно. Надеюсь, дождя ночью не будет...

Он принялся расшнуровывать мокрые берцы. Правый снялся легко; Игорь перевернул его подошвой вверх и потряс, затем стянул носок (тот, к удовольствию Игоря, оказался теплым шерстяным, как раз подходящим для погоды) и выкрутил его, выжимая. Обтер ступню о сухую часть штанины, затем с сожалением натянул мокрый носок и ботинок снова. Другого варианта, кроме как сушить на себе, не было. Левый ботинок не особо хотел сниматься из-за распухшей лодыжки, и Игорь решил так его и оставить, иначе надеть потом будет еще труднее, чем снять. Холодный компресс, хотя бы такой...

Елка, сидевшая напротив него, тоже сняла обувь, и в темноте он услышал, как оттуда шмякается что-то сырое.

– Что ты там, водорослей начерпала, что ли? – удивился он.

– Да нет, я туда травы напихала. Мне же эти ботинки велики.

– А, ну точно. А носки-то у тебя есть, хоть какие?

– Нужны мне его вонючие носки, – ответила девушка брезгливо. – Они же тоже на семь размеров больше, чем нужно. Только бы сбились в комок и натирали.

Игорь протянул руку и дотронулся в темноте до ее босой ступни, холодной, как у покойника. Елка тут же отдернула ногу.

– Да не дрыгайся ты! – брюзгливо воскликнул он. – Я все понял про твои рефлексы, но тебе ноги согреть надо. Если не хочешь завтра с температурой проснуться. Это нам сейчас точно лишнее. И хватит уже в каждом мужике насильника видеть. А доктор тебя будет осматривать, его тоже будешь убить грозиться?

– Тоже мне, доктор выискался, – пробурчала Елка, но затем нехотя добавила: – Ладно, только пятки не трогай.

"Щекотки она, что ли, боится?" – подумал с усмешкой Игорь. "Или мозоль натерла в этих берцах...." Он потер свои ладони, разогревая, о штаны и друг о друга, а затем принялся растирать ступни девушки – одну, потом другую. Поначалу он чувствовал, как она напряжена – казалось, только и ждет момента, чтобы садануть его ногой в солнечное сплетение, если его палец двинется хоть на миллиметр выше щиколотки – но постепенно Елка успокоилась, расслабилась и даже позволила себе безмятежно откинуться на стенку ямы.

– Согрелась? – спросил, наконец, Игорь, но девушка не ответила, и он понял, что она спит. Тогда он засунул ее маленькие ступни себе под куртку, прижав их сквозь одежду к собственному животу. Все лучше, чем в холодных мокрых берцах.

Он планировал просидеть так часа три (часов ему, разумеется, не оставили, но он хорошо чувствовал время), а затем разбудить Елку и поспать самому. Все было тихо; время от времени слышно было, как наверху задувает ветер, заставляя поскрипывать старые ветви, но в яме никаких дуновений не ощущалось. Не подавали голос никакие ночные птицы – ну да, поздняя осень... Но главное – не слышно было ни далекого шума мотора, ни близкого треска веток под ногами чужаков. Похоже, что по крайней мере этой ночью враг и в самом деле потерял их след.

Все же уютным такой ночлег, безусловно, не был. Каким угодно, только не уютным. Пронизывающий холод в сочетании с сыростью – хорошо известно, что высокая влажность воздуха намного ухудшает восприятие как холода, так и жары. Низкое беспросветное небо вместо крыши над головой, того и гляди грозящее излиться даже не ливнем, а заунывной и нескончаемой гнусной моросью. Безмерное уныние безжизненного осеннего леса, неспособного служить надежным укрытием. Да еще эти чертовы наручники...

И, конечно, тот факт, что он по-прежнему ничего не мог вспомнить о себе. Это даже не пугало – это раздражало, да что там, откровенно злило. В конце концов, дело не только в его имени. Имя рано или поздно выяснится, когда они доберутся до своих, даже если он не сможет вспомнить сам. Да и вообще, что такое имя – всего лишь произвольный набор звуков, не имеющий никакого определяющего значения; на войне – по крайней мере, на такой, как эта – вообще редко пользуются реальными именами, предпочитая им позывные. Некоторые так привыкают к этому, что, когда потом на гражданке какой-нибудь знакомый из прежней штатской жизни обращается к ним по имени, не сразу понимают, о ком речь... "Игорь" в этом отношении – имя или позывной не хуже любого другого. Но вот то, что он знает – или, по крайней мере, знал! То, из-за чего его, вероятно, захватили и сохранили ему жизнь! Это может быть что-то чертовски важное и, самое главное, срочное! Секрет какой-нибудь стратегической операции, способной изменить положение на фронте, может, даже переломить ход войны. Или, допустим, какой-нибудь убийственный компромат на некую фигуру во вражеском руководстве. Или тайный сговор фидоров с западниками – увы, и такое нельзя исключать. Или какие-то финансовые схемы – деньги нужны войне не меньше, чем мясо, тоже известная истина... И вот вместо того, чтобы сообщить эту информацию, кому надо – или обезопасить ее от противника – он тут прохлаждается в лесочке, как какой-нибудь сраный турист! Утешает разве что то, что по крайней мере врагу теперь эти сведения не достанутся, даже если его снова захватят. Хотя и тут – черт его знает. Амнезия может пройти так же внезапно, как и возникла, особенно если этому содействовать разными средствами – не обязательно, кстати, паяльником, есть и всякие хитрые медикаменты... Хотя в паяльнике тоже приятного мало. Особенно когда ты в принципе не знаешь того, о чем тебя расспрашивают, и потому не можешь даже придумать достаточно убедительную ложь...

Он отчаянно пытался вспомнить, пробиться сквозь сплошную пелену тумана, но добился лишь того, что у него снова разболелась голова. От злости на собственную беспомощность он стиснул зубы, но велел себе успокоиться. Потеря сознания с последующей амнезией означает серьезное сотрясение мозга, по-хорошему ему сейчас надо пару недель отлеживаться в госпитале – причем отлеживаться в буквальном смысле! – а не по горам бегать. Его организм и

так справляется лучше, чем можно было ожидать.

Он постарался расслабиться и прикрыл глаза. Всего на несколько минут, не больше. Спать он пока что не имеет права – кто-то должен оставаться на карауле – но пусть утихнет головная боль. Думать о чем-нибудь спокойном и приятном. О тепле. О солнце...

Тепла не было. Было чертовски холодно. Холодный зимний день. Но солнце действительно светило с ярко-синего неба. Под крышами стыли блестящие бахромы сосулек, но вокруг лежали сугробы. Он шел по улице поселка, почти не расчищенной от снега. Шел не домой и не в школу, куда-то в другое место. Ему было девять лет.

На груди у него что-то шевелилось. Что-то живое и теплое; он держал это под курткой, придерживая руками. Щенок. Это был щенок. Опустив голову, он увидел острую собачью мордочку, высунувшуюся между пуговицами. Щенок доверчиво глядел на него круглыми карими глазами. Игорь (которого сейчас звали не Игорь) хотел погладить эту голову, но что-то ему мешало. Холодное, твердое, неприятное, мешавшее двигать руками. Наручники. Почему-то на запястьях у него были наручники. Сам по себе этот факт его не удивил, но он ужасно боялся, что кто-то увидит его в таком виде. Соседи подумают, что он преступник, и расскажут его родителям. И щенок. Щенка они тоже не должны видеть. Его нельзя показывать чужим. Лучше бы ему сидеть под курткой и не высовываться. Мальчик мягко, но решительно надавил на собачью голову, заправляя ее внутрь. Но щенку, как видно, надоело сидеть в душной темноте, и он протестующе зашевелился под одеждой – а затем вдруг вгрызся зубами в его правый бок, пронзая ребра кинжальной болью...

Рефлекс заставил его подавить вскрик; Игорь лишь резко вдохнул, одновременно распахивая глаза.

Солнце и снег исчезли. Над ним были бурые края ямы, раскоряченные и слепленные вместе землей корни рухнувшего дерева, подобные гигантскому поваленному набок зонту, а выше – унылое серое небо раннего осеннего утра. "Проспал! – со злостью подумал Игорь. – Проклятье!" Раньше – он не помнил этого, но был, тем не менее, уверен – такого безобразия с ним не случалось, и если он давал себе команду "проснуться через десять минут", то именно так и происходило. Единственное, что могло хотя бы отчасти его извинить – это, очевидно, последствия контузии...

Впрочем, похоже, на сей раз судьба предпочла не заметить его промах – ничего страшного за время его сна не случилось. В лесу было все так же тихо, даже ветер полностью иссяк. Елка безмятежно спала "валетом" к Игорю; во сне она машинально засунула ноги еще глубже в теплое нутро его куртки, так что теперь ее ступни оказались у него на груди. Очевидно, пошевелившись во сне, она задела его сломанные ребра – за что, впрочем, он был ей почти благодарен: неизвестно, сколько бы он еще продрых, раз уж его собственный внутренний будильник дал сбой.

Однако он был уверен, что сон, обрывки которого еще не успели выскользнуть из его памяти, не был всего лишь реакцией на прикосновения ее ног. Это было что-то реальное... какое-то воспоминание из далекого детства. Поселок, больше похожий на большую деревню, одноэтажные домики под серыми крышами, сугробы, в которых практически тонули невысокие штакетники... теперь он почти не сомневался, что когда-то ходил по этим улочкам, что родился и вырос вовсе не в большом городе. И щенок... щенок тоже был реальным, хотя Игорь и не мог вспомнить его имени (как и своего собственного, как и названия поселка). Кажется, в итоге с этим щенком случилось что-то плохое... наверное, родители (снова ни имен, ни лиц) не позволили его оставить и выставили беспомощного песика на мороз...

Больше он ничего не мог вспомнить. Остатки сна выветрились из памяти, как это чаще всего и бывает вскоре после пробуждения.

Игорь осторожно, не желая резко будить девушку (еще схватится за автомат спросонья!), сдвинулся назад и вытащил ее ноги из-под своей куртки. Его взгляд задержался на розовых

босых подошвах, и у него возникло детски-наивное желание их пощекотать. Впрочем, эти несерьезные мысли сразу улетучились, когда он разглядел на нежной коже пяток коричневые кружки. Никакие не мозоли – ожоги.

Вот же твари, подумал Игорь. Им мало было паяльника – они еще и прижигали ей пятки сигаретами. Одно слово – фидоры! А девчонка-то молодец. Пока он, крутой герой-вояка, ковылял на одной ноге, повисая у нее на плечах, она не подала ни малейшего намека, что ей тоже больно идти. Хотя, конечно, сигаретный ожог не такой страшный, как от паяльника, но все равно... Да и вообще, другая бы на ее месте после всего, что с ней сделали, неделю бы билась в истерике, а потом год лечилась от депрессии и всю жизнь вздрагивала от любого шороха (а от мужского голоса и подавно). А она топает себе вперед, как ни в чем не бывало, да еще его на себе тащит!

Еще вчера он думал о ней в сугубо прагматических категориях. Ему нужен проводник, чтобы выбраться отсюда, и он готов заботиться о ней и ее безопасности в той мере, в какой она способствует выполнению этой задачи. И если бы перед ним встал выбор – вступить в бой только для того, чтобы защитить ее, или безопасно уйти к своим, он без колебаний выбрал бы второе. На войне жертвы неизбежны, а он знает нечто важное (пусть и пока не может вспомнить, что именно) и не имеет права попусту рисковать. Но сейчас – держа в руках ее тонкие лодыжки, глядя на ее маленькие нежные ступни и в то же время понимая, какой сильный характер скрывается в этом хрупком теле – он вдруг понял, что больше не желает руководствоваться прежней логикой. Он не допустит, чтобы с ней снова случилось что-то плохое. Во всяком случае – сделает все, от него зависящее, чтобы не допустить.

Следы сигаретных ожогов вновь напомнили ему, как хочется курить, и он даже устыдился этой мысли. Хотя, конечно, чего тут стыдиться – один курильщик не отвечает за всех прочих... Дурацкая привычка, конечно, и все всё про это знают, но попробуй найди на войне некурящего солдата. Кто там первый придумал подсадить армию на курево – кто-то из германских монархов, кажется, а остальные бросились перенимать... вот, спрашивается, нафига? Вдуматься – глупость же несусветная. Про вред для здоровья тогда не знали, да и плевать всем королям и генералам, доживут ли их солдаты до старости (даже лучше, если не доживут – меньше пенсий платить) – но зачем своими руками создавать лишний расход и лишний артикул логистики? "Табачное довольствие..." Считается, что это успокаивает нервы. Ну, может, офисному планктону, боящемуся получить нагоняй от начальства за несданный вовремя отчет, и успокаивает. А когда живешь с постоянным осознанием, что можешь умереть в любой момент, и то же самое может произойти – и происходит! – с любым из твоих друзей, хрен там успокоит какая-то палочка с никотином. К такой жизни просто привыкаешь, и все.

Как и к самому куреву, да. И что особенно хреново – из-за того, что нечего курить, еще и жрать охота с удвоенной силой. Да плюс холод. Голод легко переносится, когда тепло, а холод – когда ты сыт. А тут одна проблема обостряет другую, а решить они сейчас не могут ни одну...

Елка, должно быть, почуяв холод, поджала пальчики на ногах, а затем вдруг выдернула лодыжки из рук Игоря и резко села. Ее рука тут же стиснула лежавший рядом автомат.

– Все в порядке, – улыбнулся Игорь.

Она зыркнула на него полным подозрения взглядом и сунула ноги в берцы – все еще мокрые и ледяные (что подтвердила ее недовольная гримаска).

– Который час? – спросила она.

– Где-то между шестью и семью, – определил он по количеству света.

– Нас не преследуют?

– Нет. Во всяком случае – не прямо здесь и сейчас.

"Самоуверенное заявление, – тут же отметил он про себя. – Ты еще даже из ямы не выглядывал." Ему представилось, как они выберутся наружу и увидят, что окружены довольно ухмыляющимися фидорами... впрочем, те бы, конечно, не стали ждать, пока они соизволят

проснуться.

– Почему ты не разбудил меня дежурить? – спросила она все так же сердито.

– Тебе надо было как следует выспаться, – слукавил он, хотя само по себе данное утверждение было правдой.

– А тебе что, не надо? Как ты теперь пойдешь? Я тебя сонного тащить не собираюсь.

– Ничего, я в порядке, – пробормотал он, стыдясь признаться, что тоже беззаботно проспал всю ночь, подвергая и ее, и себя смертельной опасности.

– А твоя нога? Сможешь идти?

Он осторожно поднялся, опираясь руками о земляную стену, затем попытался шагнуть. Лодыжка тут же отозвалась болью, сильной, но тупой, а не острой, что уже было хорошо. Но вылезать из ямы будет, пожалуй, не так уж просто. Травмированный голеностоп, сломанные ребра, да еще скованные руки – ну полный комплект для подобных упражнений!

– Ничего, разойдусь – будет легче, – сказал он вслух. – А как твои ожоги?

– Терпимо, – коротко буркнула Елка и прибавила: – И пожалуйста, не надо задавать мне вопросов из вежливости. Можно подумать, оттого, что ты спросишь, они пройдут.

– Ну ты же спросила меня про ногу, – улыбнулся Игорь.

– Потому что от твоей ноги зависит наша скорость. А от моих ожогов – нет.

– Не привык чувствовать себя слабым звеном, – усмехнулся он.

– Я тоже много к чему не привыкла. А теперь мне с этим жить.

– Елка, – вздохнул он, – а ты можешь быть не такой колючей?

– Тоже мне, остряк выискался, – проворчала она, тоже поднимаясь и вскидывая на плечо автомат. – Ладно, я к ручью. А ты тут посиди пока.

– Если понадобится на землю слезть – на том берегу это делай, чтоб следов тут...

– Да уж догадаюсь, – перебила Елка.

Он кивнул и снова сел на дно ямы, дабы она не подумала, что он собирается подглядывать за ее гигиеническими процедурами. А ведь это, подумалось ему, ее первая возможность хоть как-то помыться после всех этих насильников. В ледяном ручье глубиной по колено... И нет ни полотенца, ни чистого белья. И кстати вот еще что скверно – у нее нет носков, и нет лишней ткани, чтобы сделать хотя бы портянки. Мало того, что идти в ботинках на босу ногу сейчас холодно, особенно если выпадет снег, так они еще и будут болтаться на ногах из-за слишком большой разницы в размерах. Она сотрет ноги, да и спотыкаться будет...

А еще, снова подумал он, у них нет никакой еды, а конец ноября – не лучшее время, чтобы питаться дарами леса. И даже котелка или фляги для воды нет. Правда, есть оружие и патроны. Но патроны сами по себе грызть не будешь. Интересно, когда они вообще ели в последний раз? Игорь чувствовал себя готовым сожрать если не слона, то по крайней мере поросенка целиком, от пятачка до хвоста – а ведь его в плену, наверное, кормили, если он был нужен фидорам живым. Вряд ли шикарно, но уж какую-нибудь миску перловки с хлебом давали (даже этот нехитрый образ вызвал у него слюноотделение, как у пресловутой собаки этого, как его... – имя ученого не вспоминалось). А вот Елка, скорее всего, ничего не ела с позавчерашнего утра, с тех пор, как вышла из дома...

Почему она все-таки не захотела возвращаться на свой хутор? Пусть там уцелел единственный сарай, но ведь хоть какой-то скарб там имеется, раз она там жила. Хоть какие-то тряпки и припасы они могли там прихватить. Ну потеряли бы на этом, допустим, день, уж никак не больше – как далеко она могла забрести от своего жилья в поисках козы? Или, может быть, Елка рассчитывает быстрее добраться до какого-то другого места, где можно добыть необходимое и которое при этом им по дороге? Она сказала, что лес тянется на много километров – но "много" может означать и сто, и двадцать. Двадцать, конечно, даже по пересеченной местности можно преодолеть и без всяких припасов. Да и в лесу порой попадаются какие-нибудь сторожки...

Послышались легкие шаги по поваленному стволу, а затем над краем ямы появилась голова спрыгнувшей на землю Елки. Разумеется, без мыла и шампуня она не могла по-настоящему вымыть свои длинные волосы, но, видимо, все же постаралась хоть как-то ополоснуть их от всей скопившейся грязи, а потом – должно быть, чтобы не цеплялись за ветки – собрала их в хвост, перехватив куском изоленты, очевидно, оторванным от "рожков" ее автомата. В обеих руках девушка держала по полуторалитровой пластиковой бутылке с мутноватой водой.

– Откуда это? – удивился Игорь.

– Из леса, вестимо, – ответила Елка; похоже, ледяное умывание несколько улучшило ее настроение. – Плыли по ручью, застряли между ветками дерева. Да здравствует быдло, бросающее мусор, где ни попадя.

– А водой ты их наполнила?

– А кто еще – лесные феи? – она сунула одну бутылку в широкий наружный карман куртки и протянула вторую ему.

– Хорошо, – кивнул Игорь, беря бутыль. Меж тем его мочевой пузырь, терпеливо переждавший холодную ночь, теперь все настойчивей требовал своего. Ухватившись двумя руками за один из корней, Игорь неуклюже полез наверх, стараясь избегать боли в ребрах и упираясь в стенку ямы носком правой ноги и коленом левой.

– Помочь? – Елка, наклонившись, протянула руку.

– Сам справлюсь, – процедил он сквозь зубы. Без пронзающей боли в боку, конечно, не обошлось, но все-таки минуту спустя ему удалось выкарабкаться наверх, а затем и влезть на ствол. Игорь пополз на четвереньках к ручью, конфузливо бросив через плечо: "Теперь это... ты отвернись."

Вернувшись все тем же способом, он произнес полувопросительно:

– Насколько я понимаю, рыбы в этом ручье нет.

– Нет, конечно. Слишком мелкий... и замусоренный. Хотя сейчас почище, когда не осталось ни промышленности, ни туристов...

– То есть на завтрак можно не рассчитывать. Ну а чем, в таком случае, мы собираемся питаться?

– Найдем чего-нибудь, – пожала плечами Елка. – В лесу всегда можно найти что-то съедобное.

– Ты так говоришь, как будто сама не голодная, – проворчал он.

– Голодная, – спокойно ответила девушка. – А что, слова могут сделать меня сытой?

– Слова – вряд ли, – согласился он. – Но почему все-таки ты не хочешь сходить к себе на хутор? Наверняка мы могли бы взять там какие-то припасы.

– Опасно, – покачала головой Елка. – Открытая местность, не подойти скрытно. Кто угодно может заметить парня в наручниках с разукрашенной физиономией. Большинство местных, конечно, предпочтут просто не соваться не в свое дело – но если на тебя уже идет охота...

– Я мог бы подождать в лесу, пока ты сходишь за всем необходимым, – предложил он и тут же решил, что это была плохая идея. Что, если, оказавшись дома в пусть даже очень относительной безопасности и комфорте, она раздумает возвращаться и бросит его здесь?

– И оставить тебя одного без присмотра? – усмехнулась она. – Нет уж, сказала, что выведу, значит, выведу. Тем более что одинокая девчонка в камуфляже тоже привлекает ненужное внимание. Даже без автомата, но и автомат при таком раскладе – не гарантия. А вдвоем мы с тобой лучшая боевая единица, чем поодиночке.

– Ну тогда идем, не будем терять времени, – кивнул он и попытался было шагать вверх по склону самостоятельно, но Елка без церемоний закинула его руку себе на плечо, как накануне.

– Когда перестанешь хромать, тогда и будешь демонстрировать, какой ты крутой, – пробурчала она.

Они не полезли прямо вверх по крутому склону, а стали подниматься по диагонали. Идти все равно было тяжело, но, по крайней мере, это не давало им мерзнуть. Несколько раз Игорь останавливался и принимался разглядывать холм, с которого они спустились накануне, но так и не увидел ничего примечательного за деревьями. Возможно, будь у него бинокль... но что толку рассуждать об отсутствующих возможностях. Быть может, конечно, никакой погони и нет, по крайней мере, в этом направлении. Обследовав пожарище, вертолет вернулся на базу вместе со всеми, кто был на борту... Хотя, кстати, даже если и так, это не повод расслабляться – задача могла быть передана дислоцированным в этом районе наземным группировкам. В том числе и тем, что способны перерезать им путь спереди...

Наконец они поднялись выше вершины первого холма и позади нее, в сизой дымке, вновь увидели развалины города и закопченные руины завода. Кажется, оттуда до сих пор еще сочился дымок, но с такого расстояния Игорь не мог сказать с уверенностью.

– Смотри! – Елка вдруг дернула его за рукав, указывая вниз.

Он всмотрелся и увидел пятнистую фигурку, переправлявшуюся через ручей. Затем еще одну. И еще. И еще...

Похоже, как он опасался, они возобновили поиски на рассвете. И таки взяли правильное направление, хотя собак у них и не было. Но понятно, что следов на сырой земле беглецы оставили достаточно даже для несовершенных человеческих глаз – по крайней мере, когда ломились вниз бегом, продираясь через кусты. Небось, подумал Игорь мрачно, там на колючках до сих пор висят клочки моего камуфляжа...

– Ну что ж – по крайней мере, теперь мы твердо знаем, что за ними действительно охотятся. Это не паранойя, – сказал он вслух. – А поскольку они знают о нас и знают, что мы выжили, то, скорее всего, выжил и Дракула, как тебе ни неприятно это слышать. Возможно, именно он их и ведет. Может, не как командир, а как проводник, но тем не менее.

– Мы сможем оторваться? – голос девушки звучал озабоченно, но отнюдь не панически.

– Форы у нас где-то два часа. Но скорость у них, конечно, выше, даже если они идут в полной выкладке.

– Предложишь мне бросить тебя и спасаться одной? – усмехнулась Елка.

– Нет, к чему этот опереточный пафос... Хороший солдат должен думать не как героически умереть, а как сделать так, чтобы героически умерли его враги. Если бы они шли четко по нашим следам, шансов было бы немного. Но ты же видишь, где они переходят ручей? Ниже по течению. До дерева они не дошли. Что-то погнало их на другой берег раньше.

– Что, интересно?

– Откуда мне знать, – пожал плечами Игорь. – Может, заметили чьи-то еще следы. Мало ли кто здесь мог ошиваться. Хотя возможно, конечно, что они вообще ищут вслепую. Но я бы особо на это не рассчитывал.

– Я бы тоже, – серьезно согласилась Елка.

У Игоря едва не вырвалась шпилька, что он очень ценит ее мнение как военного эксперта, но он заставил себя сдержаться. В конце концов, пока что именно она спасает его, а не наоборот. Притом, что она могла бы действительно бросить его и уходить налегке. Она им не нужна. То есть, конечно, если она попадет к ним в руки, ничего хорошего ее не ждет, даже если охотники – кадровые военные из фидорского спецназа, а не банда отморозков-"добровольцев", какой командовал Дракула. Но специально гоняться за ней по горам и лесам они не будут. Их цель – он.

– Где находится вершина этого... холма или горы, уж не знаю? – спросил он вслух.

– Там, – Елка махнула вверх и влево от направления их подъема. – Там еще радиомачта была, но ее взорвали давно.

Игорь мысленно соединил линией место, где переправлялись вражеские бойцы, с невидимой за деревьями вершиной.

– Скорее всего, они поднимаются туда, – решил он. – Будут осматривать оттуда окрестности. Не покажется ли где дымок от костра и все такое. Насколько хороший оттуда обзор вдоль гребня?

– Хм, – еще более помрачнела Елка. – Вообще-то там проходит широкая прямая просека. Как раз по гребню. Так что, если они заберутся туда раньше нас, то, где бы мы ее ни пересекли, они нас увидят. С вершины как раз хоть налево, хоть направо смотри...

– Ясно, – кивнул Игорь, – потому, небось, они туда и полезли. Как по-твоему, успеем мы проскочить? Мы поднимаемся по диагонали, они прямо – это короче, но тяжелее, но они в лучшей форме...

– Не знаю, – покачала головой Елка. – Может, да, а может, и нет. Им, конечно, с самого низа карабкаться, но у них с ногами все в порядке, и ботинки нужного размера...

– Угу... – согласился он, снова глядя в сторону ручья. Там уже никого не было, но Игорь продолжал внимательно всматриваться. – Я насчитал шестерых, а ты?

– Семеро. Седьмой был уже на нашем берегу, когда я их увидела. Но не факт, что он шел самым первым.

– То есть их может быть и больше, – кивнул Игорь. – Хотя я бы на их месте... ага! Вон, видишь? – он указал руками вниз, в сторону ручья, но несколько ближе к ним.

– Ничего не вижу, – призналась Елка. – Что там?

– Вторая группа, как я и думал. Первая полезла на холм, а вторая идет дальше вверх по течению ручья. Возможно, есть еще и третья, идущая вниз по течению, но эти нам пока что не интересны...

– Где? – нетерпеливо переспросила девушка. – Я вижу только кусты и деревья.

– Им нет нужды мочить ноги, они идут по другому берегу под прикрытием растительности. Но видишь, там кружатся две вороны? А может, галки, с такого расстояния не определить... Они только что взлетели из подлеска. Их кто-то спугнул.

– Не факт, что это именно фидоры.

– Ну конечно, – усмехнулся он. – Кто-то просто решил устроить пикник в это время и в этом месте.

– Может, олень какой-нибудь. Они здесь водятся.

– Может, – согласился Игорь. – Но нам лучше ошибиться, приняв оленя за фидоров, чем наоборот. Что там? – он указал руками вдоль по склону, в том направлении, под острым углом к которому они поднимались, и в котором, предположительно, двигалась вторая группа. – Я так понимаю, этот холм – что-то вроде длинного гребня... на сколько он тянется?

– Километра на три в ту сторону. Потом сходит вниз, довольно круто, и там дорога между этим холмом и следующим. На ней, в самом узком месте – блокпост.

– Ну это само собой... Круто, говоришь? Я так понимаю, этот крутой склон прикроет нас от наблюдателей с вершины холма, а блокпост мы обойдем поверху. Это реально? Не отвесный же там обрыв?

– Не то чтобы обрыв, но с твоей ногой... не знаю, – с сомнением произнесла Елка. – И перебираться придется практически у них на глазах, тот склон почти голый. Достаточно кому-то голову вверх задрать...

– Идеального выхода отсюда нет по-любому, – пожал плечами Игорь. – Нас могут засечь, когда мы будем переходить либо просеку сверху, либо ручей снизу, либо склон над блокпостом. Но блок, по крайней мере, мы имеем шанс заметить раньше, чем они нас, и понаблюдать за ситуацией. Не очень радует, если к тамошним, как ты говоришь, опущенцам присоединится вторая группа – те-то наверняка профи... но соревноваться с ними в скорости мы не можем. Значит, нам нельзя оставлять их позади, давая шанс сесть на хвост. Пусть они убегут вперед, а

мы останемся сзади. Возможно, и проскочим, когда они утратят бдительность.

– Никого не найдя, они могут развернуться, – возразила девушка.

– Могут. И дополнительные силы для прочесывания организовать могут, раз эта территория фактически ихняя... Но тут уж как повезет. Остается надеяться, что ополченцы – слабое звено, а того, что мы сунемся чуть ли не прямо на блокпост, от нас как раз и не ожидают...

Елка на миг задумалась, что-то прикидывая.

– Тех, что лезут вверх, мы вряд ли перегоним, но тех, что внизу – можем, – сказала она. – Если ты сумеешь спускаться достаточно быстро. Там впереди такой, типа отрога... ну, короче, склон образует такой бугор, им вокруг него придется, а мы через верх, мы уже выше него. Спустимся еще до того, как они его обогнут...

– Зачем? – перебил Игорь. – Говорю же, нам не надо оказываться впереди их, на ровной местности они нас догонят так же, как и на подъеме.

– Чтобы увести их по ложному следу. Если мы спустимся спиной вперед. Они увидят следы и полезут на холм, а мы в это время уже спокойно уйдем дальше по ручью.

– По-моему, – усмехнулся Игорь, – ты в детстве перечитала ...этого, как его, про индейцев писал который... следопыты там всякие...

– Если у индейцев такие трюки работали, почему у нас не должны?

– Потому что все эти... писатели строчили свои романы, не выходя из кабинета. Никто их них не был на настоящей войне, в лучшем случае слышали чьи-то байки.

– Сам же говорил, чтоб мы из ручья вылезали, не оставляя следов!

– Одно дело – перелезть по дереву пятачок влажной грязи на видном месте, а другое... Бегать по склонам спиной вперед я точно не собираюсь, не в нынешнем состоянии. Так что, если ты не знаешь какого-нибудь тайного лаза на ту сторону холма, мы пойдем, как я сказал – не вверх и не вниз, а вдоль склона на одном уровне, чтобы обойти блокпост поверху.

Он ожидал, что она станет ерепениться и настаивать на своей "гениальной военной хитрости", но Елка лишь мрачно буркнула: "Ладно, пошли".

Идти по наклонной поверхности – последнее, чего может желать человек с растяжением лодыжки, так что Игорю вновь приходилось ковылять, опираясь на Елку – но та не жаловалась и, казалось, так и рвалась вперед, хоть он и объяснил ей, что им нет нужды соревноваться в скорости с противником. В конце концов, однако, она остановилась, переводя дыхание, и решительно сняла его руки со своего плеча. "Хорошо, передохнем", – кивнул Игорь, морщась от боли в ноге, и достал из кармана свою бутылку с водой. Елка тоже сделала несколько глотков из своих припасов, а затем сказала:

– Вот он под нами, этот отрог, видишь? Ты тут посиди пока, а все-таки вниз сбегаю одна налегке.

– Да брось ты эту идею со следами, – поморщился он. – Только привлечешь к нам лишнее внимание. Сейчас они вообще не знают, в какую сторону мы ушли.

– Не буду привлекать. Просто хочу взглянуть на них поближе. Нам же важно знать, сколько их и как вооружены?

– Такими же "калашами", как еще, – он кивнул на ее оружие. – Брось, попадешься. А если ты удумала перестрелять их из засады, выкинь это из головы. Не факт, что хоть в одного попадешь, а нам только пальбы не хватало, на которую все сбегутся.

– Не попадусь, – помотала головой Елка. – И стрелять не буду. Просто посмотрю тихонько.

– Они профи, девочка, а не грибники на прогулке. И не быдло ополченское. По крайней мере, я так думаю.

– Вот я хочу не "думать", а знать. А может, там и вовсе никого нет. Может, это и правда олень был. Ладно, ты отдыхай, а я пошла. Не волнуйся, я аккуратно.

– Аккуратная нашлась! – рассердился Игорь. – До тебя что, до сих пор не дошло, с кем ты имеешь дело? Тебя уже целым отрядом оттрахали – мало? Еще хочешь?

Это было явно лишнее. Лицо Елки мигом окаменело, а кулаки сжались.

– Если ты еще хоть раз скажешь подобное... – процедила она.

– Ладно, извини, – буркнул он. – Это я без курева злой. И без жрачки тоже. Но я правда не хочу, чтоб ты лезла на рожон без необходимости.

– Уже полезла, когда с тобой связалась, – криво усмехнулась она.

– Вот раз уж связалась – я не хочу остаться без проводника. А если они тебя поймают, еще и заставят рассказать про меня.

– Так бы сразу и говорил, что за свою шкуру беспокоишься. А не строил из себя заботливого папашу.

– Ну если ты веришь только в такие мотивы, пусть будет так.

– Было, знаешь ли, кому научить, во что верить, – она поправила автомат на плече и шагнула назад, словно опасаясь, что он может схватить ее за руку и удержать силой. – Ладно, мы спорим дольше. Мы договорились, что ты делаешь то, что говорю я – забыл уже? Жди здесь, – она развернулась и быстро пошла вниз (нормальным образом, а не спиной вперед).

– Елка! – окликнул Игорь.

– Ну что еще? – она обернулась, недовольно глядя на него с расстояния в пару метров.

– Хотя бы одно можешь мне обещать? Если вдруг увидишь в том отряде Дракулу – все равно не стреляй. Даже если попадешь, с остальными тебе не справиться. Погубишь нас обоих. Оно того не стоит. С ним позже разберутся... кто надо.

– Об этом можешь не беспокоиться, – нехорошо улыбнулась девушка. – Смерть от пули была бы для него слишком легкой участью.

Фигурка в камуфляже быстро затерялась между деревьями. Игорь неуклюже плюхнулся задом на сырую холодную землю. (Чертовски много привычных вещей делаешь неуклюже, когда у тебя болят лодыжка и ребра, а на запястьях наручники. Подтирать задницу, к примеру, тоже будет неудобно – впрочем, пока такой необходимости не было, по причине отсутствия еды.) Здесь, в старом лесу, где летом даже в ясные дни солнце почти не пробивалось сквозь кроны, не росло даже нормальной травы, так что земля представляла собой по большей части мокрую бурую грязь, присыпанную черной гниющей листвой этого и прошлого годов, с отдельными вкраплениями пропитанного влагой мха и валявшимися кое-где тонкими обломанными ветками. В некоторых местах из земли выпирали корни, покрытые белесыми пятнами лишайника; такие же пятна виднелись и на шершавой коре деревьев у земли. Здесь, наверное, и летом было не так уж приятно, а теперь от всей этой картины веяло совершенно безнадежным унынием. Нет, конечно, если оборудовать здесь нормальный блиндаж с печкой, то вполне даже можно жить... Но у них нет ни блиндажа, ни даже простой туристической палатки. Хреново, если опять придется ночевать под открытым небом. Впрочем, до ночи надо еще дожить...

Что, если Елка все-таки нарвется? Тоже мне, разведчица выискалась, как могла бы сказать она сама... Зря он, конечно, ее отпустил, но что было делать – не пытаться же и в самом деле удержать ее силой! Пока он от нее зависит, она все равно будет делать так, как считает нужным, это он уже понял. И теперь он каждую секунду ожидал услышать стрельбу внизу... но даже это было бы еще не самое худшее. Хуже, если ее возьмут прежде, чем она успеет воспользоваться оружием. И тогда он ничего не узнает, пока не станет слишком поздно. Пока его спокойно и без шума не окружат прямо здесь. В том, что она расколется, он не сомневался. Помимо паяльника, существует и немало других способов заставить человека заговорить – в том числе и применимых в походно-полевых условиях. А несгибаемые герои бывают только в книжках.

"Оно того не стоит", сказал он ей. Вообще-то это неправда – если бы ей и в самом деле

удалось убить Дракулу. Жизнь одного из самых прославленных (неважно, насколько заслуженно) полевых командиров противника в обмен на жизнь никому не известной девчонки – это, на самом деле, очень даже стоящая сделка. С военной, естественно, точки зрения – которая только одна и должна иметь значение для профессионала... "Ну пусть меня судят за то, что я ей это отсоветовал", – усмехнулся про себя Игорь. К тому же у нее бы все равно ничего не вышло – надежность у "калашей" хорошая, но меткость так себе, даже в руках у настоящего солдата. А у девчонки, которая за всю свою жизнь стреляла в лучшем случае из мелкашки в тире, все пули просто уйдут в небо, и все. Правильно он сказал – она бы просто подставила их обоих...

А какова, кстати, его собственная ценность на этих весах? Выше или ниже, чем у Дракулы? Могут ли фидоры, к примеру, пожертвовать даже и Дракулой, чтобы захватить его? Да фактически они уже это сделали, когда весь отряд Дракулы погиб под бомбежкой, выполняя это задание – хотя, конечно, это могло быть и просто совпадение, которые столь часто случаются на войне... Что же все-таки такое он знает – или, по крайней мере, должен знать? И не подобает ли ему, как примерному патриоту, покончить с собой, лишь бы снова не попасть в руки противника? Конечно, только если ситуация станет по-настоящему безнадежной – пистолет у него, во всяком случае, есть... вот только в безнадежной ситуации не всегда успеваешь им воспользоваться. И, кстати, тут не только в патриотизме дело. До сих пор его по-настоящему не пытали, но если он не расскажет того, что им надо... если даже не сможет это вспомнить – во что они, конечно же, не поверят... Тут, впрочем, еще вопрос, какого типа эта информация. Это может быть некая тайна своих, которая не должна достаться фидорам. А может быть, наоборот, тайна фидоров, которую необходимо донести до своих. И во втором случае даже самоубийство не может быть выходом. А у своих, если он так и не вспомнит сам, есть средства получше паяльника. Какие-нибудь современные таблетки, гипноз, наконец...

Хотя – если он, допустим, разведчик, укравший фидорский секрет, почему его все-таки не грохнули, когда поймали? Хотели узнать масштабы утечки? Каналы, по которым она произошла? Обменять на кого-то важного из фидоров? Сейчас гадать бессмысленно. Надо исходить из того, что ни плен, ни даже смерть для него – не варианты. Он должен добраться к своим живым

Чем бы – и кем бы – не пришлось ради этого пожертвовать.

Что-то холодное капнуло ему на щеку. Мелькнула мысль о наглой птице, но ее опровергли следующие капли. Ну вот, только этого не хватало – уж лучше бы птица... Хотя из обложивших все небо низких серых туч рано или поздно должно было политься.

Игорь беспомощно оглянулся по сторонам, заранее зная, что не найдет никакого укрытия. Голые ветви деревьев, на которых не осталось ни листика, совершенно не защищали от дождя. Все же он передвинулся к ближайшему толстому стволу и привалился к нему спиной, подтянув колени к груди. Дождь не был сильным (во всяком случае, пока), но, похоже, грозил зарядить надолго – типичная осенняя мерзость. И ведь даже когда она кончится, погреться и обсушиться будет негде...

Ладно, сказал он себе. Уж лучше здесь, чем под непромокаемой крышей фидорской пыточной тюрьмы.

Время шло. Стрельбы или каких-то иных подозрительных звуков не было, лишь уныло шуршал дождь, но Елка все не возвращалась. Игорь задумался, сколько времени ему следует ждать ее здесь. Как-то сумбурно все это вышло с ее идеей сходить на разведку – не оговорили ни сроки, ни альтернативные места встречи... впрочем, и не могли оговорить. Часов нет, карты тоже, как и средств связи, местности он не знает. Поэтому идея, например, перебраться в другую точку и оттуда наблюдать, вернется ли Елка одна или... с сопровождающими, тоже не годится – даже если у нее все в порядке, они могут попросту разминуться, вздумай она вернуться другим путем. Им ведь даже громко звать друг друга нельзя... Теоретический

крайний срок – до темноты, но это уж слишком крайний. Если она попадется (уже попалась?), то фидоры наверняка заявятся сюда раньше. Не исключен, кстати, даже и вариант, когда враги – если это действительно профи в охоте на людей – не станут хватать и допрашивать девчонку, чтобы избежать шума и не спугнуть основную дичь, а попросту незаметно проследят за ней, когда она будет возвращаться, уверенная, что осталась незамеченной... И не пора ли все-таки уходить, пока еще не поздно? Проклятая погода, время даже по солнцу не определишь... А может, кстати, девчонка просто нашла какое-нибудь укрытие и решила "переждать там дождик" – который, кстати, легко может затянуться на сутки или больше – совершенно не заботясь о том, что человек, который ее тут дожидается – это вовсе не одноклассник, которого можно "продинамить", не придя вовремя на свидание? Что тут, черт побери, все куда серьезнее? Даже после того, что она пережила недавно, до нее, возможно, это все еще не дошло... Семнадцать лет, что она понимает? Даже если она уже усвоила, на что способны враги, он-то – свой, "подождет – не развалится"...

Внезапно Игорь – не увидел, не услышал, но, скорее, что-то почувствовал у себя за спиной. Движение воздуха, запах пота и сырой ткани, изменившийся звук капель – на чем там строится интуиция опытного солдата? Но отреагировать он уже не успел. Холодная рука, протянувшаяся сзади, с силой зажала ему рот и нос, прижимая затылком к коре дерева. Игорь отчаянно дернулся руками к кобуре, понимая, что ему перережут горло или свернут шею раньше, чем он успеет выхватить оружие – хотя, если он все же нужен им живым...

– Шшш, тихо! – услышал он над ухом знакомый насмешливый голос, и маленькая холодная ладонь соскользнула с его лица.

– Они рядом? – прошептал он, тут же сориентировавшись.

– Нет. Все спокойно, – Елка вышла из-за его спины вперед, довольно ухмыляясь. Ее камуфляж был в пятнах свежей грязи – не иначе, где-то ей приходилось залечь или пробираться ползком. – Просто хотела тебе продемонстрировать, что я отвечаю за свои слова и, когда надо, действительно могу подобраться аккуратно.

– Что за идиотские шутки?! – разозлился он. – Вот пальнул бы в тебя сейчас...

– Не пальнул бы, – безапелляционно заявила девушка. – Извини, если напугала, но, надеюсь, в следующий раз ты будешь лучше думать, что говоришь.

– Обидчивая какая, – проворчал он, еле вспомнив, какие его слова, произнесенные несколько часов назад, спровоцировали эту мелкую месть. – Я, вообще-то, извинился.

– Я тоже, – осклабилась Елка.

– И, между прочим, если бы не дождь, ничего бы у тебя не вышло. Его шум заглушает звуки, а мокрые листья не хрустят под ногами.

– Я это учла. В смысле, что дождь. Так ты хочешь препираться или хочешь узнать, что я разведала?

– Ты видела их?

– Да. Их человек восемь – точнее не могу сказать, подбираться ближе было опасно. Дракулу не видела. Хорошо разглядела троих. Экипировка стандартная для десантуры, то есть это не опущенцы местные, тут ты был прав...

– Ты в таких деталях разбираешься?

– Поживи пару лет во фронтовой зоне, и не в таком разбираться будешь. Тут сейчас любая бабка калибр миномета на слух определяет. Так вот – самое интересное не это. Я почему задержалась – смотрела, куда они дальше пойдут. Так на блокпост они не пошли. Повернули обратно, не доходя. Так что если бы мы, как ты предлагал, позади них топали, то прямо нос к носу бы и встретились.

– Я не имел в виду, что мы должны идти точно по их следам. Просто дать им уйти вперед и ловить нас там, где нас нет.

– Так вот они идут назад. По крайней мере, эти. Про тех, что полезли на холм, не знаю.

– Интересно, с чего бы, – пробормотал Игорь. – Впечатление, что они не хотели светиться на блоке – но с чего бы вдруг, если опущенцы на их стороне?

– Они мне не докладывали, – с усмешкой пожала плечами Елка. – Вообще настоящие фидоры опущенцам не доверяют. Предателей никто не ценит, шлак он и есть шлак. Может, тут какие-то тайны, которые местным знать не положено – но это тебе лучше знать, когда вспомнишь, конечно... Но это, конечно, не значит, что тебе стоит опущенцам в руки попадать. Фидорам ты зачем-то живой нужен, а эти грохнут просто ради развлечения.

– Угу, – согласился Игорь, – но если они по блокпостам ориентировку на меня не разослали, то это несколько облегчает ситуацию. Хотя скорее все же разослали, или разошлют еще, когда поймут, что не взяли по горячим следам. Уже как минимум чтоб случайно не грохнули... Ну ладно, если эти развернулись – хорошо, но мы ведь назад к городу не пойдем?

– Нечего нам там делать, – подтвердила Елка. – Уходить надо тут, через лес и горы. На открытой местности нам без шансов.

– Значит, план прежний – обойдем блок поверху, – он поднялся.

– Погоди, – буркнула Елка. – Это ты тут прохлаждался, а я вверх-вниз по горам... малость передохнуть надо.

– Да, конечно, – смутился Игорь. В самом деле, она ведь не машина – тем более, третий день без еды...

Он снова сел на землю, прислонившись спиной к дереву. Елка сделала то же самое с другой стороны ствола – ну да, оптимальная позиция, обеспечивающая им обзор на 360 градусов...

– Автомат опусти так, чтоб вода в ствол не натекала, – посоветовал он ей.

– Да уж догадалась... – буркнула девушка. – Чертов дождь, вот ведь некстати.

– Бывают вещи и похуже дождя, – заметил Игорь.

– Ну да. "Град", например, – невесело скаламбурила она.

– Не только. Снег.

– Да уж лучше снег, он хотя бы под одежду не заливается, – проворчала Елка.

– Зато на нем следы остаются нагляднее некуда. А когда его много, по нему еще идти тяжело.

– Тоже верно. Не лучшее мы выбрали время, чтобы бегать от врагов, – насмешливо констатировала она. – Хотя – когда вообще лучшее время для войны? Летом в жару в полной выкладке тоже кайфа мало... уж ты-то знаешь.

– Солдатам приходится думать не о комфорте.

– Уж лучше бы люди больше думали о комфорте. Тогда бы им не пришла в голову такая глупость, как воевать!

– Когда враг нападает на твою землю, выбирать не приходится. Ты ведь сама не жалуешь тех, кто под фидоров прогнулся.

– Так я о том и говорю, что враг – дурак. Мало того, что сволочь, так еще и дурак, который себе же хуже делает. Что, фидорам земли, что ли, мало? Знаешь такую страну – Бангладеш? 170 миллионов человек. Территория – пятачок крохотный, едва на карте найдешь. И ничего, не бухтят. А у фидоров сколько на каждого?! Отпустили бы нас с миром, и всем было бы хорошо. Мы бы с ними даже торговали к взаимной выгоде. Туристический бизнес опять же. Так ведь нет. Фидорам не надо, чтоб выгодно. Им надо непременно опустить, принудить, унизить. Целая нация насильников, блин. Выродки. Все они выродки, не только такие, как Дракула и те, кто ему приказы отдает. Девяносто шесть процентов их эту войну поддержало, по опросам. Девяносто, блин, шесть процентов.

Елка помолчала, словно ожидая, не станет ли Игорь возражать, но, не дождавшись ответа, продолжила: – И что в итоге? Их поганая Федерация разваливается на куски. Они-то думали – если нас задавят, то всех напугают, и от них уже никто бежать не осмелится. Ну и

добились своего – напугали, да! Так, что все от них рванули в ужасе. НАТО им не нравилось? Вот будет им теперь НАТО со всех сторон. Величия долбаного хотели, понтов на мировой арене? Вот их теперь обложили санкциями, презирают и клянут во всем мире, и еще будут судить за преступления против человечества, можешь не сомневаться. А что нас они не хотели отпускать, так не просто потеряли, а теперь мы их враги навсегда. Навсегда, понимаешь? Никогда уже между нами не то что дружбы-братства, а и мира уже не будет. То есть какие-то формальные бумажки, конечно, подпишут – после того, как мы вышибем их со всех наших земель, и им придется признать нашу независимость. Но как по-твоему – я когда-нибудь прощу им то, что со мной сделали? А сколько теперь таких же, как я – и сколько еще будет, пока мы их не разобьем? И с нашим поколением это не кончится. Мы и каждое следующее учить будем – никогда, никогда, никогда не прощайте этих тварей, не верьте им, не заключайте с ними никаких договоров, не покупайте у них даже спичечного коробка! Разве только для того, чтобы их же поджечь. И не мочитесь на них, когда они будут гореть.

– Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, – произнес Игорь, – но все когда-нибудь слабеет, даже ненависть.

– Если моя ненависть когда-нибудь ослабеет, мне достаточно будет просто взглянуть на собственную грудь. Хотя не думаю, что мне это понадобится. У меня хорошая память. Лучше, чем хотелось бы некоторым.

– А вот я, как видно, забыл всех, кому мне следовало бы мстить, – невесело усмехнулся Игорь. – И не уверен, что хочу их вспоминать.

– Могу подсказать, – откликнулась Елка. – Любой фидор. Конкретные фамилии не важны.

– Вот и им, небось, про нас то же самое говорят

– Не мы начали эту войну.

– А им говорят, что мы. Мы же отделились.

– Не мы начали убивать! Не прикидывайся идиотом, который этого не понимает. Ты на чьей стороне вообще?

– На нашей, – вновь усмехнулся он. – Просто я солдат, а не проповедник. Для того, чтобы убивать врага, мне не требуется верить, что он – Абсолютное Зло. Мне вполне достаточно, что он враг.

– Значит, пойдешь убивать, кого прикажут? Не задумываясь, за правое дело или нет?

– Что для одного правое, для другого, стоящего напротив – левое, – скаламбурил Игорь. – Не бывает Абсолютного Добра и единой справедливости для всех. Надо просто выбрать свою сторону и служить ей. А проблемы другой стороны – это уже не твои проблемы.

– Очаровательная позиция, – хмыкнула Елка.

– Ее плюс хотя бы в том, что она абсолютно устойчива к пропаганде, – констатировал он. – Враги могут пускать в ход какие угодно аргументы, доказывая, что правы они, а не мы. А мне попросту нет до этого дела. Я убиваю врагов не потому, что они не правы, а потому, что они враги. Потому, что они не на нашей стороне. Вот и вся логика и мораль. А если каждый раз задумываться, что противника, в которого я стреляю, дома ждут жена и дети – войну не выиграешь. Точнее – если горевать из-за этого.

– Ты только что сказал, что хотел бы не помнить тех, кому должен отомстить. Значит, ты не такая бесчувственная машина?

– Да, личные чувства накапливаются у всех, кто воюет, но, на самом деле, хорошему солдату они только мешают. С каким бы знаком они ни были – хоть жалость, хоть ненависть... Война – это работа, и лучше всего ее делает тот, кто работает спокойно, как на учениях. Как при стрельбе по мишеням. Разве к мишеням испытываешь какие-то чувства? Никаких, кроме желания поразить их. Но это не ненависть – это просто желание поразить мишень.

– Я... мне доводилось общаться с нашими добровольцами, – откликнулась Елка. – Они

рассуждают совсем по-другому. Они борцы за свободу, а не хладнокровные убийцы!

– Не понимаю, почему одно должно исключать другое, – пожал плечами Игорь. – А молодая горячность – это да, это дело известное. Но такие, к сожалению, обычно погибают в первых же боях.

Какое-то время они сидели молча. Дождь то слегка ослабевал, то возобновлялся с прежней силой. Холодные капли стучали по голове, противно стекали за шиворот, добирались до кожи сквозь прорехи в одежде.

– Надо идти, пока не стемнело, – сказал в конце концов Игорь.

– Не думаешь, что в темноте нам будет легче миновать блокпост?

– Думаю, что в темноте нам будет легче нарваться на растяжку.

– Хм, логично, – согласилась Елка. – Думаешь, они там есть?

– Если блок ставили не полные лохи, склоны над ним наверняка заминированы.

– И ты хочешь там идти?!

– Если знать, куда смотреть и на что обращать внимание, пройти можно.

– Ты что – сапер?

– Нет... кажется. Обезвреживать профессионально поставленные мины я не умею – по крайней мере, не помню, чтоб я такое умел. Но там, скорее всего, любительшина, – хотя она-то как раз опасна своей непредсказуемостью, подумал он про себя, но озвучивать это не стал. – Растяжки обычные. Просто под ноги смотреть надо, и все.

– "Скорее всего", говоришь? – с сомнением переспросила Елка. – Может, лучше все-таки через верх, через просеку? Ночью если...

– А кто тебе сказал, что там не заминировано? Здесь-то, просто посреди леса, ставить такое смысла нет – во-первых, мало кто ходит, во-вторых, если кто и пойдет, это может оказаться свой с тем же успехом, что и чужой. А на всяких выделяющихся рубежах – очень даже запросто.

– Да уж, утешает. Ну ладно, пошли.

Они вновь зашагали по склону среди деревьев, не поднимаясь и не спускаясь; Игорю по-прежнему приходилось опираться на девушку. Из-за проклятого дождя, вдобавок к прочим его прелестям, месиво из грязи, гнилой листвы и мха под ногами сделалось скользким, и Игорю приходилось идти с особой осторожностью, чтобы не подвернуть заново уже поврежденную – или, напротив, здоровую – ногу. Елка тоже шагала уже без прежней бодрости и несколько раз спотыкалась в своих чересчур больших ботинках. Один раз, перебираясь через бегущий вниз по склону мутный ручеек, они чуть не грохнулись оба, но все же совместными усилиями сумели устоять на ногах, хотя у Игоря перехватило дыхание от резкой боли в сломанных ребрах. Три километра пути, казалось, растягиваются на все десять. В лесу, похоже, уже начинало темнеть, и Игорь со злостью подумал, что ошибся в расчетах – надо было тронуться в путь раньше. Но склон все заметнее заворачивал влево, одновременно становясь круче, и впереди между деревьями замаячил широкий просвет.

– Почти пришли, – подтвердила Елка. – Постой тут, я гляну, как там впереди.

– Про растяжки не забывай, – напомнил Игорь, снимая руки с ее плеча. – Под ноги внимательно смотри. И вообще, любой бугорок или взрыхленная земля...

– Знаю, – коротко буркнула девушка и осторожными, практически беззвучными шагами двинулась вперед.

На границе открытого пространства она пригнулась, затем и вовсе легла на землю и проползла еще пару метров. Некоторое время она лежала, очевидно, разглядывая блокпост внизу. Затем чуть отползла назад и дважды махнула Игорю широким загребающим движением – "давай сюда".

Стараясь двигаться столь же аккуратно (насколько позволяла его нога), он подобрался к ней и опустился на землю рядом, упираясь в грязь локтями и морщась от боли в ребрах.

Отсюда открывался вид на "торец" холма – то место, где его поверхность круто заворачивала на обратную сторону. Крутизна склона здесь действительно сильно возрастала, и грунт, регулярно смываемый дождями, плохо держался, во многих местах обнажая темно-серую каменную основу. Очевидно, поэтому здесь не росли деревья – лишь трава, ныне совершенно пожухлая, и невысокие кустики отдельными группами (кажется, шиповник, или, во всяком случае, что-то колючее, определил Игорь, приглядываясь к ближайшим таким кустам). Три-четыре упрямых деревца все же тянули вверх свои пока еще тонкие стволы, но их дальнейшую судьбу можно было понять, взглянув вниз, где валялся корнями вверх более крупный ствол, упираясь переломанной верхушкой в верхнюю часть бетонной облицовки, одевшей нижнюю, практически отвесную часть холма над дорогой (вполне вероятно – срытую искусственно); высота этой стены была около шести метров. Дорога, узкое шоссе (одна полоса в каждую сторону), протискивалась между этим холмом и соседним, выглядевшим почти как зеркальное отражение своего собрата. В самом узком месте между холмами левая, ближняя к беглецам обочина была бетонирована до самой стены, а там, где бетон кончался вертикальным срезом, перпендикулярным дороге, из широкой трубы в этом срезе с шумом изливалась вода, давая начало (или, возможно, продолжение) уже знакомому ручью. Обычно, вероятно, поток лишь струился по дну трубы, но сейчас из-за дождя хлестал сильнее, образуя буруны грязной пены. Игорь с неудовольствием подумал, что именно эту воду они пили и еще, очевидно, будут пить.

Блокпост был оборудован именно на этой бетонной площадке, где, вероятно, раньше располагался пост дорожной полиции или еще какое-то одноэтажное сооружение. Ныне оно было обложено мешками с песком и огорожено бетонными блоками, протянувшимися поперек дороги с обеих сторон и справа доходивших до разделительной линии, так что доступной для проезда оставалась лишь одна полоса. Но и эту полосу, в свою очередь, перегораживал самодельный шлагбаум с противовесом из автобусного колеса, опутанный колючей проволокой. На крыше постройки ближе к дороге размещалась деревянная будка под обшитой железом кровлей, также обложенная мешками; оттуда выглядывал ствол крупнокалиберного пулемета, направленный на дорогу. Патрульных видно не было – очевидно, непогода загнала их в помещение. Сидит ли кто-то за пулеметом, в таком ракурсе тоже было не разглядеть.

– Ну так, – оценил фортификацию Игорь, – на три с плюсом, мирняк на легковушках пугать. А я бы их, к примеру, через эту самую трубу подорвал, если бы было, чем – или сверху ПТУРСом жахнуть, крыша там явно хилая, а пулеметная точка вообще смех один... Но понаблюдать все же надо. Хорошо бы проехал кто-нибудь...

Но мокрая дорога оставалась пуста в оба конца, насколько хватало глаз – что, впрочем, в разоренном войной краю ничуть не удивляло. Игорь принялся внимательно изучать склон, насколько позволяли тусклый уже свет и пелена дождя. Было ясно, что снизу склон просматривается и простреливается весь, без мертвых зон, если не считать отдельных кустиков, которые могли прикрыть от взгляда, но, конечно, не от пули и до которых надо было еще добраться. Впрочем, сам бы он минировал в первую очередь именно подходы к таким кустикам...

– Х-холодно как, блин, – тихо пожаловалась Елка, дыша на сжатые в кулаки пальцы. – Или это мне с голодухи кажется?

– Нет, – понял Игорь, глядя на пар из ее и своего рта, – действительно температура падает. Вот черт, только этого не хватало. Значит, нельзя больше медлить.

– Я могу потерпеть холод, если надо.

– Да при чем тут ты! Сейчас весь этот дождь начнет превращаться в снег! И тогда и мы растяжек не увидим, и нас на белом фоне будет видно отлично.

Действительно, их камуфляж хорошо подходил для осеннего леса, но никак не для заснеженного открытого пространства. И словно в подтверждение слов Игоря на его мокрый рукав приземлилась первая снежинка – тут же, впрочем, растаявшая, но это только начало...

– Значит, план такой, – решительно произнес он. – Кусты видишь? Так вот туда мы не идем. Именно потому, что такой маршрут напрашивается. Видишь проволоку? Вон там, травой прикрыта, но трава уже вся полегла... (Елка проследила за его пальцем, указывавшим на подножие ближайшего куста, и кивнула.) Так вот она там не одна такая. А нам надо пробираться по скальным обнажениям. Вон туда, выше, потом так, так и так. Там склон круче, и весь путь как на ладони, зато в голый камень мину особо не закопаешь. Хотя смотреть внимательно все равно надо.

– Стоит им там внизу голову задрать... – усомнилась Елка.

– Да, – согласился Игорь. – Если они там сейчас не пьют водку, не едят и не играют в карты, кто-то из них может сидеть перед окном, выходящим сюда, и пялиться вверх на склон. Но это скучное занятие, а от сидения в такой позе быстро затечет шея. Так что скорее всего они смотрят в основном на дорогу, а сюда если и бросают взгляды, то мельком. При этом окно все в каплях дождя, в бинокль через такое хрен что увидишь, а невооруженным глазом далековато будет детали разглядывать. Плюс у нас все-таки камуфляж. Главное – не поддаваться искушению проскочить поскорее. Движение – первое, что привлекает внимание. Поэтому – короткими переползаниями. Метр проползла – замерла. Потом следующий метр. И даже если стрелять начнут – не вздумай вскакивать и бежать. С такого расстояния, да еще под непривычным углом вверх, они все равно не попадут, тут снайпер нужен, а не гопота с калашами... Плохо будет не то, что стреляют, а то, что нас вообще обнаружили. А побежишь – как раз на мину или растяжку напорешься. Ползем по одному, так незаметнее, хоть и займет больше времени. Я первый, а ты смотри и запоминай маршрут. Поползешь точно след в след. Но не раньше, чем я доберусь до того края. Чтоб тебе не оказаться на виду, если что. В этом случае сразу уходи назад, конечно же.

Готовность идти первым не была чистым благородством. У него больше шансов вовремя заметить ловушки, чем у нее. А если бы, допустим, первой поползла она и подорвалась, совсем не факт, что ему удалось бы благополучно скрыться, когда опущенцы с блокпоста поднимут переполох и запросят подкрепление. Хотя, конечно, совсем не обязательно они это сделают – ну, найдут на склоне труп какой-то девки, но это еще не значит, что где-то рядом находится особо разыскиваемый беглец, о котором им могли даже не сообщить из-за идиотской секретности и плохого взаимодействия... может, они даже вообще поленятся в такую погоду и время суток лезть на кручу и проверять, кто там подорвался – все равно, мол, он уже мертв, пусть до завтра валяется... Но, так или иначе, Игорь принял решение – он пойдет первым независимо от того, увеличивает это или уменьшает риск для него лично.

Стараясь поменьше травмировать ребра справа, он выполз из-под деревьев на открытое пространство и развернулся ногами вниз, неуклюже перебираясь на кручу. Крутизна была такой, что ему предстояло ползти боком, по-крабьи, дабы сохранять устойчивость и не покатиться вниз – но со скованными запястьями и свободными локтями так было даже удобнее. Да и снизу, пожалуй, он в таком ракурсе еще менее заметен.

Однако "удобнее" еще совсем не значит "удобно". Он полз, оскользаясь на мокрой жухлой траве и холодной грязи и то и дело застывая неподвижно (раз-два-три – замри, раз-два-три – замри...), пока сочившаяся по склону ледяная вода заставляла коченеть его пальцы, затекала в рукава и продранные штанины. Но еще хуже было то, что в потоках дождя возникало все больше белых точек. Это были даже не мягкие снежинки, а мелкие шарики ледяной крупы, колким холодом жалившие его лицо и руки, скакавшие и катившиеся по траве и камням.

Первую растяжку он заметил на полпути к скальному обнажению. Проволока была натянута в траве под таким углом, чтобы о нее с равным успехом зацепился пробирающийся по склону как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Игорь осторожно обполз ее снизу, хотя сверху было бы ближе – но в этом случае достаточно было поскользнуться на склоне, и... Поскольку он не мог сделать жест одной рукой, указывая Елке на опасность, ему

пришлось лечь лицом в мокрую ледяную траву и несколько раз махнуть обеими руками над головой, тыча указательными пальцами в сторону проволоки. Он надеялся, что в сгущающемся сумраке девушка разглядела и поняла его жест.

Затем он пополз дальше, снова поднимаясь вверх, к скале – и тут фазовый переход, которого он опасался, свершился окончательно. В считанные секунды вся масса лившего с неба дождя превратилась в белую крупу. Игорь, вопреки собственным наставлениям, невольно ускорился, перебирая локтями и коленями так быстро, как мог – и, когда он уже почти добрался до камня, его нога вдруг соскользнула, другая тоже потеряла опору, и он, оставляя скрюченными пальцами борозды в земле, съехал почти на метр вниз.

И увидел в считанных сантиметрах от своего лица промоину, а в ней – грязно-зеленый бок противопехотной мины.

Если бы он не поскользнулся, то через секунду надавил бы на нее коленом. Да и сейчас мог бы нажать локтем – если бы дождь не размыл грунт, куда она была закопана вполне профессионально.

Он замер неподвижно, перестав даже дышать. Не потому, что был шокирован – на войне осознание, что ты только что чудом избежал смерти, не является таким уж уникальным переживанием. К этому привыкаешь относиться просто как к факту – избежал, вот и ладушки, поехали дальше. Просто необходимо было убедиться, что он действительно избежал опасности и не потревожит никакой усик или проволоку, способную активировать взрыватель на расстоянии. Бывает и так, что рядом с одной миной ставят вторую в качестве сюрприза для пытающегося обезвредить первую сапера.

Но, кажется, на этот раз ему действительно повезло. Очень медленно и осторожно он отполз назад, а потом, вновь старательно просигналив Елке – вокруг мины. Он старался осматривать каждый клочок почвы, куда собирался перенести вес, но снежная крупа уже засыпала землю, и он понимал, что во многом полагается на удачу. И все-таки наконец он выполз с грунта на твердую и шершавую поверхность скалы.

Твердую, шершавую, холодную, мокрую и скользкую. Дождевая вода на глазах превращалась в наледь, пока еще тонкую и сразу таявшую даже под его закоченевшими руками. Но что будет, пока он доберется до противоположного края... а главное – каково потом придется Елке... Может, и впрямь лучше было перебираться через гребень холма? Но теперь он практически не сомневался, что просека тоже заминирована, и заминирована основательно – просто "смотреть под ноги" не поможет. Может даже, преследователи повернули назад потому, что были уверены – здесь беглецам не прорваться. Хотя – он ведь вроде нужен им живой, а не подорвавшийся? Ну а что им, с другой стороны, делать – в мегафоны, что ли, кричать "сдавайся, там мины"? А может, он и сам должен был знать об этих минах, если бы не потерял память...

Ладно, сейчас ему остается только продолжать ползти. И надеяться, что по этим камням ему удастся добраться до леса на другой стороне холма. Ему, а за ним и Елке.

В сухую погоду держаться на каменном склоне было бы нетрудно. Теперь же ему приходилось нашаривать ногами неровности и вцепляться пальцами в каждую трещину. Скоро его пальцы были ободраны до крови, но из-за холода он не чувствовал боли. К тому моменту, когда он все-таки добрался до противоположного края первого скального участка, мышцы предплечий ныли, как после комплекса упражнений на перекладине. А ведь предстояло преодолеть еще два таких участка – если только он не подорвется на полосках мягкой земли между ними... Справится ли девушка? Она, конечно, весит меньше, ей должно быть легче держаться на скользкой поверхности, но ведь и силы у нее меньше. Может, подать ей знак, чтобы бросила эту затею и возвращалась? Он повернул голову назад. Отсюда он хорошо видел ее фигурку, застывшую в ожидании на краю леса, но уже не мог различить черт лица. Если он станет махать ей руками – мол, иди обратно – она, пожалуй, даже и не поймет, что он имеет в виду, расценит это, как указание на очередную мину. Или... сделает вид, что не поняла.

Насколько он успел ее узнать – вот это скорее всего.

Он сполз с каменной поверхности на грунт и тут же оказался локтями и коленями в ледяном ручье, промывшем себе дорогу в мягкой почве между каменными выступами. Поспешно перебравшись через него, Игорь растянулся на более сухой земле (весьма, впрочем, относительно сухой и уже заметаемой снегом), давая отдых мышцам. И тут вдруг снизу донеслось тарахтение; он на миг напрягся и тут же сообразил – ну да, электричества нет во всем районе, на блоке запустили дизель. Посмотрев вниз, он и в самом деле увидел свет в окнах блокпоста. Это хорошо – при взгляде из освещенного помещения на темнеющую улицу, да еще сквозь пелену снегопада, они точно не разглядят ничего, кроме собственных отражений в стекле. Естественно, нормальную караульную службу так не несут, часовой должен торчать снаружи в любую погоду, внимательно осматривая окрестности, а не прятаться в теплом помещении – но что взять с опущенцев, думают, что поставили мины и больше беспокоиться не о чем...

Но мины – это все-таки проблема. Надо было все-таки выйти на полчаса раньше! А теперь, под этим снегом и при этом освещении, путь, как он и опасался, превращается в русскую рулетку. До следующей скальной поверхности всего-то метра четыре, но совсем не факт, что он доберется туда одним куском. Надежда только на то, что они не утыкали минами и растяжками весь склон, который все-таки слишком большой. Скорее всего, взрывные устройства ставили только по периметру. Тогда одну границу он благополучно миновал, и беспокоиться надо будет только при пересечении второй, ближе к лесу с той стороны...

Он несколько раз сжал и разжал пальцы, подышал на них, стараясь вернуть им чувствительность, а затем пополз дальше.

Ему удалось благополучно добраться до очередного выхода скалы. Что ж, пока его расчет оправдывался. Но теперь вновь предстояло карабкаться по скользкому камню, и здесь крутизна была такой, что он уже не мог передвигаться на локтях и коленях – приходилось распластываться на камне плашмя, игнорируя боль в ребрах и всякий раз дожидаясь, пока лед растает под пальцами, прежде чем перенести на них вес тела. Находить надёжную опору для ног было сложнее, но совершенно необходимо – будь его запястья свободны, он бы еще мог преодолевать некоторые участки, держась на одних руках... Если он сорвется, то, конечно, не скатится вниз до самого блокпоста. Всего лишь съедет на пузе до более пологого участка, покрытого землей. Но как раз в этой-то земле запросто может быть закопана мина.

Сместившись вправо в очередной раз, он понял, что никак не может нашарить точку опоры для правой ноги на гладкой каменной плите. Присмотревшись, он увидел правее и выше сеть косых трещин, еще не заметенных снегом, и полез туда. Ему пришлось растянуться враскоряку, чтобы дотянуться туда ("еще немного, и сяду на шпагат", подумал он про себя), но, когда он уперся наконец ногой в край трещины и стал переносить туда вес, перебрасывая руки в новую позицию, каменный край обломался под его ботинком, и Игорь, обдирая уже порванные штаны и кожу под ними, заскользил вниз, тщетно пытаясь уцепиться за обледенелую скалу. Вместе с ним вниз с шорохом посыпался целый град мелких камней, и Игорь успел подумать: "Хорош же я буду, если они там внизу заденут какую-нибудь проволоку!" В следующую секунду резкая боль рванула его за запястья – цепь наручников зацепилась за почти незаметный каменный выступ, остановив дальнейшее падение. Игорь замер, ожидая, что сейчас выкрошится и этот камень или что снизу долбанет взрыв. Но не произошло ни того, ни другого.

Переведя дыхание, он посмотрел вниз, туда, куда сошла вызванная им минилавина. Что ж, кажется, прямо под скалой взрывающихся сюрпризов нет. А значит, он может сползти туда и спокойно продвигаться дальше, упираясь ботинками в землю, а не корячиться в лягушачьей позе на голой каменной плите. Хотя вес упавших камней меньше веса человека, так что полной гарантии нет...

Все же ему повезло и на этот раз. Он благополучно добрался до третьего каменного

обнажения. Отдыхая, он разглядывал высившуюся над ним кручу. Можно и теперь выбрать легкий (хотя и более длинный) путь и двинуться понизу, в надежде на то, что склон минировали даже не по периметру, а в одну линию сверху вниз – ведь всякий, пытающийся обойти блокпост, все равно должен был бы пересечь эту линию, не так ли? И он уже это сделал, что, впрочем, было наглядным ответом на вопрос, почему одной линии мало. Всегда найдется профи или везунчик, который благополучно минует или перешагнет мины – но, может быть, ему не столь повезет во второй раз... Так что надежнее лезть туда, где поставить мину просто негде – даже если это обледенелая круча, откуда запросто можно сверзиться.

И он полез. Полез, карабкаясь под углом к правой верхней части скалы, где в трещине угнездилось молодое деревце. Высоты в нем было метра четыре, но Игорь надеялся, что его ствол достаточно прочен, чтобы послужить мостом через последний опасный земляной участок.

Эта каменная поверхность оказалась самой трудной – то ли потому, что была круче предыдущих, то ли потому, что он уже почти выбился из сил, а его пальцы превратились в какие-то ободранные замороженные крючки. Он полз, стараясь не обращать внимания на боль в руках, мышцах и избитом теле, оскользаясь и вцепляясь в ледяную скалу чуть ли не зубами, а сверху сыпал и сыпал снег, рождая у него ощущение, что массы этих снежинок достаточно, чтобы скинуть его вниз. Он не смотрел вниз, но чувствовал, что забрался уже на такую кручу, падение откуда окончится плохо, даже если внизу нет взрывных устройств. Как водится, реализация оказалась сложнее плана – впрочем, если бы температура не упала ниже нуля, проползти по этим скалам и впрямь было бы заметно легче...

И все-таки ему удалось добраться до дерева. Минуту он отдыхал, вцепившись обеими руками в основание гладкого, тоже успевшего уже покрыться наледью ствола, затем втащил себя выше и, наконец, поднялся в полный рост, держась за тонкий ствол. Хватит ли теперь сил наклонить его вправо, туда, где склон заворачивал, вновь переходя из крутой "торцевой" в более пологую заднюю сторону холма? Игорь навалился на деревце (без особого успеха – на высоте человеческого роста ствол был еще слишком крепким, чтобы гнуться или ломаться), затем несколько раз толкнулся вперед всей массой, как делал бы, пытаясь высадить дверь плечом. Ствол скрипел и качался, взмахивая тонкими ветками, с которых сыпался снег. Затем раздался треск, и один из корней вырвался из каменной щели у него под ногами; вниз по склону посыпались мелкие камешки вперемешку с землей, а ствол рывком накренился именно так, как хотелось Игорю. Теперь, перехватывая ствол скованными руками, он добрался до самого края скалы, заставляя дерево клониться все ниже; наконец, когда опоры для ног уже не оставалось, Игорь рывком забросил ноги на дерево, обхватив ствол крест-накрест, как при переправе над рекой по натянутому канату. Дерево вновь заскрипело, сгибаясь и проседая еще ниже. Перебирая руками (насколько позволяла цепь) и ногами и отворачивая голову от лезущих в лицо веток (впрочем, тонких и гибких, а потому не сильно мешавших лезть все выше), он добрался практически до верхушки; теперь ствол согнулся так, что мужчина повис почти горизонтально. Прямо под ним была присыпанная снегом широкая полоса земли между скалой и каменистым гребнем, уходившим вниз и вперед, над которым уже высились деревья нормального леса.

Эта полоса Игорю не нравилась. Особенно некая прямая линия, угадывавшаяся под снегом практически прямо под ним Это могла быть и просто упавшая ветка, присыпанная снегом. А могла быть и проволока. Прыгать прямо на нее, конечно, не обязательно – но может сдетонировать и если спрыгнуть рядом. А главное, здесь мог быть сюрприз, которого он благополучно избежал с другой стороны: одна растяжка ставится на виду, чтобы тот, кто ее заметит, пошел обходить – и наступил на мину, закопанную рядом.

Длины ствола не хватало, чтобы переправиться через опасный участок. Оставалось только раскачаться и прыгать спиной вперед в надежде долететь до гребня (приземление на который вряд ли будет приятным). Он рывком расцепил ноги, позволяя телу свободно качнуться

вниз, а затем сделал несколько махов, набирая амплитуду; дерево гнулось, скрипело и трещало, и последний звук Игорю совсем не нравился, поэтому уже на третьем махе он разжал руки, уже в воздухе вскидывая левую ногу, чтобы не приземлиться на травмированную лодыжку. Если бы не эта необходимость, он бы, возможно устоял на ногах – но, конечно, не смог удержаться на одной и сразу же после удара в подошву ботинка грохнулся задом на твердый склон, чувствительно ушибив копчик, а затем завалился на спину, и ребра справа вновь пронзила перехватывающая дыхание боль, от которой на глаза навернулись слезы.

Тем не менее, похоже, он все еще был жив.

Он пролежал на каменистом ребре склона еще несколько секунд, давая боли притихнуть, а перенапряженным мышцам расслабиться (только судороги сейчас и не хватало!), с трудом разогнул непослушные окровавленные пальцы (кажется, он содрал ногти на двух из них) и, наконец, неуклюже, словно старик, поднялся в полный рост, отыскивая взглядом уже едва различимую в сумерках фигурку по ту сторону склона. Нет, девушке не одолеть такой маршрут! Вряд ли она могла приобрести альпинистские навыки на своем хуторе... Тем более что льда и снега за это время стало больше, и скоро станет совсем темно.

Игорь несколько раз размашисто махнул раскрытыми ладонями над головой – назад, прочь, уходи! Но Елка, похоже, истолковала этот знак прямо противоположным образом. Он увидел, как он легла на склон и поползла в его сторону – как он и учил ее, делая частые остановки. Хотя, возможно, в этом уже не было особой нужды – вряд ли эти внизу еще могут что-то разглядеть на склоне... впрочем, это позволяет экономить силы. Затаив дыхание, он смотрел, как она движется там, где он обнаружил растяжку и мину – с такого расстояния он уже не мог сказать, правильно ли она ползет. Но, как видно, девушка хорошо разглядела и запомнила его знаки. До первого скального обнажения она добралась благополучно, но затем что-то пошло не так. Игорь не видел, что именно, но девушка застряла на месте, едва выбравшись на каменную поверхность. "Должно быть, там уже слишком скользко", – подумал он. Особенно, вспомнил он, в ее берцах, которые на несколько размеров больше, чем надо, и болтаются на ноге, как их ни шнуруй! Трудно придумать худшую обувь для лазанья по горам, где нога должна чувствовать каждый маленький выступ и твердо на нем держаться!

Игорь увидел, как девушка сползает со скалы обратно туда, откуда пыталась начать подъем. Должно быть, поняла, что у нее нет шансов. Только бы не попыталась искать более легкий маршрут самостоятельно – сейчас, в сумерках и в снегу, она точно нарвется! Игорь хотел, чтобы она вернулась назад, и в то же время чувствовал досаду. Он останется без проводника (и без автомата), а все, что он знает – что надо идти на юго-запад (без компаса, солнца и звезд). Вот ведь идиот – надо было не тратить время на философские споры о Добре и Зле, а расспросить ее о дальнейшей дороге...

Но Елка снова замешкалась, съежившись у основания скалы. Он не мог различить, что она там делает. Может быть, у нее нервный срыв? Приступ паники? Или даже помутилось сознание от голода и холода? В конце концов, женщины есть женщины, даже в камуфляже и с автоматом...

Однако, пока в голове у него мелькали эти мысли, девушка вновь распрямилась и опять полезла вверх по камням. На сей раз она двигалась куда уверенней – и, похоже, перемещалась по скале ловче и быстрее, чем Игорь до нее. Она уже почти полностью преодолела первую каменную поверхность, прежде чем он не столько разглядел сквозь сумрак и снег, сколько догадался, что именно она сделала: сняла ботинки, подвесила их на шнурках к поясу и теперь лезла вперед, цепляясь за неровности заснеженной и обледенелой скалы пальцами босых ног. Игорь рефлекторно поежился, представив себе эти ощущения – ему вполне хватало окоченевших рук, которые он никак не мог согреть...

Елка четко следовала его маршрутом – забралась на второй скальный выступ, проползла часть пути по его поверхности, затем спустилась вниз там, где он сам сполз на пузе. Наконец

она полезла на последнюю скалу, и Игорь уже прикидывал, сможет ли она перебраться по дереву, как сделал он сам – оно осталось наклоненным, и взобраться на него теперь было совсем просто, но Игорю очень не понравился треск, который он слышал. Конечно, девушка весит меньше ("в полтора раза", как сказала она сама), но выдержит ли уже надломившийся ствол?

И тут нечто – то ли боковое зрение, то ли еле различимый далекий металлический звук, то ли просто интуиция – заставляло его резко перевести взгляд на блокпост, о котором он уже и думать забыл, неотрывно следя за девушкой (непростительная ошибка на вражеской территории!) В тот же миг в пулеметной будке вспыхнул прожектор, и луч косо мазнул вверх по склону, остановившись прямо на скале с распростертой на ней фигуркой.

Игорь тут же рухнул на землю, прячась за гребнем, на котором только что стоял. Луч качнулся в его сторону и прошел над ним, ярко осветив деревья на краю леса, а потом вернулся обратно, словно указующий перст доносчика.

Неужели все-таки заметили? Или это всего лишь неудачное совпадение? Кому-то там стало скучно на дежурстве, и он решил посветить по окрестностям? Возможно, они вообще регулярно делают это в темное время суток? Зажрались они тут, суки – ближе к "передку" никто не стал бы так светить в ночи, напрашиваясь на привет от миномета противника, но эти тут, похоже, считают, что им некого бояться, это их все бояться должны... Впрочем, судя по тому, что луч, пройдясь по склону туда-сюда, остановился на одном месте – не похоже, что это просто рутинная проверка...

"Лежи и не двигайся!" – мысленно твердил Игорь, не рискуя крикнуть вслух даже на таком расстоянии от блокпоста. "Это твой единственный шанс!"

Елка, похоже, поняла это и без его телепатических усилий. Осторожно приподняв голову, Игорь четко увидел ее в луче света – застывшую на ледяном камне, вцепившуюся в него пальцами рук и ног. Но в том же луче сверкали миллионы снежинок, продолжавших сыпаться с неба и укутывать землю сплошным пологом. Немало снега нападало уже и на одежду Елки, припорошив буро-желтые пятна осеннего камуфляжа и вновь делая ее малозаметной на так же припорошенной поверхности скалы. Еще можно было, правда, различить след, оставшийся там, где она ползла, но за то время, что она пережидала перед очередным передвижением ("раз-два-три – замри!"), снег начал укрывать и его. Вблизи ее увидели бы сразу, но с расстояния в пару сотен метров сквозь сплошную снежную пелену... но почему, в таком случае, прожектор продолжает светить именно сюда?

Других признаков тревоги, однако, не было. Никто не стрелял и не бежал снизу. Хотя, возможно, это еще последует. Или наряд на посту вызовет подмогу, которая объявится сверху...

Игорь вдруг подумал, что мог бы уйти прямо сейчас, не дожидаясь, чем все закончится тут. Его-то они точно пока что не заметили...

Прожектор светил. Снег падал. Девушка лежала неподвижно, как мертвая, прижавшись к скале, и Игорь вновь подумал, как ей должно быть холодно. Видят они ее или нет? Если нет, то какого черта им надо?

Затем луч вдруг ушел влево. "Только не двигайся! Он может вернуться!"

Елка не двигалась. Луч медленно прошел по склону, и когда Игорь уже почти поверил, что сейчас он уйдет вниз, на дорогу – снова развернулся обратно. "Да какого же хера?!"

И тут он сообразил. Дерево, то самое, которое помогло ему переправиться. Прежде оно торчало вертикально, теперь – под углом. Гораздо более заметный ориентир на голом склоне, чем заметенная снегом лежащая фигурка.

Само по себе наклонившееся дерево еще ничего не доказывает. Это могло произойти и от естественных причин – валяющийся внизу ствол не даст соврать. Дождь, потом заморозки, лед расширил трещины в камне... Но в принципе – непорядок, и наряд, несущий службу, должен обращать внимание на любое изменение привычного положения дел. Игорь сам взгрел бы караульного, который стал бы рассуждать о естественных законах физики вместо того, чтобы

пойти и проверить. Весь вопрос в том, кто там у них старший и насколько серьезно у него поставлена служба. Понятно, что никому не охота на ночь глядя лезть вверх по скользкой круче (между прочим, заминированной, и в такую погоду вполне можно нарваться на свой же "гостинец"), а у опущенцев ответом на приказ вместо "есть!" запросто может быть "да ты чо, братан..." Возможно, в эту самую минуту они как раз спорят, надо ли все-таки проверить или "хрен с ним".

Луч развернулся и осветил склон противоположного холма, но Елка по-прежнему не двигалась с места, понимая, что это все еще может быть уловкой. И действительно, через пару минут луч резко вернулся, словно надеясь застать нарушителя врасплох. Игорь мысленно похвалил девушку за терпеливость, но сколько может продолжаться эта игра? Что, если они теперь так и буду светить всю ночь?

И тут снизу застучал пулемет.

На голову Игоря упала мелкая ветка, срезанная пулей, затем он услышал, как пули звонко рикошетят от поверхности скалы. "Лежи!!!" – крикнул он уже вслух, не боясь, что внизу услышат его за грохотом выстрелов. Пули выбивали каменные осколки в считанных метрах от распростертой на открытом пространстве девушки, и ей, наверное, было чертовски страшно, но чутьем, которое приходит только с боевым опытом, он чувствовал, что враги по-прежнему не видят ее. Просто лупят вслепую для очистки совести и чтобы "вспугнуть дичь", если таковая все же окажется. Что, конечно, вовсе не исключает вероятности случайного попадания. Пуля, как известно, дура... По тому, как ложились пули, похоже было, что стрелок задался целью окончательно срезать очередью дерево, но не мог попасть даже в него. Наконец пулемет смолк, очевидно, израсходовав боезапас.

Прожектор продолжал гореть, и Игорь ждал новых выстрелов. Но их все не было, и Игорю представился диалог, происходящий сейчас между командиром наряда и стрелком:

"Ну что, попал в кого-нибудь?"

"Да хер там!"

"Ну и хорош переводить патроны, снайпер хренов!"

А затем прожектор погас. Елка, однако, продолжала лежать неподвижно, и Игорь вновь мысленно похвалил ее. Это тоже ловушка, они сейчас включат эту штуку снова...

Но они все не включали, хотя уже совсем стемнело – так, как темнеет зимой, когда из-за белизны снега кажется светлее даже ночью. Ну да, сообразил Игорь, электричество-то от дизеля, а солярка тоже берется не из воздуха, поэтому они не могут себе позволить слишком долго жечь мощный прожектор. Так что на сей раз шоу, по всей видимости, действительно закончилось.

И тут до него дошло, что девушка может не двигаться вовсе не из-за стоического терпения.

В темноте, особенно после яркого света прожектора, он мог лишь смутно различить ее засыпанный снегом силуэт. По его собственным впечатлениям, мертвый или серьезно раненый не удержался бы на этой круче и свалился бы вниз. Но кто знает, может, она там уже примерзла – тем паче что стало, кажется, еще холоднее...

– Елка! – шепотом позвал он.

Никакой реакции.

– Елка! – окликнул он чуть громче. – Ты живая там?

Когда он уже почти уверился, что ответа не будет, девушка вдруг шевельнулась. И поползла вверх, нашаривая голыми руками и босыми ногами опору под снегом.

Через несколько минут она добралась до дерева и встала на колени, уцепившись за ствол. При нынешнем угле наклона дерева так было удобнее.

– Ты не ранена? – теперь, когда их разделяло всего несколько метров, девушка должна была слышать даже тихий голос.

Она молча покачала головой.

– Внизу, скорее всего, заминировано, – продолжал он. – Видела, как я перебирался? Лезешь по стволу, потом раскачиваешься и прыгаешь. У тебя руки свободны, тебе даже проще будет. Сможешь?

Она все так же молча кивнула.

– Только автомат сначала мне брось, чтоб не упал и по спине не бил. Докинешь?

– А ты поймаешь? – она впервые подала голос.

– Поймаю, – заверил Игорь. – Лучше снизу вверх кидай, так удобнее. И проверь, чтоб на предохранителе стоял.

– Да уж догадаюсь, – буркнула Елка. Держась за накрененный ствол дерева, она добралась до края скалы, встала в полный рост, сняла с плеча "калашников" (Игорь тем временем встал ниже по склону, чтобы не мешали ветки) и, дважды качнув, бросила. Она немного не докинула, но Игорь, наклонившись вперед, поймал автомат обеими руками за ствол уже у земли и тут же положил, готовясь ловить саму Елку.

Девушка полезла на дерево, перебирая руками и ногами (ее берцы действительно болтались, подвешенные на шнурках к ремню). Ствол наклонился еще ниже и вновь угрожающе затрещал.

– Быстрее! – полушепотом крикнул Игорь. – Может сломаться!

Елка разжала ноги и с гимнастической ловкостью во время маха перехватила руки, разворачиваясь лицом к нему. Сочтя, как видно, амплитуду недостаточной, она предпочла качнуться еще раз – и в тот самый момент, когда она готова уже была разжать пальцы, корень, еще удерживавший дерево в скале, не то лопнул, не то выскочил, и ствол рывком повалился вниз. Елка успела выпустить его, но прыжок сорвался, и она полетела на землю явно без шансов достать до безопасного гребня.

Игорь вновь рухнул за гребень еще до того, как ее ноги коснулись земли. Он был не из тех, кто в шоке стоит и смотрит, как гибнет товарищ – такие на войне долго не живут. А живут те, кто понимает – если товарища уже не спасти, надо заботиться о себе. И понимает это не только на уровне медленного разума, но и на уровне быстрых рефлексов.

Но вместо грохота взрыва он услышал лишь насмешливый голос:

– Да не дергайся ты, герой... все в порядке.

Следом появились две руки и ухватились исцарапанными пальцами за гребень. Игорь, хотя и уязвленный ее тоном, поспешно поднялся и ухватил девушку двумя руками за запястье, помогая влезть наверх. Первый же взгляд через ее плечо показал ему, что далеко не все в порядке. Елка благополучно перелетела через растяжку и не наткнулась ни на какой другой "сюрприз", но поваленное дерево все еще держалось на скале каким-то последним корешком, и его ветви нависали прямо над проволокой. А этот корешок, очевидно, постепенно поддавался под тяжестью, поскольку дерево опускалось все ниже...

Не тратя время на объяснения, Игорь изо всех сил рванул девушку за руку, буквально выдернув ее в воздух, а затем рухнул вместе с ней на землю по ту сторону гребня. В падении он еще успел подумать , что сейчас будет больно (защитить ребра не было уже никакой возможности), а также что, если это все же не растяжка, а просто припорошенный прутик, он лишь дает чертовой девчонке еще один повод для насмешек.

И вот тут бахнуло. Даже прежде, чем они успели грохнуться наземь.

Каменистый гребень защитил их от осколков, но они успели ощутить в падении удар преодолевшей препятствие взрывной волны, и в первые секунды не слышали ничего, кроме звона в ушах. Елка, однако, тут же вскочила, оглядываясь по сторонам, подхватила автомат и, сжимая его в руке, побежала вперед, вглубь леса – все так же босиком по снегу, и берцы лишь раскачивались на шнурках и били ее по бедрам. Вряд ли это было следствие шока, скорее, вполне разумное решение – если бы она снова надела эти слишком большие ботинки, то все

время спотыкалась бы на бегу. А вот мчаться так сломя голову было не самым разумным – никто не гарантировал, что мин и растяжек не может быть и здесь, на подходе к склону. Но она не слышала окликов Игоря (да что там – он сам себя не слышал!), и ему ничего не оставалось, как побежать за ней, стараясь попадать след в след.

Уносить ноги поскорее им действительно следовало. Теперь на блокпосту уж точно подняли тревогу, и даже обнаружив, что взрыв вызван всего лишь упавшим деревом, непременно осмотрят все вокруг и найдут их следы. Вопрос только в том, как быстро враги туда доберутся. Может быть, следы уже успеет занести снегом, а может, и нет. И как отрываться от погони в последнем случае – большой вопрос. Но в любом случае лучше как можно больше увеличить дистанцию между собой и противником.

К тому моменту, как слух Игоря восстановился, они уже углубились в лес достаточно, чтобы не опасаться бессмысленных в глуши мин. Елка сперва бежала по склону, держась на одной высоте – как видно, она не хотела спускаться слишком близко к блокпосту – затем стала заворачивать направо, все круче вниз. Наконец они оказались на ровной земле; это была уже не узкая ложбина с ручьем на дне, зажатая между двумя склонами, а заросшая лесом долина, за которой, впрочем, угадывалась в темноте новая гряда холмов или невысоких гор. Наверняка вдоль долины тоже текли какие-нибудь ручьи, но сейчас их видно не было – как не было видно и каких-либо дорог или просек; шоссе осталось далеко позади – сейчас они двигались прочь от него перпендикулярным курсом. Снега здесь нападало уже выше чем по щиколотку. Девушка, наконец, остановилась, повесила автомат на плечо и принялась обуваться. Игорь подошел и встал рядом, переводя дыхание.

– Как твоя нога? – вспомнила она о нем, затягивая шнурки.

Удивительное дело, но о своем растяжении он вспомнил только сейчас. Во время бега он не то чтобы не чувствовал боли, но не обращал на нее внимания.

Зато теперь обратил.

– Бывало и лучше, – поморщился он. – Но бывало и хуже. Еще вчера. Ничего, думаю, смогу идти уже без твоей помощи, тем более по ровному. А ты как, не замерзла?

– А ты как думаешь? – фыркнула она. – У меня хобби такое – загорать под снегом на ледяных скалах? Там на склоне совсем закоченела, честно говоря. Особенно когда лежала и ждала, когда в меня влепят пулю. Но ничего, теперь согрелась.

– Ноги не отморозила? – настаивал Игорь. – Все пальцы чувствуешь?

– Чувствую, чувствую... заботливый выискался... Ладно, пошли.

Они двинулись дальше уже шагом. Снег продолжал валить, и Игорь чувствовал его холодные прикосновения не только лицом и руками, но и сквозь штанины, порванные еще раньше, а после ползанья по скалам превратившиеся практически в лохмотья – зато была надежда, что их следы заметет раньше, чем их обнаружит погоня. Персонал блокпоста не вправе покидать охраняемый объект, значит, весь вопрос в том, как быстро организуют преследование те, кому они доложили... если, конечно, всё вообще не ограничилось традиционным "да хрен с ним!", но на это лучше не закладываться. Еще безусловным плюсом такой погоды была ее полнейшая непригодность для вертолетов. Ни один пилот не рискнет сейчас поднять машину в этой каше не то что для поисков с воздуха (бессмысленных в ночном лесу даже и в лучших метеоусловиях), но даже для высадки десантной группы, которая занялась бы тем же на земле. На открытой местности – да, можно полагаться на приборы даже при близкой к нулю видимости, но в горах это слишком опасно. Так что лучше уж терпеть холод и снег, лезущий во все дыры...

Елка вдруг резко свернула вправо, а затем даже стала забирать назад – хотя вроде бы никаких непреодолимых препятствий впереди не просматривалось.

– Следы путаешь? – спросил Игорь.

– Нет, – качнула головой она. – То есть, может, и это тоже, но это не главное. Просто там

впереди ельник.

– И чем это плохо? – удивился он.

– Это хорошо. Мы там заночуем. Но там мы не найдем еды, а лично меня уже достало спать на голодный желудок.

– А здесь разве найдем? – он недоуменно посмотрел по сторонам, на вздымающиеся в вокруг толстые стволы старых деревьев, покрытые бугристой корой. Кое-где, насколько он мог разглядеть в темноте, она обросла мхом, кое-где вовсе отвалилась, обнажив голую древесину. Наверное, даже днем при солнце выглядел этот лес неприветливо, словно (еще одно забытое воспоминание откуда-то из детства) в сказочных фильмах, где герой-солдат забредает в заколдованную чащу. Какая здесь может быть еда? Даже если здесь растет какая-нибудь брусника, ночью в снегопад ее замучаешься искать и откапывать...

– Старый лес, – ответила Елка, – много больных и мертвых деревьев, – в подтверждение своих слов она похлопала по ближайшему стволу, лишившемуся коры. – Раньше тут боролись с вредителями, но в последние годы, сам понимаешь... Вон погляди, как все личинками источено.

– Надеюсь, ты не личинками нам предлагаешь питаться? – скривился Игорь. – Я еще не настолько оголодал.

– Нет, – усмехнулась она. – Хотя всякие аборигены их едят с удовольствием. Но это в тропиках, там личинки жирные.

– На то они и дикари, – проворчал он.

– Ты креветок, небось, ешь? Чем насекомые хуже? Такие же членистоногие.

– Пауков еще предложи, раз они на крабов похожи, – поморщился Игорь. – Ну ладно, если не эту пакость, то что ты здесь рассчитываешь найти?

– Грибы.

– Какие грибы зимой?!

– Зимние, – лаконично ответила она, продолжая шагать вперед и осматривать стволы по сторонам. – Если где-нибудь заметишь поваленное дерево... ага, кажется, вон там справа!

Игорь посмотрел туда, куда она указывала, и действительно различил вдали за деревьями косую белую полосу – поваленный ствол, уже присыпанный сверху снегом. Они прошли туда, и Елка, прогулявшись в сторону корней, торжествующе ткнула пальцем:

– Вот. Неужели никогда не видел прежде?

В нижней части ствола, почти у самых корней, из-под снега виднелись крупные плоские шляпки грибов (не то бурые, не то рыжие – в темноте было не разобрать), росших на мертвом дереве в несколько ярусов вплотную друг к другу.

– Видел... наверное, – согласился Игорь, – но никогда не думал, что грибы, растущие на деревьях, можно есть, да еще в сыром виде.

– Эти – можно. Зимний опенок, он же зимний гриб, он же фламмулина. Растет на мертвых и больных деревьях, но сам пригоден в пищу. Обычно его, конечно, варят или маринуют, но шляпки можно есть и сырыми. Хотя слишком не налегай – может и понос прохватить с непривычки.

– Фламмулина – это что, по латыни? – он удивленно взглянул на девушку.

– Да, но в другие языки тоже вошло. Что уставился? Думаешь, если я на хуторе жила, так только коз пасти и умею?

– Вот как раз коз не очень, – не удержался Игорь, – единственную и ту потеряла.

– Зато ты воевать умеешь хорошо, – тут же парировала Елка. – Так, что в плен попал.

– Да не огрызайся ты, я просто пошутил!

– А я с некоторых пор шутки плохо понимаю, – отрезала девушка и выломала шляпку из середины грибного скопления, где почти не было снега. Несколько секунд пыталась согреть ее между ладонями, потом аккуратно – словно на аристократическом приеме, а не в лесу после нескольких дней без пищи – откусила с краю. "Откусишь с одного края – вырастешь, с другого

– уменьшишься", – всплыло в памяти Игоря тоже откуда-то из детства, но откуда именно, он вспомнить не мог – кажется, какой-то мультик...

– Мне с детства всякая живность нравилась, – продолжила Елка нормальным тоном, прожевав. – Бывало, целые дни в лесу проводила, ну и на хуторе у нас тоже... Я вообще-то биологом хотела стать. Книжки всякие читала, в институт готовилась. В этом году бы поступила... если бы не все это дерьмо.

– Поступишь еще, – ободрил ее Игорь. – Война когда-нибудь кончится.

– Да, конечно... не знаю только, когда я теперь смогу нормально думать об учебе и науке. А не о том, как убивать фидорских тварей.

– Не всю же жизнь об этом думать. Тем более – тебе. Для этого мужчины есть.

– А с этими мужчинами делали то же, что со мной?!

– С некоторыми делали и вещи похуже, – серьезно ответил Игорь и поспешно добавил: – Я, конечно, не себя имею в виду.

– Вот то-то и оно, что не себя. За других всегда легко решать... Кстати, напомни мне, мужчина – кто из нас кого вытащил с горящего завода?

– Ладно, ладно, – проворчал он, с сомнением отламывая гриб, но Елку было не унять:

– А кстати, откуда ты знаешь, что с тобой такого не делали? К тебе что – память вернулась?

– Нет пока... но *такое* я бы помнил, – ответил он, почувствовав холод ужаса в животе.

– А вот совсем не факт. Память имеет свойство блокировать травмирующие воспоминания. Это даже книжек читать не надо, это в каждом втором американском триллере разъясняют. Что, если Дракула и тебя трахнул, у фидоров же это любимая тема – рассказывать, как они всех в зад отымеют. Фидоры – они и есть фидоры. Целая нация уголовников... тем более что в армии почти как на зоне – далеко не всегда можно наивную девчонку с улицы прихватить, а боевые товарищи всегда под рукой, так что они там, небось, через одного по этой части доки. Опять же, если им от тебя чего надо, и чтоб ты живой при этом остался, ну там завербовать, к примеру, так лучший способ – снять такое на камеру и угрожать, что все это увидят, если не будешь сотрудничать, все твои знакомые и подчиненные... Ну и вот теперь твое подсознание не дает тебе об этом вспомнить. Поэтому ты память и потерял, а не из-за контузии. Контузия – только предлог.

– Чушь полная! – горячо возразил он, но затем все же со страхом добавил: – Ты ведь не хочешь сказать, что... видела... что-то подобное?

– Ну вообще-то... по правде говоря... – Елка замолчала, глядя на него сочувственно, и некоторое время сосредоточенно жевала, а затем вдруг торжествующе осклабилась:

– Ну и кто из нас теперь шуток не понимает? Видел бы ты свою физиономию! Но согласись, было бы забавно, если бы оказалось, что твоя память скрывает не какие-то там военно-героические секреты стратегического значения, а *вот это*!

– За такие шутки... – процедил Игорь. В этот момент он готов был ее ударить.

– Что? – невинно поинтересовалась она. – Я всего лишь заставила тебя на миг почувствовать себя на моем месте. Совсем чуть-чуть. Без собственно... физического процесса. И ты уже вон как желваками заиграл. Сразу забыл, как только что учил меня всепрощению. Вот ведь какая штука интересная. Если женщину изнасилуют, то "расслабься и получай удовольствие" и вообще сама виновата. Не раздувай трагедию, подмойся и живи дальше. А если мужика – ужас-ужас, конец света! Тебе не кажется, что это странная логика?

– Я никогда не говорил, что ты сама виновата, – пробурчал он. – Но разница все-таки есть – для мужчины это в любом случае противоестественно...

– А для женщины, значит, естественно быть изнасилованной?! И вообще, кто тебе сказал, что "естественно" – значит "хорошо"? Когда комар сосет твою кровь, это совершенно естественно. Но ты убиваешь комара.

– Послушай, что ты от меня хочешь? – не выдержал Игорь. – Чтобы я извинился перед тобой за весь мужской пол?

– Нет, – серьезно ответила девушка. – Это уже ничего не изменит. Ешь свой гриб, не век же нам тут торчать.

Он откусил от шляпки, почти не почувствовав вкуса. Что-то холодное и скользкое... но голод, приглушенный было прочими проблемами, тут же пробудился снова, и Игорь торопливо заработал челюстями. Жаль, конечно, что приходится есть холодным – это неэффективно, организм тратит на разогрев пищи чуть ли не больше калорий, чем получает – но хорошо хоть не вообще промерзшим... Несмотря на волчий аппетит, он старался тщательно жевать и согревать мякоть гриба во рту прежде, чем глотать – не хватало теперь только заработать ангину... (Из тумана всплыло еще одно детское воспоминание: он ест мороженое зимой на улице в надежде заболеть и не пойти на контрольную – кажется, по математике. Не сработало, он получил двойку и взбучку от отца – ни лица, ни имени которого он по-прежнему не мог вспомнить. Помнил только боль от ударов.)

Они съели еще несколько грибов, и несколько скользких шляпок распихали по карманам (хотя Елка предупредила, что они будут ломаться и крошиться). Сытым Игорь себя не почувствовал, согревшимся тоже (после холодной еды ему скорее казалось наоборот), но надо было идти дальше. Какое-то время они брели по все более глубокому снегу в прежнем направлении, затем Елка резко свернула влево, и где-то через полчаса они вышли к ранее обещанному ельнику. Еще минут пятнадцать они шагали между елок, которые девушка окидывала придирчивым взглядом, пока, наконец, не остановилась, кивнув на высокую разлапистую ель:

– Вот под ней мы и заночуем. Надо наломать лапника и сделать стенку из снега вокруг. Только с разных деревьев ломай, не все в одном месте, чтоб в глаза не бросалось.

Ломать голыми руками холодные колючие ветки и сгребать снег было, конечно, не самым приятным занятием, но в конечном счете им удалось соорудить нечто среднее между шалашом и снежным домом. Часть лапника пошла на обустройство пола вокруг ствола старого дерева, из остальных ветвей соорудили стены, воткнув их в снежный бруствер и переплетя колючими отростками с нижними ветвями центральной ели; те, в свою очередь, стали крышей, которую постепенно конопатил продолжающийся снегопад. Девушка проскользнула внутрь, раздвинув вкопанные ветки; у Игоря возникло желание пошутить на тему "Елка под елкой", но на сей раз он решил воздержаться, не желая спровоцировать очередную пикировку. Вместо этого он еще раз внимательно огляделся по сторонам и прислушался – никаких признаков погони, хотя, конечно, ночью в снегопад ее можно не замечать, пока она не окажется в считаных метрах; впрочем, то же верно и в обратную сторону. Идеальным их убежище не было, но после того, как снег заметет натоптанные вокруг следы, будет вполне возможно пройти рядом и не заметить – если противник все же решится преследовать их ночью. А утром их здесь уже не будет... Он влез под елку и закрыл за собой проход ветками изнутри. Беглецы оказались в полной темноте.

Внутри, разумеется, было ничуть не теплее, чем снаружи, так что оба съежились на лапнике по обе стороны от ствола. Елка пыталась согреть окоченевшие кисти под мышками, Игорь, которому мешали наручники, сунул руки между бедрами.

– Ничего, – пробормотал он, подбадривая не то ее, не то себя, – надышим – будет теплее.

– Знаю, – ответила Елка из темноты.

Он пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее. Еловые ветки кололи щеку и ухо. Грибы совершенно не утолили голод – есть хотелось, казалось, еще сильнее, чем раньше. И курить, конечно же.

– Почувствуй себя новогодним подарком, – проворчал он, желая отвлечься. – Лежим тут под елочкой...

– Пусть только попробуют, – откликнулась девушка. – Получить нас в подарок, в смысле.

– Не получат, – согласился Игорь. – Плохим мальчикам подарки не положены.

– Тебя тоже в детстве грузили всей этой чушью про Деда Мороза?

– Не помню. Наверное. Всех грузили.

– Никогда не понимала, зачем это родителям. Внушать детям, что подарки приносит какое-то потустороннее чудище. Чтобы дети любили не их, а его.

– Чудище?

– Конечно. Дух зимнего леса, холода и смерти. Это уже потом его скрестили с христианским святым Николаем. Который, впрочем, тоже вранье. Новый год – вообще праздник сплошного вранья. Никогда его не любила.

– Кажется, я тоже, – медленно произнес Игорь, чувствуя, что в тумане его прошлого проступает очередной фрагмент из детства. – Наша семья жила бедно, я никогда не получал в подарок то, что хотел. И жутко завидовал другим пацанам, и не понимал, за что мне такая несправедливость. А главное – какой смысл вести себя хорошо, если это не вознаграждается.

– Вот-вот. А если бы родители объяснили тебе, что дело не в Деде Морозе, а просто у них самих нет денег...

– То это просто перенесло бы проблему на следующий уровень, – не согласился Игорь. – Я бы задался вопросом не почему Дед Мороз не помогает мне, а почему их бог не помогает им.

– Разницы между одной и другой верой действительно никакой, и меня поражает, как люди этого не понимают. А твои родители, значит, были верующими? При социализме?

– Кажется, да. Мы жили в маленьком поселке, там это не считалось зазорным.

– Но ты – нет.

– Знаешь, как говорят – в окопах нет атеистов, – усмехнулся он. – Выходит, бог убивает одних верующих. Невыгодный союзник.

– Вот-вот. Чем ужаснее страдания людей, тем охотнее они верят в доброго бога, который, по их мнению, их же и насылает. Или, по крайней мере, может, но не хочет предотвратить. Не понимаю и никогда не пойму. Вся эта религия – не только христианская, кстати – это, по сути, просто стокгольмский синдром. Знаешь, что это такое?

– Знаю, не такой уж я тупой солдафон. Это когда жертва становится на сторону мучителя. Тебе, как я понимаю, это не грозит, – добавил он с усмешкой.

– Из всех вещей во вселенной эта последняя, которая могла бы мне грозить, – отрезала Елка. – Ладно, – добавила она после паузы, – давай уже спать, что ли.

Игорь заснул почти мгновенно, как всегда засыпает солдат, получивший такую возможность – вне зависимости от комфортности "спальни" (и эта, кстати, была еще далеко не худшей) и даже от степени усталости. Устал ты или не слишком – пользуйся возможностью поспать, пока она есть, неизвестно, когда она появится снова... Вот и сейчас кто-то уже толкал его и кричал, что холода наступают, и надо во что бы то ни стало удерживать объект, иначе их тут всех заморозит. И Игорь вскочил, схватил винтовку и побежал по обледенелому бетонному полу к ближайшему окну какого-то огромного нежилого помещения, которое и было объектом и которое он должен был оборонять в одиночку. Перебегая от окна к окну, он стрелял по наступающим Дедам Морозам, которые несли холод из леса. Его винтовка была почему-то закамуфлирована под новогоднюю елку; в качестве игрушек на ней болтались ручные гранаты, а когда он припадал к прицелу, иголки кололи ему лицо. Тем не менее, он слал пули точно в цель, и один Дед Мороз за другим валился в снег, разбрызгивая кровь и мозги; с каждым попаданием становилось чуть теплее; к тому же ствол винтовки нагревался от стрельбы, и от него валил пар. Наконец последний бородатый упал, но было все еще холодно – и Игорь сообразил, почему. Резко развернувшись, он выстрелил в Деда Мороза, подобравшегося с тыла и уже почти пролезшего в окно.

"Плохой мальчик, – обиженно сказал Дед Мороз. – Очень плохой мальчик."

Игорь выстрелил в него еще дважды, заставляя заткнуться.

И тут, наконец, в помещении стало разливаться приятное тепло. Игорь обхватил руками и прижал к себе горячую винтовку – или елку, которая каким-то образом была и тем, и тем одновременно и при этом перестала быть колючей. Кажется даже, она обвила его своими ветками...

Он проснулся и понял, что лежит в обнимку с Елкой, которая дышит ему в грудь. Их ноги по-прежнему разделял ствол дерева, но выше их тела прижимались друг к другу. Ничего сексуального в этом, разумеется, не было – всего лишь рефлекторное стремление согреться во сне. Снаружи уже рассвело; тусклый свет пробивался сквозь заснеженные ветки, образовывавшие крышу и стены их импровизированного убежища. Пока Игорь раздумывал, стоит ли будить девушку или дать ей еще поспать, Елка, должно быть, почувствовав некое изменение его позы, проснулась сама. Едва открыв глаза, она вдруг резко отпрянула, нашаривая рукой автомат.

– Спокойно, – усмехнулся он. – Это всего лишь я. Если ты каждое утро будешь так на меня реагировать...

Несколько секунд она пристально всматривалась в него, должно быть, не окончательно еще проснувшись. Затем бросила быстрый подозрительный взгляд на свою одежду, словно проверяя, все ли пуговицы застегнуты.

– Да не трогал я тебя, – вздохнул Игорь. – Ты сама прижалась ко мне во сне. И правильно сделала, так теплее.

– Каждое утро – безусловно, не буду, – угрюмо произнесла Елка. – Чего я точно не собираюсь делать, так это просыпаться каждое утро в твоем...

Договорить она не успела. Прямо за стенкой их шалаша раздался хриплый лай.

Беглецы застыли. Затем Елка беззвучно перекатилась на живот в позицию для стрельбы, разворачивая ствол в сторону звука, и сняла предохранитель. Игорь, однако, предостерегающе коснулся ее руки, а затем прижал палец к губам: не стоит поднимать стрельбу раньше времени, тем паче вслепую сквозь ветки. Пока это всего лишь собака – сперва надо выяснить, где хозяева этой псины... Быстро вытащив из кобуры пистолет, он слегка раздвинул стволом вкопанные накануне ветви (с иголок посыпался снег) и прильнул глазом к образовавшемуся отверстию.

Пес, со своей стороны, тоже потянулся носом к открывшемуся проему, но затем отпрянул, словно почувствовав угрозу и продолжая при этом гавкать. Он был довольно крупный, но совсем не походил на овчарку или добермана, каких использовали бы охотники на людей. Это была беспородная псина грязно-рыжего окраса, притом явно переживавшая не лучшие времена: шерсть свалялась и висела клочьями, а левом боку заметен был обширный лишай. Тем не менее, на шее темнел потертый ошейник.

– Дворняга какая-то, – сообщил Игорь Елке. – Не служебная собака. И других рядом нет. Все равно, нечего ей тут гавкать и привлекать внимание... как бы ее шлепнуть по-тихому...

– Погоди! Все бы тебе шлепать, – девушка раздвинула ветки, а затем решительно полезла наружу. Игорь, держа пистолет наготове, выбрался следом.

Снегопад закончился, но и солнца не было видно, хотя небо выглядело не так мрачно, как накануне – в основном его затягивали облака, но кое-где голубели просветы. Вокруг лежал глубокий снег, нетронутый, если не считать цепочки собачьих следов, терявшейся между елями. Увидев людей, псина попятилась еще дальше, не переставая лаять и одновременно заискивающе помахивая хвостом.

– Где твой хозяин? – мрачно осведомился Игорь, оглядываясь по сторонам. Никаких признаков человека поблизости не было, что, разумеется, ровным счетом ничего не доказывало.

– Она бродячая, – возразила Елка, опускаясь на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с собакой. Та, наконец, перестала лаять и потянулась носом к девушке, продолжая вилять хвостом.

– Ошейник же, – возразил Игорь.

– Ну и что, что ошейник? Знаешь, сколько теперь таких бегает? Хозяев убили, или сами уехали, бросив все. Она, наверное, людей вообще давно не видела. Думает, мы ей поможем, еды дадим...

– Щас! – осклабился Игорь, вновь поднимая пистолет. Раз хозяина нет, звука выстрела никто не услышит. – Она сама еда. И шапка.

– С лишаем и кучей других болячек?

– Хм... – недовольно проворчал он. – Все равно, не хрен тут...

– Она беременная, – продолжала Елка. – Пока еще не очень заметно.

– И что? Мне полагается расплакаться от умиления? Пусть бродячие псины плодятся и размножаются?

– Ни к чему тратить на нее патроны, – возразила девушка. – И оставлять такой след. Да и стрельбу кто-нибудь все-таки может услышать.

– Можно и прикладом по башке отоварить. И под елку затащить.

– Зачем? Что она тебе сделала? Она уже даже не лает.

Собака, глядя на девушку, просительно поскуливала.

– Ну так хотя бы прогони ее, если ты такая жалостливая, – проворчал Игорь. – Не хватало еще, чтобы это блохастое отродье за нами увязалось.

– Уходи, – велела Елка собаке, выпрямляясь. – У нас ничего для тебя нет. Иди прочь, ну! – она махнула рукой. – Прочь!

Псина отбежала на несколько шагов и снова остановилась, должно быть, надеясь, что люди передумают.

– Уходи! – еще раз крикнула Елка и наставила на нее автомат. На сей раз собака развернулась и побежала в лес – как видно, она уже хорошо знала, что может сделать эта железная палка в человеческих руках. Теперь было заметно, что собака хромает.

Завтрак беглецов состоял из нескольких глотков воды, еще остававшейся в бутылках (и не такой холодной, как снег вокруг) и остатков грибов, которые удалось выгрести из карманов (хотя, как и предупреждала Елка, после сна они превратились в сплошное месиво). Наскоро проглотив все это, они побрели по снегу, на каждом шагу проваливаясь почти по колено. Было ясно, что такими темпами за день они не уйдут далеко.

– Лыжи бы сейчас, – вздохнул Игорь. – Но сделать их нечем.

– По крайней мере, у тех, что идут за нами, те же трудности, – ответила Елка.

– Вот не факт. У них как раз могут быть лыжи.

– Если это десант, высаженный с вертолета, когда снега еще не было...

– Они всегда могут задействовать местные ресурсы. Или организовать поисковые группы, или просто конфисковать все, что им надо.

Из-за облаков выглянуло солнце, осыпав снег серебряными искрами и расчертив его длинными голубоватыми тенями.

– Елка, – удивился Игорь, оценив их направление, – ты сбилась с курса? Мы же идем обратно!

– Не совсем, – невозмутимо ответила девушка, – развернулись где-то на сто сорок градусов. Ельник нам был нужен, чтобы переночевать, а сейчас мы снова идем в старый лиственный лес.

– За грибами, что ли? – усмехнулся Игорь.

– Нет. Там впереди бурелом должен быть. Ты же не хочешь, чтобы нас на лыжах догнали? Вот через него ни одному лыжнику не прорваться.

До бурелома они добрались часа через полтора. Пока они шли, облака почти развеялись, и солнце ярко сияло с безупречно синего неба – вот только такая погода несла не тепло, а холод. Утром, когда беглецы только выбрались из своего елового шалаша, снаружи было лишь

немного холоднее нуля, теперь же их непокрытые головы и руки щипал мороз, который, похоже, все усиливался. Приходилось периодически тереть носы и уши и поглядывать друг на друга, чтобы не пропустить первые признаки обморожения. Игорь даже завидовал длинным волосам своей спутницы, которые, конечно, уступали меховой шапке, но явно выигрывали у его короткой стрижки. А щетина, пробившаяся на его щеках, еще никак не годилась на роль полноценной бороды, способной хоть как-то согреть лицо.

И вот, наконец, они вышли к границе бурелома. Похоже, его созданию некогда поспособствовал не только штормовой ветер, ворвавшийся в проход между очередными холмами, но и затяжной ливень, размывший склоны, откуда стали валиться старые деревья. В результате поваленные стволы громоздились и на склонах, и внизу, словно длинный язык, вытянувшийся между холмами. Все это произошло, очевидно, уже достаточно давно; теперь гниющие стволы, навалившиеся друг на друга, поломанные ветки, груды мусора, нанесенного годами дождей и весенних ручьев, и пробивавшаяся между мертвыми деревьями молодая поросль действительно представляли собой баррикаду, непреодолимую ни для лыжников, ни для пеших путников – если только последние не совсем сумасшедшие или не находятся в отчаянном положении. Окинув взглядом этот пейзаж, Игорь подумал о своей лодыжке. Карабкаясь через эти стволы, и здоровые-то ноги переломать недолго – особенно учитывая, что снег, придавший бурелому менее мрачный вид, на самом деле замаскировал опасные места.

– Не думаю, что лезть туда – это хорошая идея, – проворчал он.

– Вот и те, кто идут за нами, так не подумают, – ответила Елка, – а следы в этом нагромождении веток и сучьев толком не проследишь. Даже если они дойдут сюда, то решат, что мы перелезли завалы по короткому пути и полезли на холм либо слева, либо справа, – она дважды махнула рукой. – А мы пойдем прямо, между холмами, по самому невыгодному пути. Ни один нормальный человек, желающий поскорее унести отсюда ноги, так не поступит – поэтому они потеряют наш след.

– Мы тут целый день будем корячиться, чтобы преодолеть всего пару километров.

– Зато не замерзнем, – подбодрила его Елка.

Игорь хотел было напомнить ей о своих травмах, которые мешали лазить через обледенелые поваленные стволы (да и чертовы наручники в этом деле не помогали), но смутился. Получается, что он, здоровый мужик, собирается ныть и жаловаться перед девчонкой – которой, между прочим, тоже изрядно досталось. Правда, у нее руки-ноги в порядке. Но разве он хотел бы махнуться с ней физическими повреждениями, не говоря уж о моральных? Определенно нет!

– Ладно, – буркнул он, – полезли. Постарайся ничего себе не сломать и не вывихнуть.

– Ты тоже, – невозмутимо ответила она. – Не слишком хочется снова тащить тебя на себе.

И они полезли через бурелом. Где-то через поваленные деревья можно было легко перешагнуть, где-то приходилось осторожно перебираться, нащупывая ногой опору под снегом (или рукой – торчащий сук) и проверяя, насколько мертвая древесина надежна, прежде чем доверить ей вес тела, где-то обходить нагромождения веток и заросли кустарника и подроста или же проламываться прямо сквозь них. Иногда гнилая древесина все-таки ломалась и проседала под их весом, иногда они спотыкались о спрятанную под снегом корягу – но без травматических последствий; если каждому из них и довелось упасть пару раз, то на мягкий снег, а не на торчащий острый сук. Несколько раз они видели на мертвых стволах выглядывавшие из-под снега рыжие шляпки, но грибы уже промерзли насквозь и не выглядели привлекательной пищей, несмотря на голод. Игорь не забывал регулярно оглядываться по сторонам, помня, что теперь они находятся практически на открытой местности, где кроны деревьев не прикрывают их от взгляда сверху – но так и не заметил никаких признаков врага или хотя бы случайного свидетеля. Холмы вокруг выглядели совершенно безлюдными, словно в

тысячах миль от цивилизации – или через тысячи лет после ее гибели. Ни один дымок не поднимался в небо, ни один самолет, военный или гражданский, не чертил белый след в вышине. Ну да, ну да – рисковать никому не охота, вольготно в небе над Зопой себя чувствуют только натовцы, да и они стараются лишний раз не маячить без необходимости. Тут ведь, если звезданут с земли, даже непонятно, кому потом претензии предъявлять... Оно, конечно, по тому месту, откуда ракета взлетела, боевые товарищи подбитого отработают так, что мало не покажется, без всяких дипломатических нот. Но кого они там грохнут? Пехотинца с пустой трубой, которая уже ничего не стоит, а уж его жизнь – и подавно. А сколько миллионов долларов стоит "Бородавочник" или "Апач"? То-то и оно. Невыгодная сделка.

Наконец, приобретя несколько новых царапин и лишившись еще пары выдранных клочков одежды, но не получив никаких более серьезных повреждений, беглецы выбрались из бурелома. Солнце уже низко висело над холмами, но до темноты оставалась еще пара часов.

– Нам надо найти убежище до темноты, – озабоченно сказал Игорь. – Ночь на морозе на открытом воздухе мы не выдержим.

– Найдем, – спокойно ответила девушка, шагая вперед.

Долина перед ними распахивалась вширь, но лес измельчал – на смену могучим букам, вязам и дубам с вкраплениями сосен пришли заросли осины и тонкие стволы молодых берез.

– Старая вырубка, – пояснила Елка. – По-хорошему, здесь должны были новые деревья посадить. Но фидоров уже тогда волновала только выручка от экспорта леса, а не что тут будет через пару поколений, так что все заросло вот этим мусором.

– Береза – мусор? – удивился Игорь.

– Такая – да. Ну, с хозяйственной точки зрения, конечно. В природе-то, естественно, никакого мусора и сорняков не бывает – все живое просто части экосистемы, которые не хуже и не лучше друг друга.

– И человек нужен лишь в качестве пищи для червей, – усмехнулся Игорь.

– А также вшей и кучи других паразитов, – спокойно согласилась Елка. – Ну и как симбионт, конечно, тоже – для множества видов бактерий, в частности. Знаешь, сколько их в тебе? Если бы все ткани твоего организма стали невидимыми, твое тело все равно было бы видно и сохраняло прежние очертания – за счет бактерий на коже и внутри. И именно они, а не собственные клетки, являются первым рубежом обороны организма от патогенов.

– То есть мои границы защищают наемники, – констатировал Игорь, – и лишь если они не справляются, в дело вступает регулярная армия патриотов. А что, вполне разумно – наемников ведь не жалко. Главное только, чтобы они не переметнулись на сторону противника. Но ведь микробы этого не умеют? Предательство – это чисто человеческое изобретение.

– Угу, – мрачно кивнула Елка. – есть чем гордиться.

Они вышли на берег неширокой речки. Вдоль берега она уже подернулась льдом, из которого торчали сухие стебли камыша и осоки, но дальше чернела открытая вода. Впрочем, речка явно была не более чем по пояс в самом глубоком месте, и ее легко было бы перейти вброд – но только не в такую погоду. Елка свернула вдоль берега налево, вниз по течению, и пошла, внимательно глядя под ноги – а затем повернула под углом от берега обратно в лес.

– Куда мы идем? – не выдержал Игорь.

– Видишь? – она указала на снег впереди. – Заячьи следы.

– Надеешься подстрелить зайца? – ему по-прежнему не хотелось производить лишний шум, но при мысли о мясе рот тут же наполнился слюной. Даже если его придется есть сырым.

– Для этого его сперва найти надо. Но это необязательно.

– Что необязательно?

– Стрелять. Если найдем место, где следов много, можно поставить силки. Глядишь, за ночь наш завтрак прибежит к нам сам. Вот как раз в таком осиннике их должно быть много.

– Силки? Много раз слышал это слово, но никогда не видел... во всяком случае, не

помню такого. Это какая-то петля, в которую кладут приманку? Где мы тут возьмем морковку?

– Нет, приманка не требуется. Просто свесить петлю с низкой ветки над заячьей тропой, желательно там, где из-под снега торчит трава и всякие прутики, маскирующие ловушку. Заяц бежит, попадает головой в петлю и душит сам себя.

– Не только люди, выходит, такие идиоты, – хохотнул Игорь. – Ну а петля? Из чего ее делать?

– Лучше всего – из тонкой проволоки. Можно из лески.

– Но у нас ведь нет ни того, ни другого?

– Поищем в доме.

– В каком доме?!

– Вон в том.

Игорь оторвал взгляд от заячьих следов и посмотрел, куда она показывала. Действительно, вдали и в стороне от их курса сквозь густую чащу осинника проглядывал некий приземистый прямоугольный силуэт. Никаких деталей с такого расстояния разглядеть было невозможно.

– Там кто-нибудь живет? – спросил он настороженно.

– Когда-то жили лесорубы. Но это было много лет назад.

– А если там сейчас кто-нибудь окопался?

– В хлипком сарае посреди безлюдного леса? Вряд ли. Воевать здесь не с кем, разве что с зайцами.

– В таком случае, почему мы туда не идем?

– Всему свое время. Сначала найдем хорошее место для ловушки, пока еще светло.

Игорь продолжал подозрительно коситься в сторону сооружения в зарослях, но все же последовал за девушкой, идущей по заячьему следу.

Вскоре им попались и другие следы, под углом пересекавшие первые, но к тому времени, когда Елка, наконец, нашла устроившее ее место, солнце уже скрылось за холмом, и лес затопили тени. В небе, тем не менее, все еще ярко золотились редкие облачка с рыхлыми раздерганными краями – но этот последний свет умирающего дня уже совсем не согревал землю, и холод для людей, не имевших ни шапок, ни перчаток – да и одежду с прорехами – становился уже совсем нестерпимым. Так что к оставшемуся позади жилищу лесорубов они возвращались чуть ли не бегом, проваливаясь в скрипучий снег – который сейчас, впрочем, был им скорее союзником, чем врагом, демонстрируя, что к дому не ведут ничьи следы – даже заячьи.

Но на подходе и без этого стало ясно, что никакая засада или остановившаяся на ночлег диверсионная группа их внутри не поджидает. Дом, а точнее говоря – бурый от ржавчины строительный вагончик без колес, оброс осиной со всех сторон; тонкий ствол тянулся и прямо перед дверью, не позволяя ее открыть. Очевидно, в последний раз ее открывали задолго до войны. Удивительное дело, но стекла в маленьких окнах по большей части уцелели, хотя и покрылись многолетней грязью; лишь одно из них выдавила проросшая внутрь ветка. Ближе к цивилизации в таком брошенном вагончике непременно расколотили бы все окна и расписали стенки граффити – но в эту глухомань, похоже, никто не добирался с тех самых пор, как ушли лесорубы.

Игорь все же обошел вагончик со всех сторон, продираясь сквозь заросли, но не обнаружил никаких сюрпризов; разбитое окно выглядело единственной проблемой, но он понадеялся, что помещение вагончика разделено внутри, и можно будет закрыться в непродуваемой части – а может, там найдется и что-нибудь, чем можно заткнуть дыру. Оставалось проникнуть внутрь. Он навалился всем своим весом на деревце, мешавшее открыть дверь; оно накренилось, но не желало ни ломаться, ни выкорчевываться. "Помоги мне!" – прохрипел он. Елка уперлась ладонями в его спину, помогая толкать. На сей раз из-под снега

послышался глухой хруст, и дерево рухнуло, вырванное с корнем; оба человека тоже повалились в снег, и Игорь едва удержал вскрик, когда его ребра вновь отреагировали на подобное обхождение. Елка тут же вскочила и принялась отряхиваться; за ней поднялся Игорь, все еще морщась, и, втянув одну руку в рукав – он не хотел, чтобы влажные пальцы, и без того израненные накануне, примерзли к железу – дернул сквозь материю за ручку, опасаясь, что дверь окажется закрытой. Но дверь отворилась, хотя и с жутким противным скрипом, и беглецы вошли внутрь.

Они оказались в комнатке, служившей одновременно прихожей с вбитыми в стену крючками для одежды и кухней – закопченная дровяная плита у стены, непокрытый, грубо сколоченный квадратный деревянный стол посередине с задвинутыми под него с каждой стороны табуретками, два водруженных друг на друга шкафчика (двери верхнего были приоткрыты, демонстрируя пустое нутро). На столе все еще стояла пустая водочная бутылка и пара вскрытых и ржавых высоких консервных банок (из одной торчала алюминиевая вилка). Все это было невероятно грязным, на столе и полу вокруг образовались какие-то концентрические бурые разводы, и причиной тому было не только разбитое окно, но и, как понял Игорь, бросив взгляд вверх, ржавая крыша, просевшая под тяжестью снега (очевидно, не только нынешнего, но и многих предыдущих снегопадов) и прохудившаяся в нескольких местах. Сейчас, правда, эти прорехи закрывал снег, но все равно, спать на таком полу под этой угрожающе провисшей крышей хотелось меньше всего. Еловый шалаш на этом фоне выглядел не в пример уютнее.

Впрочем, для сна, очевидно, предназначалась другая часть вагончика, отделенная от первой перегородкой с дверью. Там окно было целым, а если уцелела и крыша, то, возможно, там беглецов ожидало почти настоящее жилище, и даже с кроватями. Однако, прежде чем идти туда, Игорь быстро обследовал кухню – распахнул дверцы ящиков, даже заглянул в закопченное нутро плиты. Увы, ему не удалось обнаружить ничего полезного – ни еды (каких-нибудь консервов или галет, все еще пригодных в пищу столько лет спустя), ни инструментов или оружия – даже консервного ножа, которым вскрывали эти банки. Очевидно, лесорубы, бросив казенный вагончик, забрали все мало-мальски ценное из личных вещей. Ни лески, ни проволоки нигде тоже не завалялось. На плите лежал коробок с несколькими спичками, но они давно отсырели и пришли в полную негодность.

– Ладно, – пробурчал Игорь, подходя к двери в перегородке, – посмотрим, что там.

Перекосившаяся дверь поначалу не поддалась, но он дернул сильнее, и она распахнулась. И тут же из полумрака помещения, которое никто не открывал уже много лет, на него вывалилась темная фигура, в первый миг показавшаяся ему карликом, и ткнулась головой ему в пах. Игорь рефлекторно отпрыгнул; Елка, стоявшая позади, не удержала короткого вскрика, тут же, впрочем, сорвав с плеча автомат. Но стрелять было уже не в кого. Фигура в гнилой черной телогрейке повалилась на пол, и обтянутый кожей череп, еще сохранивший остатки волос, глухо стукнулся виском у ног Игоря. Пустые ямы глазниц уставились на пришельцев; отпавшая нижняя челюсть обнажила щербатые желто-бурые зубы, похожие на гнилые пеньки (нескольких не хватало). Никаким карликом мертвец, конечно, не был – просто все эти годы со дня своей смерти он сидел, привалившись к двери с той стороны.

– М-да, – пробормотал Игорь, а затем, перешагнув через труп, решительно вошел внутрь.

– Что там? – спросила Елка, явно не спеша следовать за ним. – Там... еще есть?

– Да, – констатировал Игорь. – Еще двое.

В спальне, едва освещенной светом из единственного грязного окна, вдобавок завешенного какой-то тряпкой, стояли две двухъярусные кровати, занимавшие почти все пространство маленького помещения. На нижней слева и на верхней справа также лежали мумии в телогрейках и ватных штанах – типичной рабочей одежде социалистических времен. Воздух в помещении был тяжелым и затхлым, но трупного зловония спустя столько лет уже

практически не чувствовалось – хотя помещение и оставалось закупоренным достаточно плотно, чтобы никакая живность не проникла внутрь и не обглодала трупы до костей. Потолок тоже выглядел надежнее, чем в кухонном отсеке.

– Это что – лесорубы? – Елка, наконец, заглянула в спальню – брезгливо, но без страха.

– Тебе виднее, – усмехнулся Игорь, осматривая мертвецов. – Ты знала про этот дом.

– Я не знала, что тут... внутри.

– Во всяком случае, на бойцов они не похожи. Даже на опущенцев. Да и умерли они явно задолго до войны. И ран я тоже не наблюдаю. Ни огнестрельных, ни ножевых. Я не судмедэксперт, конечно, но одежда вроде целая...

– Тогда от чего они умерли?

– Может, замерзли, – пожал плечами Игорь. – Или, наоборот, угорели. Один вон почуял неладное, пытался выбраться, но не успел. Хотя... скорее всего, от паленой водки. Решили отметить окончание сезона – ну вот и отметили.

– И никто их даже не хватился?

– А кому они нужны? Сезон кончился, работы свернули. А публика, которая в такие артели нанимается... у них часто ни семьи, ни друзей. Собутыльники не в счет.

– Что-то не сходится, – заметила девушка. – Если они тут соображали на троих и все тут и остались, то как-то тут слишком пусто. Ну может всякие пилы-топоры и в другом месте хранились, но все равно, какие-то личные вещи должны быть здесь...

– Угу, – согласился Игорь, деловито обшаривая карманы верхнего мертвеца. – Ну-ка проверь того, что на полу – есть у него что при себе? Деньги, документы, сигареты?

– Ты предлагаешь мне копаться в этой дохлятине?! – возмутилась Елка.

– Ой-ой, какие мы нежные... Можно подумать, ты на своем хуторе коз не резала и кур не потрошила.

– Резала, – спокойно подтвердила она. – И свиней кастрировала. С тех пор, как отец уехал, а брат воевать ушел. Но это не то же самое.

– Конечно, нет – всего-то по карманам пошарить. Вскрывать его и проверять, не проглотил ли он золотую монету, я не предлагаю – хотя, конечно, если бы был шанс, что проглотил... – он перешел к трупу на нижней койке, а затем, поскольку девушка лишь по-прежнему стояла и смотрела – к тому, что на полу. Закончив поспешный обыск, он разочаровано выпрямился: – Ни шиша. У всех троих, – особенно ему обидно было, что не нашлось курева, ибо деньги социалистических времен уже никакой ценности не представляли. А ведь такие типы просто обязаны были быть курильщиками! – Значит, что?

– Мы не первые? Кто-то побывал здесь уже после их смерти и все обчистил?

– Да не "кто-то". Здесь четыре койки. И четыре табуретки на кухне.

– Был еще один, непьющий? Который увидел, что его товарищи умерли, хладнокровно обобрал их и ушел, оставив их гнить тут? Одного даже бросил умирающим, раз тот дополз до двери...

– Может, и так. Только я думаю – он не просто увидел. Он им эту самую выпивку и поставил. А что? Как раз артель работу закончила и деньги получила. Зачем делить на четверых, если можно на одного? И документы заодно прибрал, чтобы, если их все-таки найдут, замаялись идентифицировать. Хотя – у такой публики могло и вовсе никаких документов не быть... Ну и все прочее тоже – лишней папиросы и то не оставил. Чего добру пропадать.

– Да уж. Нравы социалистического братства, которое так нравится фидорам.

– Да люди при любых "измах" одинаковы. Просто при некоторых лицемерия больше.

– Ладно, – сказала Елка, – я пойду ставить силки, а ты вытащи этих и набери топлива для плиты.

– И чем его поджигать? Спички на кухне не годятся.

– Зажигалкой.

– У тебя есть зажигалка? – удивился Игорь.

– Все время в кармане была, – пожала плечами Елка. – Досталась вместе с этими шмотками.

– И ты молчала?! – возмутился он. – Мы тут уже два дня мерзнем, а оказывается, давно могли костер развести!

– Чтобы его заметили все, кто нас ищет? Знаешь, с какого расстояния виден ночью огонь, а днем дым?

– Это смотря как жечь. Можно замаскировать костер так, что будет практически незаметно со стороны.

– Предпочитаю не рисковать. Мне, знаешь ли, уже хватило горячего приема у Дракулы. Теперь я уж лучше померзну.

– А вот лично я больше мерзнуть не собираюсь. Давай сюда свою зажигалку.

Девушка взглянула на него с сомнением, словно он был ребенком, желающим поиграть с огнем – или с какой-то очень дорогой и хрупкой вещью. И это выражение на ее лице – лице девчонки, смотрящей на мужчину вдвое старше нее – неожиданно не рассердило его, а рассмешило:

– Давай, давай! Не съем я твой трофей. Ты же хочешь вернуться в уже теплое помещение?

Елка нехотя протянула ему просимое – и это действительно оказался не обычный пластмассовый ширпотреб, а дорогая модель Zippo в серебристом корпусе с откидной крышкой.

– Такая баксов двести стоит, – оценил Игорь уважительным тоном старого курильщика. – Небось, отжали у кого-нибудь, суки... А пачки сигарет там вместе с зажигалкой случайно не было?

– Была. Я эту дрянь сразу выкинула, разумеется.

– Твою ж мать! – не сдержался он.

– И следи за своим языком, – холодно потребовала Елка. – Ты не в казарме.

– А где я – на светском балу? – он со злой усмешкой обвел рукой окружающую обстановку – комнату заброшенной ржавой бытовки с тремя истлевшими трупами. Девушка, как видно, сочла ниже своего достоинства вступать в спор, повернулась и пошла к выходу с видом "я все уже сказала".

У него вдруг возникло иррациональное опасение, что она сейчас уйдет и не вернется. Не потому, что что-то случится с ней в лесу (что, впрочем, тоже не исключено), а просто потому, что она решила бросить его здесь, и силки – только предлог (потому и зажигалку отдала так неохотно). Она ведь говорила, что ей нужна тонкая проволока или леска, но они так и не нашли здесь ничего подобного...

– Ты что – нашла проволоку? – крикнул он ей в спину.

– Обойдусь без нее, – ответила Елка, берясь за дверную ручку.

– Каким образом?

Девушка повернулась и двумя пальцами оттянула в сторону длинную прядь из своего "хвоста".

– Прочность человеческого волоса, – изрекла она лекторским тоном, – сопоставима с прочностью стальной проволоки того же диаметра.

– А резать чем? Осколком от бутылки?

– Ножом, разумеется.

– Тоже трофей? – понял Игорь.

– А ты его даже не заметил у меня за поясом, когда я задирала футболку? Меньше надо было на сиськи пялиться.

– Ну знаешь! Во-первых, ты мне их сама показала...

– А смотреть надо не на то, что тебе показывают, а на то, что тебе нужно увидеть.

-... а во-вторых, ты сама прекрасно знаешь, что я смотрел на твои ожоги, а не на сиськи. В которых, между прочим, нет ничего выдающегося, – мстительно добавил он.

– Я была бы просто счастлива, если бы Дракула и его банда считали так же, – холодно ответила она и вновь повернулась к двери.

– Елка! Погоди. Пойдем лучше вместе.

– Мальчик боится оставаться один с покойниками?

– Да тьфу на тебя! Ты можешь хоть минуту не собачиться?! Я же о твоей безопасности думаю! Мало ли на кого ты можешь нарваться...

– Во-первых, я вооружена, и получше, чем ты. А во-вторых, – добавила она после короткой паузы, – о моей безопасности беспокоиться уже поздно. Хуже, чем то, что было, мне уже не сделают, – с этими словами она вышла.

Игорь внезапно почувствовал что-то вроде благодарности – ему действительно не хотелось снова выходить на мороз (который, впрочем, пока еще царил и в бытовке – но в закрытом помещении всегда кажется теплее, чем снаружи). Так что он предпочел не возиться со сбором веток в округе (если не считать той, что себе на беду сама вломилась в окно). Вместо этого он разломал на топливо табуреты. Одежда мертвецов расползалась под пальцами и совершенно не годилась по своему прямому назначению, однако Игорю удалось заткнуть этим тряпьем разбитое окно. Разведя огонь, он вновь поспешил туда, готовый выдернуть затычки, если окажется, что дымоход забился, и дым пойдет в помещение. Однако дым, похоже, исправно уходил в трубу.

Теперь надо было что-то делать с трупами. Елки все не было, а Игорю, который начал уже согреваться, теперь еще меньше хотелось выходить на холод и устраивать там даже и очень условные похороны в снегу. Ухмыльнувшись, он решил проделать кое-что иное. Возможно, это было и ребячество, но ему захотелось посмотреть на реакцию девчонки.

Вскоре после того, как он закончил, уже совсем стемнело, но девушка все не возвращалась, и Игорь начал беспокоиться. И тут вдруг откуда-то бухнуло, затем еще и еще. Игорь напрягся, но тут же расслабился. Канонада явно доносилась издалека, и били определенно не по этому лесу, где, надо полагать, и не было никаких достойных целей. Он слышал сами выстрелы – работала, как он определил на слух, ствольная артиллерия – но не взрывы там, куда прилетало – то место, очевидно, находилось слишком далеко.

Елке, очевидно, этот далекий обстрел никак не мог повредить, и едва ли даже мог ее напугать ("у нас тут любая бабка калибр миномета на слух определяет", вспомнилось Игорю), но где же она, в таком случае? Он не был уверен, есть ли смысл идти на поиски в темноте, и все же в конце концов подошел к двери. В этот момент канонада, наконец, смолкла, и во внезапно наступившей тишине Игорь услышал приближающийся скрип шагов по снегу снаружи. Стараясь ступать беззвучно, он быстро отступил в спальню. Строго говоря, это могла быть и не Елка...

Дверь отворилась с неизменным скрипом, и внутрь шагнула одинокая фигурка в камуфляже – тут же уткнувшись взглядом в подготовленное зрелище. В полумраке, озаряемом лишь отсветами огня в плите, сидели все три мертвеца, привалившись друг к другу у стены под крючками, на которые когда-то они вешали свою одежду. Средний обнимал костяными руками за плечи двух других, а между его ног в лохмотьях ватных штанов торчала поставленная на пол бутылка.

– Это еще что за Хэллоуин? – раздался знакомый сердитый голос.

– Бу! – отозвался Игорь из спальни, и, чувствуя, что "сюрприз" не удался, все же спросил, как собирался: – Так кто из нас боится покойников?

– Я не боюсь. Я спрашиваю, почему ты не вытащил их наружу!

– Зачем нам привлекать внимание? Мало ли какое зверье тут может шастать. А закапывать их в снег – лишняя морока.

– Никакой хищник не позарится на обтянутые кожей скелеты.

– Может, и не позарится, зато нас учует. И зверье бывает не только четвероногое.

– Уж это точно, – мрачно согласилась девушка. – Но ты что, предлагаешь нам так и спать в такой... компании? Это пока тут еще холодно, а когда они совсем оттают...

– То ничего не будет. Все, что могло сгнить, там уже давно сгнило, как ты только что справедливо заметила... Кстати, а кто это долбил сейчас, ты в курсе?

– Кто-кто... Это называется перемирие по-фидорски. Долбят, суки, по нашим позициям из Зопы, причем прикатывают свою арту в какое-нибудь село, а если им ответка прилетит, обвиняют наших в обстреле мирных жителей... Каждый день практически такой концерт, вчера вот из-за погоды не было, потому что ориентиров не видно ни шиша, а они наводятся по старинке, у них же вся техника – совок дремучий...

– Выходит, наши позиции уже близко?

– Ну как сказать... близко было на бумаге, да забыли про овраги...

Беглецы уселись на полу у распахнутой плиты, вытягивая к огню руки и ноги. Свои пластиковые бутылки, наполнив их снегом, они тоже поставили поближе к теплу – оттаивать. Деревяшки трещали в топке, впервые за много лет согревая ржавый мавзолей неизвестных лесорубов, и на стенах каплями заблестел оттаявший иней. Рыжие отсветы пламени играли на волосах Елки, вновь распущенных и все еще длинных – она срезала лишь несколько прядей слева и справа, что можно было заметить, если присмотреться, но не бросалось в глаза. Покойники скалились из темноты, и девушка все же старалась не смотреть в ту сторону.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес Игорь, чувствуя, что наконец согрелся окончательно. – Для полноты счастья не хватает только твоего зайца.

– Надеюсь, к утру будет и заяц.

– Не боятся они канонады?

– А что им... где-то далеко гром грохочет, подумаешь.

– Зимой?

– Так они в школе не учились, не знают, что зимой гроз не бывает. Им главное, что тут по лесу теперь никто не шастает.

– Заяц – это хорошо... – продолжал мечтать Игорь. –Там ведь не только мясо, но и шкурка. Шапку бы сделать... хотя, наверное, одного зайца на шапку не хватит? А на две и подавно. Ну тогда рукавицы... только как их сделаешь-то? Даже если ты шить умеешь, у нас ни ниток, ни иголки... или есть еще какие-то трофеи, о которых я не знаю?

– Нет, больше ничего, – покачала головой Елка. – Думаешь, эти бандиты в карманах швейные принадлежности таскали? Ты еще скажи – гигиенические прокладки!

– На войне, знаешь ли, портных нет, – заметил он. – Чинить одежду приходится самостоятельно. Так что могли и таскать, хотя, конечно, не обязательно прямо в кармане... Ну а документы? Тоже нет? Нам могли бы пригодиться на очередном блокпосту – если, конечно, удастся избавиться от этих чертовых наручников...

– Нет, не было документов.

– Ну да, ну да... ДРГ в рейде документы с собой не берут. И знаков различия не носят.

– Суки трусливые. Трусливые и подлые, как все фидоры.

– А думаешь, наши всегда такие плакатные герои? Бывают, знаешь ли, такие деликатные задания...

– Вот почему словом "деликатное" люди всегда именуют какую-нибудь мерзость?

– По-твоему, разведчик в тылу врага делает мерзость?

– Ну... – смутилась Елка, – нет, конечно, но Дракула и его банда занимались чем-то похуже, чем просто разведка. Ты так и не можешь ничего про них вспомнить?

Игорь задумался в очередной раз, а затем раздраженно потряс головой:

– Ни хрена. Сплошной туман. Ни как они меня поймали, ни почему не шлепнули. Но, так

или иначе, если они и планировали какую-то операцию, теперь она уже не состоится.

– Если Дракула все-таки выжил, он может собрать новую банду. Мало ли среди фидоров отморозков.

– Может, и соберет... а оперативная обстановка к тому времени изменится. И я, может, к тому времени все-таки вспомню, что должен рассказать нашим.

Некоторое время они сидели молча, наслаждаясь теплом и думая каждый о своем; затем Елка начала клевать носом, но, похоже, упорно не желала сдаваться сну первой и всякий раз вскидывалась, бросая быстрый взгляд на своего спутника, словно проверяя, заметил ли он ее слабость. Не заметить было трудно, и Игорь велел ей не валять дурака и отправляться спать по-нормальному. Девушка нехотя согласилась и ушла в спальню, заняв ту из нижних коек, на которой прежде не лежал труп. Игорь с усмешкой отметил про себя, глядя через открытую ради тепла дверь, что она даже во сне не пожелала расстаться с автоматом и намотала его ремень на запястье.

Наконец и он сам почувствовал, что засыпает; подбросив в огонь последние ножки табуретки, он закрыл дверцу топки, иронически отсалютовал покойникам и тоже отправился в спальню, где выбрал верхнюю койку наискосок от Елки (нижняя была бы, конечно, удобнее, но ему тоже не хотелось ложиться на тюфяк, на котором прежде гнил мертвец). Предварительно проверив, не развалится ли старая конструкция под его весом – нет, вроде прочная – он влез наверх и почти мгновенно провалился в глубокий сон.

Разбудил его вопль.

Это был истошный тонкий крик женщины или ребенка, полный ужаса и отчаяния. Игорь резко сел в полной темноте, еще ничего не соображая, и тут же треснулся головой о низкий потолок бытовки. Мысленно матюгнувшись, он тут же подумал – Елка! Однако в следующую секунду сообразил, что кричат не рядом, а где-то там, снаружи, в ночном лесу. Впрочем, если Елка вышла на улицу, по нужде или зачем-то еще, и там...

Додумывал эту мысль он уже в воздухе, прыгая с койки вниз. Он вовремя сообразил поджать пострадавшую ногу, оберегая ее от удара об пол, так что приземлился благополучно и рванулся вперед – чтобы тут же споткнуться во тьме о чью-то ногу. Беспомощно взмахнув скованными руками, он грохнулся на пол в дверном проеме, заплатив за это новым взрывом боли в ребрах.

– Ты чего? – раздался спокойный голос Елки сзади, а вовсе не из ночного леса.

– А... ты разве... кто это кричит? – растерянно пробормотал он. Вопль к этому времени уже прервался, и у Игоря мелькнула мысль, что это вообще мог быть просто сон. Тогда, конечно, насмешкам чертовой девчонки не будет предела!

– Это? Заяц. Попался, наконец.

– Заяц?! – изумился Игорь. – Вот уж не подумал бы...

– Никогда не слышал, как они кричат? Похоже на ребенка, да. Ты там цел?

– Более-менее, – проворчал он, неуклюже поднимаясь с пола. – А ты чего ноги в проходе растопырила, если знаешь, что это всего лишь заяц?

– Не "всего лишь заяц", а наша еда, – напомнила девушка. – Он и меня разбудил, хотела за ним идти... но теперь понимаю, что слишком темно еще. Замучаюсь его искать, надо рассвета ждать. Хреново без фонарика жить, конечно.

– Можно факел соорудить... хотя, конечно, сквозь этот осинник его будет видно за километры...

– Именно. А вот печку заново растопить не помешает.

Действительно, огонь давно погас, и в вагончике снова было холодно. Игорь принялся отламывать в темноте ножки стола.

– Все-таки не понимаю, зачем ломать мебель, если вокруг полно деревьев, – неодобрительно заметила Елка, не столько разглядевшая, сколько догадавшаяся по звукам, чем

он занимается.

– Нам она все равно не пригодится, – пожал плечами Игорь и, ухватив стол за одну из ножек, с размаху шарахнул его другой ножкой об пол. Послышался треск. – Посуды у нас нет, и не будем же мы класть еду прямо на эти грязные доски.

– Ну да. А после нас – хоть потоп.

– Мне казалось, ты любишь природу, – усмехнулся он. – Должна жалеть деревья, а не эту никому не нужную рухлядь.

– Природе ничего не будет от нескольких сломанных веток. Осина новая вырастет. А вот уничтожать плоды чужого труда мне всегда казалось... противоестественным.

– Сама говорила – естественно еще не значит хорошо, – он окончательно отломал первую ножку и принялся за вторую.

– Но и еще не значит плохо, – возразила девушка. – От естественного можно отклоняться как вверх, так и вниз. Скажем, животные едят друг друга, это естественно. Мы не едим друг друга, и это отклонение вверх. А вот убивать друг друга не потому, что голодны, а просто ради удовольствия от убийства и мучительства – это отклонение вниз. И всякое удовольствие от разрушения, в общем-то... даже когда речь о неодушевленных предметах. Кто-то делал, старался. А ты пришел и сломал. Вот, типа, какой ты крутой.

– Да при чем тут крутизна?– возмутился Игорь. – Просто не хочу выходить на мороз и ломать там заснеженные ветки голыми руками, – он уложил отломанную ножку одним концом на вторую, а другим – на пол и прыгнул сверху, ломая длинную деревяшку пополам. – И вообще, можно подумать, я тут шедеврами искусства печь топлю...

– А вот я не знаю, как бы ты и с шедеврами обошелся, в каком-нибудь, скажем, захваченном вражеском городе, – непреклонно ответила Елка. – Ты просто свою довольную рожу сейчас не видишь. А мне этот блеск в глазах, знаешь ли, с детства знаком. С тех пор, когда... меня доставал один хулиган, обожавший ломать мои игрушки.

– Ты мою рожу сейчас тоже не видишь, – парировал он. – темно слишком.

– Ну, вечером видела, когда еще не совсем темно было...

– И вообще, если тебе не нравится, как я решаю проблему отопления – можешь идти на мороз за дровами сама.

– Ладно, ладно, – проворчала Елка, собирая волосы в хвост. – Начал ломать, так уж доламывай, чего уж теперь.

– Вот то-то же, пацифистка. Сама-то с фидорами что сделать мечтаешь?

– Это совсем другое. Они заслужили. Насилие по отношению к насильнику – это совсем не то же самое, что делает он сам. Это просто восстановление справедливости. А вот их произведения искусства я бы уничтожать не стала. И даже их мебель ломать без необходимости. Глупо мстить ни в чем не повинным предметам.

– Я никому не мщу, я просто топлю печь, – напомнил Игорь, щелкая зажигалкой.

– А я уже не про тебя, я вообще.

Чернота за окнами меж тем уже начинала сереть, и Елка заявила, что идет за зайцем. Когда она вышла, Игорь подошел к окну и наблюдал за фигуркой девушки, пока та не затерялась в предрассветных сумерках среди деревьев. Елка ушла вовсе не туда, откуда они пришли накануне и где, по ее словам, она собиралась ставить силки. Впрочем, рассудил Игорь, это логично – раз уж они ничего не могут поделать со своими следами на снегу, не стоит, по крайней мере, ходить к своему убежищу по прямой. Лучше петлять, как те же зайцы.

Он вышел наружу справить нужду и поспешил вернуться обратно в тепло. Вопреки всплывшей в памяти старой хохме, облегчение мочевого пузыря не привело к облегчению на душе. Сколько ни путай следы, а пройти по ним все же можно, и вагончик отнюдь не был надежным убежищем. Другого варианта не было – им необходимо было провести ночь в тепле, они бы не выжили без спальных мешков на морозе. Но это должны понимать и те, кто их ищет.

И прочесывать окрестности в поисках любых одиноких домиков, сторожек, сараев и всего такого прочего, способного послужить убежищем беглецам. Обозначен ли этот вагончик на каких-нибудь военных топокартах? Не факт, но и не исключено. На спутниковых снимках он вполне может быть различим. Летом в "зеленке" – нет, а вот зимой заросли тонкой осины не способны укрыть его по-настоящему. Вполне возможно, разумеется, что преследователи давно потеряли их след и вообще не ищут их в лесу, а проверяют более цивилизованную местность. Тем более что там-то, по нынешним временам, всяких заброшенных строений хоть отбавляй. Но во-первых, опять-таки, не факт, а во-вторых, все зависит от того, какие силы брошены на поиски. Если он действительно сильно нужен врагу, фидоры могли задействовать множество поисковых групп, чтобы обшаривать и населенные, и дикие районы. Всю площадь, куда за это время беглец мог добраться чисто физически. В конце концов, она не столь уж велика – они знают, что уходить он может только пешком. Если бы ему и удалось раздобыть транспорт, на дорогах блокпосты...

Он продолжал всматриваться в постепенно светлеющий осинник, пока не заметил мелькнувший вдали между тонкими стволами силуэт. Человек был один и шел не к вагончику, а мимо; Игорь подумал, что это, скорее всего, Елка, возвращающаяся по "заячьей петле", но решил не расслабляться. Он следил за мелькающей фигурой, пока та не скрылась в мертвой зоне, не просматриваемой из маленьких окон ни с одной, ни с другой стороны.

Через некоторое время фигура показалась снова – уже гораздо ближе и с другой стороны, шедшая в обратном направлении. Это был человек в осеннем камуфляже с автоматом, висевшим на плече в изготовленной к стрельбе позиции – и по прическе Игорь действительно узнал Елку. Никакого зайца у нее, однако, не было.

– И где же наш завтрак? – осведомился Игорь, когда девушка, с усилием дернув скрипучую дверь, появилась на пороге.

– Сожрали без нас, – мрачно ответила Елка, входя и захлопывая дверь. На мертвецов она уже даже не взглянула. – Я нашла только кровь на снегу и собачьи следы. Тот крик не только мы слышали. Надо было все-таки сразу идти, не ждать рассвета – хотя, наверное, все равно бы не успела...

– Собачьи? Может, волчьи?

– Не исключено, но, по-моему, для волчьих мелковаты все-таки. Хотя волки тоже разные бывают. До войны в этих местах волков не было, их перебили давно, но теперь, конечно, могли появиться. Но скорее все-таки бродячая собака. Я же говорила, их теперь много по лесам бегает.

– Надо было грохнуть ту псину, зря ты ее пожалела.

– Вряд ли это она, далековато от того места. Тут своих хватает.

– Ну ладно, – вздохнул Игорь, – может, это даже и к лучшему, что завтрак накрылся. Значит, нас тут ничто не задерживает, и надо уходить прямо сейчас, пока окончательно не рассвело.

– Погоди, – произнесла Елка нехарактерным для нее просительным тоном, – дай хоть погреться, там сейчас натуральный колотун.

Игорь вспомнил, как она одета – под дырявой курткой одна только футболка, и слишком большие ботинки без носков. И, само собой, ни шапки, ни перчаток, как и у него самого.

– Ладно, – решил он, распахивая дверцу плиты, – греемся, но недолго. Нельзя нам тут засиживаться.

– Что-то не так?

– Просто интуиция.

– Я бы ей на твоем месте так слепо не доверяла, – усмехнулась Елка, присаживаясь на корточки у огня. – Ты со своей интуицией в плен попал.

– Зато жив остался.

Они просидели, вытягивая руки к огню, минут десять. Затем Елка решительно поднялась

первой:

– Ну ладно, идем.

Она направилась к двери, но Игорь прежде выглянул в окно и застыл, всматриваясь.

– Поздно.

В предрассветных сумерках между деревьями, словно белые призраки, двигались силуэты в зимних маскхалатах.

Девушка, уже взявшаяся было за ручку, отдернула руку и поспешно вернулась к окну, встав боком у края, так, чтобы ее трудно было заметить снаружи. Игорь уже занял такую же защитную позу по другую сторону окна.

– Может, это еще не сюда... – произнесла Елка почти жалобно и тут же оборвала себя: – Нет, сюда, конечно, куда же еще.

Действительно, враги быстро приближались, направляясь прямиком к вагончику. Наверняка они уже видели следы на снегу – но, возможно, пока считали, что их самих еще не заметили. Девушка решительно сдернула с плеча автомат.

– Дай мне, – негромко сказал Игорь.

– Нет. Тебе неудобно в наручниках.

– Ничего. Упру в край окна...

– Забыл уговор? Я командую.

– Девочка, это уже не игрушки!

– Я, блин, заметила, – процедила она, глядя на приближающиеся фигуры.

– Тогда хотя бы подпусти поближе, – обреченно выдохнул Игорь, вытаскивая из кобуры пистолет.

Но Елка уже разбила стволом стекло и ударила длинной грохочущей очередью. Наступающие тут же попАдали на землю. Игорь, не разбираясь, кто из них ранен, а кто просто залег, сам рухнул на пол среди осколков и горячих гильз, силой увлекая девушку за собой в ожидании ответного огня. Эти ржавые стенки защитят разве что от мелкашки, автоматные очереди прошьют такой вагончик насквозь...

Но враги не стреляли.

– В чем дело? – он недоуменно приподнял голову. – С такого расстояния ты вряд ли попала хоть в одного!

– Они не будут стрелять, – ответила Елка. – Ты нужен им живой.

В следующий миг она вскочила и выпустила, на сей раз, две короткие очереди в окно – влево и вправо, а затем нырнула обратно на пол.

– Обползти пытались, – пояснила она и так понятное. – Объяснила им, что они неправы.

– И что дальше? – мрачно спросил Игорь и сам же ответил: – Сейчас они отползут назад и окружат нас вне зоны прицельного огня. А там или запросят подкрепление, или будут брать измором, или тупо попрут сразу со всех сторон. Да вообще, через эти окна нет кругового обзора, с торца можно наступать вообще безопасно. А у нас всего один магазин – второй ты ж уже почти высадила.

– Да, – согласилась Елка. – Поэтому у тебя несколько минут.

– На что?

– Вылезти через окно сзади и оказаться за окружением прежде, чем они его замкнут.

– Да. Все равно погонятся, но оставаться – точно хана. Идем.

– Нет, – помотала головой Елка, – ты иди, я прикрою, – она снова быстро приподнялась, выстрелила в окно и нырнула обратно.

– Геройских фильмов насмотрелась? – возмутился Игорь.

– Простой расчет, – спокойно ответила девушка, выдергивая опустевший магазин и вставляя на его место второй. – Им нужен ты. Нашим тоже. И с твоей ногой ты еще бегаешь не ахти. Надо дать тебе время убраться, пока я буду сдерживать их.

– И что потом?

– Уведу их по другому следу, оторвусь и нагоню тебя.

– Как ты оторвешься от здоровых мужиков?

– Им нужен ты, – повторила девушка. – Когда они поймут, что я не ты, они бросят преследование.

– А если тебя возьмут, минимум, для допроса?

– Я живой не дамся. Это мы уже проходили. Если не дождешься меня до конца дня – уходи один на юго-запад. Всё, – прикрикнула Елка, видя, что он опять собирается возразить, – времени нет! Встречаемся на вершине холма, – она махнула рукой, указывая направление, хотя с пола вагончика холм не был виден. – Того, что ближе.

– Но ведь это мы опять идем назад? – сообразил Игорь.

– Поэтому они вряд ли будут искать нас там.

– Если бы не следы на снегу...

– Следы путай, как сумеешь, не прись по прямой! Все, пошел!

Это была та самая ситуация, о которой он размышлял в первое утро их бегства. Спасаться самому или спасать Елку. Но в данном случае она просто не оставила ему выбора – спорить и в самом деле некогда, и не может же он тащить ее силой, а тем более – заставить уходить первой! А остаться здесь вместе с ней, имея из оружия только пистолет с восемью патронами, и дожидаться, пока их обложат со всех сторон – это не просто верная хана, а верная бессмысленная хана для них обоих. Шансов ускользнуть по одному все-таки больше, чем если прорываться вдвоем. Поэтому он лишь бросил: "Ты тоже не задерживайся здесь" и, низко пригибаясь, перебежал на другую сторону вагончика, к заткнутому тряпьем окну. Защищая руки этим тряпьем и собственными рукавами, быстро выломал оставшиеся куски стекла и, ухватившись за ствол росшего снаружи дерева, головой вперед вылез в окно.

Оказавшись на снегу среди обступивших бытовку осин, он увидел следы, веером расходившиеся от вагончика между деревьями в разные стороны. Не иначе, Елка постаралась еще вечером, протаптывая их – вот, стало быть, почему она так задержалась. Умно – теперь преследователям и в самом деле непросто будет понять, по какому следу идти (в то время как большинство этих следов, конечно – всего лишь петли, выводящие обратно к вагончику). Игорь мгновенно выбрал одну из этих траекторий (левую, но не самую левую) и, стараясь ступать точно след в след – ботинки у них были одного размера – поспешил прочь от вагончика, бросая быстрые взгляды по сторонам. Нет, противник еще не успел обойти с флангов. Позади него вновь коротко простучал автомат Елки – а затем, когда Игорь уже уверился, что ответа по-прежнему не будет, вдруг застрекотала ответная очередь. Игорь резко пригнулся, понимая, что вагончик, все еще остающийся межу ним и стрелком – никакая не защита. Разумеется, когда ты слышишь выстрел, нагибаться и прятаться уже поздно – "свою пулю не услышишь", она летит быстрее звука. Но это не значит, что надо подставляться под следующие.

Его не зацепило, и вообще, по всей видимости, пули, прошив вагончик, ушли куда-то в другую сторону – он не слышал ни свиста, ни треска и шороха сбитых веток. Но почему они стреляют? Неужели как-то поняли, что его уже нет в вагончике? Или он не так уж сильно нужен им живым – то есть предпочтительно, но вовсе не обязательно? Или они вообще не за ним охотятся? Что, если это не поисковая группа, а просто какой-то случайный отряд, шедший через лес и даже не знающий о поисках важного пленника? Хотя, конечно, с чего бы им тогда лезть в эти глухие заросли...

Ладно. Об этом будем думать потом. Сейчас главное – оторваться. Если Елка и ошиблась в расчетах, один с пистолетом он ее уже не спасет, даже если вернется. А у него все еще есть миссия, которую он не может вспомнить, но которую должен выполнить.

Он еще раз оглянулся, а затем побежал – настолько быстро, насколько позволял снег, сперва по-прежнему по следу Елки, а затем, когда тот стал все сильнее заворачивать влево – уже

по снежной целине. Еще несколько раз он слышал позади стрельбу, но уже не мог определить на слух, кто это стреляет. Очевидно, Елке с ее последним магазином могли принадлежать лишь короткие очереди на 3-4 выстрела. Во всяком случае, перестрелка оставалась на том же месте, и Игорь мог надеяться, что его все еще не преследуют. Хотя, конечно, нападающие могли и разделиться, и если одна группа разбирается с тем, кто отстреливается из вагончика, а вторая тем временем продолжает погоню...

В затяжных перерывах между выстрелами он пару раз слышал и крики, но был уже слишком далеко, чтобы разобрать слова. Впрочем, что там разбирать, и так ясно – кричат "сдавайтесь, если хотите жить"... Видимо, все-таки он им нужен живым, раз они до сих пор не подползли с торца и не забросили в окно гранату. Но долго ли еще Елке удастся пудрить им мозги – и главное, что будет, когда им надоест ждать... А надоест им, очевидно, через несколько минут после того, как она выпустит последний патрон. То есть предпоследний, если последний она оставит для себя... Проклятье. Если она все еще там, все еще отстреливается, если это не враги лупят по пустому вагончику, боясь подойти и проверить, то у девчонки нет шансов, ей не выбраться. Некоторая надежда была бы, если бы Елка последовала за ним спустя пару минут – но она предпочла обеспечить ему как можно большую фору. А теперь бытовка уже точно окружена, и шансов на прорыв никаких. А он уже почти поверил, что эта история закончится хорошо для них обоих...

Позади раздалось еще несколько быстрых выстрелов, сливающихся друг с другом – видимо, стреляли несколько человек сразу – а затем, после короткой паузы, одинокий щелчок. Неужели всё?! Игорь надеялся, что услышит продолжение. Но продолжения не было...

Он выбрался из осинника к подножию холма, заросшего более серьезным лесом, и, хотя подъем был пока еще пологим, вынужден был остановиться передохнуть. Сплюнул в снег мокроту, дыша тяжело и хрипло. Дыхалка у него уже не та, все-таки не врут врачи про вред курения, черт бы их побрал... Лодыжка ныла, но уже не так, как пару дней назад – а вот ребра все еще отзывались болью на каждый глубокий вдох, они заживут еще не скоро...

Ничто, кроме его хриплого дыхания, не нарушало тишины. С момента, когда он услышал последний, одиночный выстрел, прошло уже минут пятнадцать, и незачем обманывать себя надеждами. Все кончено. Видимо, у нее все-таки хватило духу это сделать. А может, фидоры добили раненую – в самом деле, не тащить же им ее с собой.

Это война, напомнил себе Игорь, как наверняка делал уже много раз в своем скрытом в тумане прошлом. Здесь в любой момент могут убить кого угодно. Здесь жертвуют жизнью даже не ради близких друзей, а ради какого-нибудь совершенно незнакомого парня. Который даже спасибо тебе не скажет, который даже не узнает, кто его спас, кто подарил ему несколько драгоценных минут или секунд, отвлекая огонь на себя...

Но ей даже не исполнилось семнадцати. И она не была солдатом. Она просто в неудачный день пошла искать козу...

Я не тащил ее с собой, сердито напомнил себе Игорь. Никто не мешал ей вернуться на свой хутор – пусть даже там остался один сарай, ведь жила же она там прежде. Но ей непременно хотелось поучаствовать в войне, чтобы отомстить. Ну а уж если сама лезешь в мужские игры, то не жалуйся! И не рассчитывай на снисхождение. Он ведь, между прочим, предупреждал ее, что надо уходить. Сама судьба, оставившая их без завтрака, делала им прозрачный намек и давала шанс. Но нет, принцессе хотелось погреться! И в итоге эти самые десять минут задержки и стали роковыми.

Сама виновата, она сама виновата, зло твердил он себе, шагая вверх по заснеженному склону, продираясь через густой подлесок. Звучало не особо убедительно и уж тем более вряд ли справедливо по отношению к девушке, пожертвовавшей собой, чтобы спасти его – чем бы она при этом ни руководствовалась. Но лучше такое самовнушение, чем без всякой пользы винить и терзать себя...

Уже давно рассвело, но в лесу было довольно сумрачно, ибо небо вновь затянула беспросветно-серая низкая облачность. Что было, однако, куда лучше солнца и ясного неба, означавших мороз; теперь же, напротив, теплый фронт вновь отвоевывал позиции у холодного, хотя дувший вдоль склона сырой ветер особенно теплым и не казался. Вершина соседнего, более высокого холма уже терялась в облачной мути, и Игорь обдумывал, опустятся ли облака настолько низко, чтобы погрузить в туман и ту вершину, на которую он сейчас поднимался по кривой траектории. С точки зрения ухода от преследования это было бы, безусловно, неплохо, и даже если снова посыплется снег – пусть заметает следы и еще больше портит видимость. Но вот встретиться там на вершине без четких ориентиров...

"Брось, – оборвал он себя, – встречаться больше не с кем, и ты это знаешь. Ты остался один."

Поднимаясь по диагонали, он оказался, наконец, на подветренной стороне холма, где промозглый ветер почти не чувствовался, и воздух, казалось, потеплел сразу на несколько градусов. Впрочем, Игорь скоро понял, что, несмотря на подъем вверх, и в самом деле становится теплее, и это не иллюзия, вызванная физическими нагрузками – это подтверждало изменившееся ощущение снега под ногами. Тот был уже не сухим и рассыпчатым, не морозно-скрипучим, как накануне, и не подернутым затвердевшим настом, как с утра, а липким, мягко похрустывающим под берцами. Из такого хорошо лепить снежки, снеговиков и снежные крепости... возможно, удастся вылепить и снежный дом на ночь, если он не сможет найти пристанища получше. Впрочем, было и что-то тревожное во всем этом, и оно не было связано с врагами – но Игорь никак не мог сообразить, что именно. Он определенно знал это раньше, проходил на каких-нибудь тренингах, но, в отличие от умения обращаться с оружием, эти воспоминания никак не хотели вернуться. Какие-то его недавние мысли зацепили их, словно больной зуб, но не смогли вытащить наружу. Игорь попытался снова прокрутить в голове то, о чем он только что думал. Дом в эскимосском духе... нет, не дом... снежная крепость... снеговик... снежный ком... лавина! Большое количество недавно выпавшего снега в сочетании с резкой переменой погоды повышают риск лавин. Особенно на подветренном склоне, где он находится прямо сейчас – а лес хотя и снижает риск по сравнению с голым склоном, но полной гарантии не дает. Эти холмы не тянут на настоящие горы, но и простыми кочками их не назовешь... и может быть, тот самый бурелом, через который они пробирались – результат не ветра и дождей, а как раз сошедших по склонам лавин?

Игорь поднял голову в направлении вершины – и не увидел ее. Вместо этого сверху на него надвигалась белая муть, и он почувствовал мгновенный испуг: вот оно! Но уже в следующий миг понял, что это никакая не лавина, а всего лишь подгоняемое ветром облако, перевалившее вершину и ползущее вниз по склону. Все, как он и хотел – облачность спустилась совсем низко и скоро скроет беглеца от любых возможных преследователей.

Действительно, не прошло и получаса, как его накрыло сплошное белесое марево. Казалось, что температура снова резко упала на десяток градусов, хотя это была лишь обычная иллюзия, возникающая при высокой влажности. Периодически потирая уши и согревая нос теплым дыханием изо рта, Игорь шагал в густом тумане от дерева к дереву, постепенно поднимаясь все выше. Теперь он помнил об опасности лавины, но исходил из того, что толстые стволы старых деревьев выдержат удар (по крайней мере, их не свалило за все предыдущие зимы), и главное – успеть вовремя укрыться за таким стволом, если сверху раздастся подозрительный шум. Но все было тихо – лишь иногда из тумана доносился мягких "плюх", в первый раз заставивший Игоря настороженно замереть, однако вскоре он понял, что это такое: с той или иной ветки срывался комок подтаявшего снега, явно не способный вызвать катастрофические последствия.

Когда он заметил цепочку следов в снегу, у него мелькнула мысль, что он сбился с пути и вышел на свой собственный след (возможно, описав уже полный круг вокруг вершины, хотя

по ощущениям до этого было еще далеко), однако он тут же понял, что это не так. Следы вели вниз, и оставили их явно больше одного человека.

Игорь в очередной раз быстро огляделся по сторонам, но по-прежнему не увидел ничего, кроме клубящегося, подгоняемого ветром тумана (он же – облако), в который уходили призрачными тенями силуэты деревьев. Слух тоже не доносил никаких звуков, способных выдать идущих по зимней местности отряд – не скрипел снег под ногами, никто не кашлял, не сморкался, не харкал густой слюной курильщика. И тем не менее, следы были свежие, с резкими, не успевшими подтаять краями. Эти люди – мужчины в армейских ботинках, кто же еще – прошли здесь, быть может, не больше получаса назад. И если бы не туман... впрочем, в этом случае он бы, скорее всего, заметил их раньше, чем они его.

Второй поисковый отряд? Или подмога, вызванная первой группой? Те, конечно, давно уже вошли в вагончик – но нашли там только одно тело вместо двух, и притом не то, которое их интересует... А может быть, конечно, и так, что эти наверху просто услышали выстрелы и пошли проверить, что там происходит. В любом случае, если они наткнутся на его следы...

Но сейчас они находятся снизу, под ним. А значит... он может устроить им то, чего опасался сам. Спустить на них лавину!

Он принялся сгребать снег и пихать его ногами вниз по склону. Однако никакой лавины не получалось; комья, перевернувшись пару раз, останавливались и застревали в липком снегу. В конце концов Игорь слепил ком побольше и покатил его вручную прямо по следам, толкая, пока ком не набрал достаточную массу и скорость, чтобы продолжить путь вниз уже самостоятельно. Игорь довольно распрямился, дуя на закоченевшие пальцы, ком прокатился еще с десяток метров, с хрустом подминая под себя тонкие сухие стебли подлеска, благополучно проломился сквозь более плотные кусты, но затем все-таки ударился о полускрытый в тумане мощный сосновый ствол и развалился на куски. Игорь разочарованно понял, что зря теряет время. Отдельным комом ничего не добьешься, тот рано или поздно – причем скорее рано, чем поздно, учитывая густоту здешнего леса – уткнется в препятствие. Чтобы спустить настоящую лавину, надо, чтобы оторвался снежный пласт по всей длине на широком участке, а это у него никак не получалось.

Ну ладно. Тогда неплохо бы выяснить, откуда притопали эти типы. Просто перевалили через вершину холма (сам бы он предпочел обойти таковую, а не топать вверх-вниз), или как раз там они и базируются? Почему бы и нет. Это не господствующая высота, соседний холм выше, но посадить сюда, скажем, парней с "Иглами", чтобы посматривали за небом, или еще каких наблюдателей или корректировщиков – дело вполне реальное. Елка считала эту вершину безопасной, раз назначила там встречу, но откуда ей знать, кто тут окопался за последнее время...

Игорь вернулся к тому месту, откуда покатил ком, пошел вверх, ступая по следам чужаков. Вблизи, конечно, всякий заметил бы, что отпечатки его ботинок развернуты в противоположную сторону, но издали казалось, что это одна общая цепочка следов. Разумеется, он понимал, что если на вершине и в самом деле оборудована позиция, то эта братия не снялась оттуда всем личным составом, а оставила кого-то приглядывать за хозяйством. Однако он рассчитывал, что в тумане сумеет подобраться достаточно близко, чтобы оценить обстановку, оставаясь при этом незамеченным. Есть много примет, которыми выдает себя человеческое жилье – даже хорошо закамуфлированный блиндаж и даже при близкой к нулю видимости. Запахи, к примеру, причем зимой они особенно заметны. Дыма, еды, курева – а он как раз подбирается с подветренной стороны...

Словно в ответ на мысль о куреве его взгляд зацепился за характерную ямку справа (с его точки зрения – слева) от следов. Ну точно – кто-то из них бросил в снег бычок. Игорь поспешно наклонился и вытащил окурок. Зажрались, суки – тут еще курить и курить... Не думая о брезгливости, он зажал холодный и мокрый бычок губами и полез в карман за зажигалкой

(чертовы наручники, до чего же неудобно!).

В правых карманах зажигалки не оказалось. Он обследовал и карманы с левой стороны, но так же безрезультатно.

Дыр в карманах не было, так что, похоже, он отдал зажигалку Елке. Да, теперь он вспомнил – когда он растопил плиту, она требовательно протянула руку за своим трофеем, а он машинально вернул таковой, думая в этот момент о другом. Вот же черт! И дело уже даже не в бычке (хотя курить, конечно, хотелось ужасно, особенно теперь, когда он уже чувствовал табачный запах прямо под носом) – просто он опять остался посреди зимнего леса без возможности развести огонь. Точнее, в принципе такая возможность есть – вытряхнуть порох из гильзы и высечь искру, но это на самый крайний случай, патроны в единственной обойме – на вес золота. (Глупая поговорка, на самом деле. Патроны в его ситуации гораздо ценнее бесполезного золота, которым даже врагов не подкупишь – они и золото возьмут, и тебя грохнут.)

"Ты жалеешь о пропавшей зажигалке больше, чем о погибшей девчонке", – сказал он себе и тут же подумал, что это вовсе не так. Просто Елке все равно уже не помочь, а вот зажигалка ему бы еще пригодилась. Война быстро отучает от глупой патетики. С тела погибшего товарища надо брать все, что еще может понадобиться живым. Особенно когда ты на вражеской территории.

Игорь вынул изо рта окурок, жадно понюхал его, а затем сунул в карман в надежде все же использовать потом, если, конечно, не удастся раньше добыть нормальные сигареты. Затем вытащил пистолет и, стараясь двигаться как можно тише, зашагал дальше по следам на вершину холма.

Подъем становился все более пологим, а деревья вокруг редели; как Игорь и ожидал, вершина оказалась лысой, хотя, если ее и расчищали искусственно, то было это, очевидно, давно – с тех пор она уже успела зарасти кустами и многолетней травой, чьи голые стебли торчали из-под снега. Возможно, каким-то из этих стеблей предстояло со временем стать деревьями... Игорь некоторое время наблюдал из-за последнего высокого ствола, затем, так ничего и не заметив в тумане, двинулся дальше, пригибаясь до высоты кустов. Но как он ни старался проявлять осторожность, а на блиндаж наткнулся неожиданно.

Точнее – чуть было вовсе не прошел мимо, по-прежнему шагая по следам. Но следы, как оказалось, шли вовсе не от блиндажа, а в стороне от него. И скорее интуиция, чем зрение, помогла ему распознать в некой скрытой туманом прогалине среди кустов справа очертания искусственного сооружения.

Он замер, припав на колено и сжимая пистолет. Теперь он уже различил занесенные снегом бревна. Никаких запахов или звуков оттуда, однако, не доносилось. И приглядевшись, под какими углами торчали бревна, Игорь понял – почему.

Блиндаж был разрушен, по всей видимости – прямым попаданием. И, конечно, не этим утром, когда здесь все было тихо, и не накануне вечером, когда стрельба шла не отсюда и не сюда. Уже и запах гари успел выветриться, так что, может, дни, а может, и месяцы назад. Стало быть, отряд, по чьим следам Игорь поднялся на вершину, и в самом деле не квартировал здесь, а просто проходил мимо.

Ну что ж. Это упрощает дело. Остается лишь осмотреть разбитый блиндаж на предмет трофеев – хотя едва ли там найдется что полезное...

Игорь подошел к развалинам. Ну да, хорошо так прилетело, грамотно. Арте зачет. Не только фидоры тут, выходит, "концерты" устраивают. Откуда били, интересно... или это все-таки с воздуха отработали? Он окинул взглядом обугленную дыру, пробитую в бревенчатом настиле, затем все-таки отыскал вход и, пригнувшись, спустился по укрепленным досками земляным ступенькам, уже заваленным снегом. Внутри, как он и ожидал, не оказалось ничего интересного. Все выгорело, посреди черной сажи громоздилась куча снега, нападавшего через

пролом. Для очистки совести он все же обошел блиндаж по кругу, опасливо косясь на еще державшиеся обугленные бревна над головой. Нет, совсем ничего полезного – даже какого-нибудь помятого котелка, только какие-то совсем бесформенные обломки. От находившихся внутри во время удара едва ли осталось много, но, видимо, товарищи, предавшие их останки земле, все же нашлись.

Игорь впервые задумался, зачем он вообще поперся сюда. Разведать вражескую точку – это, конечно, дело полезное, особенно если потом удастся донести эту информацию до своих. Но – лезть на рожон в одиночку, не имея ничего, кроме пистолета с единственной обоймой (да еще в этих проклятых наручниках!), рискуя собой и своей миссией, которую он все не может вспомнить, но которая определенно более важна – когда можно было просто обойти вершину вокруг...

Но Елка назначила встречу здесь, не зная, что здесь творится. И он не хотел, чтобы, если она все-таки выбралась, она напоролась в тумане на врагов.

Что за глупости, сердито сказал он себе. Она не могла выбраться. Он сам слышал ее последний выстрел.

Повернувшись, он полез из блиндажа наверх.

– Чо, уже вернулись?

Прямо над ним, загораживая выход, из тумана возник какой-то тип в камуфляже, бронежилете и с автоматом. Впрочем, автомат висел у него на плече, а сам субъект с благодушной неспешностью застегивал штаны. Надо полагать, только что справлял нужду под каким-нибудь кустом и пока еще не разглядел в тумане и тени хода в блиндаж лица Игоря.

Первым импульсом Игоря было стрелять, пока этот кретин не успел понять, что к чему. Но он тут же сообразил, что лучше не поднимать шума. Это явно не одинокий засранец, отбившийся от остальных из-за поноса. Поблизости есть и другие. Отстроившие новый блиндаж взамен разбомбленного – и, возможно, замаскировавшие его лучше, чем предыдущий. И даже если основной отряд ушел вниз, на хозяйстве явно остался не только этот недоумок, не знающий азов караульной службы. Пока он еще принимает Игоря за своего, заманить его вниз и в полумраке блиндажа по-тихому свернуть шею...

– Мыгы, – неразборчиво промычал Игорь, отвечая на вопрос часового (или кем там был этот тип) и делая шаг назад и вниз по ступенькам. Но недоумок, хоть и с опозданием, все же задался очевидным вопросом:

– Э, а ты чо там делаешь ваще?

– Подь сюды, – негромко прохрипел Игорь простуженным голосом, все еще надеясь, что столь примитивная маскировка позволит ему сходить за своего еще хотя бы несколько секунд. Его лица в тени навеса стоявший наверху караульный, похоже, пока еще не разглядел. – Глянь чо тут...

Но часовой все-таки почуял неладное:

– Э, а ты кто ваще? – он сдернул с плеча автомат и вместо того, чтобы, как надеялся Игорь, самому полезть вниз по ступенькам, резко отступил назад, на безопасное расстояние: – А ну вылазь!

Теперь вариантов не осталось. Игорь тоже мог отступить еще дальше, и остатки навеса закрыли бы его от автоматчика – но это, разумеется, подарило бы ему лишь полминуты, пока сюда не сбегутся остальные. Поэтому он снова полез наверх, возмущенно говоря: "Да ты чо, братан, своих не узнаешь?", но при этом держа опущенными не только голову, но и скованные руки, сжимавшие пистолет, и сутулясь так, чтобы рукава максимально прикрыли кисти. Ему нужно было еще три секунды, чтобы выстрелить наверняка... еще две секунды...

– А ну стой там! Стой, кому...

Игорь вскинул лицо и руки и нажал на спуск. У него не было времени целиться, но он знал по голосу, где находится враг. Пуля должна была войти часовому снизу вверх в

подбородок и выйти через затылок.

Глухой щелчок. И это все. Осечка!

"Пиз...ц", – понял Игорь с обреченным спокойствием. Он не успеет сделать больше уже ничего – ни передернуть затвор и выбросить подведший патрон, ни отскочить, потому что у этого гада палец уже напрягся на спусковом крючке, и автомат смотрит прямо в грудь.

Но часовой почему-то медлил. Его лицо (Игорь впервые разглядел его, мордатый дядька лет пятидесяти) внезапно обрело удивленное выражение, глаза под густыми сивыми бровями округлились:

– Ты?!

Еще какая-то фигура возникла из тумана за спиной мордатого. Тонкая рука выскользнула сзади, и острое лезвие десантного ножа стремительным движением перечеркнуло его шею слева направо.

Мордатый удивленно булькнул и выронил автомат, инстинктивно пытаясь зажать рану рукой. Но кровь хлынула между его пальцами на грудь и изо рта на подбородок.

– Елка! – потрясенно выдохнул Игорь, разглядев появившееся над плечом все еще стоявшего на ногах часового лицо.

Девушка молча прижала к губам палец свободной от ножа руки. Игорь торопливо шагнул наверх ей навстречу.

Но мордатый все еще не был мертв. Он уже понял, конечно, что обречен, и не мог ни кричать, ни подобрать выпавшее оружие. Но кое-что он сделать еще смог, и Игорь, устремившийся к брошенному "калашу", заметил это слишком поздно – а Елка из-за спины врага заметить и вовсе не могла.

Умирающий сунул руку в подсумок и вытащил оттуда гранату. У него еще хватило сил выдернуть чеку, после чего граната упала в снег.

– Ложись! – гаркнул Игорь, уже понимая, что в метре от гранаты это не очень поможет. Большинство осколков, конечно, уйдут вверх, но и параллельно земле прилетит очень даже запросто, плюс удар взрывной волны сам по себе. Сам он еще успел бы спастись, скатившись кубарем по лестнице в блиндаж, но Елка...

Игорь бросился наверх, перепрыгнув оставшиеся ступеньки, схватил все еще державшегося на ногах мордатого и повалил его в снег животом на гранату, а сам рухнул сверху.

Грохнуло.

Игорь откатился с теперь уже окончательно мертвого тела туда, где в снегу – лицом вниз, накрыв голову руками – лежала Елка. Автомата при ней, как он успел заметить, больше не было.

– В порядке? – он тряхнул ее за плечо.

Девушка поспешно подняла голову.

– Да! А ты?

– Тоже.

– Тогда бежим! – она пружинисто вскочила на ноги.

Предложение было своевременным – из тумана уже донесся чей-то возглас: "Хряк, что там за херня?" Но Игорь сперва поспешно огляделся в поисках "калаша" мертвеца и обнаружил, что ствол торчит из-под трупа хозяина. Дернув за ствол, он вытащил перепачканное кровью оружие и тут же сплюнул короткое ругательство, обнаружив, что взрыв не только разнес в щепки деревянный приклад, но и повредил ствольную коробку. Вновь быстро зыркнув по сторонам, Игорь отыскал в снегу свой пистолет и побежал вслед за Елкой – прочь от блиндажа, в сторону, противоположную той, откуда взывал к покойному Хряку его сослуживец.

Они снова бежали – сперва в тумане, потом – вниз по склону, уже ниже уровня облаков – так быстро, как могли, с учетом снега, неудобной обуви Елки и все еще дававшего о себе знать

растяжения Игоря. Но, несмотря на все эти проблемы, им повезло – какое-то время они еще слышали позади перекрикивавшиеся голоса и даже автоматную очередь, выпущенную, очевидно, "в молоко", но затем все стихло, и не было уже никаких признаков погони. Похоже, враги, сколько бы их ни было, не решились на преследование в тумане, опасаясь угодить в засаду – и с теми их товарищами, что прежде ушли вниз (в другом, впрочем, направлении), беглецы тоже благополучно избежали встречи. Тем не менее, они мчались, не снижая темпа, петляя между деревьями и избегая полян и прогалин, пока не рухнули практически без сил на дне какой-то ложбины, заросшей кустарником.

Несколько минут они просто лежали в снегу (сейчас – не обжигающе-холодном, а приятно охлаждавшем сквозь одежду их разгоряченные тела), переводя дыхание, глядя в хмурое небо и не забывая прислушиваться к обстановке вокруг. Но все было тихо. Затем издали донесся гул реактивного самолета, который несколько минут спустя с оглушительным ревом прошел, похоже, прямо над ними – но его не было видно сквозь сплошную низкую облачность. Игорь ожидал грохота разрывов на земле или в воздухе, но никто никого не атаковал, и рев двигателей просто затих вдали.

– Черт, – разочарованно проворчала Елка, – я думала, он по холму жахнет. Я понятия не имела, что они там окопались! Иначе я бы, конечно...

– Да понятно, не оправдывайся, – перебил Игорь. – Лучше скажи, как тебе удалось выбраться? Я уж думал, что – все.

– Ха! – девушка довольно ухмыльнулась. – Для начала усадила под окном одного из жмуриков. Так, что только верхушка черепа виднелась. Они видели, что кто-то сидит, но не могли рассмотреть, тот это, кто им нужен, или нет, и на всякий случай в него не стреляли. Так, лупили вверх для острастки, на понт брали. Кричали, мол, сдавайтесь, ага. Ну а я тем временем "рожок" вытащила и сунула в плиту. Только не в самое пламя, а с краешку, чтоб не сразу раскалился. А сама в окно, за тобой следом. Они окружали уже, но издали заходили и еще далеко были, не заметили. А там и патроны рваться начали. Рожок в печке колбасит туда-сюда, а они, естественно, думают, что это по ним палят. Лежат, головы из снега поднять боятся. Я между двумя из них проползла, они ноль внимания – все на вагончик пялились. Тоже мне профи... ну там расстояние приличное до обоих было, но все-таки...

– Ловко, – восхитился Игорь. – И этого Хряка ты прямо профессионально сняла, он и пикнуть не успел... где ты такому научилась?!

– Я уже говорила – мне уже приходилось резать скотину на хуторе, – невозмутимо ответила Елка. – Единственная разница – ту скотину было жалко.

– То есть людей тебе прежде убивать не доводилось?

– А ты как думаешь? Нет, конечно.

– А там, внизу, в перестрелке?

– Ну... – смутилась Елка, – ты сам сказал – там я вряд ли в кого-то попала.

– Не буду даже спрашивать, что ты чувствуешь после первого раза, – усмехнулся Игорь.

– Сожаление, – холодно ответила она.

– В самом деле?

– Да. Что это был не Дракула.

– Кстати, а ты уверена, что все остальные из отряда Дракулы мертвы?

– Да... наверное. Мне было не до того, чтобы их пересчитывать, знаешь ли. Но живых я не видела.

– Этот тип, Хряк – он узнал меня. То есть он, наверное, был в отряде, когда меня захватили... ты его там не видела?

– Я его лица и здесь не видела, – напомнила Елка.

– Ну, мордатый такой, лет пятьдесят, кожа дряблая... нет, – оборвал сам себя Игорь, – у Дракулы, как я понимаю, достаточно профессиональные бойцы были, а это деревенский

опущенец типичный.

– Наверное, тем, кто тебя ищет, разослали твои фотографии.

– Да, скорее всего... Эх, поторопилась ты малость. Мне кажется, еще секунда, и он назвал бы мое имя.

– Ты недоволен, что я спасла твою жизнь? – холодно осведомилась Елка.

– Нет, ты молодец, конечно, это было очень круто... но, кажется, он раздумал стрелять, как только узнал меня. Я же нужен им живым.

– Ну да, разумеется. Он бы просто позвал всю их толпу.

– Да, конечно... – вынужден был согласиться Игорь. – Спасибо тебе, Елка.

– Не за что, – буркнула девушка. – Ты ведь тоже спас меня, так? Честно, не ожидала, что ты станешь рисковать собой ради меня.

– А, пустяки, – отмахнулся Игорь. – На самом деле мне ничего не грозило. Брони даже низших классов хорошо защищают от осколков.

– Но на тебе нет броника.

– Зато на нем был.

– Я к тому, что ты мог не успеть завалить его на гранату прежде, чем взорвется, – довела до конца свою мысль Елка.

– Ну, в общем, была такая вероятность, – признал он. – Но видишь ли, Елка – не все мужики сволочи.

– Интересная мысль, – усмехнулась она. – Я как-нибудь обдумаю ее на досуге.

– А вот автомат ты напрасно бросила, – заметил он почти извиняющимся тоном.

– Зачем он нужен без патронов? Только лишняя тяжесть.

– Патроны можно найти.

– Ага, купить в сельской лавке. Я рассудила, что если найду патроны, там же найдется и оружие. А ты чего ствол этого Хряка не прихватил?

– Его взрывом покорежило... И мой пистолет еще не выстрелил, – вспомнил Игорь и вытащил пистолет, который на бегу сунул не в кобуру, а просто в карман. В ствол, похоже, набился снег – хреново, сейчас и почистить-то нечем. Но главное – надо извлечь дефектный патрон, если, конечно, проблема именно в нем. Игорь сел, оттянул затвор; патрон упал на куртку и покатился. Игорь поймал его прежде, чем тот упал в снег.

– Аа! – вскрикнула вдруг Елка.

Игорь резко обернулся с пистолетом в руке и тут же задрал ствол вверх, чтобы не направлять на девушку. Никаких признаков опасности вокруг он не увидел, но лицо Елки было искажено страданием.

– С-судорога, блин... – она двумя руками вцепилась в икру согнутой правой ноги.

– Не так! – воскликнул Игорь. – Ногу выпрямить, пятку от себя, носок на себя! – видя, что она замешкалась, он выпустил пистолет и ухватил ее двумя руками за ногу – левой за лодыжку, правой за тупой носок берца – а затем сделал руками движение во встречном направлении. – Вот так! Легче?

– А... да. Все, прошло. Можешь отпускать. Кажется, я слишком много бегала в этих здоровенных ботинках, – сказала девушка, словно извиняясь. – Когда на каждом шагу ждешь, что споткнешься, нога все время напряжена...

– Да понятно, – кивнул он. – Я вообще удивляюсь, как ты в них шкандыбаешь... Ладно, отдыхай пока, сразу после судороги ногу лучше не напрягать. Вроде пока за нами не гонятся..

– Но ты оружием-то не разбрасывайся, – заметила Елка, подавая ему пистолет, снова упавший в снег.

– Угу... – он взял оружие и принялся оглядываться по сторонам. – Черт. Патрон куда-то закатился...

Елка вместе с ним принялась осматриваться и даже копаться покрасневшими пальцами

среди торчавших из снега прутьев, но безрезультатно.

– Ладно, черт с ним, – решил Игорь. – Он, видимо, все равно дефектный был...

На всякий случай он проверил работу затворного кожуха и магазина, дергая затвор вручную; патроны падали в подставленные пригоршней ладони Елки, которая обещала проследить, чтобы теперь уже точно ничего никуда не укатилось. Кожух ходил исправно, оружие приятно пахло маслом. По-хорошему, конечно, стоило бы разобрать пистолет и проверить все детали механизма, но этого он сделать не мог. В этом беда "хай-поинтов" – в отличие от многих других моделей, у них кожух не снимешь без инструментов (зато дальше, правда, все разбирается очень легко – но что толку...) Так что Игорь просто снарядил магазин заново, почистил, как смог, ствол отломанной от куста веточкой и некоторое время сидел, с сомнением держа оружие в руках. Стрельнуть для проверки? Пожалуй, все-таки не стоит поднимать шум и тратить патрон, которых теперь осталось всего семь. Хотя – покажись в кустах какая-нибудь живность, хоть заяц, хоть даже ворона, он бы точно стрельнул. Жрать хотелось чертовски. Но живности не было.

– Ладно, – решительно произнесла Елка, поднимаясь, – дальше идти надо.

Игорь тоже нехотя поднялся, повертел головой, осматриваясь по сторонам и пытаясь сориентироваться. Все эти заросшие лесом холмы выглядели чертовски похоже...

– Я правильно понимаю, что мы снова спустились в ту же долину, где ночевали под елкой? – спросил он.

– Не в ту же. В параллельную.

– Такое впечатление, что мы ходим кругами, – недовольно пробурчал он.

– Мы петляем. Самый короткий путь не всегда самый безопасный. Обычно как раз наоборот.

– Я бы не сказал, что до сих пор наш путь был очень безопасным, – заметил он.

– Мы все еще живы, как ты сам сказал, – пожала плечами Елка. – И мы на свободе. Идем.

И они пошли дальше – сперва по дну ложбины, потом, когда заросли кустарника сделались совсем непролазными, поднялись выше и долго шагали через лес, затем по длинной дуге обогнули подножие очередного холма, перебрались через овраг, по дну которого тек ручей, затем, после недолгого привала, миновали обгорелые останки вертолета, сбитого, вероятно, еще в первые месяцы войны (здесь Елка удовлетворенно кивнула и указала новое направление), затем долго поднимались на пологую возвышенность... Облака за это время разошлись, и снег снова засверкал на предвечернем солнце, но Игоря это не радовало – ясное небо ночью почти наверняка означало новый мороз. Елка, похоже, все-таки простудилась и несколько раз чихала, но все равно шагала впереди, как заведенная, словно не чувствуя усталости, и Игорь невольно подумал не с восхищением, а с завистливым раздражением – "Воздухом она, что ли, питается..." Сам бы он сейчас с удовольствием навернул и ледяной фламмулины, но грибы им больше не попадались. Мысли о еде становились настолько навязчивыми, что слабый, но аппетитный запах сперва показался ему лишь плодом воображения. Однако затем он понял, что это не иллюзия.

– Елка!

– Чего? – она остановилась, глядя на него.

– Чуешь – жареным пахнет?

– Уже не первый год, – усмехнулась она.

– Да нет, я в буквальном смысле! Кто-то жрачку готовит неподалеку.

– Ничего не чувствую, – пожала плечами девушка.

– Да у тебя, небось, нос заложен! – он крутил головой, всматриваясь в просветы между деревьями. – Вон же, видишь? Вон там справа дым поднимается!

– Угу, – после короткой паузы согласилась Елка без всякого энтузиазма. – Черт, это мы, выходит, слишком вправо взяли, – она резко повернулась налево.

– Стой! Ты куда?

– А куда ты хочешь? К фидорам в гости?

– Это не фидоры, – покачал головой Игорь. – На вершине холма – ладно, но вот здесь, просто посреди леса, какой смысл оборудовать позицию?

– Это ты у них спроси.

– И спрошу! – сердито ответил он. – Надо подобраться и посмотреть, кто там. Сдается мне – самое обыкновенное жилье. Вон, жареной курицей пахнет. На позициях такие деликатесы не жрут, все больше тушенку из банок...

– Ну даже если и жилье, что с того? Что они – в чьей-нибудь хате разместиться не могут? Да и вообще, я тебе с самого начала сказала...

– Я помню, что ты сказала. Но проверить надо. Нам нужна еда. Нужна теплая одежда – ночью опять будет морозилка. Медикаменты, опять же – ты вон теперь еще и чихаешь, ко всему прочему... Ты знаешь, где все это взять? Где ты сегодня ночевать планируешь?

– Шалаш в лесу сделаем. Тут валежника много.

– Угу, шалаш... Нет уж, я пойду и проверю. На рожон, конечно, лезть не буду, А ты можешь в лесу подождать, пока я разведаю... Так ты не знаешь, что это за жилье?

– Крупных поселений на этом плато нет. Они там дальше впереди начинаются, – Елка махнула рукой. – Внизу под обрывом, до которого нам еще топать и топать. А это хутор какой-нибудь, типа того, где я жила... Но все равно, слишком опасно туда соваться. Тоже мне, разведчик выискался... в наручниках...

– Вот-вот. Эти наручники мне тоже остое...нили. На хуторе, наверное, найдется, чем их распилить.

– Ты забыл, о чем мы договорились? Я командую. И я говорю, что мы туда не пойдем!

– Ну, отдай меня под суд за невыполнение приказа, – усмехнулся Игорь и решительно повернул направо. Он намеренно не оборачивался, но по похрустыванию снега понял, что девушка все-таки идет за ним.

Это действительно оказался хутор – большой, хотя и одноэтажный, деревянный дом с хозяйственными пристройками, обнесенный крепким дощатым забором в человеческий рост, способным, однако, защитить лишь от четвероногих, а не от двуногих непрошеных гостей из леса. Игорь и Елка вышли к нему сбоку (пока еще оставаясь под прикрытием деревьев); главный вход находился слева от них, и оттуда в лес убегала дорога – скорее всего, грунтовая, хотя под снегом было не разобрать. Игорь сразу обратил внимание, что снег на дороге не расчищен и на нем не видно следов ни колес, ни ног – стало быть, по крайней мере со времени снегопада никто сюда не прибывал и отсюда не убывал. Во всяком случае, по дороге и на машине. Да и сами постройки, когда-то крепкие и добротные, теперь носили следы упадка – забор местами покосился, крыша по меньшей мере одного сарая – того, что был ближе к беглецам – явно нуждалась в ремонте. Изнутри не доносилось никаких звуков (включая собачий лай, которого Игорь опасался). Тем не менее, хутор определенно был обитаем, о чем свидетельствовал не только соблазнивший Игоря запах, но и поднимавшийся из трубы дым. Больше поверх забора ничего было не разглядеть.

Беглецы осторожно двинулись в обход хутора, рассматривая его из-за деревьев, пока Игорь не заприметил высокую ель, показавшуюся ему достаточно удобной, чтобы влезть на нее, несмотря на все его травмы и наручники. Отыскав более-менее удобную позицию между колючими ветками, он некоторое время внимательно разглядывал сверху территорию за забором. Теперь он видел пересекавшие двор цепочки следов, но по-прежнему никаких людей. Не было во дворе и техники, хотя один из сараев запросто мог оказаться гаражом. И все же едва ли в этот гараж загнали, к примеру, артиллерию...

– Ну что там? – нетерпеливо спросила Елка, когда он спустился.

– Как я и говорил, фидоров там нет, – уверенно ответил он. – Те бы гораздо больше

натоптали. Я бы сказал, судя по следам, на хуторе живет один-два человека. И... с такого расстояния гарантировать не могу, но, по-моему, это не следы взрослых мужчин.

– Думаешь, какая-нибудь женщина не может встретить тебя с двухстволкой? – усмехнулась Елка.

– По нынешним временам может и с пулеметом, – согласился Игорь, – но это все-таки вряд ли.

– С пулеметом – не знаю, а вот охотничье оружие у живущих в такой вот глуши даже при социализме было.

– Если так, оно нам пригодится, – невозмутимо изрек Игорь. – Раз уж ты бросила автомат, дробовик лучше, чем ничего.

– Мы не будем никого грабить! – возмутилась девушка.

– "Реквизировать для нужд обороны" звучит лучше?

– Нам вообще не стоит встречаться с хозяевами. Раз уж тут нет собак – дождемся темноты и заберемся в какой-нибудь из сараев. Ладно, может, реквизируем курицу, если ты настаиваешь. А на рассвете уйдем прежде, чем нас заметят.

– Неплохой план, если в курятнике заодно найдется все остальное, что нам нужно.

– Может, найдется в других сараях. Главное – не соваться в жилой дом.

– А я все же думаю, что лучше вежливо попросить, чем разыскивать в темноте самим.

Елка хотела что-то возразить, но вынуждена была зажать нос, удерживая очередной чих. Она попыталась сделать это, отвернувшись, но Игорь заметил и понял.

– Вот-вот, – кивнул он. – Я сильно сомневаюсь, что мы найдем в сараях лекарства.

– Ладно, – буркнула девушка. – Пойдем в гости, если ты настаиваешь. Но прежде отдай мне пистолет.

– С чего вдруг?

– А зачем он тебе, если там нет фидоров?

– Вежливой просьбой и пистолетом можно добиться больше, чем просто вежливой просьбой, – осклабился Игорь.

– Вот именно поэтому. Я сказала – никакого мародерства! Это мирные жители. И это наши граждане. Я сама жила на таком же хуторе.

– А шарить в темноте по сараям, значит, не мародерство... Ну ладно, ладно, – он с усмешкой протянул ей пистолет вместе с кобурой. – Довольна? Теперь идем.

– Значит, ты – мой брат, – быстро уточнила Елка легенду, – и мы сбежали от бандитов, которые требовали выкуп. Тут теперь такого дерьма полно...

– Да уж не сомневаюсь.

– Короче, чистый криминал, не политика. Политику и войну не обсуждаем.

– Лично я жажду обсудить только жрачку, одежду и чем распилить наручники, – заверил ее Игорь.

Они вышли из леса и подошли к воротам. Большие створки были заперты изнутри, но калитка, проделанная в правой из них, легко открылась.

Пока они шагали через безлюдный двор, Игорь похвалил свой глазомер – следы на снегу определенно принадлежали женщине. Слишком маленькие для мужчины и в то же время слишком глубокие для мальчишки. Хозяйка, как видно, была довольно грузной. Обратил он внимание и на собачью конуру слева, откуда по-прежнему не доносилось ни звука. А вот зрелище, открывшееся ему дальше справа, чуть было не заставило его вздрогнуть: у стены примыкавшего к дому сарая была сложена высокая поленница, а перед ней торчала из снега колода с воткнутым в нее топором. Зрелище было совершенно естественным для жилища в лесу – вот только и топор, и колода, и снег вокруг были забрызганы кровью, похоже, довольно свежей.

– Курица, – спокойно констатировала Елка, заметив направление его взгляда, – или еще

какая-то живность.

– Да понятно, что не человек, – буркнул Игорь, хотя воображение вдруг нарисовало ему иную картину: кому-то отрубили ногу, чтобы лишить возможности бежать и заставить работать на этом хуторе... Он даже удивился, откуда у него такие фантазии.

Они подошли к крыльцу, но подняться на него не успели. Дверь внезапно распахнулась, и оттуда шагнула дородная женщина лет шестидесяти, одетая тепло, но на редкость невзрачно – бордовая кофта с наброшенным на плечи серым платком, длинная шерстяная юбка бурого цвета, толстые колготы с начесом и старые растоптанные боты. В руках она держала ведро, которое тут же и выплеснула широким движением с крыльца вниз, прямо на непрошеных гостей.

Елка и Игорь шарахнулись в разные стороны, продемонстрировав отменную реакцию, так что основная масса грязной воды плюхнулась в снег между ними, но брызги все же окатили их штаны, добавив несколько пятен к камуфляжной расцветке. На мгновение все трое застыли в немой сцене (даже Игорь проглотил готовое вырваться ругательство), не зная, что делать дальше. Первой, как ни странно, опомнилась бабка.

– Ой! – воскликнула она. – Я ж вас не видела! А вы кто такие вообще?

– Я Елена, а это мой брат Игорь, – Елка решительно выступила вперед, явно желая отвлечь первое внимание хозяйки от небритого мужика в наручниках и с побитой физиономией. Впрочем, ее продырявленная камуфляжная куртка и армейские берцы не по размеру тоже выглядели достаточно подозрительно. – Мы в лесу заблудились, вот хорошо, что к вашему хутору вышли, думали уже – замерзнем совсем... Нам очень не хочется вас беспокоить, но нам правда нужна помощь!

– В лесу заплутать, конечно, не мудрено, – покивала хозяйка. – Лес большой. А что ж вас понесло-то туда? Для грибов-ягод вроде как не сезон, – теперь она явно заметила наручники и смотрела на них, хотя Игорь и пытался скрыть их рукавами.

– Я понимаю, что вас беспокоит, – сказал он, поднимая руки. – На меня бандиты наехали, денег требовали. А сестренка мне сбежать помогла. Она у меня боевая. Охмурила охранника, ну и... прямо хоть кино снимай, – ничего более остроумного он на ходу не придумал, но, глядишь, для хуторской бабки сойдет. – Но вы не волнуйтесь, погони за нами нет, никто сюда не заявится. Нам бы только перекусить чего-нибудь и обогреться, и мы дальше пойдем.

– Сестренка, значит? – хозяйка недоверчиво переводила взгляд с одного беглеца на другого, явно не усматривая между ними фамильного сходства. – И на сколько же лет она тебя моложе?

– На пятнадцать, – быстро ответила Елка. (На самом деле на все двадцать, подумал Игорь, хотя он до сих пор не мог вспомнить дату своего рождения.) – У нас матери разные, – добавила девушка для правдоподобия. – Он от первого брака, я от второго. Так можно нам войти? Мы бы вам заплатили за хлопоты, но у нас ни гроша. Но я по хозяйству помочь могу, я с детства привычная...

– Ладно, заходите, чего на пороге стоять, хату студить, – решила хозяйка. – Меня Анной зовут, можете теткой Аней звать.

Они, наконец, вошли в натопленное помещение, и Елка чуть не замурлыкала от удовольствия. Тетка Аня сразу повела их на кухню, но Игорь хотел первым делом решить наиболее раздражавшую его проблему:

– А ножовка найдется тут у вас? Ну, цепь чтобы перепилить.

– Не, ножовки нет, – покачала головой хозяйка. – Обычная пила есть, по дереву, но она стальную цепь не возьмет, зубья слишком крупные...

– А топором перерубить сможете?

– Без пальцев хочешь остаться? – вмешалась Елка, не дожидаясь ответа тетки Ани. – Во-первых, по такой короткой цепи с размаха еще попасть надо. А во-вторых, это ж закаленная

сталь! Даже с полного замаха вряд ли выйдет. Топор отскочит, и как раз тебе по руке.

– Вот-вот, – охотно согласилась хозяйка. – Еще, небось, и топор выщербится. Ты уж, Игорь, не обессудь, но коли тебе своих рук не жалко, хоть мой топор пожалей.

– Что – неужто во всем доме никакого инструмента, чтобы снять эти чертовы наручники?!

– У меня тут хутор, а не мастерская, – развела руками тетка Аня. – Вот мой зять бы тебе помог, у него бы все нашлось. Но он тут никогда не жил, а теперь и подавно. Ничего, как-нибудь ложку до рта донесешь... А я прям как чувствовала, что у меня нынче гости будут, – продолжала хозяйка, усаживая их за стол, – курицу вот зарезала... хотя, конечно, что с ней еще делать, ежели она больше не несется... Мне-то одной целой курицы много, а на троих, небось, мало будет, ну да ничего, я сейчас еще картошки поставлю, и хлеб вот берите, утром пекла – уже не такой, конечно, как только что из печки, но все лучше, чем эти магазинные буханки, уж и не знаю, из какой трухи их пекут, ни вкуса, ни запаха... А потом будем чай пить с медом, мед-то тоже свой, лесной, у меня ж тут пасека...

Беглецов не нужно было уговаривать – они набросились на еду чуть ли не с урчанием. Тетка Аня, еще недавно взиравшая на подозрительных незнакомцев недоверчиво, теперь с умилением наблюдала, как они уплетают приготовленные ею яства. Возможно, они напомнили ей членов ее собственной семьи, когда-то собиравшихся за этим столом...

– Так вы тут одна живете? – осведомилась Елка, когда, наконец, почувствовала себя в состоянии не только жевать, но и говорить. Игорю и самому не терпелось узнать ответ на этот вопрос, но он не знал, как задать его, чтобы не пробудить опять подозрения старухи. Но из уст девушки ее, похоже, этот вопрос не насторожил.

– Третий год уже, – печально кивнула тетка Аня. – Муж-то мой два года как помер, хоть и не старый был еще, семидесяти не было... в прежние времена-то спасли бы, у него и раньше бывало, что сердце прихватывало – а сейчас-то ни в какую "скорую" не дозвонишься, ни телефонов, ни самих "скорых" теперь... когда бои тут рядом шли, еще можно было у военных помощи выпросить, хотя им тоже свои раненые важнее, а уж как они ушли, так и вообще выживай, кто как может... Ну а дочка еще до всего этого замуж вышла и в город к мужу уехала. Он-то хороший парень, работящий, автомастерская у него своя была, он уже и расширяться надумывал, работников нанимать – а как бои за город начались, еле они ноги унести успели, дочка-то с мужем. И дом, и мастерская – все в крошево, слава богу хоть сами живы... ребенка вот только потеряли...

– Выкидыш? – понимающе кивнула Елка, догадавшись, что речь идет о нерожденном ребенке.

– Да нет, сами... Ни жилья, не денег, куда ж я, говорит, теперь с пузом... да и вообще, что там дальше будет, непонятно, где уж тут рожать... беженцы они теперь, "внутренние перемещенные лица", так это официально называется... там, на западе...

– А на хуторе, значит, жить не захотели? – уточнил Игорь. – Все-таки крыша над головой и хозяйство...

– Я предлагала, дочка ни в какую. У вас там, говорит, беспредел полный, сегодня наш дом раздолбали, завтра и с твоим то же будет... тьфу, тьфу, говорю, типун тебе на язык... хотя, вообще-то, права она, – добавила старуха, невольно заговорщицки понизив голос. – Тут сейчас кто только не шляется, и сюда тоже забредают... пса вот застрелили, ироды, не понравилось им, вишь ты, что он на них лает... А что ему делать-то, он дом от чужаков охраняет! Тоже вот "шпионов" искали каких-то, весь дом перевернули, золотое колечко мое забрали и вилки серебряные, свадебный подарок... самые шпионские, видать, вещи... ну, хоть похуже ничего не сделали. А если б молодую женщину тут нашли, уж и не знаю, что вышло бы.

"Зато я знаю!" – читалось на лице Елки.

– А что ж тогда вы калитку открытой держите? – спросила она вслух.

– И, – махнула рукой тетка Аня, – от добрых людей незачем запираться, а худых запоры не остановят.

– И давно они приходили? – обеспокоенно осведомился Игорь.

– Да в том году еще.

– А оружия нет у вас? – задал он непраздный вопрос.

– Было ружье мужнино, сын с ним еще на охоту ходил, да я сама его этим иродам сдала со всеми патронами. Кабы они нашли, что я-де "прячу", так уж точно шпионкой бы оформили! Вот с тех пор я совсем одна, раньше хоть с собакой поговорить можно было. Сын в столице на заработках, тоже носу не кажет...

– Тоже, значит, на западе? – уточнила Елка.

– Нет, что там теперь заработаешь? Головную боль одну. На востоке он. Артель у них там, строители.

– Та-ак, – протянула Елка, мигом забыв свое же требование не обсуждать политику. – Значит, вы по-прежнему называете "столицей" главный город фи... наших врагов? Оккупантов и агрессоров, развязавших против нас войну? Устроивших весь этот беспредел? Разрушивших дом и жизнь вашей дочери и зятя, обрекших на смерть вашего мужа и внука? Вообще не признающих за нашим народом права на существование?

– Елка... – предостерегающе произнес Игорь, но девушку было не унять:

– А ваш сын им еще и жилье строит – бандитам, уничтожившим жилье его сестры и ограбившим его мать! Они с ним случайно не теми самыми вилками расплачиваются?

– Ой, ну какое там право на существование, – досадливо поморщилась тетка Аня. – Это все политики, им лишь бы простых людей поссорить. Как будто мы веками вместе не существовали....

– Существовали в качестве их рабов! Людей второго сорта!

– Зато сейчас-то у нас жизнь какая первосортная пошла, – саркастически изрекла старуха, поднимаясь из-за стола. За окнами уже смеркалось, и она, вернувшись с коробком спичек, зажгла керосиновую лампу. – Вот раньше и электричество было, и телевизор, и насос воду из колодца качал. А теперь? Живем, как при царе Горохе. И не знаешь, или на тебя бомба упадет, или бандиты зарежут. И все ради независимости. А что мне в той независимости-то? На хлеб ее намажешь? Шубу из нее сошьешь?

– Вот именно для того, чтобы всякие иди... простые люди так думали, они и ведут против нас войну! Чтобы винили во всех бедах не их агрессию, а нашу независимость! Как же можно не понимать таких очевидных вещей!

– Была единая страна. Зачем было ее рушить? Кому от этого стало хорошо?

– Нам станет хорошо, когда мы выиграем войну!

– Как станет-то? Убитые, что ль, воскреснут? Все, что разрушено, обратно срастется?

– За это они еще заплатят, – зловеще посулила Елка. – В том числе в буквальном смысле, репарациями. Но не только.

– Ты лучше скажи, что нам вообще с ними делить? – не сдавалась тетка Аня. – Мы же по сути один народ!

Елка скривилась так, словно раскусила разом десяток незрелых лимонов:

– Это дешевая демагогия, придуманная их пропагандой...

– А что – нет? – перебила хозяйка. – Предки общие. Язык один. Вера христианская одна, пусть даже патриархи разные. Живем столько лет вместе, роднимся. Вот у зятя моего мать из наших, отец из ихних – его куда теперь? Только всей и разницы, что буквы – у них кириллица, у нас латиница. И вот из-за этой малости друг друга убивать?

– Дело вовсе не в алфавите, – произнесла Елка с усталым раздражением. – Дело в менталитете... образе мысли и системе ценностей, если угодно. Мы хотим свободы, они – рабства. Причем не только для нас рабства, это бы еще полбеды. Для себя самих тоже! И

именно поэтому они безнадежны. Именно поэтому мы с ними несовместимы. Несовместимы в принципе, как... – девушка посмотрела на стоящую перед ней чашку с остывающим чаем, – как лед и кипяток. Несмотря на то, что то и другое состоит из одинаковых молекул воды.

– Кстати, обо льде, – Игорь, наконец, нашел повод вмешаться в разговор. – Давайте, действительно, оставим все эти споры политикам и вернемся к нашим конкретным проблемам. На улице, кажется, мороз опять, а у нас с теплыми вещами совсем беда, особенно у Елены. Так, может, у тебя, тетка Аня, – он по-свойски перешел на "ты", – найдется для нее что-нибудь из старой одежды? И обувь тоже ей по ноге нужна, а мы тебе армейские ботинки оставим – хорошие, почти новые, ты их потом сменяешь на что-нибудь полезное... Ну и я бы тоже от теплых носков, перчаток, штанов, шапки и свитера не отказался. Хотя нет, свитер мне сейчас не надеть, – поправился он, вспомнив про наручники, – ну хотя бы шарф побольше... Даже если какие молью поеденные, сойдет.

– Ну зачем же молью? – обиделась хозяйка. – Нормальные вещи подберу, из дочкиных, когда она еще девушкой была – ей-то все равно уже без надобности, даже и не налезут на нее сейчас, раздобрела она после замужества, а у Еленки-то фигурка тоненькая, как раз впору придется. А тебе, Игорек, из мужниного. Он, правда, ростом поменьше тебя был, не такой статный красавец, ну да ничего, шерстяное тянется хорошо. У него, правда, что свитера, что шарфы табачищем пропахли, небось и до сих пор не выветрилось, ну тут уж не обессудь.

– Так, может, после него и курево осталось? – спросил с надеждой Игорь.

– Нет, как он помер, всю эту отраву я выбросила, – строго поджала губы тетка Аня. – Всю жизнь его отвадить пыталась, может, и прожил бы подольше, да где там... Хорошо хоть детей от этой напасти уберегла. А ты, выходит, тоже дымишь? Ой, дурное это дело, не доведет тебя до добра. И охота ж людям свои же деньги тратить, чтобы свое же здоровье гробить...

– Вот кончится война, может, брошу, – усмехнулся Игорь. – А сейчас у нас более неотложные проблемы со здоровьем имеются. У тебя какая-нибудь мазь от ожогов найдется? И противовоспалительное. И от простуды что-нибудь. Ну и эластичный бинт тоже не помешает...

– Серьезно вам досталось, похоже, – озабоченно покачала головой хозяйка. – У меня тут не аптека, но кой-чего, конечно, найдется... аспирин уж точно есть, и мази какие-то были, все довоенное еще, сейчас-то вообще ничего не достанешь, кроме того, что сама приготовишь, ну да я натуральным средствам больше доверяю, чем всей этой химии... а вот бинты самые обычные только...

– Вы простите, что мы так врываемся со всеми нашими просьбами, – сказала Елка, – тем более, покушаемся на ваши припасы, но.... – ей вдруг пришла в голову свежая мысль, и она сунула руку в карман: – А вот, кстати, это вам за хлопоты, – она положила на стол зажигалку. – Игорь говорит, она двести долларов стоит. А нам просто дайте пару коробков спичек взамен.

– Я пошутил, – громко произнес Игорь, недовольный такой расточительностью. – Это китайская подделка, она и пяти баксов не стоит.

– Игорь, не жадничай, – строго сказала Елка, одарив его неприязненным взглядом. – В конце концов, это мой тро... моя зажигалка.

– Тоже, что ль, куришь? – спросила тетка Аня с видом крайнего неодобрения.

– Нет, – помотала головой девушка, – так же не терплю этого, как и вы. Но огонь бывает нужен не только курильщикам.

– Ну ладно, гости дорогие, – хозяйка поднялась из-за стола и взяла лампу, – идемте тогда, пока совсем не стемнело, подберем вам, что нужно.

Она провела гостей по темному коридору и открыла скрипнувшую дверь справа:

– Вот мужнина комната, а там вон дверь чулана. Ты, Игорек, поищи там, чего тебе надобно, как совсем темно станет – свечку зажжешь, вон она на столе, и спички рядом с кроватью, муж всегда их там держал, только осторожно, пожару не наделай. А мы с Еленкой пойдем по-женски потолкуем.

Игорь бросил на нее быстрый подозрительный взгляд, вновь пожалев, что отдал пистолет Елке. Понимает ли та, что добрая тетка Аня может быть вовсе не так проста? Что вот сейчас она ловко разлучила своих гостей, а о том, что в доме больше никого нет, они знают только с ее слов? Что все это может оказаться ловушкой? Хотя, конечно, судя по следам на снегу, мужчин на хуторе нет – но, быть может, они прибудут позже? Возможно, это и паранойя, но он прекрасно помнил, какой из городов хозяйка считает столицей. А Елка слишком уж горячо обозначила их собственную позицию.

И все же он позволил старухе увезти девушку прочь. Пока что действительно лучше ограничиться вежливыми просьбами, иначе сама же Елка ему и помешает... А кроме того, не исключено, что старуха сама их боится (и именно поэтому не хотела избавлять его от наручников) и готова откупиться от незваных гостей всем, что им нужно – лишь бы они убрались с миром. Побоища в собственном доме она, видимо, не захочет. "Не наделай пожару", да. А вот после того, как они уйдут... тут возможны варианты.

После того, как обе женщины удалились, Игорь быстро осмотрел комнату, задержавшись взглядом на абажуре под потолком, отыскал выключатель на стене, пощелкал вверх-вниз – электричества не было, хозяйка не соврала. Что, учитывая общее положение дел в районе, было ничуть не удивительно, но проверить все-таки стоило. Насчет телефона, видимо, тоже правда, и других средств связи тут, очевидно, тоже нет – все они требуют электричества, хотя бы для подзарядки аккумулятора. Стало быть, вызвать фидоров среди ночи бабка не может, если только у нее нет склада батареек в подполе – что теоретически возможно, но все же маловероятно...

Ладно, сказал себе Игорь, пока что стоит воспользоваться ее любезным предложением и порыться в чулане. Он быстро отыскал практически все, что хотел – сложенные горкой шерстяные носки, теплые кальсоны (выглядевшие ужасно по-стариковски, но ему с его рваными брюками нужно тепло, а не внешний вид), меховую шапку с ушами и даже не шарф, а целый плед, способный согреть не хуже свитера. Не нашлось только кожаных перчаток, и Игорь решил удовольствоваться рукавицами – на ходу руки мерзнуть не будут, а если потребуется ловкость пальцев (для той же стрельбы, например), их можно сдернуть за секунду.

И тут ему послышалось, что где-то в доме вскрикнула женщина. Судя по голосу – явно не старуха.

Он замер с теплыми вещами в руках, а затем бросил их на пол, вновь быстро оглядываясь по сторонам. Нет, решительно ничего, что сгодилось бы на роль оружия... за этим надо на кухню, там и ножи, и кочерга. Впрочем, с бабкой он справится и голыми руками – но сначала надо все-таки удостовериться, что ему не показалось (вскрик не повторялся, в доме вновь стало тихо). Свеча... к черту свечу, при быстрых движениях она все равно погаснет и будет только занимать руку. В полумраке преимущество имеет тот, чьи глаза привыкли к темноте.

Игорь выскочил из комнаты. Куда хозяйка увела Елку? Куда-то дальше по коридору... дом большой, но не дворец, вариантов не так много. Ближайшая дверь слева оказалась заперта – впрочем, насколько он представлял себе планировку, она вообще вела из дома в какую-то из внешних пристроек. Следующая дверь справа... похоже, спальня самой хозяйки. Древняя металлическая кровать с шишечками, пирамидальная горка подушек, громко тикающие ходики, какие-то дурацкие вышитые салфетки... внутри никого. Дальше.

В следующей комнате шторы были задернуты, и внутри царил уже практически полный мрак. Впрочем, Игорь все сумел различить очертания кровати, стола и шкафа. На стене что-то висело – кажется, гитара. Вероятно, комната сына. Дальше!

Он понял, что достиг цели, еще до того, как распахнул следующую дверь – из щели снизу на пол сочился тусклый свет, а изнутри доносился негромкий голос хозяйки... и, кажется, всхлипывания.

Игорь рванул дверь на себя.

Елка сидела на табуретке посреди комнаты, спиной к входу, лицом к окну, и из всей

одежды на ней были только смешные трусы в горошек. Скомканная грязная футболка валялась на полу возле ее ног (Игорь заметил, что ее левая ступня перевязана – ну да, конечно, все-таки стерла ногу, хотя и старалась не подавать вида); левее стоял жестяной таз с водой, а правее – столик, на котором лежал полиэтиленовый пакет, набитый ватой, марлей и какими-то упаковками явно медицинского вида; но пакет был отодвинут назад, а на переднем плане стояли несколько баночек и больших пузырьков, определенно не купленных в аптеке, с надписанными вручную этикетками. С пары из них были свинчены крышки, и в воздухе стоял довольно резкий запах, в котором смешались травы, прополис и еще какая-то органика. Тетка Аня сидела на стуле перед девушкой, держа в левой руке лампу, а в правой – марлю, пропитанную некой зеленовато-бурой мазью, которую она, похоже, собиралась приложить к груди Елки. Когда дверь распахнулась, хозяйка вскинула возмущенный взгляд на непрошеного посетителя.

– Извините, – сконфуженно пробормотал Игорь, адресуясь к ним обеим и невольно отводя взгляд в сторону, хотя и не увидел ничего для себя нового. Впрочем, нет, увидел – эта худенькая спина с отчетливыми позвонками и трогательными лопатками почему-то произвела на него еще большее впечатление, чем демонстративно выставленные напоказ обезображенные груди. Хорошо, что я хотя бы не ворвался сюда с ножом, подумал он. – Мне показалось, что...

– Все в порядке, Игорь, – сказала Елка, обернувшись через плечо, и ее голос прозвучал спокойно и холодно, как обычно, но Игорь все же заметил следы влаги на щеке. – Подожди там, снаружи.

– Да... конечно. Помощь никакая не нужна? Ну там воды еще принести...

– Иди-иди, не смущай девушку, – сердито подтвердила хозяйка. – Сами управимся. Приличные люди стучат, вообще-то. Нашел одежку, какую хотел?

– Да, спасибо.

– Вот там же можешь и спать укладываться, на дедовой кровати, а Еленке я здесь постелю.

Игорь удовлетворенно отметил про себя, что хозяйка даже не заикается о том, чтобы выставить их на мороз на ночь глядя – хотя, формально говоря, они даже не просили о ночлеге. Хотя, возможно, Елка уже попросила... Впрочем, он по-прежнему не был уверен, насколько безопасно оставаться здесь на ночь, и идея разместить их за несколько комнат друг от друга в этом контексте ему не нравилась. Он быстро окинул взглядом помещение – само собой, это была бывшая комната хозяйской дочери, как и говорила тетка Аня; над кроватью, куда была свалена в кучу извлеченная из шкафа и сундука на полу одежда (рядом, брезгливо отодвинутый от чистого белья, притулился и снятый Елкой камуфляж), все еще даже висел вылинявший постер какой-то музыкальной группы – четыре волосатых парня в кожаных куртках и со сладкими взглядами, призванными сражать наповал несовершеннолетних дурочек. Интересно, подумал Игорь, воюет ли сейчас хоть один из этих пижонов? Да наверняка нет, теперь, когда пик их славы и полные стадионы уже в прошлом, развлекают, небось, фидоров по кабакам...

– Нам бы лучше спать вместе, – сказал он вслух и тут же поправился: – То есть я имею в виду – в одной комнате. Я могу и на полу, все равно мне теперь даже куртку не снять...

– Да, – подтвердила Елка прежде, чем тетка Аня успела возразить, – вместе нам... спокойнее.

– Ладно, – ворчливо согласилась хозяйка, все еще глядя на Игоря недовольно, – хочешь на полу, спи на полу, матрас и подушку можно и на пол уложить... Но вы ведь точно брат и сестра? – теперь она пристально смотрела на девушку.

– Игорь – мой брат, – твердо подтвердила та. – Клянусь, чем хотите.

"И ведь не соврала! – мысленно восхитился Игорь, вспомнив, в честь кого получил свое нынешнее имя. – Просто не уточнила, какой именно Игорь..."

– Ладно, братец, – пробурчала тетка Аня, – только все равно, не маячь тут, пока мы не закончим. Иди вон хоть на кухне посиди. Можешь еще чаю поставить, там вода в ведре слева...

– Мне скорее наоборот нужно, – усмехнулся он. – Где тут у вас...?

– Сортир-то? – не стала деликатничать хозяйка. – Как с крыльца спустишься, налево за угол. Тридцать лет им не пользовались, все в доме оборудовали, не хуже, чем у городских. Ну а теперь-то, как насосы не работают, приходится опять по старинке... вот такая она, свобода-то ваша... уж как нас ихнее электричество угнетало, сил нет!

Игорь поспешно вышел, не желая нового витка политического спора. Сделав в темной промерзшей будке то, в чем и в самом деле нуждался, он несколько минут стоял на морозе, глядя на звездное небо. Мысли его, однако, были далеки от астрономии. Стоило, пожалуй, настоять на том, чтобы им обоим ночевать в дедовой, а не в дочкиной комнате. Дедова ближе к выходу, и тогда бы они находились между выходом и спальней хозяйки. Если тетке Ане вздумается ночью или под утро куда-нибудь прогуляться – он бы, пожалуй, услышал. Скорее всего, это "куда-нибудь" – все тот же сортир, но вот если она не вернется минут через пять... А в дочкиной комнате они, напротив, оказываются в самом дальнем от выхода углу, откуда, случись что, пробиваться труднее всего. И через окно не получится – рамы законопачены на зиму, на это он уже обратил внимание...

И все-таки – скорее всего ночью они в безопасности. Ни хозяйка не попрется доносить через лес, ни фидоры не нагрянут по собственной инициативе. Ночь более благоволит дичи, нежели охотникам, и охотники это знают. Вот утро – другое дело, в чем они имели возможность убедиться менее суток назад. Утром им лучше не задерживаться.

А Елке, наверное, уютнее в девчачьей спальне, чем в комнате покойного старика...

Он вернулся в дом и уже практически ощупью прошел в дедову комнату. Зажег свечу, сунул спички в карман, собрал с пола отобранные вещи, надел носки и кальсоны, снова натянул сверху рваные камуфляжные штаны, затем уселся на кровать и вновь задул огонь. Темнота наполняла его ощущением безопасности. Старый военный рефлекс: ночью при свете ты – мишень.

– Игорь, ты где? – донесся голос девушки со стороны кухни.

– Здесь я, – откликнулся он.

Через пару минут Елка со свечой в руке появилась на пороге, одетая в розовую пижаму и шерстяные носки. На груди пижамы был вышит (и явно не фабричным способом) улыбающийся медвежонок. В этом облачении Елка казалась совсем еще девочкой – лет четырнадцать, не больше; даже трудно было снова представить ее такой, какой она была совсем недавно – в армейском камуфляже и с автоматом. Игорь невольно улыбнулся.

– Если будешь смеяться, я тебя убью, – тут же мрачно изрекла Елка.

– Я не смеюсь. Тебе правда идет. Но, надеюсь, тетка Аня для тебя не только пижаму нашла?

– Да, все, что нужно, подобрали. От белья до куртки без дырок. Куртка, конечно, простая, желтая такая, но камуфляж сейчас скорее привлекает ко мне внимание, чем наоборот.

– И обувь?

– Да, сапоги хозяйкиной дочки подошли. На один размер больше моего, но один – это не семь, и с теплыми носками в самый раз. Так ты идешь спать?

– Угу, – он поднялся. – Надо только матрас с подушкой перетащить...

– Не надо. Тетка Аня тебе там уже на полу постелила.

Из дочкиной комнаты уже убрали медицинские причиндалы, но запах еще чувствовался в воздухе – однако теперь к нему добавился и запах чистого накрахмаленного белья. Игорь с усмешкой отметил, как именно ему постелили – матрас, накрытый стеганым одеялом (явно излишним для человека, вынужденного спать в верхней одежде, но, как видно, хозяйке претила мысль укладывать гостя на голый матрас), лежал у стены, противоположной кровати, то есть на максимальном расстоянии от Елки. "Господи, ей-то какое дело, как мы будем спать, – подумал он с раздражением, – и как будто мы не могли бы перебраться друг к другу, если бы захотели..."

Девушка тем временем сунула ноги в сапоги, набросила свою новую куртку (на самом деле, конечно, новой она не была – такой фасон вышел из моды лет пять назад) и вышла с очевидной целью; Игорь еще раз окинул внимательным взглядом комнату, проверил оконную раму (нет, так просто не высадишь), а затем ухватил и потащил предназначенный для него матрас – но не к кровати, а к двери, развернув его поперек входа. Вернувшись, Елка едва не споткнулась об это неожиданное препятствие.

– Это еще зачем?

– Буду охранять ваш сон, лежа на пороге, принцесса, – усмехнулся Игорь. – Так надежнее. Никто не сможет войти без... моего разрешения.

– А если мне среди ночи понадобится выйти?

– Ну, тогда буди меня, не стесняйся.

– С тобой, пожалуй, застесняешься... – девушка быстро скинула верхнюю одежду и обувь и юркнула под одеяло. Увидев, что Игорь тоже улегся на свое ложе, она задула стоявшую на прикроватном столике свечу. – Вот чего ради ты вломился, хозяйку напугал? – продолжала она из темноты.

– Я услышал, как ты кричала.

– Это не я. Это тетка Аня. Я ей не хотела ничего показывать, говорила – сама все обработаю, а она дай я да дай я, я-де сына лечила, когда он кипятком обварился... ну а как увидела, сразу – "ой божечки!"

– Елка, – терпеливо вздохнул Игорь, – я могу отличить твой голос от голоса старухи. То есть она там, может, чего и причитала, но кричала – ты.

Девушка ничего не ответила, и после паузы он спросил: – Сильно больно?

– Не так, как когда это делали, – мрачно откликнулась Елка. – Да и вообще, это я от неожиданности больше, когда футболку снять попыталась. А там кровь и еще дрянь всякая, которая из ожогов выделяется... присохло все... ну и воспаление, конечно... странно было бы, если бы в таких условиях не было воспаления...

– Сильное?

– Уж какое есть, – буркнула девушка.

– И ты все это время терпела и молчала?

– А если бы я стала стонать и жаловаться, оно бы прошло?

– Тебе к врачу надо.

– Надо, – согласилась она. – И не только по части ожогов. Провериться еще на всякую дрянь венерическую... Сам Дракула, ты прикинь, в презервативе насилует. Осторожный, сука, всегда он осторожный был... ну а подчиненные у него не все такие чистюли. Надеюсь, я хотя бы не беременна. По срокам вроде не должно... Только где ж я тут в лесу клинику возьму?

– Тебе в лес со мной идти было не обязательно. Вытащила из огня, уже круто, ну а дальше каждый своей дорогой...

– Тоже мне, герой выискался. Нет уж, раз я взялась за дело, доведу его до конца. Да и потом, ты слышал, что тетка Аня про нынешнее состояние медицины тут рассказывала? По-любому надо к нашим выбираться, на неоккупированную территорию... Ладно, на самом деле все не так уж страшно. Не гангрена какая-нибудь. Ну, ожоги, ну, воспаление. После того, как тетка Аня все своей мазью обработала и чистую повязку сделала, уже даже и не болит... почти. Если не дотрагиваться, так и не обращаешь внимания. Идти смогу не хуже тебя, не сомневайся. А грудью я в ближайшее время кормить не собираюсь. Да и вообще никогда не собираюсь. Больше ни один мужик ко мне не притронется, уж это точно, – она замолчала, словно агрессивно ожидая возражений, но у Игоря хватило ума не подвергать сомнению последний пункт.

– Температура подняться может, – заметил он вместо этого. – Тем более, ты еще и простужена...

– А, это вообще ерунда. Горячий чай с медом плюс две таблетки аспирина – завтра уже следов не останется. И еще упаковку аспирина тетка Аня мне с собой дала. Не надо обо мне беспокоиться. О своем здоровье думай.

– Елка... не обязательно все время быть такой... железобетонной.

– Расскажи это тем, кто развязал войну. И их пособникам. Расскажи это банде Дракулы.

– Я не про врагов. Врагам, да, нельзя показывать слабости. Но со своими... я же видел, как ты плакала в обществе хозяйки – хотя она нам, в общем-то, не очень-то и своя...

– А потому что нечего врываться, куда не просят! Ворвался бы в сортир, еще не то бы увидел...

– Да пойми же ты наконец, я не стал из-за этого... уважать тебя меньше! Наоборот, я хочу сказать, что это совершенно нормально, и ты не должна этого стыдиться...

– Ага, скажи еще, что женщина должна быть слабой!

– Ну, смотря какая женщина, – серьезно ответил Игорь. – Некоторые, да, должны. Потому что это заставляет мужчин рядом с ними чувствовать себя сильными. Но ты не такая, конечно. Ты сама – боец. А боец должен поддерживать товарища, но и не должен сам чураться его поддержки. Иногда можно позволить себе слезы, если после них становится легче. Истерику – нет. Слезы – да.

Девушка молчала, и после затянувшейся паузы Игорь спросил почти виновато:

– Что ты рассказала хозяйке... про нас? Она ведь знает, кто такой Дракула?

– Ах вот оно что, – желчно откликнулась из темноты Елка. – С этого надо было начинать, а не толкать тут душеспасительные речи. Вовсе не мои чувства тебя заботят, а не сболтнула ли я в минуту слабости чего лишнего, что подставит тебя под удар.

– Ну опять ты за свое, – досадливо поморщился он. – Я помню, что ты ничего не хотела ей показывать, но раз уж она увидела... надо просто уяснить обстановку, дабы оценить перспективы. Она ведь теперь понимает, что это был не просто бандитский наезд с целью выбить бабло?

– Ты зря идеализируешь Дракулу, – насмешливо ответила Елка. – Такие, как он, банальным рэкетом и грабежом тоже отнюдь не брезгуют. Просто прикрывают это идеологическими лозунгами. Тетка Аня вон рассказала, как у них выглядит "борьба со шпионами". Ей еще повезло сильно, что только золото и серебро забрали – могли и на подвал кинуть, так это у них называется... не то что пожалели старуху, конечно, просто поняли, что больше взять с нее и впрямь нечего... Короче, я держалась первоначальной версии. Что у тебя еще до войны свой бизнес был, а как ты им "в фонд обороны" платить отказался, так сразу и заделался "шпионом сепарской хунты". Ну а меня прихватили, чтоб ты сговорчивее был.

– Ясно, – буркнул Игорь. Версия как версия, не то чтобы невероятная. Но поверит ли тетка Аня – особенно если информация о розыске беглеца уже распространилась, или дойдет до нее в самое ближайшее время? А если и поверит, захочет ли перебегать дорогу не каким-то безвестным мелким уголовникам, а самому Дракуле, которым пугают детей? И тут уж неважно, охотится он за ускользнувшей добычей по политическим мотивам или по коммерческим – главное не становиться у него на пути. И даже если рассказать ей, что вся банда мертва (что правда) и сам Дракула тоже (что не факт) – голословным утверждениям заинтересованных лиц она может и не поверить. "Ежели вам больше некого бояться, от кого же вы убегаете?"

Бух! Бу-бух! Бух! Бу-бу-бух!

– Ну вот, опять начинается, – брюзгливо констатировала Елка. – Любят они по ночам обстреливать. Спать мешают, суки.

– Беспокоящий огонь, – откликнулся Игорь. – Именно так он и называется.

На этот раз, однако, характер канонады был другим, чем накануне. Теперь били ближе, и, вслушавшись, Игорь различил не только грохот выстрелов, но и свист летящих в вышине снарядов – если и не прямо над домом, то, по крайней мере, где-то не очень далеко. А затем

начали бухать и разрывы попаданий – но не где-то там далеко, куда улетали снаряды, а, судя по звуку, примерно там же, откуда велся огонь. Ответка, понял Игорь. Контрбатарейная борьба. До позиции на слух было несколько километров, так что едва ли можно было опасаться шального снаряда, который рухнет прямо на хутор – для этого артиллеристы одной из сторон должны были оказаться очень уж криворукими. Впрочем, на войне каких только нелепостей не бывает...

И вдруг канонада прекратилась – гораздо быстрее, чем Игорь рассчитывал. Ответные разрывы громыхали еще пару минут, но затем стихли и они.

– Кажется, накрыли тварей! – радостно констатировала Елка.

– Не факт, – возразил Игорь. – Они могли просто сменить позицию.

– Надеюсь... а-аа... не успели, – зевнула девушка. – Земля им стекловатой.

– Аминь, – согласился Игорь, отметив про себя, что, похоже, они уже не так далеко от линии фронта – или как там она теперь официально называется, "разграничения". Но это, конечно, не повод расслабляться и радоваться. Обиднее всего – но и проще всего! – запалиться как раз на последних километрах...

Ночью никто не потревожил Игоря, но, как он ни планировал проснуться раньше всех в доме, первой это сделала хозяйка, поднявшаяся, по крестьянской привычке, еще до рассвета, и лишь производимые ею звуки – шаркающие шаги, скрип старых половиц под ее грузным телом, хлопанье дверей, какие-то стуки и бряканья – разбудили мужчину. Впрочем, этот шум его не насторожил, а успокоил – тетка Аня явно не пыталась сделать что-то втихаря от гостей. Обычные хуторские утренние заботы по хозяйству – растопить печь, натаскать воды, покормить-подоить кого там положено (или собрать яйца, если только зарезанная накануне курица не была последней) и все такое прочее. Все эти звуки были такими мирными, что Игорь даже не стал сразу же вставать, а позволил себе полежать еще пару минут с открытыми глазами, глядя в сереющий в предрассветных сумерках потолок. Затем все же напомнил себе, что, каким бы гостеприимным ни казался хутор, задерживаться здесь не стоит.

– Елка! – негромко позвал он.

– А? Утро? – тут же откликнулась девушка. – Ох... целую вечность, кажется, не спала на нормальной кровати. Мне даже на миг показалось, что... – она замолчала.

Впрочем, не требовался диплом психолога, чтобы догадаться, что она не захотела договаривать. "... что я у себя дома, что нет никакой войны, да и не было никогда, что все это был страшный сон, а сейчас войдет моя мама и позовет завтракать..." Не такой уж он тупой солдафон, чтобы этого не понять.

Из-под двери тем временем и в самом деле поплыл аппетитный жареный аромат, и из коридора донесся голос хозяйки: "Еленка, Игорь! Вставайте завтракать, я вам картофельных оладий напекла."

Елка шустро соскочила с кровати, и Игорь с легкой усмешкой целомудренно отвел взгляд, пока она переодевалась из пижамы в свою новую одежду (из прежней она оставила себе только камуфляжные штаны, рассудив, что для путешествия по зимнему лесу они теплее и практичнее цивильных брюк, не говоря уже о юбках). Однако краем глаза Игорь все же заметил, как она вытащила из-под подушки конфискованный у него пистолет в кобуре и сунула оружие в карман желтой куртки. Стало быть, она так и спала с пушкой под подушкой, и весь этот расслабляюще-мирный антураж не лишил ее бдительности – все-таки молодец девчонка...

Хотя они были уже не такими голодными, как накануне, горка горячих золотисто-коричневых оладий с медом показалась им царским угощением. Однако, даже и работая челюстями, Игорь не забывал о практических материях. Картошка у хозяйки, очевидно, своя, как и всякие соленья-варенья, а вот мука наверняка привозная...

– Машина-то есть у тебя, тетка Аня?

– Есть старый пикап, – неохотно откликнулась хозяйка, – только он не на ходу. С начала войны еще. Аккумулятор там дохлый и колеса спущены. Да и боязно сейчас по дорогам ездить-

то. Мин кругом понаставлено. Только герои эти и катаются, у них карты есть. И то, бывает, подрываются – у них там тоже левая рука не знает, где правая мины ставит...

– И как же ты тут одна на отшибе без машины обходишься? Небось, мешки на своем горбу снизу из долины особо не потаскаешь.

– А кум там мой живет, он заезжает иногда. Он мне муку привозит, ну и другое разное чего надо, а я с ним медом расплачиваюсь. Раньше-то сама торговать ездила, а теперь где уж...

– А говорила, совсем одна тут, и поговорить-то не с кем, кроме собаки...

– Так конечно одна! Часто, что ли, кум заезжает? Хорошо, если в пару месяцев раз.

– И как же он мин не боится?

– Так он знает, где они стоят... он же тоже в ихнем ополчении.

Та-ак, подумал Игорь. Его мышцы подобрались, как у тигра перед прыжком, но внешне он все так же расслабленно потянулся за очередной оладьей.

– А что ж кум тебя не защитил, когда на тебя "ловцы шпионов" наехали? – осведомился он, намазывая оладью медом.

– Да он сам не знал про это. Ты что ж думаешь, он там шишка какая? Так, на блокпосту стоит... Потом уж, как я ему рассказала, он сперва хорохорился – мол, к коменданту пойду, а потом еще подумал и говорит – не, не стоит, как бы только хуже не вышло. Все равно, мол, ничего уже не докажешь, выйдет только клевета на героическое ополчение и сепарская пропаганда...

Игорь метнул быстрый взгляд на Елку. Но на сей раз девушка, как видно, и сама сообразила, что от политических споров лучше воздержаться. Она старательно доела последнюю оладью и запила ее чаем из большой зеленой кружки.

– Уфф, спасибо, тетка Аня. Обалденно вкусно. Хорошо тут у вас, но нам дальше идти надо.

– Да погоди ты – дальше! – недовольно возразила старуха. – Дай я тебе хоть перевязку новую сделаю. А по-хорошему, тебе бы вообще никуда не ходить недельку, пусть хоть немного воспаление сойдет...

– Нет, – решительно покачала головой девушка даже раньше, чем это успел сделать Игорь, – спасибо, конечно, но мы задерживаться не можем. У Игоря... дела важные.

– Ну так он и один дойти может, мужчина крепкий, – ответила хозяйка, бросив на Игоря взгляд, лишенный особой приязни.

– Нет, – снова повторила Елка. – Он без меня никуда.

– Ну как знаете, – ворчливо изрекла тетка Аня, поднимаясь из-за стола. – Тогда идем, я тебе повязку поменяю, а братец твой тут пусть подождет.

Оставшись один, Игорь немного подождал, затем бесшумно поднялся и быстро прошелся по кухне, обследуя шкафы – нет, ничего полезного, крупы всякие, соль в пачках, посуда... – затем вытащил из кармана куртки рукавицу и бросил ее под стол. Отошел к двери, вернулся, подтолкнул ногой глубже – теперь ее не будет видно от входа. Хорошо. Затем подошел к окну и встал там, разглядывая засыпанный снегом двор, пересеченный длинными утренними тенями, безоблачно-синее небо и видневшиеся вдали над забором и деревьями вершины холмов, уже оставленных ими позади. Отсюда же ему были видны и ворота. Очень, конечно, смешно выйдет, если кум-опущенец нагрянет прямо сейчас – и, возможно, не один...

Однако никто так и не появился, и Игорь так и простоял у окна, пока не вернулись женщины.

На прощание тетка Аня одарила их пакетом с едой (ничего особенного – несколько крутых яиц и вареных картофелин, но всяко лучше, чем ничего) и разнообразными напутствиями – насчет дороги (ведь, согласно легенде, они "заблудились"), дальнейшего лечения ожогов и даже рецепта оладий, которые особенно понравились Елке. А Игорю тихо сказала:

– Береги сестру-то. Один-то раз уже не уберег, так хоть теперь...

– Буду, – заверил он.

Еще раз поблагодарив за всю помощь и подарки, они вышли из дома, а затем и со двора. Ноябрьское солнце сияло, словно весной, но подмерзший наст хрустел под ногами, и мороз пощипывал лицо. Впрочем, теперь они могли встретить холод во всеоружии. Помимо теплых вещей, поддетых под верхнюю одежду, на Елке была лыжная шапка и вязаные перчатки, на Игоре – дедов треух, выглядевший, может, и несколько комично, но вполне справлявшийся со своей задачей, и... он надел одну рукавицу, а затем принялся с недоуменным видом хлопать себя голой рукой по карманам.

– Черт.

– Что такое? – девушка, ушедшая на несколько шагов вперед, обернулась.

– Кажется, я выронил варежку. Должно быть, еще в доме. Жди здесь, я быстро, – он повернулся и побежал назад к дому прежде, чем Елка успела ответить.

Дверь не была заперта (он и не слышал, спускаясь с крыльца, чтобы за ними запирали замок – и рассчитывал, что так и будет). Беззвучно проскользнув внутрь, он остановился на пороге, прислушиваясь. Из кухни доносился плеск воды – очевидно, хозяйка мыла посуду. Опять-таки, как он и рассчитывал.

– И снова здравствуй, тетка Аня, – объявил он, входя на кухню.

– Ой! – она обернулась, прижимая к груди мокрую тарелку. – Напугал. Что такое, забыл что?

– Да... рукавицу вот где-то тут обронил, из кармана вывалилась. Хорошо хоть уйти далеко не успел...

– Где сидел, там, небось, и вывалилась, – поставив тарелку рядом с ведром, служившим заменой водопроводу в эпоху без электричества, хозяйка подошла к столу и наклонилась. – Да вот же она!

Игорь тут же оказался сбоку и чуть сзади, схватил старуху одной рукой за подбородок, другой за затылок (наручники ничуть не помешали) и резко повернул. Послышался хруст ломающихся позвонков. Он подержал обмякшее тело еще несколько секунд, затем аккуратно опустил на пол.

Снова окинул взглядом кухню, прежде чем уйти отсюда навсегда. Зажигалка все еще лежала на столе, и Игорь положил ее в карман. Затем нагнулся, подобрал с пола и надел рукавицу. Потом открыл тяжелую крышку подпола, которая, как он приметил заранее, находилась как раз в кухне (что логично – ведь именно из подпола достают продукты). Если опушенцы и фидоры нагрянут сюда прямо сегодня, мертвое тело все же может послужить им указанием, в каком районе искать беглецов – так что лучше все-таки убрать труп с глаз долой. Как, кстати, и армейскую куртку и берцы Елки, которые все еще в доме – их лучше утопить в сортире. Сколько все это займет времени? Если минуты три, то нормально, а вот дальше девчонке может надоесть стоять и ждать за забором...

Но ей надоело гораздо раньше. Едва он, ухватив мертвое тело под мышками, потащил его к открытому люку, как до него донесся звук хлопнувшей двери, и по коридору затопали шаги.

– Что ты наделал, урод?!

– Елка, – вздохнул он, выпуская тело и распрямляясь, – я не хотел, чтобы ты это видела, но это было необходимо. Она бы нас сдала.

– Ты хренов маньяк!

– Ты сама слышала, на чьей она была стороне. Даже после всего зла, которое ей причинили фидоры и их прихвостни. Такое не лечится. Плюс ее кум-опущенец, с которым она в прекрасных отношениях. Какие доказательства тебе еще нужны?

– Она нас приняла, как родных!

– Потому что испугалась. Или потому, что хотела задержать до прибытия полицаев.

– Она видела, что фидоры сделали со мной! Лечила меня! По-твоему, после этого она могла снова меня им выдать?!

– Ты на своем хуторе ухаживала за козами и свиньями, – пожал плечами Игорь. – Лечила их, из бутылочки, наверное, выкармливала. Что ничуть не мешало тебе потом их резать. Не вижу никакого противоречия.

– Да блин, при чем тут козы?! Скотину и растят, и режут для еды, а тетке Ане какой резон?

– Возможно, за наши головы уже объявлена награда. Ну и потом... я, в общем, не утверждаю, что она непременно хотела нам зла. Может, и нет. Может, она искренне переживала из-за того, что с тобой сделали. Женская солидарность и все такое. Но она бы раскололась, как только бы на нее надавили. Даже без всяких пыток. Просто припугнули. Вспомни, как она сама, по собственной инициативе отдала грабителям свое оружие, о котором те даже и не знали. Мы для нее – такое же ружье, только еще и совершенно для нее бесполезное вдобавок. В конце концов, она могла проболтаться даже просто по глупости, как только к ней заявится этот самый кум. Поговорить ей, вишь, не с кем...

– Да он, может, через два месяца заявится!

– А может, прямо сегодня. И это не вопрос случайных совпадений. Если нас ищут и его начальство уже поставлено в известность, этот самый кум может направляться сюда прямо сейчас. Причем сотоварищи. Пока мы тут стоим, спорим и теряем время.

– Блин, я так и знала, что этим кончится... – произнесла Елка с несчастным видом.

– Поэтому ты не хотела сюда идти? – понял Игорь. – Ты беспокоилась за хозяев, а не за нас?

– Да! В первую очередь. Хотя и за нас тоже...

– Ну по крайней мере одну проблему я решил, – усмехнулся Игорь, вновь беря труп за подмышки. – В любом случае, что сделано, то сделано, и нам надо убираться отсюда. Я закончу здесь, а ты пока забери из комнаты свои армейские шмотки и утопи их в сортире.

Девушка еще раз гневно зыркнула на него, но больше ничего не сказала – осознав, очевидно, что споры и впрямь уже бессмысленны – и быстро вышла.

Игорь дотащил старуху до люка и спихнул вниз. Будет выглядеть так, словно она оступилась на лестнице и сломала шею. Впрочем, для правдоподобия этой версии люк надо было оставить открытым, но Игорь, подумав еще несколько мгновений, закрыл его. Будет лучше, если тело вообще не найдут (а кум, очевидно, не станет перерывать весь хутор, попросту не застав хозяйку дома), чем если найдут и станут строить гипотезы. Он услышал, как Елка прошла по коридору к выходу, и последовал за ней.

Минуту спустя они снова, и теперь уже навсегда, покинули хутор.

Они не пошли по дороге, дабы избежать даже теоретически возможных встреч, а снова углубились в лес. Шли молча. Елка по-прежнему несла в руке пакет с едой. Наконец Игорь нарушил молчание:

– Может, теперь отдашь мне пистолет?

Девушка сердито покосилась на него:

– И кого теперь ты собираешься убить?

– Фидоров, если мы на них нарвемся, – спокойно ответил он. – Или любого другого, кто будет представлять для нас опасность.

– Скажи уж прямо – для тебя с твоей паранойей.

– Для нас, – повторил Игорь.

– За себя позволь мне самой решать.

– Елка, – вздохнул он, – это война. На войне бывало даже, что мать душила собственного ребенка, чтобы он своим криком не выдал всех. Здесь лучше быть живым параноиком, чем

мертвым гуманистом. Ну подумай, ты же умная. Ты не можешь не признать, что я поступил правильно.

Девушка молчала, продолжая шагать по снегу. Затем твердо произнесла:

– Больше мы не войдем ни в один дом, пока не окажемся на нашей территории. Разве что в гарантированно необитаемый в нежилом селе.

– Да, – согласился он. – Там такие будут?

– Да, там под обрывом многое разрушено. Некоторые села уничтожены просто целиком – одни печи торчат, как в фильмах про Вторую мировую, где-то целые дома остались, но живых людей нет...

Эти слова неожиданно зацепили что-то в затуманенных глубинах его памяти. Что-то опять из детства. Печи... фильмы... ну да, их с классом водили на фильм о зверствах немецких карателей. Это называлось патриотическим воспитанием. Кто мог тогда подумать, что воспитанные таким образом патриоты будут творить то же самое на собственной земле... И на эти давние, кажется, даже черно-белые кадры (реальная хроника или стилизация? этого он уже не мог вспомнить) накладывался образ мертвой старухи, которую он волок по полу...

– Так ты обещаешь? – с нажимом потребовала Елка. – Больше никаких контактов с местными и никаких убийств мирных жителей.

– Да, да, обещаю, – нетерпеливо ответил он. Воспоминание о чем-то очень-очень важном было совсем рядом. Карателя... убийство мирных жителей...

Елка протянула ему пистолет в кобуре. Он взял оружие почти машинально, ощутил в руке его приятную тяжесть...

– Я вспомнил!!!

– Вспомнил? – Елка резко обернулась к нему и даже отпрянула, словно испугавшись выражения его лица. – Что именно?!

– Задачу Дракулы. Операцию, которую должна была провернуть его банда. Войти в крупное село, жители которого симпатизируют фидорам – и вырезать там всех, без оглядки на пол и возраст. Несколько сотен человек. И, естественно, обеспечить "доказательства" для международного сообщества, что это сделал наш диверсионный отряд. Каратели, мстящие местным за предательство.

– А какую роль во всем этом играл ты?

– А мне, надо полагать, предстояло стать главным из этих "доказательств". Я должен был дать показания на камеру, что командовал этим отрядом, пока меня не захватили доблестные бойцы Дракулы, прибывшие, увы, слишком поздно. Лицо, имя, звание – было бы нетрудно проверить, что я действительно офицер республиканских Специальных сил, а не подставной актер. Думаю, нет нужды уточнять, какими методами они собирались добиться от меня нужных слов... А потом бы я, разумеется, умер от полученных при задержании ранений, несмотря на все усилия фидорских врачей, прежде, чем меня смогли бы допросить международные следователи.

– А я? Ведь Дракула оставил на мне подпись, это разрушало всю легенду.

– Ты тут вообще ни при чем, разумеется. Ты просто случайно подвернулась им под руку, пока они скучали на тайной базе, ожидая отмашки "начать операцию". Они бы убили тебя после того, как натешатся, и сожгли тело. Живые свидетели в планы Дракулы не входили.

– Да уж... Выходит, грачи прилетели очень вовремя. Не только для меня одной. А как называется село? Не факт, что фидоры не попытаются повторить попытку с другой бандой.

Игорь молчал около минуты.

– Не помню, – наконец сокрушенно покачал головой он. – После контузии вообще не могу вспомнить никаких имен. Только вот названия оружия и боевой техники помню, а больше ничего.

– Значит, и своего имени ты по-прежнему не знаешь?

– Увы. Но я уже начал привыкать к "Игорю", – постарался улыбнуться он.

– Ладно, – констатировала Елка. – Самое важное ты вспомнил. Теперь нужно поскорее донести эту информацию до наших.

– Долго нам еще добираться?

– Уже не очень. К обрыву выйдем часа через полтора. А вот дальше как повезет.

Они действительно без приключений добрались до противоположного края возвышенности – в отличие от пологого подъема, который они преодолели накануне, здесь она круто обрывалась вниз. Эта круча выглядела, как граница между мирами в каком-нибудь сказочном фильме: заповедное лесное царство вверху – древнее, дикое и суровое обиталище сил природы, и ухоженные, аккуратные, возделанные поколениями кропотливого крестьянского труда цивилизованные земли внизу – тщательное нарезанные квадраты полей, фруктовые сады с выстроившимися в линии деревцами, домики с белеными стенами и красными черепичными крышами, прямые, лишь кое-где загибающиеся ленты дорог, подчеркнутые двойным частоколом высоких тополей по краям... От дикой природы там остались лишь немногочисленные рощицы – да и тем, как правило, была придана округлая или прямоугольная форма – и темная лента реки, прихотливо извивавшаяся далеко впереди, ближе к горизонту . Лишь непосредственно под обрывом, там, где солнце появляется лишь во второй половине дня, тянулись главным образом пустоши (вероятно, используемые летом, как пастбища); выглядевшие довольно угрюмо в густой тени кручи – но там, где тень заканчивалась, и снег, и подтаявшие и снова замершие лужи, и белые домики, казавшиеся отсюда совсем игрушечными, сияли ярко и весело.

Впрочем, лишь на первый взгляд. Снег прикрыл раны, оставленные войной, однако, присмотревшись, можно было заметить, что на многие дома и даже целые села он лег не праздничной фатой, а саваном. Чернели выбитые окна и пробоины в стенах, щерились разбитые двери, темнели заснеженными ямами провалившиеся крыши, то тут, то там выступали из-под снега обгоревшие бревна и пятна копоти. Заметны были поваленные столбы и бреши в стройных рядам деревьев, которые тоже не щадили прилетавшие из-за реки снаряды. Впрочем, теперь, надо полагать, и некогда любовно растимые деревья, и бесполезные без электричества столбы все чаще становились жертвами не столько артобстрелов, сколько топоров нуждавшихся в топливе жителей... И, похоже, чем ближе к реке, тем разрушений было больше, хотя расстояние и мешало разглядеть детали.

– За рекой уже наши позиции, – сообщила Елка. – По прямой отсюда всего километров двенадцать. Но по прямой нам не пройти, тем более днем. Во-первых, сам видишь – открытая местность. Патрули, заставы и просто любопытные поселяне, среди которых большинство за фидоров – ну еще бы, ведь это *мы* их обстреливаем, а что, спрашивается, нашим делать, когда отсюда лупят по ним? Во-вторых, мосты через реку взорваны, а лед еще не встал.

Игорю это и так было очевидно.

– Так каков план? – спросил он.

– Направо обрыв понижается, туда и дорога с хутора уходит, но туда мы не пойдем. Если только с кумом тетки Ани и его товарищами по блокпосту познакомиться не хочешь.

– При определенных обстоятельствах не отказался бы, – зловеще осклабился Игорь. – Но не при нынешнем соотношении огневой мощности.

– Мы не должны рисковать, – строго напомнила Елка. – Тем более теперь, когда мы знаем...

– Да понятно, – перебил Игорь. – Не говори, чего не делать, говори, что делать.

– Здесь спуститься, в принципе, можно, чуть ли не просто на заднице съехать, но дальше та же проблема. Нас могут увидеть уже даже во время спуска. Поэтому мы пойдем налево. Там спуск сложный. Не то чтобы высший класс альпинизма требовался, но сложный. Как твоя лодыжка?

– Лучше, чем раньше, – усмехнулся Игорь. – Ничего, как-нибудь.

– И до реки оттуда тоже топать дальше – она там выгибается в западную сторону, – продолжала Елка. – Зато там никто не живет. Там такие бои шли за этот плацдарм между рекой и стеной, что всё по несколько раз перепахали, ни одного целого дома нет. Патрули, конечно, все равно шастают. Но тут уж, как я сказала, как повезет. Зато в развалинах много где прятаться можно.

И они зашагали налево над обрывом, который постепенно повышался и становился все круче. Игорю это не нравилось – вопреки заверениям Елки, круча превратилась в отвесную стену, спуститься с которой можно было только при наличии альпинистского снаряжения (ну и соответствующих навыков, конечно). Затем впереди, практически на самом краю пропасти, показались развалины некоего сооружения, похожего на большую каменную беседку. От нее осталось не так много – поваленные обломки тонких колонн, несколько уцелевших столбиков балюстрады, покосившихся в сторону бездны, и засыпанная снегом площадка, над которой торчали перила уходившей вниз лестницы.

– Самая высокая точка обрыва, – пояснила Елка. – Здесь смотровая площадка была. Туристы снизу поднимались, у кого выносливости хватало, ну и поверху сюда тоже туристическая тропа шла, только сейчас ее под снегом не видно...

– А потом площадку, конечно, раздолбали, как удобный наблюдательный пункт, – закончил очевидное Игорь.

– Не только, отсюда еще и минометы работали.

– Ну да, ну да... – Игорь подошел к лестнице и заглянул вниз, но тут же понял, что повторить туристический маршрут не получится. Лишь несколько пролетов деревянной лестницы все еще висели на разной высоте на выщербленной снарядами скале, держась на вбитых в отвесную кручу кронштейнах – да у подножия стены, по меньшей мере в сотне метров внизу, еще можно было угадать под снегом какие-то обломки.

– Прикинь – если бы там внизу росла sequoia sempervirens, ее верхушка могла бы быть как раз напротив нас, – поведала Елка.

– Но мы бы все равно не смогли по ней слезть, – заметил Игорь, которого куда больше волновали практические проблемы, чем чудеса природы. – И в любом случае она здесь не растет.

– Нет, конечно. Они растут только на западном побережье США. Ну еще в ботанических садах, но не такие большие. Кстати, именно секвойя вечнозеленая является самым высоким деревом, а вовсе не секвойя гигантская. Которая при этом тоже вечнозеленая. В таксономии много путаных названий...

– Мы ведь не здесь собираемся спускаться? – вернул ее к актуальной теме Игорь, хотя это был глупый вопрос для всякого, кто не умеет летать.

– Нет, конечно. Еще где-то час идти.

После смотровой площадки обрыв вновь стал понижаться, и идти под горку стало легче. Однако, хотя стена и становилась ниже, положе она не делалась. Впрочем, может быть, впереди...

– Пришли, – наконец объявила Елка, указывая вперед. Пройдя еще несколько метров, Игорь понял, что она имела в виду. И вдохновляющей картина не показалась.

Край обрыва был здесь, вероятно, размыт дождевыми потоками и превратился в некое подобие разрезанной пополам по вертикали воронки. Сужающийся раструб (походивший, впрочем, больше на неправильную пирамиду, чем на конус) сходился к узкой расселине, практически отвесно уходившей вниз метров на тридцать сквозь толщу более твердой породы. Девушка подошла к верхнему краю раструба.

– Отсюда можно сползти на пузе до желоба, – принялась показывать она. – Медленно, аккуратно, цепляясь за каждый камушек и корни растений. Главное помнить, что как только ты начал спускаться – дороги обратно уже нет. Вылезти наверх не получится, все эти корни и

камушки не выдержат – их хватает только, чтобы тормозить спуск. Ну а там, в желобе, – она указала на расселину, – хвататься уже не за что. Там только упираться спиной в одну стенку, ногами – в противоположную. И так постепенно спускаться, перебирая ногами. В принципе, это не очень трудно, надо только следить, чтобы тебя не вынесло из глубокой части желоба, где эти стенки параллельны, наружу, где они расходятся. Иначе не удержишься и полетишь вниз.

– А если там все нафиг обледенело?

– Надеюсь, что нет, – пожала плечами Елка.

– Надеешься?

– Во всяком случае, я знаю парней, спускавшихся там зимой. Правда, они это делали со страховкой. Но она им не понадобилась. Да и нам, в любом случае, негде взять веревку длиной в полсотни метров... А без веревки там только зимой и можно спуститься. Потому что до земли желоб не доходит. Он расширяется и выходит на отвесную стену, где зацепиться совсем уже не за что.

– И что же там делать?

– Падать, – спокойно ответила девушка. – Других вариантов у тебя все равно не будет.

– С какой высоты?

– Примерно шесть метров.

– Многовато. Тем более, с моей ногой...

– Внизу под стеной сугробы. Поэтому я и говорю – без веревки только зимой.

– Намело ли там достаточно большие сугробы? Снегопад был сильный, но только один...

– Я пойду первой. Я легче. А для тебя постараюсь сгрести внизу кучу снега побольше. Не начинай спуск, пока не увидишь, что я машу тебе снизу. Не хватало только, чтобы ты свалился мне на голову.

– Я правильно понимаю, что ты никогда не делала такого раньше, а судишь лишь по хвастовству каких-то мальчишек?

– Если тебе не нравится мой план, обратись к фидорам, – пожала плечами Елка. – Может, они предложат тебе более безопасный. Неужели не ясно, что здесь лучшее место для спуска именно потому, что ни одному нормальному человеку – и даже фидору – не придет в голову, что здесь можно спуститься?

– Вообще-то я больше беспокоюсь о тебе, чем о себе, – проворчал Игорь. – Я-то как-нибудь слезу. Не помню, занимался ли я когда-нибудь альпинизмом – скорее всего нет, вряд ли у меня были деньги на подобные пижонские развлечения, но какой-то опыт специальной подготовки я определенно имею. А вот ты... кстати, а зачем тебе вообще спускаться? Сама говоришь – наши позиции там за рекой, их уже отсюда видно. Отсюда я уже, в принципе, мог бы добраться и один. А тебе спасибо за все и...

– Так спешишь от меня избавиться? – усмехнулась Елка.

– Да что же у тебя за манера все толковать превратно! Да в других обстоятельствах... – он замолчал.

– Что в других обстоятельствах? – она пристально взглянула на него.

– Ничего, – буркнул Игорь. – Нет смысла обсуждать секвойю, которая здесь не растет.

– И расти не может, – подтвердила Елка. – Так вот, слезть ты, может, и слезешь, если сугроба внизу хватит. Но на берег ты без меня не пройдешь – там свои тонкости. И ты не знаешь, где достать лодку. И потом, я и сама не собираюсь больше задерживаться на оккупированной территории. И так нахлебалась тут больше, чем другие за всю жизнь. Да и куда возвращаться – на развалины хутора, где теперь уже даже козы нет?

– Это верно, – одобрил Игорь. – Тебе, конечно, тоже уходить надо. Особенно если Дракула еще жив и тебя запомнил... А тебе есть к кому обратиться на нашей стороне? Ну там родные, знакомые?

– До нашей стороны еще добраться надо, – холодно оборвала его Елка. – Уже почти

полдень, скоро вместо тени весь обрыв окажется на солнце, а нам это ни к чему. Так что давай быстро съедим припасы, чтоб руки освободить – и вперед, то есть вниз.

– Руки освободить мне бы не помешало, – пробурчал Игорь, пока девушка разворачивала пакет.

Они поспешно проглотили картошку и яйца (четыре часа пути по морозному лесу вполне способствовали аппетиту), а затем Елка скомкала и затоптала в снег кулек и сказала:

– Смотри, как я спускаюсь, потом будешь делать так же. Но только после того, как я помашу тебе снизу!

Она легла на живот на краю "воронки" там, где круча еще оставалась в тени, и стала сползать вниз в сторону расселины. Уклон был пугающе крутым даже в верхней части раструба, камни и комки смерзшейся грязи сыпались вниз из-под ног девушки, но все же ей удавалось цепляться за неровности, тормозя и останавливаясь всякий раз, когда казалось, что она вот-вот неуправляемо заскользит в бездну. Игорь подумал, что ей, должно быть, больно тереться грудью о каменистый склон даже сквозь все слои одежды и повязку – хотя уже не сомневался, что никаких жалоб от нее не услышит... С приближением к расселине крутизна все возрастала, и вскоре держаться на склоне стало уже невозможно – только сползать под действием силы тяжести, но Елке все же удавалось, по крайней мере, тормозить и направлять этот процесс, пока она не соскользнула в узкое горло расселины. Это был, вероятно, самый опасный момент – удастся ли ей там остановиться, раскорячившись между стенами, или она не удержится и рухнет, как в шахту? Но через несколько секунд после того, как девушка скрылась в расселине, Игорь увидел, как оттуда высунулась рука с поднятым вверх большим пальцем. Ну, кажется, пока все в порядке, подумал он с изрядным облегчением, и пошел вперед вокруг раструба, чтобы выйти на край обрыва там, откуда виден будет конец спуска – сугробы под стеной.

Все его внимание было сосредоточено на том месте, куда – если он правильно представлял себе геометрию расселины – должна была приземлиться Елка. И вдруг нечто – интуиция или просто привычка держать под контролем обстановку вокруг – заставило его перевести взгляд намного дальше. И он едва сдержал ругательство.

Вдоль подножия стены ползла какая-то "коробочка" на гусеницах – с такого расстояния он не мог с уверенностью определить тип бронетехники, но, кажется, это была БМП. На броне сидели три или четыре человека. Патруль, о каком говорила Елка. С ее слов ему представлялись топающие пешком автоматчики (и чуть ли даже не полицаи с винтовками из тех самых фильмов про Вторую мировую). Но нет, тут все серьезней...

Они находились еще слишком далеко, чтобы Елка в глубине расселины услышала шум мотора. И уж тем более она не может ничего увидеть из этой щели. Она свалится в снег прямо у них на глазах!

– Елка! – приглушенно крикнул Игорь. – Остановись! Не спускайся! Там их бэха!

Могла ли она услышать его из глубины расселины? Очень сомнительно. Разве что если бы он заорал во все горло. Но тогда его могут услышать и эти внизу.

У него не было другого выхода – он должен догнать ее и предупредить. То есть другой выход, конечно, был – предоставить девчонку ее судьбе и спасаться самому, скорее уходя вглубь леса. Пока они ее допросят и выбьют все, что она знает, пока передадут информацию поисковым группам наверху, он мог бы быть уже очень далеко. Но об этом он даже не подумал.

Времени на медленный и осторожный спуск не было. Он пробежал несколько метров вдоль верхнего края раструба, на бегу завязывая тесемки ушей треуха под подбородком – а затем завалился на бок и покатился вниз. Со стороны это, наверное, выглядело самоубийственным безумием – вот так катиться навстречу пропасти. Но Игорь прикинул, что при такой траектории инерция вынесет его не в бездну, а на противоположный склон воронки – и там он сумеет остановиться и соскользнуть в расселину. Главное – не ошибиться в расчетах и сделать это вовремя, иначе он проскочит мимо и полетит вниз с тридцатиметровой высоты.

Если бы еще не чертовы наручники, не дающие раскинуть руки в стороны...

Мир вокруг завертелся, пытаясь лишить его всякой возможности ориентироваться, но Игорь считал обороты, на каждом из них успевая зафиксировать взгляд и оценить свое положение. Еще ниже... еще... еще... пора!

Он вытянул руки вперед, принимая на них удар, чувствительный даже сквозь рукавицы. Боль отдалась даже в локте, но ему удалось остановить вращение в правильной позиции – ногами вниз в сторону расселины. Вместо того, чтобы катиться, он сразу же заскользил вниз и соскользнул в желоб.

И тут, однако, оказалось, что быстрое скатывание и вызванное им легкое головокружение все же его подвели. Он оказался в расселине не боком к плоскости обрыва, как рассчитывал – что позволило бы ему упереться спиной в одну стенку, ногами в противоположную, и так зависнуть – а под углом, частично спиной наружу. Теперь, если бы он попытался упереться ногами, то лишь вытолкнул бы себя еще дальше наружу, уже без всякого шанса на спасение. Не имея возможности затормозить спиной, он пытался делать это руками и ногами, направляя их не вперед, а вбок – руки влево, ноги вправо – но, хотя с него тут же слетели рукавицы, затем разорвался рукав, и камни немилосердно обдирали его руки, площадь трущихся поверхностей была недостаточной (да и направление приложения усилий – неудобным), и Игорь продолжал скользить по расселине вниз.

Но в какой-то момент его пальцы попали в длинную трещину, и быстрее, чем его разум осознал это, рефлекс уже отдал команду мышцам. Резким рывком Игорь втянул себя вглубь расселины, наконец разворачиваясь в нужное положение. Ему не удалось удержаться на месте, окровавленные пальцы выдернуло из трещины, но он сумел упереться в стену затылком (завязки шапки впились в подбородок, но не лопнули), затем лопатками, а затем и всей спиной. Еще пару секунд он продолжал съезжать вниз, но, наконец, там, где расселина несколько сузилась, сумел остановиться.

Переведя дух, он посмотрел вниз. Елка висела между стенами метров на десять ниже, задрав голову – она уже, конечно, услышала шум, а может, и заметила упавшие сверху рукавицы.

– Ты что творишь? – воскликнула она. – Я же сказала...

– Тссс! Тихо! – перебил Игорь. – Там бэха!

Елка мгновенно застыла. Игорь тоже замер, обратившись в слух. Снаружи, однако, не доносилось никаких звуков, и его начали одолевать подозрения – что, если "коробочка" повернула, или, хуже того, остановилась? Сколько времени они смогут так провисеть? Расселина была достаточно узкой, с неровными стенами, и на первый взгляд казалось, что держаться, упираясь спиной и полусогнутыми ногами, можно довольно долго. Но это только на первый взгляд...

Но вот, наконец, до его слуха донеслось тарахтение мотора, и вскоре щель, остававшуюся им обоим для наблюдения за внешним миром, и в самом деле неспешно пересекла БМП с четырьмя бойцами на броне. Если бы любой из них в этот момент поднял голову и посмотрел на протянувшуюся сверху вниз щель, то наверняка увидел бы прячущихся в ее глубине беглецов – уж по крайней мере Елку точно, поскольку она была ниже и ближе. Однако никому из врагов не пришло это на ум. Никаких сюрпризов со стороны обрыва они определенно не ожидали.

Все же необходимо было дождаться, пока они уберутся достаточно далеко, прежде чем прыгать в снег. Тем паче что один из боевиков сидел на броне вполоборота назад. Так что надо выждать еще по крайней мере несколько минут... сумеют ли они продержаться в таких позах так долго? Он уже чувствовал, как начинает накапливаться усталость в мышцах. Потом она перейдет в боль, а потом, самое страшное – в бессильную, ватную слабость, и тогда никакое чудо уже не удержит от падения. Елке было несколько легче – она могла дополнительно

упираться руками в стену позади себя, но он из-за наручников был лишен такой возможности. К тому же она меньше весит... но, с другой стороны, насколько тренированы ее мышцы? Впрочем, судя по тому, как она шагала без устали по горам и глубокому снегу...

Елка, однако, начала постепенно сползать вниз, но Игорь понял, что она делает это вполне сознательно, перебирая ногами совсем по чуть-чуть. Правильно – динамические нагрузки переносятся легче статических. Он и сам последовал ее примеру. Сползаем медленно-медленно, растягивая, блин, удовольствие...

Но вот Елка вновь остановилась. Очевидно, ниже сползти было уже нельзя – только прыгать. Игорь пока еще продолжал постепенный спуск, сокращая расстояние между ними. Звука мотора уже не было слышно, и БМП, пусть и катившаяся не быстрее велосипедиста, по его прикидкам, должна была отъехать уже на пару километров. С такого расстояния человека уже практически не видно, если не знать, куда смотреть, хотя – движение на фоне белого снега все же может привлечь внимание...

Оказавшись примерно в полутора метрах над девушкой, Игорь остановил спуск. Необходимость вновь напрячь брюшные мышцы, упираясь в стену, заставила его подумать: "Не хватало только пернуть прямо у нее над головой!" На войне быстро отучаются стыдиться подобных вещей и вообще обращать на них внимание – нередко бывает, что какой-нибудь даже не романтичный мальчик, а вполне крепкий мужик в буквальном смысле наложит полные штаны в первом бою, и это тоже ничего, дело житейское – впоследствии из него еще вполне может получиться хороший солдат. Опытные бойцы не станут над ним из-за этого ржать и припоминать ему потом этот случай. Но вот опозориться перед девушкой Игорю не хотелось, словно мальчишке-школьнику.

Наконец Елка решила, что пора, и резким движением опустила ноги. Игорь проследил взглядом, как она летит вниз – "черт, долго, высоко тут все-таки!" Упав в снег, она повалилась вперед и осталась лежать.

Несколько секунд она не двигалась, и Игорь хотел уже окликнуть, все ли с ней в порядке – что, если сугроб оказался все же слишком неглубоким? Но затем сообразил, что звуков лучше не издавать – вдруг кто-то еще ошивается поблизости. Возможно, Елка просто залегла, вжавшись в снег в надежде, что ее не заметят. Хотя в наихудшем случае ни ей, ни ему деваться уже некуда. Наверх уже не влезешь... Но затем фигурка зашевелилась и откатилась в сторону. Перевернувшись лицом вверх, она сделала ему запрещающий жест скрещенными руками – мол, не прыгай. Он в ответ просигналил ей "понял", сложив в кольцо большой и указательный пальцы, хотя и не был уверен, что она различила его жест в полумраке расселины на таком расстоянии.

Елка пропала из его поля зрения, затем появилась снова, ползя на коленях и толкая перед собой снег, словно бульдозер. Стало быть, внизу все в порядке, план в силе, и осталось только дождаться, пока она сгребет для него сугроб повыше.

Игорь решил пока сползти еще ниже – и, кажется, перестарался, остановившись не в оптимальной точке, а там, где края расселины уже начали расходиться. Он сразу же осознал свою ошибку, но втащить себя обратно уже не мог – если бы он попытался, ноги точно соскользнули бы, и он полетел бы вниз. Так что теперь оставалось только замереть и напрячь все силы, чтобы держаться там, где есть. Мышцы быстро наливались усталостью, а затем и болью...

– Елка! – выдавил из себя он. – Скорее! Я тут долго не провишу...

– Стараюсь, как могу, – донесся снизу слегка запыхавшийся голос. – Будешь падать, хоть крикни, чтоб я отскочить успела...

Из своего нынешнего положения Игорь не мог даже посмотреть вниз, чтобы проверить, как там дела. Только висеть, раскорячившись между стенами и изображая из себя статую. Кажется, есть какая-то психическая болезнь, при которой пациенты застывают в неудобной позе

на много часов и не чувствуют при этом никакого дискомфорта. Сейчас бы ему такая болезнь очень даже не помешала... Вот ведь, однако – какую-то совершенно бесполезную чепуху он помнит, а ни собственного имени, ни практически никаких деталей своей биографии... Впрочем, чепуха не столь уж бесполезная, если мысли о ней помогают отвлекаться от усталости и боли в мышцах. А еще можно песню какую-нибудь про себя петь. Помнит ли он хоть одну? Всплыл еще один образ из детства – какая-то слащавая песенка, которую разучивали на уроке музыки и которую он переделал в нечто непристойное: "В шляпе малиновой шел х.. пластилиновый..." Тогда это казалось ему чрезвычайно остроумным, и, хотя он и не набрался наглости в открытую спеть это на уроке, но всякий раз принимался ржать вместе с посвященными в тайну "правильного текста" пацанами, и в конце концов музычка нажаловалась на них директору... Вот ведь интересно – на самом дети не поют так называемых детских песен, кроме случаев, когда их заставляют делать это взрослые. По собственной воле дети поют только неприличные пародии на эти песни. По крайней мере, мальчики точно. Интересно, как девочки...

И тут плавно нараставшая тупая боль в правой икре (которую он все еще напрягал сильнее, щадя пострадавшую левую ногу) сменилась резко накатившей невыносимо-острой. Судорога! Только этого...

– Аа! – успел вскрикнуть он и полетел вниз.

В воздухе он успел сообразить, что шлепнется на спину плашмя. Что было бы очень плохо, будь под ним земля или вода, но в мягкий сугроб это, возможно, даже лучше, чем приземление на ноги. Если только Елка успела сгрести достаточно снега... как же все-таки долго он летит...

Плюх! Из него словно вышибли воздух, и ребра в очередной раз отозвались болью, но не очень сильной. Кажется, обошлось без новых переломов, руки-ноги шевелятся... (он потянул правый носок на себя, чтобы избавиться от остатков судороги), и затылком, благодаря снегу и шапке, он приложился вполне мягко. Высоко над ним был темный зев расселины и голубое небо. Затем на их фоне появилось лицо Елки, и ее свесившиеся растрепавшиеся волосы, все в снегу, коснулись его щеки

– Ты как, в порядке?

– Вроде да...

– Тогда нечего разлеживаться, пошли.

Игорь выбрался из сугроба, только теперь обратив внимание на свои заново ободранные в кровь руки (теперь было хуже, чем после пути над блокпостом – кое-где с пальцев прямо свисали клочки кожи, и он сорвал еще три ногтя – два на левой, один на правой) и превратившийся в лохмотья левый рукав. Из-за холода (и, возможно, все еще действовавшего адреналина) он почти не чувствовал боли – так, слегка саднило.

– Вот, – Елка протянула ему рукавицу. – Где вторая, не знаю, где-то в сугробе, некогда было доставать.

– Ладно, черт с ней. Мне сейчас на холоде только лучше. Эти уехали?

– Да, не видать уже.

– Ну тогда идем.

Они двинулись прочь от стены, и Игорь заметил, что девушка хромает. На его вопрос она недовольно пробурчала:

– Ничего страшного, зашибла пятку. Сугроб оказался все-таки недостаточно глубоким... Ерунда, пройдет. По сравнению с той болью, которую мне уже довелось пережить...

– Елка, – мягко сказал Игорь, – не стоит теперь всю жизнь мерить по *той* боли.

Она повернулась и метнула в него прищуренный взгляд:

– Да? Может, подскажешь мне, как ее забыть? Контузию и амнезию, как у тебя, не предлагать.

– Любая боль со временем забывается. Даже если поначалу в это трудно поверить.

– Нет, – она решительно тряхнула волосами. – Тоже мне, психолог выискался. На самом деле физическая боль страшнее моральной. Кто бы там что ни говорил. Уж я теперь могу сравнивать. Но физическая, да, со временем проходит. А моральная – никогда. Она только уходит в глубину.

– Они все мертвы, – вновь напомнил он. – Они поплатились.

– Кроме Дракулы.

– Мы не знаем этого наверняка.

– Мне было бы обидно, если бы он умер там, – сказала Елка тоном холодной научной констатации. – Слишком легкая смерть для него.

– Не стоит тратить всю жизнь на месть.

– Всю жизнь? Нет, конечно. Его ведь можно убить только один раз.

– Елка, – ему пришла в голову новая догадка, – ты ведь не собираешься, когда мы доберемся до своих, записаться в армию? Я думаю, тебя и не возьмут, но...

– Что, по-твоему я недостаточно хороша? – агрессивно осведомилась она. – Не то что такой крутой, как ты, да? Тебе еще раз напомнить, кто из нас кого вытащил?

– По-моему, ты *слишком* хороша! – вырвалось у него. – Чтобы быть... пушечным мясом. Я-то ладно, я больше ничего не умею и ни на что не гожусь. Кто-то все равно должен, да. Но не ты. Ты можешь...

– Детей рожать и кастрюли мыть?

– Заниматься своей биологией. Или чем там еще захочешь. Но не загнуться где-нибудь в грязи с осколком снаряда в кишках. И не остаться калекой без рук-без ног на всю жизнь, что еще хуже.

– Думаешь, хуже? – переспросила она, словно обдумывая что-то свое, но он с энтузиазмом подхватил тему, почувствовав, что может ее убедить:

– Конечно, хуже, сама подумай. То, что с тобой случилось, все-таки еще не самое страшное. На войне каких только травм не бывает, и далеко не от всякой самые лучшие врачи помогут. То есть жизнь-то они, может, и спасут, но лучше бы не спасали. Без глаз, к примеру, остаться – тоже хуже смерти, по-моему...

– Пожалуй... – девушка пристально посмотрела на него и вдруг предложила: – А если я пообещаю, что не буду записываться в армию, ты пообещаешь, что бросишь курить?

Игорь вспомнил про бычок в кармане куртки, который он так жаждал раскурить. Теперь у него была зажигалка, да и сам окурок, вероятно, просох – снег не должен был попасть в застегнутый карман. Но ему представилось, как он тащит в рот этот окурок, выплюнутый фидором... и как Елка презрительно смотрит на него, а потом брезгливо отворачивается... К тому же курить хотелось уже не так сильно. Нет, он, конечно, понимал, что несколько дней, даже и на свежем воздухе, явно недостаточны, чтобы избавиться от многолетней зависимости (с какого возраста он начал курить? с четырнадцати? с двенадцати?) Но – может же он обходиться без курева, даже и в пресловутых стрессовых обстоятельствах, и ничего, не умер...

Игорь вытащил бычок из кармана и кинул в снег.

– Уже бросил, – объявил он. – Твоя очередь.

– Я серьезно.

– Я тоже. Почему бы и не сейчас? По-моему, это хороший повод, – он чуть помолчал и добавил: – Может, эта моя контузия – вообще повод начать новую жизнь. Может, я так и не вспомню свое имя и прошлое...

– Вспомнишь, куда денешься. В крайнем случае его тебе расскажут, когда доберемся до наших.

– Ну... да, – согласился он. – Хотя мне не кажется, что моя прошлая жизнь была такой уж счастливой. Парень из бедной семьи в каком-то депрессивном поселке... наверное, вся моя жизнь до войны была тусклой и пустой. Может, потому я и не могу ее вспомнить, что нечего

там особо вспоминать. На войне я, видимо, нашел себя... но ведь война кончится, и куда мне тогда? Так что не повторяй моих ошибок. Я жду твоего слова.

– Обещаю, что не буду записываться в армию, – ответила Елка. – Доволен?

– Да, – искренне ответил он, с трудом веря, что так легко удалось ее убедить. Приказывать он умел, убеждать – нет. Впрочем, возможно, это не он ее убедил, а она таким образом заставила его пообещать бросить курить? Значит, ей не все равно, что с ним будет?

Сверкание снега вокруг померкло, и пейзаж, который прежде, если не всматриваться в детали, мог ассоциироваться с веселой лыжной прогулкой, сразу сделался унылым – заметенная пустошь с торчащими из-под снега сухими стеблями; впереди – чахлая рощица с вороньими гнездами меж тонких голых ветвей; правее – длинный ряд столбов, тянущихся наискосок через снежную целину (скрывшую давно уже не используемую дорогу, о которой теперь можно было догадаться лишь по этим столбам) – некоторые покосились, один завалился, но все еще висит на натянувшихся проводах; левее и дальше – занесенные снегом дома деревни, которая издали и при солнце еще могла казаться обитаемой, но теперь выглядела давно и безнадежно мертвой, каковой и была... Игорь поднял голову и увидел большую, на полнеба, сизую тучу, наползающую с северо-востока.

– Погода портится, – с удовольствием констатировала Елка. – Нам везет.

Игорю не требовалось пояснения. Его и самого нервировала протянувшаяся за ними от подножья обрыва цепочка следов, на которую вполне могут обратить внимание типы на БМП, если поедут тем же путем обратно. Безжизненный район хорош отсутствием лишних свидетелей, но с другой стороны и каждый признак человеческого присутствия здесь привлекает повышенное внимание. Снег, способный не только замести следы, но и существенно ухудшить видимость, был бы им сейчас очень кстати. Да и вообще, ленивые опущенцы в такую погоду, скорее всего, не очень-то рвутся устраивать рейды вдали от своих теплых блиндажей.

По мере того, как они удалялись от стены, стал чувствоваться сырой и холодный ветер, от которого их прежде заслонял обрыв. Дувший сзади и справа, он не мешал идти – скорее, наоборот, подталкивал в спину, но при этом неприятно леденил правую щеку. А вскоре повалил и снег, буквально за пару минут превратившийся в настоящую пургу. В рощу, до которой оставалось каких-нибудь сто метров, они вошли уже буквально облепленные снегом. Впрочем, тонкие стволы и ветки не могли послужить настоящим укрытием от непогоды; ветер лишь нещадно трепал их и зловеще свистел в их переплетениях. Все же беглецы сделали здесь короткую передышку; затем, осмотрев из-под прикрытия деревьев окрестности (не было видно уже практически ничего, кроме пелены снега, и уж точно никаких патрулей), зашагали к уже едва различимой сквозь метель деревне. Елка выстраивала маршрут не по прямой до реки, а от одного укрытия к другому, и Игорь был с этим полностью согласен.

До деревни было всего-то километра полтора, но у них ушел почти час, чтобы добраться туда по снежной целине в такую погоду. Наконец, обойдя сожженные остовы грузовика и автобуса, которыми некогда, по всей видимости, перекрывали дорогу, беглецы вступили на бывшую главную улицу, которая теперь больше походила на заснеженное ущелье. Здесь действительно, как и говорила Елка, не осталось ни одного целого дома – разве что некоторые были разрушены полностью, превратившись в бесформенную груду развалин, а другие еще сохранили внешнее сходство с человеческим жильем, и с определенного ракурса могли показаться вообще не пострадавшими – кое-где даже уцелели заклеенные крест-накрест бумагой окна – но стоило пройти дальше, и открывался вид на проломленную крышу или развороченную стену. В одном из таких домов, к примеру, обращенная к улице стена отсутствовала полностью, как это делают с макетами в этнографических музеях, чтобы показать посетителям внутренность жилища – и действительно, внутри видно было убранство комнаты, некогда принадлежавшей вполне зажиточным хозяевам – длинный кожаный диван вдоль стены, мягкие кресла, стол, на котором все еще сохранилась скатерть (сейчас ее обшитые бахромой

края трепал ветер), телевизор с большим экраном, явно стоивший немалых денег (видимо, разбитый, раз не заинтересовал мародеров, но в полумраке в глубине помещения казавшийся целым), даже камин с кованой решеткой... Теперь все это было в снегу, на стенах нарос иней, а с люстры под потолком вместо хрустальных подвесок свисали сосульки.

– Посидим у камина, телек посмотрим? – усмехнулся Игорь.

– В такую погоду лучше дом без крыши, но со стенами, чем наоборот, – серьезно ответила Елка. – В развалинах под крышами вообще не знаешь, что и в какой момент на тебя сверху свалиться может... Но в этой деревне мы по-любому задерживаться не будем. Нам надо до темноты до реки добраться, иначе еще целый день придется ждать.

Развалины все же частично прикрывали от ветра, и идти через деревню было легче, чем по открытой местности. Они миновали площадь, на которую с одной стороны выходил магазин, с другой – двухэтажное бетонное здание администрации, явно еще социалистической постройки. Теперь то и другое представляло собой пустые, полностью выгоревшие коробки. На флагштоке на фасадом администрации все еще бились и хлопали на ветру лохмотья флага, цветов которого уже невозможно было разобрать. Скорее всего, он был не довоенным, а тем, что установили бойцы, взявшие эту деревню последними – то есть, очевидно, фидоры и их пособники. Интересно, подумал Игорь, сколько человек полегло за эту никому теперь не нужную груду развалин? И сколько еще поляжет, когда Зопу будут отбивать обратно? Хотя, конечно, военный не должен так рассуждать, его задача – выбить врага с занимаемой территории, а что на этой территории будет потом, уже не его забота...

– Тут сейчас слева забавное будет, – сообщила Елка, когда они прошли еще сотню метров по улице. – Вот, гляди, – она указала на развалины очередного дома, из которых торчала вверх обгорелая задница танка. – Это, когда опушенцы штурмовали деревню, ихний танкист-самоучка на фидорском танке ломанулся прямо сквозь дом. Советских фильмов о войне насмотрелся, придурок. Думал, раз он в танке, ему все пофиг. Ну и провалился в подпол, естественно. Они потом танк вытащить пытались другими танками, но только тросы пообрывали. Ну а потом ночью наши разведчики подобрались и его сожгли. Экипаж-то, конечно, жив остался, они сразу же выбрались... к сожалению, – добавила девушка уже не столь весело. – И деревню эти суки все-таки взяли.

Они вышли из деревни, миновав еще один разбитый автомобиль – на сей раз это была "скорая" с облупившимся красным крестом на боку, изрешеченная, судя по дырам, из крупнокалиберного пулемета.

– Фидоры, суки, ничего святого.... – ожидаемо прокомментировала Елка. – За медиками они даже специально охотятся!

– Ну так одна такая "скорая" скольких бойцов вернуть может, – заметил Игорь. – Не все, конечно, потом снова воюют, но...

– Ты что же – их оправдываешь?! – гневно уставилась на него девушка.

– Просто поясняю логику.

– Да нет у них никакой логики! Просто тупая злоба, и все. Это большая ошибка, что никак не дойдет до западников – считать, что у фидоров есть какие-то рациональные мотивы и интересы, что с ними можно разговаривать и договариваться. Это такая же глупость, как пытаться договориться с раковыми клетками. Их нужно просто уничтожать, и никак иначе.

За околицей начинался большой фруктовый сад – точнее, то, что было некогда таковым. Теперь из снега торчали длинными рядами главным образом черные обгорелые стволы. В нескольких местах через них тянулись "просеки", проложенные бронетехникой.

– А вот эти деревья больше полувека росли, – грустно заметила Елка. – ДомА еще, допустим, быстро отстроить можно, а сады уже не восстановишь. Отсюда яблоки, между прочим, на экспорт шли, их пол-Европы покупало...

За сожженными садами вновь раскинулись поля, и беглецам пришлось опять брести по

снежной целине под ледяным ветром, который перестал быть попутным и лишь немилосердно хлестал снегом справа. Сквозь пелену метели впереди маячил некий округлый бугор, который Елка, очевидно, избрала очередным ориентиром; когда они подошли ближе, Игорь опознал в нем перевернутую танковую башню. Сам корпус танка, полузаметенный снегом, виднелся чуть ли не в двадцати метрах левее и дальше.

– Неплохо так долбануло, – оценил Игорь. – Боезапас рванул, не иначе.

– Это уже наш! – мрачно сообщила Елка, перекрикивая свист вьюги. – Наши потом целую операцию проводили, чтобы останки экипажа забрать. Хотя осталось там немного... Вообще на самом деле это глупость – рисковать живыми ради мертвых. Помнить героев, конечно, надо – но для этого совершенно неважно, лежат под надгробьем реальные кости или нет.

– Согласен, – кивнул Игорь. – И кстати – не каждого, погибшего в бою, следует автоматически называть героем. Большинство гибнет, в общем-то, вполне бездарно. В том, чтобы стать жертвой шальной пули или снаряда – или собственной неосмотрительности и неумелости – нет никакого подвига. Это не значит, конечно, что родным не нужно их помнить, просто... меньше пафоса.

Погода не располагала к беседам, так что дальше шли молча. Они шагали через белый квадрат поля, периодически обходя воронки от снарядов; "словно кто-то играл в "морской бой" на огромном листе", подумалось Игорю, и из тумана его памяти проступило еще одно детское воспоминание – как он жульничал в этой игре, изначально рисуя не все свои корабли. Самые трудноуязвимые "однопалубные", то есть одноклеточные, он быстренько дорисовывал в оставшиеся непростреленными клетки лишь после того, как его противник признавал гибель последнего из своих кораблей. Юный Игорь (которого тогда, конечно, звали как-то по-другому) очень гордился этой своей "военной хитростью" и забавлялся глупости других мальчишек, которым такой простой финт просто не приходил в голову. Если бы кто-то сказал ему тогда, что весь смысл и удовольствие игры в том, чтобы выиграть честно, он бы просто не понял. Главное ведь – победа, а не то, как она достигнута. И в общем-то опыт реальной войны доказал, что прав был он, а не его наивно-правильные соперники. Победителей не судят. Ни в Нюрнберге, ни в Гааге, ни где-либо еще. И в особенности глупо играть по правилам с теми, кто сами никаких правил не соблюдают...

– Елка! – воскликнул вдруг Игорь, осознав незамеченное сразу обстоятельство.

– А? – она повернула к нему мокрое от снега лицо.

– Нюрнберг, Гаага – я правильно вспомнил названия городов, где судили за военные преступления?

– Да!

– Значит, память все-таки возвращается! Раньше у меня с названиями совсем глухо было.

– Хорошо! А больше ты ничего не вспомнил?

Игорь подумал и покачал головой:

– Нет пока.

– Ну вспомнишь еще, – подбодрила девушка, прикрываясь рукой в перчатке от метели.

Они подошли к обсаженной тополями дороге и двинулись дальше вдоль нее, но не по ней самой – там все еще могли быть мины (на каковую опасность, похоже, прозрачно намекал "КамАЗ" с напрочь развороченной кабиной; его переднее колесо откатилось на обочину и дальше между деревьями, и Игорь чуть не упал, споткнувшись о него под снегом). Идти стало полегче – два ряда тополей пусть и частично, но прикрывали от ветра, который к тому же теперь, после того как они вновь изменили направление, вновь сделался отчасти попутным.

– А почему ты вспомнил о Гааге? – спросила Елка, воспользовавшись тем, что теперь уже не приходилось кричать против ветра.

– Да так, подумал, где будут судить фидоров после нашей победы.

– Здесь у нас и будут, – мрачно посулила девушка. – И без Гааги справимся. А то там у них в Европах все слишком добренькие стали, смертную казнь отменили... хотя, как ты говоришь, бывает и участь хуже смерти, но это тоже не про них – там тюрьмы больше на дома отдыха похожи... Этих бы, блин, добреньких гуманистов да на мое место! А меня – на ихнее. Вот почему считается, что суд должен быть беспристрастным? По-моему, глупость полная. То есть следствие да, когда надо установить, виновен-не виновен. Там презумпция невиновности, адвокаты и все такое. Но когда вина уже полностью доказана – приговор преступнику должна выносить его жертва. Ибо никто, кроме нее самой, не может оценить степень причиненного ей вреда – и соответственно адекватное наказание за таковой. Ведь это так просто и очевидно! Ты не согласен?

– А если жертвы уже нет в живых?

– Вот тогда, или если жертва недееспособна, пусть приговор от ее имени выносит государственный судья. Но только в этих случаях.

– А если кто-то считает, что надо четвертовать за косой взгляд?

– "Косой взгляд" – это не преступление. Список преступлений должен, как и сейчас, определяться единым для всех Уголовным кодексом. А вот наказания пусть в каждом случае определяет пострадавший. По крайней мере – по тяжким и особо тяжким статьям.

– Что-то в этом есть, – признал Игорь. – Вот только мировую юридическую систему не интересует твое мнение.

– Что дает и мне право не интересоваться ее мнением.

– Система так не считает. А у нее сил больше.

– Никогда не стоит недооценивать личность.

– Твою – точно нет, – улыбнулся Игорь и добавил уже серьезно: – Во всяком случае, я не недооцениваю.

Елка хмыкнула, но больше ничего не сказала. Игорь тоже воздержался от новых реплик, продолжая шагать по колено в снегу.

Еще через полтора часа они добрались до очередной мертвой деревни, где сделали уже необходимый обоим привал. Для отдыха выбрали, как говорила Елки, дом без крыши, но с целыми стенами. Отыскав комнату, которая выглядела пострадавшей меньше других (здесь даже уцелели ставни на окне, так что ветер не проникал внутрь и снег падал лишь сверху), беглецы стряхнули снег с кровати в углу и уселись рядом, устало привалившись друг к другу. Судя по размерам кроватки и прочей мебели – шкафчика, столика, стульев – комната была детской. На стенах все еще висели семейные фотографии и детские рисунки; впрочем, за два года под открытым небом дожди и солнце практически уничтожили картинки. Уцелел только один рисунок, вставленный под треснувшее, но не рассыпавшееся стекло шкафа, стоявшего прямо напротив кровати, так что Игорь, и не вставая, хорошо видел изображение: зеленый танк с красной звездой на башне изрыгал рыжее пламя в сторону бегущих от него черных фигурок. В руке у каждого бегущего был белый флажок со свастикой. Еще больше черных валялись вокруг мертвые, в щедро закрашенных красным лужах крови. Одного черного снаряд настиг уже у самого края листа, и его ноги еще продолжали бежать, но голова уже взлетела вверх, словно футбольный мяч. Можно было подумать, что рисунок изображает сцену из Второй мировой, если бы не подпись неровными печатными буквами: "ПАПА БЬЕТ СЕПАРОВ". Судя по стилю и почерку, "художнику" было не больше шести.

Игорю вспомнилось, как Елка обещала учить ненависти к фидорам следующие поколения. Эта война никогда не кончится, подумал он.

Что, впрочем, означает, что такие, как он, еще долго будут востребованы, и ему не придется тупо спиваться в компании других таких же ветеранов, никому не нужных на гражданке. Как там говорила Елка – память героев? Героев удобно помнить, когда они мертвые. Раз в год в День Республики класть красные гвоздики на красиво отполированный черный

мрамор с золотыми буквами. А живые герои – это неуместное напоминание обо всей грязи и мерзости войны. Они лишь портят красоту гламурной мирной жизни и патриотического мифа о себе самих...

Голова Елки склонилась на его плечо; похоже, уставшая девушка задремала, сама того не заметив. Игорь сидел, не двигаясь, чтобы не разбудить ее. Елка рвалась вперед, желая поскорее добраться до реки, но, наверное, еще полчаса отдыха они вполне могут себе позволить. Да, на самом деле, ему и не хотелось двигаться. В этой комнате без крыши в разрушенном доме посреди мертвой деревни, где сверху плавно опускался снег (но хотя бы не было ветра, как снаружи), он согрелся и расслабился, ему было спокойно и хорошо...

Внезапно его кольнула мысль – уж не слишком ли легко он согрелся? Тело девушки прижималось к нему, ее теплое дыхание грело его намерзшуюся щеку... пожалуй, слишком теплое! Он без церемоний положил свою ободранную ладонь на ее лоб.

– Что...? – Елка сразу проснулась и отдернулась.

– Ты вся горишь! У тебя температура!

– У всех температура, – пробурчала Елка. – Это неотъемлемое свойство физических объектов...

– Не ерничай, – поморщился Игорь. – Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду повышенную!

– Ну... может быть, тридцать семь и... три, – нехотя признала девушка.

– По-моему, больше.

– Ничего, сейчас съем две таблетки аспирина, и пойдем дальше, – она вытащила из кармана надорванную бумажную упаковку, выдавила на ладонь таблетки, морщась, разжевала их и запила водой из бутылки.

– Это простуда? – требовательно спросил Игорь. – Или воспаление от ожогов?

– Все вместе, наверное... Да неважно. Тебя это не касается. Не волнуйся, я дойду. Тебе не придется меня тащить, – она сделала попытку встать, но он удержал ее за плечо:

– Да погоди ты! Хочешь опять в метель и на мороз?

– А что ты предлагаешь – ждать весны? До нее еще три месяца.

– Но хотя бы метель кончится раньше.

– Угу – к утру, например. И нас опять будет видно издали. И мы застрянем тут еще на целый день.

– Нам не обязательно дойти сегодня. Мы могли бы подождать, пока тебе станет лучше. Развести костер, топлива тут достаточно, может, в каком-нибудь погребе даже еда найдется...

– А если не станет? Все врачи и аптеки там, за рекой. Чем скорее я туда доберусь, тем лучше.

– Все настолько серьезно?

– Нет! Не знаю. Может быть. Короче, идти надо, а не языком трепать.

– Подожди хотя бы, пока подействует лекарство. Может, и ветер за это время чуть поутихнет.

– Ладно. Полчаса еще можно.. подремать. Но я могу на тебя положиться? Что ты сам не заснешь и меня вовремя разбудишь?

– Да. Полчаса. У меня хорошее чувство времени.

– Смотри не подведи, – строго сказала она и снова пристроилась на его плече. Так было, конечно, теплее, чем полностью лечь на заснеженную кровать.

Он разбудил ее, как обещал, снова потрогав ее лоб. Кажется, тот все же стал немного прохладнее. Но только немного.

– Ну как ты, лучше?

– А-ааа, – широко зевнула она. – Да. Идем.

Ветер и не думал утихать, правда, снег уже валил не так густо, постепенно

эволюционируя в сторону поземки. Им вновь пришлось брести через снежную целину, но теперь, по крайней мере, ветер подгонял их в спину, а не хлестал сбоку. Елка, до последнего привала упрямо шагавшая впереди, теперь нехотя уступила Игорю почетную обязанность прокладывать путь в снегу и лишь указывала ему направление, идя по его следам.

– Наверное, где-нибудь в этих разбитых домах можно было найти лыжи, – заметил Игорь.

– Угу, вместе с ботинками подходящих размеров...

– Ну уж по крайней мере ножовку или зубило какое-нибудь, – он снова взглянул на свои руки.

– Да можно, наверное, но сколько бы мы провозились с этими поисками? Успеем к берегу дотемна – глядишь, утром уже у наших будем, а начнем здесь рыться в развалинах – застрянем еще на день... Кстати, тут зимы обычно не особо снежные... это в этом году вот только прям с конца ноября... Ничего, начнутся траншеи – легче будет, – подбодрила Елка то ли его, то ли себя.

– Траншеи?

– Да, там дальше, ближе к берегу, все траншеями изрыто. В домах там уже укрыться негде было, их просто все с землей сровняли. Окопные бои шли, как в прошлых войнах.

Траншеи начались после того, как они миновали еще одну деревню, от которой, как и говорила Елка раньше, не осталось ничего, кроме полуразрушенных печей. Правда, поначалу Игорь никаких траншей не увидел. К этому времени начало уже понемногу темнеть (хотя скрытое низкими тучами солнце, очевидно, еще не зашло), и к тому же торчавшие из-под снега предметы были едва различимы в пелене поземки, так что Игорь едва не разодрал и без того рваную штанину о то, что сперва показалось ему очередным стеблем куста или многолетней травы, но оказалось металлическим прутом с прикрученной к нему проволокой табличкой. На табличке было трехзначное число.

– Что это? – спросил Игорь. – Не мины, надеюсь?

– Не, это удобрения, – усмехнулась Елка.

– Удобрения?

– Траншеи раньше здесь начинались. А когда бои за плацдарм кончились, фидоры тут своих хоронили. Прямо в траншеи свалили и засыпали. Удобно, да – даже могилы копать не надо. Но дальше впереди и незасыпанные ходы остались, мы потом по ним пойдем.

– Братские могилы, значит... а что это за номер?

– Это не номер, это количество жмуриков. Все, что от них осталось – только общая цифра. Даже личного номера "герои Федерации" не удостоились, не говоря про имя-фамилию. Родня, небось, до сих пор не знает, что с ними стало.

– Почему?

– Так они ж без документов все были. Официально-то фидорская армия здесь не воевала, одни только "местные ополченцы", – девушка изобразила пальцами кавычки. – В лучшем случае товарищи их позывной знали... и то если эти товарищи тут же рядом не закопаны.

– Думаю, тут и трупы наших закопаны, – заметил Игорь. – И, небось, даже без табличек.

– Может быть, – признала Елка и вдруг закашлялась глубоким и хриплым кашлем так, что даже согнулась вперед.

– Ты как? – обеспокоенно спросил обернувшийся Игорь, когда ее приступ кашля прошел.

– Иду, как видишь...

– Не нравится мне твой кашель. Похоже на бронхит, а может, и пневмония.

– Зато мне, можно подумать, нравится... как будто от твоих слов что-то изменится.

– Да, – неожиданно согласился он, – лучше молчать и не студить лишний раз дыхалку. Но... ты точно уверена, что дойдешь? Я мог бы посадить тебя на плечи...

– Тоже мне, боевой конь выискался. Так только медленнее получится. Видишь,

смеркается уже, а нам еще топать и топать. Да и видно нас было бы издали Шагай давай. Я справлюсь.

Тем не менее, спустя еще какое-то время руки девушки легли ему на плечо. Она ничего не сказала; он тоже почел за лучшее промолчать, не задевая ее гордость очередными вопросами и предложениями, и просто продолжал шагать вперед, а Елка опиралась на него примерно так же, как он сам опирался на нее в первый день их бегства.

Они, наконец, добрались до незасыпанной части траншей и спустились внутрь; здесь, конечно, тоже уже лежал глубокий снег, но хотя бы гораздо меньше чувствовался ветер, теперь уже дувший слева. Несколько раз Игорь наступал на что-то под снегом – один раз это оказалась пробитая каска, в другой – раскуроченный пулемет, в третий – пустой цинк из-под патронов. После этого он перестал тратить время на то, чтобы откапывать и обследовать находки – очевидно, все мало-мальски ценное отсюда давно выгребли.

Система траншей оказалась основательной, и все же это не был настоящий лабиринт – никто не будет рыть ходы сообщения так, чтобы запутать собственных бойцов, так что Игорь уверенно шагал вперед, выбирая дорогу на развилках даже без помощи Елки, которая, похоже, уже практически спала на ходу, повиснув у него на плече. Пока ему не пришлось свернуть влево по безальтернативному ходу, от которого, как он полагал, дальше будет поворот направо – но поворота не оказалось, ход уходил все дальше и дальше и, наконец, начал загибаться назад. К этому времени сумерки уже сгустились, и до полной темноты оставалось, наверное, не больше получаса.

– Елка! – окликнул Игорь. – Куда дальше?

– А? – она вялым движением подняла голову. – Сейчас... погоди... можешь подсадить меня на бруствер?

Он помог ей высунуться по пояс из траншеи.

– Ага... пришли почти, вон там уже река. Назад давай, это ты слишком далеко влево зашел.

Они вернулись назад по траншее до того места, где Елка, периодически выглядывавшая в сторону реки, подала утвердительный знак. Игорь помог обессиленной девушке вылезти наверх и выбрался сам.

Перед ними в сгущающейся тьме лежало голое заснеженное поле, чье однообразие нарушали лишь воронки от снарядов да два торчавших вверх предмета – расщепленный взрывом ствол дерева правее и ближе и одинокий покосившийся столб левее и дальше. До угадывавшейся вдали реки оставался еще примерно километр.

Елка, к которой, казалось, мигом вернулись ее силы, вытянула вперед руку с оттопыренным большим пальцем, повернула его горизонтально и сделала несколько приставных шагов вправо. Затем пять шагов вперед. Затем, продолжая глядеть на палец – четыре влево.

– Иди за мной след в след, – строго велела она, не оборачиваясь.

– Понял, – откликнулся Игорь. – Мины?

– Они самые. Аккурат перед первой траншеей.

– Ты точно знаешь, где проход?

– Если только фидоры не наставили новых. Но это вряд ли. Если у них есть хоть одно хорошее качество, то это лень.

– А откуда ты...

– Иди за мной! Разговоры потом.

Девушка продолжала продвигаться вперед деревянными шагами, вымеряя с помощью пальца угловое расстояние до ориентиров – столба и дерева – и смещаясь то влево, то вправо. Наконец она опустила руку:

– Можешь расслабиться. Прошли. Успели, блин – еще бы немного, и ориентиров было

бы не разглядеть. Ну, теперь просто вперед до берега. Пригнись только, не хватало еще, чтобы нас подстрелили на последних метрах. И лучше молчи, лишние звуки тоже ни к чему.

Игорь послушно пригнулся; Елка снова повисла у него на плече. Они благополучно миновали дерево, затем – столб, с двух сторон которого свисали, раскачиваясь на ветру, оборванные провода, издавая неритмичный стук, когда один из них задевал за столб. И тут Елку разобрал новый приступ кашля, с которым она сперва безуспешно попыталась бороться, а потом рухнула лицом в снег, чтобы приглушить звук.

И тут позади них раздался грохот, способный заглушить любой кашель. На сей раз работали не ствольные, а РСЗО. Несколько секунд спустя реактивные снаряды уже неслись со свистящим воем высоко над их головами, озаряя небо, снег и черные воды реки впереди своими огненными хвостами.

– Как всегда... – пробормотала Елка, поднимаясь из снега; Игорь не расслышал слов, но угадал их по движению губ. – Идем, чего на них глазеть, не видел никогда? – она требовательно махнула рукой вперед.

Цели "градов", очевидно, находились далеко за рекой, так что беглецы спокойно пошли дальше, словно происходившее в небе над ними было всего лишь безобидными зарницами – хотя Игорь и поймал себя на мысли, что в этом сугубо рациональном спокойствии есть в то же время некий оттенок безумия. Когда они подошли к реке, обстрел все еще продолжался. Некогда здесь, в самой дальней точке изгиба восточного берега, очевидно, располагалась лодочная пристань, но сейчас впереди, в озаряемой огненными всполохами воде, уже подернутой у берега льдом, можно было различить лишь торчавшие столбики на месте уничтоженного настила и уже частично вмерзший в лед нос затопленной лодки.

– Эта лодка? – крикнул Игорь, скептически глядя туда. – Мы вытащим ее и вычерпаем воду?

– Нет, там дно пробито! – крикнула Елка в ответ. – Фидоры... – в этот момент вдали грохнуло в последний раз, и обстрел прекратился. Во внезапно наступившей тишине девушка поспешно понизила голос: – фидоры тут все плавсредства уничтожили... какие нашли. Но они тут не все знают, – она принялась крутить головой по сторонам. – Где же он... вот некстати они свой салют кончили, еще бы минуту... хотя, блин, что я несу! надеюсь, там на нашей стороне никто не пострадал... стреляют они громко, но чаще мимо... ага, вот! Нам туда! – она махнула рукой вправо и назад и пошла в том направлении. Игорь шагнул следом и вдруг застыл, разглядев в темноте высоко торчавший из снега хвостовик реактивного снаряда – как раз такого, какие только что свистели у них над головами. На миг у него мелькнула мысль, что это и есть один из них, хотя он тут же сообразил, что это вряд ли возможно – разве что при преждевременной остановке двигателя, что очень маловероятно, но в любом случае, это неразорвавшийся снаряд "Града" в считанных метрах от них!

– Стой! – крикнул он, хватая Елку за плечо.

– Ага, – довольно откликнулась девушка, – вот на такую реакцию это и рассчитано. На самом деле там нечему взрываться. Нет боевой части. Но кто же полезет проверять? Скажи – остроумно придумано? Для кого надо – ориентир, для кого не надо – пугало, – она подошла к снаряду и наклонилась рядом с ним, но затем медленно выпрямилась: – Блин, голова кружится... Короче, копай тут. Там будет всякий хлам, а под ним... Ты вообще в курсе, что вокруг нас?

– Ну... берег. Пустырь. Летом тут, может, пляж был, не знаю.

– Угу – пустырь... Тут дом отдыха был. Теннисные корты, бассейн, волейбольные площадки, лодочная станция, танцплощадка, детский городок с аттракционами. Там, где мы сейчас стоим – главный корпус, три этажа. Не осталось ничего, как видишь. Раздолбали все в такие дребезги, что под снегом даже обломков не видно. Но подвал уцелел. Короче, копай тут. Там будет всякий мусор, под ним – большой лист фанеры, а под ним – люк.

Игорь принялся двумя руками отгребать снег. Все оказалось так, как и сказала девушка.

Отодвинув тяжелый лист толстой фанеры, он увидел грязную битую плитку, некогда, очевидно, покрывавшую пол, и в этом полу – двустворчатый металлический люк. Потянув за ручки, Игорь открыл его. Вниз, в непроглядную темноту, уходили бетонные ступеньки.

– И что там? – спросил он.

– То, что нам надо. Лодка. Спускайся. Там есть перила. Внизу слева столик, на нем керосиновая лампа.

Спустившись ниже уровня люка, где уже не мешал ветер, Игорь вытащил из кармана зажигалку и щелкнул колесиком. Взметнувшийся огонек тускло озарил какое-то большое, грязное и неуютное помещение – во всяком случае, так оно выглядело при таком освещении. Игорь заметил тянущиеся вдоль стены трубы (некоторые – обмотанные теплоизоляцией), какие-то громоздящиеся в углу тюки и ящики и два ряда подпирающих потолок квадратных бетонных колонн, уходящие в темноту. У основания лестницы действительно стоял покрытый белой штукатурочной пылью столик с керосиновой лампой на нем. Игорь поспешно, чтобы не израсходовать все топливо в зажигалке, спустился до самого низа и зажег лампу.

Она тоже была пыльной и поначалу дала совсем мало света, но после того, как он обтер стекло рукавицей, стала светить ярче. Разорванный левый рукав Игоря при этом смахнул часть пыли со столика, и Игорь с усмешкой заметил, что тот – шахматный. Прочие упокоившиеся в подвале предметы, которые озарял теперь свет керосиновой лампы, тоже напоминали о безмятежном прошлом этого места – вот целая колонна синих и зеленых пластиковых кресел, вставленных друг в друга, вот бильярдный стол с разорванным сукном, вот сложенные пляжные зонты...

Наверху скрипнули петли и глухо лязгнули створки закрывшегося люка. Затем послышался хруст пыли и мелкого мусора под сапогами спускавшейся Елки. Игорь поднял повыше лампу, одновременно светя девушке и оглядывая помещение.

– Где же лодка? – спросил он. – И, кстати, как мы ее отсюда вытащим? У нас не хватит сил втащить ее по лестнице, и совсем не факт, что она пройдет в люк...

"Но ведь как-то же ее сюда спустили", – тут же подумал он. Или здесь есть (был?) другой выход?

– Пройдет, – ответила Елка, проходя мимо него и направляясь в захламленный угол. – Она надувная.

Некоторое время она рылась среди коробок и тюков в углу, стоя спиной к Игорю; он подошел ближе, чтобы посветить ей, но она уже развернулась к нему:

– Планы меняются. Лодки нет.

– Где же она?

– Очевидно, ее забрали.

– Фидоры?

– Надеюсь, что нет. Они не знают про этот подвал, иначе они бы тут все взорвали.

– Тогда кто?

– Контрабандисты, – неохотно признала Елка. – Это они используют это место, как... перевалочный пункт.

– Контрабанда между оккупированной и свободной территорией? – понял Игорь.

– Угу. Официально наши запретили любую торговлю с фидорами, и с Зопой тоже. Ну и фидоры, конечно, тоже с "сепарами" не торгуют. Но... людям надо как-то выживать, особенно когда разрушена вся инфраструктура. Я от этого не в восторге, но...

– Но ты им помогаешь, – Игорь сказал это без осуждения, просто чтобы уточнить.

– Скорее, они мне. Точнее, один парень, мы с ним раньше учились вместе... он мне доставал лекарства для мамы, когда она еще была жива, и... ну, в общем, я от него знаю и про это место, и про проход через мины.

– Понятно, – кивнул Игорь. – Твой... близкий друг?

– А ты что – ревнуешь? – усмехнулась Елка.

– Да что за глупости... – поморщился Игорь.

– Он бы, может, и хотел им стать, – продолжала девушка, – но шансов у него не больше, чем у тебя, – она снова закашлялась, а потом утомленно уселась на перевязанный веревкой тюк, возможно, содержавший какие-нибудь полотенца или простыни.

– Так что нам теперь делать? – вернулся к более важной теме Игорь. – Ждать, пока встанет лед, достаточно прочный, чтобы перейти реку? Это несколько дней, если не будет новой оттепели. А у нас нет еды, и тебе надо в больницу. Если это пневмония, аспирином не спасешься.

– Спасибо за ценную и, главное, свежую информацию... Будем ждать, пока сюда заявятся контрабандисты, и попросим их нас переправить. Думаю, это будет следующей ночью. В крайнем случае – еще через день. Я, в общем, говорила – как повезет.

– А они согласятся? Не выдадут нас фидорам? Этот твой... одноклассник, как я понимаю, там все же не самый главный?

– Не выдадут. Такое им западло. Они бы, правда, и наоборот – фидора, бегущего от наших, тоже не выдали... ну вот такой у них кодекс чести. Ну, конечно, за то, чтобы лишний раз через реку смотаться, рискуя пулю получить, они какое-то вознаграждение попросят. Ну, отдашь им свою зажигалку за двести баксов... которая, кстати, моя, но я же видела, что ты ее снова притырил...

– Ну что значит "притырил"? Оставлять ее *там* было бы совсем уж глупо.

– Ну да, ну да... все у тебя, выходит, удачно сложилось, можешь опять похвалить свою интуицию... мир праху тетки Ани...

– Но все-таки, ты-то как? Еще два дня тут без лекарств... если пневмония...

– А что ты предлагаешь – вплавь через ледяную реку?

– Я бы, может, и попробовал, – пробормотал он. – И привел бы помощь. Но в наручниках я не доплыву. Может, хоть в этом подвале найдется какой инструмент?

– Не найдется, – покачала головой Елка. – Тут хлам курортный всякий... А вот лекарства тут найтись могут. Из тех, что контрабандисты возят. Я поищу, а ты спать ложись. Вон там шезлонги, устроишься, как на пляже. А вот в этом тюке одеяла.

– Давай вместе искать, быстрее будет.

– Лампа все равно одна.

– Кстати, почему она такая пыльная? Такое впечатление, что эти твои контрабандисты ею век не пользовались. Ты уверена, что они сюда явятся максимум через два дня?

– Так у них же фонари на батарейках, лампа – это так, на всякий случай... – Елка тяжело поднялась и снова повернулась к тюкам и коробкам в углу.

– Давай я тебе хоть посвечу, – Игорь приблизил лампу. – А лучше ты ложись, а я искать буду.

– Тоже мне, сыщик выискался... ты даже не знаешь, где тут что может быть... Ага! Вот! Нашла! – девушка вытащила и торопливо открыла коробку с красным крестом.

– Это же армейская аптечка, – заметил Игорь, приглядевшись к ее находке.

– Ну... даже на самой святой освободительной войне всегда находятся любители барыжить казенным имуществом, – нехотя признала Елка. – Но для нас сейчас важно только то, что здесь есть цефуроксим.... – она дрожащими пальцами развинтила пузырек, выронив крышку, и отправила в рот таблетку.

– Вот так бывает – кто-то ворует или даже убивает, а кому-то это в итоге спасает жизнь, – заметил Игорь. – А если бы всё всегда делалось по правилам...

– То не возникло бы ситуаций, когда надо спасать жизнь, – перебила Елка. – Ладно, к черту философию. Давай доставай и раскладывай шезлонги, а то я... я, блин, сейчас упаду.

Она действительно отрубилась, едва Игорь поставил ей пляжный шезлонг, так нелепо

смотревшийся на грязном бетонном полу холодного подвала. Накрыв девушку одеялом, он разложил рядом второй шезлонг для себя. По правде говоря, после этого дня он и сам уже еле держался на ногах. Погасив лампу, он растянулся на шезлонге, закутавшись в одеяло вместе с грязными берцами. У него мелькнула мысль, что хорошо бы как-то запереть люк изнутри, но как – там, кажется, нет ручек с внутренней стороны... он заснул, так и не успев додумать эту мысль до конца.

Он проснулся в полной темноте, подумал, что все еще ночь, и позволил себе уснуть снова. Однако, когда это случилось в следующий раз, чувство времени подсказало ему, что уже давным-давно должно было рассвести, и он вспомнил, что находится под землей. Сверху доносились приглушенные завывания ветра – похоже, снаружи вновь разгулялась метель... В такую погоду вряд ли контрабандисты отправятся на промысел, если, конечно, к ночи все не успокоится. Он выбрался из-под одеяла, сразу же поежившись от холода, достал зажигалку, выщелкнул огонек, зажег оставленную на полу у шезлонгов лампу. Девушка по-прежнему спала рядом, ее дыхание было частым и нездоровым, но вроде бы без пугающих хрипов – впрочем, так нельзя судить, нужна эта штука, которой слушают больных врачи, скоп какой-то там... Он протянул руку и потрогал ее лоб, горячий и мокрый от пота. Елка замычала, но не проснулась. Надо бы снова дать ей антибиотик. И хорошо бы найти какую-нибудь еду, и для нее, и для себя. Может, контрабандисты, оставившие здесь лекарства, оставили и продукты? Если не на продажу, то хотя бы для себя, на случай, если им тоже придется сидеть тут целый день или больше, дожидаясь темноты и погоды для переправы через реку...

Он поднялся, разминая затекшие мышцы (все-таки шезлонг – плохая замена нормальной плоской кровати), и направился в тот угол, где Елка откопала аптечку. Поиски увенчались успехом неожиданно быстро – сперва он наткнулся на целый ящик пластиковых бутылок с водой, а буквально в соседней коробке обнаружил упаковки армейских сухих пайков, и не каких-нибудь, а натовских! Шоколад, протеиновые батончики с орехами, крендельки-претцели, маленькие баночки говядины в соусе для барбекю, такие же баночки с тунцом, рис с бобами – это, видимо, для вегетарианцев, арахисовое масло... и, само собой, в отдельных полиэтиленовых упаковках – пластмассовые ложки и вилки, влажные салфетки и, между прочим, туалетная бумага, которой так не хватало все это время... А где-нибудь на передовой в это время – может, прямо тут за рекой – солдаты, небось, давятся сухой гречкой с черствым серым хлебом. Правильно говорил знаменитый полководец, как его там – любого интенданта надо вешать максимум через три года службы...

– Ты чего там делаешь?!

Он обернулся. Елка, бледная, со слипшимися волосами, сидела на своем импровизированном ложе, откинув одеяло, и смотрела на него возмущенным взглядом, словно пионервожатая, застукавшая его за разорением гнезда (еще один полузабытый образ из детства).

– Ложитесь, принцесса, – усмехнулся он, – я подам вам завтрак в постель. Тут еды на целый взвод хватит!

– А кто тебе разрешил рыться в чужих вещах?

– Чрезвычайные обстоятельства военного времени, – осклабился он. – И вообще, в каких таких чужих? Я так понимаю, эти вещи украдены у нашей армии. Уж явно не у фидорской, откуда у них натовские пайки...

– Сейчас они принадлежат контрабандистам, без чьей помощи мы не переберемся на тот берег. Думаешь, они будут в восторге, что ты разоряешь их припасы?

– Ну... думаю, мы сможем это уладить.

– Так, как с теткой Аней?

– Нет, – буркнул он и сердито добавил: – Не хочешь – можешь не есть. И лекарства не принимать, и помереть тут во славу своих принципов. А лично я не намерен.

– Ладно, – проворчала Елка, – тащи сюда свою добычу. Один дневной рацион мы

съедим, и хватит. Он рассчитан на солдат, ведущих активные боевые действия, а не прохлаждающихся на койках... Но больше здесь никуда не лазай и ничего не трогай!

– Ладно, как скажешь, – согласился он; в конце концов, ссориться без нужды с хозяевами этого места и впрямь не стоило – это серьезные мужики, и вполне возможно – не безоружные. – Ты как, получше?

– Может быть... сейчас вот еще лекарство выпью... – она подняла с пола аптечку. – Ну давай уже, неси свой завтрак в постель, раз обещал...

Ела она, впрочем, без аппетита, явно заставляя себя – в то время как Игорю, наоборот, приходилось сдерживаться, он бы охотно сожрал и два дневных рациона. Потом Елка снова обессиленно откинулась назад и заснула, а он поднялся по лестнице и осторожно приподнял тяжелые от напАдавшего снега дверцы люка. Ничего приятного снаружи он не увидел – мела метель, по небу ползли низкие тучи, день уже, видимо, перевалил за середину. Он не стал выбираться наверх даже для того, чтобы справить нужду – для этой цели вполне годилось пластмассовое ведро с крышкой, благо их в подвале, как и пластиковых кресел, обнаружилась целая колонна. Не зная, чем еще заняться, он забавы ради установил и раскрыл над шезлонгом большой цветастый пляжный зонт – "курорт так курорт!", а затем вновь улегся, решив следовать все тому же мудрому солдатскому правилу "есть возможность поспать – спи, неизвестно, когда удастся сделать это в следующий раз".

Елка снова проснулась под вечер – насколько можно было судить о времени суток в подземелье – и на этот раз и в самом деле чувствовала себя лучше. Температура спАла, пусть и пока еще не до нормальной, появился аппетит.

– Завтра уже буду в порядке, – безапелляционно объявила она и тут же закашлялась.

– Я уж слышу, – откликнулся со своего шезлонга Игорь. – По-хорошему, тебе неделю лежать надо.

– По-хорошему, мне надо жить целой и невредимой на моем целом и невредимом хуторе с живой и здоровой мамой. Или учиться в университете, а с ней по телефону болтать. Только кто ж мне это даст?

– Ну, по крайней мере полежать тебе еще дадут. В такую погоду даже контрабандисты по домам сидят. Так что мы тут еще как минимум на сутки застряли, а может, и больше.

– Ты так говоришь, как будто тебя это радует.

– Да просто тебе сейчас лучше лежать под одеялом, чем переправляться под ледяным ветром через ночную реку, и куда там еще потом дальше идти... А меня... ну, с одной стороны... какой солдат откажется вместо боевых действий лежать в шезлонгах с девушкой под пляжным зонтиком, – усмехнулся он. – А с другой, честно говоря, слегка нервирует, что мы тут застряли буквально в одном шаге от цели. Не то, что надо ждать – ждать я умею – а именно что неопределенная задержка возникает в самый последний момент. У меня такие вещи вызывают, если хочешь, дурное предчувствие. Как в кино, где злодей настигает героя прямо перед титрами. Все-таки мы все еще на вражеской территории. Не хотелось бы, чтобы Дракула с поисковым отрядом нагрянул сюда как раз тогда, когда мы уже почти считаем себя в безопасности.

– Не нагрянет.

– Откуда ты знаешь? Во всяком случае, – вновь усмехнулся он, – в кино бы именно так и произошло.

– Это не кино. Это жизнь.

– В жизни бывают такие совпадения, каких ни один сценарист бы себе не позволил.

– Наши следы давно замело. Про это место фидоры не знают...

– Да, разумеется. Поэтому я и остаюсь здесь, а не беру тебя в охапку и не бегу куда угодно прочь отсюда. По логике, это идеальное убежище, даже со всеми необходимыми припасами. Но...

– Опять твоя интуиция?

– Если угодно.

– А ты поверь ради разнообразия моей.

– Постараюсь, – улыбнулся он.

Все же он полночи, уже погасив лампу, лежал и прислушивался, не идут ли контрабандисты... или еще кто. Но снаружи лишь по-прежнему свистел ветер. Не было даже очередной канонады. В конце концов он все же задремал, хотя ему и казалось, что накануне он выспался на два дня вперед.

Разбудил его мочевой пузырь. Игорь машинально потянулся за зажигалкой и тут понял, что в подвале есть свет, идущий откуда-то сверху. Повернув голову, он не увидел рядом девушки.

– Елка! – негромко окликнул он.

В ответ ему наверху лязгнул металл, и сразу стало темнее, но не до абсолютного мрака. Елка с зажженной лампой в руке спускалась вниз по лестнице.

– Ты вылезала наверх? – понял он. – Не стоит тебе пока...

– Только выглянула. И мне уже реально лучше, правда.

– И что там?

– Солнце. Ясное небо. Метель кончилась. Думаю, сегодня мы переправимся.

– Ну хорошо... – он все-таки отправился в дальний угол подвала к ведру. Когда он вернулся, девушка стояла, прислонившись спиной к одной из колонн и сунув руки в карманы. Как видно, ей чертовски надоело лежать.

– Завтракать будем? – энергично осведомился Игорь.

– Лично я уже.

– Ну, значит, придется мне есть в одиночестве, – притворно вздохнул он.

– Погоди, есть нечто более важное. Мне тут пришла в голову одна мысль... ну, по поводу нашего вчерашнего разговора насчет интуиции...

– Да? – он сразу же забыл о еде, решив, что девушка заметила снаружи что-то тревожное.

– Я в общем-то не верю в предчувствия, но... эта переправа действительно может быть опасной. С ясного неба будет светить луна, какой-нибудь чересчур бдительный придурок может и пальнуть... и вообще, мало ли что может случиться... Пока что об операции, которую готовил Дракула, знаем только ты и я. Причем я не смогу даже ничем подтвердить, что ты мне это говорил. Будет лучше, если появится официальный документ. Если ты напишешь рапорт по всей форме. Тогда контрабандисты передадут его нашим, даже если с нами самими что-то случится.

– Да, – тут же согласился он, – это здравая мысль. Только как писать? Здесь найдется ручка и бумага?

– У меня найдется, – она вынула руки из карманов, протягивая ему ручку и блокнот с какими-то веселенькими цветочками на обложке. – Это я взяла в комнате дочери тетки Ани... уже после того, как...

– Ясно, – буркнул он, беря письменные принадлежности. Открыв блокнот, Игорь пристроил его на коленке.

– Сейчас я тебе стол принесу, чтоб удобней было, – Елка быстро сходила за шахматным столиком и поставила его возле шезлонга. – Значит, пиши:

"Командованию Республиканской армии

Правительству Республики

Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе

и всем, кого это может касаться" – это стандартная международная формулировка –

"Рапорт"

Ну и дальше то, что ты мне рассказал. Только то, что знаешь наверняка, предположений не нужно.

Он принялся писать. Елка стояла рядом, глядя, как его ручка быстро и уверенно скользит по бумаге. Процесс не занял много времени – всего лишь один абзац... абзац, который будет иметь эффект разорвавшейся бомбы...

– Дописал? Число, подпись, – быстро произнесла Елка. – Двадцать третье ноября сегодня

Он поставил число и на автомате, совершенно не задумываясь, вывел знакомую с юности закорючку.

И только тут понял, что именно он написал.

Дело было даже не в фамилии, которая всплыла в памяти следом за подписью – мало ли на свете совпадающих фамилий. Дело было во всем тексте. Тексте, находившемся у него прямо перед глазами. Тексте, написанном его рукой.

Кириллицей.

Он всегда отличался хорошей реакцией. Но на сей раз потрясение было слишком велико. Девушка успела выхватить блокнот за мгновение до того, как он сжал пальцы.

Он вскочил, глядя на нее полубезумным взором. Она спокойно отступила на шаг и сунула блокнот в карман. Ее губы искривила холодная улыбка:

– Теперь ты, наконец, все вспомнил, Влад?

Он бросился к ней, отшвырнув столик. И немедленно получил сокрушительный удар сапогом точно в сломанные ребра. Адская боль пронзила его подобно электрическому разряду, парализующему мышцы. Он рухнул на пол, не в силах даже дышать.

И все же недаром его способность выживать в любых ситуациях вошла в легенды. Несмотря на импульсы жуткой боли, он трижды перекатился, откатываясь в сторону, пока не ударился спиной о бетонную колонну. Но расстояние было уже достаточным, чтобы руки успели выхватить из кобуры пистолет прежде, чем она сумеет ему помешать...

Но она даже не пыталась. Просто медленно, чуть ли не лениво шагнула к нему, презрительно усмехаясь, когда он вскинул оружие и нажал на спуск.

Глухой щелчок. Он дернул затвор, выбрасывая патрон, и попытался выстрелить снова. Щелк. Щелк.

– Пистолет без бойка обычно не стреляет, Влад, – поведала она, подходя вплотную. Он попытался закрыться скованными руками, но не сумел. На сей раз удар сапогом пришелся в скулу, и свет померк.

Он пришел в себя быстро, наверное, всего через пару минут. Но за это время его положение изменилось необратимо. Теперь он сидел, упираясь спиной в колонну, с руками, скованными позади нее. Его ноги были растянуты в стороны и привязаны к двум другим колоннам из соседнего ряда длинными и прочными альпинистскими веревками. Дышать было больно – на сей раз, похоже, его ребра были буквально раздроблены. Вся его одежда пока еще оставалась на нем, но это, разумеется, ничего не значило. Девушка сидела перед ним в пластиковом кресле, поставленном между его раздвинутыми ногами, и задумчиво поигрывала пистолетом.

– Ты в самом деле думал, что я дам тебе пригодное к стрельбе оружие? – издевательски осведомилась она, заметив, что он очнулся. – Пистолет был нужен только для того, чтобы усыпить твою бдительность. Чтобы ты не заподозрил, что я не освобождаю тебя от наручников не потому, что не могу, а потому, что не хочу. На самом деле, разумеется, ключ все время был в моем кармане. С того самого момента, как я вытащила его из кармана мертвого насильника, чтобы снять эти самые наручники со своих собственных запястий... Мне повезло, что у этого ублюдка оказался "хай-поинт" – пистолет, который я, прихватив парочку инструментов из цеха, смогла быстро разобрать в лесу на холме и извлечь боек, а вот ты без инструмента не мог это проверить. С большинством моделей такой финт бы не прошел... Ну же, Влад, скажи уже что-нибудь. Времени у нас впереди много – гораздо больше, чем тебе бы хотелось – так что я, пожалуй, даже готова ответить на твои вопросы. Просто чтобы дать тебе лишний раз

почувствовать, какой ты идиот.

– Семнадцатилетняя девочка с хутора, – пробормотал он; говорить было еще больнее, чем дышать. – Искавшая козу. Я с самого начала чувствовал, что ты врешь... – он имел в виду – тогда, когда его люди поймали ее возле завода.

– Ну зачем такие грубые слова? На самом деле практически все, что я рассказывала о себе – правда. Про мой хутор, в частности, и про мою маму, которую вы убили. Только это было не здесь, а примерно на полсотни километров дальше. И пацаны действительно зовут меня Елкой. Только не одноклассники, а побратимы. Я – боец добровольческого батальона "Кречет". Позывной – Елка, специализация – военная разведка. И мой возраст.... когда я записывалась в батальон, то соврала, приписала себе два лишних года, иначе бы не взяли. А вот тебе сказала чистую правду. Между прочим, – усмехнулась она, – даже когда пообещала тебе, что не буду записываться в армию. Мне нет нужды это делать – я это *уже* сделала. Но искала я, конечно, не козу. А козлов. Наше командование знало, что ваша банда где-то в этом районе. И что раз Дракула выдвинулся и передвигается по своей же территории скрытно – значит, он планирует нечто очень-очень скверное. Хуже, чем все, что он натворил прежде. И наши правильно просчитали, что у разведчика-мужчины нет шансов. Что вы грохнете любого, кто сумеет подобраться к вам достаточно близко, даже если он будет выглядеть, как самый безобидный деревенский дедок – просто на всякий случай. А вот у глупой хуторской девчонки шанс был. Что ее, по крайней мере... если и убьют, то не сразу. И она успеет отправить сигнал.

– Мы не нашли у тебя никакого передатчика.

– Ну естественно. Я его проглотила, как только вас заметила. Небольшой такой шарик, активирующийся, когда желудочный сок разъедает блокирующую мембрану. Посылает короткие импульсы на разных частотах, если не знать, что именно искать – не заметишь, даже сидя рядом с приемником. На самом деле, – помрачнела Елка, – я, конечно, не подписывалась на то, что вы со мной сделали. То есть, когда я соглашалась на задание, я, конечно, понимала, *что* может быть, если я попаду к вам в руки. Особенно зная репутацию вашей банды. Но я, блин, думала, что я самая ловкая. Что мне удастся выведать, где вы засели, послать сигнал и благополучно ускользнуть. Не получилось. Наши, очевидно, более реалистично смотрели на вещи и сразу закладывались именно на такой сценарий. Теперь я это понимаю.

Теперь он хорошо помнил ее лицо... тогда. Как она стонала и кусала губы под ним. Не от страсти, разумеется – от боли. Но она так ни в чем и не призналась, даже когда он пустил в ход паяльник. Все твердила про свою дурацкую козу...

– Они послали тебя не просто на... групповуху, – сказал он вслух. – Они послали тебя на верную смерть. Это ты понимаешь?! Авиаудар наводился по сигналу твоего маяка. Можно сказать, что они били именно по тебе, надеясь заодно накрыть и нас. То, что ты выжила – чистая случайность.

– Нет, они дали мне шанс на эвакуацию, – возразила Елка. – Я все недоумевала – почему же так долго, почему они все не прилетают? Самые долгие сутки в моей жизни... я уже действительно была согласна, чтобы меня грохнули, лишь бы вместе со всеми вами... А они, видимо, ждали, что сигнал сместится. Что будет означать, что я сбежала, или что меня, может быть, натешившись, отпустили. Ну а потом решили, что больше ждать не могут. Что я уже, возможно, мертва, а банда может в любой момент перебазироваться в другое место, и надо бить, пока не поздно... А ты действительно вышел в другое помещение за минуту до атаки, как чувствовал. И все-таки в итоге твоя хваленая интуиция тебя подвела.

– Значит, на самом деле все мои травмы...

– Тебя и в самом деле неплохо приложило взрывом, точнее, выбитой взрывом дверью. Но кое-что я, конечно, добавила от себя. Но сумела вовремя остановиться – хотя это было чертовски трудно, можешь мне поверить. Но я сказала себе, что нет никакого смысла пинать твое бесчувственное тело. К тому же разгорался пожар, и надо было уносить ноги. Можно было

просто бросить тебя гореть, но ты мог так и не очнуться, а я бы лишилась удовольствия посмотреть на процесс. На самом деле, если тебя это утешит, сначала я хотела закончить все быстро... ну, относительно. Прямо там, на холме над городом. Но когда я убедилась, что ты не прикидываешься, что ты действительно потерял память... это, конечно, лишало возмездие смысла. Ты должен был вспомнить, кто ты и за что тебе это все. А это оказалось не так быстро. Какой-нибудь доктор, наверное, написал бы статью, как твое подсознание прятало от тебя опасную правду... Так что пришлось водить тебя туда-сюда по всей округе, пока ты не вспомнишь.

– Туда-сюда, значит... недаром маршрут показался мне странным...

– Разумеется, – кивнула Елка. – Если бы моей целью было просто довести тебя до наших позиций, это можно было сделать за день... ну, за полтора. Территория тут, конечно, все равно вражеская, и осторожность была нужна, блокпосты и патрули обходить – но специально тебя никто не искал. Никто – ни ваши, ни наши – не знал, что ты выжил. Кроме меня, конечно.

– Тогда кто же нас преследовал? Я же сам их видел...

– Это... была моя ошибка, – нехотя призналась Елка. – Знаешь, что было самым трудным, когда вы меня мучили? Не обделаться. Знаешь, как это трудно при адской боли? Конечно, знаешь – я ведь далеко не первая, кого ты пытал. Но пока это твое знание, так сказать, теоретическое. *Пока*, – повторила она со значением. – Вряд ли, конечно, вы бы стали внимательно рассматривать мое дерьмо... но все-таки была вероятность, что кто-то заметит шарик. Этого я никак не могла допустить. Ну а потом, когда все уже кончилось... веришь ли, я совершенно забыла про этот передатчик. Как отрезало. Я даже не думала, что он все еще работает! Иначе я бы избавилась от него еще там, в развалинах завода. А не терпела уже на автомате, пока не втащила тебя на холм. Только там я поняла, что могу, наконец... расслабиться. Так что этот вертолет и эти парни... они прилетали за мной. Чтобы эвакуировать меня оттуда. Поняли по сигналу маяка, что я все еще жива и выбралась с завода. Но нашли на холме вместо меня... сам понимаешь, что. Ну и сделали, очевидно, вывод, что раз я их не дождалась, значит, я по-прежнему в плену. Что кто-то из ваших спасся и увел меня с собой. Как я понимаю, они не думали, что это ты – информация о твоей гибели уже должна была распространиться по фидорским каналам, и опровержений так и не последовало. Думали, наверное, что это какой-нибудь рядовой боевик, который решил под шумок дезертировать, воспользовавшись гибелью группы, и заодно прихватить себе... секс-рабыню. Такое вполне в вашем фидорском духе.

– То есть тебе даже не нужно было добираться до своих? Ты могла спокойно дождаться их и сдать им меня? Зачем же ты от них бегала, зная, что это свои?

– Что, в самом деле не понимаешь? – осклабилась Елка. – Они бы не позволили мне сделать с тобой то, что ты заслуживаешь. Мы же, типа, цивилизованные европейцы. Мы не пытаем и не убиваем пленных, кем бы они ни были. Ну то есть и у нас тоже не все такие законники... особенно у кого имеется кое-какой личный опыт... но я просто знаю того парня, который возглавлял поисково-спасательную группу. Я недаром ходила на него посмотреть. Он – как раз такой вот... рыцарь без страха и упрека. Что особенно смешно, учитывая, что он... пытался ко мне подкатывать. Небось, и в миссию-то эту напросился именно поэтому. Лично возглавить мое спасение. И все равно – принципы ему дороже всего. "Прости, Елочка, я понимаю, что ты пережила и что ты сейчас чувствуешь, но мы не должны уподобляться им. Дракулу будет судить суд..." – прям так и слышу, как бы он это сказал. Понимает он, ага. Ну, конечно, морду бы тебе набили, не без этого. Но и только. А это меня никак не могло удовлетворить.

– И ты стреляла по ним. Ради своей мести ты стреляла по своим...

– Я стреляла поверх голов, – покачала головой Елка. – И они тоже. Только они боялись попасть не в тебя, а в меня. А вот как ты взорвал своего Хряка, меня действительно позабавило. Хотя и пришлось тебе помочь. Он был не из твоей банды, но знал тебя в лицо – ты же у фидоров

в героях числишься, это только тетка Аня на своем хуторе была не в курсе... – и он чуть было не выболтал все раньше времени. Кстати – он действительно стал первым, кого я убила своими руками. До этого моя роль ограничивалась сбором информации. Хотя я, конечно, много тренировалась с тех пор, как вступила в батальон, а без оружия – и до того. И резала скотину на хуторе...

– А автомат зачем бросила, раз ты такая крутая? Настоящий боец никогда бы...

– Я его не внизу, разумеется, бросила, не такая уж я дура. А наверху, когда Хряка заметила. Подумала, сейчас у нас второй трофейный "калаш" будет, и тогда ты себе первый затребуешь, а это непорядок. Ну, тут промашка вышла, признаю – не возвращаться же потом было, когда уже шухер поднялся...

– А насчет контрабандистов тоже все вранье?

– Тоже все правда, – мягко возразила Елка. – Если ты имеешь в виду моего бывшего одноклассника, который помогал мне и моей маме. И шансов стать моим... более близким другом у него действительно столько же, сколько у тебя. Потому что ваши застрелили его во время очередного рейда. Но к этому вот подвалу контрабандисты действительно отношения не имеют. Его используют наши разведгруппы. И ни на какой такой надувной лодке я тебя под покровом ночи везти не собиралась. В этом нет необходимости. Это уже фактически наша территория. Формально да, "линия размежевания", которую навязали нам западники с их "мирными соглашениями", проходит по реке. Но... из траншей ты просто не видел, какую форму имеет здесь берег. Как буква Ω... если ты, конечно, имеешь представление о греческих буквах, – осклабилась Елка. – Фактически это полуостров, который простреливается с другого берега весь целиком, особенно узкое место в основании "омеги" – у наших там пристрелян каждый метр. Поэтому фидоры не рискуют сюда соваться. Поставили мины и этим ограничились. Ну а наши эти мины не трогают – зачем провоцировать фидоров ставить новые? – просто знают проход, и все. Так что я в любой момент могу запросить эвакуацию прямо отсюда. Здесь нет электричества, но есть полевой телефон. Провод идет по дну реки на ту сторону. Что я и сделаю, когда мы тут с тобой закончим. Но это будет еще... – девушка вдруг поморщилась и снова закашлялась. Справившись, наконец, с приступом кашля, она выпила воды из стоявшей на полу бутылки и проглотила очередную таблетку. – Блин, – проворчала она, массируя горло, – вредно мне пока еще много разговаривать... Эта чертова болезнь чуть не спутала мне все карты. Если бы к тебе вернулась память, пока я была совсем полудохлая... или если бы я начала бредить, а ты бы догадался, что это не совсем бред... Но, кажется, все обошлось. Я, конечно, и сейчас еще не совсем здорова, но сил воздать тебе по заслугам мне хватит. В этом можешь не сомневаться, – она широко улыбнулась.

– Я спас тебе жизнь, – глухо произнес он. – И не один раз. По меньшей мере дважды – с риском для собственной. С гранатой и с патрулем, которому ты чуть не вывалилась прямо под гусеницы.

– Ага, ага. Как и тот из твоих насильников, которого убило прямо на мне. Мне стоит послать его семье благодарственную открытку, как ты думаешь?

– Это вышло случайно... а я действительно хотел...

– О да! Я прекрасно помню, что ты хотел. Ты даже оставил на мне надпись, чтобы я не забывала.

– Я имею в виду... потом...

– Да, да. Когда ты считал, что я – своя. Видишь ли, Влад, в этом и состоит принципиальная разница между нами. Ты считаешь, что своих женщин надо защищать, а вот с чужими можно и даже нужно делать все, что угодно. Чтоб "знали свое место". А вот я бы никогда не позволила изнасиловать девушку, на чьей бы стороне та ни была. Даже фидорскую снайпершу. Убить – убила бы без колебаний, но насиловать не дала бы никому. Даже если бы из-за этого мне пришлось поднять оружие на своего побратима. Впрочем, такой субъект

перестал бы быть моим побратимом. Для меня свои – это те, кто поступают правильно. А для тебя правильно – это то, что делают свои. Какую бы гнусность они ни творили. Как ты там говорил – неважно, какие аргументы приводит враг, важно, что он враг? Вот ты сейчас и получишь согласно собственной вере. Это называется консенсус, Влад – то, что с тобой будет происходить, справедливо и согласно моим принципам, и согласно твоим.

– Елка, – пробормотал он, сознавая, насколько она серьезна, и чувствуя ужас, какого никогда не испытывал в бою, – я понимаю, насколько я виноват перед тобой... и не только... но... мне так жаль...

– Ни хрена тебе не жаль, – отрезала девушка, мигом отбросив притворно-благодушный тон. – Ты просто дрожишь за свою шкуру, и правильно делаешь, только это тебе не поможет. Да, кстати. Все, что я тебе рассказала о моей семье – тоже правда. Моего старшего брата действительно зовут Игорь. И я всю жизнь ненавидела этого подонка, – она сделала паузу, наслаждаясь страхом в его глазах, а затем продолжила: – Он родился с каким-то там дефектом в сердце. И родители все детство прыгали вокруг него на задних лапках – ах-ах, нельзя огорчать бедного больного мальчика, от сильного потрясения он может умереть в любую минуту! Ни хрена он не умер. Со временем этот дефект совершенно компенсировался. Вырос здоровый лось, уверенный, что ему можно все, а особенно – издеваться над теми, кто не может ответить ему тем же. Он был кошмаром моего детства. Щипки, подножки, дерганье за волосы.. я одно время стриглась чуть ли не налысо, чтобы ему не за что было ухватиться, а потом, наоборот, снова отпустила длинные из принципа. Но физическая боль – это было еще полбеды, тут он все-таки вынужден был сдерживаться, и к тому же он быстро понял, что это не самый верный способ довести меня до слез. Поэтому он ломал мои любимые игрушки, рубил головы моим куклам, рвал рисунки, рушил песочные замки и снежные крепости, которые я строила. А родители его в лучшем случае мягко журили, и то лишь тогда, когда доказательства его вины были бесспорны. Это из-за него я приобрела привычку убегать на целый день в лес... и учиться драться я тоже стала из-за него. В конце концов он от меня все-таки отстал. После того, как я расквасила ему нос и предупредила, что я теперь очень хорошо разбираюсь в ядовитых грибах и ягодах, и если он еще раз тронет меня или мои вещи... Не знаю, насколько он мне поверил, но у него уже была компания такой же шпаны, и он проводил все больше времени с ними. Когда ему было 14, они избили до полусмерти какого-то маленького мальчишку. Был суд, Игорь загремел в колонию для несовершеннолетних. А вскоре после того, как вышел – по новому делу на взрослую зону. Когда война началась, ему полгода сидеть оставалось. Тогда, когда ваша фидорская орда на нас ломанулась, дела на фронте поначалу были совсем хреновые, у нас и армии по сути еще не было – ну и старались набрать добровольцев, где только можно. И была негласная установка – удовлетворять прошения на условно-досрочное всем, кто напишет заявление в армию. Вот так он и ушел воевать. Очень надеюсь, что его где-нибудь грохнули, или еще грохнут. Не хотелось бы, чтобы он потом вернулся ветераном Войны за независимость и дискредитировал настоящих героев... Так вот это я к тому, что на обоих своих судах он тоже все блеял, как он виноват и как ему жаль. Как только его взяли за задницу, да. Какая чушь вообще! Жаль человеку может быть, если он сделал что-то нечаянно. Скажем, на ногу наступил. Иногда можно даже нечаянно убить, да. Но нечаянно избить, нечаянно изнасиловать, нечаянно пытать невозможно. Когда такой тип говорит, что ему жаль – он жалеет не жертву, а себя, жалеет, что попался и будет наказан, и тем самым только усугубляет свою вину, – она снова закашлялась и глотнула воды. – Ладно, кажется, и в самом деле хватит разговоров. К сожалению, у меня нет паяльника, а тут нет электричества. Но ножом... – она приподняла куртку и вытащила уже знакомый ему десантный нож (не его ли собственный?), тускло блеснувший в свете керосиновой лампы, – тоже можно сделать много затейливых вещей, знаешь ли.

Он знал. Он хорошо знал это с девяти лет. С того самого дня, когда отрезал ножом

голову живому щенку, просто чтобы убедиться, что у него хватит на это духу...

Девушка встала и шагнула к нему с ножом в руке, затем присела между его раздвинутыми ногами и разрезала брюки вместе с исподним у него в паху. Лезвие не повредило плоть, хотя он ощутил ледяное касание ножа и подумал, что сейчас обмочится. Но тут, словно передумав, Елка выпрямилась и направилась в сторону, скрывшись за пределами поля его зрения. Он не знал, что она там делает или готовится сделать, и это заставляло его обливаться холодным потом. Наконец она вернулась – в ее левой руке была аптечка.

– Видишь, как тут у нас все удачно подобралось, – заметила она, кладя аптечку на пол. – Средства первой помощи. И мои познания в области биологии – это не только пестики и тычинки, как ты мог подумать... Так что я не дам тебе раньше времени истечь кровью. На это можешь не надеяться.

– Я нужен вам живым! – крикнул он. – Я могу дать показания!

– У меня уже есть твои показания, – улыбнулась Елка, похлопав по карману, где лежал блокнот.

– Не только по этой операции! По другим тоже! Я теперь все вспомнил, я многое могу рассказать... – его голос сорвался на позорный визг.

Девушка улыбнулась еще шире и поднесла острие ножа к его глазу.

– Язык я тебе оставлю, – пообещала она.

2018

Примечание автора. На идею этой повести меня навели перефразированные строки из песни Б.Гребенщикова "Мертвые матросы не спят":
Знать бы загодя, что уготовано мне впереди,
Я бы вырезал свое имя у тебя на груди
(в оригинале – наоборот).
Эпиграфом к повести могла бы также служить "Баллада о ненависти" В.Высоцкого без двух последних строчек.
Также в процессе написания я понял, что эта повесть – ремейк "Альпийской баллады" В.Быкова, хотя изначально такая цель не ставилась.

Для любителей оружия: разборка фигурирующего в повести пистолета Hi Point C9